

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин

В.Г.КОКОУЛИН

**БЕЛАЯ СИБИРЬ:
БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРУПП
(ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)**

НОВОСИБИРСК
2017

УДК 947.084.5(571)

Кокоулин В.Г.

Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). – Новосибирск, 2017. 528 с.

В книге на основе документальных материалов исследуются закономерности политической борьбы в Сибири после прихода к власти адмирала А.В.Колчака; анализируется стратегия и тактика политических партий и групп в регионе, выявляются причины поражения белого движения и источники победы Советской власти.

Книга рассчитана на тех, кто интересуется историей революций и Гражданской войны в Сибири.

Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта
“История Сибири: XX век ”

Рекомендовано к печати учёным советом
Новосибирского высшего военного командного училища
протокол № 14 от 30 июня 2017 г.

Ответственный редактор
д-р ист. наук М.В.Шиловский

Рецензенты:
д-р ист. наук С.Н.Полторак
д-р ист. наук А.В.Добровольский
д-р воен. наук Н.В.Карпиленя

ISBN

© НВВКУ, 2017

Научное издание

В.Г.КОКОУЛИН

**БЕЛАЯ СИБИРЬ:
БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРУПП
(ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)**

Редактор
Г.В.Кокоулин

Подписано в печать 3.07.2017 г. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 32,97.
Заказ 6405. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ЗАО ИПП “Офсет”
630117, Новосибирск, ул. Арбузова, 4а
Тел./факс: (383) 332-82-32. www.ipp-ofset.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осмысление политических процессов в колчаковский период Гражданской войны в Сибири началось в 1920-е гг. активным участием этих событий. Дневниковые записи и сочинения белогвардейцев и белоэмигрантов, таких как генерал А.П.Будберг, Г.К.Гинс, П.В.Вологодский, В.Н.Пепеляев, С.П.Мельгунов и др., безусловно, обладают определённым информационным потенциалом, многие из них в силу своей должности были хорошо информированы о внутренних процессах и интригах в колчаковском правительстве. В зависимости от наблюдательности и литературных талантов они замечали и связывали между собой мелкие подробности из повседневной деятельности режима и давали меткие характеристики политикам, партийным руководителям и чиновникам. Однако этим и ограничивались. Никто из них не пытался анализировать социально-политические процессы, а объяснения поражению белых они искали в ошибочных действиях главных или второстепенных фигур.

Вот перед нами регулярные дневниковые записи управляющего военным министерством в правительстве А.В.Колчака генерал-лейтенанта А.П.Будберга [1]. Изю дня в день в своих записях он повторяет одну мысль: если бы колчаковское правительство было бы устроено на более разумных основаниях, а сам верховный правитель действовал бы более рационально, то не произошло бы крушения колчаковского режима в Сибири. Так, прибыв 29 апреля в Омск, автор дневника отмечает, что в ставке “старшие должности заняты молодёжью, очень старательной, но не имеющих ни профессиональных знаний, ни служебного опыта, но зато очень гоноровой и обидчивой. На один такт верный приходится девять неверных и поспешных” [2]. 2 мая отмечается: “Вернулся с фронта начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Лебедев, выдвинутый ноябрьским переворотом на эту исключительно важную должность. Что побудило адмирала взять себе в помощники этого случайного юнца, без всякого стажа и опыта?” [3]. А вот характеристика военного руководства: “Всё горе в том, что у нас нет ни настоящего

главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддаётся советам и уговорам; Лебедев безграмотный в военном деле и практически случайный выскочка; во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьёзным боевым и штабным опытом; всё это заменено молодой решительностью, легкомысленностью, поспешностью, незнанием войсковой жизни и боевой службы войск, презрением к противнику и бахвальством” [4]. При всём неприятии большевиков, автор дневника отмечает, что те побеждают, поскольку действуют более рационально и разумно. Так, 16 мая он записывает: “На наше горе красные оказались умнее нас; когда у них обозначилась невозможность сдержать наш стихийный порыв, они отдали нам Урал, ушли на Волгу, подтянули подготовленные резервы, наметили очень нехитрый и белыми нитками шитый план операции и тремя группами ударили по нашему растянутому фронту” [5]. 27 мая, критикуя белых генералов за незнание принципов работы железных дорог, отмечает: “Жалко, что раньше не начали учить наш командный состав; большевики учли это лучше нас, посадив всюду прикованных на цепочки спецов, восполняющих неграмотность старшего коммунистического начальства” [6]. В конце октября 1919 г. автор дневника из-за болезни отошёл от дел, но продолжал дневниковые записи, анализируя причины неудач колчаковского режима. Вот к каким выводам он пришёл: “Власть Омска – призрачный мираж; власть, как сам адмирал, лишена средних регистров; она или шало и безрезультатно гремит, или, вернее сказать, пытается греметь, или дрябло и робко закрывает глаза на творящееся зло, убогая в своём бессилии, импотентная заставить выполнить её волю и её приказ <...> Совет министров дал мне возможность познакомиться с размахом государственной деятельности нашей власти и её результатами. Та же дряблость, то же отсутствие определённой деловой программы и то же бессилие заставить выполнить свою волю <...> Когда власти надо было быть сильной, чтобы оградить население от насилий, то оно её не видело, и только напрасно зывало о заступничестве и покарании виновных; когда население хотело власти энергичной, распорядительной и заботливой, оно её не имело” [7].

В 1930 – 1931 гг. в Белграде выходит работа С.П.Мельгунова “Трагедия адмирала Колчака: Гражданская война на Волге, Урале и в Сибири” [8]. К несомненным положительным достоинствам этой книги относится анализ эмигрантской литературы и опубликован-

ных в СССР сборников документов по истории Гражданской войны, сопоставление мемуарных свидетельств белогвардейцев, эсеров, большевиков и иностранных авторов, попытка реконструкции ключевых событий правления Колчака.

Автор анализирует события, происходившие в Омске, в редких случаях – в Уфе и Екатеринбурге, к анализу происходящего в остальной Сибири он обращается только при освещении партизанского движения и деятельности Политцентра, но политическая борьба у него предстаёт как серия интриг. Он детально разбирает, когда, например, у Гайды созрел замысел переворота, однако смысл этого переворота он сводит к неудовлетворённому честолюбию Гайды и его обиде на Колчака, отстранившего Гайду от командования армии. Описывая восстание в Омске в декабре 1918 г., автор сосредоточивает внимание на моментах, носящих случайный характер.

С.П.Мельгунов стремится отделить личность Колчака от режима “колчаковщины”. Он не жалеет красок, чтобы показать “благородство” адмирала – то он, находясь в поезде между Красноярском и Иркутском, отказывается от того, чтобы спастись в одиночку, “предав” окружение – офицеров и солдат конвоя; то с него снимается ответственность за суровые меры в отношении партизан, перекладывая её на генералов Розанова и Артемьева, которым Колчак послал инструкцию, но при этом “рекомендовал” следующее: “Я считаю, что способ действия должен быть приблизительно таков” [9], а они восприняли инструкцию слишком буквально. Также снимается ответственность и за кровавое подавление рабочих выступлений – это, мол, атаманы перестарались, а во время выступления в Омске в декабре 1918 г. адмирал и вовсе был с температурой, и отвечать за подавление не может. Подобными примерами просто “усыпана” книга С.П.Мельгунова.

Интересна и попытка осмысления Гражданской войны как феномена. Философское осмысление также подчинено задачам если не оправдать сам колчаковский режим, то хотя бы причины его краха. Успеху большевиков, якобы, способствовало то, что они занимали центр страны, а белые правительства – окраины, поэтому последним пришлось создавать аппарат гражданской власти на пустом месте.

Таков один из лучших образцов эмигрантской литературы.

Параллельно с эмигрантской историографией развивалась советская историческая наука. Проблемы революции и Гражданской войны, естественно, были в центре её внимания. В Сибири, несмотря на недостаточность профессиональных исследователей, разработкой

этой темы занимались активные земские деятели из эсеровского лагеря вроде Е.Е.Колосова [10], командиры партизанских и красноармейских отрядов, деятели большевистского подполья и т.д. Большинство этих работ ценны фактическим материалом, которого не сохранили другие источники. Одно перечисление этих работ заняло бы не одну страницу, поэтому отсылаем читателей к интересной справочной работе А.Н.Турунова и В.Д.Вегмана [11] для более детального знакомства со всем спектром работ по истории Гражданской войны в Сибири. Для освещения особенностей советской историографии Гражданской войны в Сибири в этот исторический период возьмём три работы, в которых помимо описания исторических фактов представлен их анализ.

Так, осмыслению партизанского движения посвящена статья Н.Преображенского “Партизанское движение в Сибири (по материалам Сибистпарта)” [12]. Он критикует эсеровскую концепцию Е.Е.Колосова, отмечая следующее: “Правильно будет рассматривать партизанское движение, как выявленный протест главным образом крестьянства (а в партизанские отряды уходили и рабочие, и солдаты) против действий правительства (но не только колчаковского), причём этим протестом всячески пользовались как партийные группировки (для Сибири это была коммунистическая партия), так и военное командование Красной Армии” [13]. Далее автор анализирует специфику проявления борьбы за власть в Сибири и её отражение в деревне. Он отмечает, что сама борьба до деревни дошла не сразу. Затем характеризуется специфика сибирского крестьянства: “Сибирский крестьянин отличается некоторыми особенностями от крестьян других областей. Сибирь ведь не испытала прелестей крепостного права. Сибирь мало знает помещиков. Сибирь – страна с самым тонким прослоем пролетариата, так как в Сибири нет ещё серьёзной промышленности, кроме разве угольной” [14]. Автор утверждает, что партизанское движение зарождается не с приходом Колчака к власти, а значительно раньше, уже после падения Советской власти, правда, он не приводит никаких примеров. Далее он делает вывод: “Возникновение фронтов партизанского движения происходило вначале стихийно. Фронт появлялся там, где сильнее был нажим на крестьянство. Фронт создавался там, где легче было оказать сопротивление белогвардейщине. Активность выступления партизан была сильнее там, где тяжелее приходилось крестьянству и где скорее партизаны встречали поддержку либо из подполья, либо из Москвы” [15]. Автор рассказывает как происходило формирование и снабже-

ние партизанских отрядов, подчёркивая следующее: “Для партизан так называемое кулачество играло две прямо противоположные роли. Во-первых, довольно большой процент зажиточного крестьянства сам попадал в ряды партизан. Во-вторых, довольно зажиточные крестьяне сами укрывали партизан и особенно их вождей (например, по воспоминаниям И.Громова) и, наконец, часть кулачества, занимавшего явно непримиримую позицию к партизанам и подпольным работникам, выдававшая их совместно с попами и прежними полицейскими – объявлялась партизанами как бы вне закона. И вот имущество таких кулаков и попадало в виде снабжения партизанским отрядам” [16]. Отмечая дисциплину в партизанских рядах, он резко критикует Рогова и Новосёлова: “Партизан-сибиряк вовсе не похож на украинца-махновца, разве только выродки вроде роговцев и новосёловцев. В отрядах Мамонтова, Щетинкина, Громова, Яковенко, обычно царилла какая-то внутренняя спайка на почве общего дела борьбы с белогвардейщиной” [17]. Эти оценки стали доминирующими в советской историографии, за исключением стихийности партизанского движения.

В работе В.Д.Вегмана “Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири” [18] на доступном автору материале описаны городские восстания в Сибири, большевиков в подполье и партизанских отрядах. Автор поставил задачей показать роль большевиков в организации городских восстаний и партизанских отрядов. Причины поражения рабочих в период колчаковщины, по мнению автора, сводятся к нескольким факторам: перевесу колчаковских войск в городах Сибири, участию интервентов в подавлении восстаний, жестокие расправы с участниками восстания, несогласованность восстаний по разным городам между собой. И хотя сегодня оценки и выводы автора нуждаются в серьёзной корректировке, не будем забывать, что обращение к анализу этой проблемы выгодно отличало советскую историографию 1920-х гг. от эмигрантской публицистики.

Аграрная политика колчаковского режима анализируется в статье В.Аверьева “Аграрная политика колчаковщины” [19]. Статья начинается с описания политики Временного Сибирского правительства по аграрному вопросу, которая, по мнению автора, сводилась к тому, чтобы ликвидировать завоевания Советской власти в этой области. Причиной того, что эсеры фактически отказались от своей земельной политики, автор считает то, что во Временном Сибирском правительстве они фактически были устранены от власти.

При эсеровских правительствах разработкой аграрных проблем занимались бюрократические учреждения – земельный отдел министерства земледелия и колонизации Временного Сибирского правительства, а также земельные отделы при губернских и уездных земских управах, которые продолжили эту деятельность во время колчаковщины. Основной тенденцией в решении аграрного вопроса, по мнению автора статьи, было представление колчаковских законодателей о необходимости “смены дворянского землевладения частнособственническим крестьянским владением землёй” [20]. Эту тенденцию автор прослеживает в “Записке о направлении аграрной политики правительства”, декларации правительства 8 апреля 1919 г., в законе о посевах, законе об обращении во временное заведывание государства частновладельческих земель, захваченных крестьянами. Автор справедливо отмечает, что “проведение этих законов не означало ещё полного осуществления намеченной программы” [21]. Осуществлялся ряд конкретных мероприятий – “ограничительных” и “понудительных”, ведущих к тому, чтобы укреплялись кулацкие хозяйства за счёт парцелляции крупных земельных владений. Однако, как подчёркивает автор статьи, колчаковское правительство так и не решилось на понудительные меры к отношению помещичьих хозяйств.

Далее выявляются противоречия внутри сибирской контрреволюции, связанные с тем, что она была неоднородна, включала в себя разные группы – уральских промышленников, сибирских торговцев и помещиков Поволжья, у которых были разные интересы в аграрном вопросе. Колчаковское правительство пыталось найти такое решение, которое удовлетворяло бы все группы, в том числе и крестьянство. За образец была взята столыпинская политика с учётом новых требований, которые подправлялись на основе аграрной программы кадетов. Автор рассматривает и такую сложную с точки зрения обеспеченности источниками тему, как отношение иностранной интервенции к аграрной политике, и приходит к выводу, что интервенты выступали за то, чтобы пожертвовать частью интересов помещиков для победы над Советской Россией. В этом их стремления совпадали с намерениями колчаковского правительства.

Второй сюжет исследования посвящён особенностям крестьянской войны в Сибири. Отмечается, что Сибирь не знала помещичьего землевладения, а на классовые противоречия в сибирской деревне накладывались сложности взаимоотношений между “старожилами” и “новосёлами”, русским и коренным населением, крестьянством и

казачеством. Не удивительна борьба разных групп населения сибирской деревни между собой, тем более поразительна борьба всех этих групп “сплошной массой” против Колчака. Автор считает, что основным противоречием между сибирской деревней и колчаковским правительством было то, что сибиряки рассчитывали на то, чтобы сибирские земельные и лесные богатства служили им, а колчаковщина действовала в интересах российского помещика и российского промышленника. Более того, автор убедительно это показывает на примере основного направления колонизационной политики колчаковского правительства, оно всё же “проектировало насаждение в Сибири помещичьего строя” [22]. Сравнивая эту политику с царской политикой в отношении Сибири, автор отмечает, что “колчаковщина проводила эту политику в гораздо более грубой и вызывающей форме” [23]. Второй линией напряжения, сложившейся уже давно, было противоречие между сибирской деревней и городом, который выступал как скупщик сельскохозяйственных продуктов для вывоза на внешний рынок и поставщик промышленных товаров из-за границы, и крестьянство было не прочь пограбить “богатый” город, в котором практически отсутствовали родственные крестьянам социальные элементы. Особенно чётко эта тенденция обозначилась по отношению колчаковского правительства к кооперации, отражавшей интересы сибиряков в противовес крупному российскому капиталу. Из этого вытекали основные причины крестьянского движения, а колчаковские грабежи, насилия и бесчинства выступали в основном как повод к крестьянским выступлениям, способствовали их массовости. Автор справедливо отмечает, что в разных местностях эти факторы действовали в разной комбинации, сравнивая, например, Томскую и Енисейскую губернии.

Главный вопрос исследования: “Могло ли крестьянство победить колчаковщину?” получает отрицательный ответ, поскольку оно не могло рассчитывать ни на городской пролетариат в Сибири – его попросту почти не было, ни на кооперацию, которая сама нуждалась в поддержке. Лишь соединение с Красной Армией, т.е. только поддержка со стороны “пролетарской диктатуры в России”, могла дать победу сибирскому крестьянству [24].

К несомненным достоинствам статьи следует отнести богатый и разнообразный материал: бюрократические проекты, публикации сибирских газет, статистический материал, донесения и доклады колчаковских властей о положении в деревне и т.д. И хотя роль сибирской кооперации в событиях Гражданской войны по-прежнему

носит дискуссионный характер, сама постановка проблемы заслуживает серьёзного внимания.

Для советской историографии, начиная с 1930-х гг., характерно преобладание социологических и идеологических схем над историческим материалом, который призван лишь иллюстрировать те или иные положения теории классовой борьбы. И вместо сложной и порой противоречивой картины исторической реальности, всё укладывалось в определённую схему: рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков вели непрерывную борьбу против буржуазно-помещичьей контрреволюции, а меньшевики и эсеры вели соглашательскую политику с колчаковским правительством, предавая интересы социализма. Политические деятели представляли в виде олицетворения одной из этих линий, межличностные и внутриличностные противоречия оставались вне поля зрения исследования. В качестве доказательства или исходного тезиса служили те или иные цитаты из В.И.Ленина, иногда щедро рассыпанные по тексту статьи. Для последующей советской историографии также характерна узость источниковой базы, связанной с ограничением доступа к первоисточникам. Преобладало изучение отдельных сквозных проблем – рабочего, аграрного или национального вопроса, большевистского подполья или эсеровской “оппозиции”, партизанского движения. Хотя появлялись и работы, посвящённые колчаковскому режиму и его внутренней эволюции, но они были скорее исключением для этого периода историографии. Поскольку советская историография достаточно обширна и значительно превышает количество работ, написанных в 1920-е – начале 1930-е гг., остановимся на тех основных работах, которые подводили своеобразные итоги изучению тех или иных проблем.

Истории сибирского крестьянства в годы Гражданской войны посвятил свою работу “Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны” красноярский историк Ю.В.Журов [25]. Событиям периода белой власти посвящены четыре последние главы работы: “Классовая борьба в енисейской деревне конца 1918 – первой половины 1919 г.”, “Крестьянское движение в Енисейской губернии во второй половине 1919 г.”, “Социальный состав и социально-политические платформы енисейских партизан” и “Енисейское крестьянство в советско-партизанских районах”. Автор рассматривает основные партизанские районы Енисейской губернии, а также прилегающего Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Безусловным достоинством монографии является введение в научный оборот но-

вого массива документов, относящихся к деятельности партизанских армий и положению крестьянства в Енисейской губернии. Также несомненной заслугой автора является рассмотрение новых тем, связанных с историей партизанского движения – не углубляясь в описание боевых действий енисейских партизан, Ю.В.Журов обращает внимание на малоизученные сюжеты партизанского движения в этом регионе – участие разных категорий крестьян в партизанском движении, программные документы партизанских съездов, советское строительство в районах, занятых партизанами. Однако при рассмотрении всех этих проблем автор оказался заложником господствовавших в то время идеологических схем. Так, он пытается выявить большевистское подполье в каждом конкретном случае формирования партизанских отрядов; большевистский характер программных документов партизанских отрядов в губернии, приуменьшая роль эсеровских организаций и земского движения; утверждает, что крестьянство боролось за Советскую власть. При этом он признаёт, что не весь материал укладывается в эту схему. Так, характеризуя классовый состав партизанского движения, он отмечает, что туда втягивалось и кулачество, объясняя это тем, что, например, в Тасеевской республике, “антисоветские, явно контрреволюционные настроения верхов енисейской деревни рассеиваются одновременно с потерей их надежд на более или менее крупные буржуазно-демократические реформы со стороны Колчака” [26]. Также автор признаёт, что “население партизанских районов в абсолютном большинстве было крестьянским, рабочая прослойка была здесь очень незначительной” [27]; что крестьянские Советы в партизанских республиках носили общекрестьянский характер, а в их политике преобладали общедемократические задачи [28].

Последний вывод, достаточно смелый для советской историографии, получил подтверждение в работах многих современных историков, в том числе и автора предлагаемой читателю монографии.

Ю.В.Журов продолжил эту тему в следующей работе “Гражданская война в Сибирской деревне” [29]. Расширяя географические рамки исследования, автор рассматривает те же проблемы, что и в предыдущей монографии: политику Колчака в сибирской деревне, революционное подполье, крестьянские восстания, партизанское движение, повстанческие республики.

Что касается колчаковской политики, то ей даётся следующая характеристика: “В аграрно-крестьянской политике колчаковщины сочетались карательные и либерально-демагогические, кадетского

типа, воздействия на различные слои сельского населения. Эти два направления существовали одновременно и тесно переплетались друг с другом, но преобладающее значение, конечно, имело карательное начало, которое органически вытекало из классовой сущности колчаковщины, её целей, состава исполнительного аппарата и доступных, понятных и привычных этому аппарату форм и методов воздействия” [30]. Приведя конкретные примеры этой политики, автор делает основной вывод: “Аграрно-крестьянская политика колчаковщины с её реставраторско-кадетской сущностью, режимом террора, массовых истязаний и казней дали сибирским крестьянам больше в смысле их политического прозрения, чем десятилетия обычного мирного развития. Она убедила их в необходимости восстановления власти Советов” [31].

Выявляя особенности подполья в сибирской деревне, автор выделяет три группы в его составе: 1) наибольшая, до 80 %, всего подполья – формально беспартийные, но настроенные за Советскую власть крестьяне; 2) члены РКП(б) – организаторы и руководители подполья; 3) “незначительная по численности” – выходцы из мелкобуржуазных партий (левые эсеры, анархисты), боровшиеся за восстановление власти Советов [32]. Деревенское подполье отличалось от городского тем, что крестьяне были в большей степени на виду у односельчан, чем в городе, но в то же время отсутствовал постоянный карательно-сыскной аппарат. Автор приходит к следующему выводу: “Создание и деятельность сельского революционного подполья явились одним из главных итогов борьбы большевиков за деревенские массы трудящихся во второй половине 1918 г. В свою очередь подполье сыграло решающую роль в организации крестьянских восстаний в 1918 г., а затем – партизанского движения. Подполью принадлежит большая заслуга в повороте сибирского середняка от позиций нейтралитета к борьбе с контрреволюцией” [33].

В книге Ю.В.Журова очень много разнообразного фактического материала, но зачастую весь он подчинён определённой идеологической схеме. Так, описывая крестьянские восстания лета – осени 1918 г., автор отмечает: “Главным лозунгом восстания было восстановление Советов. Восстания готовились сельским революционным подпольем, но начинались они, как правило, внезапно и даже неожиданно для подпольщиков, чаще всего в качестве стихийных ответных действий на бесчинства контрреволюции. Эти восстания были своеобразным ответом на переход сибирской реакции к массовым репрессиям в самой жестокой, гнусной форме. Нельзя не отметить,

что подавление этих выступлений силами, главным образом, казацко-офицерских и добровольческих частей и подразделений, привели к усилению крайне правой военной камарильи, что способствовало установлению колчаковского режима” [34].

Вывод о начале поворота сибирского середняка в сторону Советов в конце 1918 г., сделанный в работах В.А.Кадейкина, М.Е.Плотниковой, Д.К.Шелестова, автор считает доказанным. “Одним из показателей поворота середняка в сторону Советов в конце 1918 г. было его участие (в качестве ведомого, а иногда даже и мобилизованного) в крестьянских восстаниях” [35]. В настоящее время можно считать установленным, что крестьянское движение летом – осенью 1918 г. носило стихийный характер, а лозунги его, в том числе и провозглашение Советов, не выходили за пределы мелкобуржуазных требований [36].

Автор разделяет партизанские отряды на две группы: с просоциалистическим характером (в Енисейской и Алтайской губерниях), и отдельные отряды (Рогова, Новосёлова, Плотникова и Лубкова), которые «по своей организации и духу не имели ничего общего не только с социалистическими, но и революционно-демократическими принципами военной организации, в них господствовали мелкобуржуазные, эсеро-анархического толка нравы и порядки “батьковщины”». Однако Ю.В.Журов признаёт, что “к сожалению, мелкобуржуазные элементы недисциплинированности, митинговщины, неподчинения приказу и т.п. имели место и в партизанских отрядах, соединениях и частях, в целом твёрдо стоявших на революционных, советских позициях” [37]. Здесь также видно влияние идеологических схем, поскольку мелкобуржуазный характер имело всё партизанское движение на Алтае, проявляясь в разных отрядах в разной степени – у Мамонтова и Рогова, во многом это зависело от ориентации самих командиров отрядов и конкретных условий их деятельности [38].

Политика колчаковского правительства по отношению к рабочим рассмотрена в статье Ю.В.Аксютина “Колчак и рабочий вопрос” [39]. Автор утверждает, что опыт Колчака общения с Севастопольским Советом и знакомство с политикой генерала Д.Л.Хорвата в Харбине заставляли Колчака «прислушиваться к мнению сторонников “приобщения рабочих к государственным интересам”, т.е. идейного разоружения и подчинения пролетариата интересам буржуазии и целям контрреволюции» [40]. В качестве доказательства он ссылается на назначение министром труда меньшевика Л.И.Шуми-

ловского, близость к Колчаку английского парламентария-лейбориста Уорда, сохранение профсоюзов и восьмичасового рабочего дня. Далее автор утверждает, что «огромное влияние на отход трудящихся Урала и Сибири сначала от меньшевиков и эсеров, а затем от Колчака оказала большевистская пропаганда, в которой разоблачались классовая сущность колчаковской диктатуры и подлинные цели её “рабочей” политики» [41] и “главную роль в разоблачении колчаковской политики в рабочем вопросе играло сопоставление слов колчаковских политических деятелей с их практическими делами” [42]. Со всеми эти утверждениями можно согласиться, однако надо иметь ввиду, что колчаковская политика в рабочем вопросе определялась не самим Колчаком, а была результатом сложной и противоречивой политической борьбы.

Башкирское национальное движение в период Гражданской войны освещено в монографии З.А.Аминова “Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917 – 1919 гг.)” [43]. Характерно название соответствующего параграфа: “Башкирские буржуазные националисты на службе у интервентов и белогвардейцев” в главе “Башкирия под властью интервентов, белогвардейцев и башкирских буржуазных националистов”. Автор формулирует концепцию о том, что деятели башкирского национального движения были сознательными сторонниками Колчака и противниками Советской власти, им не были присущи ни сомнения, ни иллюзии, ни колебания. Так, описывая освобождение Уфы весной 1919 г., автор отмечает: «Чтобы избежать полного банкротства и сохранить за собой маску защитников интересов башкирского народа, они (сторонники А.З.Валидова. – *В.К.*) решили “возглавить” переход башкирских войск на сторону Советской власти, рассчитывая при этом сохранить за собой руководящую роль в Башкирии и продолжить свою линию на создание буржуазно-националистического государства» [44]. В итоге получилась своеобразная чёрно-белая картина: вот пламенные сторонники, а вот непримиримые противники.

Национальный вопрос в Сибири в годы Гражданской войны рассмотрен в монографии В.А.Демидова “Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917 – 1923 гг.” [45]. Колчаковской и большевистской национальной политике посвящена глава “Военно-бюрократическая диктатура Колчака и борьба трудящихся Сибири за её ликвидацию” в разделе “Октябрь в Сибири и осуществление ленинской национальной политики в борьбе с контрреволюцией”. Националь-

ная политика вписывается автором в общий контекст социально-политической борьбы в Сибири в период “демократической контрреволюции” и колчаковщины. Автор отмечает, что эсеры и меньшевики, независимо от их побуждений, расчищали колчаковцам путь к власти. Установление военно-бюрократической диктатуры кадетско-монархическая реакция рассматривала как важнейший шаг к реставрации капиталистических порядков в России. Кадеты стали правительственной партией, причём связь кадетов и Колчака была не только в общности целей и задач, но и в одинаковом понимании средств и путей их осуществления. Лозунг Учредительного собрания был отброшен, Учредительное собрание объявлялось партийным сообществом, которое отрицало национальную идею. В социально-экономическом и в национальном вопросе политика колчаковского правительства не отличалась от периода “демократической контрреволюции”. Но она проводилась более дикими и зверскими методами. Всюду устанавливалось неограниченное господство женщины [46]. Колчаковское правительство стояло за неделимую, великодержавную в существовавших до войны границах буржуазно-помещичью Россию [47]. Признавалось лишь право наций на культурное самоопределение, но при сохранении первенствующего положения православной церкви, следовательно, лозунг культурного самоопределения был пропагандистским трюком, который “пускался в ход, когда дела колчаковцев на фронте складывались неблагоприятно” [48]. В.А.Демидов показывает наряду с общими чертами противоречия в лагере контрреволюции не только между мелкобуржуазными партиями и Колчаком, но и между деятелями национального движения и колчаковским правительством. Так, он пишет: “В системе колчаковской диктатуры буржуазно-националистические и феодально-клерикальные элементы выступали послушным орудием кадетско-монархической реакции, но их националистические интересы противоречили великодержавному курсу русской белогвардейщины. Вот почему колчаковцы не только осуществляли жёсткое давление на своих партнёров по контрреволюции, но и подвергали репрессиям отдельных деятелей”. А далее делает вывод, что “буржуазные националисты поддерживали кровавую диктатуру Колчака, так как видели в ней надёжное средство сохранения своего классового господства” [49], подтверждая этот тезис анализом деятельности Каракорума, Бурнардумы, мусульманского управления тюркотатар внутренней России и Сибири, Башкирского правительства и Алаш-Орды. В противоположность колчаковской политике больше-

вики проводили линию на укрепление связи между пролетариатом и крестьянской беднотой вне зависимости от национальной принадлежности, объединяя их против белогвардейцев и интервентов.

Истории эсеров в Сибири посвятила свою статью «Колчак и эсеровская “оппозиция”» М.Е.Плотникова [50]. Она поставила задачу показать степень влияния эсеров в крестьянском и партизанском движении в Сибири в годы Гражданской войны. Прежде всего автор отмечает, что между официально объявляемой партийной политикой и практической деятельностью эсеров существовала пропасть: они сотрудничали с крупной буржуазией, но постоянно заявляли о средней “чисто демократической” линии. Буржуазия смотрела на эсеровских крикунов как на “опасных” своей “социалистической” фразеологией, но необходимых на первых порах соучастников в борьбе против пролетарской революции. Анализируя деятельность эсеров в Сибири и распад эсеровской партии на различные группы в течение всего периода Гражданской войны в Сибири, М.Е.Плотникова приходит к выводу, что оппозиционность эсеров не ушла дальше идеи Земско-городского собора, а все усилия они сосредоточили на сохранении буржуазного строя любыми средствами. В соответствии с парадигмой советской историографии не делалась разница между субъективными намерениями партийных лидеров и объективными результатами их деятельности, а как показывают современные исследования, разрыв между этими двумя гранями может быть очень существенным.

Разработку темы позиций эсеров на новых материалах преимущественно Енисейской и Иркутской губерний предпринял В.И.Шишкин в двух статьях-близнецах “Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.)” [51] и “Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины” [52]. В статьях причудливо перемешаны идеологические штампы, вроде “пропагандистская уловка”, “красноярские соглашатели” или “пособничество эсеров монархистам”, и исторические факты, установленные автором, поэтому трудно выделить то новое, что автор вносит в разработку проблемы. Характерно, что он сам этого не осознавал, взявшись вместо анализа конкретного исторического материала опровергать тезис эсеровской пропаганды о том, что эсеры внесли решающую роль в разгром колчаковщины, что, кроме самих эсеров в 1920-е гг., никто и не утверждал. Во второй статье автор всё же попытался конкретизировать свою задачу: проследить доминирующие тенденции деятельности эсеров в разные периоды времени. Но если

в первой статье хотя бы были намечены эти периоды – деятельность Сибкрайкома ПСР, Сибирского союза социалистов-революционеров и Земского политбюро, то во второй статье автор практически полностью сосредоточился на событиях в Восточной Сибири летом – осенью 1919 г. Упомянув в начале статьи о том, что “именно эсеры и меньшевики породили колчаковщину, а ликвидировали её Красная Армия, сибирские партизаны и повстанцы, руководимые большевистской партией” [53] и написав пару фраз об участии эсеров в деятельности органов местного самоуправления в Томске, Якутске и Новониколаевске, автор переходит к событиям в Иркутске и Красноярске, начиная с лета 1919 г. В.И.Шишкин заявляет: «Было бы, однако, неверно утверждать, что колчаковский переворот не оказал никакого влияния на положение и поведение эсеров Сибири. Для многих рядовых членов партии он означал крушение иллюзий о буржуазной демократии, о “честной” коалиции с цензовыми кругами, стал исходным пунктом для пересмотра политических ценностей, явился событием, повлекшим отход от активной партийной работы и даже выход из эсеровских рядов» [54]. На закономерный вопрос: а как это сказалось на позиции самой партии и насколько уменьшилась численность её рядов? – автор ничего не отвечает, он даже не ставит этого вопроса.

Сообщая о том, что официальным руководящим органов эсеров в Сибири был Сибирский краевой комитет, В.И.Шишкин отмечает, что требование Сибкрайкома борьбы на два фронта – против диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии – за Учредительное собрание “в тех конкретных условиях <...> был не более, чем пропагандистской уловкой” [55]. Причиной провала эсеров автор считает недостаток у них сил, что признавали и сами эсеры. Постепенный переход эсеровских организаций на нелегальное положение при одновременном отказе от практической борьбы против колчаковской реакции привели к тому, что недовольные политикой Сибкрайкома ПСР образовали Сибирский союз социалистов-революционеров, поставивший задачу свержения Колчака и создания “временного однородного социалистического правительства, стоящего на платформе Сибирского комитета членов Учредительного собрания” [56]. Осенью 1919 г. в Иркутске прошло учредительное собрание группы эсеров, порвавших с Сибкрайкомом и объявивших себя Автономной сибирской группой социалистов-революционеров. Однако о её политической линии мы ничего не узнаём из статьи. Затем автор логично переходит к созданию Земского политбюро в октябре 1919 г.,

объявившего о борьбе против Колчака, недопустимости Красной Армии в Сибирь и созыва Сибирского земского собора для формирования Временного правительства Сибири и созыва областного Учредительного собрания. Потом сообщается о создании Политцентра и его бездействии в течение месяца и его неудачной попыткой возглавить восстание в Иркутске в декабре 1919 – январе 1920 г.

Автор приходит к тем же выводам, что и М.Е.Плотникова, но в отличие от неё анализирует деятельность эсеров не Поволжья и Западной Сибири, а Восточной Сибири. Тем более поразительно, что он не сделал из этого никакого обобщающего вывода, хотя он логично напрашивался из столь многообещающего названия статей.

Политическая борьба в лагере сибирской контрреволюции, начиная с осени 1918 г., анализируется в книге Г.З.Иоффе “Колчаковская авантюра и её крах” [57]. Безусловным достоинством данной книги является введение в научный оборот большого количества мемуарной литературы, записок и дневников деятелей белого движения в Сибири. Автор достаточно подробно анализирует как деятельность политических партий и их лидеров, так и политические воззрения главной фигуры белого движения в Сибири А.В.Колчака. Однако при характеристике последнего автор во многом возвращается к традициям эмигрантской литературы: Колчак в его изображении – не воплощение и персонификация идеологической схемы, а живой человек со своими убеждениями, жизненным опытом, слабостями и сомнениями. В Колчаке он видит убеждённого монархиста, не признавшего ещё в 1917 г. “революционную стихию”; “русского Вашингтона”, окунувшегося в мистику и мессианство японской и китайской милитаристской литературы. Не совсем, правда, правомерно проецировать убеждения Колчака в 1917 г. на ситуацию осени 1918 г., поскольку ненависть Колчака к революции могла иметь и более приземлённое происхождение: его блестящая карьера рухнула и вместо удобного поста он получил скитания и неизвестность, но всё же определённую преемственность его убеждений 1917 г. и 1918 – 1919 гг. можно проследить.

Основное изложение строится вокруг событий в Омске, а на заключительном этапе Гражданской войны – в Красноярске и Иркутске, т.е. в соответствии с географическими перемещениями колчаковского правительства. В результате Гражданская война предстаёт перед читателем как своеобразная историческая драма с участием двух главных персонажей: самого А.В.Колчака и В.Н.Пепеляева –

идеолога и организатора колчаковского переворота и активного деятеля колчаковского правительства.

Стремление к ярким и образным сравнениям хотя и придаёт книге определённые литературные достоинства, но порой существенно искажает реальную картину. Так, глава 8 “Колчаковский бонапартизм”, посвящённая внутренней и внешней политике колчаковского режима с 18 ноября 1918 г. до лета 1919 г., явно навеяна ленинскими работами о бонапартизме Временного правительства лета 1917 г. Однако никаких фактических оснований утверждать, что Колчак лавировал между различными политическими силами, нет. После разгрома “демократической контрреволюции” Колчак прямо выражал и воплощал интересы кадетско-монархического лагеря. Или, например, выводы по аграрному законодательству и рабочей политике. Они написаны яркими фразами, но, к сожалению, мало что объясняющими: «Если на аграрной политике колчаковского режима явственно видны следы растерянности и неуверенности в эффективности её результатов, то на “рабочей политике” “верховного правителя” лежит чёткая печать безнадёжности» [58]. Нельзя также признать верным и вывод о том, что колчаковское правительство лавировало между военно-монархической диктатурой и либеральным декорумом. Отметим, что последний лишь прикрывал в газетной публицистике и выступлениях основных деятелей колчаковского правительства самые отвратительные черты режима.

В книге встречаются и идеологические штампы. Например после краткого очерка истории Дальневосточной революции и судьбы отдельных деятелей белой Сибири в эмиграции, автор безапелляционно заявляет: “Вместе с японским милитаризмом прекратил своё существование и дальневосточный белоэмигрантский фашизм – этот последний судорожный всплеск разгромленной в гражданской войне колчаковщины” [59].

Конечно, с современных позиций эта книга во многом устарела. Однако это была первая попытка детального анализа внутренней контрреволюции в Сибири с классовых позиций, а выявление на базе исторических источников многих деталей политической борьбы в годы Гражданской войны стало основой для развития этих сюжетов в современной историографии.

Постсоветская историография начала формироваться после событий августа 1991 г., когда в связи с изменением общественного строя в стране, создались новые условия деятельности историков и появились новые задачи. К безусловным положительным сдвигам

стоит отнести доступность для исторического анализа почти всех документов периода Гражданской войны в Сибири, многие из которых долгие годы пребывали в спецхранах, и возможность для историков знакомится с зарубежной историографией данной проблематики. Всё это сказалось на лавинообразном увеличении числа работ о Гражданской войне и расширением исследовательской проблематики – наряду с пересмотром традиционных сюжетов стали изучаться биографии основных и второстепенных деятелей белого режима, экономическая политика и повседневная жизнь.

Посмотрим, как происходил пересмотр советской парадигмы на примере изучения национального вопроса. В работе М.М.Кульшарипова “Башкирское национальное движение (1917 – 1921 гг.)” [60] башкирскому национальному движению в период колчаковщины посвящён отдельный параграф “Башкирское национальное движение в лагере белых”. Автор отмечает, что “в годы Гражданской войны башкирское население, как и другие народы, было поставлено перед выбором: или идти в Красную Армию, или в национальные части белого Башкирского правительства” [61]. Автор критикует “пагубность шовинистической национальной политики генералов-монархистов для белого движения” [62], детально анализирует конфликт между башкирским национальным движением и белыми. “На сближение с большевиками башкирское движение пошло тогда прежде всего из-за великодержавной политики белых генералов, не желающих признать башкирскую автономию, стремившихся отсюда расформировать национальные войска. Антидемократизм колчаковского режима оттолкнул от белого движения не только башкир, но и демократическое крыло антибольшевистского движения в целом” [63]. Отметим, что это же подчёркивал и В.А.Демидов.

Автор показывает также раскол в башкирском национальном движении и сближении группы Курбангалеева и Колчака.

Несомненным достоинством книги является наличие большого количества нового фактического материала, стремление к объективному подходу, отказ от идеологических штампов, симпатии к лидерам национального движения, показ их как живых людей, а не воплощение социологических схем, которые иногда искренне заблуждались, пытались осмыслить свои действия и т.д. Воздаёт должное автор и храбрости башкирского войска.

Разработка национального вопроса в период колчаковщины представлена в монографии А.В.Сушко “Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны” [64]. Автор попытался

сформулировать новую концепцию национальной политики и связал утрату интегрирующего значения областничества для политических сил Сибири с формированием национальных идеологий сибирских народов; а также взялся разрешить мнимое противоречие в деятельности алтайских националистов (воевавших под лозунгами национализма за власть, провозглашавшую единую и неделимую Россию), боровшихся против русских крестьян (которые под интернационалистскими большевистскими лозунгами воевали против алтайского национализма за русские этнические интересы). При этом автор полностью отказался от попыток социально-классового анализа национального вопроса, что и привело его к формулированию оригинальной, но, к сожалению, имеющей мало связи с историческими фактами, концепции.

В большинстве работ этого периода, посвящённых традиционным для советской историографии сюжетам, наблюдается та же тенденция отказа от идеологических штампов и социологических схем советского периода, однако если рассматривать концептуальное осмысление колчаковского периода Гражданской войны в Сибири, то оно характеризуется двумя противоположными тенденциями, обусловленными попыткой историков найти новые методологические подходы к изучению и описанию этого феномена.

Часть историков, не отказываясь от характерной для советской историографии классовой парадигмы, попыталась уйти от идеологизации, вульгаризации и догматизации этого подхода, вырабатывая более тонкий инструментарий анализа взаимосвязи политических процессов и социального контекста, в котором они разворачиваются. Историки этого направления постарались сохранить всё лучшее, что было достигнуто в советский период развития исторической науки, и продвинуться дальше, существенно обновив и обогатив методологический аппарат исторических исследований. Основной задачей они ставят не “очернение” или “обеление” враждующих сторон в Гражданской войне, а объяснение мотивов их действий исходя из анализа соотношения борющихся сил и объективной обстановки, в которой приходилось действовать основным участникам событий.

Противоположная позиция характеризуется откатом на донаучные позиции эмигрантской исторической публицистики. Авторы данного направления не только стремятся “обелить” белое движение и героизировать образ его руководителя адмирала А.В.Колчака, но, что значительно хуже, свести многоплановое явление колчаковщины к волюнтаристской “теории ошибок”, которой придерживались

мемуаристы из белого лагеря, такие как Г.К.Гинс и С.П.Мельгунов. При таком подходе вместо научного исследования получается историческая драматургия в духе Э.С.Радзинского, репрезентирующая исторический процесс как борьбу воли и интеллектов отдельных личностей. Примечательно, что среди этих историков-“капитулянтов” встречаются и те, кто в советское время отличился на ниве “классового анализа” противоборствующих политических лагерей в 1917 – 1921 гг. Так, например, В.И.Шишкин в статье “Колчаковская диктатура: истоки и причины краха” [65] прямо объявляет, что идеологи и устроители колчаковского переворота допустили “серьёзные просчёты”, выдвинув Колчака в диктаторы: “Если воспользоваться шахматной терминологией, то нужно признать, что крах колчаковской диктатуры в финале во многом обусловлен ошибками (выделено мной. – В.К.), допущенными правыми кругами контрреволюции в дебютной стадии борьбы” [66]. Под “правыми кругами контрреволюции”, надо полагать, имеются ввиду “идеологи и устроители переворота”, т.е. кадетско-монархические круги и военщина, а также, очевидно, и сам А.В.Колчак, который, как утверждает автор статьи, был “никудашным” диктатором со сложным и неровным характером, не имевшим опыта государственного управления как генерал Д.Л.Хорват, и с амбициями, превалировавшими над амуницией, по сравнению с генералом М.В.Алексеевым [67]. Подобный методологический подход привёл В.И.Шишкина к парадоксальному выводу: в установлении колчаковской диктатуры оказались виноваты большевики, поскольку они форсированными темпами свернули “коллегиальные формы работы”, решительно и последовательно укрепив “единоначалие и диктатуру на всех уровнях властной пирамиды” [68]. Не смог автор статьи разобраться и в сложной проблеме взаимоотношений адмирала А.В.Колчака и атамана Г.М.Семёнова, сведя её к утверждению, что “атаманщина” являлась “отражением слабости государственной власти Колчака, его неспособности установить должную субординацию и навести дисциплину в своих собственных, прежде всего в военных рядах” [69], несмотря на тот очевидный факт, что атаман Г.М.Семёнов в действительности не был подчинённым адмирала, а сложности и перипетии их взаимоотношений определялись наличием разных внешнеполитических ориентаций – на Антанту и на Японию. И уж совершенно нелепыми выглядят рассуждения о том, что с принятием Колчаком звания верховного правителя коммунистическая агитация получила дополнительные аргументы для обвинения его в намерении реставрировать

монархию, а также, что “остро встала проблема легитимности нового режима”: Директория вытекала из Учредительного собрания, а режим Колчака “не имел никакого легального источника общероссийской власти” [70], как будто речь идёт не о реальной политической борьбе, а о коллизиях законотворческого и агитационно-пропагандистского характера. Не соответствует историческим фактам и утверждение В.И.Шишкина, что “на востоке России была прервана эволюция государственных структур вправо, осуществлявшаяся ранее мирным путём благодаря переговорному процессу, стремлению и умению сторон идти на компромиссы” [71], как будто не было борьбы Комуца с Временным Сибирским правительством, упразднения Сибирской областной думы, убийств представителей эсеровской партии, крестьянских восстаний и железнодорожной забастовки, охвативших огромные сибирские пространства в период “демократической контрреволюции”. Другим существенным изъяном методологического подхода автора статьи является подстраивание ленинских цитат под собственную “концепцию” с одновременным выхолащиванием их смысла. Так, он ссылается на характеристику колчаковского режима, данную В.И.Лениным, как диктатуры “хуже царской”, но комментирует эту цитату на свой лад: “Нельзя не согласиться с большевистским вождём. Действительно, хуже. Но хуже совсем в другом: в том отношении, что намного слабее царской” [72]. И уже “слабостью” колчаковского режима В.И.Шишкин объясняет сочетание “полного бессилия и крайнего насилия” [73]. А следом идёт пассаж о диктатуре пролетариата, которая, оказывается, была “лучше” царской диктатуры: “Она последовательно продемонстрировала исключительную роль революционного насилия” [74]. Контрпродуктивность “теории ошибок” привела в итоге к тому, что В.И.Шишкину и его последователям не удалось создать серьёзных обобщающих работ с основательным анализом колчаковского периода Гражданской войны, ограничившись статьями и тезисами докладов, а также пухлыми сборниками всевозможных документов того периода, подобранных по формальным критериям.

Напротив, представители первого направления постсоветской историографии, которых условно можно назвать “традиционалистами”, написали серьёзные монографические работы, в которых проанализированы причины и движущие силы политической борьбы в белом лагере в Сибири; идеологические постулаты, на основе которых политические партии вырабатывали свою тактику; объективные причины краха колчаковщины и её последствия. Более того, они

смогли вписать политические процессы в период колчаковщины в общий контекст политической борьбы в Сибири в период с февраля 1917 по март 1921 г. Первая работа принадлежит перу А.В.Добровольского и посвящена истории партии эсеров в Сибири с 1917 по 1923 гг. [75]. Колчаковскому периоду посвящена отдельная глава, в которой автор рассматривает стратегию и тактику партии эсеров, раскол партии и выделение левоцентристских организаций и групп, характер земской оппозиции на востоке Сибири. В итоге детального и порой скрупулёзного изучения всего доступного историкам на тот момент исторического материала автор показал неоднородность эсеровской партии, дискуссии и борьбу внутри самой партии и её руководящих органов в Сибири, которая привела к выделению из Сибкрайкома ПСР группы эсеров, образовавших через некоторое время “Сибирский союз социалистов-революционеров”, выступивший против “третьего пути” ЦК ПСР и Всесибирского комитета и предлагавший прекратить вооружённую борьбу с Советской Россией. Автор монографии подробно разбирает формирование и деятельность “земско-социалистической оппозиции” и её деятельность и приходит к двум ключевым выводам: 1) “земско-социалистическая оппозиция” выступала под тем же мелкобуржуазным лозунгом “третьего пути”, в частности, участие эсеров в заговоре Гайды шло под лозунгом устранения от власти Колчака во имя продолжения борьбы с большевиками; 2) эта оппозиция не сыграла заметной роли в событиях в Восточной Сибири в период разгрома колчаковщины [76].

Вторая монография написана историком М.В.Шиловским и посвящена не отдельной партии, а политическим процессам в Сибири в период революций и Гражданской войны [77]. Схема развития событий в изложении М.В.Шиловского выглядит следующим образом: в период “демократической” контрреволюции (июнь – ноябрь 1918 г.) у власти находились представители мелкобуржуазного блока, придерживавшиеся лозунга “народоправства”. Однако в течение этого периода происходила постепенная эволюция мелкобуржуазного блока “вправо к союзу с кадетами”. После распада блока и перехода кооператоров, националистов и части областников на сторону кадетов сложились условия для перехода от “демократической” контрреволюции к военной диктатуре А.В.Колчака. Переворот 18 ноября изменил расстановку сил контрреволюции: Колчак открыто высказался против эсеров и областников, тем не менее кадеты блокировались с правым крылом мелкобуржуазной демократии, ко-

торая питала иллюзии относительно демагогических заявлений о приверженности Колчака принципам “народовластия”. М.В.Шиловский не ограничился анализом позиций основных политических партий и их участием в политической борьбе. Особое внимание он уделил функционированию белой армии, её составу, снабжению и боевым качествам. Остановившись на дискуссионной проблеме об отношениях колчаковского режима к монархии, автор отмечает, что ни одно белогвардейское правительство, кроме М.К.Дитерихса в 1922 г., не решилось провозгласить открыто идею реставрации монархии, однако реставраторские тенденции в белом движении были достаточно сильны, и колчаковский режим, по существу, пытался восстановить установления дофевральской России. Автор анализирует также роль иностранной интервенции, функционирование местных органов власти и приходит к выводу, что “сибирская контрреволюция так и не сумела создать дееспособной вертикали власти и не получила дипломатического признания со стороны интервентов” [78].

Отдельный параграф посвящён краху колчаковского режима. Автор отмечает, что военные поражения колчаковского режима совпали с усугубляющимся экономическим кризисом. Также анализируются усилия колчаковского режима внести успокоение в среду умеренной оппозиции, выразившиеся в попытках создания представительных органов власти; усиливавшееся партизанское движение, сливавшееся в большие фронты; активизация мелкобуржуазных партий; переезд колчаковского правительства в Иркутск и деятельность Иркутского Политцентра. 4 января закончился этап колчаковской диктатуры, Иркутский Политцентр провозгласил создание демократического государственного образования, установление перемирия и ведение переговоров с Советской властью. Далее, как отмечает М.В.Шиловский, Гражданская война в Сибири закончилась, продолжаясь в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Он критикует тех исследователей, которые пытались продлить период Гражданской войны в Сибири до 1921 – 1922 гг., ссылаясь на “массовое антикоммунистическое движение сибирского крестьянства”, аргументируя это тем, что, во-первых, восстания начались летом 1920 г. через полгода после освобождения региона от колчаковцев; во-вторых, не угрожали Советской власти, поскольку представляли собой серию разрозненных вооружённых выступлений в защиту интересов крестьянства, и даже самое массовое из них – Западно-Сибирское крестьянское восстание было подавлено достаточно быстро [79].

Таким образом, изучение политических процессов, предпринятое на базе социально-классового анализа основных противоборствующих сил белой Сибири, позволило М.В.Шиловскому вывести изучение колчаковщины на принципиально новый уровень обобщения.

К этим двум обобщающим монографиям примыкают статьи историков, которые посвящены неизученным и малоизученным проблемам истории белой Сибири. Так, в статьях А.Л.Посадкова детально проанализированы два сюжета: попытка Колчака закрепиться в Новониколаевске после падения Омска и создание земской власти в Красноярске в краткий период после фактического падения здесь колчаковского режима до прихода Красной Армии и создания ревкома [80]. В первой статье автор приходит к следующему выводу: “Новониколаевский эпизод в эпопее отступления белых армий на восток невелик по времени, но, на наш взгляд, он представляет концептуальный интерес для выявления полной и объективной истории белого движения, характеристики его вождей как волевых и достаточно энергичных руководителей, но в то же время не всегда расчётливых политиков и стратегов” [81]. Это своеобразный ответ теоретикам “концепции ошибок”: поражение колчаковского режима зависело не от ошибок и субъективных качеств А.В.Колчака, а было предопределено объективными обстоятельствами. Во второй статье автор показал невозможность реализации “третьего пути”, предлагавшегося мелкобуржуазными партиями, в период острого политического и военного противостояния борющихся сил, дошедшего до открытой гражданской войны.

К сожалению, “традиционалистов” среди историков не так много. Значительно больше тех, кто перешёл на позиции “теории ошибок” и попытался с её помощью проанализировать сюжеты, которые находились вне поля зрения советских историков. Возьмём, например, организацию и функционирование правительственного аппарата в белой Сибири. Этой теме посвящена статья Л.В.Некрасовой “Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины” [82]. Автор статьи ставит задачу выяснить структуру, способ и особенности формирования, специфику высших и местных органов государственной власти на территории белой Сибири в период колчаковщины. Однако подход выбран абсолютно формальный – анализируются юридические документы, оформлявшие те или иные органы власти, а не реальная политическая борьба. Так, для изучения места и роли Совета министров в колчаковском аппарате власти

автор ограничивается “Положением о временном устройстве государственной власти в России” (так называемой “Конституцией 18 ноября”) и “Учреждением Совета министров” царских времён, описывая, какие органы власти и как должны были действовать согласно этому положению. В итоге она приходит к следующим выводам: 1. “Колчаковское правительство восстановило в основных звеньях государственный аппарат, который существовал в России до октября 1917 г., не внося существенных изменений, сохранив в основном те институты, которые Временное правительство унаследовало от царского режима” [83]. 2. “Специфические условия установления диктатуры в Сибири и гражданской войны в целом, особенности территории, на которую распространялась юрисдикция колчаковского правительства, способствовали созданию своеобразных институтов управления как на высшем, так и на местном уровне. В то же время, отсутствие творческого подхода при создании аппарата государственной власти предопределило его непригодность по формам и масштабу к задачам ведения гражданской войны и имеющимся материальным и людским ресурсам” [84]. Выводы выглядят достаточно искусственными, а автор оказалась, по существу, на позиции “теории ошибок”: если бы колчаковское правительство проявило больше “творческого подхода”, то и аппарат был бы более приспособленный, и “материальные и людские ресурсы” использовались бы в полной мере.

Разработку этой темы с тех же методологических позиций продолжил В.В.Журавлёв, написав статью “К вопросу о характере политического режима на востоке России в период правления А.В.Колчака” [85]. Он взялся опровергнуть тезис советской историографии о реакционном характере власти А.В.Колчака, утверждая, что “на деле принцип военной диктатуры не был последовательно проведён в практике государственного строительства”, поскольку, дескать, Совет министров не был марионеткой в руках колчаковцев, а являлся источником и возможным преемником власти верховного правителя, разделяя с ним законодательные функции. При этом автор ссылается лишь на “Положение о временном устройстве государственной власти в России”, совершенно не учитывая того факта, что этот документ в условиях политической борьбы в период Гражданской войны был юридической фикцией. Более того, в рассуждениях автора важное значение приобретает понятие “коалиционность” Совета министров, включавшее “правых” (термин В.В.Журавлёва) во главе с И.А.Михайловым и “центристов” с “условным

лидером” П.В.Вологодским. Эту терминологию автор впервые использовал в своей кандидатской диссертации, посвящённой органам власти в Сибири в период “демократической контрреволюции”, когда он пытался доказать, что борьба шла не между “левыми” и “правыми”, а ещё существовали некие “центристы”, которые и определили исход борьбы. Но если в предыдущий период эта несколько путаная терминология отражала тот факт, что помимо кадетов и мелкобуржуазных партий существовали промежуточные между ними группы, хотя и не проясняла его, то теперь она просто вводит читателя в заблуждение, поскольку В.В.Журавлёв утверждает, что коалиционность Совета министров снижала эффективность его деятельности, а порой “практически парализовывала её” [86]. Уместно будет пояснить, что неработоспособность колчаковского Совета министров определялась не его легитимностью, коалиционностью или марионеточностью, а реалиями политической борьбы в период Гражданской войны. Главный вывод автора статьи вполне укладывается в рамки “теории ошибок”: «Политические силы, подготовившие и совершившие колчаковский переворот, не проявили необходимой последовательности в реализации ими же провозглашённых принципов организации государственной власти. С одной стороны, отвергнув политическое партнёрство с социалистами, правые лишились их поддержки и приобрели опытных в конспиративных делах противников. С другой стороны, постоянно гоняясь за призраком “коалиционности”, они лишали себя возможности создать монолитную власть, объединённую общим пониманием целей и методов действия, ничего не получая взамен. Боясь “пойти по пути реакции”, они неизбежно скатывались на “гибельный путь партийности”. Мало провозгласить диктатуру, нужно иметь волю её осуществить» [87]. Уместно будет напомнить, что колчаковская власть изначально носила “партийный” характер, отражая интересы определённых социальных групп, а вовсе не “скатилась” к нему в результате “ошибочно” выбранной стратегии или тактики действий. В итоге приходится констатировать тот факт, что, по существу, автору так и не удалось выяснить характер колчаковского политического режима и его основные черты.

“Концептуальное” осмысление с позиции “теории ошибок” места и роли органов местного самоуправления в период эсеровских правительств и колчаковщины было предпринято В.М.Рынковым в статье “Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.)” [88]. Ав-

тор исходит из посылки, что Временное правительство в отношении органов местного самоуправления действовало “законно и целесообразно”, большевики эту законность нарушили, а эсеровские и колчаковское правительства её вновь восстановили. В.М.Рынков, правда, предпочитает не замечать того факта, что у разных “эсеровских правительств” были противоположные тенденции в отношении органов местного самоуправления, несмотря на внешне схожие декларации и заявления. Далее он утверждает, что закон колчаковского правительства о переходе от пропорциональной к мажоритарной системе выборов был вполне демократичен, поскольку был принят “после длительных прений в прессе и в правительственных кругах”, а возражения мелкобуржуазных партий о том, что данный закон имеет целью отстранить их от прохождения в городские думы “имели демагогический характер и не должны были приниматься в качестве серьёзной аргументации”, поскольку “власти рассчитывали, что в ходе выборов политические разногласия уступят место конкуренции хозяйственных программ, партийная борьба сменится оценкой деловых качеств претендентов” [89]. Последнее утверждение не подтверждается историческими фактами, а является “открытием” автора, воспринявшего агитационно-пропагандистские тезисы за реальные намерения колчаковского правительства. Далее автор рассуждает: “Но главные проблемы коренились не в способах формирования земских и городских органов самоуправления, а в их практической работе. До революции на них возлагался широкий круг обязанностей хозяйственного, социального и культурно-просветительного характера. Революция даже расширила эти задачи за счёт передачи земским и городским органам части государственных функций. Но возможности выполнения обязательств перед населением напрямую зависели от финансового положения” [90]. А кто виноват в плохом финансовом положении? Оказывается... сами земства: “Сметы, составленные городскими и земскими органами на 1919 г., оказались образчиками хозяйственного утопизма. Указывая на необходимость развернуть, наконец, в полном объёме свою работу, гласные планировали значительные расходы на развитие образования и здравоохранения, на кардинальное улучшение коммунального хозяйства. В итоге получалось очень существенное увеличение расходов” [91]. А доходы, как указывает В.М.Рынков, предполагалось увеличить за счёт казённых субсидий и увеличения налогов. Однако власть, по замечанию автора, незаконные виды обложения или превышение норм законных источников поступления “отслеживала и отменя-

ла” [92]. Более того, она выделяла и целевые субсидии, но неправильно их расходовали опять же городские и земские управы, направляя подобно Енисейской губернской земской управе, например, субсидии на строительные нужды, уездным земствам для покрытия неотложных расходов. Вину во всех незаконных действиях управ автор возлагает целиком на эсеров, которые “болезненно” воспринимали “законное” вмешательство органов государственной власти в деятельность местных самоуправлений, доходя в Томске, Иркутске и Владивостоке до прямых конфликтов с властью. Парадоксально, что при этом В.М.Рынков приходит к выводу, который подкупает своей внешней простотой. В несколько путаном изложении автора он звучит следующим образом: «Органы местного самоуправления нельзя считать “демократической” общественной силой, вопреки тому, что в политическом дискурсе времён гражданской войны за ними закрепились именно такая характеристика. Не выступали они и в качестве реальной альтернативы советскому или колчаковскому политическим режимам. Хотя дестабилизировать их на определённых этапах они вполне могли, и действительно способствовали расшатыванию положения последнего» [93]. В том, что земские органы не были альтернативой колчаковской и советской диктатурам, виноват не “политический дискурс”, а их место в системе органов власти белой Сибири, а тезис о “расшатывании” колчаковского режима был своеобразной иллюзией эсеровской партии под впечатлением событий последнего этапа политической борьбы в белой Сибири, когда колчаковский режим рушился под ударами Красной Армии на фронте и партизанского и рабочего движений в тылу, что, впрочем, опровергал В.И.Шишкин ещё в советские времена.

Общим для статей Л.В.Некрасовой, В.В.Журавлёва и В.М.Рынова является то, что они анализировали не процессы, протекавшие в исторической реальности, а только бумаготворчество бюрократических структур. Наиболее ярким выражением этой тенденции стала работа В.М.Рынова о “социальной политике” эсеровских и колчаковского правительств [94]. Изучив огромный комплекс бюрократических опусов, автор пришёл к выводу, что политика этих правительств по своей социальной направленности намного превосходила большевистскую. Автор лишь сожалеет о том, что в условиях военных действий, расстройств транспорта, торговли и т.п. осуществить её удалось в незначительной мере, но это уже, по мнению автора, не вина антибольшевистских правительств, а, так сказать, Гражданской войны и российской действительности.

В биографии А.В.Колчака, написанной П.Н.Зыряновым [95], деятельности адмирала в годы Гражданской войны посвящены две последние главы: “Омск бросает вызов Москве” и “Сибирская драма”. Конечно, историко-биографический жанр накладывает свою специфику на авторское изложение, однако новые материалы о военных действиях и внутренней борьбе в стане сторонников Колчака, а также верные замечания о сужении социальной базы контрреволюции после событий 18 ноября, автор уверенно вписывает в пресловутую “теорию ошибок”. Так, решение объявить действия Семёнова “актом государственной измены” и отрешить его от всех должностей автор называет “явно поспешной и непродуманной” мерой [96]. Виновником в кровавом подавлении восстания 22 декабря в Омске автор считает “неправильно” понятый исполнителями приказ Колчака о предании военно-полевому суду участников восстания [97]. Вот рассуждение автора о борьбе на внутренних фронтах и необходимости поездки Колчака по Сибири после поездки на Урал: “В Омске Виктор Пепеляев посоветовал ему совершить такую же поездку по всей Сибири – до Владивостока <...> Верховный правитель согласился, но так и не выбрал время до тех пор, когда ехать в глубь Сибири было уже нельзя. Тогда за допущенную ранее ошибку пришлось дорого заплатить” [98]. Ошибкой считает автор и отмену керенок, что принесло больше вреда, чем пользы [99]. Ошибся адмирал в выборе начальником штаба Д.А.Лебедева, в выборе министром иностранных дел И.И.Сукина, ошибся, когда не захотел организовать оборону после падения Кургана. На последнем этапе Колчак уже не допускал ошибок, но он проявлял “упрямство”: то не соглашался на “солидарный комитет”, который ему предлагал В.Н.Пепеляев, то не хотел расширять права Земского совещания. Это тоже можно отнести к “ошибкам” Колчака. Назначение В.Н.Пепеляева премьером оказалось “не очень удачным”, назначение Каппеля командующим фронтом – “наиболее удачным за всё время правления Колчака, хотя, наверное, запоздалым” [100]. Из всего этого вытекает основной вывод автора: «Колчака, патриота и неутомимого работника на благо России, погубили не внешние недруги, а свои, “домашние” люди: большевики, эсеры, партизаны, атаманы... Чехи и Жанен лишь воспользовались моментом, чтобы свести с ним счёты. И войну с большевиками он проиграл вовсе не оттого, что будто бы был неспособен или были совсем бездарны его генералы. Но потому, что либо им, либо его предшественниками был упущен момент, какой-нибудь месяц или менее, а потом большевики уже сумели использовать бо-

лее значительные людские ресурсы и экономический потенциал контролируемой ими территории» [101]. В этом выводе причудливо перемешаны полуправда и недоговорённость: если Колчака и можно считать патриотом, то только патриотом белой России, а не России вообще; если считать, что большевики губили Колчака, то и Колчак вёл непримиримую борьбу с большевизмом; если считать, что атаманы губили Колчака, то они не противостояли белому движению в целом как большевики, а были его органической частью. В итоге вместо биографии Колчака в социально-политическом контексте Гражданской войны автор воспроизвёл его упрощённый портрет, созданный ещё эмигрантскими публицистами.

Новая для постсоветской историографии проблема взаимоотношений казачьих войск и колчаковского правительства рассмотрена в статьях В.А.Шулдякова “Казачество Сибири и верховная власть: к вопросу о взаимоотношениях (ноябрь 1918 – 1919 г.)” и «“Анненковщина” как политический фактор гражданской войны на востоке России» [102]. Безусловно, тема заслуживает пристального изучения. Тем более важно выбрать исходные методологические принципы для её освещения. Автор статей предпочёл “теорию ошибок” и в итоге конфликт Семёнова и Колчака свёлся к “амбициям” Семёнова; отношение Колчака к казачьим войскам – к ошибочной позиции недоверия казакам, хотя последние предлагали “позитивную и перспективную программу реконструкции белой государственности” [103]. Вместо изучения противоречий в среде казачества автор скатился к его апологетике, утверждая вопреки общеизвестным фактам расслоения казачества, что “сила войсковых правительств основывалась на сформировавшейся в 1917 г. казачьей сословно-представительной демократии, благодаря которой казачья элита пользовалась доверием и поддержкой значительной части станичников и строевых казаков на фронтах” [104]. Относительно Анненкова автор отмечает, что его “боевой потенциал” не был “в должной мере использован колчаковским режимом” [105], видимо, также по ошибке. Белый террор тоже, надо полагать, следует считать “ошибкой” колчаковщины, поскольку автор утверждает следующее: “В отличие от красного белый террор в целом не носил тотального характера, не имел идеологического обоснования, не являлся одним из важнейших направлений государственной политики. У белых крайние жестокости и дикие расправы являлись эксцессами на почве личной мести и развинченной потрясениями психики. Террор такого типа осуществляли и анненковцы” [106]. Примечательно, что здесь смешиваются

два разных вида террора: собственно белый и красный террор в годы Гражданской войны и деятельность ВЧК в Сибири в 1920 г. Нелогичность данного утверждения становится очевидной, стоит лишь заменить анненковцев на их антиподов роговцев, а белый и красный террор поменять местами, и мы получим то, что утверждала советская историография. Отмечая монархические настроения Анненкова и анненковцев, автор вновь оказывается на позиции “теории ошибок”: «Сила “атаманщины” заключалась в привязке к населению определённой местности, в защите интересов конкретных социальных групп. Костяк партизан воевал вполне сознательно, исходя из своих материальных и иных интересов, имея их идейное обоснование. Таких бойцов в отличие от “регулярных” солдат, якобы стоявших “вне политики”, нельзя было гонять с фронта на фронт, ничего им не объясняя» [107]. В итоге причины поражения Колчака сводятся к тому, что он кому-то чего-то недообъяснил, с кем-то поступил не совсем правильно.

Опираясь на структуралистский подход к анализу текстов, В.В.Журавлёв в статье “Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: опыт анализа приветственных посланий А.В.Колчаку” [108] попытался взглянуть в новом ракурсе на формирование идеологии колчаковского движения. Послания активно изучались в советской историографии, но В.В.Журавлёв утверждает, что делалось это “неправильно”: “Во всех этих случаях приветственные послания привлекались только с одной, самой очевидной целью – в качестве доказательства поддержки колчаковского режима той или иной социальной силой”. Теперь же он решил это сделать “правильно” и предложил рассматривать корпус приветственных посланий А.В.Колчаку как “единый салютативный метатекст со своей структурой, функциями и закономерностями” [109]. В целом подобная постановка проблемы вполне правомерна, однако дальше амбициозных намерений автор, увы, не продвинулся. В конечном счёте “структуралистский” анализ вылился в банальное перечисление сквозных тем приветственных обращений: 1) военные стояли за установление военной диктатуры; 2) большевики – не враждебная власть, а полное отсутствие власти и анархия; 3) Директория существовала лишь формально; 4) земства провозглашают лозунг Учредительного собрания; 5) Колчак борется против большевизма слева и “атаманства” справа [110]. Отметим, что эти факты очевидны и без всяких посланий, а если вычленять их из посланий, то для этого не требуется вообще никакого научного ап-

парата помимо умения читать и систематизировать прочитанное. Далее В.В.Журавлёв справедливо рассматривает приветственные послания и ответы А.В.Колчака, как способ коммуникации, в котором “обращённость к вождю выступала гарантией серьёзной постановки идеологических и политических вопросов” [111]. Тем более странно, что соответствующего анализа (пусть не “структуралистского”, но хотя бы историко-текстологического) он так и не представил читателям, сосредоточив внимание на формировании “вождистского культа” А.В.Колчака. По мнению автора статьи, мифологизация образа верховного правителя как авторитарного “вождя” была единственным способом консолидации противоречивых устремлений в “расколотом обществе”. Однако для такого вывода, на наш взгляд, изучения одних только приветственных посланий мало. Здесь требуется комплексное исследование, которое включало бы весь политико-идеологический контекст колчаковщины. Ведь, в конечном счёте, мифологизация образа верховного правителя, даже если она имела место, не привела к рождению полноценного мифа. Такого, например, как миф о бароне Унгерне. Да и полноценного “вождя” из Колчака не вышло. И здесь возникает вопрос: а было ли вообще встречное желание центральной власти мифологизировать образ Колчака и позиционировать его как “вождя”? Похоже, что нет. Но об этом В.В.Журавлёв предпочитает не задумываться.

Два данных методологических подхода не являются чем-то уникальным в историографии Гражданской войны. Можно провести чёткую аналогию с ситуацией, сложившейся в 1920-е – начале 1930-х гг. “Теория ошибок” доминировала в белоэмигрантской публицистике, а социально-классовый подход без вульгаризации и догматизации – в нарождавшейся советской историографии. По разным причинам они не получили дальнейшего развития вплоть до 1990-х гг., когда в связи со сменой общественного строя вновь потребовалось, с одной стороны, оправдать колчаковщину и выявить в ней “положительные” стороны, а с другой, – появилась возможность развить лучшие достижения советской историографии для понимания политико-социальной истории Гражданской войны в Сибири. Однако бесперспективность исторических построений с позиции “теории ошибок” сегодня вполне очевидна.

Таким образом, основные темы исследований социально-политической истории колчаковского периода Гражданской войны в Сибири – рабочая политика, аграрный и национальный вопрос, партизанское движение, формирование и деятельность колчаковского прави-

тельства, политические деятели и политические партии – характерны для всех трёх периодов историографии. Исследователи ввели в научный оборот огромное количество фактического материала, но одновременно на настоящем этапе стоит задача на основе социально-классового анализа дать интерпретацию всем имеющимся и вновь вводимым в научный оборот историческим фактам. Попытка решить эту задачу предпринимается автором предлагаемой читателю книги.

Почему сюжеты политической истории важны для понимания истории белой Сибири? Военные операции, безусловно, представляют интерес для исследователя, но не они решали исход Гражданской войны. За сражающимися армиями стояли классы и социальные силы и так или иначе отражавшие их интересы политические партии и группы. Поразительно, но факт: в книге Д.Г.Симонова “Белая армия Сибири в 1918 году” [112] совершенно отсутствует анализ социально-классового состава белой армии и её лозунгов. В книге всё красиво разложено по полочкам: вот структура армии, вот награды и униформа, вот боевые части, вот боевые действия. Возможно, что автор воспринял в качестве исторической реалии демагогический лозунг колчаковской пропаганды “армия вне политики” и описал подобную “внепартийную” и “внеклассовую” белую армию, разделив её историю на формальные отрезки, выделив отдельно 1918 г., объединяя часть периода Советской власти до мая 1918 г., период существования эсеровских правительств в июне – ноябре 1918 г. и начало правления Колчака с 18 ноября по 31 декабря 1918 г., в то время как логика самой истории революций и Гражданской войны в Сибири требовала рассматривать историю белой армии во всё время существования колчаковского правительства с 18 ноября 1918 г. до ноября – декабря 1919 г. в качестве отдельного периода, в коренных устоях отличающегося как от послеоктябрьского периода существования Советской власти, так и от “демократической контрреволюции”. А, возможно, подошёл к анализу белой армии с позиции “теории ошибок”. Последнее, кстати, подтверждает главный вывод автора о том, что белая армия была лучше и сильнее Красной Армии, “в морально-психологическом отношении её военнослужащие не только не уступали, но и в ряде случаев превосходили красноармейцев”, да вот интервенты подвели – не обеспечили её материально-техническими средствами, что и не позволило ей победить в 1918 г., а к 1919 г. Красная Армия окрепла и победила белую [113]. Можно даже подумать, что уж последнюю то интервенты

снабдили всеми необходимыми материально-техническими средствами!

Автор предлагаемой читателю книги старался подходить объективно к изучаемым фактам, анализируя их в контексте непростой исторической эпохи. Объективный взгляд современного историка – дело, безусловно важное. Однако не менее важным является и то, как видит сама себя эпоха, как события, в которых мы пытаемся найти некую закономерность, преломляются в сознании современников этих событий. Очень часто мы пытаемся выявить закономерности и логику события, не думая о том, что логики-то в них могло и не быть.

Изучение деятельности главных персонажей этой книги – а это не только верховный правитель и его правительство, белые генералы и казацкие атаманы, но и партийные лидеры, партизанские вожди и многие, многие другие – осложняется тем, что их деятельность порой не вписывается ни в какую схему и не находит никакого логичного объяснения. Например, А.В.Колчак. Он не был “чистым листом”, и хотя у него не было своей чёткой последовательной программы, но у него были иллюзии, предрассудки, та или иная степень зависимости от окружения, которое тоже по-своему видело ситуацию и преследовало свои цели, иногда камуфлируя их, иногда нет. Безусловно, удобно и комфортно для историка разложить всю историю белой Сибири по полочкам: эти преследовали интересы помещиков, другие боролись за Советскую власть, третьи тщетно пытались найти “третий путь”. Если смотреть на историю свысока, игнорируя отдельных людей, то, может быть, так оно и было. Но сколько было идейных борцов? Единицы, в лучшем случае – десятки. Остальные действовали по ситуации. Ещё удобнее разложить по другим полочкам – вот политика по аграрному вопросу, вот – по рабочему, затем – международные дела, потом отдельно – военные, отдельно – деятельность Совета министров и бюрократическая работа министерств. Удобно для написания работы, но теряется живая историческая действительность, где всё было вовсе не так разделено, как привычно было писать советскому историку.

Источники по изучению политической борьбы в белой Сибири весьма многообразны: наряду с делопроизводственной документацией и партийной публицистикой исследователю приходится иметь дело и с источниками личного происхождения. И в этом случае приходится подходить к ним с известной долей критичности. Так, воспоминания партизан зачастую с трудом дают возможность восста-

новить истинный ход событий, поскольку они содержат множество мелочей, анекдотических подробностей, обычных преувеличений и путаницы. Но без этих воспоминаний, отражающих часто не эпоху Гражданской войны, а время их написания, многие и многие сюжеты партизанской борьбы остались бы вне поля зрения историка, поскольку иных документов о них просто нет. С другими документами такая же картина: зачастую они просто противоречат друг другу и нелегко решить какие же исторические факты они отражают.

Сегодня просто невозможно перечислить всех тех, кто писал о Гражданской войне. Но всё же следует упомянуть тех историков, которые своими работами помогли автору данной монографии разобраться в непростых сюжетах истории Гражданской войны в Сибири. Это Ю.П.Горелов, А.В. Добровольский, С.В.Дроков, С.П.Звягин, В.М.Зинякова, В.А.Кадейкин, Л.В.Курас, С.В.Макарчук, Т.В.Мальцева, И.В.Нам, Н.И.Наумова, Т.А.Немчинова, П.А.Новиков, И.Ф.Плотников, С.Н.Полторак, А.Л.Посадсков, М.В.Шиловский, Д.Н.Шевелёв и многие, многие другие, без чьей исследовательской работы было бы невозможно начинать создавать обобщающую работу по истории политической борьбы в Сибири в годы Гражданской войны.

Автор выражает признательность работникам Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Томской области, Исторического архива Омской области, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Новосибирской государственной областной научной библиотеки, Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С.Пушкина, сотрудникам Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, Томской областной универсальной библиотеки им. А.С.Пушкина, Научной библиотеки Томского государственного университета, Государственной публичной научно-технической библиотеки (Новосибирск), Алтайской краевой библиотеки им. В.М.Шукшина, **Красноярской краевой научной библиотеки**, предоставивших интереснейшие документальные материалы; А.Р.Рахматуллиной и Г.В.Кокоулину, помогавших на всех этапах работы над книгой.

Глава 1. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ КОЛЧАКА (ноябрь 1918 – март 1919 г.)

1.1. Ноябрьский переворот

Период “демократической контрреволюции” был первым этапом Гражданской войны в Сибири. Начавшийся в мае 1918 г. выступлением чехословацкого корпуса, он характеризовался ликвидацией Советской власти и созданием эсеровских или коалиционных правительств (Западно-Сибирского комиссариата, Самарского Комуча, Временного Сибирского правительства, Сибирской областной думы, Уральского областного правительства). К числу основных мероприятий новой власти можно отнести восстановление городских дум и земств в политической сфере, провозглашение частной собственности и свободы торговли – в экономической. Следует отметить, что контрреволюционный лагерь не был однородным: он включал в себя мелкобуржуазные элементы, выразителем интересов которых выступали эсеры и меньшевики, и буржуазно-монархические во главе с партией кадетов. Наличие промежуточных элементов между этими двумя политическими лагерями (народных социалистов, сибирских областников, социал-демократической организации “Единство”) и неравномерность распределения партийных сил в различных регионах Сибири, Поволжья и Урала придали политической борьбе своеобразный характер. Общей особенностью партийно-политической борьбы в период “демократической контрреволюции” было постепенное ослабление эсерово-меньшевистского лагеря и укрепление кадетско-монархических элементов.

Географически “демократическая контрреволюция” заняла огромную территорию, включавшую в период своего наибольшего расширения помимо Сибири Урал и Поволжье. Под ударами Красной Армии эта территория значительно сузилась и лишила эсеров основной базы – Поволжья. Однако географическому фактору не следует придавать определяющего значения, подобно тому, как это делалось в эмигрантских и постсоветских работах по истории Граж-

данской войны. Также определяющим не был и субъективный фактор. Их, безусловно, необходимо учитывать для выявления своеобразия политической борьбы в этот исторический период, но понять причины побед Красной Армии и, в конечном итоге, поражения белого движения невозможно без учёта объективных процессов классовой борьбы, прямым или косвенным выражением которых была деятельность основных партийно-политических лагерей – большевистского, мелкобуржуазного эсеро-меньшевистского и кадетско-монархического. В условиях обострения классовой борьбы, дошедшей до открытой гражданской войны, “третий путь”, провозглашаемый эсерами и меньшевиками, оказался невозможным и привёл к их очередному поражению в Сибири осенью 1918 г.

События развивались следующим образом. Красная Армия, заняв 10 сентября Казань и взяв затем Симбирск, к середине октября овладела Сызранью, Самарой и начала продвигаться к Уфе, куда спешно эвакуировался Комитет членов Учредительного собрания. В начале ноября был взят Ижевский завод, а вскоре и воткинский район. Угроза нависла над Уфой, которая после падения Самары оставалась базой эсеровского Комуча. Разложение Народной армии и уход в тыл чехословацких частей значительно ослабили эсеро-меньшевистский лагерь на Урале и в Сибири и ускорили его поражение в политической борьбе с кадетско-монархическими элементами.

События 18 ноября 1918 г. коренным образом изменили расклад партийно-политических сил в Сибири: на смену эсеровским правительствам пришла военно-бюрократическая диктатура адмирала А.В.Колчака. Спор о конкретных организаторах переворота и степени участия в нём самого адмирала, начавшись в эмигрантской литературе, продолжается до сих пор. Это неизбежно, поскольку события подобного рода по понятным причинам не фиксировались в делопроизводственной документации органов власти и частной переписке, а непосредственные участники событий и косвенные свидетели происшедшего выдвинули различные версии. Однако если интригу ещё можно “скрыть” и об её конкретных деталях возможно лишь догадываться, то политические последствия переворота, затрагивавшие интересы широких масс населения и политические круги, нашли своё отражение в законодательных, делопроизводственных и публицистических документах и в настоящий момент могут быть достаточно полно реконструированы.

Незадолго до основных событий в ночь на 17 ноября 1918 г. в Омске на банкете в честь французского генерала Жанена три казачьих офицера – начальник Омского гарнизона полковник Сибирского казачьего войска В.И.Волков, войсковые старшины И.Н.Красильников и А.В.Катанаев потребовали исполнить гимн “Боже, царя храни”. Представители Директории, присутствовавшие на банкете, обратились к А.В.Колчаку, который только что вернулся в Омск из недельной поездки на фронт, с требованием арестовать казачьих офицеров за “неподобающее поведение”. Но вместо этого в ночь на 18 ноября в квартире товарища министра внутренних дел по охране государственного порядка Е.Ф.Роговского были арестованы сам хозяин квартиры, три члена Директории – Н.Д.Авксентьев, В.М.Зензинов и А.А.Аргунов и прибывшая депутация из Архангельска – Я.Т.Дедусенко, М.А.Лихач и С.С.Маслов. Арест произвели офицеры во главе с В.И.Волковым, И.Н.Красильниковым и А.В.Катанаевым [1]. Местные обыватели, а впоследствии и эмигрантские мемуаристы говорили, что их действия направлял министр финансов И.А.Михайлов. Тотчас же по получению сведений о совершившемся, собрался Совет министров и ввиду “создавшегося острого положения и боязни эксцессов в эту трудную минуту”, решил, взяв всю полноту власти в свои руки, передать её затем в руки военного, который “только один мог поддержать порядок” [2].

Обратим внимание на некоторые детали происходившего. Заседание Совета министров утром 18 ноября открыл П.В.Вологодский. Он сообщил об арестах Авксентьева, Зензинова, Аргунова и Роговского и предложил обсудить создавшееся положение и найти какой-нибудь выход из него. Министр снабжения И.И.Серебренников вспоминал:

– На некоторое время воцарилось молчание, потом последовали вопросы об обстоятельствах переворота. Кто-то внёс предложение восстановить Директорию, хотя бы в составе трёх лиц: Вологодского, Болдырева (бывшего в тот момент на фронте) и Виноградова. Но последний категорически заявил, что он ни в каком случае не может принять этого предложения <...> Диктатор? Но кто? называются имена генералов Болдырева и Хорвата и адмирала Колчака. Последний присутствует на заседании и не возражает против того, что выставляется его кандидатура [3].

В записках И.И.Серебренникова о Колчаке отмечается также следующее:

– Колчак <...> произнёс большую политическую речь, в значительной степени программного свойства <...> адмирал с большим пафосом говорил о необходимости борьбы с большевиками, об усилении для этой цели фронта и тыла, об его, адмирала, отношении к союзникам, в частности к Англии, Америке и Японии, о возможной помощи от них и о необходимости усиления борьбы с ПСР, деятельность каковой адмирал считал глубоко антигосударственной. Адмирал почти единогласно был провозглашён Верховным правителем и, таким образом, Совет министров санкционировал совершившийся государственный переворот и оформил его. Я лично убеждён, что, если бы в этот момент Совет министров принял какое-либо другое решение, он был бы немедленно распущен, или вернее, просто разогнан теми же силами, кои совершили переворот в ночь на 18 ноября, и некоторые члены его оказались бы арестованы; адмирал был бы провозглашён диктатором и лично по своему выбору сформировал бы новый Совет министров [4].

На следующий день в омском правительственном официозе появились сведения о происшедших изменениях в органах власти. Прежде всего сообщалось, что 18 ноября “вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства” Совет министров “с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства” постановил “принять на себя всю полноту верховной государственной власти”. Постановление было подписано председателем П.В.Вологодским, членами Ю.В.Ключниковым, Л.А.Уструговым, Н.С.Зефириным, А.В.Колчаком, Г.К.Гинсом, С.С.Старынкевичем, Г.А.Красновым Л.И.Шумиловским, Н.И.Петровым, И.И.Серебренниковым, А.Н.Гаттенбергером, Н.Н.Щукиным, И.А.Михайловым и управляющим делами Совета министров Г.Г.Тельбергом [5].

Далее приводилось решение Совета министров о “временной” передаче верховной государственной власти адмиралу А.В.Колчаку, присвоив ему наименование верховного правителя” ввиду “тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках” [6].

О том, каким должно быть устройство новой власти, о месте в ней верховного правителя и Совета министров, мы можем судить по “Положению о временном устройстве государственной власти в России”, утверждённому Советом министров в тот же день. В нём требовалось:

– 1) Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит верховному правителю; 2) верховному правителю подчиняются все вооружённые силы Российского государства; 3) власть управления во всём её объёме принадлежит верховному правителю <...> верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооружённых сил и для водворения гражданского порядка и законности; 4) все проекты законов и указов, рассматриваются в Совете министров и по одобрению их оным, поступают на утверждение верховного правителя; 5) все акты верховного правителя скрепляются председателем Совета министров или главным начальником подлежащего ведомства; из сего изъемяются указы о назначении и увольнении председателя Совета министров, каковые скрепляются управляющим делами Совета министров; 6) в случае тяжкой болезни или смерти верховного правителя, а также в случае отъезда его от звания правителя или долговременного его отсутствия осуществление государственной власти переходит к Совету министров [7].

Разумеется, реальная ситуация может не в полной мере или вообще не соответствовать декларациям и законопроектам. Она определяется прежде всего соотношением сил. Однако действующее законодательство позволяет существующей власти использовать легитимные способы достижения некоторых своих целей.

Из многочисленных указов новой власти, датированных 18 и 19 ноября, можно выделить следующие.

Указом Совета министров военный и морской министр вице-адмирал А.В.Колчак был произведён в адмиралы [8].

В приказе № 1 (40) верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Колчака объявлялось:

– 1) Сего числа постановлением Совета министров Всероссийского правительства я назначен верховным правителем; 2) сего числа я вступаю в верховное командование всеми сухопутными и морскими силами России [9].

Следует отметить, что “все сухопутные и морские силы России” были такой же фикцией, как и “Всероссийское правительство”, власть новоиспечённого верховного правителя ограничивалась территорией Сибири и части Урала. А далее Совет министров попытался как можно скорее избавиться от своей предыдущей зависимости и связи с фактически упразднённой Директорией, объявив о том, что всем постановлениям Совета министров, не получивших ещё утвер-

ждения Временным всероссийским правительством, придаётся “законная сила без такового утверждения” [10].

На следующий день постановлением Совета министров был принят “Российский национальный гимн” – на слова “Коль славен наш господь в Сионе” на музыку Бортнянского вместо “Боже, царя храни!” [11].

Последнее вовсе не свидетельствует о “демократическом” или “буржуазно-демократическом” содержании новой власти, просто никакого царя не было. Пока.

К числу первых указов Колчака относится освобождение генерал-лейтенанта В.Г.Болдырева от возложенного на него верховного главнокомандования всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами России, поскольку эту должность теперь занимал сам А.В.Колчак. Соответствующий указ под № 8 был подписан 18 ноября [12].

В это время В.Г.Болдырев находился в Уфе. В своих записках он отметил следующее:

– Уфа, 18 ноября. Среди обеда меня вызвали к прямому проводу из Челябинска члены чешского Национального совета доктор Патейда и Свобода и сообщили: “Сегодня получили телеграмму из Омска от нашего уполномоченного, что ночью 18 ноября арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов и помощник министра внутренних дел Роговский офицерами отряда Красильникова, который сам отрицает издание этого приказа. Добавляем, что, по слухам, говорится в Омске о военной диктатуре”. Они интересовались моим мнением, как главковерха и члена Директории. Я наскоро ответил, что решение одно – немедленно освободить арестованных, разоружить Красильникова и предать суду виновных. Точно я не знал ещё, какова в этих событиях роль Колчака, Матковского и Розанова [13].

Напомним, что генерал-лейтенант С.Н.Розанов был временно исполняющим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего всеми вооружёнными силами Уфимской директории, а генерал-майор А.Ф.Матковский – временно исполняющим обязанности командующего Сибирской армией.

Болдырев сразу же попытался связаться с Матковским и Розановым. Он возмутился, что ему официально ничего не доложили об арестах в Омске и он был вынужден довольствоваться чуть ли не слухами. Матковский разъяснил, что об аресте Авксентьева, Зензинова и Роговского “неизвестными лицами в военной форме”, о переходе власти сперва к Совету министров, а затем к Колчаку ему со-

общил Розанов. Далее он рассказал, что в городе спокойно, в войсках тоже. У Розанова Болдырев поинтересовался, какова реакция Вологодского и Виноградова на происшедшее. Розанов сообщил:

– Оба члена правительства признали принятый вывод неизбежным. П.В.Вологодский остался председателем Совета министров, о В.А.Виноградове вопрос остался открытым, так как, признавая неизбежность факта, он считает для себя невозможным оставаться в Совете министров. Вопрос о союзниках открыт: ещё не было времени его разрешить <...> Имейте в виду, что все частные телеграммы отсюда запрещены и подробности доложу лично [14].

В.Г.Болдырев не пользовался популярностью в омских кругах, однако он занимал важную должность, поэтому 19 ноября в 11 часов вечера Колчак приказал ему немедленно прибыть в Омск, пригрозив, что неисполнение приказа будет считаться актом неповиновения верховному правителю и постановлению Всероссийского правительства [15].

На следующий день приказом № 42 Колчак уволил “в отпуск по болезни на один месяц” временно исполняющего обязанности начальника штаба генерал-лейтенанта С.Н.Розанова “согласно его рапорта”, а на его место 21 ноября приказом № 45 на следующий день “временно” был назначен полковник Добровольческой армии Деникина Д.А.Лебедев [16].

Подписав соответствующие приказы, Колчак всё же связался по прямому проводу с В.Г.Болдыревым и сообщил ему о событиях в Омске, остановившись подробно на том, что “неожиданно” для него самого на заседании Совета министров П.В.Вологодский с В.А.Виноградовым признали невозможным дальнейшее существование Директории. Далее, по словам Колчака, Совет министров признал нецелесообразным управлять ни всем своим составом, ни верховной властью из 2 – 3 человек. Министры пришли к выводу, что руководить всем должен один человек. Колчак якобы предлагал кандидатуру В.Г.Болдырева, разъясняя ему, что “для осуществления верховного управления достаточно передать верховному главнокомандующему полномочия по гражданской части”. Затем Колчак вышел, и в его отсутствие Совет министров постановил, чтобы он “принял всю полноту верховной власти, указав на тяжесть переживаемого момента, недопустимость отказа”. “Я принял этот тяжёлый крест, – разъяснял Колчак, – как необходимость и как долг перед родиной” [17].

Болдырев стал возмущаться:

– Таким образом, ни со стороны Вашей как военного министра, ни со стороны командарма Сибирской армии, ни со стороны Совета министров не было принято никаких мер к восстановлению прав потерпевших и к ликвидации преступных деяний по отношению членов Всероссийского правительства, кроме того, наличие третьего члена Директории, хотя и находившегося в отсутствии по делам службы создавало кворум и право Директории распорядиться своей судьбой. И здесь, и на фронте я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушившего всё, что было с таким великим трудом создано за последний месяц, я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения государственной власти, хотя может быть и не совершенной, но имевшей в своём основании признак законного избрания, я не получил от Вас ответа в отношении вопроса о верховном главнокомандовании и должен Вас предупредить, что судя по краткой беседе с генералом Дитерихсом и в этом отношении нанесём непоправимый удар идее суверенности народа, в виде того уважения, которое в моём лице упрочилось за титулом верховного главнокомандования и со стороны войск русских и со стороны союзников [18].

Далее В.Г.Болдырев объявил Колчаку, что распоряжений последнего как верховного главнокомандующего на фронте слушать не будут, и потребовал восстановления Директории, освобождения из-под ареста Авксентьева и других, сложения Колчаком его полномочий. Затем бывший верховный главнокомандующий Директории стал взывать к порядочности:

– Я счёл долгом чести и совести высказать моё глубокое убеждение и надеюсь, что Вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно, я не допускаю мысли, чтобы сколько-нибудь правительством государства были допустимы такие приёмы, какие были допущены по отношению членов Правительства и чтобы представители власти, находящиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его как свершившийся факт. Прошу это моё мнение довести до сведения Совета министров [19].

Колчак, уже подписавший указ об освобождении Болдырева от командования, стал нагло отпираться:

– Я не понимаю выражения Ваших чувств в смысле спокойствия или беспокойства Правительства и нахожу неприличным Ваше замечание о неприятии тех или иных мер в отношении совершившихся событий. Я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о

них, а не о своём отношении к ним. Директория вела страну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова всё то, что было создано до их вступления на пост верховной власти. Совершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мною переданы полевому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать далее, возбудив против себя все общественные круги и военные в особенности. Присутствующие члены Директории Вологодский и Виноградов признавали невозможным дальнейшее её существование. Положение создавало полную анархию и требовало немедленного и твёрдого решения, так как рассуждать в области отвлечённых представлений о кворуме Директории, из которой два члена были неизвестно где, два признали невозможным дальнейшее её существование и пятый в Вашем лице находился за тысячу вёрст. Решение было принято единогласно, и верховная власть военного командования и гражданского управления была возложена на меня. Я её принял и осуществил, так как этого требует положение страны. Вот всё [20].

На следующий день В.Г.Болдырев прибыл в Омск, встретился с Колчаком и попросил его передать войскам прощальную телеграмму:

– Главнокомандующему Западным фронтом генералу Ивану Сыровому, командующему Юго-Западной армией атаману Дутову и командующему Сибирской армией. Уходя из рядов доблестной русской армии, завещаю помнить, что будущее России – на фронте и в создании единой сильной боеспособной армии. Будет прочен фронт и крепка духом армия, будет обеспечено и воссоздание великой России. Прошу передать всем офицерам, солдатам и казачеству мою горячую признательность за их доблесть и великие труды. Главнокомандующего генерала Сырового прошу передать мой братский привет доблестным чехословакам за их незабываемую помощь [21].

Так без каких-либо осложнений В.Г.Болдырев сложил с себя своё звание верховного главнокомандующего Директории, и как частное лицо отправился на Дальний Восток.

В первый же день после переворота Совет министров поручил министру юстиции “безотлагательно назначить под его наблюдением следствие о событиях, имевших место в Омске в ночь на 18 ноября, и выразившихся в лишении свободы членов Временного всероссийского правительства Авксентьева и Зензинова, заместителя члена Временного всероссийского правительства Аргунова и товарища министра внутренних дел Роговского” [22].

На следующем заседании Совета министров министр юстиции С.С.Старынкевич сообщил, что он встречался с арестованными Авксентьевым, Аргуновым, Зензиновым и Роговским, которые пожелали, чтобы он отвёз их в частную квартиру одного из них, находящуюся в Омске, и чтобы им была обеспечена их безопасность и неприкосновенность как во время переезда, так и в указанной ими квартире. Старынкевич исполнил их просьбу, командировав “для их охраны” трёх офицеров. Что же касается явившихся к генерал-прокурору Волкова, Красильникова и Катанаева, то в их действиях он усмотрел состав преступления, предусмотренного ст. 100 уголовного уложения, поэтому прокурору Омской судебной палаты было предложено немедленно допросить их и передать в распоряжение военных властей [23].

Совет министров, заслушав это разъяснение, констатировал, что временный командующий Сибирской казачьей дивизией полковник Волков, командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковой старшина Катанаев и командир партизанского отряда войсковой старшина Красильников, “посягнув на верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую”, арестовали в ночь на 18 ноября в Омске председателя Временного все-русского правительства Н.Д.Авксентьева, его заместителя А.А.Аргунова, члена того же правительства В.М.Зензинова и товарища министра внутренних дел Н.Ф.Роговского. Ввиду этого было решено:

– 1) За указанное выше преступное деяние, учинённое поименованными лицами, предать их <...> чрезвычайному военному суду, учредив его в следующем составе: председатель – генерал-майор Матковский, члены: генерал-майор Бржеховский, полковник генерального штаба Сторожев, полковник Сибирского казачьего войска Берников при запасном члене генерал-майоре Агаркове <...> 2) чрезвычайному военному суду приступить к рассмотрению означенного дела 21 ноября <...> 3) на министра юстиции возложить обязанность передать чрезвычайному суду имеющиеся в его распоряжении материалы дознания и следствия; 4) суду рассмотреть дело в порядке правил о прифронтовых военно-полевых судах; 5) приговор представить на конфирмацию верховного правителя [24].

“Суд” состоялся 21 ноября. Защитниками выступали полковник Киселёв и присяжный поверенный Жардецкий. Полковник Волков сообщил, что с самого начала принимал участие в перевороте и наблюдал, в каких тяжёлых условиях нарождалась сибирская государ-

ственность. После того как организовалось Всероссийское правительство, у него появилась надежда на укрепление государственности, но дальнейший ход событий убедил его, что дело возрождения родины тормозится членами Директории Авксентьевым, Аргуновым, Зензиновым и Роговским. Последний был совершенно неприемлем с государственной точки зрения, напротив, он своими действиями способствовал организации антигосударственных элементов. В то же время с фронта приходили тревожные сведения об антигосударственной работе эсеров во главе с Черновым. В Омске организовались “большевистские силы”. Роговский, воспользовавшись инцидентом на банкете в честь французских войск, решил арестовать Красильникова. Арест предполагалось произвести при содействии особого отряда Роговского. “Я видел надвигающееся несчастье и обязан был его предупредить, это было начало забирая власти по охране города в руки партийной организации – я исполнил свой долг”, – настаивал Волков. В связи с замышляемым арестом Красильникова в отряде последнего окончательно созрело намерение произвести арест некоторых членов Директории. Волков разъяснил, что не посягал на верховную власть в целом, но только на отдельных её членов, деятельность которых он находил антигосударственной. В заключение он заявил, что виновным себя не считает, так как “он был бы виноват, если бы его действия вызвали переворот и анархию в стране”.

Красильников показал, что он посягнул на некоторых членов правительства “во имя любви к родине”. До него дошли сведения о замышляемом Роговским его аресте, после чего он отправился к Волкову и, посоветовавшись с ним, решил арестовать Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского.

Катанаев действовал из тех же побуждений, какие руководили Волковым и Красильниковым. Деятельность арестованных лиц он считал губительной для родины. Назревал момент, когда партия эсеров могла произвести переворот, причём этот переворот не мог принести пользы России, напротив, принёс бы вред. По приказу полковника Волкова, Катанаев разоружил отряд личной охраны Роговского и при обыске в квартире последнего обнаружил в денежном ящике документ о выдаче комитету партии социалистов-революционеров 5 тыс. руб. и некоему Спринговичу 30 808 руб.

Свидетели указывали, что распространялась прокламация Чернова, что намечено было бороться с правительственными войсками, что предполагалось арестовать членов Директории, не принадле-

жавших к эсеровской партии, эсеры вели агитацию против сибирской армии, причём всё это делалось по постановлению ЦК ПСР.

Защитник Киселёв заявил, что подсудимые выступили не против верховной власти, просто хотели изъять отдельных лиц. Это незаконно, но надо издавать новый закон, что люди действовали по существу правильно. Жардецкий добавил, что в законе ничего не говорится о защите Директории как верховной власти – есть о защите императора, Временное Сибирское правительство издало закон о своей защите, Директория не издала такого закона. А раз нет закона, то нет и преступления. Превышение власти требовалось обстановкой, надо было действовать, а не бездействовать как во времена Керенского, это по существу была самооборона. Если бы бездействовали, то получили бы правительство Роговского – Чернова: “жалкое, бессмысленное и гибельное для страны” [25].

По приговору полковник В.И.Волков, войсковой старшина И.Н.Красильников и войсковой старшина А.В.Катанаев были признаны оправданными. Было решено довести до сведения министра юстиции следующее:

– При рассмотрении дела о полковнике Волкове и других, из показаний допрошенных свидетелей и представленных к делу документов усматривается, что некоторые члены ЦК ПСР и члены партии составили и распространили воззвание, в котором призывали к мобилизации и вооружению членов партии эсеров для борьбы против Временного всероссийского правительства, восстановления Областной думы, борьбы против дисциплины, установленной в армии, и нежелательной для партии. Роговский, совместно с другими членами партии эсеров организовал вооружённый отряд в целях устранения нежелательных партии членов Директории генерала Болдырева и Вологодского и выполнения террористических актов против офицеров и других лиц [26].

Из хода “суда”, широко освещавшегося в местной правительственной газете, совершенно очевидно, что главной его задачей было осуждение эсеров, которых кадетско-монархические круги считали своими политическими противниками наряду с большевиками.

21 ноября П.В.Вологодский записал в дневнике:

– Сегодня состоялся чрезвычайный суд над виновниками ареста членов Директории. Суд оправдал всех трёх. Оправдательный приговор произвёл на меня тягостное впечатление. Я мало верил в то, что Волков, Красильников и Катанаев понесут в результате суда какое-нибудь наказание. Но я думал, как и многие другие, что суд всё-

таки их осудит, но затем Колчак их помилует, что ему предоставлялось по нашей конституции. Получилось иначе. И получилось впечатление хорошо разыгранной комедии [27].

Но Вологодский, кажется, был удовлетворён результатами суда. А В.Н.Пепеляев и вовсе записал в дневнике, что “вообще с судом перемудрили; было бы лучше, если бы его совсем не было” [28].

Указом верховного правителя от 21 ноября товарищ министра внутренних дел Е.Ф.Роговский увольнялся от занимаемой должности [29].

Осуждённых отправили из Омска. Как отметил в дневнике В.Н.Пепеляев, “арестованные члены Директории выехали из Омска в подавленном настроении, не веря, что останутся живы. Причём офицеры караула обращались с ними хорошо, а солдаты – грубо” [30].

А дальнейшее следствие “по преступным действиям членов ЦК ПСР” было возложено на члена Омской судебной палаты Х.Д.Брюхатова [31].

В первые дни после переворота в Омске пафосные слова лились нескончаемым потоком. 20 ноября в правительственной газете появилось обращение верховного правителя адмирала А.В.Колчака “К населению”:

– 18 ноября 1918 г. Временное всероссийское правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал её мне, адмиралу русского флота, Александру Колчак (так в тексте. – В.К.). Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашённые по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам [32].

Колчак, видимо, не случайно не упомянул эсеров. Они считались у кадетов какой-никакой партией. Большевики же были всего лишь “кучкой преступников”.

Если верить дневниковым записям В.Н. Пепеляева, то это обращение было составлено им самим вместе с начальником Николаевской военной академии генералом А.И.Андогским и полковником

Д.А.Лебедевым у Колчака, при этом обсуждалось несколько проектов, составленных офицерами, и незаконченный проект самого адмирала. Колчак разъяснил, что в обращении должны быть фразы о демократии, отсутствии реакционных намерений и об армии исключительно для “замыливания глаз” союзников [33].

На следующий день были подписаны два приказа № 43 и 44, обращённые к армии. В первом из них объявлялось:

– Офицеры русской армии. С давних времён Вы являетесь оплотом и гордостью русской армии. Вы всегда были преданнейшими сынами великой России. Теперь, когда наша израненная родина вновь становится на путь национального возрождения, я убеждён, что вы отдадите все свои силы и не остановитесь ни перед какими жертвами, чтобы сплотиться вокруг меня для дружной самоотверженной боевой и созидательной работы по воссозданию армии и восстановления российского государства. Благородная Англия и прекрасная Франция дружески протянули нам свои руки братской помощи, и я глубоко верю в то, что с ними, храбрыми чехословаками и с нашими молодыми солдатами мы спасём Россию, мы её возродим и сделаем её снова могучей и великой. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах [34].

Во втором Колчак заявлял:

– Я требую, чтобы в начавшейся тяжёлой боевой и созидательной работе на фронте и в тылу, офицеры и солдаты изъяли из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу, подрывающую устои русского государства и разлагающую нашу молодую армию. Все офицеры, все солдаты, все военнослужащие должны быть вне всякой политики. Только тогда мы сумеем создать могущественную армию и спасти Россию. Теперь у всех в мыслях, на устах, в сердцах и на деле должно быть только одно стремление – отдать все свои силы армии и родине. Начальникам всех степеней принять решительные меры к точному проведению в жизнь моего требования. Всякие попытки извне и внутри втянуть армию в политику приказываю пресекать всеми имеющимися в руках начальников и офицеров средствами [35].

Через день появился очередной приказ № 46 следующего содержания:

– Я призываю вас сплотиться около меня, как первого офицера и солдата, сковать свои ряды воинской дисциплиной, отказаться от всякой политики, партийности, отбросить мелкие личные счёты, интриги и вражду, уже приведшие нас однажды к гибели, и выполнить

честно свой долг перед родиной; с оружием в руках смыть тяжкий позор на неё наброшенный, очистить её от предателей и врагов и создать в ней условия мирной и спокойной жизни, когда временная верховная власть верховного правителя и верховного главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле, воле свободного, независимого народа, достойного занять подобающее место среди великих государств [36].

Конечно, офицеров и солдат не призывали вступать в партию кадетов. И в этом смысле армия может считаться “беспартийной”. Однако партийные противники уже были определены, и армии предстояло с ними бороться. Так, публицист Л.Ушаков в правительственном офицерище разъяснял:

– Русское общество проснулось после первых месяцев революционного пира с тяжёлым похмельем, которое продолжается в Советской России и по сегодняшний день <...> У нас ныне есть свои Нижний Новгород, Смоленск – это Сибирь, Дон, которые спасут “Москву”, всю Россию, надо только “решиться” верить в себя, в свои силы, приняться за святой труд, принести жертвы и мы обретём своё русское имя, великую ценность которого мы хорошо познали только в дни послереволюционного похмелья и великого поста [37].

Ликвидация Директории и приход Колчака к власти вызвали единодушную поддержку в кадетских и буржуазных кругах. Екатеринбургская кадетская газета “Отечественные ведомости” писала:

– Исходя из неоднократно нами высказывавшегося убеждения, что создание единоличной власти уже давно стало вопросом времени, что оно было неизбежно, что отворотить его нельзя было ничем, мы, однако, далеко не были безразличны к персональным формам её воплощения. Мы должны поэтому высказать глубокое удовлетворение, видя на верхах управления адмирала Колчака <...> За смертью генерала Алексеева <...> только два лица могли сосредоточить на себе те чаяния, осуществление которых связывалось с именем покойного: адмирал Колчак и генерал Деникин. События привели первого на пост верховного правителя, второго – на пост главнокомандующего всех сил юга России. В их совместной и согласованной деятельности на благо России и заключается теперь гарантия окончательного успеха [38].

Уфимская буржуазная газета, высказываясь в поддержку установления диктатуры, считала её неизбежным этапом в развитии революции. Вот как она это аргументировала:

– Процесс создания диктатуры и её развитие есть процесс самоорганизации народа, а разочарования революции обращают народ к охлократии. И, действительно, в основе развития народовластия западноевропейских стран мы видим революционную диктатуру: протекторат Кромвеля положил начало английской конституции, а империя Наполеона – Французской республике <...> Вышеизложенные соображения, как нам кажется, в достаточной мере показывают, что диктатура в известных условиях есть несомненный шаг к народовластию. Вот почему многие деятели, будучи последовательными демократами и прямыми сторонниками народовластия, в некоторых случаях могут высказаться за диктатуру [39].

Новониколаевская “Русская речь” разъясняла:

– Печальный опыт в России показал, что коалиционная директория превращается в арену борьбы различных политических течений, борьбы, сводящей на нет созидательную государственную работу. При таких условиях остаётся один выход для спасения государства – всю полноту государственной власти передать одному лицу. От директории перейти к диктатору. Неизбежность этого перехода давно была признана наиболее трезвым элементом русского общества. Надлежит приветствовать осуществление необходимой для воссоздания России меры, а также счастливое избрание диктатора в лице А.В.Колчака [40].

Барнаульская “Народная свобода” комментировала:

– В данный момент мы всё-таки можем быть относительно спокойными потому, что создавшийся несколько дней тому назад Совет министров во всём своём составе остаётся у власти, а это служит солидной гарантией за то, что в принятом в последнее время направлении нашей внутренней и внешней политики не последует существенных изменений. С другой стороны, личность Верховного правителя адмирала Колчака, пользующегося высоким моральным авторитетом в широких военных и гражданских кругах, внушает уверенность и известную долю спокойствия за ход грядущих событий [41].

Далее газета призывала “всех любящих родину граждан” безропотно подчиниться создавшемуся положению, несомненно вызванному исключительными обстоятельствами, “в целях спасения родины”.

Председатель алтайского комитета партии народной свободы К.Э.Клярнер, адресовав послание Колчаку, сообщил в омскую правительственную газету, что комитет “приветствует принятие Вами

всей полноты власти для возрождения родины, высказывает пожелание полного успеха в этой трудной, взятой Вами задаче, и твёрдую надежду, что Ваша любовь, преданность родине и государственный опыт восстановят мощь России и введут её как равную в семью великих народов” [42].

Иркутская кадетская газета “Свободный край” передачу власти А.В.Колчаку назвала логическим следствием событий последнего времени, “когда демагогия и преступления революционной демократии похоронили российскую государственность”. В газете разъяснялось:

– Очередной задачей является не развитие и установление идей народоправства <...> а создание основ прочного правопорядка для достижения главной и основной задачи – воссоздания России. Ведь с точки зрения народоправства и демократического правопорядка, и большевикам должно быть предоставлено право изустно и письменно излагать свои взгляды... Идея народоправства, доведённая до логического конца, снова бы возвратила нас к светлому царству соведпов и кредепов. Идея народоправства не является идеей высшего порядка: наивысшая идея – это идея государства. При отсутствии государства идеи народоправства не имеют реальной ценности, ибо самая идея народоправства может развиваться в условиях государственного бытия [43].

Комитет иркутской организации ПНС 23 ноября постановил:

– Усматривая в передаче всей полноты власти адмиралу Колчаку акт государственной необходимости, вызванный интересами возрождающейся России и государственного правопорядка и выражая твёрдую уверенность, что новая власть сумеет собрать рассыпавшиеся обломки России и установить начала прочного демократического правопорядка, ограждая возрождающуюся государственность от покушений как слева, так и справа, комитет иркутского отдела ПНС заявляет, что он по мере сил и разумения будет поддерживать эту власть и к такой поддержке призывает все государственные и партийные общественные силы [44].

Причина единодушной поддержки кадетов совершившемуся переходу власти к Колчаку очевидна: они сами были идеологами переворота и теперь они стали правительственной партией, оттеснив эсеров. Однако особенностью было то, что не одни кадеты оказались партийной опорой режима. Вскоре после переворота Колчак получил поддержку блока политических партий, в который входили Совет общероссийского съезда кооперативов (А.Сазонов), омский фи-

лиал Союза возрождения России (В.Куликов), Совет общероссийского торгового и промышленного съезда (Д.Каргалов), Омский комитет народной социалистической партии труда (А.Новиков), Сибирское (Е.Березовский), Забайкальское (М.Лапшаков), Семиреченское (С.Шендриков) и Иркутское (С.Мелентьев) казачьих войска, омская группа эсеров “Воля народа” (И.Строганов), восточный филиал ЦК ПНС (В.Жардецкий), центральный военно-промышленный комитет (Н.Двинаренко), Акмолинский областной филиал общероссийского национального союза (Г.Ряжский), российская социал-демократическая рабочая партия “Единство” (И.Рубанков), блок политического и социального союза (А.Балакшин) [45].

Омская газета “Русская армия” комментировала:

– Принятие ряда постановлений социалистическими и несоциалистическими партиями о поддержке образовавшейся новой честной, прямой и твёрдой государственной власти свидетельствует нам об отрадном проявлении созревшего государственного разума. Всё государственное и лучшее, что может выявить возрождающаяся страна, таким образом, ясно и определённо объединяется для реализации государственного строительства. Остаются вне созидательной работы лишь левосоциалистические группы, для которых уроки революции представляют собой ничего не значащие страницы [46].

Дело, конечно, не в “государственном разуме”. Промежуточные группы между кадетами и мелкобуржуазными партиями вроде народных социалистов и социал-демократов “Единства” по программным положениям сближались с кадетами. В данном случае они просто поспешили примкнуть к победителям.

Однако в восторженном хоре приветствий раздавались и голоса протеста. Так, чехословацкий Национальный совет 21 ноября заявил, что чехословацкая армия борется за идеалы “свободы и народоправства”, и не будет сочувствовать и содействовать перевороту, так как он “нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и российского” [47].

Сведения о перевороте в Омске вызвали протест у эсеров на Урале и в Сибири. Собравшаяся 21 ноября Челябинская городская дума решительно заявила:

– Городская дума с глубоким негодованием приняла известие о новом государственном перевороте в Омске, устранившем только что установившуюся всероссийскую власть. Городская дума полагает, что такие перевороты окончательно расшатывают и без того очень слабое в стране сознание права и законности и делают власть

игрушкой в руках безответственных групп. Твёрдо убеждённая в необходимости укрепления законного государственного порядка на основах полной демократии и признания законных прав трудового народа, Городская дума выражает горячее желание скорейшего восстановления законной власти и порядка в стране; наказания виновных в омском перевороте, аресте председателя Всероссийского правительства Авксентьева и членов Правительства Аргунова и Зензинова [48].

К протестующим присоединились челябинский отдел “Союза возрождения”, заседавший в городе съезд представителей городского и земского самоуправления восьми уездов, городские рабочие-печатники, частное совещание гласных Екатеринбургского уездного земства [49].

Челябинская эсеровская газета назвала события в Омске “преступным покушением”:

– Новый удар – удар не по какой-нибудь партии, даже не по демократии, а по всей России. И опять удар из Омска <...> И над кем совершено насилие? – Над теми людьми, честно, открыто и самоотверженно исполняющими долг, который они обязались выполнить перед представительством всей освобождённой России [50].

Через несколько дней газета вновь вернулась в этой теме:

– Понятию законности, права, которого так не достаёт русскому народу и которое всемерно уничтожалось большевистской анархией, такими же большевистскими методами действия нанесён теперь непоправимый удар справа <...> Омский переворот или открывает в России двери новой волне анархии, или вводит правительство голого штыка, почти ничем не отличающегося от власти комиссародержавия [51].

В Уфе, несмотря на то, что командующий Самарской группой правительства Директории генерал-майор Войцеховский запретил распространение “каких бы то ни было политических воззваний или обращений к частям войск или к населению помимо штаба самарской группы”, а также приказал ввести цензуру “как временную меру недопущения пропаганды, воззваний и распоряжений внутреннего характера, могущих повлиять на стойкость и сплочённость войск”, в задачи которой входило “недопущение в печать распоряжений, воззваний и статей, заключающих в себе призыв к новой гражданской войне или вносящих раскол и смуту в ряды войск”, уфимская социал-демократическая газета “Голос рабочего” активно публиковала материалы, осуждавшие установление диктатуры и

требовавшие от съезда членов Всероссийского Учредительного собрания “взять в свои руки борьбу с контрреволюцией, с колчаковским переворотом, оградить и сохранить Учредительное собрание от всяких контрреволюционных покушений”. Одновременно социал-демократы отвергали Директорию, поскольку в ней были “изменник” Вологодский и “скрывшийся” Виноградов, а также Совет министров, принимавший участие в перевороте [52].

С решительным осуждением событий в Омске выступила Уфимская городская дума. На её заседании 22 ноября А.И.Свешников от фракции трудовиков предложил резолюцию, в которой “единственным полным выразителем власти народа, впредь до Всероссийского Учредительного собрания” признавалась Директория и категорически отвергалась “власть диктатуры”. В проекте резолюции фракции ПСР, внесённой Ю.Ю.Блюменталем, констатировалось, что “в избрании Временного всероссийского правительства участвовали следующие политические задачи организации возрождающейся России, областные правительства, национальные группы и представители органов самоуправления”, и, таким образом, правительство это “опирается на широкие общественные круги и может быть названо правительством народного доверия”. Далее он объявлял, что для борьбы с большевизмом и “собирая разрозненных частей государства” всякая попытка к разрушению Временного всероссийского правительства, не основанная на волеизъявлении народа, должна быть заклеяна как “преступное дело, направленное против государственного возрождения России”. В другом проекте той же фракции, предложенной В.П.Гиневским, заявлялось, что она протестует против реакционных попыток ликвидации власти, а после ликвидации Временного всероссийского правительства признаёт единственным всероссийским центром и органом власти или Учредительное собрание или Совет управляющих ведомствами Комуча. Одновременно фракция эсеров объявила, что она “не может изменить своего отношения к начатой борьбе с большевизмом во имя восстановления народовластия и всех завоеваний Февральской революции”. С аналогичными требованиями выступили народные социалисты и РСДРП [53].

В итоге была принята резолюция, хотя и предложенная от мусульманской фракции Ибн Ахтямовым, но мало чем отличающаяся от эсеровской:

– Кучкой безответственных никому не ведомых лиц насильственно устранено от власти Временное всероссийское правительство,

избранное путём соглашения областных правительств, политических партий, национальных групп и местного самоуправления на Уфимском государственном совещании, причём верховная власть, принадлежащая Временному правительству, вручена адмиралу Колчаку с объявлением его единоличным правителем России. Таким образом, кучкой заговорщиков произведён государственный переворот, который может быть вполне приравнен к октябрьской аванюре большевиков, и который в результате также может породить в стране нескончаемую гражданскую войну. Считая, что омский переворот является грубым посягательством на верховные права народа российского, а формы его осуществления противоречащим элементарным требованиям права и морали культурного государства, полагая, что в разгар борьбы с большевиками и накануне переговоров о всеобщем мире, когда требуется единство России, ввержение страны в новую гражданскую войну является изменой против государства российского, Городская дума выражает протест против омского переворота [54].

К резолюции Городской думы присоединилось частное совещание членов губернского и уездного земства [55].

Аналогичные события происходили в Тюмени. 24 ноября тобольский губернский комиссар В.Н.Пигнатти сообщил в министерство внутренних дел:

– В губернии в общем спокойно. В Тюмени Городская дума на внеочередном заседании постановила: “Диктатура не вызывается необходимостью. Дума стоит на платформе Учредительного собрания”. Начальник гарнизона изъял из печати эту резолюцию и закрыл навсегда газету социал-демократов “Рабочий день” [56].

С протестом против переворота в Омске выступили мелкобуржуазные газеты, издававшиеся в Сибири. Так, томская “Народная газета” констатировала:

– Государственное совещание в Уфе явилось последней попыткой к созданию коалиционной власти – и она потерпела крах. Вот внутренний смысл совершившихся событий в Омске. Идея коалиции у нас долго не возродится. Ей не возродиться, пока у нас не будет здоровой классово-партийной борьбы, пока борющиеся силы не осознают ясно и отчётливо, чего они добиваются и чего – это самое главное – они могут добиться <...> Директорией <...> никто не был доволен: одни её нерешительностью по отношению к правым, на что и указывает прокламация эсеров, а другие – её нерешительностью по отношению к левым. Другими словами: одни недовольны были од-

ной частью членов Директории, а другие – другой. Ясно, что при таких условиях коалициям нет места. Вопрос о власти решается силой. Он временно так и решён [57].

Как ни странно, в оценке произошедших событий меньшевистская газета оказалась близка к истине. А дальше шли рассуждения о “третьем пути”, который в очередной раз должен был “спасти” Россию. Меньшевик Д.Розенберг рисовал следующую радужную картину:

– Между большевизмом и монархизмом “расположены” либерализм и демократизм – либерализм, очищенный от всяких налётов монархизма, демократизм, свободный от “примесей” большевизма <...> В России и историческая обстановка, и весь пройденный революционный путь, сменивший самодержавный, вполне подготавливает почву для блока между либерализмом и демократизмом. Враги большевизма из демократического лагеря и враги большевизма из либерального лагеря должны объединиться для совместной борьбы во имя воссоздания свободного демократического русского государства [58].

Енисейская мелкобуржуазная газета “Новый путь” однозначно оценила события в Омске как “преступный захват власти со стороны реакционных сил”, как “узурпацию прав народа”. Соглашаясь с неизбежностью подобного развития событий, “при тех условиях, какие представляет собой русский народ в смысле понимания идей государственности, в смысле способностей к разумному государственному строительству”, газета разъясняла:

– Большевизм слева и большевизм справа, враждующие и непримиримые, роковым образом помогая друг другу, железными тисками давят демократию. Ничего не достигая в роли примирительницы, она гибнет, как гибнет сама Россия. Кровавые призраки гражданской войны не блекнут, а всё ярче вырисовываются на создаваемом противодемократическими силами фоне. Появление на этом фоне фигуры верховного правителя предопределяет дальнейшую тактику демократии. От дела государственного строительства силою вещей она отвлекается к участию в гражданской войне. Восстановление народовластия – цель стремлений демократии – это её “быть или не быть”, вопрос жизни и смерти. Без народовластия нет демократии. Поэтому и надежды на восстановление народовластия погибнут лишь с гибелью самой демократии [59].

Интересная дискуссия развернулась в Иркутской городской думе 19 ноября, когда ещё полной картины произошедших событий никто не знал. Эсер Шепшелевич сообщил:

– Власть, созданная в Уфе, упразднена насильственно, упразднена в то время, когда мы подходим к воссозданию великой и крепкой России. Вам известно, с каким трудом состоялось соглашение. Мы все знаем ту платформу, на которой создавалась власть. И теперь Директория лишена возможности быть субъектом этой власти <...> Здесь не произошла передача власти. Это является результатом борьбы. Занимая прежнюю позицию, позицию здоровой коалиции, мы должны поддержать правительство, власти которому была делегирована Уфимским совещанием [60].

Кадет Кочнев возразил:

– Здесь вынесено пожелание поддержать Директорию. Но нам пока не ясно, что происходит в Омске. Из неточных телеграфных сообщений лишь видно, что Директория уступила власть Совету министров, а Совет министров передал всю полноту власти А.В.Колчаку. Мы видим, что коллегиальная диктатура перестала существовать и уступила место единоличной диктатуре. За коллегиальной диктатурой всегда следует единоличная диктатура. Это – логический ход событий. И мы должны признать эту власть законной и ей подчиниться. Протест неуместен [61].

Тем не менее по предложению меньшевика Фишмана была принята (при воздержавшихся кадетов) резолюция о необходимости “оказать поддержку Директории в той борьбе, которая начата против неё” [62].

Иркутская мелкобуржуазная газета демагогически призывала:

– Демократия не погибнет, демократия восторжествует. Пройдём ещё один предметный урок и всё же придём к единственному спасительному единению всех живых сил страны, ибо вне такого единения творческих сил нет выхода, вне демократических форм есть только жизненное умирание. Народ русский доказал свою жизнеспособность: не умер под палкой самодержавия Романова – не умрёт и теперь [63].

Об этом же заявил выступивший 23 ноября на заседании местного отделения Демократического союза его председатель Г.Б.Патушинский, отметивший также, что “без помощи союзников мы не обойдёмся, но для этого сами должны стоять на собственных ногах. Наша ориентация должна быть англо-французской и американской, но отнюдь не японской” [64].

Это выступление характерно для промежуточных между эсерами и кадетами политических групп: они выступали против диктатуры, как и эсеры, но за интервенцию, как и кадеты.

Иркутский комитет РСДРП “Единство” объявил, что ставит своей главной целью “приложить все силы к созданию таковой коалиции среди государственно-демократических элементов, стремящихся к возрождению страны и развитию её производительных сил через Учредительное собрание нового состава [65].

А в далёком от Омска Семипалатинске, как сообщил 3 декабря в министерство внутренних дел семипалатинский областной комиссар Самойлов, известия о перевороте в городе были приняты “безразлично”, но “уверены, что будет царь”. Далее он писал:

– В городских рабочих кругах отношение к перевороту в массе безразличное. В рабочей интеллигенции подозрительно враждебное, в отдельных случаях переходящее в подавленное. Городская обывательская масса в общем не осознала происшедшего. Интеллигенция служилая, в свободных профессиях, в общественных организациях принимает диктатуру как необходимый факт по пути к устройству правопорядка. В общем довольно благожелательно [66].

С протестом выступил также съезд членов Всероссийского Учредительного собрания, который находился в Екатеринбурге. Напомним, что совет министров Директории 16 ноября обсуждал необходимость упразднения этого съезда, но не решился этого сделать, чтобы не вызвать осложнения с чехами, хотя приказ о расформировании добровольческих отрядов имени Учредительного собрания и русско-чешских полков всё же был издан [67].

Секретарь съезда членов Учредительного собрания Н.В.Свяцкий подробно описал, как развивались события в эти дни. Предоставим ему слово:

– После полудня 18 ноября приехал в “Пале-Рояль” какой-то чех и весь взволнованный сообщил нам, что только что получено сообщение из Омска о том, что там сегодняшней ночью произведён переворот, и что члены Директории, эсеры, арестованы <...> Часов в 5 вечера в номере у В.М.Чернова уже собрались все члены ЦК и бюро съезда, сообщая друг другу разнообразные циркулировавшие по городу и, конечно, преувеличенные слухи <...> Было жаль товарищей, но в то же время ясно, что недостойной комедии, какую представляет из себя противоестественный блок революции с реакцией, пришёл конец.

Было решено сегодня же ночью устроить совместное заседание ЦК и бюро съезда для решения вопроса о том, кому, в какой форме и как взять на себя задачу активной борьбы с Колчаком. Но предварительно нужно было окончательно и вплотную сговориться с чехами: согласны ли они поддержать съезд или во всяком случае не противодействовать начинающейся борьбе съезда с Колчаком? Для переговоров с Гайдой и другими ответственными представителями чешско-словацкого Национального совета были командированы депутаты И.М.Брушвит и Н.В.Фомин.

Часам к 11 вечера посланные к чехам депутаты вернулись. Они сообщали, что большинство чешских руководителей сейчас уезжает из Екатеринбурга в Челябинск, в ставку главнокомандующего всеми чешско-словацкими войсками в России генерала Сырового. В ставке состоится совещание чехов, и выяснится их отношение к происшедшему перевороту и их дальнейший образ действий.

Чехи успели только сказать: “Вы можете не сомневаться в нашем отношении к перевороту: наши гарантии съезду остаются в силе, что бы съезд ни предпринял”. В первом часу ночи в номере Чернова состоялось заседание <...> Собрание решило <...> ограничиться пока общей фразой: цель борьбы – “восстановление законного порядка” <...> В.М.Чернов предложил список кандидатов в члены исполнительного комитета съезда, который решено было учредить в составе 7 человек. Список этот, по обсуждению каждой отдельной кандидатуры, был принят полностью. Составился он таким образом: в состав Комитета прежде всего вошли оба председателя – Учредительного собрания и Съезда – В.М.Чернов и В.К.Вольский; от мусульманских депутатов вошёл И.Алкин; от ЦК – Н.Н.Иванов (военный специалист) и Ф.Ф.Федорович, от правого крыла – Н.В.Фомин, как лицо близкое к чехам – Н.М.Брушвит [68].

Утром 19 ноября пленум съезда членов Всероссийского Учредительного собрания утвердил решения совещания, персональный состав исполнительного комитета и выработал текст воззвания к населению, содержащий прокламирование власти съезда и призыв к ниспровержению омской диктатуры. На этом заседании пленума все наличные силы съезда были распределены для военной, организационной и другой работы, вызваны рабочие дружины с ближайших заводов [69].

Ф.Ф.Федорович проинформировал находившихся в Уфе членов Комуча о решении съезда Комитета и предложил разослать телеграммы “всем гражданам России”, а также Сыровому в Челябинск,

что власть Колчака не признаётся и что образован Комитет из 7 членов Учредительного собрания. В это же время В.К.Вольский и В.М.Чернов отправили телеграмму Совету управляющих ведомств в Уфу с приветствием Народной армии и чехам:

– От имени съезда выражаю приветствие храбрым революционным войскам, продвигающимся к Самаре и Симбирску. Соединённым силам доблестных чешских войск и добровольцев батальона имени Учредительного собрания пусть удастся славное дело возвращения демократии в России оторванных от неё территорий. Восстановив свою власть, Всероссийское Учредительное собрание всегда будет помнить славных защитников демократии. Прошу Вас передать приветствие полковнику Каппелю и всем войскам Вашего фронта [70].

Тем временем в Екатеринбурге офицеры решили обыскать гостиницу “Пале-Рояль”, где жили Чернов и президиум съезда (Вольский, Алкин и Святицкий). Но последние предупредили чехов о предстоящем обыске, надеясь на их вмешательство, и переехали в епархиальное училище, где до этого обычно заседал съезд. В 9 вечера в гостиницу нагрянули солдаты под командованием офицеров 25-го Уральского полка. Они ранили члена Уральского областного бюро ПСР И.Н.Моксунова, а В.М.Чернова пытались заколоть штыками. Охрана чехов велела вернуть всех обратно в “Пале-Рояль”, где они пробыли 20 ноября под их охраной, затем Гайда приказал им выехать в Челябинск. По данным екатеринбургской газеты “Отечественные ведомости”, И.Н.Моксунов был застрелен [71].

Съезд Комуча, стремясь добраться до своих однопартийцев в Уфу, отправился в Челябинск. Секретарь съезда описывал, что в Челябинске чехи целый день не принимали их. Потом стало известно, что их собираются отправить в Шадринск, при этом Сыровой извинялся за “недоразумения” и в итоге согласился отправить их в Уфу, где находились члены Совета управляющих ведомствами Комуча: Веденяпин, Филипповский, Климушкин, Нестеров и Рудко. [72].

18 ноября Совет управляющих ведомствами Комуча в Уфе заслушал устное заявление, сделанное по поручению верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта В.Г.Болдырева командующим Самарской группой войск генерал-майором С.Н.Войцеховским о том, что 1) в Омске группой контрреволюционеров арестовано Временное всероссийское правительство и провозглашена диктатура адмирала А.В.Колчака; 2) ввиду всего происшедшего верховный главнокомандующий генерал-лейтенант В.Г.Болдырев просит Совет

управляющих ведомствами принять все меры к тому, чтобы не нарушалось правильное течение жизни края; 3) генерал-лейтенант В.Г.Болдырев выехал из Уфы для переговоров о ликвидации кризиса. Было решено: 1) образовавшуюся путём переворота в Омске власть не признавать; 2) принять на себя всю полноту власти на территории Комуца; 3) войска с фронта не снимать <...> 4) послать председателю Совета министров П.В.Вологодскому ультимативное заявление с протестом (копию было решено послать Башкирскому правительству); 5) обратиться к Чехословацкому национальному совету с заявлением [73].

Тут же была составлена телеграмма П.В.Вологодскому. В ней требовалось:

– Узнав о государственном перевороте в Омске, Совет управляющих ведомствами заявляет: узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское правительство и Учредительное собрание никогда не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев и анненковцев Совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта межгосударственной войны, Совет управляющих ведомствами предлагает Вам немедленно освободить арестованных членов Правительства, объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав Временного всероссийского правительства. Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами объявит Вас врагами народа, доведёт об этом до сведения союзных правительств, предложит всем областным правительствам активно выступать против реакционной диктатуры в защиту Учредительного собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа [74].

Звонкие фразы этой телеграммы, естественно, не произвели никакого воздействия, хотя Вологодский, по свидетельству его дневника, телеграмму получил [75]. Поступали и другие протесты в адрес премьер-министра. Так, 20 ноября врид комиссара Приуралья из Челябинска телеграфировал в Омск:

– В интересах государственного порядка необходимо немедленное восстановление Директории в прежнем составе. Переворот вызывает общее возмущение, возможны большевистские выступления в населении, войсках. Трудно предвидеть предел несчастий принесённых стране переворотом [76].

Однако каких-либо реальных сил, способных отстранить Колчака от власти, в Омске не было и все эти протесты остались пустым звуком.

В обращении Комуча к Чехословацкому совету предлагалось:

– Узнав о совершившемся в Омске преступном государственном перевороте, губящем дело спасения России, дело, созданное усилиями её лучших сынов и геройскими подвигами чехословаков, Совет управляющих ведомствами на территории Комуча доводит до сведения чехосовета, что Совет не остановится ни перед какими мерами, чтобы вырвать власть из рук изменников родины и создать твёрдую демократическую власть, которая одна может спасти Россию. Вместе с тем Совет примет все меры, чтобы сохранить порядок и спокойствие как в тылу, так и на фронтах и выражает твёрдую надежду, что Чехосовет окажет всяческую поддержку Совету в его начинаниях [77].

Примечательно, что слово “твёрдо” употреблено дважды. Оно заимствовано из лексикона кадетов, которые упорно говорили о “твёрдой” власти, имея ввиду диктатуру.

Однако чехословаки преследовали свои собственные цели, и пока конъюнктура складывалась в пользу эсеров, они их поддерживали, теперь же в изменившейся политической ситуации они вынуждены были искать другое решение.

22 ноября съезд членов Учредительного собрания ещё находился в Челябинске. Вольский связался с Веденяпиным в Уфе. Воспроизведём ключевые моменты их диалога.

Вольский: В Екатеринбурге съезд был захвачен реакционерами и вынужден выехать оттуда. Здесь оставаться он не может <...> членов съезда 44 и разных лиц при съезде около 60. В Екатеринбурге оставили несколько человек.

Веденяпин: Приезд съезда в известной мере осложнит положение в Уфе, но лучше всё же приезд в Уфу, чем в Шадринск.

Вольский: Наша позиция такова: мы требуем восстановления Директории, конечно без виновных непосредственно в перевороте, и в этом направлении мы делаем обращение к Национальному совету и союзникам.

Веденяпин: Наше мнение таково: Совет управляющих ведомствами должен быть независим от съезда. Это требует местная обстановка.

Вольский: Я совершенно согласен с Вашим предложением [78].

Комучевцы, однако, отчётливо понимали, что кроме громких слов у них практически нет реальных сил. Свидетельством тому может служить информация Климушкина о том, что Вольский, размышляя на тему: “Что лучше для России – большевики или Колчак с его диктатурой”, всё-таки отдавал “предпочтение последнему”. Он говорил, что Колчак “неизбежно во имя собственного самосохранения должен будет курс своей политики повернуть налево; если он этого не сделает, то, конечно, погибнет” [79].

Даже если эта информация не верна, она всё же отчётливо рисует позицию эсеров в первый период установления власти Колчака и их предполагаемую тактику: эволюция “влево” колчаковской диктатуры.

Совет управляющих ведомствами тем временем пытался изобразить кипучую деятельность. 22 ноября он обсуждал необходимость подчинения территории Златоустовского уезда Совету управляющих ведомствами. Было решено уезд подчинить, назначить в уезд уполномоченным А.С.Буянова и сообщить об этом командующему Самарской группой войск генерал-майору Войцеховскому [80].

На следующий день он постановил ввести должность представителя Совета управляющих ведомствами при Чехословацком национальном совете [81].

Затем дебатировалось учреждение высшей инспекции по формированию добровольческих частей по предложению управляющего военными делами Чехословацкого национального совета Медека. Было признано необходимым “для правильной и успешной работы по созданию добровольческих воинских частей” учредить при главнокомандующем всеми союзными силами Западного фронта высшей инспекции по формированию добровольческих частей в составе представителей от Чехосовета, съезда членов Всероссийского Учредительного собрания, генерал-инспектора, его помощника и начальников отделов инспекции [82].

25 ноября Совету поступило требование военного командования о передаче военным властям штаба охраны и милиции. Было решено “оставить вопрос открытым до окончания переговоров с Чехосоветом по общеполитическим вопросам” [83].

Затем было решено созвать представителей от областных правительств, союза земств и городов и тюрко-татарского национального совета для обсуждения событий в Омске [84].

На заседаниях Совета обсуждалась и такая идея: пусть Колчак считает себя верховной властью в Омске, а Совет управляющих ве-

домствами и съезд членов Учредительного собрания провозгласят себя властью в районах Волги и Камы, в результате чего произойдёт возврат к положению, существовавшему до Уфимского совещания и создания Директории: Поволжье и Сибирь вновь “разойдутся”. Однако никакого решения на этот счёт принято не было [85].

Когда командующий Оренбургским фронтом атаман А.И.Дутов потребовал 5 млн руб., ссылаясь на предложение главнокомандующего Западным фронтом генерал-майора Сырового на основании распоряжения Временного правительства, то Совет управляющих ведомствами, выяснив, что такого распоряжения не было, решил указанную сумму не отпускать и поручил члену Совета М.А.Веденяпину переговорить об этом с военным командованием [86].

28 ноября управляющий ведомством иностранных дел Веденяпин из Уфы разговаривал по телеграфу с представителем Чехосовета Куделей в Екатеринбурге. Веденяпин пожаловался, что Чехосовет занял неопределённую позицию по текущему моменту: в то время как Комуч выступает за восстановление областных правительств, Сыровой позволил вести переговоры Колчаку и Дутову и не дал Совету управляющих ведомствами доступа к телеграфу, потребовал передать 5 млн руб. Дутову, “которые будут употреблены для содействия Колчаку против демократии”, передать в руки военных милиции и государственной охраны. Веденяпин объявил также, что назначение командующим Самарского и Симбирского фронтов монархиста Каппеля равносильно “активному содействию омскому монархическому мятежу”. Он стал настаивать, чтобы Самарским и Симбирским участком командовал полковник Махин при общем командовании Войцеховского. Однако Куделя ничего конкретного не ответил, а лишь заверил, что передаст все эти “пожелания” в президиум Чехосовета и будет ждать его решения [87]. В конечном же итоге чехословаки не стали оказывать никакой помощи Комучу.

30 ноября появился приказ № 56 верховного правителя, в котором требовалось:

– Бывшие члены самарского Комитета членов Учредительного собрания, уполномоченные ведомств бывшего самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени, несмотря на указ об этом всероссийского правительства, и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе, в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск пытаются поднять восстание против государственной власти, ведут разрушительную агитацию среди войск, задерживают телеграммы верховно-

го командования, прерывают сообщение западного фронта и Сибири с оренбургскими и уральскими казаками, присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобождённой от большевиков. Приказываю: 1) всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применить оружие <...> 3) все начальники и офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мной военно-полевому суду. Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти [88].

Развязка наступила вечером 2 декабря. Ещё утром Войцеховский убеждал Вольского уехать из Уфы, а уже в 10 часов вечера были арестованы 12 депутатов Учредительного собрания (Иванов, Федорович, Павлов, Филипповский, Нестеров, Подвицкий, Лотошников, Владыкин, Васильев, Доцанов, Алексеевский и Николаев) и отправлены в Омск. Оставшиеся в Уфе эсеры перешли на нелегальное положение [89].

3 декабря начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Дитерихс телеграфировал в министерство внутренних дел:

– Оказавшиеся налицо в Уфе члены бывшего Совета управляющих ведомствами и ЦК бывших депутатов Учредительного собрания арестованы в ночь со 2 на 3 декабря и ныне находятся на пути в Омск. Так как бывшая Директория своевременно не успела принять дела от бывшего Совета управляющих ведомствами, то в волостях, уездах и городах Уфимской губернии до сих пор действуют административные органы бывшего правительства. Необходимо назначить нового начальника губернии [90].

Таким образом, Колчак ликвидировал последний оплот эсеров и завершил процесс упразднения областных правительств, начатый Уфимской Директорией.

Смысл переворота был понятен уже современникам событий. Предоставим им слово. Управляющий делами Временного Сибирского правительства и член правительства Колчака Г.К.Гинс в записках отмечал:

– Идея диктатуры носилась в воздухе. Её культивировал Национальный центр, её признавал и пропагандировал торгово-промышленный класс. В этой идее было здоровое начало. Единоличная власть упрощает отношения, вносит большую устойчивость. Меняются министры, меняется политика, а глава остаётся тем же, и госу-

дарство не испытывает тяжёлых потрясений, не переживает судороги, охватывающей обыкновенно всю экономическую жизнь при каждом революционном перевороте, ставящем страну перед неизвестностью и загадочностью будущего [91].

Министр иностранных дел в правительстве Колчака И.И.Сукин также признавал:

– Почва для переворота, таким образом, готова: налицо было раздражение сибиряков, разочарование в Директории отдельных политических группировок, недовольство активных деятелей типа Михайлова, негодование офицеров и нетерпение Гайды. Эта обстановка определила и состав участников событий 18 ноября. Главным деятелем переворота следует считать, конечно, Михайлова, затем генералов Волкова и Красильникова, нескольких морских офицеров, слепо преданных лично А.В.Колчаку, Гайду и молодого полковника Генерального штаба Д.А.Лебедева [92].

29 ноября П.В.Вологодский записал в дневнике:

– За минувшие дни я убедился, что переворот 18 ноября не вызвал общественного сочувствия к Директории и негодования против виновников переворота. Последние в большинстве населения даже просили за своего рода героев. Представители союзных держав примирились с фактом переворота. Как будто так и должно было быть. У меня одно время создалось представление даже, что некоторые из союзников знали о предстоящем перевороте и не препятствовали ему. Всё это примирило мою совесть с этим переворотом, я стал спокойнее относиться к событиям и не мучиться упрёками за своё поведение в этих событиях [93].

Даже такой непримиримый противник Колчака как эсер Е.Е.Косов вынужден был признать следующее:

– Колчаковский переворот совершился 18 ноября. Момент для переворота был чрезвычайно благоприятный. Директория никаким серьёзным авторитетом не пользовалась <...> Рабочие или профессиональные организации либо не существовали, либо замерли, погрузились под влиянием начинавшегося террора в полудремотное состояние. На крестьянство никто из переворотчиков не обратил внимания <...> Что же касается обывателя и вообще всей той бесформенной массы населения, по преимуществу городского, мнение которого обычно принимается в цензовой прессе за голос народа, то оно было настроено глубоко аполитично и желало только одного, чтобы его оставили в покое <...> Когда утром 18 ноября омский обыватель, проснувшись, узнал, что у него теперь новое правитель-

ство во главе с адмиралом Колчаком, то он отнёсся к этому скорее благожелательно, чем с неудовольствием. Да и у многих на душе стало как-то легче: по крайней мере теперь всё ясно: диктатура так диктатура [94].

В другой работе Е.Е.Колосов констатировал:

– Если в момент чехословацкого переворота летом 1918 г. по Сибири ходила острота, что власть перешла к “Закупсбыту”, ввиду участия кооперации в общем ходе тогдашних событий, то теперь можно было с гораздо большим правом сказать (с бoльшим, так как роль кооперации в первом случае явно преувеличивалась), что власть перешла к Омскому военпрому [95].

Наконец, предоставим слово министру финансов И.А.Михайлову, которого многие считали, если не организатором, то как минимум вдохновителем переворота. 12 декабря в беседе с корреспондентом омского “Правительственного вестника” он разъяснял:

– События 18 ноября явились вполне естественными и неизбежными. Эти события подготовила сама Директория своей деятельностью. Директория по самой своей идее была совершенно чужда настроениям населения. Население нуждается в правительственной власти, последовательно и твёрдо стремящейся установить правопорядок, без которого не может быть никакой хозяйственной деятельности. Между тем Директория оказывалась в этом отношении явно несостоятельной, к тому же, по самой своей идее она должна была существовать только до 1 января [96].

Итак, 18 ноября период “демократической контрреволюции” завершился, эсеры потеряли власть, и она перешла к кадетско-монархическим группировкам во главе с адмиралом А.В.Колчаком. Это был закономерный итог, поскольку в условиях обострения классовой борьбы, доходящей до открытой гражданской войны, никакой “третий путь” становился невозможным.

1.2. Политика нового правительства

Основные контуры политики колчаковского правительства были обозначены уже в первые дни после переворота. Так, управляющий министерством иностранных дел Ю.В.Ключников 19 ноября в интервью разъяснял, что новое правительство не считает себя “одним из областных правительств”, а собирается “чувствовать себя правительством России, говорить и действовать от имени России”. Затем он стал обосновывать тезис, что переворот свидетельствует не о

“бессилии власти на востоке России”, а об укреплении “начал государственности”, ссылаясь на то, что всё управление по-прежнему находится в руках Совета министров в прежнем составе во главе с прежним председателем “всеми глубоко и искренне уважаемым” П.В.Вологодским. Далее Ю.В.Ключников сослался на обращение А.В.Колчака, в котором объявлялось, что “впредь будет держаться тот политический курс, который один только и способен привести Россию к окончательному воссоединению в одно целое и возродить русскую государственность – путь борьбы как с крайне правыми, так и с крайними левыми антигосударственными течениями – путь здоровой трезвой государственности” [1].

Заявляя о преемственности политики Временного Сибирского правительства, колчаковское правительство решительно отмежевалось от всяких претензий членов Учредительного собрания и самого Учредительного собрания на власть в стране. Омская правительственная газета разъясняла:

– Бесспорно, что если бы даже выборы 1917 г. (в Учредительное собрание. – *В.К.*) были произведены вполне правильно, если бы настроения и желания подавляющего народного большинства в то время совпадали с программой и тактикой социал-революционной партии, то после захвата власти большевиками и всех ужасов, произведённых ими под знаменем социализма, после Брестского мира, наглядно показавшего значение формулы “без аннексий и контрибуций”, после раздробления России на много враждебных друг другу и одинаково безгосударственных, бессильных частей, словом, после всего пережитого за этот год, и настроения, и мечты, и воля народа должны были сильно измениться, и бывшие избранники не только могли, но должны были проверить волю пославшего их народа путём выборов. Иначе быть не может, и лишь тот, кто цепляется за власть ради партийных или личных интересов, не осмелится поставить себя на суд народный, а употребит все усилия, чтобы сохранить формальную доверенность народа, не желая знать, что она давно уже уничтожена [2].

Вскоре родилась идея созыва некоего Национального собрания, чтобы окончательно отмежеваться от Комуча и съезда членов Учредительного собрания. А.В.Колчак в интервью омской правительственной газете попытался показать разницу между двумя собраниями:

– Я избегаю называть Национальное собрание Учредительным собранием, так как последнее слишком скомпрометировано. Опыт

созыва Учредительного собрания, собранного в дни развала страны дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного собрания собралось партийное, которое запело Интернационал и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо. Вот почему я и говорю о созыве Национального собрания, где народ в лице своих полномочных представителей установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России [3].

Как видим, разницу он видел опять-таки в партийном составе собрания. В этом же интервью верховный правитель объявил, что он будет добиваться соглашения с остальными государственными образованиями, возникшими на территории, освобождённой от большевиков, а с большевиками – вести “беспощадную, неумолимую борьбу”. Что касается государственного устройства страны, то к нему можно приступить лишь после уничтожения большевизма. Обсуждая необходимость установления диктатуры, Колчак заявил:

– Меня называют диктатором. Пусть так, я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времён была учреждением в республиканских руках. Как сенат Древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров российского государства в тяжчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня верховным правителем <...> Я всегда являлся сторонником порядка и государственной дисциплины, а теперь в особенности буду требовать от всех не только уважения права, но и, что главнее всего в процессе восстановления государственности, поддержания порядка [4].

Таким образом, основными идеями, которые определяли внутреннюю политику, были установление диктатуры, беспощадная борьба с большевизмом и пресечение попыток мелкобуржуазных партий восстановить разогнанное большевиками Учредительное собрание. Посмотрим теперь, что же провозглашало новое правительство в экономической сфере. В первые дни после прихода Колчака к власти омская правительственная газета разъясняла:

– Должен быть разработан вопрос о развитии русской промышленности в связи с вопросом об открытии восточной границы для свободного ввоза товаров из заграницы. Основными тезисами этого вопроса должны быть: 1) здоровое развитие промышленности возможно только в здоровых условиях; 2) одним из таких условий является свободная конкуренция; 3) для свободной конкуренции необ-

ходим свободный доступ заграничных товаров на внутренний рынок; 4) свободный ввоз должен быть предоставлен только для товаров массового потребления, жизненно необходимых для страны; 5) ввоз должен регулироваться государством; 6) промышленности должна быть оказана поддержка, не носящая характер опеки [5].

23 ноября 1918 г. под председательством верховного правителя состоялось первое заседание чрезвычайного Государственного экономического совещания. Заместителем председателя совещания был назначен директор одного иностранного предприятия в Омске В.Г.Федосеев, который в бытность работал государственным контролёром кабинета Штюмера и считался знатоком финансов. Перед совещанием были поставлены следующие задачи: предложить комплекс мер для облегчения финансового положения правительства, налаживания снабжения армии и восстановления производства и товарообмена в Сибири [6].

После того как информация о событиях в Омске распространилась по всей Сибири и Уралу, в адрес Колчака стали приходить верноподданнические телеграммы от торгово-промышленников. Так, поступили телеграммы от бюро самарских торгово-промышленных организаций за подписью председателя Неклютина, от Совета съезда судовладельцев Западной Сибири, Новониколаевского биржевого комитета за подписью председателя Чернышева, Тюменского биржевого общества и т.п. Торгово-промышленный класс призывал Колчака восстановить государственную и военную мощь России и защищать “национальные интересы России” [7].

За этой словесной трескотнёй скрывались вполне прозаические интересы крупной российской буржуазии, о чём уже открыто заявлялось в докладной записке Всероссийского Совета съездов торговли и промышленности. Он требовал от колчаковского правительства “проведения крупного внешнего, главным образом, товарного займа при неременном условии ограждения интересов отечественной обрабатывающей и добывающей промышленности и торговли <...> впредь до заключения внешнего займа – немедленного освобождения торговли и промышленности от пут всевозможных монополий и стеснений”. К записке было приложено следующее пояснение:

– На успех широкого внутреннего займа рассчитывать нельзя. Приходится считаться с психологией масс, держателей кредиток и их суррогатов, копящих деньги и не доверяющих их банкам. Приходится учитывать отсутствие стимулов у крестьян к обмену “цар-

ских” и в крайнем случае “думских” денег на неизвестные и не имеющие твёрдого курса облигации [8].

Что касается кооперативов, то они также поддержали колчаковское правительство. 30 ноября к Колчаку пришли представители маслоделательных кооперативных артелей и передали ему от имени союза заём с возвратом в 1 млн руб. Колчак передал всю сумму министру финансов для помещения в банк и последующей отправки на фронт. Приказом № 58 он выразил “глубокую благодарность Союзу маслоделательных артелей, первым пришедшим на помощь для удовлетворения неотложных потребностей армии” [9].

Крупные денежные пожертвования колчаковское правительство получило и от торгово-промышленников. Совет съездов торговли и промышленности даже решил создать особый фонд путём обложения всех капиталов особым налогом и передать его в распоряжение Колчака [10].

Однако всё это делалось не бескорыстно. Взамен торгово-промышленники планировали получить заказы на снабжение армии. Так, 1 декабря общее собрание владельцев торгово-промышленных предприятий Омска, созванное комитетом объединённых торгово-промышленных организаций, постановило “привлечь весь торгово-промышленный класс к делу снабжения армии, для чего организовать бюро, через которое будут размещаться заказы на предметы, нужные для армии”. На бюро возлагалась обязанность “сношений с правительством по всем вопросам, связанным с поставками” и “ходатайствования об устранении всего, что мешает выполнению законов”. Это собрание также обратилось к Колчаку с просьбой о “раскрепощении торговли”, что “даст возможность каждому приложить все свои знания и опыт в деле возрождения экономической мощи России и прежде всего в неотложном деле снабжения армии всем необходимым”. Соответствующая телеграмма о том, что Совет съездов добивается “объявления свободной хлебной торговли” была разослана всем торгово-промышленным организациям [11].

Следом появилось интервью председателя съезда Всероссийского совета торговли и промышленности А.А.Гаврилова. Воспроизведём характерные моменты.

Корреспондент: Что является очередным вопросом для торгово-промышленного класса?

А.А.Гаврилов: Объединение торгово-промышленного класса в сеть стройных организаций является первой задачей Совета съездов <...> Для того, чтобы создать правильную торгово-промышленную

политику, нужно объединение капитала в различных отраслях торговли и промышленности <...> Таким образом, вокруг Совета создаётся постепенно концентрация промышленного капитала, которая позволит правильно и целесообразно направлять его.

Корреспондент: Ваше отношение к кооперации?

А.А.Гаврилов: К сожалению то, что создала русская действительность в этой области, нельзя назвать кооперативами. Идейная сторона дела забыта, кооперативное хозяйство приняло ненормальный характер, лучшие кооператоры уже поднимают голос, призывая кооперацию вернуться к нормальной деятельности. Тогда и мы будем приветствовать кооперацию и не исключается возможность здорового сотрудничества между кооперативной и торговой промышленностью. Пока же последняя должна мобилизоваться, чтобы опять занять соответствующее место, но это возможно лишь <...> при условии тесной связи мест и центра – связи, если нужно, принудительного характера, для создания здорового работоспособного ядра торгово-промышленного аппарата. Материальные средства дадут торгово-промышленным организациям иное значение, помогут организовать содействие восстановлению народно-хозяйственной жизни страны [12].

В записке совещания винокуренных заводчиков Сибири и Приуралья, направленной министру финансов, отмечались отрицательные стороны приостановления работы винокуренных заводов и прекращения продажи водки населению. Совещание считало необходимым восстановить винокуренную промышленность на новых началах, “заменяя казённую монополию свободной торговлей, передавая организацию этой торговли обществу винокуренных заводчиков при условии создания регулирующего торговлю аппарата, определения цен и развёрстки выработки спиртного отдельными заводами” [13].

А ещё торгово-промышленники добивались если не отмены реквизиции помещений, то хотя бы урегулирования этого процесса. Временный комитет торгово-промышленных организаций Омска обратился к председателю Совета министров с соответствующим ходатайством. Также было решено просить Омскую городскую думу “в ближайшем заседании рассмотреть вопрос о реквизиции помещений и принять соответствующие меры, так как массовая реквизиция торгово-промышленных помещений вредно отражается не только на торговле и промышленности, но и на интересах города” [14].

То же самое относилось и к земельной собственности. Так, общее собрание членов союза земельных собственников и арендаторов Западной Сибири 19 декабря постановило:

– 1) Земельный вопрос должен быть разрешён немедленно; 2) признать единственно правильным разрешением земельного вопроса установление права частной собственности на землю; 3) просить правительство об отмене запрещения совершать сделки с частной собственностью; 4) признать необходимым установление для каждой области максимального землевладения на праве частной собственности; 5) вся земля сверх максимума должна добровольно парцелироваться на мелкие хозяйства [15].

Председатель союза земельных собственников и арендаторов Н.А.Мельников в интервью омской правительственной газете разъяснял:

– Союз ставит себе главной целью защиту института частной собственности. В этих целях союз стремится объединить местные союзы в единое целое. Центральный союз имеет в виду оказывать воздействие на правительство в смысле пожеланий исправления всего того, что было испорчено большевиками в сфере земельных отношений <...> Если бы вопрос о частной собственности был твёрдо разрешён, денежные средства, скопившиеся в громадном количестве у сельских хозяев и, главным образом, у крестьян, пошли бы в оборот, и экономическая жизнь страны пришла бы в нормальное состояние. Частная собственность как основа богатства страны, должна быть восстановлена. Поэтому союз должен добиваться у правительства разрешения этого вопроса и ходатайствует об устранении всего того, что мешает переходу владений из рук в руки в порядке купли – продажи [16].

Колчаковское правительство пошло навстречу требованиям торгово-промышленников. Так, министр финансов И.А.Михайлов, отвечая на вопрос о возможности участия торгово-промышленного класса в деле снабжения армии, заявил, что отношение министерства финансов будет “только доброжелательным” [17].

В докладе министра продовольствия Н.С.Зефирова в декабре 1918 г. отмечалось:

– Законоположения Временного Сибирского правительства от 6 июня о регулировании хлебной торговли (ст. 24), о регулировании мясной торговли (ст. 26) и о регулировании торговли маслом (ст. 27) изданы были вслед за падением в Сибири большевизма и являлись переходной ступенью от государственной монополии к свободной

торговле хлебом <...> Вслед за принятием Советом министров нового закона о регулировании торговли маслом, донныне ещё не опубликованного, но сделавшегося уже широко известным <...> в министерство продовольствия стали поступать многочисленные заявления со стороны кооперативных и коммерческих кругов, заинтересованных в торговле маслом, что закон этот <...> их больше не удовлетворяет <...> В том же законопроекте о регулировании торговли хлебом сохранено требование обязательной регистрации заготовителей у уполномоченных, регистрации у них всех сделок на хлеб и учёт ими заготовленного продукта, равно как и перевозка по разрешительным свидетельствам уполномоченных <...> Наряду с разработкой законопроектов о хлебной и мясной торговле министерством продовольствия разрабатывался и закон о мясной торговле. Созванное для освещения вопроса совещание представителей ведомств и скотопромышленников пришло к выводу, что в настоящее время только при свободной торговле мясом армия и население могут быть в достаточной степени снабжены этим продуктом <...> Таким образом, министерство продовольствия вносит законопроекты о регулировании торговли всех трёх важнейших продуктов своего времени: хлеба, масла и мяса и полагает необходимым для торговли всеми этими продуктами создать единообразный, вернее единый закон – закон о полной свободе торговли этими продуктами [18].

Итак, экономическая политика, точнее её основы, сводились к двум пунктам – свобода торговли и частная собственность. Это была та же самая экономическая платформа, которая провозглашалась эсеровскими правительствами в период “демократической контрреволюции”.

Общие контуры внешней политики колчаковского правительства также были намечены в первые дни существования новой власти. 19 ноября министр иностранных дел Ю.В.Ключников, выдавая желаемое за действительное, объявлял:

– Решающую роль для жизни всех сторон играет факт победного перемирия наших союзников с Германией, за которым последует мир. Условия перемирия дают России возможность считать, что ни одно из обещаний ей союзниками не забыто, что она ими не покинута и снова может стать великой и сильной. Международная обстановка сложилась таким образом, что сильная Россия нужна всем. Она – условие международного равновесия и вместе с тем условие образования Лиги наций, или Лиги государств, которая по благо-

родному почину президента Вильсона должна быть создана, как итог войны для предотвращения будущих войн <...> Россия сама хочет быть сильной, великой и единой. Если бы Россия осталась ослабленной и раздробленной, она действовала бы против разума истории и совершила бы преступление по отношению к прогрессу, культуре и мировой солидарности, а все те, кто способствовал бы ей в этом, совершили бы преступление ещё более тяжкое, чем её собственное преступление. Но, повторяю, Россия хочет быть единой, сильной и великой и будет такой [19].

В декларации российского правительства 21 ноября 1918 г. провозглашалось:

– Считая себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 г. законных правительств России – правительство, возглавляемое верховным правителем адмиралом Колчаком, принимает к немедленному исполнению по мере восстановления целокупной России все возложенные по ним на государственную казну денежные обязательства, как-то: платёж процентов и погашений по внутренним и внешним государственным займам, платежи по договорам, содержание служащих, пенсии и всякого рода иные платежи, следуемые как-либо из казны по закону, по договору или по другим законным основаниям. Правительство объявляет при этом все финансовые акты низвергнутой Советской власти незаконными и неподлежащими выполнению как акты, изданные мятежниками [20].

Основную ставку в уничтожении большевизма колчаковское правительство делало на бывших союзников по Антанте. Так, А.И.Андогский в статье “Куда полезно направить избыток союзных сил” разъяснял, что “в интересах всего цивилизованного мира” необходимо выделить крупные силы для “уплотнения кольца”, которое сжимает оставшуюся под властью большевиков территорию Европейской России, которая уже отрезана от всех морей и богатых хлебом местностей, а “более плотное кольцо блокады” ускорит ликвидацию большевизма. Причём это не было частным мнением А.И.Андогского, поскольку через пару дней в правительственной газете появилось аналогичное разъяснение о необходимости опоры на союзников [21].

В декларации колчаковского правительства 7 декабря объявлялось, что союзники не должны оставлять Россию “в современном её состоянии, угрожающим цивилизованному миру новыми великими

потрясениями и длительным лишением утомлённых народов благ мирной жизни, а победителей – плодов их подвигов” [22].

А в середине декабря омская правительственная газета вообще утверждала, что “сильная единоподержавная Россия – страхового полис и Европы, да и вообще старого и нового света” [23].

В соответствии с этими декларациями были предприняты конкретные действия. Совет министров 17 декабря постановил образовать при министерстве иностранных дел под председательством министра иностранных дел особое подготовительное к мирным переговорам совещание, состоящее из: а) товарища министра иностранных дел, директора второго департамента и советников политических отделов; б) представителей министерств финансов, военного, морского, торговли и промышленности, путей сообщения, труда, земледелия, продовольствия, снабжения и главного управления почт и телеграфов; в) начальника дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего; г) представителей государственного контроля по назначению государственного контролёра и д) особо приглашённых по постановлению совещания сведущих лиц. На это совещание возлагались “собрание и всесторонняя разработка материалов по вопросам, связанным с мирными переговорами и с взаимоотношением России с союзниками и помощью, оказываемой ими России” [24].

Вскоре появилось заявление российских общественно-политических объединений начальнику французской военной миссии при колчаковском правительстве генералу Жанену, в котором требовалось следующее:

– В настоящее время, когда Франция приходит в качестве старой союзницы на помощь России в её борьбе за восстановление государства Российского в былом его достоинстве и единстве, общественные силы России испытывают повелительную необходимость поделиться с её представителем, символизирующим сейчас эту помощь Франции, тем пониманием своих задач, которые они кладут в основу своего содействия общему делу <...> Русские общественные силы не сомневаются, что союзная помощь, которую Россия счастлива воспринять от великого французского народа, найдёт такие пути и формы, которые, находясь в соответствии с этими их стремлениями и чувствами, окажут России и в частности её армии живительную поддержку, необходимую для выполнения русским народом его национальных задач [25].

Генерал М.Жанен со своей стороны всячески уверял, что сообщённые в прессе сведения о том, что союзные войска, оперирующие в Западной Сибири, будто бы в непродолжительном времени должны получить приказ не принимать участия в вооружённой борьбе против большевиков якобы потому, что перемирие с Германией исключает возможность участия на стороне большевиков германцев, неверны и России “будет оказана помощь союзниками, где и в чём только будет возможно” [26].

Тем временем Совет министров упразднил высший Совет снабжения союзных армий, действовавший в пределах России; его обязанности передавались министерствам военному, снабжения и продовольствия; военному министру поручалось выработать положение о совещательном межсоюзническом комитете при военном министерстве по делам снабжения и продовольствия союзных армий для утверждения в Совете министров [27].

Рассчитывало колчаковское правительство и на поддержку чехословаков, поскольку за ними стояли всё те же бывшие союзники по Антанте. Так, 4 декабря в приказе № 60 А.В.Колчак выражал “глубокую благодарность всем генералам, офицерам и солдатам доблестных чехословацких частей” и пожаловал 1-й и 2-й чехословацким дивизиям по 100 знаков отличия военного ордена святого Георгия на каждый полк и артиллерийскую бригаду, а всех офицеров чехословацких частей представлял к очередному русскому ордену [28].

В то же время у колчаковского правительства возникли проблемы во взаимоотношениях с Германией, Украиной, Персией и Японией. Так, комментируя восстание Петлюры на Украине, омская кадетская газета объявила, что это выгодно только Германии, которой нужна “смута в России”, её разделение “на составные части” и самостоятельная Украина [29].

Омская “Заря” в декабре 1918 г. разъясняла:

– Независимость Украины есть гибель, как для неё самой, так и для всей России и поэтому нельзя не рассматривать усиления сепаратистских влияний на Украине как новое совершенно немыслимое препятствие. Как неизбежно изжит большевизм, так же неизбежно изжита “самостийность” Украины. Мы должны выразить нашу глубокую надежду на то, что наши союзники это поймут и своими действиями на юге не будут помогать нарастанию сепаратизма украинцев, а найдут иные силы, на которые можно опереться для помощи России. Дробление России и особенно такое, какое исповедуется на Украине, не в интересах и самих союзников. Политическая и финан-

сово-экономическая подкладка украинского сепаратизма как отблеск австрофильской и германской ориентации, как следствие враждебного России плана центрально-европейского блока, не должны бы, казалось, позволить союзникам признать “самостийников” [30].

Что касается Персии, то колчаковское правительство возмущалось тем, что персидское правительство в одностороннем порядке объявило все договоры, конвенции и обязательства, заключённые между Россией и Персией, уничтоженными, а все концессии, выданные в Персии, утратившими свою силу. Колчаковское министерство иностранных дел заявило протест в адрес персидского правительства и уведомило об этом английское правительство, которое в свою очередь заверило колчаковское правительство, что “Англия со своей стороны не признает подобного одностороннего аннулирования договорных отношений” [31].

Таким образом, лагерь антисоветской интервенции не был единым, соответственно, не был единым и лагерь внутренней контрреволюции: одни его представители ориентировались на Германию, другие – на Антанту, третьи – на Японию. В то время как колчаковское правительство ориентировалось на Англию и Францию, Япония разместила свои войска на Дальнем Востоке и в Забайкалье и оказывала поддержку атаманам И.П.Калмыкову в Хабаровске и Г.М.Семёнову в Чите. Именно в противоречиях Антанты и Японии лежат основы конфликта между адмиралом Колчаком и атаманом Семёновым. Посмотрим, как развивался этот конфликт.

Атаман Г.М.Семёнов в ответ на назначение Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим издал приказ о принятии на себя всей полноты власти как военной, так и гражданской в Забайкальской области. Он направил письма П.В.Вологодскому, Д.Л.Хорвату и А.И.Дутову, в которых напомнил, что Колчак мешал деятельности Особого Маньчжурского отряда в Харбине и на посту диктатора Семёнов хотел бы видеть А.И.Деникина, Д.Л.Хорвата или А.И.Дутова. 20 ноября Г.М.Семёнов направил телеграмму А.В.Колчаку, в которой требовал отмены суда над полковником В.И.Волковым, войсковыми старшинами И.Н.Красильниковым и А.В.Катанавым и настаивал на немедленной их высылке в его распоряжение. Одновременно атаман отправил ультиматум П.В.Вологодскому, в котором заявил, что не признает Колчака и если последний всё же будет оставлен в должности Верховного правителя, то Семёнов объявит автономию Восточной Сибири. Приказом № 60 Колчак отстранил его от должности командира 5-го отдельного Приамурского

корпуса. Япония одобрила действия Семенова, направив ему в конце ноября телеграмму: “Японские общественные круги не одобряют Колчака. Вы протестуйте против него” [32].

Затем 1 декабря А.В.Колчак издал приказ о подчинении 5-го корпуса генерал-майору В.И.Волкову, которому приказывалось “привести в повиновение всех неповинующихся Верховной власти, действуя по законам военного времени” [33]. Однако японское командование не допустило отряд Волкова в Читу для ареста атамана. В.Н.Пепеляев отметил в дневнике:

– Совет министров решил обратиться к союзникам с нотой о действиях Японии, стоящей за спиной Семёнова. Семёнов, уже близкий к подчинению, снова прервал сообщение с востоком [34].

Таковы были основные контуры наметившейся внутренней и внешней политики колчаковского правительства. Прежде чем рассматривать, как в дальнейшем осуществлялись эти намерения и декларации, необходимо посмотреть на основных действующих лиц, призванных воплощать эту политику на практике.

Прежде всего отметим, что поначалу действовал в прежнем составе Совет министров бывшего Временного Сибирского правительства и Директории практически в полном составе. Однако его действия были парализованы деятельностью Совета верховного правителя, который был утверждён Советом министров уже на третий день после переворота по представлению управляющего делами Г.Г.Тельберга. В решении Совета министров отмечалось, что этот Совет верховного правителя в составе председателя Совета министров или его заместителя, министра внутренних дел, министра иностранных дел и министра финансов создаётся “в целях достижения единства воли и действий между верховным правителем и Советом министров и для рассмотрения дел, подлежащих непосредственному ведению верховного правителя” [35].

Г.К.Гинс в своих заметках с горечью отмечал:

– Председатель Совета министров, министр внутренних дел, министр финансов, министр иностранных дел и управляющий делами, т.е. поимённо: Вологодский, Гаттенбергер, Михайлов, Ключников и Тельберг составили так называемый “Совет верховного правителя”, которому суждено было обратиться в своего рода “звёздную” палату <...> Самостоятельная работа совета верховного правителя имела последствием то, что Совет министров отошёл от политики. Нередко он узнавал о важных решениях и актах одновременно и даже позже частных лиц. Совет министров стал заниматься почти исклю-

чительно законодательством, утратив в значительной степени функции органа управления [36].

30 ноября появился приказ об отмене предварительной цензуры и о предоставлении военно-цензурному отделению ставки верховного главнокомандующего права закрывать газеты по целому ряду поводов, далеко выходящих за пределы компетенции военного ведомства. Ни председатель Совета министров, ни управляющий делами, ни министр внутренних дел не протестовали. Г.К.Гинс констатировал: “Совет министров, который нёс политическую ответственность, ничего не замечал, а язва беспорядочности и произвола, так рано появившаяся, росла и давала себя знать, заражая политическую атмосферу” [37].

Едкие, язвительные характеристики дал Г.К.Гинс новым персонажам, которые появились после переворота 18 ноября и стали оказывать решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику колчаковского правительства. Предоставим ему слово:

– Всё, что имел Омск более или менее выдающегося в период адмирала Колчака – это была интеллигенция, понаехавшая с запада, гонимая большевизмом. Здесь оказались разорившиеся помещики, не оставившие идеи реванша, представители промышленности, жаждавшие возрождения за счёт субсидий, бывшие петроградские чиновники – словом, всё “навозный” народ, по терминологии сибиряков <...>

С появлением у власти адмирала на сцену выступили новые люди. Некоторые, как например полковник Лебедев, выскочили как из-под земли. Назначение этого молодого полковника начальником штаба верховного главнокомандующего, т.е. фактически главнокомандующим, было для всех совершенно неожиданным. Боюсь, что адмирал избрал его совершенно случайно, только потому, что он приехал с нашивками Добровольческой армии и как бы принёс с собой в Сибирь дух Корнилова и Деникина. Никто не подумал тогда, что это назначение могло быть результатом неумения адмирала разбираться в людях <...>

Другим видным политическим новичком был Сукин <...> В Омске Сукина называли “американским мальчиком”. Перед его приездом из Владивостока было получено предупреждение, что Сукин держится определённо американской ориентации и своей тенденциозностью, при свойственных ему способностях и умении освещать факты в желательном направлении, может оказаться человеком вредным <...> Он оказался одним из самых близких людей к адми-

ралу Колчаку и полковнику Лебедеву. Ему предоставлено было место начальника дипломатической канцелярии при ставке верховного главнокомандующего <...>

Большое влияние на дела стал оказывать омский присяжный поверенный Жардецкий <...> Жардецкий был фанатиком диктатуры и великой России. С самого момента появления в Омске адмирала он стал его горячим поклонником. Жардецкий пользовался доверием адмирала и стал бывать у него. Его главным недостатком была отвлечённость мышления, мешавшая ему быть реальным политиком [38].

Таким образом, делал вывод Г.К.Гинс, “Совет министров в первые же дни столкнулся с влиянием случайных лиц и безответственных сфер в области внешней и внутренней политики. Это не замедлило сказаться на практике” [39].

Не случайно, видимо, В.Н.Пепеляев 27 ноября записал в дневнике:

– Прошло уже 9 дней, а почти ничего не сделано для закрепления положения. Между тем среди врагов начинается какое-то “накапливание” и “шевеление”. Насущнейшие меры: организация государственной охраны, чистка местного аппарата управления и снабжение на мёртвой точке. К ним не приступают. В ставке – разлад. Военного министерства нет. Сейчас критический момент. И если диктатура вместо проявления инициативы перейдёт к обороне – она погибла. И с ней погибнет всё [40].

29 ноября В.Н.Пепеляев был назначен директором департамента милиции и государственной охраны. Правда, он претендовал на пост товарища министра, но А.Н.Гаттенбергер разъяснил ему, что “пока неудобно назначать товарищем министра видного партийного деятеля” [41].

Кстати, Пепеляева не жаловал и председатель Совета министров. В интервью в начале 1920 г. в Тяньцзине П.В.Вологодский рассказывал:

– Особенно одиозным в глазах оппозиции правительству Колчака был министр внутренних дел В.Н.Пепеляев, затем заступивший моё место председателя Совета министров <...> Его считали видным представителем правого течения в Совете министров, восстановителем многих учреждений царского времени (участковые начальники – те же крестьянские начальники), душителем деятельности городских и земских учреждений и т.п. Должен сознаться, что я был противником вступления в состав министров В.Н.Пепеляева, потому

что он, действительно, высказывался как-то мне, что он находит, что республиканский образ правления ещё преждевременен для России, что для неё лишь в пору конституционная монархия. Я считал такую откровенность передо мною, сторонником республиканского правления в России, большой политической честностью, но неудачной вывеской для министра правительства Колчака [42].

Эти впечатления подтверждаются наблюдениями иностранцев. Так, генерал М.Жанен записал в дневнике впечатления о пребывании 14 – 17 декабря в Омске:

– Видел министров. Много их. Наличие младших статс-секретарей увеличивает их численность. Президент Совета министров – некто Вологодский, с трясущимся и заросшим бородой лицом, но в общем довольно любезный, как и Устругов, министр путей сообщения. Министр иностранных дел – Ключников, бывший профессор университета. Единственно, чем он поразил меня, так это красными руками, вылезающими из слишком коротких рукавов. Военный министр – генерал Сурин, бывший профессор военной академии. Он слывёт администратором, стаж капитана прошёл во Франции. Министр финансов – молодой человек по имени Михайлов. Как мне уже успели сообщить, он – центр группы, энергично интригующей против адмирала в целях реставрации монархии. Эта группа уже выявила себя различными убийствами, например, убийством сибирского министра Новосёлова. Любопытная вещь – перманентность министров: они работали с Директорией и работают с адмиралом, который опрокинул Директорию. В военной среде происходит не меньшая грызня, чем в гражданской. Честолюбцы возбуждаются перспективами повышения и горят желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинения в шпионаже, большевизме и прочем очень часты... Начальник главного штаба – генерал Лебедев (полковник Д.А.Лебедев стал генерал-майором 6 января 1919 г. – *В.К.*), который ещё в 1916 – 1917 гг. был капитаном в ставке в Могилёве. Мы не могли предположить тогда, что он когда-либо будет назначен на такой ответственный пост [43].

Г.К.Гинс, подводя итоги своим ехидным характеристикам в адрес представителей колчаковского правительства, подчеркнул:

– В эти первые ещё сумбурные дни “диктатуры” уже вырисовался один неприятный штрих. Адмирал – верховный главнокомандующий поглотил адмирала – верховного правителя вместе с его Советом министров. Ставка недаром производила впечатление муравейника. В ней были свои министерства. Сукин из ставки дикто-

вал указания министерству иностранных дел. Лебедев решал вопросы внутренней политики. Особая канцелярия верховного, так называемый “осканверх”, законодательствовала [44].

Безусловно, нельзя всё сводить к личностям адмирала и его министров, к их деловым и моральным качествам, и даже к организации органов власти, – они действовали в конкретных условиях Гражданской войны в Сибири и военно-бюрократический характер колчаковской диктатуры и те способы решения проблем, к которым они прибегали, в конечном счёте определялись социально-классовой направленностью их внутренней политики.

Особенностью всех перестановок в Совете министров было постепенное вытеснение из него эсерствующих элементов. По “собственному желанию” ушёл с поста товарища министра земледелия народный социалист Н.И.Огановский, в заявлении об отставке 19 ноября он писал, что считает невозможным “вследствие происшедших событий оставаться далее на службе Временного Российского правительства” [45].

27 декабря был уволен министр снабжения И.И.Серебреников, его должность по совместительству получил Н.С.Зефирин, который был назначен министром снабжения и продовольствия. Слухи об этом ходили, по-видимому, давно. Не случайно за 10 дней до отставки Серебреникова омский офицер уверял:

– В некоторых газетах появились сведения о том, что в ближайшем времени предполагается упразднить министерство снабжения. Эти сообщения, понижая энергию и трудоспособность служащих названного министерства и подрывая доверие к агентам его со стороны поставщиков казны, являются решительно ни на чём не основанными, тем более, что Совет министров Российского правительства не имел каких-либо суждений по этому вопросу. Поднятый же в особой комиссии чрезвычайного государственного экономического совещания вопрос о немедленной передаче заготовок вещевого и обозного довольствия для армии из ведения министерства снабжения в ведение военного министерства, получил, по условиям переживаемого момента, отрицательное решение [46].

Но вопреки газетным заверениям, слухи, как оказалось, основания имели. Следующей жертвой стал Ю.В.Ключников. 28 декабря указом Колчака он был уволен от должности управляющего министерством иностранных дел “согласно прошения”, управление министерством иностранных дел возлагалось на П.В.Вологодского [47].

31 декабря указом Колчака товарищ министра труда С.М.Третьяк был уволен от занимаемой должности “согласно решения” [48].

Внимательно наблюдавший за развитием событий В.Н.Пепеляев в конце декабря отметил в дневнике:

– Обозначаются предстоящие перемены в Совете министров. Влияют различные факторы, притом противоречивые. Приобретает влияние правый блок [49].

В итоге, к январю 1919 г. в Совете министров эсеров уже не было, сократилось и число тех, кто по своим политическим позициям занимал промежуточное положение между эсерами и кадетами.

Одновременно с изменениями персонального состава была учреждена должность главного управляющего по делам вероисповеданий. В соответствующем решении Совета министров от 27 декабря зафиксировано, что через этого главноуправляющего должны осуществляться все мероприятия правительства в области вероисповеданий. Главноуправляющему этого ведомства предоставлялся решающий голос в Совете министров только по делам его ведомства. Главноуправляющий и его товарищи должны были быть обязательно православного вероисповедания, они могли присутствовать на заседаниях церковных соборов и давать необходимые разъяснения, а в Синоде и высшем церковном совете – с правом совещательного голоса. На эту должность указом верховного правителя был назначен профессор Томского университета доктор церковного права П.А.Прокошев с оставлением в должности профессора [50]. В беседе с корреспондентом правительственной газеты он рассказывал:

– Я убеждён, что теперь, как и прежде, церковь в состоянии будет утишить разбушевавшееся море народных страстей, содержать центробежные силы, разрывающие Русь, и помочь спасти русскую государственность <...> Компетентный орган, направляющий вероисповедную политику государства, необходим прежде всего для самого правительства, необходим он и для церкви. Интерес здесь взаимный [51].

В этой же газете архиепископ Сильвестр разъяснял:

– То государственное учреждение, которое будет ведать церковными делами, не мыслится нами как обладающее исключительными полномочиями в отношении церковной жизни, что же касается функций его как органа контролирующего, то контроль в расходовании средств государственных мы подложим на общем основании <...> Представитель государства является участником лишь в раз-

решении тех специальных дел, в которых интересы церкви и государства соприкасаются [52].

Изменения коснулись не только состава Совета министров, но и порядка управления. 10 декабря Совет министров колчаковского правительства постановил учредить временные должности: а) главного начальника Уральского края и его помощника и б) главного начальника Самаро-Уфимского края и его помощника; Власти главного начальника Уральского края подчинялась Пермская губерния, власти же главного начальника Самаро-Уфимского края – губерния Самарская и Уфимская, а также Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии. В постановлении подчёркивалось:

– Главный начальник края, являясь высшим представителем верховной власти на местах, подчиняется исключительно и непосредственно верховному правителю <...> К главному начальнику края в районе его действий переходят все права по гражданскому управлению, предоставленные военно-начальникам положением о полевом управлении войск в военное время, изданным в 1914 г. [53].

20 декабря постановлением Совет министров были упразднены должность главноуполномоченного по области Урала и органы управления областного правительства Урала. Главному начальнику края поручалось определить “постепенность и порядок такого упразднения” [54].

28 декабря Совет министров переименовал губернских, областных и уездных комиссаров управляющими губерний, областью и уездами. Соответственные органы управления именовались теперь управлениями губернии, области и уезда [55].

Укреплению положения колчаковского правительства способствовало благоприятное для него положение на фронте. Развивавшееся в течение ноября продвижение Красной Армии на уфимском направлении в начале декабря приостановилось. Белые пытались задержать продвижение Красной Армии переходом в контрнаступление и после упорных боёв взяли Белебей. На сарапульском направлении Красная Армия также продолжала наступление, овладев широкой полосой по левому берегу реки Камы, где и закрепилась. Однако на лысьвенском и кушвинском направлениях белые начали теснить противника и 11 декабря с боем взяли Лысьвенский завод, а части 3-й Красной Армии продолжали быстро откатываться на Пермь. Командовал белыми частями на этом направлении 27-летний генерал-лейтенант А.Н.Пепеляев. 24 декабря белые взяли Пермь,

захватив в плен запасной батальон 29-й стрелковой дивизии, её обозы и 33 орудия [56].

Взятие Перми вызвало бурю восторженных откликов в Омске. Так, омская газета “Русская армия” сообщала:

– Молодые части нашей возрождающейся армии стремительным наступлением овладели Пермью <...> Временные удачные операции большевиков у Самары, созданные преступным и неумелым управлением учредилковцев, поднявшие дух красноармейцев и давшие козырь в руки вожаков большевизма для доказательства своей силы и прочности, уже не повторятся вновь. И если не исключена, конечно, возможность наших стратегических отходных марш-маневров, то становится вполне ясным невозможность для большевиков головокружительных успешных операций, каковые имели место на территории Комуча [57].

Следом восточный отдел ЦК ПНС заявил:

– Разгром Красной Армии, произведённый русской армией, возрождающейся в Сибири, – это первая настоящая крупная национальная победа русского оружия и русской армии, как организованной вооружённой силы, которая мобилизована возрождающейся русской государственностью. Это первая победа русской государственности, как и в Смутное время, грядущей с востока к окровавленному сердцу России, трепетно бьющемуся в Москве [58].

В резолюции восточного отдела отмечалось, что эта победа сразу обозначила в начавшемся победном шествии всероссийский облик созданной на востоке верховной власти, лишив её характера областного объединения, который ей пытаются придать. Более того, кадеты заявили, что “пермская победа выводит русскую государственность через Уральские горы на путь международного признания” [59].

Колчак по этому поводу 6 января 1919 г. подписал приказ № 96, в котором хвастливо уверял:

– Уничтожена почти вся красноармейская армия, взята Пермь, захвачено большое военное и железнодорожное имущество и освобождено население огромной области от произвола и насилия изменников и предателей <...> Да поможет господь бог вам, офицеры и солдаты Сибирской армии, в трудах ваших освободить родину от большевистского позора [60].

Рассылались поздравительные телеграммы генералам А.Н.Пепеляеву, Г.А.Вержбицкому и В.В.Голицыну, поступали поздравления в адрес Колчака, телеграмма премьера-министра Франции Клемансо

даже упоминалась в приказе № 97 верховного правителя. Казалось, что не за горами новые успехи и победы. О трудностях в связи с уходом чехов в тыл, о противостоянии между Р.Гайдой и А.Н.Пепеляевым официальная пресса предпочитала отмалчиваться [61].

Оценивая значение взятия Перми, А.И.Андогский рисовал радужные перспективы:

– Овладение Пермью закрепляет за нами обладание богатейшим уральским горнозаводским районом, а захват в Перми почти всех местных советских деятелей облегчит полную и скорую ликвидацию большевизма на Урале. Наконец, из района Перми мы скорее можем подать руку нашим союзникам, наступающим на большевизию с побережья Ледовитого океана [62].

Если с первой частью оценки А.И.Андогского можно согласиться, поскольку действительно в руки белых переходил важный узел водных, железнодорожных и гужевых путей, а Советская Россия теряла последний крупный рабочий центр вблизи Урала и военный Мотовиловский завод, то вторая часть его оценки выдавала желаемое за действительное, вернее рисовала замысел белого командования, осуществить который им не удалось.

В декабре 1918 г. – январе 1919 г. колчаковское правительство попыталось приобрести некоторый “лоск”, приукрасив своё фасад. Становилось всё более очевидным, что реальная власть в Сибири перешла в руки так называемого Совета верховного правителя, а Совет министров оказался простым “утвердителем” решений первого и то, если они представлялись на его рассмотрение, а не проводились указами верховного правителя. Оправдывая подобный порядок дел с многочисленными ссылками на “тяжёлую, изнурительную” гражданскую войну, на разруху, на необходимость спешного принятия решений и т.п., омский официоз устами В.Кудрявцева разъяснял:

– Конечно, решения малого совета не ускользают от общего правотворчества. Они также передаются в Совет министров с тою лишь разницей, что Совет министров рассматривает их с точки зрения целесообразности тех или иных принятых решений, не более. Так приходится слагать и выковывать нам свою государственность, так приходится налаживать аппарат власти, использовать весь опыт Запада для того, чтобы ускорить процесс нашего возрождения и восстановить нашу русскую державность [63].

Однако всё более явственной становилась борьба групп и группировок, оказавшихся у власти. Кое-что попадало на страницы то-

гдашней печати, кое-что стало достоянием дневниковых записей действующих лиц и современники узнали об этом позднее. Но и сейчас, даже спустя почти сто лет после тех событий, легко представить ту атмосферу, в которой “варилась” тогдашняя власть. Вот омский официоз сообщает, что 1 декабря 1918 г. указом верховного правителя В.Н.Пепеляев был назначен директором департамента министерства внутренних дел [64].

Через две недели после куломзинских событий, о которых будет подробно рассказано далее, В.Н.Пепеляев записал в дневнике, что он посетил камеру с большевиками и учредилловцами, которые “производят жалкое впечатление – какая-то рвань”. И тут же он походя отмечает, что разворачивается борьба между штабными группами, которые пытаются воспользоваться приездом Жанена [65].

Прорвавшиеся к власти явно видят, что помимо борьбы с политической оппозицией идёт внутренняя грызня. Вскоре и она прорывается наружу. 23 декабря 1918 г. командующий Сибирской отдельной армией П.П.Иванов-Ринов громогласно объявил:

– До моего сведения доходят слухи, распускаемые врагами родины, о якобы тайных намерениях моих посягнуть на установление государственной власти. Дабы окончательно прекратить связанную с моим именем провокацию, торжественно заявляю, что я до последней капли крови решил поддерживать верховного правителя и верховного главнокомандующего адмирала А.В.Колчака. Провокаторов же, которые будут изобличены в распускании указанных слухов, предваряю, что их деятельность, направленная против меня, как командующего армией, с целью посеять смуту в рядах войск, найдёт надлежащую оценку в военно-полевом суде. В заключении заявляю, что отъезжая по приказу верховного правителя на Дальний Восток по делам службы, я найду средства и силы смести и в своё отсутствие всех врагов родины, которые осмелятся поднять руку на верховного правителя и верховного главнокомандующего адмирала А.В.Колчака, как это уже доказано доблестными войсками вверенной мне армии и сибирскими казаками, которые 23 декабря раздавили изменников и предателей родины, дерзнувших совершить попытку низвержения государственной власти [66].

После того, как стало известно о том, что П.В.Вологодский в дополнение к своей должности премьер-министра назначен сенатором, Н.С.Зефирова – министром снабжения и продовольствия и появились какие-то предположения о новом военном министре, стали расползаться самые разнообразные слухи [67]. Они будоражили общество,

очередная версия событий была нелепее предыдущей. В итоге самому премьер-министру пришлось выступить с успокоительной речью в правительственной газете:

– Слухи возникли, очевидно, в связи с состоявшимся уходом в отставку Ю.В.Ключникова, С.М.Третьяка и А.А.Скороходова. Отставки эти вызваны чисто индивидуальными причинами и отнюдь не означают какого-либо перелома общей политики Совета министров. Я не вижу других перемен, предстоящих в составе Совета министров. Все министры и товарищи министров остаются на своих местах. Предстоит только сокращение штатов сливающихся в одно министерство ведомств продовольствия и снабжения. Я не знаю также <...> согласится ли остаться на посту министра народного просвещения В.В.Сапожников. Это ведомство переводится в ближайшее время из Томска в Омск, и можно будет высказать самое искреннее сожаление, если из-за необходимости остаться в Томске профессор В.В.Сапожников покинет министерский пост [68].

Политическая борьба и интриги в Омске не ускользали от внимания на восточной окраине белой Сибири – в Иркутске. Едва прошло 10 дней после установления новой власти, как управляющий Иркутской губернии П.Д.Яковлев сообщил П.В.Вологодскому:

– Настроение общества подавленное, нервное и тревожное. Омские сообщения считают победой монархистов. В независимость Совета министров никто не верит, ожидают новых атак со стороны монархистов. Ещё большая боязнь перед семёновщиной, которая просачивается в Иркутск и начинает отражаться пока незначительно на жизни военных. Ходят слухи о предстоящем походе Семёнова против Запада, о включении Иркутска в сферу его влияний. Всё это создаёт напряжённую атмосферу сплетен и слухов – один день говорят о выступлении большевиков, другую ночь – о выступлении монархистов. Несколько слов о наших военачальниках. Назначение Колчака приветствуют, считают это не переходом к монархизму, а лишь новым этапом по пути неизбежной, необходимой концентрации власти [69].

Следом он подал прошение председателю Совета министров освободить его от занимаемой должности, указывая на то, что полезнее было бы для самого дела заменить его новым человеком. Председатель Совета министров в просьбе отказал, заявив: “Вы прекрасно ведёте своё дело и терять нам таких людей никак нельзя. Отпустить мы Вас не можем” [70].

Помимо изменений в составе Совета министров происходило разрастание и усложнение бюрократической машины колчаковского режима. Был восстановлен государственный контроль. На заседании его Совета 3 января 1919 г. председатель госконтроля Г.А.Краснов предложил послать телеграммы Колчаку и Вологодскому. В ней Совет заверял:

– Совет государственного контроля, продолжая отныне прерванную преступными захватчиками власти деятельность высшего ревизионного учреждения в государстве, свидетельствует о полной готовности отдать все свои силы на служение величайшему и ответственному историческому делу, принятому на себя верховным правительством, под верховным руководством Вашего высокопревосходительства, делу восстановления единства всего государства российского и возрождения его величия и славы [71].

В эти же дни стал осуществляться проект создания межсоюзного комитета в области железнодорожного транспорта. Премьер П.В.Вологодский разъяснял в правительственном официозе:

– Налаживание транспорта едва ли не самый кардинальный вопрос в строительстве внутренней жизни России в настоящий момент <...> Россия не в состоянии собственными своими средствами справиться с делом упорядочения транспорта и должна прибегнуть к услугам наших союзников. Американцы давно уже предлагали эти услуги <...> Всестороннее рассмотрение этого вопроса всеми союзниками привело к установлению приемлемого для всех сторон проекта организации межсоюзного комитета под председательством русского инженера для направления дела технического и организационного усовершенствования железнодорожного дела в Сибири. В самое ближайшее время нам несомненно удастся, воспользовавшись благоприятной помощью союзников, поставить дело транспорта на высоту, достаточно отвечающую потребности момента [72].

Внимательно наблюдавший за происходящим В.Н.Пепеляев на страницах дневника 17 января с сожалением констатировал:

– Внутренняя политика подчинилась дипломатическим задачам, что неправильно и опасно. Ощущается новая полоса керенщины (декларация правительства от 12 января, телеграмма Маклакова о необходимости включения Авксентьева в Парижский комитет). Учредильщики готовятся к союзу с большевиками (“Заря”, 17 января). Необходим твёрдый курс и ясный план, чего нет [73].

В январе 1919 г. были предприняты шаги по укреплению репрессивного аппарата. По данным предварительного расследования, ко-

торое проводилось судебным следователем при Омском окружном суде Шрёдером о действиях должностных лиц после подавления мятежа 22 декабря было решено учредить чрезвычайную следственную комиссию под председательством одного из сенаторов для “успешного обнаружения всех виновных и предания их суду”. Положение об этой комиссии было утверждено постановлением Совета министров 24 января [74].

24 января на заседании Совета министров по представлению военного министра было решено:

– 1) Восстановить на театре войны военно-полевые суды; 2) во всех остальных местностях оставить в силе положение о прифронтовых военно-полевых судах с тем однако изменением, чтобы присутствие этого суда состояло только из трёх офицеров, в том числе и председателя, чтобы дознание производилось согласно правил военно-судебного устава, чтобы дела в прифронтовом военно-полевом суде рассматривались применительно к правилам для полковых судов с возможной быстротой и, наконец, чтобы приговоры этих судов о смертной казни ранее приведения в исполнение представлялись бы непосредственно на конфирмацию командующему войсками в округе; ходатайства этих судов о помиловании осуждённого представляются по команде через военного министра верховному правителю [75].

Что касается разработанного в министерстве юстиции закона о призыве к преступным деяниям, то омская правительственная газета прямо заявила, что цель этого законопроекта “усиление наказаний за преступный призыв вообще и в частности за пропагандистскую работу, имеющую целью вызвать ослабление или разложение армии, а также затруднить или прекратить железнодорожное движение, особенно в военное время”. Такая пропаганда новым законом приравнивалась к государственной измене [76].

Комментируя разработанный в министерстве юстиции закон о бунте, омская правительственная газета разъясняла:

– Закон о бунте против власти российского правительства имеет целью ограждение государственного порядка и охраняемых им интересов населения от большевизма во всех его проявлениях. Поэтому закон карает не только определённые большевистские выступления, но и преступные деяния, совершённые в связи с большевизмом и на почве порождённой им анархии. Кроме того, действие закона в известной мере распространяется и на лиц, хотя и не совершавших преступлений, точно указанных в законе, но деятельность которых

носит настолько ярко выраженный характер, что является несомненной угрозой общественному порядку и спокойствию [77].

Ярко выраженный антибольшевистский характер закона не вызывает сомнений.

Ещё один характерный законопроект появился с подачи военных кругов. В.Н.Пепеляев в дневнике 28 января признавал:

– По настоянию офицеров из корпуса Анатолия я на прошлой неделе поднял вопрос о мобилизации интеллигенции студенческой и гимназической. В первом блоке это уже прошло. Записка подана начальнику штаба верховного главнокомандующего и военному министру и встречена сочувственно. Кадеты поддерживают [78].

Успокаивая мелкобуржуазные и кооперативные круги, П.В.Вологодский распинался в демократичности правительства, однако вынужден был признать, что ещё не пришло время созывать какое-либо представительное учреждение. В интервью омской газете “Заря” он разъяснял:

– Да, я более всего болею отсутствием представительного учреждения и буду счастлив, когда представится первая возможность приступить к избранию Национального собрания для определения основ будущего государственного строя великой России и родной и столь мне близкой Сибири. Но приступить к осуществлению этой заветной мечты каждого истинного демократа можно будет лишь тогда, когда общими усилиями всех образовавшихся ныне на территории бывшей России отдельных правительств удастся создать единую и великую Россию, демократически настроенную. Будем надеяться, что это время уже теперь не так далеко от нас [79].

Однако уже на следующий день появилась очередная декларация колчаковского правительства. В ней провозглашалось следующее:

– Лишённое возможности проводить законы через народное представительство, оно (колчаковское правительство. – *В.К.*) стремится, однако, подготовить страну к выборам во Всероссийское национальное собрание и в ближайшее время созовёт комиссию для разработки соответствующего положения. Когда решается судьба родины, должно начаться взаимное прощение обид и ознаменоваться подъёмом национального чувства и утверждением столь необходимого в стране гражданского мира [80].

Военщина и полицейщина были стержнем, опорой режима. Но для “союзников” всё это прикрывалось “демократическим” декором. Ярким событием конца января стало открытие временных присутствий Сената. На открытии 29 января присутствовали верховный пра-

витель А.В.Колчак, председатель Совета министров П.В.Вологодский, министры юстиции, внутренних дел, военный, морской, снабжения и продовольствия, управляющий министерством иностранных дел, государственный контролёр и все товарищи министров. После молебна Колчак объявил о возобновлении деятельности правительствующего Сената и передал об этом указ министру юстиции [81].

В своём выступлении А.В.Колчак заявил:

– Более года прошло с тех пор, как среди общего развала власти и распада правового сознания народных масс прозвучал авторитетный, свободный и гордый голос правительствующего Сената, который продолжал и в условиях мятежа против законной власти непрерывно работать и неуклонно выполнять веления закона. Как последний оплот правосудия и законности он стоял среди бушующей стихии революции и высоко держал стяг государственности <...> Приняв от Совета министров в условиях исключительно трудных всю полноту власти, я поставил тогда же одной из основных своих целей и повелительным гражданским долгом установление законности и правопорядка в стране. Ныне эта цель получает своё завершение: возобновляется деятельность правительствующего Сената, и я глубоко счастлив приветствовать вас в этот великий день торжествующей правды и права.

Отныне с восстановлением правительствующего Сената эта идея правового государства торжествует в освобождённой стране; отныне органы власти – от мала до велика – могут без колебаний отдаться работе по воссоединению страны, памятуя, что их ошибки и заблуждения будут исправлены спокойной, опытной и беспристрастной рукой; отныне народ русский снова получает мощную защиту своего драгоценнейшего права – права быть свободным под сенью закона. И мерная поступь исторических событий уже возвещает всем нам тот час, когда вместе с падением захватчиков власть вновь в освобождённой стране соберётся в полном составе. Правительствующий Сенат творит бессмертное дело высшего правосудия [82].

Затем он зачитал клятву:

– Обращаюсь и клянусь перед всемогущим богом и святым его Евангелием и животворящим крестом быть верным и неизменно преданным российскому государству, как своему отечеству. Обещаюсь и клянусь служить ему по долгу верховного правителя, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспевании государ-

ства российского. Обращаюсь и клянусь воспринятую мною от Совета министров верховную власть осуществлять согласно с законами государства до установления образа правления свободно выраженной волей народа. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем и целую слова и крест спасителя моего. Аминь [83].

Выступало ещё несколько ораторов. Ничего содержательного в их речах не было. Однако воспроизведём фрагменты двух выступлений, чтобы читатель мог более ярко представить себе картину происходившего. Так, премьер-министр П.В.Вологодский напомнил собравшимся:

– Вам предстоит, господа сенаторы, тяжёлая и ответственная задача: революция и затем последующая разруха государственной, экономической и финансовой жизни создали новые условия этой жизни, перепутали понятия и экономические интересы различных классов населения, в самой психологии народа произошёл переворот и образовались новые бытовые условия. Вам предстоит большая творческая работа, Вам придётся чётко прислушиваться к биению этой жизни, чтобы уловить её истинные требования и чтобы водворить в жизнь правду и истину. Но я верю, что как первый Сенат, образованный Петром Великим, проявил изумительную работу и необычайное творчество, так и вы, одушевляемые идеей воссоздания России, употребите все силы ума, всё богатство ваших познаний и всю энергию вашего гражданского чувства к достижению единой цели – возрождения России [84].

А министр юстиции С.С.Старынкевич с пафосом призывал:

– Пусть голос указов правительствующего Сената, будучи подобен звону колокольной меди, звучит громче: пусть на плечах нашей армии расширяет он свои пределы по лику нашей скорбной сейчас русской земли; пусть гаснут перед ним все наши распри и споры, пусть все они склоняются перед началом законности и права, и наша родина-мать в неисповедимых путях промысла так жестоко страдающая, восстановит своё право внутри, получит своё право и от других, ибо ведомо миру, что для них ничто священные международные договоры, терпят умаление и даже гибель, как о том простой речью сказал летописец: “И бе им обре телом велицы и умом крепцы и погибоша вси до последняго” [85].

Омская кадетская газета подвела итоги первого дня заседаний Сената:

– Сенат – это страж законности в суде и управлении. Его отсутствие – существование проблем в государственной жизни. Его восстановление – источник общей уверенности в силе и обеспеченности права и закона <...> В том, что совершилось вчера (открытие Сената. – *В.К.*), мы черпаем новую бодрость для борьбы за право и культуру в России, новую уверенность, что мы отстоим наследие отцов для русского народа [86].

Общая линия борьбы вырисовывалась всё более отчётливо. Победу одержали кадетско-монархические круги. Это стало очевидным и для активных участников событий, и для обывателей. Заглянем на страницы дневника П.В.Вологодского. 18 декабря 1918 г. он записал:

– Мне конфиденциально было сообщено, что в правых офицерских кругах образовалась группа, недовольная нерешительностью Колчака по отношению к левым, и поставили своей задачей ликвидацию Колчака, вплоть до насильственных против него мер <...> Завтра на казачьем празднике предполагается заставить оркестр играть гимн “Боже, царя храни!”, а присутствующих – встать при этом гимне. Не вставшие будут расстреляны на месте [87].

В конце января 1919 г. В.Н.Пепеляев записал в дневнике:

– В офицерстве крепнет монархизм. К верховному правителю едет из Японии адмирал, его личный знакомый. На этот визит смотрят, как на начало нового периода в русско-японских отношениях [88].

Февраль 1919 г. не принёс существенных изменений в правительственном аппарате и нравах высшей бюрократии: те же интриги, те же мнимые заговоры, слухи и сплетни. Вот что зафиксировал П.В.Вологодский в дневнике 5 февраля:

– Вчера в Совете министров военный министр Н.А.Степанов доложил о брожениях в армии, как на фронте, так и в тылу. Брожения эти происходят, с одной стороны, на почве монархических настроений, с другой – на почве атаманства. Пищу этим настроениям отчасти дало предложение Парижской мирной конференции всем правительствам России, обладающим армией и правительственным контролем, собраться на Принцезы острова, чтобы вместе с большевиками договориться о прекращении гражданской войны и согласиться на избрание общего представителя от России на эту конференцию. Офицерство усматривает в этом предложении оскорбление русского национального чувства, желание уклониться от исполнения обещания помочь русским в борьбе с большевиками. Военным министром

было отмечено также, что у офицерства проявляется тенденция ориентироваться на Японию. “Лучше уступить Японии то, чего она домогается, – Сахалин, Камчатку, рыбную ловлю, Восточно-Китайскую дорогу, но получить от неё реальную помощь, чтобы через два месяца прогнать большевиков”. Вот лейтмотив настроения этой части офицерства [89].

Стиль В.Н.Пепеляева иной, но 6 февраля он пишет в дневнике о том же:

– Правительство перепугано монархическим несуществующим заговором: монархист князь Крапоткин. Я заявил министрам, что всё это ерунда. Заговора, конечно, нет. Но разумеется монархические настроения растут. Растёт японская ориентация. Я даже удивился, с какой лёгкостью её воспринимают министры, которые ещё недавно не хотели ничего о ней слышать. На днях говорил с некоторыми из них. “Мы сохранили верность союзникам, пронесли её через все страдания. Война кончена <...> Для нас на первом месте Россия наша, и мы должны быть свободны в выборе союзников и смелы в решениях”. Вот простое исходное положение [90].

Эти дневниковые записи подтверждаются таким источником, как сводка особого отдела государственной охраны министерства внутренних дел, в которой за 10 – 17 февраля отмечалось:

– Еврейская интеллигенция настроена резко оппозиционно, видя в современном строе переходную ступень к монархизму. Кооперативы и лица свободных профессий видят в новой власти яркий пример попирания демократических принципов и симпатизируют социалистическим течениям, поэтому социалисты-революционеры используют кооперативы для партийных целей. Торгово-промышленные сферы (крупные) ожидают от временного правительства спасения от создавшейся разрухи и относятся благожелательно. Лица мелкой торговли и промышленности поглощены исключительно спекуляцией и совершенно индифферентно относятся к организации власти [91].

11 февраля произошло два события, которые имели далеко идущие последствия. Случайно ли они совпали в один день, или как-то связаны, судить трудно. Но оба явственно отражали намерения колчаковского правительства. В этот день В.Н.Пепеляев получил назначение на должность товарища министра внутренних дел, в его ведение передавались департамент общественных дел, отдел воинских повинностей, отдел печати и департамент милиции [92].

В этот же день Совет министров утвердил закон о предварительном внесудебном аресте:

– 1) Временным уездным и городским начальникам милиции, их помощникам, а также чиновникам для особых поручений милиции и особоуполномоченным департамента милиции предоставляется право подвергать лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно и лиц, деятельность которых угрожает государственному порядку и общественной безопасности, – предварительному аресту на срок не более 2 недель и производить у таких лиц обыски и выемки [93].

В 20-х числах февраля А.В.Колчак отправился в Екатеринбург. В честь его приезда 23 февраля собралось торжественное заседание Городской думы. Газетный отчёт так передавал ход заседания:

– От думской фракции социалистов-революционеров, а также от мусульманской фракции, примкнувшей к первой, выступает А.А.Кощеев <...> Против лозунга “гражданской войны”, выдвинутого большевиками, ПСР выдвигает другой лозунг – “Учредительное собрание”, которое одно вправе распоряжаться судьбой народов России. Только всенародно избранное Учредительное собрание, пусть даже правое по своему составу, пусть даже монархически настроенное, – есть та власть, которую признает и которой беспрекословно подчинится партия. Итак, первое положение – борьба за Учредительное собрание, а второе – стремление к капитуляции большевиков. Под этим лозунгом в борьбе против большевиков партия поддерживает существующее ныне правительство. Вместе с тем партия заявляет, что резко отмежёвывается от тех из членов её, которые вели в Уфе переговоры с большевиками. Далее, переходя к критике сложившегося политического курса, оратор находит его слишком уклонившимся вправо и поэтому затягивающим борьбу; заканчивает пожеланием перемен общего политического курса. От фракции народных социалистов выступил В.Я.Бахтеев <...> В настоящее время, когда вся энергия должна быть употреблена на борьбу за государственность, партия народных социалистов будет поддерживать правительство, ведущее эту борьбу, и приветствует ту демократическую линию, которую приняла власть [94].

А.В.Колчак в своём выступлении разъяснял:

– Новая свободная Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности <...> Борьба с большевизмом, борьба не допускающая никаких колебаний и никаких соглашений, – вот первая задача и цель правительства <...> вопрос должен быть решён

только одним образом: оружием и истреблением большевиков <...> Установление законности и порядка в стране. Большевизм слева и справа как отрицание морали, долга перед родиной и общественной дисциплины, справа, базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с монархизмом столько же общего, сколько большевизм слева имеет общего с демократизмом <...> потребует упорной борьбы с собой <...> В области международных отношений правительство стремится к поддержанию тех международных отношений, с которыми Россия вступила в великую европейскую войну, стремясь всемерно укреплять и поддерживать прежние дружеские отношения [95].

Вот как резюмировал свои наблюдения В.Н.Пепеляев в дневнике 26 февраля:

– Впечатление верховного правителя такое: поездка (в Екатеринбург. – *В.К.*) дала положительные результаты. Отношение к правительству земств и городов хорошее, и чем ближе к фронту, тем лучше. Настроение войск хорошее. Снабжение плохое. На фронт ничего не доходит [96].

Таким образом, мы рассмотрели организацию и деятельность высших органов управления нового правительства. Посмотрим теперь на органы местного самоуправления – городские думы и земства, которые в итоге перешли в оппозицию к колчаковской власти.

В отличие от эсеровских правительств, ликвидация которых прикрывалась лозунгами “любви к родине”, городские думы и земства, в которых преобладали представители мелкобуржуазных партий, ликвидировать было нельзя, поскольку это сразу же бы выявило “реакционные стремления правительства”, которые оно предпочитало скрывать, драпируясь в ризы “законности и порядка”. Однако всё можно было решить “в рамках закона” – переизбрать думы, но так, чтобы мелкобуржуазные элементы там уже не были в большинстве. Поэтому вскоре после прихода к власти колчаковское правительство решило изменить избирательный закон. В конце ноября 1918 г. появилось соответствующее разъяснение в правительственной газете:

– Главнейшее изменение закона о производстве выборов гласных в городские думы против правил 15 апреля 1917 г. следующее: отвергнута пропорциональная система выборов и заменена системой мажоритарной. Гласный думы и кандидат считаются избранными, если получили голосов не менее десятикратного числа гласных, положенного по закону для данного города. Возрастной ценз для активного избирательного права повышен с 20 до 21 лет, и для пас-

сивного права – с 20 до 25 лет. Установлен ценз оседлости для всех категорий избирателей в один год к началу составления избирательных списков. Устраняются от выборов лица, состоящие на действительной службе, за исключением служащих в административных учреждениях, милиции, расточители, содержащиеся под стражей за противогосударственную деятельность. Продлён срок правопоражения для лиц, подвергнутых суду – за преступления с лишением и ограничением прав с 3 до 10 лет и за корыстные и другие преступления – с 1 года до 5 лет. Продлены сроки для опубликования списков, исправления и обжалования и увеличен срок для предоставления списков кандидатов в гласные до 3 недель вместо 10 дней [97].

Инициатива правительства не встретила восторженных откликов в мелкобуржуазных кругах, понимавших, чего намеревается достичь новое правительство. Омская кооперативная газета комментировала:

– Общее впечатление от закона тусклое: правительство наше ещё не обладает тем аппаратом, который гарантировал бы правильную законодательную работу. Составленный наспех, без участия специалистов, будущий закон будет иметь краткое существование, удовлетворив лишь потребности данной минуты <...> Замена пропорциональной системы мажоритарной мы придаём очень мало значения. Если общество не воспрянет духом и не сознает своей обязанности работать, то всякая выборная система провалится. Сейчас в Омске Дума выбрана по пропорциональной системе, но её комиссии пусты; заседания самые важные пропускают как левые, так и правые, а темп и метод работы тех и других совершенно одинаков [98].

Правительственная газета на это возражала:

– Организация городских самоуправлений – дум и управ – в работоспособности оставляет желать много лучшего. Неработоспособность зависит от партийного состава дум и от того, что ни одна из враждующих партий не имеет большинства. Исполнительные органы также составлены на началах коалиции и партийности. Беженцы переполнили города, жилищный вопрос стоит остро. Нет компетентных городских работников – специалистов. Городские самоуправления нуждаются в самой широкой, и притом азбучной информации. Министерство внутренних дел заканчивает разработку закона об изменении избирательных прав с тем, чтобы думы могли быть переизбраны с 1 января 1919 г. [99].

26 ноября Омская городская дума обсуждала необходимость рассмотрения на одном из своих заседаний проекта изменения закона о выборах гласных. Председатель сообщил, что проект товарища

министра внутренних дел был передан в особую комиссию для рассмотрения, и комиссия предлагает внести редакционные изменения в проект. Проект был передан в юридическую комиссию, и 3 декабря Дума вновь вернулась к обсуждению проекта. Юридическая комиссия доложила, что она считает изменения несвоевременными, так как налицо “недостаток авторитетных юридических сил”, “неокрепшая правительственная власть” и т.п. Но если уж необходимы изменения, то необходимо установить ценз в 25 лет активный и пассивный, а ценз оседлости – в 3 года. Единогласно Дума посчитала изменение избирательного закона нецелесообразным [100].

Думы, в которых мелкобуржуазные элементы были в меньшинстве, отреагировали достаточно вяло. Так, Бийская городская дума 5 декабря, заслушав разъяснения городского головы А.П.Строльмана о том, что новый закон о выборах предоставляет право выставить группу, что “аннулирует кажущуюся несвободу по сравнению с выборами по пропорциональной системе”, не стала возражать против новых правил выборов [101].

Иначе, чем мелкобуржуазные партии, отреагировали буржуазные и кадетские круги. 27 декабря делегация в составе бывшего самарского городского головы Г.Н.Григорьева и гласного Казанской городской думы В.Ф.Иванова направила от имени восточного отдела ЦК ПНС представление П.В.Вологодскому о правилах выбора городских дум. Они отмечали, что “установление слишком широкого избирательного корпуса снова отдаст страну во власть тех же негосударственных, безответственных элементов, которые способствовали развалу всего местного хозяйства”, даст “широкое поле и простор для новых социалистических экспериментов”, что отдел считает необходимым “вверить муниципальное дело зрелым политическим и опытным в общественных делах и знающим бытовые особенности местной жизни слоям населения”, для чего следует увеличить возрастной ценз до 25 лет, ценз оседлости до 3 лет, имущественно-налоговый ценз для избирателей и ценз элементарной грамотности для пассивного избирательного права [102].

Когда было объявлено о выборах в Курганскую городскую думу по новым правилам, местная кадетская газета стала настаивать на следующем:

– 1) Представители всех существующих общественных группировок, стоящих на государственной точке зрения, должны немедленно взять на себя инициативу в составлении объединённого списка кандидатов в гласные и таковой подвергнуть предварительной

здоровой критике в печати <...> 3) всё внимание Думы должно быть сосредоточено прежде всего на организации для планомерной работы исполнительного органа Думы – городской управы, представители которой должны обладать достаточной опытностью и инициативой; 4) Городская дума как орган руководящий, меньше всего должна играть исполнительную роль, так как бесплатность работников отнюдь не может быть совместима с пользой для дела; 5) думская работа должна протекать строго в рамках законности, причём культурному развитию города должно быть уделено главное внимание. Только в таком случае, по нашему мнению, работа новой Думы может быть плодотворной и полезной для города [103].

Монархически настроенные круги обвиняли в провале думской работы не столько мелкобуржуазные элементы, сколько саму буржуазию. Так, омская газета монархической направленности разъясняла:

– Основная причина издания нового закона (о выборах. – *В.К.*) кроется в полном банкротстве цензовых элементов России. В то время, как на западе цензовые элементы тяжёлым историческим путём выработали в себе громадные творческие и культурные силы, дающие им возможность действовать на легальном основании от имени народа, наши цензовики, взращённые и воспитанные в значительной степени искусственно самодержавием, кроме склонности к защите узких групповых интересов, ничего себе не усвоили, почему и нуждаются в искусственной поддержке своего влияния [104].

Постановление Совета министров об изменении избирательного закона появилось 20 декабря, но оно не требовало немедленного перевыбора дум и они продолжали действовать в прежнем составе.

Наряду с перевыборами дум колчаковское правительство решительно выступило против как попытки легализации Союза городов и земств России, так и участия его региональных отделений в правительственных мероприятиях. Так, 11 декабря 1918 г. главным комитетом Сибирского союза земств и городов было возбуждено ходатайство о привлечении к работам экономического совещания представителей местного самоуправления. Но прошёл месяц, а правительство так и не ответило на это ходатайство [105].

3 декабря Омская городская дума заслушала сообщение председателя о вступлении в члены Союза земств и городов. Председатель пояснил, что Союз пока не легализован, но ходатайство перед правительством составлено. Было решено вступление в члены Союза отложить до утверждения Союза [106].

В январе 1919 г. представители главного комитета Союза земств и городов Сибири направили ходатайство Совету министров о легализации этого Союза, но Совет министров отклонил его, ссылаясь на то, что у города и земства разные задачи, а потому их деятельность должна идти разными путями. Совет министров пообещал допустить организацию Союза, но только отдельно земского и отдельно городского, но не вместе. При этом в резолюции на ходатайство отмечалось, что Совет министров, вообще, к союзам относится доброжелательно, но только они должны быть организованы по указанию правительства [107].

Для успокоения “общественности” в омской кадетской газете в январе было опубликовано сообщение, что в министерстве внутренних дел разрабатывается особое положение об объединении земств и городов Сибири в один союз, которое будет внесено в Совет министров на окончательное утверждение [108].

А тем временем министерство внутренних дел было буквально завалено ходатайствами от городских самоуправлений о возврате им из средств городского казначейства сумм, “похищенных из городских касс большевиками”. Министерство отказалось делать соответствующее представление Совету министров, поскольку правительство не обязано возмещать вред или убытки, нанесённые властью большевиков, поскольку эта власть была основана на захвате и преступном насилии и от неё пострадало не только городское население, но и всё государство. Правительство лишь обещало прийти на помощь пострадавшим самоуправлениям “в разной форме с учётом конкретных обстоятельств” [109].

Общие контуры земской политики правительства были обозначены в двух документах: декларации министерства внутренних дел и постановлении Совета министров от 20 декабря 1918 г. Воспроизведём выдержки из них, относящиеся к данному сюжету.

Так, в декларации министерства внутренних дел провозглашалось:

– Министерство внутренних дел, полагая в основу своей деятельности восстановление в стране закономерности и правопорядка, неотложными для себя задачами считает: 1) организацию и оздоровление на местах административного аппарата с обращением особого внимания на восстановление сельской организации; 2) решительную всемерную борьбу с антигосударственной пропагандой и преступными элементами <...> 8) учитывая весьма затруднительное финансовое состояние земств и городов, министерство внутренних дел

примет все меры к его улучшению отчасти путём правительственных займов и предоставления новых объектов обложения, главным же образом материальным содействием в организации производительных сил страны [110].

В постановлении Совета министров требовалось:

– 1) Возложить на министерство внутренних дел пересмотр законоположений и распоряжений, относящихся к производству выборов в органы земского самоуправления; 2) приостановить производство выборов волостных, уездных, губернских и областных земских гласных <...> 5) в случае отсутствия законного состава земских собраний, по устранении из них, согласно постановления Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства от 27 июня 1918 г., представителей противогосударственных партий, управляющему министерством внутренних дел предоставляется право назначать составы управ на срок до избрания таковых законно организованными земскими собраниями; 6) выборы, закончившиеся к моменту получения телеграфного уведомления на местах о настоящем постановлении Совета министров, признать в случае отсутствия правонарушений в их производстве действительными, и с 1 января 1919 г. считать вступившими в исполнение своих обязанностей новый состав земских гласных [111].

Итогом работы земского отдела министерства внутренних дел стал доклад в Совет министров от 4 февраля, который широко публиковался в омских газетах. В нём, в частности, сообщалось:

– Такого широкого избирательного права – активного и пассивного – не знали и более передовые страны, где население уже привыкло жить общественной жизнью. В данном случае перед нами безоговорочное перенесение в муниципальные выборы начал, которые были положены в основу политических выборов (в Учредительное собрание) <...> В интересах большей сознательности и плодотворности выборов необходимо: 1) повысить возраст, дающий право избирать и быть избираемым <...> 2) установить ценз оседлости <...> не менее года; 3) расширить изъятия из избирательного права по профессии и по судимости, устранив: а) военнослужащих, б) милицию, в) комиссаров, г) заключенных под стражей по обвинению в противогосударственных преступлениях, д) расточителей, е) осуждённых судом за сводничество, профессиональную торговлю спиртными напитками и уклонение от воинских повинностей <...> Отражением модных политических течений было установлено также для земских выборов пропорциональной системы. Опыт истекших вы-

боров ясно показал, что население сельских местностей безграмотное, разбросанное на громадном пространстве, не привыкшее к партийным группировкам, совершенно не приспособлено к системе голосования списками <...> Безусловно необходимо в сельской местности перейти к системе голосования за определённых лиц, независимо от того, внесены они в какой-нибудь список или нет (мажоритарная система). В городах может быть установлен тот же порядок, что и при выборах в городские думы [112].

Таким образом, колчаковское правительство сделало ставку на военщину и бюрократический аппарат, а также небезосновательно рассчитывало на иностранную интервенцию, резко выступая против эсеровских попыток укрепить “народовластие”, ограничивая деятельность городских дум и земств, а также старалось не допустить ни работы распущенного в январе 1918 г. Учредительного собрания, ни созыва нового с преобладанием эсеров.

1.3. Политические партии и блоки

Приход Колчака к власти изменил соотношение борющихся сил: кадеты стали правящей партией, мелкобуржуазные партии оказались в лагере системной оппозиции, большевики вынуждены были уйти в подполье и в легальной политической жизни не участвовали. Было бы неверным прямо отождествлять политический режим и политические партии с интересами тех или иных классов общества. При рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать три момента: 1) сами классы не всегда адекватно представляют себе те исторические задачи, которые стоят перед ними; 2) политические партии иногда либо отрываются вперёд от того класса, интересы которого должны представлять, и их лозунги не находят поддержки; либо “плетутся в хвосте”, поддерживая лишь сиюминутные требования, и в итоге теряют популярность и руководящую роль; 3) государственная власть, отражая интересы определённых классов, для своего укрепления вынуждена идти на определённые ограничения и даже ущемления “правлящего класса”. Последний момент особенно важен для понимания взаимоотношений колчаковской власти, её опоры – армии и бюрократии, кадетов и крупной буржуазии. Приведём характерные примеры из жизни белой Сибири.

29 ноября 1918 г. в Петропавловске в помещении военно-промышленного комитета собралось совещание представителей военно-промышленного и биржевого комитетов. Присутствовал городской

голова. Собравшиеся после непродолжительных дебатов о возможности помочь Сибирской армии за её “боевые заслуги перед родиной и обществом”, а также за те “лишения, которые переживают истинные сыны родины”, решили отправить солдатам армии рождественские подарки. А для этого обратились к городскому голове с просьбой собрать 3 декабря аналогичное совещание, пригласив на него представителей “русского, мусульманского и еврейского духовенства”, а также кооперативов, банков и общественных организаций. Собрать очередное совещание удалось лишь 5 декабря. 13 членов совещания представляли преимущественно военно-промышленный и биржевый комитеты, хотя удалось привлечь по одному представителю от общества потребителей и союза маслодельных артелей, доктора Гилевича от союза врачей и директора городского общественного банка. Городской голова разъяснил, что армия нуждается в тёплой одежде, в белье и во всём необходимом. Он призывал: “Многие города протягивают свою руку помощи нашей молодой армии и по примеру прошлых лет наш город не должен забывать о тех нуждах и лишениях, которые переживают в настоящее время истинные сыны родины. Армия разута, армия раздета, и наш долг обуть и одеть её – это наша ближайшая цель и наша задача”. Предложение не вызвало энтузиазма присутствующих – время-то было предпраздничное. Член военно-промышленного комитета Шапошников вообще предложил перенести совещание. Но после некоторых колебаний всё же было решено создать комиссию в 40 человек от военно-промышленного и биржевого комитетов, союза православных христиан, мусульман и еврейского общества, банков, от конторы почты и телеграфа, железной дороги и пр. Кроме того было сочинено воззвание с предложением собраться 8 декабря всем гражданам, “желающим быть полезными в этом деле непосредственной помощью”.

6 декабря собралось очередное совещание, на котором опять начали “тянуть вольнку”. Шапошников вновь проявил инициативу и предложил создать теперь уже не одну, а как минимум две комиссии: одну – по изысканию средств, другую – по заготовке материалов; а вообще лучше – несколько комиссий. Дальше начали дебатировать “каким путём можно собрать нужные средства”? [1].

Тут уже не выдержал начальник гарнизона капитан Акридов: “В Петропавловске достаточно состоятельных граждан, для которых сумма в 100 – 150 тыс. руб. ничего не значит. Нужно просто предложить таким гражданам дать нужную сумму. А если мы будем уст-

раивать спектакли, вечера, концерты, то время пройдёт и мы ничего не сделаем. Средства нужны сейчас же. Их собрать можно. Ведь носили же состоятельные люди при большевиках по 100 по 150 тыс. руб. на другой же день по получении требования. Находили”. Но это не произвело никакого впечатления на собравшихся. Кучков поинтересовался, как нужно понимать это предложение? Взять у состоятельных граждан деньги только как оборотные средства или же безвозвратно? Если как оборотные средства, то деньги можно легко собрать. Капитан Акридов вновь возмутился и заявил, что нужны средства, чтобы действовать сейчас же: “Есть состоятельные граждане, которые эти средства могут дать. В чужой карман я не заглядываю. Ни о каких контрибуциях, конечно, не может быть и речи”. Лыжин сообщил, что по приблизительным подсчётам требуется сумма в 250 – 300 тыс. руб. Пока будут собираться эти средства путём пожертвований, спектаклей и пр., пройдёт много времени. Таким образом, сначала нужно занять деньги у состоятельных граждан, а затем постепенно погашать долг. Собравшиеся оживились. Одни стали настаивать на том, чтобы деньги были даны торгово-промышленным классом. Представители последнего поинтересовались, сколько предполагается собрать в будущем пожертвований и прочего для этой цели, так как только в таком случае якобы легче осуществить сбор денег. Кто-то из собравшихся предложил по примеру Акмолинска обложить поступающие в город товары по 3 – 5 коп. с рубля их стоимости. Это предложение вызвало энергичное возражение. Главным аргументом выдвигалось, что при таком обложении вся тяжесть сбора ляжет на неимущий класс населения, а имущие останутся в стороне. Это, естественно, было только красивой отговоркой.

Обсуждение затягивалось. Предлагалось объединить комиссию помощи военнопленным и комиссию по вопросам о подарках и просить уже объединённую комиссию в срочном порядке сделать всё от начала до конца. Собравшиеся явно не желали ничего жертвовать. Капитан Акридов уже совершенно разъярился и набросился на собравшихся за их “чрезмерную разговорчивость”. Он привёл в пример некоего Фатеева, который просто пришёл и сказал: “Жертвую сто пар пимов”. “Без разговоров, коротко и ясно”, – подчеркнул начальник гарнизона. Этот пример, наконец-то, вдохновил некоторых из собравшихся. Так, представитель потребительского общества Волгин заявил, что может обещать 30 пар пимов, и заверил, что если соберётся правление общества, то оно непременно увеличит это по-

жертвование. Затем представитель общества “Ломовоз” расщедрился на 1 тыс. руб. Энтузиастов больше не нашлось, и собравшиеся решили пополнить инициативную группу по сбору пожертвований на подарки для армии ещё 13 членами, разделив её на 3 комиссии: 1) финансовую, 2) по устройству спектаклей и концертов и 3) хозяйственную. Кроме того, чтобы никто больше не заподозрил собравшихся в отсутствии патриотизма, постановили обратиться к населению города и уезда с соответствующим воззванием [2].

Аналогичная ситуация сложилась в Омске, где Совет временного комитета торгово-промышленных организаций Омска для финансового наполнения военного фонда на нужды действующей армии, который было решено создать на общем собрании, вынужден был упрашивать торгово-промышленников, акционерные компании и товарищества внести в счёт обложения требуемые суммы, которые те, естественно, вносить не спешили [3].

Таким образом, буржуазия не возражала против всевозможных льгот, уступок и привилегий, а временами даже требовала их от колчаковского правительства, но когда дело доходило до её прибылей, делиться ими она совершенно не спешила.

Так, съезд торговцев и промышленников Уфимского края в декабре 1918 г. ограничился приветственной телеграммой Колчаку:

– Правление союза считает нужным заявить, что оно после изгнания из пределов Уфимской губернии большевиков отдаст все свои силы, знания, опыт и средства на творческую работу по воссозданию народно-экономической жизни страны. Со своей стороны съезд должен заявить, что торгово-промышленный класс Уфимского края является инициатором денежных сборов на нужды армии и не переставал жертвовать их до момента эвакуации Уфы, поэтому этот класс не желает, чтобы Вы его молчание сочли согласием с другими общественными группами Уфы [4].

6 января 1919 г. в Новониколаевске под председательством А.Г.Беседина открылось общее собрание местных торговцев и промышленников. Центральным пунктом повестки было объединение торгово-промышленников, “иначе кооперация долго будет расширять своё дело”. От одного из присутствовавших поступило предложение создать некое объединение и выбрать руководителя, поскольку такая возможность при нынешнем правительстве имеется. Вдруг поступило внеочередное предложение послать телеграмму А.В.Колчаку и порекомендовать ему принудительно обложить Сибирь на 300 млн руб. в пользу армии, из которых 10 млн руб. смогут запла-

тить новониколаевцы. Тут же стали возражать, что это методы большевистские, а лучше установить справедливые налоги. Их стали убеждать, что это не принудительное обложение, а пожертвование “на спасение родины”. Прения затягивались, и тут председательствующий напомнил, что этого пункта нет в повестке дня, надо всё перенести на другое заседание, подготовить доклады. Вновь выступил инициатор сборов на армию Мелихов, который стал настаивать, что обложить надо не только имущий класс, но и рабочих, которые могут дать свой дневной заработок. Но и тут стали возражать. Тогда решили эту проблему перенести на какое-нибудь собрание [5].

Лишь к февралю 1919 г. буржуазные круги Сибири и Урала “раскачались”, и жертвования стали поступать. Омская кадетская газета с удовлетворением сообщала, что Совет съездов получил от ишимских торгово-промышленников извещение, что торгово-промышленный класс Ишима постановил обложить себя на нужды Сибирской армии на сумму 130 тыс. руб., каковую сумму перевести в распоряжение Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, причём 100 тыс. руб. назначить на нужды армии, 20 тыс. обратить в фонд помощи возвращающимся из германского плена и 10 тыс. руб. в непосредственное распоряжение Совета съездов как центрального органа торгово-промышленного класса.

Расщедрился и еврейский капитал. Комиссия, избранная омской еврейской общиной, собрала на подарки для армии среди еврейского населения Омска пожертвования в сумме 68 170 руб. Для этой же цели было получено от евреев Татарска 3 647 руб. 50 коп. и города Тары 1 000 руб., а всего 72 117 руб. 50 коп. На эти деньги были приобретены подарки, которые были распределены по фронтам: Пермскому, Оренбургскому и Семиреченскому [6].

Красноярские торговцы и промышленники также “расшевелились” лишь в феврале 1919 г., когда стало известно о взятии повстанцами Енисейска. 9 февраля на собрании торговцев и промышленников В.А.Староверов и П.А.Петропавлов призывали жертвовать как можно больше на нужды армии. Общее собрание постановило собрать более 50 тыс. руб. Для раскладки этой суммы была избрана комиссия [7].

Но торговцы и промышленники одновременно сочли, что страдать и жертвовать должны не они одни, мол, есть ещё богатая кооперация, пусть и она поделится. Красноярская кадетская газета разъясняла:

– С полнейшим удовлетворением общество встретило состоявшееся в воскресенье постановление красноярских торговцев и промышленников о самообложении на нужды армии <...> Торговый класс делает почин. Безобразный террор большевиков, уничтожавший совершенно частный торговый аппарат, не коснулся кооперации. Наоборот, последняя, благодаря монополии в торговле, оказавшейся у неё в руках, сделала громадные успехи по завоеванию рынка. В руках кооперации сконцентрированы громадные капиталы, собранные с народа. Теперь было бы своевременно, чтобы кооперативы пришли государству на помощь <...> Иначе совершенно лишни лозунги кооперативов “всё для народа, всё через народ”. За громкими фразами пусть будут достойные дела [8].

В Томске к марту было разработано только положение о Томском комитете помощи армии, в который включались управляющий губернией, начальник гарнизона, комендант города, уполномоченный министерства продовольствия, представители Городской думы, губернской земской управы, Академии генерального штаба, университета, института, общества инженеров, народного образования, русских скаутов, общества помощи больным и раненым воинам, биржевого комитета, общества фабриканто-заводчиков, совета профсоюзов и кооперации. Это положение было отправлено на утверждение министра внутренних дел [9].

Помимо армии, жертвовать на нужды которой торговцы и промышленники вовсе не спешили, перекладывая эту “почётную обязанность” то на кооперацию, то на рабочих, буржуазия рассчитывала ещё и на интервенцию. Так, томский биржевой комитет на одном из своих заседаний в январе 1919 г. постановил отправить телеграмму правительству:

– Вполне соглашаясь с основными положениями соединённого заседания торгово-промышленных организаций Омска, томский биржевой комитет присоединяется к требованию восстановления транспорта и водворения порядка на железных дорогах. Если собственными силами эта задача невыполнима, то признаём настоятельную необходимость обращения за помощью к союзникам, надеясь что эта помощь будет оказана без умаления достоинства российского государства [10].

Новониколаевский биржевой комитет на общем собрании 11 января присоединился к резолюции соединённого заседания всех торгово-промышленных организаций Омска 3 января и выразил надежду, что “помощь наших верных союзников в борьбе с общим врагом

цивилизации – большевиками, предавшими в руки Германии Россию и союзников, последует скорая и могучая” [11].

Новониколаевский биржевой комитет имел в виду резолюцию соединённого заседания торгово-промышленных организаций в Омске, созванном специально для обсуждения проблемы упорядочения российского железнодорожного транспорта, в котором принимали участие председатель съезда Всероссийского совета торговли и промышленности А.А.Гаврилов и князь А.А.Крапоткин. На этом совещании была принята резолюция:

– Соединённое заседание не мыслит экономического возрождения страны в существующих и поныне ещё условиях государственного регулирования промышленности и торговли <...> Экономическая свобода может залечить многочисленные раны нашей родины лишь в том случае, если будут налицо условия, благоприятствующие её проявлению. Самым важным из этих условий в настоящий момент соединённое собрание считает восстановление транспорта. Настоящее же положение нашего транспорта таково, что лишь исключительные технические силы и средства, которыми так бедна наша родина <...> могли бы поставить наши железные дороги на надлежащую высоту. Этими условиями не обладаем мы, но зато ими в полной мере обладают наши доблестные союзники <...> Эту помощь оно мыслит прежде всего в виде упорядочения и развития нашего транспорта, которое, в связи с возвращением государства к принципам свободы промышленности и торговли, будет наилучшим образом способствовать возрождению экономической мощи [12].

Правительственной партией в белой Сибири были кадеты. В начале декабря 1918 г. в Омске прошло заседание восточного отдела ЦК ПНС. В.Н.Пепеляев заявил о своём выходе из партии под предлогом “беспартийности” власти. Последняя, естественно, “беспартийной” не была. После ухода Пепеляева было переизбрано бюро партии. Председателем отдела единогласно был избран земский деятель и главный редактор самарского “Волжского дня” А.К.Клафтон, товарищем председателя – председатель омского комитета партии В.А.Жардецкий, членом бюро – член ЦК, представитель Уральского казачьего войска Н.А.Бородин и секретарём – председатель самарского губернского комитета партии В.А.Кудрявцев [13].

Своеобразная программа кадетской партии была изложена в редакционном заявлении омской кадетской газеты в январе 1919 г.:

– Мы – “Сибирская речь” – орган русской, ныне в России гонимой национальной идеи <...> Мы исповедуем Россию единую, не-

раздельную, великодержавную, в её границах до войны существовавших, за исключением Царства польского, которое, по справедливости, должно отойти к воссоединяемой Польше, но с присоединением единоплеменных нам народов Австро-Венгрии – народов подъяремной донныне Руси. В пределах державы Российской мы признаём право на культурное самоопределение входящих в состав Российской нации отдельных народностей <...> При равном уважении ко всякой вере, ко всякому исканию духовному первенствующее положение мы отводим исторической вере народа нашего и духовному руководителю русского народа в его истории – церкви православной.

Мы одушевлены идеалами демократии <...> Что же касается настоящего времени, когда Россия замучена всесторонней разрухой и безвластием, мы видим единственное спасение в сосредоточении всего внимания государственно-разумеющих сил на укреплении сильной единоличной власти в государстве, которая системою быстрых, твёрдых и когда надобность укажет неумолимо суровых мер введёт в границы взволнованное море безначалия и, утвердив на русской земле порядок, откроет самую возможность государственного строительства в России. Власти верховного правителя нашего и доблестного национального вождя адмирала А.В.Колчака мы будем служить не за страх, а за совесть, как верные солдаты национального дела. В русской армии мы видим сейчас главного и первенствующего деятеля государственного возрождения России [14].

Эти программные задачи регулярно озвучивались в сибирской кадетской прессе. Главной, безусловно, была всемерная поддержка правительства Колчака. Так, новониколаевские “Военные ведомости”, отражавшие идеи офицерских и кадетских кругов, писали:

– Все, кому дорога Россия, с чувством глубочайшего удовлетворения прочли приказ верховного правителя от 30 ноября о пресечении преступных действий бывших членов Самарского Комуча. Наконец-то, чуть ли не в первый раз после Февральского переворота, верховная власть заговорила твёрдым, единственно приличествующим ей языком. Политика мягкости, переходящей в слабость, и политика бесконечных уступок даже там, где эти уступки не только не позволительны, но и прямо преступны, сгубили правительство Керенского и бросили Россию во все ужасы большевизма [15].

Следом новониколаевская кадетская газета “Русская речь” призвала:

– С момента вступления адмирала Колчака на пост верховного правителя самарский “Совет управляющих ведомствами” встал в резкую оппозицию к Всероссийскому правительству <...> При столь резкой, исключаяющей возможности какого-либо соглашения, постановке вопроса возможным представляется только одно решение вопроса – это окончательная ликвидация печального “недоразумения”, может быть даже и посредством силы <...> Линия поведения, взятая самарским “советом”, имела все признаки партийной “тактики” со свойственными и присущими этой последней недостатками, сказывающимися в не всегда твёрдом реальном учёте сил и не исключаяющей возможности всяческих “эксцессов”. И там, где сталкиваются интересы государственности и партии, в этом случае не может быть двух решений – интересы партии должны быть подчинены интересам государственности. С ликвидацией этого “инцидента”, перед властью вновь открывается возможность спокойной работы на благо государственного “устроения” и восстановления общественных сил [16].

Отрицательное отношение к политическому противнику – Кому-чу и его Совету управляющих ведомствами переносилось и на мелкобуржуазные партии, деятельность которых, по убеждению кадетов, вела к большевизму. А также и на такое Учредительное собрание, где господствовали эсеры и меньшевики. Барнаульская кадетская газета разъясняла:

– Мы неоднократно доказывали, что борьба с большевиками должна распространяться и на тех, кто так или иначе является их союзником. Ведя преступную агитацию в новой армии, ЦК ПСР повторяет лишь то, что в прошлом году сделали большевики. Подготавливая восстание против Всероссийского правительства с целью захвата власти, комитет идёт по тому пути, по которому большевики довели Россию до Брестского мира и распада государства. ЦК ПСР и все, идущие с ним, должны быть уничтожены так же, как уничтожаются большевики. Нерешительная политика приведёт только к новым потрясениям. Против ЦК ПСР должны быть приняты решительные меры. И если сама ПСР не выскажется открыто против своего ЦК, то на очередь встанет и по отношению к этой партии вопрос: быть или не быть [17].

Уфимская буржуазная газета призывала:

– Господа, будем искренни и честны! Оставим недостойную игру. Если мы действительно стоим за Учредительное собрание, так будем же стоять за него, как таковое, т.е. за выражение воли всего

российского населения, какова бы эта воля на деле ни была. Если эта воля выявлена в прошлогоднем голосовании, то пусть совершится она – пусть соберутся все избранные 800 человек и установят конституцию России. Если же выявления воли ещё не совершилось, или совершилось неудачно, или, наконец, сама воля изменилась – то пусть выявится она вторично: пусть произойдут новые выборы по всей России <...> Если же кто с этим не согласен или какие-либо группы желают своего, только своего Учредительного собрания, т.е. собрания своей партии или своих друзей, то пусть таковые скажут прямо, что они по существу дела против Учредительного собрания и никакого свободного волеизъявления народа видеть не желают. В таком случае, Учредительного собрания у нас совсем не будет и мы все, наконец, освободимся от пустого призрака Учредительного собрания [18].

Критикуя идею единого революционного фронта, иркутская кадетская газета отмечала:

– Что она может представлять в условиях российской действительности? Из всех социалистических партий самой влиятельной и самой мощной является партия большевиков, ибо она обладает реальной силой в виде организованного аппарата управления. И реакция идеи единого фронта фактически выльется в капитуляцию, быть может и в почётной форме, социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков. И побеждённые, принявшие программу победителя, принуждены будут проводить её в жизнь. А практическое проведение сведётся к красному террору [19].

И, наконец, красноярская кадетская газета разъясняла:

– Мы по-прежнему убеждены, что сейчас, когда продолжается тяжёлая война, от исхода которой зависит всё будущее страны, когда Россия разделена ещё на несколько частей и, следовательно, негде создать единого и полного представительства, сейчас необходима власть единоличная и не ограниченная тем или другим несовершенным представительством. Такая власть у нас есть. Подчиняя все основные задачи возрождения единой России, верховная власть адмирала Колчака тем самым всё более приближает тот светлый день, когда соберётся Национальное собрание – голос и воля всего русского народа. И всякую попытку до того дня создать Учредительное собрание, неполное по составу, одностороннее и потому не обладающее должным авторитетом, мы считаем ошибочной и вредной. Созыва же черновского Учредительного собрания могут требовать

лишь те, кто продолжает чёрную работу разложения родной страны [20].

Одна из дискуссионных проблем современной историографии – характер колчаковского режима. Можно ли считать правительственный лагерь кадетско-монархическим или добавление “монархический” по отношению к белой Сибири неуместно, и этот лагерь надо считать либерально-республиканским? Отметим три момента в пользу первого утверждения. Во-первых, с вхождением в состав белой Сибири Уфимской губернии появилась территория с помещичьим землевладением, т.е. опорой монархического строя. Во-вторых, монархические настроения офицерство и чиновничество в колчаковской Сибири совершенно не скрывало. И, в-третьих, сама кадетская партия по происхождению была монархической и лозунг конституционной монархии после Февральской революции из программного стал тактическим и был отодвинут на второй план, оставаясь в арсенале партии. Всё это убедительно подтверждается публикациями уральских и сибирских буржуазных и кадетских газет. Так, уфимская буржуазная газета разъясняла:

– В России – стране земледельческой, где крестьяне составляют почти 80 %, а фабрично-заводская промышленность едва зарождается, основой государственного строя, очевидно, должны быть интересы крестьян и вообще земледелия. Интересы собственно рабочих – дело второстепенное. Во всяком случае, основой управления России должна быть не борьба крестьян с помещиками, где счёты сравнительно невелики, и ещё менее – борьба рабочего с фабрикантом, с которым у него в существе дела интерес один и тот же. Основой будущего строя России должно быть прежде всего ясное сознание интересов земледелия и промышленности и возможное полное и отчётливое согласование их между собой. На это мы обращаем внимание всех горячих революционных проповедников “диктатуры пролетариата”, а также всех демократов, искренне думающих о том, как бы улучшить условия жизни широких слоёв народа [21].

2 февраля новониколаевская кадетская газета “Русская речь” опубликовала статью профессора Г.В.Михайловского “Идея монархии и Россия”. Он разъяснял:

– Социализм, народопрравство, демократия, – всё это сделалось лозунгами “передовых” людей. А в результате – государство, созданное русскими царями с таким трудом, разрушилось: Россия из могучей державы превратилась в пустой звук. Более постыдного банкротства история ещё не видела <...> Но я думаю, что Россия

ещё возродится, что “есть ещё порох в пороховницах”. Только это возрождение никоим образом не может совершиться на основе идей демократии и народоправства, не говоря уже о такой нелепости, как социализм. Россия создавалась и сделалась могучим государством на почве монархии и религии. И эти две силы должны быть положены в основу её возрождения [22].

В статье профессора протоиерея И.Галахова “Аполитичность церкви” рассказывалось ещё об одном устое режима:

– Церковь не должна вмешиваться в дела государства, вот общий клич социалистических партий – требующих полного отделения церкви от государства <...> Те, которые хотят, чтобы церковь стояла вне политики, делают её каким-то внеисторическим институтом, действующим вне пространства и времени, чуждым действительности жизни и её интересов. Для церкви настоящего момента это значило бы отказаться от всякого участия в общей созидательной работе, от всякой помощи государству и предаться постыдному квиэтизму. Нет, церковь этого не сделает и сделать не может. Все силы ада на неё ополчились за то, что она одна стоит среди этого ужаса, напоминая своим чадам о боге, о забытом долге, совести, чести, о поруганной родине. Её безоружных служителей убивают, терзают, топят, мучают, но они мужественно переносят страдания и тем ещё более усиливают нравственную сопротивляемость церкви воцарившемуся злу. На крови мучеников создается новое государство. И неужели при этих условиях церковь не подтвердила своё право на веское, авторитетное слово в деле воссоздания русского государства [23].

Таким образом, правительственный лагерь можно с полным основанием называть кадетско-монархическим.

Мелкобуржуазный лагерь не был однородным. В нём были элементы, тяготевшие к кадетам, и элементы, если не сочувствующие, то хотя бы готовые к сотрудничеству с большевиками. Что касается первых, то ярким примером стал блок политических и общественных групп в Омске, который выступил в поддержку А.В.Колчака. 19 декабря 1918 г. было подписано обращение, в котором отмечалось:

– Обсудив на совместных совещаниях своих ту совокупность руководящих начал для предстоящей деятельности государственной власти в России, которая выражена в обращении верховного правителя к представителям печати 28 ноября 1918 г., нижепоименованные общественные объединения сознали в заявлении верховного

правителя жизненную верность и необходимость им указанного пути для русского народа и для русской власти. Нижепоименованные объединения российских общественных сил, которым дороги начала здорового демократического устройства жизни русского народа, просят верховного правителя принять от них внушённые любовью к России глубоко искренние выражения бесповоротной решимости всемерно поддерживать власть российского правительства, возглавляемые единолично верховным правителем адмиралом А.В.Колчаком. Да благословит бог труды российской власти по восстановлению государства российского в былом достоинстве и мощи в мире и порядке в праве, свободе и благосостоянии всего народа русского [24].

Обращение подписали от Совета всесибирских кооперативных съездов А.Сазонов, от омского отдела “Союза возрождения России” В.Куликов, от Всероссийского Совета съездов торговли и промышленности Д.Каргалов, от омского комитета трудовой народно-социалистической партии А.Новиков, представители казачьих войск Сибирского – Е.Березовский, Забайкальского – Я.Лапшаков, Семиреченского – С.Шендриков, Иркутского – С.Мелентьев; от омской группы ПСР (“Воли народа”) И.Строганов, восточного отдела ЦК ПНС В.Жардецкий, Центрального военно-промышленного комитета Н.Двинаренко, Акмолинского областного отделения Всероссийского национального союза Г.Ряжский, Атамановской группы РСДРП “Единство” И.Рубанов, а также председатель блока политических и общественных объединений А.Балакшин [25].

В этот же день А.В.Колчак принял делегацию от этого блока. Новониколаевская кадетская газета “Русская речь” комментировала:

– Можно сказать, что в этой делегации было сосредоточено всё действительно государственно-мыслящее справа и слева, для которого возрождение Родины составляет в данное время основное условие его общественно-политической работы [26].

Эсеровские деятели оценили блок иначе. Так, томский “Голос Сибири” комментировал:

– Как бы ни велика была, однако, политическая наивность демократической интеллигенции из блока, старающейся своим участием в нём затормозить ход реакции, как бы ни велика была их испуганность перед большевизмом по ту и по сю сторону фронта – этот противоестественный союз не может, конечно, продолжаться долго. По мере очищения России от большевизма будут расти и аппетиты и уверенность в своих силах со стороны цензовых групп. Несомненно,

будут сделаны попытки к такой реставрации – и политической, и социальной, о которой цензовики не смогут сейчас мечтать. И тогда... тогда очень и очень многие из теперешних “спасителей” демократии в России поймут, чьё по существу дело творили они. Поймут – и отойдут, по крайней мере очень многие отойдут. Но не слишком ли поздно придёт момент этого политического просветления? [27].

Понятно, что объединить на общей платформе столь разнородные элементы было весьма непросто. В феврале 1919 г. восточный отдел ЦК ПНС обсудил и поддержал проект устава блока и перевыбрал представителей партии в блок. Ими оказались А.К.Клафтон, В.А.Кудрявцев и В.А.Жардецкий. Чтобы хоть как-то упорядочить деятельность блока, В.А.Жардецкий на заседании 23 февраля предложил все проблемы, подлежащие рассмотрению блока, разделить на три разряда: неполитические должны решаться простым большинством голосов, небольшого политического значения предоставляют меньшинству остаться при особом мнении и, наконец, большого политического значения – решаются лишь единогласно всеми присутствующими. Это предложение было принято собравшимися [28].

Омская кадетская газета разъясняла:

– Идея политической организации блока укрепляется всё более в общественном сознании <...> Что такое блок? Формально это – созданный на почве поддержки существующей национальной власти союз разнообразных политических и экономических организаций российской демократии <...> В программном отношении блок объединяется положениями декларации верховного правителя, которую верховному правителю угодно было сделать представителям печати <...> Блок вырос органическим ростом в процессе развития общественного сознания, параллельно которому росла и развивалась организация государственной власти. В этом смысле блок представляет собой общественную сторону того явления, государственная сторона которого выражена властью российского правительства, возглавляемого верховным правителем [29].

Аналогичная попытка создать блок была предпринята в Иркутске. Местный комитет РСДРП “Единство” высказался в поддержку Колчака, заявив, что тот “борется против большевизма справа и слева”. На этой платформе представители группы А.П.Петров, Ф.Буш и Колесов приняли участие в созданном 11 января кадетами и торгово-

промышленниками совещании политических организаций, на котором выявилась схожесть позиций этих групп [30].

Однако организационных решений принято не было. Следующий шаг был сделан 5 февраля на совещании политических организаций, на котором присутствовали кадеты, народные социалисты, “Единство”, торгово-промышленный союз, биржевой комитет, демократический блок. Состав, как видим, дублировал омский блок. Однако демократический блок и кадеты не смогли договориться предварительно по основным пунктам соглашения. Кадеты заявили, что будут требовать возрождения единой и неделимой России. Демократический блок возразил, что они блокировались лишь по общим политическим вопросам, а по социальным будут идти врозь. В итоге было решено обсудить позиции участников совещания по следующим пунктам: 1) воссоздание единой и великой России с подобающим ей международным положением, 2) должен ли блок поддерживать существующее правительство, 3) воссоздание армии, 4) развитие производительных сил страны [31].

Группа “Единство” заявила, что считает второй пункт совершенно неприемлемым и предложила вынести на совещание демократического блока следующую формулу:

– Для воссоздания России и установления в ней законности и порядка блок стремится к созданию коалиции всех живых сил страны, что и должно служить основанием для сильной и авторитетной власти. Означенная коалиция должна создаваться на основах развития производительных сил страны путём воссоздания торговли и промышленности, восстановления транспорта, установления нормальных взаимоотношений между трудом и капиталом (социальные реформы, коллективные договоры и т.п.) и воссоздания армии (на основах строгой, но разумной дисциплины и уважения к человеческой личности) [32].

После долгих согласований 26 февраля на очередном совещании было наконец достигнуто соглашение по всем намеченным основным формулам с поправками, внесёнными представителями социал-демократической группы “Единство”. Изменение претерпел п.2, в который к поддержке Колчака было добавлено “при условии создания представительного законодательного органа”. В блок вошли Иркутский демократический союз (И.Баранкевич), кадеты (Д.Кочнев, З.Франк-Каменецкий), Иркутская группа РСДРП (А.Петров, А.Пескин, Ф.Буж), Иркутская трудовая народно-социалистическая партия (Ю.Гарбатовский), областной торгово-промышленный союз

(В.Иванов), иркутский биржевой комитет (З.Помус) и с совещательным голосом областники-автономисты (В.М.Попов). Был избран исполнительный орган – президиум блока: председателем стал кадет Д.А.Кочнев, товарищем председателя – меньшевик А.Пескин, секретарём – народный социалист Ю.Гарбатовский [33].

Как видим, в блок вошли местные областники. Но на собрании областников 1 марта после того как В.М.Попов рассказал о целях и задачах предполагаемого блока, большинство однозначно высказалось против блока с кадетами и торгово-промышленниками, политика которых за последнее время “стала неустойчивой и сильно уклонилась вправо”, а главным образом потому, что блок противоречил основной идее областников – принципу автономии и федерации. В итоге при голосовании блок с кадетами был отвергнут при троих воздержавшихся и голосовавшем за блок В.М.Поповым. Тогда последний заявил, что он выходит из состава группы областников и будет организовывать в Иркутске группу областников-потанинцев [34].

В январе – феврале 1919 г. организация блока по образцу омского происходила ещё в одном крупном городе – Екатеринбурге. 29 января в городе под председательством Д.М.Веселова состоялось объединённое заседание губернского и городского комитетов ПНС. Обсуждалась необходимость создания в Екатеринбурге блока политических и общественных организаций для объединённой работы на следующей платформе: 1) поддержка власти верховного правителя, 2) борьба с большевизмом, 3) национально-просветительная деятельность на фронте и в тылу [35].

Местная газета разъясняла:

– Подобные блоки не только укрепляют положение правительства в его сношениях с иностранными державами, не только облегчают ему тяжесть борьбы с большевизмом, они формируют то срединное общественное мнение, отвечающее потребностям и чаяниям возможно широких народных слоёв, на которые впоследствии будет в состоянии и должна будет опираться всякая государственная власть, когда она перейдёт от дела борьбы за государственное бытие России к делу строительства новой России. Блок послужит ей рельсами, которые направят её ход, не позволяя свернуть ни налево, ни направо, и придаст делу национального обновления планомерность, стойкость и прочность [36].

Далее газета призывала привлечь в блок помимо политических партий и организаций, “организации по существу своему аполитич-

ные, но группирующие в себе трудовые, предприимчивые и интеллектуальные силы страны” такие, как кооперацию, торгово-промышленные объединения, культурно-просветительные общества, союзы, образованные по профессиональному принципу, – “словом, всю деятельную, думающую и работающую патриотическую Россию”.

На призыв тут же откликнулся местный биржевой комитет. Следом отозвался Уральский торгово-промышленный союз [37].

2 февраля екатеринбургский губернский комитет ПНС создал комиссию для созыва организационного собрания блока, на которое было решено пригласить Всероссийский национальный союз, партию “Единство”, народных социалистов, профсоюз рабочих и служащих и местные кооперативы. Через неделю выяснилось, что Национальный союз не против создания блока, а вот кооперативы заявили, что вступать в блок они ни за что не будут, поскольку они “аполитичны” и их усилия сейчас направлены на “воссоздание экономической жизни и борьбу с наступающим на них частным капиталом” [38].

Кадетская газета возмущалась:

– Отказываться от общественной работы и широкого общественного сотрудничества в этом направлении (воссоздания государственности. – *В.К.*) значит проявлять не свою аполитичность, а равнодушие к судьбе собственной страны, недопустимое ни для отдельного лица, ни какой-либо общественной группы или организации <...> воссоздание России является не партийной работой, а всенародной, от которой “демократия”, дорожающая соблюдением демократических интересов, может уклоняться только по недоразумению <...> Объявить <...> войну частному капиталу в момент, когда экономический интерес государства требует воссоздания частной предприимчивости, разрушенной большевиками, значит увлекать кооперативы на противогосударственную дорогу [39].

Ничего удивительного в этом нет. В омском блоке произошло то же самое: кооперативы, от лица которых якобы выступал А.В.Сазонов, заявили протест, объявив Сазонова не представителем Совета всесибирских кооперативных съездов, а частным лицом. Уральская мелкобуржуазная газета комментировала:

– Объединяя представителей местных организаций политических партий не крупного калибра или даже неоформленных политических течений и отдельных партий (правых социалистов-революционеров) с организациями смешанного характера (коопера-

тивами) и торгово-промышленными организациями однородного классового характера, омский блок почти ни для кого не авторитетен, и в политическом отношении его значение приближается к нулю [40].

Наконец, 9 февраля инициаторы блока собрали совещание. Приглашения направлялись кадетам, народным социалистам, национальному союзу Возрождения, “Единству”, союзу врачей, техников, юридическому кружку, педагогическому союзу, союзу служащих и другим аналогичным организациям, Уральскому союзу потребителей обществ, кредитному союзу, Совету кооперативных съездов, торгово-промышленному союзу и пр. Но представители большинства организаций отсутствовали. Полнее других организаций представлена была партия кадетов, национальный союз Возрождения и партия народных социалистов. Последние, правда, явились только для информационной цели, хотя и заявили, что принципиально против блока ничего не имеют, но желают прежде узнать от организаторов: в какие формы выльется будущая деятельность блока, и лишь потом они будут решать участвовать или нет в блоке. Местная мелкобуржуазная газета с ехидством отмечала:

– Таким образом, инициаторам блока пришлось вариться в собственном соку и говорить длинные речи о необходимости в такой тяжёлый момент соглашения. И в конце концов было высказано пожелание, чтобы партии и организации обсудили всё на своих собраниях. Предложено было выработать и декларацию блока, наиболее приемлемую для всех, для чего и была избрана особая согласительная комиссия из представителей партий и организаций, пожелавших в ней участвовать. Комиссия к следующему воскресенью должна изготовить свой проект декларации и он будет вынесен на второе общее собрание в этот день [41].

На очередное заседание из 23 организаций, на которые рассчитывали инициаторы, явились только 11: четыре организации торгово-промышленников (Совет съездов торговли и промышленности, Уральский союз торговли и промышленности, Культурно-экономический союз и биржевой комитет); три организации, построенные по религиозному принципу (старообрядческая община, союз приходских советов и екатеринбургское мусульманское национальное управление общества возрождения России); три союза (врачей, инженеров и Национальный союз); и одна партия – партия народной свободы. Таким образом, организации мелкобуржуазного толка проигнорировали собрание. Уральская мелкобуржуазная газета

предложила параллельно с этим блоком создать организацию, которая должна была объединить “на почве защиты народовластия демократические партии и организации”. В газете разъяснялось:

– Не лакействовать перед властью, а упорным трудом и организацией демократический Союз возрождения России должен привести страну к возрождению государственности и Учредительному собранию. Это должна быть его основная задача, а так как эту же цель, по неоднократным заверениям верховного правителя, преследует и “правительство им возглавляемое”, то это будет вместе с тем и лучшая поддержка власти. Поддержка не на словах, а на деле организации русской демократии [42].

Приход Колчака к власти означал отстранение от власти эсеров, переход их в лагерь системной оппозиции. Объявляя борьбу с “реакцией” эсеры лишь меняли тактику, поскольку общим с колчаковским режимом у них была экономическая платформа – свобода торговли и частная собственность. Расходились они лишь в ориентации на разные группы населения – в то время, когда колчаковский режим поддерживал крупный капитал, эсеры ориентировались и отражали интересы сибирской кооперации и основной массы крестьянства.

Оставшиеся после колчаковского переворота в Уфе члены Учредительного собрания попытались заявить протест против переворота, но 3 декабря их лидера В.К.Вольского пригласил к себе командующий Самарским фронтом генерал С.Войцеховский и заявил, что “отныне он не может ручаться за безопасность съезда”, а так как Уфа входит в полосу фронта, то он “советует съезду уехать в другое место”. Это заявление было сделано в 5 часов вечера, а в 10 часов по городу начались обыски и аресты. Хотя большинство депутатов Учредительного собрания в Уфе успело перейти на нелегальное положение, но всё же было захвачено 12 депутатов: Иванов, Федорович, Павлов, Филипповский, Нестеров, Подвицкий, Лотошников, Владыкин, Васильев, Дошанов, Алексеевский, Никонов. Арестованных отправили в Омск и предъявили им обвинение по ст. 100, грозившей смертной казнью. 5 декабря нелегально собрались оставшиеся на свободе члены ЦК ПСР, президиума съезда и лидеры Комуча и образовали руководящий центр в составе В.М.Чернова, Н.И.Ракитникова, М.А.Веденяпина, К.С.Буревого, В.К.Вольского, И.Алкина, Н.В.Святицкого, П.Д.Климушкина и Д.П.Сургучёва. Было решено приступить к активным действиям, образовав для этого военный центр. План сводился к вызову с фронта военных частей и захвату

власти при содействии чехов. Но, как признавал секретарь съезда Комуча, “чехи и рады бы действовать с нами, но они всецело связаны с образом действий союзников. А последние, по-видимому, фактически признали Колчака <...> Будет ли в ближайшие дни выступление – сказать пока трудно. Если нет, то встаёт вопрос о дальнейшей судьбе съезда” [43].

Кроме того, была принята резолюция, означавшая тактический поворот эсеров: “Вооружённую борьбу против большевиков прекратить и все свои силы направить на борьбу против Колчака и сибирской реакции, снестись по этому вопросу с различными воинскими частями, с мусульманскими, с башкирскими и с теми добровольческими отрядами, которые борются под органом Учредительного собрания”. Было признано, что для ПСР было бы “приемлемо образование коалиционного социалистического правительства из социалистов-революционеров и большевиков, ответственное перед созданным в Москве Всероссийским Учредительным собранием настоящего созыва впредь до назначения новых выборов и переизбрания нового Учредительного собрания” [44].

Была образована специальная военная комиссия, которой было поручено организовать отзыв с фронта верных частей, “оттягивая их к Уфе и Златоусту, для нанесения удара Колчаку в тыл”. При удачном исходе этого дела предполагалось вступить в переговоры с большевистским командованием на “предмет прекращения междоусобной войны” и “координации совместных усилий” для борьбы с Колчаком. Комиссии удалось отозвать с фронта Ижевскую бригаду, а также мусульманские полки с Оренбургского фронта. Однако вскоре большинство членов военной комиссии было арестовано и расстреляно, в том числе в ночь на 27 декабря был расстрелян член Учредительного собрания Д.П.Сургучёв [45].

После устранения Совета управляющих ведомствами были ликвидированы местные органы управления, созданные Комучем. Так, Уфимский губернский уполномоченный В.П.Гиневский, его помощник и уездные уполномоченные были упразднены приказом командующего Самарской группой войск генералом С.Н.Войцеховским. 5 декабря управляющим Уфимской губернией был назначен уфимский губернский инспектор милиции В.Н.Соловьёв. Затем Колчаком начальником Уфимской губернии с правами военного губернатора был назначен полковник Кругловский, а В.Н.Соловьёв стал его помощником по гражданской части [46].

Позиция эсеров была чётко обозначена на совещании президиума Уфимского городского и губернского комитетов партии. Они считали необходимым “немедленно войти в переговоры с местными руководящими органами Советской республики на предмет заключения определённого и формального соглашения”, которое должно касаться условий перемирия на Восточном фронте. Резолюция совещания от 30 декабря 1918 г. и условия перемирия с Советской властью были опубликованы президиумом съезда на следующий день в специальном письме “Ко всем организациям ПСР”. Они считали возможным заключить перемирие на следующих условиях: 1) социалисты-революционеры должны обратиться ко всем войскам с призывом прекратить на восточном фронте вооружённую борьбу с советскими войсками, “стараясь по возможности образовать единый фронт демократии против колчаковской и иной реакции”; 2) воинские части, верные Учредительному собранию, организованно уводятся с фронта и, “сохраняя боевой порядок, ждут решения партийных центров”. В свою очередь Советская власть должна принять на себя следующие обязательства: 1) допустить отход боевых частей вооружёнными в полном порядке; 2) допустить вполне легальное существование всех организаций ПСР; 3) гарантировать неприкосновенность всех без исключения членов Всероссийского Учредительного собрания и членов ПСР. В конце письма добавлялось, что изложенные условия “не должны исключать возможности легальной агитации партии эсеров в пользу идей народоправства и Учредительного собрания”, вопрос о судьбе которого должен быть вынесен на обсуждение партийных центров [47].

Уфимский ревком, однако, считал совершенно излишним существование эсеровских боевых частей, поэтому он соглашался лишь на следующее: 1) войсковые части, отдельные лица и группы, добровольно отказавшиеся от дальнейшей войны и добровольно переходящие к советским войскам и сдающиеся – никаким преследованиям со стороны Советской власти не подвергать, 2) части войск, которые пойдут против верховного правителя, со стороны Советской власти никаким преследованиям не подвергать; 3) члены ПСР, разделяющие позицию соглашателей, за принадлежность к партии, преследованию со стороны Советской власти не подвергать [48].

Однако решение начать переговоры с большевиками и сами эти переговоры не встретили единодушного одобрения в сибирских эсеровских кругах. Уральский областной комитет ПСР объявил переговоры В.К.Вольского с Советской властью “актом политического ве-

роломства, провокаторством, проявлением беспримерного политического самозванства” [49]. Вот что разъясняла курганская эсеровская газета:

– Диктатура меньшинства над большинством, проводимая “коммунистами” как принцип совершенно не демократический, не может быть признана последовательными демократами и социалистами. Только свободно выраженная воля большинства русского народа в Национальном Учредительном собрании может сделать обязательной для всех граждан избранную им форму государственного управления России <...> Ни о каком соглашении с большевиками не может быть и речи до тех пор, пока они не перестанут быть большевиками, пока они не сложат оружия и не признают, что и они подчиняются вотуму Учредительного собрания [50].

Ей вторил некий К.Черноземцев в камышловской эсеровской газете:

– Где же выход из создавшегося тупика? Он, несомненно, в устройстве демократической власти, в отмене всех репрессий и запретов, относящихся к свободе печати, слова, собраний и т.п., в изменении политики по отношению к демократическим, рабочим, профессиональным и другим организациям. И, несомненно, самое главное в созыве Учредительного собрания. Все предпринятые ныне дореволюционные “реформы” должны быть остановлены и изменены. Ни избирательный закон в городские и земские самоуправления, ни другие подобные попытки сочувствия в массах, конечно, не встретят. Следовательно, такой порядок прочным не будет, а раз это так, стало быть начнётся народное недовольство, а там и нежелательное повторение уже пройденного [51].

В общем же эсеровская критика колчаковского правительства сводилась к тому, что если созвать Учредительное собрание, а заодно устранить крайности и недостатки режима, то “демократия” восторжествует и “народоправство” воцарится. Так, эсеры призывали министерство внутренних дел “ограничить произвол или прекратить совершенно деятельность следственных комиссий”; в связи с подорожанием продуктов и товаров в 2 – 4 раза они предлагали правительству «пересмотреть вопрос о монополиях и обуздать защитников и носителей “свободной торговли”»; провести заготовку хлеба для армии через кооперативы, дав им лишь хороший кредит; упорядочить работу транспорта и решить проблему с дефицитом мелких разменных денег; желали “русской буржуазии побольше государственного чутья и разума”, чтобы кооперативы могли с ней догово-

ряться и направить капиталы в развитие промышленности [52]. А в целом считали необходимым упорядочить государственный строй и сделать его “демократическим”. Омская кооперативная газета “Заря” разъясняла:

– Желаемая и мыслимая нами государственность есть прежде всего демократический государственный строй, основанный на народном представительстве и народном самоуправлении, как в центре, так и на местах <...> Мы признаём, что здоровая государственность должна обладать стройным и крепким административным аппаратом. Но этого аппарата единственным путеводным огнём должна быть закономерность. Исполнительные органы власти – военная и гражданская – должны охранять и выполнять только веления закона, только интересы народа, подчиняясь во всех случаях закону, как верховному императиву [53].

И как заклинание из газеты в газету эсеры твердили о необходимости созыва Учредительного собрания, по-прежнему разделяя конституционные иллюзии революционных дней. Вот что писал томский “Голос Сибири”:

– Русской демократии необходимо закрепить основы народовластия, создать социально-экономические и культурные условия для своего роста и развития, в процессе и результате которого возможно будет действительно социалистическое преобразование государства. Создать, однако, эти условия может лишь Всероссийское Учредительное собрание изданием основных законов радикального переустройства страны. Таким образом, некогда единая демократия, мощная и сильная, может вновь стать такой же непобедимой только во Всенародном Учредительном собрании, в неудержимом едином устремлении к нему [54].

Идеи Учредительного собрания эсеры распространяли и в среде начинавшего формироваться партизанского движения в Восточной Сибири. Так, в начале 1919 г. в Тайшете эсеры создали группу для работы среди партизан под лозунгом Учредительного собрания. Они проникли в руководство Шиткинским военно-революционным штабом и других партизанских отрядов [55].

К числу мелкобуржуазных партий помимо эсеров относились меньшевики. Они выдвигали те же самые лозунги, что и эсеры. Вот резолюция уфимской организации РСДРП от 1 декабря 1918 г.:

– 1) Военная диктатура должна встретить со стороны рабочего класса и всей демократии решительный отпор и беспощадную борьбу; 2) борясь против диктатуры, партия по-прежнему должна стоять

под лозунгом утверждения в стране народовластия и создания единой всероссийской власти, вышедшей из Всероссийского Учредительного собрания, избранной на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; 3) до выборов нового Учредительного собрания съезд членов настоящего Учредительного собрания является основным организующим центром, вокруг которого должна спланироваться демократия для решительной борьбы с реакцией; 4) сохранение и расширение территории комитета Учредительного собрания является необходимым в целях создания опорного пункта для борьбы с реакцией и советским комиссародержавием [56].

Точно так же, как и эсеры, меньшевики выдвигали лозунг Учредительного собрания, провозглашая утопический “третий путь”. Вот что писала барнаульская меньшевистская газета к годовщине роспуска Учредительного собрания:

– Эпоха диктатуры никогда в истории революций не бывала длительной. Экономическая жизнь неспособна долго выдержать режим диктатуры, подрывающий производительные силы страны. Как все революции и наша русская завершится установлением политической равнодействующей всех борющихся общественных сил. Эта равнодействующая далека будет от классовой диктатуры пролетариата и буржуазии <...> Всенародное Учредительное собрание было, есть и останется великим требованием демократии. В нём она видит начало того нового пути, который выведет страну из тупика и определит её свободное развитие в будущем [57].

Помимо Учредительного собрания популярными в сибирской меньшевистской прессе были лозунги демократической республики, всеобщего демократического мира для всех народов, международно-го рабочего движения, свободы печати, социализма. Точно так же меньшевики критиковали колчаковский режим за его неразумность и недемократичность. Относилось это как к промышленникам, которых они призывали не уменьшать заработную плату и увеличивать рабочий день, а восстанавливать промышленность, поднимать производительные силы, ограничить выпуск бумажных денег и законодательно оформить социальные реформы; так и к правительству, которое не должно было менять избирательные законы по выборам в земство и городские думы; не должно было вмешиваться в деятельность городских дум, налагая вето на их решения; не передавать охрану труда в руки министерства торговли и промышленности [58].

В качестве тактического шага меньшевики призывали организовать “единый демократический фронт”. Алтайская меньшевистская газета разъясняла:

– С крушением социалистического опыта Советской власти в рядах демократии, оставшейся верной заветам полного народовластия, учитывающей грандиозные перспективы, открываемые ростом революционного движения в Западной Европе, зреет снова уверенность возможности и необходимости восстановления единого демократического фронта, разорванного большевистским террором <...> Содержание и характер этого лозунга единого демократического фронта, конечно, изменились за это время, силы, которые он может сейчас объединить, тоже уже не те, что были в предшествующие периоды революции, но жизненность его возрастает с каждым днём и успех его будет зависеть не только от внутренних причин, но, главным образом, от дальнейшего развития внешних событий. Без единого демократического фронта безуспешна будет и борьба за народовластие, без борьбы за народовластие демократия осуждена на полное политическое и культурное вырождение [59].

В январе – феврале меньшевики предприняли попытку создать съезд социал-демократических организаций Сибири, однако назначенный на 5 февраля он смог собрать лишь меньшевиков Восточной Сибири. Тогда было решено объявить собравшихся совещанием среднесибирских организаций РСДРП. Иркутская газета комментировала:

– Совещание признало, что объективные условия, сложившиеся в результате коммунистических опытов Советской власти, с одной стороны, поддерживаемой торгово-промышленным комитетом – с другой, – создают условия для воссоединения расколотых частей демократии в единый революционный фронт для общего политического действия – борьбы с надвинувшейся политической и социальной реакцией. Максимальной гарантией сохранения прочности этого фронта, а, следовательно, и сохранения самого союза городской и сельской демократии, признаётся полная демократизация всего управления страной на основах последовательного народовластия. Совещание признало необходимым делом подчинение местным организациям всей своей политической деятельности основной задаче – работать над воссозданием единого демократического фронта. Совещание среднесибирских организаций РСДРП вынесло постановление о необходимости отозвать всех социал-демократов с ответственных постов в органах существующей власти. В частности, недо-

пустимым признано участие членов партии на ответственных постах в комиссариатах труда, занятие которых, по мнению совещания, влечёт за собою неизбежное выступление перед рабочими в качестве представителя власти и защитника правительственной политики и интересов капитала [60].

В резолюции совещания о кооперативах было записано:

– Учитывая уже начавшийся поход крупного капитала против кооперации и предвидя в ближайшем будущем неизбежность усиления этого похода, ставящего под сильную угрозу самое существование кооперативов, с одной стороны, и стремясь обеспечить за пролетариатом и демократией максимальное влияние на деятельность кооперации, – с другой, социал-демократы должны приложить все усилия к укреплению кооперативов и звать рабочие массы к участию в кооперации; стремиться к переходу кооперативов в руки их членов-пролетариев; где по соотношению сил это окажется невозможным, организовать внутри кооперативов пролетарские секции для воздействия на направление деятельности; предпринять неотлагательные шаги к объединению потребительской кооперации, стоящей на классовой точке зрения, в самостоятельные секции внутри общеккооперативных объединений, – на местах и в общесибирском масштабе с созданием центра, который мог бы защищать политические и экономические интересы рабочей кооперации [61].

Политической партией, которая занимала промежуточную позицию между кадетами и мелкобуржуазными партиями, были народные социалисты. Их позиция была изложена в резолюции конференции омской и 6 иногородних комитетов трудовой народно-социалистической партии 13 – 15 января 1919 г.:

– Основными задачами власти возрождающейся России являются: 1) успешное завершение борьбы с большевизмом; 2) воссоздание государственного бытия России; 3) восстановление её международного положения. С точки зрения этих задач и при трезвом учёте условий переживаемого момента должно признать, что российское правительство, существующее в Омске, возглавляемое адмиралом Колчаком, стоит на уровне требований исторического момента, переживаемого родиной. В силу этих соображений и принимая во внимание, что правительство адмирала Колчака поставило конечной целью своего государственного труда довести родину до такого состояния, когда русский народ мог бы спокойно и свободно выявить свою зрелую волю в постоянных формах политического бытия России через национальное собрание с учредительными полномочиями.

Совещание полагает, что названному правительству должна быть оказана всемерная поддержка [62].

Напомним также, что народные социалисты вошли в блоки, создаваемые кадетами. К числу политических групп с неопределённой физиономией можно отнести и местные организации Всероссийского национального союза. 19 января 1919 г. в Омске прошло совещание представителей славянских государств для обсуждения возможности объединения всего славянства на культурно-экономической почве. На заседании присутствовали от Всероссийского национального союза члены центрального правления Г.А.Ряжский и В.И.Язвицкий, члены правления Акмолинского областного отдела В.В.Белов и доктор Н.С.Охотин, председатель югославянского национального Совета в России Б.И.Иеремич, член президиума объединённых польских организаций инженер К.Р.Билер, управляющий военным отделом Центрального карпаторусского Совета капитан Н.Н.Лозинский, председатель Центрального карпаторусского Совета А.В.Копыстьянский и представитель сербов из королевства инженер Д.А.Попович [63].

Были ли приняты какие-либо резолюции политического характера, не известно. Но поскольку представители Союза входили в омский блок, их позицию можно характеризовать как близкую к кадетам или группе РСДРП “Единство”.

Характеристика политической системы будет неполной, если не упомянуть ещё одну группу, объединённую по религиозному принципу, но расколовшуюся по классовому. Речь идёт о Всесибирской организации еврейских общин, которая перебралась из Томска в Иркутск и 7 января открыла съезд для “выработки единообразной конструкции общин и образования органа общего представительства еврейства”. На съезде было представлено около 87 % еврейского населения Сибири. По партийному составу был 31 сионист, 14 беспартийных, 3 социалиста. Были заслушаны главные доклады в том числе об организации и компетенции еврейских общин и создании Еврейского национального совета. Ввиду выяснившегося положительного отношения съезда к включению религиозных вопросов в круг ведения общин и к участию общин в Палестинском строительстве, социалистический блок съезда в составе трёх покинул съезд [64].

Противостояние кадетов, мелкобуржуазных партий и промежуточных групп наиболее ярко выразилось в деятельности городских дум. Так, Уфимская городская дума, где преобладали представители

мелкобуржуазных партий, 22 ноября осудила приход к власти А.В.Колчака. 10 декабря фракции эсеров, меньшевиков, трудовиков и мусульман заявили свой протест против насильственного “вне всяких государственно-правовых форм” прекращения деятельности Комитета членов Учредительного собрания и Совета управляющих ведомствами [65].

Кадеты объявили предыдущее решение Городской думы ошибкой и внесли следующую резолюцию:

– 1) признать единоличную диктатуру тем средством, которое единственно способно в это небывало ответственное время спасти государство от окончательной гибели, признать диктатуру той временной формой власти, которая одна может вести победоносную борьбу с большевиками, может установить и поддержать порядок в стране до той поры, когда возможным станет народный вотум формы правления государством <...> 3) всемерно содействовать новой верховной власти до тех пор, пока она не сойдёт с указанного пути спасения отчизны [66]. Однако эта резолюция была отклонена большинством голосов.

9 декабря Барнаульская городская дума большинством голосов эсеров и меньшевиков решила послать Колчаку телеграмму, в которой отмечалось, что Дума, состоящая в большинстве из представителей демократии, не приветствует “перехода к единоличному управлению, угрожающему самому осуществлению идеи народоправства”. Это решение поддержало 27 гласных, против выступило только 17 [67].

А вот характеристика Иркутской городской думы, данная управляющим губернией П.Д.Яковлевым в докладе председателю Совета министров П.В.Вологодскому 23 января:

– Иркутская дума <...> Эсеры немного митингуют, но благодаря выходу многих гласных состав Думы настолько изменился, что эсеровское большинство уступило влиянию кадет и эсдеков, которые в деловых вопросах голосуют в блоке. Между эсерами и эсдеками согласия нет. Работы думы настолько закономерны, что правом протестов я воспользовался только в двух случаях. Вместо Кругликова городским головой остался кадет Кузнецов <...> Настроение рабочих злобное. Большое злорадство по поводу падения Уфы. Усиливается работа энесов во главе с ректором Рубинштейном. Среди интеллигенции мы с ним затеваем издание неофициальной части губернских ведомостей. Патушинский пытается возродить местное отделение областников. Общество занято мыслью о радикальном

демократическом блоке с участием этих партий плюс кадеты, земства, города и крестьянский союз, влияние которого в деревне до сих пор исключительное, к этому блоку присоединяется “Единство” и внепартийные эсеры <...> Настроение остаётся антибольшевистским, но в то же время определённо антиправительственным [68].

Большевики, как партия несистемной оппозиции, легальной политической деятельностью не занимались. Однако подпольные группы РКП(б), сохранившиеся после разгрома партии, продолжали свою деятельность. 17 декабря 1918 г. было организовано Сиббюро ЦК РКП(б) в составе члена РВС 5-й Красной Армии И.Н.Смирнова, Ф.И.Голощёкина, А.Масленникова и А.Нейбута. В его задачи входили установление прочной и регулярной связи с большевистским подпольем и общее руководство им, информирование о положении дел в Советской России, передача директив ЦК РКП(б), оказание помощи деньгами, инструкциями, разведывательная работа в тылу Колчака, разрушение железнодорожных коммуникаций и военных складов, подготовка восстаний [69].

В докладе Сибирского бюро РКП(б) в ЦК РКП(б) в начале 1919 г. отмечалось:

– Устанавливая связь с Сибирью посредством рабочих ближайших к нам заводов, находящихся в тылу у противника, Сиббюро невольно втянулось в организационную работу на этих заводах, а так как эти заводы находятся непосредственно за линией неприятельских войск, то работа Сиббюро приняла военно-боевой оттенок... Посылая деньги и людей в Сибирь, мы до сего времени не имеем из Омска курьеров и не знаем точно размеров поражения в Омске 22 декабря. Челябинск должен стать руководящим центром уральской и западносибирской работы. Туда направили Лобкова, Иванова, в Златоуст молодого работника Антонова. На днях поедут в Омск Гольцман и несколько курьеров. Проникать в Сибирь довольно трудно. За последние дни пользуемся Башкирией, но уже появились казачьи заставы и разъезды на вновь образованном фронте [70].

Далее сообщалось, что “по плану Сибирского бюро курс работы в Сибири и на Урале должен сводиться, главным образом, к организации вооружённого восстания”. Отсюда вытекала “необходимость сосредоточить главные силы на работу в войсках и по организации рабочих в боевые единицы”, а также попытка “ввести в организационное русло стихийное движение крестьян и рабочих”. Далее отмечалось, что недовольство широких масс рабочих и “даже крестьян” против Колчака растёт, что привело к восстаниям в декабре 1918 –

феврале 1919 г. в Челябинске, Омске, Томске, Иркутске, Красноярске и в других местах, особенно вдоль железной дороги. Но поскольку восстания возникали неорганизованно, их быстро подавляли. Но, как отмечалось в докладе, почва для восстаний богатая, рабочие ведут борьбу против “уничтожения завоеваний революции”, крестьяне – против взыскания налогов, в частности против 10 %-ного обложения и взыскания недоимок за 1915 – 1918 гг., сопровождающееся поркой, арестами и расстрелами [71].

22 января 1919 г. оргбюро ЦК РКП(б) заслушало информацию И.Н.Смирнова о сибирских и уральских центрах. Было решено продолжать работу в Сибири в прежнем направлении, поручая её Сиббюро. Работу должно было вести Сиббюро ЦК, никаких новых коммунистических партий Урала и Сибири не должно было создаваться, в том числе и Урало-Сибирского ЦК [72].

Колчаковская контрразведка напала на следы Сиббюро в феврале 1919 г. 10 февраля в докладе начальника центрального управления контрразведки при штабе верховного главнокомандующего генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего сообщалось:

– По поступившим во вверенное мне отделение сведениям, Сибирский ЦК партии большевиков-коммунистов состоит из 5 лиц, которые определённого местожительства не имеют, а находятся в постоянных разъездах, руководя организационной работой на местах. Периодически, заранее условившись, они съезжаются все вместе в Омске или Томске <...> В партии большевиков-коммунистов в данное время наблюдается раскол: образовалось два течения, одно – из старых партийных работников (марксистов) стоит за систематическую организационную деятельность при посредстве кружковщины, надеясь достигнуть переворота путём эволюции, а также видят возможность падения Временного правительства вследствие ожидаемых весной успехов большевистской армии на Западно-Сибирском фронте. Второе течение, состоящее главным образом из партийных низов, поставило своим девизом “учиться некогда – нужно работать” и требует немедленной подготовки к вооружённому восстанию [73].

Имеются отрывочные сведения о работе подпольных большевистских организаций в Сибири. Так, в Томске действовал окружной военный штаб РКП(б), который установил связи не только с томскими рабочими, но и с партизанским отрядом П.Лубкова. В мандате 3 февраля этот штаб призывал:

– Окружной штаб, рассмотрев вопрос об отряде П.Лубкова и принимая во внимание, что отряд этот является партизанским и действующим против установившейся в Сибири власти капиталистов, в интересах рабочих и крестьян-бедноты, решил: поскольку отряд Лубкова будет преследовать вышеуказанные цели, не связанные с корыстолюбием или какими-либо иными личного свойства целями, будет способствовать восстановлению в Сибири власти Советов, оказывать отряду всемерную поддержку, призвав к тому население [74].

Аналогично действовала большевистская подпольная группа в Красноярске. Её участник А.Гендлин вспоминал:

– Особенно успешно шла работа по организации боевых ячеек в воинских частях (военном городке), где впоследствии было неудачное и несурзное восстание гарнизона в главных железнодорожных мастерских. Удалось также возобновить деятельность Красного креста <...> Была также организована разведка для наблюдения за опасными для комитета лицами. Удалось связаться с оперировавшими в то время в районе Клюквенная-Камарчага партизанским отрядом [75]. Отметим, забегая вперёд, что комитет провалился в мае.

Далее А.Гендлин рассказывал:

– После провала первого комитета работа парторганизации значительно снизилась. Омск (в то время сибирский партийный центр) был поставлен в известность о провале комитета и разгроме организации. Оттуда вскоре были присланы товарищи, в том числе А.Байков, который впоследствии был председателем второго комитета. Кроме Байкова в комитет входили Ф.Лейман, Гун, Крестовская, И.Верещагин (нелегальная фамилия) и товарищ Антон (фамилия неизвестна). Первым делом комитета было наладить прерванную связь как с ячейками, так и с партизанскими отрядами и тюрьмой [76].

Тем не менее, несмотря на малочисленность, большевики сыграли решающую роль в политической борьбе в белой Сибири.

1.4. Городские восстания

Рабочий класс Сибири был немногочисленным по сравнению с крестьянским населением региона. В большинстве рабочие были выходцами из крестьян и связаны с подсобным хозяйством, поэтому среди них преобладали мелкобуржуазные настроения. В годы революционных преобразований произошла организация рабочих в

профсоюзы, а участие в работе Советов и их органов втягивало часть рабочих в политическую борьбу. Резкое снижение уровня жизни и репрессии в период “демократической контрреволюции” вызвали глухое недовольство в их среде и привели к общесибирской забастовке железнодорожников в октябре 1918 г. Новый режим положения рабочих не улучшил. Вот что сообщил управляющий Иркутской губернией в министерство внутренних дел в конце ноября 1918 г.:

– Рабочие, занявшие выжидательную позицию в начале летнего переворота, радовавшиеся изгнанию большевиков, в настоящее время занимают открыто оппозиционное положение, обвиняя правительство в резком “уклоне направо”, обвиняя отдельных министров чуть ли не в приверженности к монархизму и т.п. <...> Большую роль в деле усиления оппозиционности, подготовки почвы, благоприятной для небольшевистской антигосударственной агитации сыграло неопределённое политическое положение, долго длившееся в связи с реконструкцией центральной власти. Но должен сознаться, что вполне определённый политический курс, наметившийся с момента реконструкции, не обратит рабочих в сторонников правительства, не уничтожит духа оппозиционности, который, естественно, должен и начинает переходить к подполью [1].

Большевистская партия с мая – июня 1918 г. вынуждена была перейти на нелегальное положение. Одной из крупных партийных большевистских организаций в Сибири была омская. Она активно проявила себя в период Февральской и Октябрьской революций [2]. Омские рабочие стали активными участниками восстания в столице “белой” Сибири в декабре 1918 г. Согласно одной версии восстания, высказанной на II подпольной Всесибирской конференции РКП(б) 20 – 21 марта 1919 г., омский комитет разработал план выступления и послал запрос в Томск. Томичи порекомендовали отказаться от активных действий. Однако омичи на совещании 4 декабря всё же решили выступить, посчитав, что колчаковские силы в Омске насчитывают всего 3 900 человек, а все остальные находятся на фронте. Опыт выступлений у омских рабочих имелся. Напомним, что они принимали активное участие в железнодорожной забастовке 18 октября 1918 г. [3]. Именно эти события вспоминал член оперативного штаба подпольной организации вооружённого восстания в городе Ново-Омске И.П.Гудков:

– Первым активным выступлением рабочих против власти была забастовка в железнодорожных мастерских 18 октября, которая была

также поддержана и рабочими Ново-Омска, как-то: рабочими мельницы бывшего Колокольникова и чугунолитейного завода “Азия”, которые в знак солидарности бросили работу, остановив эти предприятия. Эта забастовка продолжалась двое суток и затем была ликвидирована путём репрессивных мер. Причём пять наиболее активных руководителей забастовки в железнодорожных мастерских были расстреляны атаманом карательного отряда Красильниковым возле железнодорожных мастерских в присутствии рабочих [4].

Следует признать, что в декабре 1918 г. обстановка складывалась не в пользу рабочих. Белая армия наступала на Пермском направлении и у режима был достаточный запас прочности. Колчаковская контрразведка работала активно и 21 декабря около 9 часов вечера обнаружила руководителей большевистского штаба, которые обсуждали план действий, собравшись в двух квартирах 2-го района Омска. Было арестовано 40 человек, которые должны были руководить восставшими. В итоге отдельные районы восстания оказались не связанными между собой [5]. Обстановку неопределённости вспоминал командир одного из стрелковых полков Якобсон:

– 21 декабря в 7 часов вечера в штабной квартире одного из районов на Атбасарской улице собираются вновь назначенный командный состав и активные работники района. Все получают оружие, необходимые распоряжения и указания, выступление должно начаться ровно в 2 часа ночи по всему городу. Ночь тихая, лунная. После десяти часов, изредка по улице проскакивают казачьи и милицейские патрули. Два часа. Ожидаем. Должна начаться стрельба. Уже три часа, а в городе всё тихо, спокойно, ничего не слышно. Начинаем беспокоиться. Неужели выступление отложено? От главного штаба никаких сведений нет. Не может быть... В половине четвёртого раздаётся несколько выстрелов в городе и со стороны концентрационных лагерей. Значит выступаем [6].

Далее он рассказывал:

– Я был назначен командиром одного из стрелковых полков, находящихся в красных казармах (за казачьим базаром). В сопровождении двух товарищей – “комбатов” направляемся в казармы, чтобы вывести “новобранцев” на улицу. Около казармы на улице должны нас ожидать представители солдатских комитетов. Подходим к площади: издали видим, что казармы оцеплены верховыми казаками. Возвращаемся обратно. Ожидаем, что будет? [7].

Дальнейший ход событий описывается в сообщении информационного отдела штаба верховного главнокомандующего:

– В 2 часа ночи другим членам большевистской организации с помощью солдат команды связи 2-го Степного Сибирского кадрового полка и благодаря тому, что фельдфебель этой команды связи, как оказалось, имел связь с большевистской организацией, удалось под видом смены караула захватить омскую областную тюрьму. Из тюрьмы было освобождено 204 заключённых, из которых 134 политических. В числе последних оказались арестованные и содержащиеся в областной тюрьме члены бывшего Учредительного собрания.

Немедленно же по получении сведений о захвате тюрьмы, туда была направлена полусотня казаков, которая и арестовала находившихся там 12 солдат команды связи, освободивших из тюрьмы заключённых. Все 12 человек были посажены в тюрьму и содержались до утра 22 декабря, когда по постановлению военно-полевого суда были расстреляны <...> В самом Омске всё выступление было совершенно ликвидировано к 4 часам утра 22 декабря.

В эту же ночь около 3 часов на станции Куломзино началось восстание железнодорожных рабочих в числе около 200 человек. Разоружив железнодорожную милицию, восставшие заняли Куломзино, порвали телеграфный провод с Омском, прервав таким образом телеграфное сообщение с западным фронтом. Сейчас же после этого выступления в Омске был снаряжён экстренный поезд и отправлен на станцию Куломзино с частями омского гарнизона.

Около 3 часов дня 22 декабря посёлок Куломзино был окружён и совершенно очищен от большевиков, из которых, кроме убитых, было арестовано 90 человек. Аресты продолжаются и все арестованные, согласно приказам, предаются военно-полевному суду [8].

Эти данные подтверждаются воспоминаниями упоминавшегося выше члена оперативного штаба И.П.Гудкова. Вот что он писал:

– Железнодорожная милиция при станции Куломзино в составе 6 человек была на стороне повстанцев, хотя активного участия в момент выступления не принимала, но накануне выступления передала нам своё оружие: 4 револьвера и 2 шашки. Омским оперативным штабом восстание было назначено на 5 декабря 1918 г., но ввиду неполной подготовленности некоторых районов к общему выступлению последнее было отложено до 22 декабря <...> За несколько дней до выступления омского оперативного штаба было сообщено о том, что моментом выступления назначено 2 часа ночи с 21 на 22 декабря. Вечером 21 декабря в общежитие рабочих мельницы бывшего Колокольникова в квартире Суровцева собрались три “десятка”, со-

стоящих из рабочих мельницы и завода “Азия” <...> По плану штаба два “десятка” должны были занять станцию Куломзино и, главным образом, телеграф станции, разоружить охрану железнодорожных складов с целью захвата их оружия и разоружить чешские патрули на станции Куломзино. Одному “десятку” занять и разоружить районную милицию <...> Ровно в 2 часа ночи десятки цепочками потянулись к намеченным им участкам действий <...> Несмотря на полную победу в Ново-Омске, восставших беспокоило отсутствие всякой связи с Омском и Ленинском. Посылаемые туда разведчики возвращались с неопределёнными сведениями <...> Около 4 часов вечера с северной стороны Ново-Омска были обнаружены колчаковские войска в числе около одного полка пехоты и казаков с орудиями, двигавшихся боевым походным порядком. Это вызвало замешательство среди восставших, которые учтя бесполезность сопротивления, побросав оружие, разошлись по домам [9].

22 декабря Колчаком был подписан приказ № 81, в котором требовалось:

– В ночь на 22 декабря изменники России, пользуясь провокацией, освободили из тюрьмы часть арестованных и пытались вызвать беспорядки в городе, в войсках и на железной дороге. Частями омского гарнизона банды преступников были уничтожены <...> Всех, принимавших участие в беспорядках, или причастных к ним – предать военно-полевому суду [10].

Более откровенно о подавлении восстания высказался начальник штаба верховного главнокомандующего полковник Д.А.Лебедев:

– В последние дни усилилась большевистская пропаганда. В ночь на 22 декабря группа вооружённых рабочих-большевиков и других тёмных элементов освободила из тюрьмы часть арестованных, сделала попытки произвести беспорядки в войсковых частях, в городе и временно захватила железнодорожную станцию Куломзино, обезоружила железнодорожную милицию. Вызванные по тревоге части омского гарнизона уничтожили банды преступников, и в городе и его окрестностях установилось полное спокойствие <...> Верховный правитель отдал приказ о беспощадном уничтожении всех лиц, пытающихся произвести беспорядок [11].

Расправа была жестокой. Член оперативного штаба И.П.Гудков вспоминал:

– В первую же ночь с 22 на 23 декабря было расстреляно 12 самых лучших товарищей. С одной только мельницы бывшей Колокольникова было расстреляно 18 рабочих. Расстрелы производились

на Иртыше ниже моста и возле шпалопропиточного завода около железнодорожного моста. Расстрелы приводили в исполнение казаки, причём многие ими были зверски изрублены шашками. Приговорённых к расстрелу рабочих к месту казни вели солдаты, сопровождаемые отрядами конных казаков. Приведя к месту казни, солдаты по команде отходили в сторону, верховые казаки начинали рубить приговорённых шашками, а пытавшихся бежать – пристреливали [12].

На другой день после провала восстания состоялось совместное заседание сибирского областного и омского городского комитетов партии. Было решено готовить новое выступление. Правда, при обсуждении возникли разногласия: большинство во главе с А.Масленниковым отстаивало перенос восстания на 1 февраля 1919 г., меньшинство, возглавляемое А.Нейбутом, предлагало отложить восстание до весны для более тщательной подготовки. Несмотря на неопределённость обстановки большинство поддержало предложение А.Масленникова [13].

Сколько всего пострадало от репрессий, сказать трудно. По сведениям штаба начальника гарнизона Омска при подавлении мятежа в ночь на 22 декабря в самом городе было расстреляно по приговору военно-полевого суда 49 человек, приговорено к каторжным работам и заключению в тюрьме 13 человек, оправдано 3 человека и убито при подавлении беспорядков 133 человека. В посёлке Куломзино по приговору военно-полевого суда расстреляно 117 человек, оправдано 24 человека и убито при подавлении 144 человека [14].

Эти официальные цифры следует увеличить, поскольку бессудные расстрелы и репрессии продолжились и после подавления мятежа. Правительственная газета вынуждена была даже поместить специальное разъяснение:

– Решительные и планомерные действия войск и милиции при подавлении мятежа 22 декабря представляются вполне соответствующими требованиям государственной необходимости вследствие чего войскам и милиции, принимавшим участие в усмирении мятежа, правительство выражает благодарность за умелое и мужественное выполнение их служебного долга. Что касается сообщений о незаконных действиях отдельных должностных лиц, совершённых ими уже после подавления мятежа, то правительство в полном убеждении, что без закономерности нет твёрдой власти, объявляет, что все такие незаконные действия, не оправдываемые боевой обстановкой, встречали и встречают со стороны правительства ре-

шительное осуждение, вследствие чего правительство считает необходимым на основании дошедших до него сведений, назначить расследование для проверки правильности действий должностных лиц, совершённых после подавления восстания и о результатах расследования незамедлительно объявить во всеобщее сведение [15].

Анализируя причины провала восстания, Сибирский областной комитет подпольных организаций РКП(б) 21 марта 1919 г. сообщал в ЦК РКП(б):

– До 9 часов утра в городе не было власти. Среди белых была полная растерянность. Достаточных сил для подавления восстания у Колчака нашлось с большим трудом <...> Чехи и англичане остались нейтральными, захват города без отмены восстания был бы осуществлён, что давало возможность создать в первые же дни 20-тысячный отряд и открыть три фронта. С расширением базы восстания, мобилизованное крестьянство (оно пошло бы охотно), дало бы новые силы. Была возможность справиться и с транспортной разрухой для посылки войск на фронты. Учесть силы противника до восстания крайне трудно и этим объясняется отмена восстания под влиянием провалов [16].

Мелкобуржуазные партии, сожалея о случившемся, призывали ввести колчаковский режим в рамки закона, игнорируя тот факт, что репрессии составляют органическую часть той власти, которая установилась в Сибири 18 ноября 1918 г. Характерно заявление омского блока, на заседании которого 22 декабря была принята резолюция, требовавшая беспощадного подавления всяких попыток, направленных против существующей власти, откуда бы эти попытки ни исходили – справа или слева. Кроме того, блок высказался за освобождение из заключения членов Учредительного собрания, принадлежащих к “правым социалистическим течениям”, которые показали себя достаточно лояльными в борьбе с большевизмом и анархией. Блок общественных и политических объединений отметил, что “без надлежаще устроенного сильного и внутренне согласованного гражданского управления дело ограждения государственного порядка и безопасности граждан является для одной военной силы чрезмерно трудным и может ставить её в отдельных случаях в тягостное положение”, имея в виду расстрелы без суда. Блок выразил уверенность, что “начатая уже властью работа по упорядочению гражданского управления и согласованию в необходимых случаях действий военной силы с действиями власти гражданской будет приведена к скорому и успешному концу”. Блок призвал “все патриотически на-

строенные элементы страны сплотиться теснее около власти, оказывать ей сознательную дисциплинированную и настойчивую поддержку” [17].

Непримиримую позицию по отношению к восставшим заняли кадетско-монархические круги. Они полностью одобрили все действия колчаковского правительства. Так, новониколаевская газета “Военные ведомости” комментировала:

– Вооружённое бунтарство в тот момент, когда страна напряглась в борьбе за идеалы Великой и Свободной России, когда фронт залит кровью, когда народ ждёт решения своей судьбы на международном конгрессе, – губит Родину и безвозвратно дискредитирует начала здорового демократического устройства жизни русского народа <...> Личное, классовое нужно забыть, когда государству угрожает гибель. Несмываемым позором покрыли себя восставшие рабочие и солдаты – им не должно быть места ни в рядах Народной Армии, ни в рядах русской общественности. Они же превратили Великую русскую революцию в бунт восставших рабов [18].

Красноярская кадетская газета, связывая выступление рабочих в Омске с разворачивающимися в Енисейской губернии восстаниями, призывала действовать ещё жёстче. Вот что писала эта газета 29 декабря:

– Трудно представить себе более бессмысленную, более утопичную попытку, чем ту, которую сделали большевики, захватывая крошечными группами областную тюрьму и поднимая восстание среди куломзинских рабочих, чем было вызвано много никому не нужных жертв. Нельзя назвать эту попытку иначе, как безумной. Одновременно с этим надо указать, что омское выступление большевиков лишний раз подчеркнуло тот факт, что большевизм изжит Сибирью и никогда сюда не вернётся. Та быстрота и уверенность, с которой было ликвидировано это выступление, доказывает всю прочность нашей верховной власти, в непоколебимости заинтересованы не только мы, русские, но и наши союзники <...> Правительство нашло себе новую опору в блоке крупных общественных и политических организаций, среди которых между прочим имеются как социалистические партии, так и представители цензовых элементов, все объединённые великой идеей спасения русской государственности, русской национальности, России как целого. Это объединение некогда непримиримых групп – крупный шаг в деле создания государства Российского, шаг, который должен повлечь за собой важные последствия – примирение, согласованность действий отдельных

государственно-мыслящих партий и групп не только в центре, но и на местах, в частности и в Красноярске <...> Волнения, которые происходят в настоящий момент в Канском уезде и которые под влиянием злонамеренной агитации и просто агитаторских сплетен раздуваются во что-то серьёзное, разумеется, не представляют из себя ничего опасного, внутренне глубокого. Большевизм морально побеждён у нас навсегда и эта антигосударственная попытка, носящая признаки доморощенного большевизма, абсурдность и дезорганизованность, конечно, будет ликвидирована в самый кратчайший срок <...> Конечно, мучительны и тяжелы неминуемые жертвы, но с ликвидацией подобных волнений будет вырван с корнем большевизм в Сибири [19].

Безусловно, сводить восстания в городе к большевистской агитации и “большевизму” – это примитивный подход кадетской пропаганды. Нагляднее всего это видно на примере того же Красноярска, где большевистская организация была основательно разгромлена. Вот как характеризовал состояние местной партийной организации председатель Восточно-Сибирского окружного военно-революционного комитета Б.З.Шумяцкий, отправляя 8 декабря 1918 г. письмо из Красноярска в Москву:

– Положение здесь убийственное. 99 % наших лучших товарищей убито. Реакция достигла апогея. Всё разгромлено и разбито. И ужас положения как раз в том, что силы военной и монархической реакции день ото дня крепнут, а силы рабочих и крестьян всё более и более слабеют. Масса уже впала в апатию и разуверилась во всех и вся. Ещё только одна мысль живёт и способна затрагивать её внимание – это постоянное ожидание нашего соглашения с правыми социалистическими группировками. На это смотрят с надеждой и упованием как на последнюю ставку. Об этом говорят, этим живут, в это верят. Под влиянием ужаса белого террора за последнее время об этом стал даже мечтать и широкий рядовой обыватель, создавая и распространяя слухи именно о таком соглашении.

Свиристуют военно-полевые суды. Ежедневно выносятся новые смертные приговоры. Творятся массовые самосуды <...> По тюрьмам, ожидая казни или самосуда, судя по официальным данным, сидит 17 тысяч человек. Вслед за коммунистами объявлена вне закона ПСР. Идут аресты, расстрелы эсеров и меньшевиков <...> У всех оставшихся в живых рабочих, революционеров и даже просто республиканцев на устах одно желание: скорейшее заключение соглашения Советской России с социалистическими и республикан-

скими элементами и партиями на платформе политического компромисса – народовластия, ибо иначе все сознают, что при продолжающейся между этими элементами дальнейшей вражде грядёт окончательная гибель рабочего класса и преступно не признать, что только такое соглашение при наличии нерастраченных ещё у всех сил может спасти жизнь рабочим и той тонкой прослойке социалистической и крестьянской интеллигенции, которая субъективно никогда не была контрреволюционной по отношению к рабочей революции. Я говорю это в полной ответственности за свои слова. Да преступно нам дальше вести гражданскую войну между социалистами, даже просто республиканцами, давая тем самым торжествовать доподлинным контрреволюционерам.

Надо быть честным с собой и сделать выбор: или идти самим и вести за собой рабочий класс к окончательной гибели путём безумной изоляции его от остальной демократии, обнажая его измученное тело для смертельных ударов военного кулака реставрации, великолепно организованного и организующегося при участии Японии и союзников в Сибири, имеющего уже 400-тысячную армию и лучшее европейское вооружение и неограниченный запас боевого материала и снарядов; или использовать настроение широких кругов населения к миру и боевого авангарда военщины, чехословаков и Народной армии заключить между собой честное соглашение на почве минимально возможного сохранения завоеваний революции и сохранить этим миллионы жизней народа.

Дорогие товарищи, дорогие учителя, дорогой Ильич, дорогой Гриша, дорогой Юрий, дорогой Яков и все остальные друзья, я умоляю вас от лица наших здешних товарищей принять наше предложение. Иного пути нет. Иначе последует полная наша, а затем и ваша гибель [20].

Таким образом, налицо был не только разгром большевистской организации, но и полная деморализация уцелевших её членов. Тем не менее, в Красноярске одновременно с омскими событиями началось восстание. Сведений о нём сохранилось очень мало. Однако даже те газетные сообщения, которые упоминают об этом событии, позволяют судить о происшедшем. Вот что рассказывала омская кадетская газета:

– Так же, как и в омском своём выступлении, где большевики сконцентрировали свои силы в Куломзино, в Красноярске большевики главные свои силы сосредоточили не в самом городе, а в одном из ближайших пригородов, откуда большевистский отряд в количе-

стве 1 000 человек двинулся по направлению станции Красноярск. Посланный незначительный против большевиков правительственный отряд отступил к станции. Подошедшими подкреплениями наступление большевиков было остановлено и последние были вынуждены окопаться около станции. Одновременно с выступлением в окрестностях Красноярска большевики сделали выступление в самом городе, пытаясь занять телеграф, освободить арестованных и пр. [21].

Дополнительные сведения приводятся в сообщении иркутского губернского комиссариата:

– В Красноярске 25 декабря предполагалась забастовка железнодорожных рабочих, но благодаря принятым мерам забастовка фактически не состоялась; рабочие не становились на работу в течение лишь нескольких часов. Производится расследование для предания полемому суду виновных в призыве рабочих к забастовке и мятежу. В городе положение несколько тревожное. Появились агитаторы в пользу большевизма из злонамеренных людей и бывших самогонщиков, которые находят благодатную почву среди несознательной части крестьянства, не желающей платить подати и выдавать укрывающихся дезертиров. К ликвидации такого брожения приняты меры [22].

Восстание в Красноярске было подавлено. События развивались аналогично омским. К числу причин поражения восстания, безусловно, нельзя относить нерешительность рабочих. Соотношение сил количественно могло быть в пользу восставших, однако режим обладал достаточными ресурсами, чтобы устоять и продержаться ещё весь 1919 год. И, как показали события конца 1919 г., даже при поддержке наступавшей Красной Армии и широкого партизанского движения рабочие с трудом одерживали победы.

27 декабря 1918 г. в четвёртом часу утра в городе Канске Енисейской губернии восставшие захватили вокзальный телеграф, городскую железнодорожную милицию. В военном городке одновременно выступила часть второй роты. К утру восстание было ликвидировано, часть восставших арестована. В городе было введено осадное положение. В этот же день на станцию Иланская явилось 10 человек, которые называли себя большевиками и объявили железнодорожным рабочим, что во всех городах Сибири правительство свергнуто и восстановлена Советская власть. Часть рабочих поддавалась их призывам и отправилась обезоруживать служащих учреждений и охрану мостов. Им удалось обезоружить железнодорожную

охрану, состоявшую из 20 солдат, при этом часовой был застрелен, затем они отобрали оружие у железнодорожной милиции и двух участковых милиционеров. В 6 часов утра 50 вооружённых повстанцев явилось на квартиру начальника милиции Бернацкого, где они забрали хранившиеся в канцелярии конфискованные ружья, берданы и патроны и отправились на станцию. Восстание в Канске и на станции Иланской было подавлено утром в тот же день отрядом атамана И.Н.Красильникова [23].

Канский уездный комиссар утром 28 декабря в объявлении требовал:

– Приказываю населению уезда сохранять спокойствие и порядок и не увлекаться безумными замыслами большевиков. Объявляю во всеобщее сведение, что не только восстание, но и всякая попытка свергнуть существующее правительство, руководимое верховным правителем адмиралом Колчаком, будут беспощадно подавляться вооружёнными силами, а виновные немедленно расстреливаться [24].

В числе арестованных Красильниковым оказался городской голова Канска, член партии эсеров И.П.Степанов. Военная следственная комиссия установила, что Степанов никакого отношения к восстанию не имел, но его оставили заложником в тюрьме, а затем в присутствии собственной семьи публично повесили на телеграфном столбе у полотна железной дороги [25].

В январе 1919 г. в далёком от Омска и Красноярска Бодайбо – центре золотодобычи Иркутской губернии произошло выступление солдат местного гарнизона. 26 января подойдя к бодайбинскому проводу для переговоров с управляющим Бодайбинским уездом о земской смете на 1919 г. управляющий губернией П.Д.Яковлев с удивлением услышал, что у аппарата находится “представитель фронтовиков” Бояркин, который заявил, что в Бодайбо произошёл переворот и спросил, какая власть в Иркутске? Из дальнейшего разговора выяснилось, что в перевороте принимали участие кроме фронтовиков и часть солдат второй роты бодайбинского гарнизона.

Как сообщил арестованный, но допущенный к телеграфу, управляющий уездом Березин, в ночь на 26 января на концерте были арестованы офицеры Неук, Соболев, Беспалов, Боде, Малиновский и председатель уездной земской управы Бутылкин, причём во время возникшей во время арестов перестрелки были ранены штаб-капитан Шергин, делопроизводитель заготовительной лаборатории Ширшов и убит подполковник Вицын. Начальник гарнизона капи-

тан Блукис скрылся. Управляющий уездом был арестован утром 26 января. Березин сообщил далее, что настроение в Бодайбо неопределённое, а первая рота находится на приисках, где пока всё спокойно. Когда Березин отошёл от аппарата, восставшие пытались снова начать разговоры о характере существующей в Иркутске власти, но управляющий губернией от переговоров отказался и потребовал, чтобы к 9 часам утра 27 января были исполнены следующие требования: 1) освобождён управляющий уездом Березин, 2) восстановлена милиция, 3) созвано уездное земское собрание, которое помогло бы Березину ликвидировать создавшееся нелепое положение, 4) освобождены все арестованные. При этом П.Д.Яковлев указал, что за все насилия, которые будут учинены в Бодайбо, ответят в десятикратном размере большевики, находящиеся в тюрьмах. В 9 часов утра 27 января управляющий губернией был вновь вызван к аппарату представителем “новой власти” Шаровым. Яковлев говорить отказался и потребовал вызвать к аппарату Березина, который явился и сообщил, что он был освобождён тотчас после разговора 26 января, что одновременно милиции было возвращено оружие и никаких насилий больше не чинилось. Далее управляющему губернией сообщили, что первая рота вернулась с приисков и освободила арестованных, что все солдаты вернулись в свои ряды и подчиняются своим офицерам, а комиссары бежали с телеграфа [26].

Как видим, здесь в восстании участвовали не рабочие, а солдаты местного гарнизона. Если говорить о причинах их выступления, то конкретные причины не ясны, однако можно предположить, что в рядах выступавших было определённое недовольство колчаковским режимом в целом. Это подтверждается и рассуждениями иркутской мелкобуржуазной газеты на эту тему. Вот что она поведала:

– До выступления в Бодайбо распространился слух, что в Иркутске произошёл переворот, что в Иркутске у власти стали новые элементы. Стоило этому слуху окрепнуть, как в правосознании бодайбинцев произошёл перелом. Активные большевистские элементы решили, что раз в Иркутске переворот, то отчего же ему не быть в Бодайбо. Пассивные элементы решили, что перемены в Иркутске уже предрешили судьбу Бодайбо, стало быть, не из-за чего сопротивляться. Сторонники теперешней власти, видимо, были не в силах противостоять, и переворот совершился [27].

Эта газета разъясняла, что причины бодайбинских событий “кроются в отсутствии уверенности в прочности положения власти среди самых широких слоёв населения”. Далее она рассказывала:

– Эта неуверенность рождается и питается многочисленными фактами современности, которые обыватель видит собственными глазами. Главный же источник этой шаткости – отсутствие широкой и активной работы общественных элементов, работы по устройению и упрочению правопорядка <...> Нужно вызвать к жизни парламентаризм, нужно создать очаг общественного творчества [28].

Разумеется, рассуждения об активных большевистских элементах – это не более, чем пропагандистский ход мелкобуржуазной газеты, основное намерение которой отчётливо видно: надо допустить “парламентаризм” и “народовластие”, тогда можно будет противостоять “большевистской пропаганде”. То есть, якобы достаточно колчаковскому режиму стать более либеральным к мелкобуржуазным партиям, как отношение масс к режиму сразу же измениться. Вот как комментировала эти события другая иркутская мелкобуржуазная газета:

– Мы знаем, кто участвовал в выступлении в Томске, Омске, Мариинском уезде, наконец, в Бодайбо. Там не было организационных сил демократии, там не было ни одной из социалистических партий. Наоборот, мы знаем, какие усилия последние употребляли для того, чтобы предотвратить бесцельные выступления, для того, чтобы удержать массы. Но, не взирая на опыт тех мест, где выступления стоили мятежникам сотен жизней, эти выступления не прекращаются. Кто-то успешно пользуется стихийным недовольством масс и ведёт их под дула винтовок и жерла пулемётов. И передовым группам демократии нужно напрячь все усилия в борьбе с этой ужасной спекуляцией на настроениях низов населения. Нужно идти к массам и беспрестанно повторять им о том, что сибирский воздух отравлен провокацией, что те, кто зовут на выступления, подобные омским и бодайбинским, предадут народ и губят его. Нужно использовать всё влияние на широкие массы населения и убедить их, что их недовольство существующими порядками должно и может быть направлено совершенно по иному пути [29].

В марте 1919 г. был подведён итог выступлению в Бодайбо. Приговором военно-полевого суда за восстание с целью свержения существующей власти были приговорены к расстрелу 20 человек, из которых 5 помилованы и им смертная казнь заменена каторжными работами, остальные расстреляны. Кроме того, в бодайбинскую тюрьму было брошено свыше 70 человек, арестованных за участие в содействии восстанию, из которых до 40 человек предполагалось эвакуировать из Ленского округа зимним путём [30].

Вернёмся к изложению событий в центре белой Сибири – Омске. В середине января 1919 г. омская кадетская газета сообщила, что при министерстве труда создана специальная комиссия для выработки единообразной политики по отношению к рабочим организациям, в частности она предполагает обеспечение беспрепятственной деятельности профессиональных союзов [31]. Однако реальная политика радикально отличалась от правительственных деклараций. Считая профсоюзы рабочих потенциальными противоправительственными центрами, колчаковское правительство стремилось ограничить их деятельность. Так, правление профессионального союза рабочих печатного дела направило акмолинскому областному комиссару труда жалобу о том, что 1 января в помещение Совета профсоюза явился наряд во главе с полковником Русияком и произвёл обыск, задержал несколько человек, вывез всё имущество профсоюза из помещения, взял подписку о невыезде. 3 и 4 января были арестованы все лица, которые были в помещении Совета профсоюза. Правление, заявляя, что союз действует вполне легально, возмущалось:

– Не говоря уже о том, что никому из арестованных не предъявлено до сего времени никакого обвинения, мы полагаем, что описанные действия административной власти являются неприкрытым походом на профессиональные организации, имеющие своей целью прекратить их существование [32].

На станции Куломзино ликвидировал свои дела союз грузчиков. Причиной послужила малочисленность оставшихся в живых его членов. В ночь на 22 декабря союз примкнул к восставшим и после ликвидации восстания понёс серьёзные потери. Омская газета “Заря” разъясняла:

– Союз грузчиков в Куломзино – это один из немногих союзов, который обладал солидным капиталом, кроме того имел свой клуб, столовую и пр. Хорошо было поставлено и культурно-просветительское дело, устраивались часто вечера, спектакли, которые охотно посещались рабочими и интеллигенцией станции. Будут ли благодарны рабочие большевикам за этот исход? [33].

Чтобы успокоить рабочих и заверить их в том, что колчаковское правительство неустанно “радеет” об их насущных интересах, на страницах правительственного официоза появилось интервью с министром труда Л.И.Шумиловским. Он разъяснял:

– Не будучи партийной, моя позиция не является и классовою, и главный центр моего внимания – интересы и нужды в муках и стра-

даниях возрождающейся родины <...> Основные исходные пункты моей программы – учёт реальной обстановки, неременная связь всех мероприятий министерства с экономическим прогрессом страны и государственность. Исходя из этого, я стою прежде всего за сохранение 8-часового рабочего дня. Не филантропия и не стремление дать поблажку рабочему классу, а трезвый чисто деловой расчёт заставляет меня безоговорочно стоять за сохранение этого основного приобретения Февральской революции. Сама по себе эта мера не только не может служить тормозом экономического прогресса страны, но является одним из могущественных факторов её дальнейшего развития, вызывая необходимость интенсификации труда и введения более современных способов производства [34].

В очередном интервью он продолжил тему:

– Только развитие профессионального движения ведёт рабочий класс в русло деловой работы, поставит его ближе к реальной обстановке жизни, даст чутьё действительности и поможет ему избавиться от гипноза заманчивых, но не реальных большевистских лозунгов. Я знаю, что большевики пытаются и будут пытаться превратить профессиональные союзы в оплоты своего влияния и постараются использовать в своих партийных интересах, но я знаю также, что они встретятся тут с другим противоположным течением, которое, в конце концов, отбросит их в сторону <...> В ближайшее время под моим председательством состоится особое междуведомственное совещание, и урегулирование отношений к профессиональным союзам будет предметом его усиленного внимания [35].

“Успокоения” Шумиловского не помогли. В ночь с 31 января на 1 февраля в Омске произошло очередное восстание рабочих. Вот что сообщалось в сводке особого отдела государственной охраны министерства внутренних дел:

– В ночь на 1 февраля куломзинские рабочие вместе с большевиками в числе 150 человек, одетые в солдатскую форму, вооружившись винтовками и ручными гранатами, обезоружили часть железнодорожной милиции, перерезали телеграфные провода в ставку верховного правителя, разобрали в трёх местах путь между станциями Куломзино и Омск. Одновременно с этим произведено вооружённое нападение в казармах 51-го и 52-го полков на офицеров, причём ранено 8 офицеров и 1 убит <...> Задержано из числа нападающих 8 человек, из коих 2 бывших офицера, 2 железнодорожных рабочих, 1 стрелок 10-й роты 52-го полка и 3 частных лица <...> В связи с этими событиями 2 февраля был произведён обыск в Сове-

те профессиональных союзов и у председателя его, причём по обыску выяснилась связь этой организации с большевиками, найдены анархистские и большевистские знамёна, арестовано 12 человек и 4 февраля были произведены аресты в омских железнодорожных мастерских, причём арестовано 6 человек, 3 же, подлежащие обыску, скрылись [36].

И вновь, как во время восстания 22 декабря, отдельные воинские части проявили нерешительность. В крепости председателю боевого штаба Лесному (Вавилову) удалось вывести две роты солдат, но видя, что другие части не выходят, они вернулись в казармы. В.Н.Пепеляев отметил в дневнике:

– В ночь на первое февраля снова попытка взбунтовать полки в Омске. Однако солдаты бунтовать не хотят. Изранено 8 офицеров. Несколько тяжело [37].

А затем началась расправа. Новониколаевская кадетская газета писала:

– У нас уже сообщалось о нападении на офицерские общежития в Омске. В настоящее время выяснилось, что аналогичные нападения были произведены ещё на несколько общежитий и кроме того, сделана попытка захвата одного из складов с оружием. Эта попытка не удалась. Нападающие были отбиты с уроном. Как передают, согласно показанию одного из задержанных при нападении на офицерское общежитие лица, в Омске удалось напасть на след нового большевистского заговора и из числа заговорщиков уже удалось задержать несколько лиц.

Ночь на 2 февраля в Омске прошла также тревожно. На окраинах по временам вспыхивала стрельба. На место тревоги высылались дежурные конные отряды. Но захватить стрелявших обычно не удавалось: они успевали скрываться <...> 3 февраля по распоряжению властей произведён ряд арестов среди офицеров. Арестован, между прочим, секретарь газеты “Русская армия” Крашенинников, редактор этой газеты ротмистр Скрыбин отстранён от редактирования. Редактором назначен полковник Геркен [38].

А вот что вспоминал участник событий Якобсон:

– Арестованный один рабочий-железнодорожник Птицын не выдерживает пытки в контрразведке и ведёт контрразведчиков по квартирам, показывая товарищей, принимавших участие в восстании. Арестованы председатель ЦК Сибири Нейбут, секретарь омского комитета Чунчин и другие члены подпольной организации. Через несколько дней всех их предварительно зверски избитых и замучен-

ных в контрразведке (Нейбуту засадили нож в череп и сломали) судят военно-полевым судом и приговаривают к смертной казни [39].

Был арестован бывший редактор закрытого “Красного рабочего” А.Шнейдер, а всего в руки колчаковских палачей попало около 100 членов РКП(б), бывших в Омске на нелегальном положении [40].

Через несколько дней стало известно о восстании в Енисейске. В сводке особого отдела государственной охраны министерства внутренних дел скупом отмечалось:

– Ночью 6 февраля в Енисейске группа большевиков с частью гарнизона захватила оружие, свергла власть и освободила арестантов. Началось восстание во главе с Совдепами [41].

Более подробно об этом сообщается в красноярской кадетской газете:

– Получена телеграмма из села Казачинского о том, что в ночь с 5 на 6 февраля Енисейск захвачен разбойничьей шайкой, выдающей себя за большевиков. Захватчиками задержаны золотопромышленник А.А.Власов, только что приехавший из Красноярска с 90 тыс. руб., и местный общественный деятель крупный промышленник И.А.Швецов. Управляющий Енисейским уездом Платонов, возвращавшийся на лошадях со съезда управляющих уездами Енисейской губернии, случайно не доехал до Енисейска и в настоящее время находится в селе Казачинском <...> Для ликвидации выступления большевиков послан сильный отряд [42].

Уже после ликвидации восстания та же газета дополнительно сообщила, что мятеж организовал некто Байкалов. Он агитировал среди населения Каштака (Слобода), где живут приисковые рабочие. Он рассказывал, что тасеевцы призывают енисейцев объединиться для борьбы с правительством. Было введено “осадное положение” и объявлена мобилизация всех граждан от 18 до 45 лет. На зажиточный класс была наложена контрибуция в размере 1 200 руб., на золотопромышленника А.А.Власова также была наложена контрибуция [43].

Кадетская газета, как видим, в отличие от сводки особого отдела, отмечала, что не большевики были организаторами восстания. Это подтверждают воспоминания руководителя енисейской организации “Трудовая коммуна” Супруна:

– Енисейское восстание вспыхнуло стихийно под влиянием восстания в Тасеевой и агитации анархистствующих элементов. Восстание началось в гарнизоне, последний уже состоял в своём большин-

стве из жителей Тасеевой и района. Енисейская организация того времени состояла из 6 человек, в гарнизоне влияния не имела, так как работу начала поздно [44].

Первоначально во главе восстания стоял штаб в составе Байкалова, Костенко, Бабыкина и В.Кузнецова. Но через два дня вся власть перешла к В.Кузнецову. Участник событий И.К.Игнатьев вспоминал о том, как действовал штаб:

– При формировании отрядов была допущена грубейшая ошибка, оружие в отрядах выдавали всем, кто бы ни сказал слово, что он желает вступить в отряд. Таким образом, оружия много растащили лица, которые готовились оказать поддержку наступающим колчаковским отрядам против повстанцев. Это выявилось, когда город окружили белые, то по повстанцам открывался огонь из домов. С первого дня, то есть сразу было заметно, что некоторые члены военного штаба Кузнецов и некоторые другие находятся в штабе в нетрезвом состоянии. Это весьма отрицательно действовало на обстановку и военный штаб не стал пользоваться доверием и не мог осуществлять боевое руководство повстанцами [45].

О пьянстве в отряде и штабе вспоминает также упоминавшийся выше Супрун, отмечая, что В.Кузнецов “открыл винный склад и красногвардейцы, да и весь штаб, стали пить, а потом начались грабежи” [46].

Далее предоставим слово партизану С.И.Накладову. Он рассказал, что 6 февраля по обыкновению утром он вышел на службу в лавку Маклаковского общества потребителей. В 12 часов его вызвали на квартиру, где он увидел немного знакомого ему по совместной службе в Красной гвардии в Енисейске Беника. Последний привёз известия о восстании в Енисейске, куда и отправился С.И.Накладов. Прибыв в Енисейск, он отметил, что “городишко был всё тем же сонным, каким я его видел 2 – 3 дня тому назад; по главной улице и кое-где по углам горели электрические фонари, бледно освещая маленькие круги вокруг себя; мёртвую тишину города никто не нарушал, кроме поста при въезде, пары патрулей и часового у штаба”. Утром 7 февраля он прибыл в штаб, где встретился с Байкаловым. Тот рассказал ему, что в 2 часа ночи с 5 на 6 февраля были арестованы офицеры, чиновники и некоторые местные богатеи, освобождены из тюрьмы политзаключённые; всё это заняло около 2 часов. Байкалов также сообщил, что организован штаб, и организуются самооборона и защита города; и хотя белые пока не наступают, но стоит этого ожидать. Поэтому Байкалов предложил Накладову организо-

вать повстанческий штаб и сформировать отряд в Маклаково для задержки наступления белых, установить разведку и непрерывную связь с главным штабом. Командующим Маклаковским фронтом предлагалось назначить Ф.Бабкина. Накладову было выдано 27 винтовок различных систем и несколько сот патронов, телефонный аппарат, 6 тыс. руб. и 5 вооружённых повстанцев. Маклаковский отряд должен был прикрывать участок в 80 вёрст по Красноярско-Енисейскому тракту вплоть до Каргино. Отрицательное впечатление от Енисейского штаба Накладов также отметил в воспоминаниях:

– Наше первое впечатление от посещения этой повстанческой организации было тяжёлым. В штабе царил полный хаос, по всем комнатам виден отчаянный беспорядок, перевёрнутые шкафы со множеством канцелярских книг, бумаг и журналов. Грудами навалены ящики, мешки с колбасой, консервами, хлебом, сушками, рыбой, сахаром, табаком, спичками и пр. Валялось обмундирование. По углам в самом отчаянном беспорядке разбросано оружие самых разнообразных систем и калибров, патроны и т.д. Тут же солдаты бродили по комнатам, подходили к ящикам с вином, выпивали, закусывали и пили чай <...> Шла запись добровольцев. Записывали всех, кто ни приходил. Давали оружие. Вооружённые ходили по городу без всякого надзора со стороны комсостава. Производились произвольные обыски и даже грабежи [47].

Сведения о восстании в Енисейске поступили в Красноярск 7 февраля. Отряду штабс-капитана Харченко, располагавшемуся в селе Казачинском на тракте Красноярск – Енисейск было приказано провести разведку в направлении Енисейска. Для подкрепления его отряда из Красноярска было отправлено 100 стрелков с пулемётами и артиллерийским орудием. В итоге Харченко располагал 260 стрелками, одним орудием и 5 пулемётами. В деревне Устье и в селе Казачинском были выставлены заслоны по 40 человек с 1 пулемётом в каждом пункте, а остальным было приказано двинуться на Енисейск для подавления восстания [48].

Тем временем партизанский отряд под командованием Ф.Бабкина, заместителем которого был упоминавшийся выше С.Накладов, выступил по направлению к Красноярску. Всего в отряде было около 200 человек, но винтовок было всего лишь 150, остальные вооружились охотничьими ружьями. 12 февраля отряд достиг деревни Каргино, где столкнулся с карательным отрядом из добровольцев под командованием офицера Калашникова, возвращавшегося с Ангары в Енисейск. После короткого боя отряд Калашникова был раз-

бит, в плен сдались 60 добровольцев, но Калашникову с двумя офицерами удалось бежать.

13 февраля отряд Ф.Бабкина намеревался выступить из Каргино к Казачинскому и установить связь с тасеевскими повстанцами, однако к утру к Каргино подошёл карательный отряд, высланный из Красноярска на подавление восстания в Енисейске. Ему удалось занять командные высоты сразу за Каргино и отбить повстанцев, которые в панике начали отступать. Ф.Бабкину с трудом удалось остановить бежавших бойцов в деревне Маклаковой. Но на деревню уже надвигался карательный отряд под командованием есаула казачьих войск Сибирцева в составе 700 бойцов, вооружённых двумя орудиями и пулемётами. Отряд был подпущен близко к окопам и встречен метким огнём, в результате вынужден был отступить, потеряв до 100 человек убитыми и ранеными, в том числе убитым командира Сибирцева. В тыл отряду было отправлено 80 лыжников под командованием Крылова, но они опоздали, потрёпанному отряду Сибирцева удалось отступить в деревню Абалакову, откуда они двинулись на Маклаково, заняв которое учинили зверскую расправу. Оттуда они направились к Енисейску [49].

Енисейск к этому времени был хорошо укреплен повстанцами: по Енисейскому тракту тянулось 6 линий окопов, по Ачинскому – три. 27 февраля каратели из деревни Ладыгино, перейдя замёрзший Енисей, нанесли основной удар по повстанцам, в итоге город 28 февраля полностью перешёл под контроль белых. В городе был учреждён военно-полевой суд для расправы над участниками восстания [50].

Кроме этих крупных восстаний было ещё несколько более мелких, о которых имеется очень мало информации, позволяющей судить о подробностях. О неудавшихся попытках восстаний сообщается в приказе № 78 по войскам омского военного округа от 27 февраля 1919 г.:

– В двух местах вверенного мне военного округа произошли попытки со стороны красноармейских шаек привлечь на свою сторону население и организовать восстание. Немедленно они были прекращены самыми решительными мерами. Главари уже расстреляны, а над причастными идёт прифронтовой военно-полевой суд [51].

О неудавшейся попытке восстания в Томске известно из мемуарной литературы. Томский подпольный комитет, во главе которого стоял Карл Ильмер, намеревался по условному сигналу поднять восстание одновременно в Тайге, Анжерке, Судженке и Кольчугино.

Однако 1 марта комитет отменил намечавшееся восстание, заметив, что упущен благоприятный момент. Вскоре колчаковской охранке удалось выйти на след заговорщиков. Они были арестованы и после пыток расстреляны. Карл Ильмер умер от пыток [52].

Городские восстания, в которых принимали участие как рабочие, так и солдаты, свидетельствуют о достаточно узкой социальной базе колчаковского режима – в городе он опирался только на крупную буржуазию и верхушку бюрократического аппарата и армии. Остальные слои городского населения оказались в оппозиции к “все-российской власти”. И, разумеется, нет оснований видеть в каждом восстании “руководящую и направляющую” роль большевистского подполья. Хотя подпольщики считали, что городские восстания являются одним из способов борьбы с колчаковщиной, но стихийный характер и разнородность состава восставших составляют их отличительную черту.

1.5. Сибирская деревня

Приход Колчака к власти не изменил положения сибирского крестьянства. По-прежнему крестьян возмущали реквизиции и мобилизации. Колчаковская власть в представлениях крестьян всё больше и больше ассоциировалась с царским режимом, хотя в сибирской деревне встречались и ностальгические настроения по “старым добрым временам”. Вот что отмечали в ноябре 1918 – январе 1919 г. корреспонденты газет и колчаковские сводки о настроениях деревни. Тюменская газета в конце ноября сообщила:

– В Ишимском уезде отрядами милиции производится проверка уплаты крестьянами налогов и взыскания их с отказывающихся. Один из таких отрядов из 5 человек во главе с участковым начальником милиции прибыл в село Колмаковское с целью выяснения недоимщиков. Толпа крестьян с угрозами окружила отряд и потребовала, чтобы милиционеры немедленно убирались из села, если хотят остаться живыми. Начальник милиции, видя свою беспомощность, вследствие многочисленности толпы, потребовал лошадей, чтобы уехать, но толпа не дала подать лошадей и отряд отправился из села пешком. В нескольких верстах от села милиционеров нагнала многочисленная группа крестьян села Колмаковского на лошадях, причём некоторые из них были вооружены винтовками, а другие всевозможным дрекольем; милиционеры, видя бесплодность сопротивления, сложили оружие. Тогда толпа крестьян набросилась на

них и начала их избивать. Когда перед ними лежали уже недвижимые тела, у них отобрали все ценные вещи <...> Бросив тела на дороге, крестьяне уехали. К счастью, все милиционеры были живы <...> На место происшествия выслался из города воинский отряд, который арестовал зачинщиков и отобрал оружие [1].

“Канский земский голос” рисовал ту же картину, сообщая, что крестьяне “ждут переворота”. Газета разъясняла:

– Переворота, который бы снова поставил у власти печальной памяти большевиков, попиравших законность и проповедовавших грабёж и насилие, оказывается ждут в деревне Лобачевской Александровской волости те из граждан, которые до сего времени не могут позабыть и изжить того счастливого для них времени, что позволило им погрязнуть по уши в большевистской заразе и ничего не признавать.

Эти “граждане” до сего времени ещё бродят с большевистским туманом в голове и никак не могут уразуметь той наипростейшей истины, что ни одно государство не может существовать без платежа населением податей и могучей армии. Они никак не могут уяснить, что страна без армии есть нуль, которая поглощается соседними державами <...>

Вот как наш корреспондент из деревни Лобачевской описывает одно из собраний этих граждан, состоявшееся 20 ноября: «На сходе из 35 домохозяев собрались все. Сельским секретарём была зачитана вторичная бумажка Канской уездной земской управы, предлагавшая немедленно приступить к раскладке губернского и уездного земского сбора. Как же отнеслись сограждане к предложению? Более чем странно: “погодим”, говорят, “раскладывать” <...> Авось, скоро будет переворот. Не заплатим, значит, денежки будут целы, а заплатишь – назад ведь нам не вернут. Далее секретарь задал вопрос относительно волостной и сельской повинности. На этот вопрос отвечает не рядовой гражданин, а сам сельский председатель: “Нет, – говорит, – волостную платить не будем, а сельскую заплатим; волость судит, берёт штрафы, ну и пусть будет довольна этим”, и, конечно, эту неумную речь поддержали все» [2].

27 декабря томский губернский комиссар сообщал в министерство внутренних дел:

– Настроение населения в общем остаётся безразличным. Но в некоторых волостях Томского уезда <...> к Временному правительству чувствуются недоверие по причине частой смены власти и опасения за прочность этой власти; в настоящее время высказывается

население так: “министры друг друга арестуют и так может быть без конца”. В том же уезде, в Петуховской волости, замечается глухое недовольство принимаемыми волостными властями мерами по сбору податей и недоимок, а также по сбору военного обмундирования, которое производится по распоряжению военных властей [3].

Крестьян на том основании, что они оказывали сопротивление представителям колчаковской власти, безусловно, нельзя зачислять сторонниками большевиков. Крестьяне, как мелкобуржуазная масса, выступали против любого контроля, как со стороны пролетарского государства, так и со стороны буржуазного. Крестьяне предпочли бы оказаться нейтральными к борьбе красных и белых и не участвовать в ней, однако в условиях Гражданской войны они оказались втянуты в эту борьбу и вынуждены были принять в ней участие на обеих сторонах. Рассмотрим далее другие стороны жизни сибирской деревни в годы Гражданской войны. В сводке особого отдела государственной охраны министерства внутренних дел по Томской губернии за период с 29 января по 10 февраля 1919 г. отмечалось то же “недоверие к правительству и даже враждебное к нему отношение” на почве “взыскания податей и налогов, в основном государственной оброчной подати и уездного земского сбора, от уплаты которых население старается уклониться”. Но в сводке также фиксируется следующее:

– В частности в Бобарькинской волости игнорируется изданное губернской властью распоряжение о прекращении местных порубок в казённых дачах, о самовольном сенокосении лугов и вообще о пользовании земельными казёнными угодьями [4].

Самовольные порубки в лесах получили распространение ещё в 1917 г. Крестьяне уверяли всех тогда, что леса и земли – это дар божий, и, пользуясь этой социальной демагогией, захватывали земли и рубили дрова. В годы Гражданской войны это стало считаться “революционным завоеванием”.

Тоска крестьян “по старой доброй власти” вызывалась вовсе не монархическими настроениями сельских жителей. Крестьяне хотели “спокойствия и порядка” и это всё чаще фиксируется в сводках. Вот что сообщил 16 января управляющий Томским уездом управляющему губернии:

– В большинстве случаев наблюдается какая-то вялость, чувствуется усталость в народе от долгого напряжённого состояния, в котором население было почти с самого начала революции. У большинства населения такое мнение – прийти бы к какому-нибудь положи-

тельному результату в смысле управления страной и иметь твёрдую власть, которая бы могла раз навсегда установить правопорядок и законность и водворить мир и тишину в стране, ныне совершенно разорённой от партийной борьбы [5].

Усталость деревни от неопределённости и неупорядоченности отношений населения и власти сочеталась у крестьян с безразличием и равнодушием к устройству власти. Так, в сводке особого отдела государственной охраны министерства внутренних дел за 10 – 17 февраля отмечалось, что “крестьянство (землеробы) в массе индифферентны, среди здорового населения наблюдается тяготение к порядку, ожидая этого от новой власти” [6].

Для сбора налогов колчаковским властям пришлось прибегнуть к реквизициям и репрессиям. Так, омский уездный комиссар ввиду поступающих к нему донесений должностных лиц сельского управления и волостных земских управ об отказе населения от платежа оброчной подати, земских оброков и недоимок, издал циркулярное распоряжение по Омскому уезду о взыскании таковых сборов и отдаче их в казначейство, разъяснив, что все постановления Временного правительства, изданные до октября 1917 г, в том числе и законы о земском сборе оброчной подати и тому подобные остаются в силе. Неисполнение этого распоряжения и сопротивление должностным лицам влекло за собой наказание, посылку милиции и воинских частей на места с возложением всех расходов по взысканию недоимок на недоимщиков [7].

В результате “выколачивание” налогов в Омском уезде приняло такой оборот, что омская уездная земская управа вынуждена была обратиться к акмолинскому областному комиссару с просьбой сделать распоряжение всем ведомствам, командирующим в уезды отряды, о предъявлении начальниками последних своих полномочий должностным лицам волостных и сельских самоуправлений по прибытии в сёла и деревни для выполнения возложенных на них обязанностей. Вместе с тем управа предложила волостным земским управам и киргизским комитетам предъявлять к начальникам отрядов требования о предоставлении полномочий, на основании которых они действуют [8].

Вряд ли это благое пожелание было исполнено. А вскоре и сам глава Совета министров П.В.Вологодский вынужден был давать интервью по этому поводу. Но он все беды свалил на земство. Вот что он поведал:

– На местах работа агентов власти до сих пор ещё недостаточно налажена <...> Безвластие и бессудие деревни не может дать успокоения обществу, не может вообще наладить общественную жизнь. В настоящее время на товарища министра внутренних дел возложена разработка вопроса о создании власти в деревне. Надежда, что жизнь в сёлах и уездах будет налажена земствами, далеко не оправдалась. Я не хочу в этом грехе винить исключительно земство. Здесь я усматриваю более глубокие причины: крайнюю анархию, воцарившуюся за революционный период, когда жизнь творилась в центре, а на жизнь глухой деревни не обращалось никакого внимания. Помимо того, наше земство, только что организовавшееся, не имеет достаточного количества нужных людей, обладает весьма мизерными средствами, не имеет навыка нащупывать и удовлетворять нужды деревни [9].

А в прифронтной полосе всё привычно сваливали на действия большевистских агитаторов. Так, 20 января 1919 г. главный начальник Самаро-Уфимского края генерал-майор Вишневецкий сообщил в министерство внутренних дел:

– В последнее время настроение части населения изменилось к худшему, большевистская агитация усилилась. Главнейшая причина такому явлению – приближение фронта, проникновение большевистских агитаторов под видом военно-пленных, сильное повышение цен на продукты первой необходимости <...> Меры по обеспечению порядка, пресечению пропаганды принимаю [10].

Ещё одной проблемой колчаковских властей было наличие дезертиров в деревне. Мало того, что дезертиры “усиливали брожение в деревне”, они представляли собой вооружённые, озлобленные и опасные для местной власти элементы. Так, 6 февраля управляющий Томским уездом сообщал управляющему Томской губернией:

– Борьба с дезертирством принимает всё более и более тяжёлый характер. В большинстве случаев волостная администрация не в силах вести борьбу с дезертирством за неимением достаточной вооружённой силы, так как некоторые дезертиры оказывают вооружённое сопротивление и, кроме этого, должностные лица волостных управ высказывают своё опасение как за личное существование, так и имущественное, боясь в обоих случаях мести со стороны дезертирующих. В настоящее время возможна борьба только при содействии военных отрядов, поэтому каждый раз как только получают сведения о скоплении в каком-нибудь населённом пункте большого

числа дезертиров, приходится обращаться за помощью к начальнику Томского военного района [11].

Репрессивная политика колчаковских властей отразилась на настроении крестьян и в Алтайской губернии. Это признали сами представители власти на совещании управляющих уездами Алтайской губернии в январе 1919 г. Так, управляющий Барнаульским уездом рассказал:

– Настроение населения Барнаульского уезда в данное время можно характеризовать следующим образом: население жаждет скорейшего восстановления нормальной жизни, восстановления порядка и законности и доверяет временному правительству, поскольку видит в его действиях стремление в этом направлении, но тем не менее отношение его к правительству нельзя признать устойчивым. Идущие из соседних уездов Славгородского, Каменского и Змеиногорского слухи о производившихся там массовых расстрелах, порках нагайками, применяемых без разбора, безусловно нервируют население, подрывают авторитет существующей власти и вызывают брожение среди крестьянства, являющееся благоприятной почвой для большевистской агитации: расстройство экономической жизни, отсутствие товаров, в особенности мануфактуры и железа и, главным образом, небывалое увеличение земских сборов, так как в представлении крестьянства понятие о власти и налогах, обыкновенно, сопутствуют одно другому. В случае возникновения какого-либо противоправительственного движения, и в пользу Советской власти в частности, я допускаю возможность, что большая часть населения Барнаульского уезда может оказаться не на стороне правительства [12].

Управляющий Каменским уездом Н.В.Чистяков добавлял:

– Население уезда по своим партийным воззрениям не имеет определённой физиономии, но настроение его по отношению к существующим порядкам, а вместе с тем и к власти, крайне напряжённое и враждебно-выжидательное. Никаких эксцессов противоправительственного и массового характера в настоящее время нет, однако возможность открытого восстания или бунта не исключается в случае, если в Камне и Каменском уезде будет продолжать свои действия Новониколаевский штурмовой батальон <...> Действующие отряды батальона в уезде производят аресты, порку и даже расстрелы без всяких к тому оснований, если не считать усмотрение начальников отрядов; подвергают порке, когда не исполняют их требований, например, достать самогонки, однако наказывают и в том случае,

если самогонку дадут, в случае отказа удовлетворить незаконное требование о подаче земских лошадей подвергаются наказанию и ямщик, и председатель волостной земской управы [13].

Удовлетворить неотложные нужды сибирских крестьян колчаковское правительство не могло. На это обращала внимание эмигрантская литература в поисках причин краха белого движения [14]. Однако сводить всё к “ошибкам” и “недостаткам” колчаковской политики в сибирской деревне нельзя. Оно действовало теми методами, которые были в его распоряжении, а именно репрессиями. Так, в феврале 1919 г. управляющий Алтайской губернией А.Строльман и уполномоченный командующего войсками генерал-майор Биснек подписали угрожающее обращение “К крестьянам Алтайской губернии”:

– Рассеявшиеся по губернии красноармейские банды, уголовные элементы и другие тому подобные подонки общества делали в последнее время в некоторых местах попытки группироваться и поднимать крестьян к восстанию против правительственной власти <...> Правительство достаточно сильно, чтобы уничтожить эти банды и призывает Вас, крестьяне, оказать ему в этой борьбе всякую поддержку. В интересах жителей деревни обращаемся к Вам с призывом не поддаваться увещаниям разных проходимцев и агитаторов, так как всякая малейшая попытка восстания, или даже сочувствие и помощь ему будут подавляться самым решительным и нещадным образом [15].

5 февраля в приказе № 50 по войскам Омского военного округа было объявлено, что военное положение продляется до 1 июля 1919 г. в ряде районов, в том числе и во всей Алтайской губернии [16].

Вот сообщение об аналогичных действиях властей в Енисейской губернии. 25 января управляющий Ачинским уездом доносил управляющему губернией:

– В политическом отношении настроение деревни таково, что оно, не оказывая особого доверия ни агентам правительства, ни своим выборным органам, в своём политическом мировоззрении не обнаруживает особой устойчивости, бредя, с одной стороны, Советской властью с её посулами, отказываясь давать солдат, платить налоги и отбывать какие бы то ни было повинности, с другой стороны – искренне вздыхая о прежних порядках, когда каждый знал свои права и обязанности <...> Большевицкая агитация и нежелание давать солдат довели в некоторых селениях крестьян до активных

выступлений, но своевременно принятые решительные репрессивные меры через посылку военных отрядов и применения этими последними оружия <...> возымели свои действия. Население вспомнило свои обязанности и стало энергично уплачивать подати [17].

Получался замкнутый круг: крестьяне бунтовали, это усиливало репрессии, что, в свою очередь, опять вело к восстаниям.

Необходимо обратить внимание ещё на одну сторону колчаковской политики в деревне – её классовом характере. Так, в министерство земледелия в январе 1919 г. поступили сведения, что эвакуированные из центральной России, преимущественно из приволжских губерний, крупные землевладельцы подали прошение министру земледелия издать декрет о возвращении земель прежним владельцам. Вместе с тем, они признавали, что правительство должно принять все меры к обеспечению крестьян центральных губерний по той норме, какая необходима для ведения сельского хозяйства. Совет министров наметил созвать междудементальное совещание для выработки аграрной политики правительства [18].

В беседе с корреспондентом омской кадетской газеты министр земледелия Н.И.Петров разъяснял:

– Прежде наши мероприятия должны быть направлены на расширение площади землепользования для крестьянских хозяйств Европейской России. Естественный путь эволюции, путь, которым земля медленно перетекала в руки крестьянских хозяйств путём аренды и покупки, оказался резко нарушенным. Усиленная задержка крестьянского населения в деревне, вызванная недостаточным развитием капитализма в стране, бросила изголодавшееся население на путь революции. Само собой разумеется, что захват земли, учинённый волей революции, ни в коем случае не может быть узаконен. Но вместе с тем государство не может вступить на путь реставрации [19]

На вопрос: “Какой же выход?” Н.И.Петров ответил:

– Единственным выходом из создавшегося положения является принудительное обращение на основе выкупа всех земель в государственный фонд в целях наделения им безземельного и малоземельного населения [20].

Колчаковское правительство открыто заявляло, что оно будет восстанавливать старые органы власти в деревне. В статье, посвящённой организации административного аппарата в деревне, омская правительственная газета разъясняла:

– При министерстве внутренних дел под председательством товарища министра профессора Н.Я.Новомбергского образована особая комиссия для выработки законоположений об административных полицейских органах в сельских местностях <...> В первую очередь министерство считает необходимым поставить вопрос о восстановлении волостных учреждений <...> Необходимо принять все меры к тому, чтобы прекратилась, наконец, атмосфера безответственности власти, в которой живёт деревня столь продолжительное время, и которая губительно отражается на самой идее власти [21].

30 января 1919 г. прошёл съезд управляющих уездами Томской губернии. Управляющий губернией Б.М.Михайловский в длинной вступительной речи ознакомил собрание с задачами съезда, указав, что правительство в своей многосложной работе законодательного творчества, наметив съезды управляющих уездами по всем губерниям и областям предполагает, что последние, в роли администраторов, как близко соприкасающиеся с жизнью населения, тем самым осветят положение на местах и отметят все пробелы и недостатки современного законодательства. Все собранные на губернских и областных центрах материалы, предположены к суждению на созываемом в ближайшем времени съезде управляющих губерниями и областями. Обширность территории России, своеобразные особенности русского народа, его невежество, политическая невоспитанность и полное отсутствие понятия о гражданской дисциплине лишили Временное всероссийское правительство, выступившее 28 февраля 1917 г. на платформе спасения родины, возможности создать русскую государственность. Замещение бывших представителей администрации губернаторов – целым рядом видных общественных деятелей встретилось на местах с сильным противовесом в виде так называемого “революционного творчества”, чему близкий нам пример “Томская республика” с её законодательством. Если в то время предполагалась и имелась возможность внести соответствующие новым формам государственного строя изменения в действовавшее законодательство, то сейчас, после 2 лет революции, когда жизнь ушла далеко вперёд, когда так называемый большевизм нарушил в понятии народа представление о законе как о нормах, регулирующих взаимоотношения как общественных групп, так и отдельных лиц, правительство не склонно вставать на путь реставрации, не думает восстанавливать прежние законы, а лишь предполагает подвергнуть их подробному исследованию, ввести в жизнь страны нормы, отвечающие требованиям жизни. Устанавливая но-

вые нормы общежития созданием нового законодательства, правительство имеет в виду, что участники в творчестве этого законодательства – его представители на местах в лице администраторов, каковыми являются ныне управляющие губерниями и уездами, сумеют твёрдой рукой провести их в жизнь [22].

Однако всё это было лишь красивые и гладкие слова, реальные намерения выявились 2 февраля в докладе комиссии по административному устройству, в котором предлагалось следующее:

– В настоящее время в сельских местностях никакой административной власти не существует. Действовавший до революции сельский сход и староста в настоящее время бездействуют, а учреждённые вместо них явочным порядком сельские комитеты, учреждения коллегиальные по своему составу, ни по предметам ведомства, ни по пределам власти не могут быть признаны удовлетворительными. Являясь учреждением коллегиальным, комитет для такой мелкой единицы как село слишком громоздок и совершенно безответственен, а так как он не имеет ещё и никакой власти, то и мало полезен. Обращаясь к вопросу, какое административное устройство должно быть в сельских местностях, комиссия признала, что исполнительным органом на селе должно быть не коллективное учреждение, каковым является сельский комитет, а одно лицо. Комитеты должны быть распущены. Об упразднении комитетов, очевидно, не может быть и речи, так как их существование не покоится на каком-либо законе. Такой единоличной исполнительной властью в сёлах комиссия считает сельского старосту, положение о котором законом не было отменено. Естественно, что староста, являясь лишь исполнительным органом, нуждается в сотрудничестве с сельским сходом, от которого и получает и власть и авторитет и которые ему служит должной опорой [23].

Земства, состав которых был по преимуществу мелкобуржуазный, смотрели на дело иначе. Они пытались вернуть милицию из подчинения министерства внутренних дел в своё ведение. Так, комментируя прошедший съезд управляющих уездами, мариинская мелкобуржуазная газета отмечала:

– В конце января съездом управляющих уездами Томской губернии была признана желательной отмена установленного положением о милиции участия земского и городского самоуправлений в распределении территории уездов по участкам милиции <...> Для того, чтобы сделать борьбу с ними (злоупотреблениями со стороны милиции. – В.К.) действительно возможной, единственным средством при

этих условиях является предоставление земским и городским самоуправлениям права контроля за действиями агентов милиции. Ибо только привлекая органы местного самоуправления к делу охраны гражданской свободы и личной и имущественной безопасности жителей и предоставивши им право, даже возложивши на них обязанность надзора за правильным выполнением этой потребности, государство может быть уверено, что всякое нарушение прав граждан со стороны чинов милиции будет быстро прекращено и наказано [24].

Другой организацией с мелкобуржуазным составом в сибирской деревне была кооперация. Вот как характеризовал её роль начальник Енисейской уездной милиции в докладе 26 декабря 1918 г. Енисейскому губернскому комиссару:

– В жизни деревни Енисейского уезда играет крупную роль кооперация. В Енисейске во главе склада “Товарищество кооперативов Енисейского уезда” стоят лица, принадлежащие к партии социал-демократов и социалистов-революционеров. Енисейский склад распределяет товары по потребительским лавкам, находящимся в уезде; при этом в деревнях во главе этих потребительских лавок стоят лица, принадлежащие по своим воззрениям к социалистическим партиям. Несомненно, что на предстоящих выборах в уездное земство кооператоры сыграют крупную роль, если им не будет противопоставлена какая-нибудь другая организация; и во главе уездного земства будут стоять социалисты, которые, как известно, отрицательно относятся к существующему сейчас строю [25].

Разошлись позиции земства и правительства Колчака и по земельному вопросу. Так, III чрезвычайное земское собрание Иркутского уезда 30 декабря 1918 г. постановило:

– Все земли сельскохозяйственного значения, а равно водные пространства, за исключением лесов общегосударственного значения должны быть переданы до Учредительного собрания органам местных самоуправлений (земствам). Составы земельных советов должны быть изменены путём включения в состав уездных советов двух представителей от уездных земских собраний, а в состав губернского совета – двух представителей от губернского земского собрания и заведующих земельными отделами уездных земских управ, дабы получилось большинство представителей от крестьянского населения, а не от правительственных учреждений, как это сейчас наблюдается [26].

А в это время Иркутская губернская земская управа рассылала уездным земским управам телеграмму, в которой предлагала со-

гласно постановлению губернского земского собрания до 1 февраля созвать уездные земские собрания для обсуждения ряда проблем, в том числе подготовки к выборам уездных земских гласных без назначения дня выборов, со ссылкой на то, что Совет министров предполагал изменить систему их выборов [27].

12 января 1919 г. выборы в уездные земские управы в Иркутской губернии прошли достаточно оживлённо, в некоторых местах голосовало до 87 % избирателей. Управляющий Иркутской губернией П.Д.Яковлев в докладе председателю Совета министров о положении земского дела в губернии с удовлетворением отметил, что “земские управы нового состава отличаются ярко выраженным деловым настроением”. А далее, выдавая правительственные решения за “мнение народа”, он бодро рапортовал, что “земство приобрело популярность, поступление податей и налогов в последнее время повысилось. Что касается системы выборов, то население высказалось за мажоритарную систему, находя пропорциональную для себя совершенно не подходящей” [28].

Однако прошёл месяц и 17 февраля П.Д.Яковлев сообщил председателю Совета министров уже иные сведения:

– С гражданскими властями у земства нормальные отношения. Отношение к военному начальству хуже, так как прежнее радушное отношение крестьян было испорчено самоуправством тех отрядов, которые посылались в уезд и которые в погоне за дезертирами много совершили беззаконий (необоснованные аресты, порки, избиения и т.п.) <...> Омский переворот населением уезда был принят как монархический; заговорили о реставрации, пало поступление налогов – и только разъяснения уездной земской управы поправили дело <...> партийный состав земств трудно определить, но преобладает влияние земско-кооперативных работников и крестьянского союза [29].

9 марта в Иркутск прибыл товарищ министра внутренних дел В.Н.Пепеляев. На вокзале его встретили представители гражданских и военных властей, управляющий губернией П.Д.Яковлев. Председатель губернской земской управы И.Х.Петелин посетил Пепеляева и доложил о положении дел в земстве. Доклад, видимо, удовлетворил товарища министра и он предложил подать на его имя докладную записку о необходимости ссуды земству в сумме 750 тыс. руб. [30]. Конечно, обещано ещё не значит дано.

Недостаток финансов был основной проблемой земств. К примеру, Екатеринбургское земство. Казалось бы, богатый горнозаводской

край, однако в конце декабря 1918 г. Екатеринбургская уездная земская управа обратилась к главному начальнику Уральского края С.С.Постникову с заявлением о критическом финансовом положении земства в связи с неполучением от казённых и частных горных заводов и некоторых других горнопромышленных предприятий, расположенных в уезде, земских сборов. Задолженность этих заводов превышала 4 млн и достигла 70 % суммы годового оклада со всех имуществ уезда. Земская управа просила начальника края, приняв во внимание тяжёлое финансовое положение Екатеринбургского земства, оказать ему содействие в получении с горных заводов числящихся за ними земских сборов [31].

Следом появился комментарий в омской кадетской газете:

– Екатеринбургское уездное земство переживает финансовый кризис, связанный в настоящее время с большими расходами земских хозяйств, сильно расстроённых большевиками. Между тем как наиболее крупные плательщики сборов – казённые и частные горные заводы – отказываются вносить деньги в земство, ссылаясь на не существование земств во время первого полугодия прошлого года и на своё затруднительное положение [32].

Итак, земская управа направила ходатайство в земский отдел министерства внутренних дел, министерство в свою очередь запросило министерство торговли и промышленности с просьбой выяснить “в состоянии ли горные заводы по своему финансовому положению платить земские сборы”. В итоге земство средств так и не получило.

Новым явлением в жизни сибирской деревни стало формирование партизанских отрядов и развитие партизанского движения. Осенью 1918 – зимой 1919 г. в разных частях Сибири начали формироваться партизанские отряды.

Общей причиной зарождения партизанского движения на Алтае была политика колчаковского правительства в деревне: мобилизации, реквизиции и репрессии. Однако при формировании партизанских отрядов проявлялись также местные особенности Алтайской губернии, в частности противоречия между старожилами и новосёлами. 27 марта 1919 г. управляющий Бийским уездом сообщал управляющему Алтайской губернией:

– Начальник бийской уездной милиции, возвратившись из поездки по Бийскому уезду, рапортом от 20 марта донёс мне, что крестьяне уезда сильно возбуждены и недовольны тем, что им прихо-

дится делить с переселенцами свою землю, указывая в то же время на большой избыток бывших кабинетских земель [33].

28 июня управляющий Алтайской губернией сообщил в министерство внутренних дел:

– Сообщаю, что большинство населения Славгородского уезда состоит из переселенцев-малороссов. За сравнительно короткое время своего пребывания на новом месте они ещё не успели экономически окрепнуть, поэтому большевистская пропаганда с обещаниями быстрого обогащения бедных за счёт богатых находит среди переселенцев массу приверженцев [34].

В число руководителей партизанских отрядов вошли вынужденные скрыться от преследования Временного Сибирского и колчаковского правительств активные сторонники Советской власти. На Алтае образовалось четыре очага партизанского движения: в Славгородском, Каменском и Барнаульском уездах и в Горном Алтае. Участники событий оставили многочисленные воспоминания о начале формирования партизанских отрядов. Хотя многие из них противоречат друг другу, однако сопоставляя их сообщения, можно выделить тот материал, который повторяется в независимых друг от друга воспоминаниях. Вот как примерно происходили события в Славгородском уезде. Участник событий Д.Х.Сорокин вспоминал об осени 1918 г.:

– В наше село из Славгорода прибыл односельчанин, военный судебный следователь Красной гвардии И.Ф.Молодых и с ним красногвардеец В.А.Матюхин – рабочий пимокатного завода барнаульского капиталиста Высоцких. К И.Ф.Молодых за его отчаянный характер я испытывал большое уважение ещё до его службы в царской армии и когда он попросил меня укрыть их с Матюхиным, я без колебаний согласился и отвёз их на свою пашню в четырёх верстах от села, где они довольно сносно устроились. На вооружении у них был браунинг и наган. Продовольственное обеспечение и информация о земской квартире легли на мои плечи <...> Всю зиму группа старых коммунистов Ф.П.Тумашов, И.Ф.Молодых, В.А.Матюхин вначале на заимке в четырёх верстах от села, а зимой в подполье нашего дома жили партизанской жизнью, занимаясь агитационной работой, распространением прокламаций среди населения Шипуновской, Поспелихинской, Новочихинской и Зеркальской волостей Барнаульского уезда с воззванием к восстанию против Временного правительства. Эта работа принесла немалую пользу в формировании первого Алтайского полка [35].

26 ноября 1918 г. начальник милиции 3-го участка Змеиногорского уезда сообщил начальнику Змеиногорской уездной милиции:

– Крестьяне села Ново-Шульбинского Д.Митрофанов, С.Шипулин и, кажется, П.Долгий, – главари вооружённого восстания на почве призыва солдат, укрывшись от преследования правительственных войск по заимкам и окрестностям села Жерновского, выдавая себя за военную экспедицию, командированную за сбором военного налога, собирали с киргиз “военный налог” под угрозой оружия и выдавали расписки в получении “налога” от начальника уездной семипалатинской милиции подпоручика Друбицкого <...> Собрано такого налога здесь около 2 тыс. руб., личности эти неизвестно куда скрылись [36].

Особый отдел государственной охраны министерства внутренних дел в сводке за 17 – 24 февраля 1919 г. сообщал:

– В районе села Волчихи Славгородского уезда организовалась шайка около 100 человек и так как из Барнаула нельзя выслать войск, то управляющий губернией обратился с просьбой о высылке в село Волчиху отряда из Семипалатинска, но ответа не получено. Об этом департаментом милиции сообщено начальнику главного штаба и командующему войсками Западно-Сибирского военного округа. Малейшее промедление грозит восстанием [37].

Партизан Р.П.Захаров вспоминал о событиях 1919 г.:

– В начале 1919 г. было созвано собрание Серебренниковской, Боровской и Песчанской ячеек. На этом собрании говорилось, что ямщики, приехавшие за солью с Соляных озёр, передавали, что в селе Кабаньевом началось восстание. Восстало 3 тыс. человек. Баранов, высказываясь за открытое выступление, говорил горячо и убедительно. Собрание склонялось к открытому выступлению, но он разубедил присутствующих в этом и предложил послать сначала разведку. Разведчиком поехал В.Трофимов. Поехал он как бы за солью. Вернувшись, он сообщил, что в селе Кабаньевом красных нет, и что пять домов сожжено белыми, после того как Мамонтов со своей организацией убили милицию. Наладить связь с Мамонтовым не удалось. Эти известия немного умили боевой пыл ячеек. Организационная работа на время затихла, но весной 1919 г. она развернулась с новой силой [38].

В Барнаульском уезде формировался отряд Г.Ф.Рогова. О начале формирования этого отряда также известно немного. Однако имеющиеся факты укладываются в следующую картину. 4 февраля

1919 г. Барнаульская уездная земская управа сообщала управляющему Алтайской губернией:

– После падения власти большевиков в июне 1918 г. вскоре же были восстановлены в Барнаульском уезде волостные земские самоуправления. Лишь в резиденции Мариинской волости селе Жуланихе восстановить земство удалось только в конце августа 1918 г., причём для этого пришлось прибегнуть к услугам милиции <...> После этого уездной управой был командирован в Жуланиху инструктор, который по возвращении донёс, что шайки <...> Рогова продолжают действовать, наводя панику на местное население. Затем осенью 1918 г. в Жуланиху прибыл техник дорожно-строительного отдела уездной управы М.И.Довбар <...> В здании земской управы его окружили местные крестьяне и стали расспрашивать, не приехал ли он забирать на войну новобранцев [39].

Более детально об отряде Рогова сообщил в сводке за 17 – 24 февраля 1919 г. особый отдел государственной охраны министерства внутренних дел:

– В пределах Барнаульского уезда Мариинской волости образовалась разбойничья банда под предводительством жителя села Жуланихи той же волости Григория Рогова <...> Банда состоит из 400 конных, 600 пеших, вооружённых 4 пулемётами. Из Барнаула против этой банды выслан отряд около 100 человек с оружием. По приближении отряда банда разбежалась, 17 человек арестовано, ведётся энергичное преследование [40].

Правительственная сводка явно преувеличивала численность роговского отряда. Воспоминания крестьян и партизан рисуют несколько иную картину, однако подтверждают те места правительственных сводок, где сообщается о том, что отряд Рогова наводил панику на местную милицию и карательные отряды. Приведём с некоторыми несущественными сокращениями яркие воспоминания жителя одного из сёл Титовской волости В.М.Голева:

– Рогов – крестьянин села Жуланихи Мариинской волости Барнаульского уезда, лет 30 – 35, грамотный; по военной службе – фельдфебель, до русско-германской войны служил в своём селе приказчиком в винной лавке. В 1917 – 1918 гг. до свержения Советской власти был членом уездного исполкома, а после свержения Советской власти бежал в свою волость и скрывался от белых на чернских заимках <...> Весной 1919 г. у Рогова уже организовалась группа будущих партизан, затем пришёл из-за Черни Новосёлов с небольшой группой и Анатолий из Барнаула, и таким образом со-

ставился отряд человек 30 – 40. С этим отрядом Рогов в мае 1919 г. выступил <...> Отряд в селе Озёрном разгромил волостное правление, через деревню Ларионову пошёл на село Титово, наше волостное село <...> Наша волость была занята лихим кавалерийским набегом без применения оружия. В волости никого не было <...> После этого <...> отряд последовал через Оплеухину в Петрушиху и в село Верх-Чумышское той же волости. Здесь кроме разгрома волостной управы зарублен был озёрнинский поп и ещё кое-кто. Из Верх-Чумышского отряд, переправившись через реку Чумыш, ушёл обратно в чернь <...>

В волостном селе у нас тоже организовалась дружина. Организатором её был поп Василий Закурдаев и волостной писарь, а командование ею было поручено бывшему фельдфебелю и человеку разгульной жизни И.Батраченко. Дружина эта, вооружённая военными берданками и трёхлинейными винтовками, разъезжала по сёлам волости, понуждая к выполнению податей и различных повинностей, которые после роговского налёта стали выполняться очень слабо. К нам за Чумыш (наша деревня, затем Ларионова, Погорелка и Дурнова расположены на правой стороне реки Чумыш, а волостное село – на левом) дружина показывалась в редких случаях, потому что боялась Рогова, который в это время делал налёты на причернские деревни, обезоруживая в них милиционеров, карателей и дружинников. Дружина боялась и нас, считая нас соучастниками Рогова, готовых взять всякую минуту дубины и прижать её к Чумышу. Но волость нас не оставляла без внимания строжайшими предписаниями, она требовала от нас вывести всех лошадей в село Косиху за 55 вёрст для набора в армию, дать продукты для дружины, выставить подвод в волость и даже в село Сорокино за 35 вёрст, где стоял карательный отряд [41].

Ещё одним районом формирования партизанских отрядов стал Горный Алтай. По воспоминаниям партизана И.Н.Кудрявцева, к концу 1918 г. в Куяганской волости во многих сёлах были тайные группы сторонников Советской власти. В волости существовал даже волостной штаб, в который входили И.И.Гаммер, С.Г.Черников, В.Н.Кудрявцев, Л.М.Ярков, Н.В.Филатов, П.Д.Кокорин и И.Н.Кудрявцев. Он и стал тем ядром, вокруг которого организовались партизаны [42].

В Томской губернии действовало 4 отряда: 1) Отряд В.Лубкова-Шевелёва, начальника Красной гвардии, бывшего советского работника, который ушёл в тайгу и организовал в январе 1919 г. отряд.

В ноябре 1919 г. был избран главнокомандующим армии трёх уездов, впоследствии переименованном в 1-ю Томскую партизанскую дивизию. 2) Отряд братьев Переваловых, один из которых был командиром красногвардейских частей на Мариинском фронте. Первые выступления зафиксированы в марте 1919 г. 3) Отряд Пугачёва – Попова образовался в январе 1919 г. в Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах. Руководитель отряда – бывший советский работник с Дальнего Востока – был убит партизанами из-за внутриотрядных разногласий в начале марта 1919 г. 4) Отряд мелкого железнодорожного служащего и анархиста Новосёлова. После убийства Пугачёва возглавил его отряд [43].

Крупным районом партизанского движения стала Енисейская губерния. Анализируя причины партизанского движения в губернии, красноярская кадетская газета в феврале 1919 г. разъясняла:

– Волнения, которые происходят сейчас в Енисейской губернии, поднимаются явными и тайными большевиками <...> они считают причиной волнений существующий в Сибири государственный строй, будто бы неприемлемый для крестьянства. Разумеется, такое объяснение беспорядков глубоко неправильно <...> Новая власть, организовавшаяся после свержения большевиков, разумеется, должна была принять меры к получению с крестьян налогов. Земство, приступившее к работам в изменившихся условиях, также приступило к взиманию с крестьян земских сборов. Крестьянство, задетое за живое этими требованиями, недовольное борьбой нового правительства с самогонкой, естественно оказалось превосходной средой для большевистской агитации, да и не только большевистской, но и всякой другой, призывающей к неплатежу налогов, к материальному обогащению за счёт государства [44].

А вот эсеровская версия причин партизанского движения в Минусинском уезде:

– Причин и почвы, на которой возникло движение, очень много; как это ни печально, но в массе крестьянства отсутствует не только понятие, но и всякое представление о правах и обязанностях гражданина в исполнении своего гражданского долга. Масса, развращённая демагогами в течение полутора лет и не видевшая и не понесшая никакого наказания за все безобразия, творимые на фронте и в тылу, при предъявлении к ней требования об исполнении гражданского долга: призыва двух молодых лет на военную службу, сбора податей, уничтожения самогонки и т.п. – начала высказывать глухое недовольство, она увидела и поняла, что время самоуправства прохо-

дит, что правительство и его представители на местах не только словом, но и делом стали требовать от каждого исполнения его гражданского долга; это основная причина всего движения, возникшего из-за пустого повода – уничтожения самогонных аппаратов. Одной из причин было почти полное отсутствие на рынке фабрикатов фабрично-заводской промышленности и ложное представление в крестьянстве о том, что эти фабрикаты имеются в достаточном количестве в городе, который ими пользуется сам и не даёт их в деревню [45].

Как видим, и кадеты, и мелкобуржуазные партии сводили причины партизанского движения к “недостаткам” и “недоработкам” колчаковского правительства. Однако, как уже отмечалось выше, это было не так. Партизанское движение стало не только “головной болью” колчаковских властей, но и существенным элементом повседневной жизни сибирской деревни. На это обратили внимание местные власти. Так, 30 января 1919 г. управляющий Томским уездом сообщил управляющему Томской губернией:

– События последних дней – появление шайки Лубкова в районе уезда, вести с фронта об оставлении Уфы правительственными войсками и продвижение большевиков на восток – всколыхнули и пробудили от спячки и пассивности сельское население. Большинство его с беспокойством смотрит на развёртывающиеся события и проявляет нервность, в особенности это замечается в тех населённых пунктах, которые подверглись ограблению вышеозначенной шайкой. Наблюдается та же перемена в худшую сторону и в отношении к правительству. Раздаются голоса, почему правительство не принимает должных мер к прекращению подобных выступлений и попыток к ним разных шаек тёмных людей, нарушающих спокойствие и порядок сельской жизни. Вполне возможно, что всё это говорится не потому, что народ мало верит в правительство и не хочет признавать его, а потому, что надвигающаяся опасность заставляет беспокоиться о своей собственной безопасности, а в особенности тех лиц, которые не сочувствовали большевистскому направлению и старались всеми силами противостоять развитию большевистской пропаганды [46].

В Ачинском уезде Енисейской губернии в начале января начал формироваться отряд одного из партизанских командиров П.Е.Щетинкина. Первое выступление этого отряда по правительственным сводкам произошло 5 января 1919 г., когда группа партизан в 8 человек арестовала в деревне Стрелке Ново-Еловской волости, а потом

увела с собой старшего милиционера Захарова. 22 января та же группа, но уже численностью в 20 – 25 человек увезла из деревни Лодочной той же Ново-Еловской волости священника Фокина, труп которого был найден через несколько дней вблизи деревни. 24 января группа уже в 40 человек появилась в селе Больше-Улуйском и под видом отряда правительственных войск отобрала винтовки у троих милиционеров и находившегося в отпуске офицера Богданенко, а вечером на 16 подводах уехала к селу Ново-Еловскому. Тревожные сводки из этого района продолжали поступать и в конце января. Карательные отряды, дважды высланные по свежим следам, партизан не заставляли [47]. 23 января 1919 г. управляющий Енисейской губернией потребовал от управляющего Ачинским уездом:

– Находя, что деятельность штабс-капитана Щетинкина представляется чрезвычайно опасной, могущей вызвать движение в уезде, предлагаю: 1) войти в соглашение с начальником военного района об охране линии железной дороги; 2) сделать распоряжения милиции по уезду о надзоре за появлением Щетинкина и его участников; 3) принять все меры для розыска и поимки Щетинкина [48].

Однако реальных сил для поимки Щетинкина и уничтожения его отрядов не было. 26 января командующий всеми войсками в Енисейской губернии генерал-майор Афанасьев сообщил начальнику штаба белой армии в Иркутск следующее:

– Ввиду постоянных неудач и отступлений среди солдат началось разложение – были случаи неисполнения приказов, приходилось заставлять силой оружия, возможны переходы к красным местным уроженцев. Красные сильно увеличиваются, мобилизуя под террором оставленные нами волости. Восстание в Канском, Красноярском и Ачинском уездах разрастается. Для его ликвидации имеющихся частей совершенно недостаточно. Часть их сильно утомлена. Главное – нет артиллерии, на которую можно положиться в трудную минуту [49].

Одновременно в приказе № 27 по Ачинскому военному району требовалось:

– Воспрещаются где бы то ни было всякие митинги, сборища, зрелища и увеселения без моего разрешения. Увеселения и зрелища должны заканчиваться в 9 часов 30 минут вечера. Всякое движение по улицам и площадям прекращается с 10 часов вечера до 6 часов утра <...> Лица, распространяющие ложного провокационного характера сведения и слухи, нарушающие мирную общественную жизнь граждан, подвергаются ответственности по законам военного

времени. Всякие открытые попытки и призыв к мятежу, погромам и преступным действиям злонамеренных лиц будут подавляться на месте силой оружия [50].

В итоге в январе отряд Щетинкина контролировал территорию Ново-Новосёловской, Ново-Еловской, Больше-Улуйской, Трудновской, Бирилюсской, Мелецкой и части Покровской волости. Как вспоминал партизан щетинкинского отряда Д.Миланич, “при образовании фронта белогвардейцы нас не беспокоили, как видно, у них не было сил для того, чтобы ликвидировать наше восстание (фронт); мы долгое время стояли на занятых нами позициях (в сёлах и деревнях) тихо, спокойно и продолжали усиленную работу по укреплению партизанских отрядов; к нам каждый день в отряды вливались новые силы, шли добровольцы, как одиночки и отдельные группы товарищей из сёл и деревень повстанческого населения; мы собирали оружие, патроны и т.д., что было необходимо для отрядов” [51].

Один из руководителей партизанского движения в Енисейской губернии Бурков-Зубов, говоря о социальном составе партизанских отрядов, в воспоминаниях “О партизанском движении и крестьянских восстаниях в Ачинском уезде” отмечал:

– В первую очередь поддерживала нас бедняцко-батрацкая часть деревни. Средняк же пошёл во время массовых восстаний, и тут же зажиточная часть деревни, и, кроме того, ещё новосёлы. И затем у нас есть ещё новосёлы периода 1905 г. и более позднего периода 1907 – 1909 гг. Это как раз была самая революционная часть из новосёлов, которая поддерживала партизанское движение по всем районам [52].

Сам П.Е.Щетинкин позднее вспоминал о периоде формирования отряда следующее:

– Хорошо вооружённых и готовых к бою солдат мы насчитывали 450 <...> Было решено созвать в Большом Улуе районный съезд. На съезд явились делегаты от следующих волостей: Покровской, Чернореченской, Ново-Еловской, Больше-Улуйской, Ново-Новосёловской, Трудновской, Бирилюсской, Милецкой и Петровской, так что съезд носил почти объединённый характер. На съезде был избран исполком данного повстанческого района, в который вошли помимо избранных делегатов от крестьян, я и ещё двое от отряда. Работы съезда протекали в мирной обстановке <...> Было постановлено: 1) запретить вывоз каких бы то ни было продуктов в город; 2) установить твёрдые цены на продукты, а также на рабочие руки; 3) поднять по мере возможности культурный уровень повстанческого рай-

она, для чего отделать в Больше-Улуе недостроенный Народный дом, организовать сеть школ. Кроме того, было намечено произвести к весне тщательный ремонт грунтовых дорог, починку мостов и т.п. [53].

Партизан Д.Миланич, подтверждая эти сведения, в воспоминаниях также отметил, что обсуждалась мобилизация некоторых возрастов населения для пополнения отрядов. Но было ли по этому поводу принято какое-либо решение – неизвестно. Миланич в воспоминаниях отметил и другое, а именно, что реальной власти исполком не имел. Вот что он писал:

– Должен заметить, что избранный исполком за период своего существования с февраля по 18 марта 1919 г. особой роли не играл, а равно и лица, которые непосредственно вели работу исполкома. В большинстве своём вся власть была в руках повстанческих отрядов. Наш главный штаб так же мало осуществлял какое-либо руководство над Советами, хотя и были организованы сельские Советы в сёлах и деревнях, но по существу царило полное безвластие. За период своего существования Советы играли малую роль. У нас был большой недостаток, что мы образовали фронт на такой громадной территории, совершенно мало проводили агитационно-массовую работу, а равно и работу культурно-просветительную. В этот период большое было зло, что на занятой нами территории процветала самогонка, доходившая кое-где до поголовного пьянства, что чрезвычайно влияло на ход нашей работы, если мы с отрядов и посылали кое-когда товарищей для работы в сёлах и деревнях, то с той целью, чтобы собирать оружие, огнеприпасы и снаряжение [54].

К концу января отряды Щетинкина насчитывали почти 1 000 человек. Однако активных боевых действий они не вели, ограничиваясь набегами на деревни. Вот что отметил начальник милиции Ачинского уезда в докладе начальнику Ачинского военного района 27 января:

– Банда Щетинкина с каждым днём увеличивается всё больше и больше: терроризирует население, производит убийства и грабежи, отбирает от населения оружие и одежду <...> Банда действует провокационным путём, т.е. где нужно именуется белой гвардией, а то Советской властью <...> Сейчас мною получены сведения, что банда оперирует в районе Больше-Улуйской волости, где якобы захватила и увезла с собой священника села Новосёлки Больше-Улуйской волости; разбилась на 3 отряда: один отряд держит направление на Бирилусы и на Енисейский тракт; два отряда под личным предводи-

тельством Щетинкина находятся в районе Больше-Улуйской и Ново-Еловской волостей [55].

Это подтверждается донесением прокурора Красноярского окружного суда прокурору Иркутской судебной палаты:

– В ночь с 8 на 9 февраля бандой красногвардейцев числом около 40 человек был произведён вооружённый набег на станцию Тарутино Томской железной дороги, находящуюся близ Ачинска. Красногвардейцы ворвались в комнату дежурного по станции, угрожая револьверами, арестовали дежурного по станции и сторожа, отрезали телефонные трубки и провода, испортили телефонный аппарат <...> Банда ворвалась в кабинет начальника станции, где штыками и прикладами разбила шкафы с билетами и инвентарём, забрала выручку за 8 февраля [56].

Сам П.Е.Щетинкин вспоминал:

– Был единственный случай, когда пришлось выступить с отрядом в селе Игинка, лежащем в 7 верстах от Ачинска. Село это носило характер типичной казачьей слободы и уже по одному этому являлось очагом белогвардейщины. Приблизительно в середине февраля игинские казаки сожгли 4 хаты сочувствующих нам крестьян, двух из них расстреляли, а остальных выгнали из села. Взяв отряд и для густоты впечатления набрав около 700 мужицких подвод, я выехал в деревню Игинку и подъезжая к ней, с горы увидел, как в 1,5 верстах от Игинки чешский эшелон обстреливает мирное село Курбатово. Я бросил отряд и все свои 700 подвод к Игинке, от какой демонстрации чехи пришли в смятение и уселись в вагоны, намереваясь двинуться в Красноярск. Игинка была нами выжжена дотла, а хлеб, взятый в закромах у казачья, был роздан беднякам соседних сёл [57].

Выступление Щетинкина вызвало серьёзную озабоченность властей. Сводки конца февраля – начала марта рисовали тревожную картину. 22 февраля управляющий Мариинским уездом Осинский сообщил управляющему Томской губернией:

– Недалеко от Ачинска, верстах 30 – 40 к северо-востоку параллельно линии железной дороги на станции Чернореченской, скопились бандиты красных силой до 1 000 человек. Часть их вооружена трёхлинейными винтовками, берданами и винтовками заграничных армий, а также револьверами; остальные же дробовиками центрального боя, берданами, шомпольными ружьями и пистонными крестьянскими винтовками. Таким образом до 600 человек вооружены удовлетворительно, остальные же просто чем попало, а некоторые и

совсем без оружия. Руководит этой бандой некий штабс-капитан Щетинкин <...> Силы, которые действуют против Щетинкина, недостаточны и наберётся их вполне надёжных солдат человек 150 или 200 плюс 40 казаков. В Ачинске гарнизон хотя и есть, но не из надёжных, так как преимущественно состоит из дезертиров <...> Отряд Щетинкина состоит частью из добровольцев, остальные же насильно взяты, преимущественно дезертиры, набранные из Ачинского уезда. В отряде также находятся некоторые из советских деятелей Красноярска и других городов.

Посланная ранее рота из Ачинска против банды красных устроила заговор и хотела перейти на сторону Щетинкина, но заговор был своевременно раскрыт через одного солдата, и рота была разоружена.

Командующей деревней у красных выбрана деревня Ольховка, к которой подступов совершенно нет, так как на расстоянии двух – трёх вёрст от неё с трёх сторон чистое место, а с четвёртой стороны обрыв [58].

А вот данные сводки особого отдела государственной охраны министерства внутренних дел:

– В Ачинском уезде шайка штабс-капитана Щетинкина разрастается; к нему прибывают люди из разбитой в Томской губернии шайки Лубкова. До сих пор Ачинск помощи не получил. Население города и уезда терроризировано. Бездействие войск дезорганизует их и создаёт неблагоприятное настроение населения <...> Красноярску угрожает бунт, поэтому отвлечение воинских сил может создать развитие движения в городе и губернии, если не будет полной ликвидации до весны. Вообще положение в губернии весьма тревожно [59].

Следующая сводка за 17 – 24 февраля отмечает:

– Ачинский уезд. Северная часть в руках большевиков, в южной части уезда спокойно, а в Ачинске настроение приподнятое. Подавление большевиков замедляется в виду недостатка военных сил и едва ли возможно, так как в выступавших против них правительственных отрядах обнаружена часть неблагонадёжных солдат, поэтому производится переформирование частей <...> Положение в губернии весьма опасное [60].

Очередная сводка за 24 февраля – 3 марта рисует ту же картину:

– Ачинск по-прежнему находится в угрожающем положении. В Ужурском районе идёт деятельная агитация среди населения и

войск. Тревожное настроение растёт. Генерал Афанасьев отказался послать отряд в Ужурскую волость за недостатком сил [61].

Крупное крестьянское восстание вспыхнуло в начале ноября 1918 г. в Минусинском уезде. Оно было подавлено 23 ноября [62]. Красноярская эсеровская газета отмечала:

– Ликвидация крестьянских беспорядков в Минусинском уезде началась с 20 ноября: этого числа крестьяне отступили от Минусинска, который в настоящее время занят правительственными войсками. Среди крестьянских отрядов началось разложение <...> Самими крестьянами арестовываются и выдаются властям главари и зачинщики бунтов, так выдан руководитель движения Кульчицкий [63].

После поражения под Минусинском восстание быстро пошло на убыль. Крестьяне массами стали расходиться по своим деревням, часть повстанцев ушла в горы. 25 ноября был арестован и вскоре повешен организатор и руководитель восстания С.Кульчицкий. Дольше всех продержался отряд повстанцев под командой Лебедева, действовавший в районе Бейской волости. 3 декабря этот отряд, наткнувшись на заставы белых в районе села Иудино, принял последний бой. Потеряв много убитыми и ранеными, оставив карателям 150 человек пленными, повстанцы рассыпались ночью на мелкие группы, значительная часть которых впоследствии была выловлена карателями. По делу о Минусинском восстании белогвардейцами было арестовано 770 крестьян, из которых 160 были отданы военно-полевому суду, 182 подвергнуты заключению в тюрьму в административном порядке, остальные штрафу. По 12 февраля 1919 г. военно-полевым судом в Минусинске было вынесено 87 смертных приговоров, 6 человек осуждено на бессрочную каторгу, 44 человека – на 20-летнюю каторгу [64].

Выступление было подавлено, но вызвавшие его причины не были устранены. Уже 4 января, спустя чуть больше месяца после этих событий Минусинский уездный комиссар сообщал Енисейскому губернскому комиссару:

– После ноябрьских событий и прихода карательных отрядов по уезду, в уезде в данное время порядок и спокойствие полное <...> но то спокойствие и порядок, который сейчас в уезде, не есть порядок массового сознания и исполнения гражданского долга <...> а порядок силы, порядок вынужденный. Политическая работа – брожение в массах происходит, принципы народовластия, понятые массой по-своему, превратились в своевластие <...> во всяком требовании исполнения гражданского долга, видят возврат к прежнему романов-

скому строю, и если исполняют, то не как гражданский долг, а только по принуждению [65].

Далее он разъяснял:

– На неустойчивость политического положения Минусинского уезда в сильной степени влияет разнородность населения, чего в других уездах губернии нет – это деление населения уезда на три неравные по составу и количеству группы: казачество, инородцы и крестьяне. Инородческое население уезда вполне лояльно, но с проведением линии Ачинско-Минусинской железной дороги, которая прошла во многих местах по инородческой земле, у пришлого элемента, поселившегося по линии дороги, возникают с инородцами споры из-за пользования землёй <...> Казачество не занимает сплошную полосу уезда, а разбросано редкими станицами по уезду, и к несчастью казачества, и вообще населения уезда, этот антагонизм только углубился, так как силами местного казачества пришлось ликвидировать ноябрьские беспорядки, бывшие в Минусинском уезде [66].

Минусинский уезд не стал очагом формирования партизанских отрядов, однако с приходом туда позднее отрядов Щетинкина оказал ему поддержку.

Вторым районом партизанского движения стала Степно-Баджейская волость, которая образовалась летом 1917 г. отделением от Кияйской волости селений, расположенных за рекой Маной. Всего в волости проживало 4 500 крестьян – русские, эстонцы и латыши. Эта волость стала очагом формирования крупного партизанского отряда. Партизан Шаклеин вспоминал:

– Мне доподлинно известны такие факты, когда, начиная примерно с августа 1918 г. и дальше на территории нашего района, где я проживал, начали взysкиваться налоги, недоимки и т.д., наряду с мобилизацией молодёжи в колчаковскую армию. Взysкание этих недоимок сопровождалось поркой нагайками и т.д. С другой стороны, давались очень короткие сроки для уплаты этих контрибуций, и не уплатившие в срок подвергались репрессивным мерам в виде порки шомполами и т.д. Эта волна в значительной степени способствовала возрождению партизанского движения. Население деревень, в особенности деревень таёжных, главным образом переселенцы, было в высшей степени недовольно этими проделками колчаковской реакции. Всё это партизанское движение возникло не сразу в одном месте, в одном центре, вокруг которого оно бы организовывалось в первое время, а параллельно с организацией в одном месте

– в другом месте точно также организовывались самостоятельные штабы. Я принадлежу к Огинской волости бывшего Канского уезда. У нас организовались в сёлах военные штабы. Например, в нашей деревне такой штаб был организован вне связи с нашим центром движения – селом Перовским. Сколько этих штабов было по нашему району, я не могу сказать, но впоследствии эти штабы установили связь между собой и был созван волостной съезд. Этот съезд состоялся, и на нём был избран волостной штаб, но из-за кулацких проделок была пущена провокация, и наш штаб сам собой ликвидировался. Но тем не менее зародыши в сёлах, особенно в переселенческих участках нашего района <...> остались. В этих сёлах были распропагандированные солдаты, которые поддерживали связь, сохранили эти штабы, и из этих деревень, главным образом, и были добровольцами в партизаны [67].

Однако партизанское движение пока не стало массовым. Вот что отмечал партизан П.Петров в своём очерке о событиях того времени:

– Крестьянство в общей своей массе находилось в состоянии нерешительности <...> Сочувствующие движению силы, если и были, то очень слабые из местных крестьян, а предварительной работы ввиду отдалённости от центра восстания и близости города, повстанцы наладить не могли. Командированный (на разъезд Пинчино около села Маганского. – *В.К.*) отряд, разумеется, по обыкновению, помитинговал, собрав некоторое количество оружия и возвратился незначительно увеличенным к месту прежнего поста [68].

Восстание в Степно-Баджейской волости началось после того, как 10 декабря 1918 г. в волостной центр приехал начальник милиции. Вот как изображает события красная эсеровская газета:

– Были слухи, что прибыл “карательный отряд”. 10 – 11 декабря толпа “пьяных вооружённых крестьян” ворвалась в степно-баджейскую волостную земскую управу, арестовала старшего милиционера Пончука, объявила об отмене земства и восстановлении Советской власти. По всем деревням был послан циркуляр, призывавший крестьян явиться в Баджей для защиты “советской земли”. 11 декабря к Баджею двинулись толпы крестьян, новобранцы, не явившиеся по августовской мобилизации, бежавшие из частей. 12 декабря в селе сформировались “роты и взводы”, был запрещён выезд из пределов Степно-Баджейской волости под страхом смертной казни. В волости распоряжается “штаб”. Для умирения восставших послан воинский отряд [69].

В эти дни в селе Перовском происходили следующие события. На 12 декабря намечался съезд делегатов от деревень Перовской волости. П.П.Петров вспоминал, что в село Перовское прибыли делегаты 11 волостей, а деревни Перовской волости выслали всё молодое мужское население, таким образом, вместо съезда прошёл митинг, собравший более 2 тыс. человек. Собравшимся уже было известно из частного письма, полученного П.Петровым накануне съезда, что манцы разгромили карательный отряд Баженова и что в Красноярске началось восстание рабочих. Собравшиеся решили провести мобилизацию призывников с 1914 по 1918 годы и создать в каждой деревне штабы с функциями, присущими власти на местах. Вечером 12 декабря М.В.Александров был выбран командиром отряда в 200 человек, в дальнейшем принципа выборности всех командиров – от взводного и отделенного командира вплоть до главкома – придерживались до соединения с Красной Армией [70].

Тревожные доклады и сводки рисуют растерянность местных властей, их неспособность справиться с восставшими. Так, председатель земской управы И.В.Казанцев 18 декабря написал Енисейскому губернскому комиссару, что военные власти издают приказы об аресте, а он, не чувствуя гарантий безопасности, вынужден приостановить свою деятельность в качестве председателя губернской земской управы [71].

21 декабря 1918 г. командир красноярского местного пехотного батальона Кадинец сообщил в Иркутск начальнику штаба 4-го корпуса, что “усиленная рекогносцировка выяснила, что силы красных банд на реке Мане от 2 до 3 тыс. человек, вооружённых до 1 000 винтовками по 60 патронов на каждую, с 3 пулемётами”. Он просил немедленно выслать на станцию Камарчага подкрепление, признавая в донесении, что уже “есть небольшие потери” [72].

На следующий день Кадинец сообщил, что “силы красных в Кийской и Степно-Баджейской волостях Красноярского уезда выражаются до тысячи человек хорошо вооружённых и организованных, и, кроме того, все деревни и хутора означенных волостей терроризированы указанными вооружёнными бандами и помогают им людьми, продуктами, перевязочными средствами”. Поскольку место расположения этого отряда представляло собой холмистую и лесистую местность, прорезанную местами отвесными скалами, удобных дорог для наступления белых не было. Командир охранного батальона просил выслать “сильный отряд пехоты с кавалерией и горной

артиллерией для постепенного наступления и занятия деревень и посёлков” [73].

В информационной сводке министерства внутренних дел 22 декабря отмечалось:

– Красноярск донёс, что в районе почтовых отделений Киямское, Степной Баджей и Шалинское вспыхнуло восстание крестьян, возможно, что отделения эти бунтовщиками будут заняты и подвергнуты разграблению. Распоряжение об эвакуации упомянутых учреждений с согласия военных властей <...> сделано [74].

Для ликвидации повстанческого движения в Заманье 19 декабря из Красноярска на станцию Камарчага был отправлен карательный отряд. В ночь с 20 на 21 декабря посланный отряд имел бой с крупными правильно организованными силами повстанцев из числа рассеянных летом красноармейских и красногвардейских отрядов, а также повстанцев, бежавших из Минусинского края и подкреплённых дезертирами и неявившимися в колчаковскую армию новобранцами. 21 и 22 декабря отряд под предводительством бывшего прапорщика Кравченко, жившего в селе Нарве на берегу реки Маны, двинулся на село Кияй по направлению к селу Шалинскому и в посёлке Тюлюпе около реки Маны разбил высланный туда карательный отряд под командованием 4 офицеров, убив и ранив 30 человек, в том числе всех офицеров, один из которых был убит. 23 декабря для подавления восстания из Иркутска в сторону Красноярска был отправлен ещё один карательный отряд, который 27 декабря прибыл на станцию Клюквенная. 25 декабря партизанами был разобран железнодорожный путь у станции Иланской в обе стороны. Прибывший карательный отряд 28 декабря взял станцию Иланскую и восстановил телеграфную связь с Канском и Нижнеудинском [75].

Едва губернский комиссар П.С.Троицкий сообщил в объявлении населению, что в Красноярском уезде везде спокойно, кроме Степно-Баджейского района, где “группа преступных элементов сделала вооружённое выступление”, но деятельность этой группы локализована, как 28 декабря вспыхнуло восстание в селе Рыбинском, которое располагалось в 15 верстах от железной дороги между станциями Клюквенной и Канском и имело важное стратегическое значение для контроля этого участка железной дороги [76].

Начальник Канской уездной милиции сообщил прокурору Красноярского окружного суда следующие обстоятельства мятежа:

– В селе Рыбинском восстание началось при следующих обстоятельствах: ночью на 28 декабря местные хулиганы под руково-

дством прибывших большевиков из Перово и Вершино-Рыбинской, захватили волостную земскую управу и затем звоном в набат собрали жителей и объявили, что правительственная власть пала, снова восстановились Советы, приступили к розыскам у жителей оружия, реквизиции тёплых вещей и продуктов питания <...> 29 декабря село Рыбинское было занято отрядом поручика Смирнова. Красные отступили на Переяславку <...> Главари восстания в Рыбинском скрылись с большевистской бандой, участники же восстания и красноармейцы, задержанные отрядами на селе и окрестных деревнях, – расстреляны в числе до 30 человек [77].

Для ликвидации восстания в район Перовской, Вершино-Рыбинской и Степно-Баджейской волостей был отправлен отряд особого назначения под командованием полковника Петухова, который в приказе № 8 по отряду поставил задачу “уничтожения красноармейских банд и водворение порядка в Канском и Красноярском уездах”, приказывая “главарей и захваченных с оружием расстреливать на месте” [78].

Восстание тем временем разрасталось. Участники событий – член революционного полкового совета Канского полка С.Белоконь и командир 1-й роты Тальского полка и член армейского революционного совета Я.Иванов вспоминали:

– Партизанское движение в южной части Красноярского и Канского уездов быстро разрасталось. В начале 1919 г. было сформировано 4 полка пехоты: Манский, Канский, Тальский, Агинский и эскадрон кавалерии при Канском полку. После создания полков была создана единая структура армии. Высшим законодательным органом являлся армейский съезд. Исполнительным органом, возглавлявшим политическое и административно-хозяйственное руководство – Армейский совет. Военно-стратегическое руководство осуществлял Главный штаб. В полках были созданы полковые советы. В каждом полку существовали товарищеские суды, а главный военно-полевой суд был при штабе армии. В тылу армии существовал революционный трибунал, судивший как политических врагов, так и уголовных преступников. Весь командный состав до ротного командира включительно был выборный [79].

Партизанские действия приобрели настолько серьёзных характер, что военный министр колчаковского правительства потребовал назначить одного ответственного начальника для ликвидации восстания, дав ему необходимые силы, включая конные части, пехоту и артиллерию, снабдив отряды тёплой одеждой, обувью, вооружением

и боеприпасами, предоставив в распоряжение отрядов достаточное количество перевозочных средств. Подавлять восстание министр приказал “энергично, решительно, быстро, сурово” [80].

Тасеевский партизанский район образовался в декабре 1918 г. Вечером 21 декабря 1918 г. в селе Тасеево прошло волостное собрание. На нём были приняты два решения. Первое касалось текущего момента:

– Принимая во внимание, что Временное правительство идёт против воли трудового народа и проводит идею монархизма, мы, гласные Тасеевского схода, постановили: не поддерживать Временного правительства, не платить им требуемых податей, не давать людской и конской мобилизации, а против всей власти Временного правительства сплотиться воедино, как один человек, и присоединиться ко всеобщему восстанию сибирского трудового народа для завоевания обратно власти трудовому народу из буржуазных рук [81].

По поводу организации отрядов было решено “образовать в селе Тасеево временный волостной военный штаб, а по селениям волости образовать сельские штабы, обязанность которых безотлагательно и сейчас же приступить к деловой работе, как-то: взять на учёт всё оружие как казённое, так и частное; заготовку на местах нужного фуража на случай выступления отрядов с тем, чтобы штабы имели между собой непосредственную связь”. В волостной штаб были избраны В.Г.Яковенко, Н.М.Буда, Н.П.Вахрушев и Ф.А.Тараканов. Было решено составить списки подлежащих мобилизации призывов 1903 – 1920 годов включительно [82].

К тасеевцам стали присоединяться соседние волости. И.А.Строганов, который весной 1918 г. был командирован из штаба Смольного института Красной гвардии в Канск для преобразования Красной гвардии в Красную армию, а после выступления чехословаков скрывался в Фаначетской волости, вспоминал:

– 18 декабря мне удалось восстановить связь с Яковенко и другими товарищами, которые готовились также к восстанию. После небольшого нашего совещания с товарищами тасеевцами, мне было поручено организовать партизанский отряд в Фаначетской волости. За семь дней мною был организован отряд в 17 человек [83].

Этот отряд арестовал волостную колчаковскую милицию, которую отправил в Тасеево под конвоем. В январе в Фаначетской волости был избран штаб Красной Армии из 3 человек: начальником партизанского отряда был И.А.Строганов, его помощником –

И.И.Ерёмин, заведующим хозяйственной частью – П.И.Полетаев [84].

30 декабря в Тасеево собрались представители Тасеевской, Фаначетской, Шеломковской, Рождественской и других волостей. После доклада о деятельности Военно-революционного штаба и его задачах было решено образовать Северо-Канский партизанский фронт [85].

Через полторы недели после образования Тасеевского партизанского района Енисейский губернский комиссар Троицкий докладывал министру внутренних дел:

– Ко 2 января в селе Тасеевском образовался Совет из крестьянских депутатов во главе с бывшими советскими деятелями... Восстание охватило Тасеевскую, Шеломковскую, Фаначетскую и перекидывается в Рождественскую волость... всюду ведётся энергичная пропаганда против власти, как власти офицеров и буржуев [86].

Через несколько дней он добавил в сводке следующее:

– На севере Канского уезда в Тасеевском образовался Совдеп. Милиция арестована. Восстание охватило 4 волости, посланы отряды частью из Канска, частью из Красноярска [87].

На Тасеево был послан правительственный карательный отряд в 600 человек с 2 пушками, 6 пулемётами, гранатами и бомбами. 9 дней отряд шёл от Канска до Тасеево, расстреливая и грабя население встречавшихся на пути селений. Однако под Тасеево правительственный отряд был разбит, его остатки бежали до села Рождественского. В воспоминаниях участники событий отмечали кровавый террор и реквизиции, которыми сопровождалось продвижение правительственных карательных отрядов. Приведём характерные примеры.

Известия Тасеевского военно-революционного штаба 1 февраля 1919 г.:

– 1) В Шеломках и Канарае правительственными шайками разграблены потребительские и ограблено кредитное товарищества <...> 2) в Шеломках и других деревнях у многих жителей вывезен врагом весь хлеб и всё имущество; 3) в Канарае изнасиловано несколько девушек, 50-летняя старуха и беременная женщина, которая при насильниках и родила; насильствие производилось и в других деревнях; 4) масса жителей расстреляна; расстреляны вновь 20 новобранцев. О всех ужасах и жестокостях врага невозможно сейчас написать – это будет сделано в другой раз [88].

К.И.Матюх вспоминал:

– Как на пример деятельности добровольческих дружин можно указать на Абаканскую дружину, возглавляемую Косовичем и капитаном Титовым: она вешала не только большевиков, но и лиц, большевикам сочувствующих. И таких повешенных на воротах, которые сами никогда не были большевиками можно было видеть во множестве повсюду. Приблизительно то же проделывали и другие дружины, возглавляемые в Шалаболино Пановым, в Поначёво – Дегтянниковым и др. [89].

И.А.Строганов отмечал:

– Офицер Пальмин <...> захотел отыграться на беззащитных крестьянах, которые в то время были у него в подводах, якобы крестьяне донесли партизанам о его наступлении. Зверски было расстреляно 4 человека и один из-под расстрела бежал, но вперёд до расстрела были применены пытки: избивание шомполами. Убежавший из-под ареста Зарембо из деревни Пронино Фаначетской волости рассказывал, что белый бандит Пальмин, приехав в деревню Суздалово Абанской волости, выпоров несколько крестьян шомполами, приказал председателю Суздаловского сельсовета немедленно собрать 40 пудов мяса, 5 пудов масла, 4 тыс. яиц и 50 куриц, но намеченные его планы не состоялись ввиду появления партизанской разведки, которая преследовала отступающих [90].

Это отнюдь не преувеличение. Об этом же сообщают документы, исходящие из лагеря белых. Так, в приказе № 4 по укрепленному району сёл Тасеево, Хандальского, Сухово и Троицкого завода сообщалось:

– Объявляю по вверенному мне району, что мною сожжены село Вахрушево и деревня Унжа по следующим причинам: за сочувствие красным бандам, за снабжение их продуктами, за укрывательство и недонесение об их появлении <...> Предупреждаю крестьян всех участков и селений вверенного мне района, что в случае малейшего подозрения не только в укрывательстве и способствовании красным бандам, но и в сочувствии им, будет строгая расправа как с изменниками правительству <...> Красные банды, отживая свои последние дни, обманывают неосведомлённых крестьян всякими способами. Не нужно поддаваться этим обманам. Нужно помнить, что могущественные правительственные армии России и Сибири соединились и Москва находится в руках изменников последние дни [91].

Жестокие репрессии, грабительское взимание недоимок, мобилизации в колчаковскую армию привели лишь к тому, что ряды партизанского движения расширились, втягивая в том числе и зажиточ-

ных крестьян. Положение для белых становилось всё более тревожным. Товарищ прокурора Канского уезда 21 января докладывал прокурору Красноярского окружного суда:

– В ночь на 20 января в село Маганское Красноярского уезда поехала партия большевиков в количестве около 60 человек, убила доставляющего для военного правительственного отряда мясо и другие продукты местного крестьянина А.И.Желтоухова и сельского писаря Сальникова, причём ограбила у Желтоухова мяса, муки и других продуктов 4 воза и с награбленными продуктами скрылась [92].

Особый отдел государственной охраны министерства внутренних дел в сводке за 29 января – 10 февраля писал:

– Енисейская губерния. В Канском уезде наш отряд в 60 человек перешёл на сторону красных. На Тасеевском фронте положение опасное. В северной части Ачинского уезда бродят шайки от 50 до 80 человек из банды Щетинкина, которая разрастается. Большевистские отряды увеличились в некоторых местах до 200 человек и ближайšie находятся в 7 верстах от города; образовался фронт большевиков. Наших военных сил мало <...> Проявившееся ранее восстание в Минусинском уезде внешне ликвидировано, хотя большевистские выступления наблюдаются ещё среди рабочих медных рудников, угольных копей и заводов, где эти выступления подавляются легко; много главарей в уезде задержано и предано военно-полевому суду [93].

В очередной сводке отмечалось:

– В Канском уезде с 8 на 9 февраля занято село Перовское, а 10 февраля оно очищено. 9 февраля красными занято село Иблейское. Село Рыбинское взято нашими войсками и произведены аресты. Отряд полковника Петухова продвигается вперёд для окончательной ликвидации. Население Ярульской волости взбунтовалось, организовав помощь красным <...> 10 февраля на фронте станции Камарчага – Клюквенная войска частью разбиты, отступают с железной дороги. Положение ухудшается. Войска ненадёжны. Красные остановились в 10 верстах от станции Камарчага [94].

Отчаянное положение карательных отрядов лучше всего иллюстрирует частное письмо от 10 февраля некоего Д.Петрова, принимавшего участие в подавлении восстания. Приведём выдержку из этого письма:

– Господин есаул <...> Сообщу Вам несколько слов о наших действиях и наших ротах, питомцах нашего полка <...> Приходится

иметь здесь дело не с бандами, а организованной частью старых солдат, которые бывают иногда достаточно храбры и выстраивают такие штучки, которых нельзя было от них ожидать, и потому здесь должны быть не такие силы, какие есть здесь. С этой частью войск мы можем только обороняться, но не наступать, что и выходит за последнее время. Наши активные действия прекратились уже 3 недели и до прибытия подкрепления в состав нашей задачи стало входить не уничтожение красных, а недопуск их в район железной дороги, что мы с трудом исполняем <...> Три роты, которые выехали после меня, потерпели полное крушение – были окружены со всех сторон, частью сдались в плен, частью были переколоты красными [95].

Встревоженный известиями из Енисейской губернии директор департамента милиции колчаковского министерства внутренних дел В.Н.Пепеляев 10 февраля потребовал от управляющего Енисейской губернией П.С.Троицкого сформировать отряд милиции особого назначения в 200 человек, пообещав выделить на это необходимые средства. Троицкий затребовал от Пепеляева 7 тыс. руб. и необходимое количество оружия от начальника красноярского гарнизона. Дело затягивалось. Прошло больше месяца, и 18 марта Троицкий телеграфировал в министерство внутренних дел: “Переведённый кредит исчерпан, необходимы дальнейшие ассигнования, коих двукратно просил” [96].

Вернёмся к Тасеевскому партизанскому району. 17 февраля карательные отряды дошли до Тасеево и после артиллерийского обстрела села начали наступление с двух сторон. Однако партизаны создали вокруг села хорошие укрепления из 4 рядов линий окопов и положили перед ними бороны, сделав село практически неприступным. Около 2,5 тыс. человек, преимущественно лыжников и хороших стрелков вплотную подпускали белых и стреляли наверняка. В итоге белым пришлось отступить с большими потерями: было убито 25 человек, из них 5 офицеров, и 103 ранено, в том числе 21 офицер; 18 человек пропали без вести. Белые отошли к деревне Караульной [97].

Тревожные сводки продолжали поступать из Енисейской губернии и в конце февраля. Вот данные за 24 февраля – 3 марта:

– Канский уезд. Близ села Абанского наша разведка имела стычку с красными, во время которой последние потеряли 15 человек убитыми. В этом районе предполагают, что милиция уничтожена.

Бежавший милиционер передал, что силы красных доходят до 3 000 человек, но эти сведения требуют проверки <...>

В Баджее у красных имеется патронный завод. Генерал Афанасьев полагает, что теми силами, которые у него есть, он не может ликвидировать движение, сам генерал Афанасьев переезжает в Красноярск. Офицеры его отряда жалуются на отсутствие дисциплины <...>

Енисейская губерния. Для ликвидации и подавления борьбы с восстанием необходимы самые решительные меры в виде посылки надлежащего количества надёжных войск, усиления милиции и образования самоохранны, иначе подавление примет длительный характер, тем более, что среди населения составляет понятие о бессилии власти, боязнь возвращения большевиков и недовольство поведением воинских отрядов [98].

Управляющий Енисейской губернией П.С.Троицкий сообщал 26 февраля В.Н.Пепеляеву, что правительственные войска насчитывают около 6 тыс. штыков и сабель, но численность партизан значительно превышала силы белых. Борьба с партизанскими отрядами по его сведениям велась в 4 пунктах: 1) под Ачинском – север Ачинского уезда. Здесь партизаны под командованием Щетинкина, разделившись на отряды, “налетают на станции, селения, посёлки и грабят всё, что можно, убив милиционеров, двух священников”; 2) Тасеевский район, где отряд белых под командованием Красильникова численностью до 1 000 штыков и сабель с 4 орудиями, вёл борьбу против 3 000 партизан, вооружённых только ружьями, нередко дробовыми; 3) район Клюквенная-Камарчага и 4) в районе Енисейска, где мятеж был почти ликвидирован. В городе главной силой были 1 500 итальянцев и 1 000 чехов, которые и взяли город под охрану, поскольку белый гарнизон был немногочисленным. Далее Троицкий сообщал: “Обнаруживается усиленная пропаганда большевизма в частях, и даже был обнаружен заговор в полку, в котором принимал участие офицер этого полка <...> Офицерство оставляет желать лучшего. Генерал Афанасьев – слабый, мягкий, нерешительный человек” и делал неутешительный вывод: “Сил нет” [99].

10 марта управляющий Канским уездом Буркин сообщил управляющему Енисейской губернией:

– Неванская волость охвачена восстанием <...> В то время (27 февраля 1919 г. – В.К.) численность шайки красных достигала до 100 человек, но ввиду того, что начальник гарнизона не смог своевременно послать туда отряда, шайка успела возрасти уже до 300 че-

людей и услышав, что в деревню Шиткину должен прийти отряд правительственных войск, заняла её, сделала засаду и по приходе наших ничего не подозревавших солдат обстреляла их <...> Шайка вооружена самым разнокалиберным оружием и стреляла даже из простых дробовиков <...> Имеются сведения, что Абан занят красными 6 марта <...> Из Абана ушёл находившийся там гарнизон. Его должен был сменить новый состав людей из отряда Красильникова <...> Полковник Красильников оказывается не знал об этом и своевременно в Абан отряда не послал. Красные <...> заняли Абан в числе как потом выяснилось 38 человек. Произведя обыски у крестьян и в почтовой конторе (искали оружие), красные скрылись, арестовав учительницу деревни Троицкой, товарища председателя волостной земской управы Шишкина и ещё одного крестьянина.

В селе Тальском в ночь с 22 на 23 февраля банда большевиков в числе 30 – 40 человек, вооружённая винтовками и револьверами, арестовала крестьян Манушина и А.Конькова, которых, выведя за деревню, расстреляла. Во время ареста большевики похитили из лавки Тальского общества потребителей 4 500 руб. и 1 000 руб., принадлежавших Манушину. Также из лавки был забран весь охотничий порох, дробь и свинец. Вооружённых большевиков в районе волости находится около 200 человек, в отряде их находится около 80 – 100 винтовок, остальные вооружены берданами и охотничьими ружьями <...> [100].

Тревожные сведения приходили и из соседней Иркутской губернии. В конце января 1919 г. управляющему Иркутской губернией сообщили из Нижнеилимска, что крестьяне Седановского сельского общества Каранчанской волости в самой глухой части Киренского уезда заявили и земцам, и милиции, что они, седановцы, не признают Временное Сибирское правительство, губернского комиссара и Киренского уездного воинского начальника, а также Карапчанской волостной земской управы и не желают платить подати. Выборы гласных в волостную земскую управу седановцы провести отказались. Начальник милиции сообщил, что когда он командировал милиционеров для прекращения выгонки самогонки и отобрания оружия казённого образца, то крестьяне милиционеров к производству обыска не допустили. Карапчанское волостное земское собрание со своей стороны постановило просить управляющего губернией о привлечении седановцев к ответственности. Карапчанские гласные писали: “Мы признаём действия седановцев несправедливыми и не-

законными и поступок их осуждаем, как недостойный для граждан свободной Сибири и идущий вразрез с интересами крестьян” [101].

Подъём партизанского движения был настолько мощным, а первые успехи столь впечатляющие, что казалось – вот-вот колчаковский режим рухнет. Так, в известиях Тасеевского военно-революционного штаба 1 февраля 1919 г. сообщалось:

– Товарищи крестьяне и восставшие борцы, настал час показать врагу нашему свою силу и независимость. Правительство Колчака, доживая последние минуты и корчась в предсмертных судорогах, пустило в ход все свои силы и неслыханные зверства, они на глазах отцов убивают сыновей новобранцев, насилуют дочерей, убивают мирных ни в чём не повинных жителей, грабят имущество <...> Этим они преследуют две цели: запугать до смерти крестьян и награбить побольше в свои карманы, чтобы в случае побега швырять крестьянскими трудовыми копейками направо и налево. За время войны и правления Колчака народ привык к ужасам и постепенно начинает проявлять затаённую злобу против этих разбойников. Во всех уголках Сибири вспыхнули бунты. Крестьяне и рабочие решили не даваться живыми в руки разбойникам. Они встретили правительственные грабительские войска ружейными залпами и отовсюду эти шайки бегут, оставляя оружие, награбленное имущество и кучи своих трупов [102].

Видеть в партизанском движении организующую роль большевиков-подпольщиков или пролетариата нет никаких оснований. Однако следует отметить, что идеи Советской власти уже достаточно проникли в сибирскую деревню, и крестьянство на собственном опыте смогло сравнить их с тем, что несёт контрреволюция в лице эсеров или кадетов, поэтому не удивительно, что среди крестьян были мало популярны лозунги Учредительного собрания.

Однако колчаковский режим удержался, хотя справиться с партизанским движением ему оказалось не под силу.

1.6. Подавление национальных движений

Колчаковское правительство продолжило национальную политику своих предшественников – Временного Сибирского и Временного всероссийского правительств, только методы стали “грубее”, а неприязнь к национальным движениям “откровеннее”. Башкирское правительство, формально упразднённое в ноябре 1918 г. указом Директории, продолжало свою деятельность. Колчаковские военные

власти на местах упорно муссировали тему насилий башкир над русским населением. Вот два примера подобных документов.

В докладе уполномоченного Всероссийского правительства по Оренбургской губернии 21 ноября отмечалось:

– Несмотря на мои просьбы к Башкирскому правительству об установлении окончательного разграничения территории Башкурдистана и гражданского населения, Башкирское правительство указанных территориальных границ не сообщает. В связи с этим ко мне поступает масса жалоб на действия Башкирского правительства в насильном присоединении русских населённых пунктов к Башкурдистану; приезжают особые депутации за разъяснениями, входит ли такая-то волость в территорию Башкурдистана и обязательно ли присоединение русских населённых пунктов к Башкурдистану, каковых пунктов на территории Башкирии много; есть целые волости с преобладающим русским населением. Башкирское правительство потребовало удаления с башкирской территории всей областной военной милиции, заменило её <...> башкирской милицией, с помощью которой правительство Башкурдистана энергично взыскивает земские налоги с русских населённых пунктов [1].

В этот же день главный начальник округа генерал Акулинин писал Башкирскому правительству:

– Проходящие отряды башкир и башкирская милиция производят избиения жителей русских сёл. Требую прекращения всяких насилий над русским населением [2].

Колчак, стремясь ликвидировать самостоятельность башкирского войска, 21 ноября упразднил все 13 управлений кантонных башкирских воинских начальников, башкирское войсковое управление, башкирский военный совет, штаб отдельного башкирского корпуса, штаб 2-й башкирской стрелковой дивизии. Все дела формирования, укомплектования, обучения башкирских частей, а также управление этими частями, их имущество, личный состав, также башкирская войсковая типография передавались командующему армией генералу Дутову. Ликвидация всех дел башкирских военных учреждений поручалась исполняющему обязанности помощника начальника башкирского войскового управления полковнику Янишевскому [3].

Один из руководителей башкирского национального движения член Башкирского правительства А.З.Валидов вспоминал:

– Генерал Дутов был правой рукой Колчака, он немедленно стал выполнять приказы и урезал снабжение боеприпасами нашего войска. Внезапные и радикальные меры сразу же начали осуществлять-

ся в отношении 3-го полка, который отделился от русских частей на линии железной дороги Самара – Златоуст <...> Отказавшись подчиниться приказу Колчака о сдаче оружия, бойцы 3-го башкирского полка сопротивлялись 2 недели <...> Такое отношение Колчака к 3-му башкирскому полку, столь героически сражавшемуся против красных, диктовало соответствующее поведение другим башкирским полкам в случае, если они попадут в руки верховного правителя. Мы разослали необходимую инструкцию по войску в виде приказа [4].

Башкирское правительство пыталось арестовать Дутова, соответствующий приказ был отдан командирам 1-го, 2-го и 5-го башкирских полков Г.Тагану, Г.Аитбаеву и К.Низамутдинову. Однако это стало известно Дутову, и он принял меры: вывел из Оренбурга 4-й башкирский полк, а сам выехал на бронемашине из Оренбурга в расположение верных ему казачьих частей [5].

Следует отметить, что не все башкиры поддерживали Башкирское правительство. Так, уполномоченные башкирских волостей Челябинского уезда М.Г.Курбангалиев, С.Ахметжанов и Ш.Фахрисламов 22 ноября телеграфировали Колчаку:

– Комиссар Приуралья Кириенко сообщил нам о назначении Вас верховным правителем России. Он считает это гибельным для России и принял меры к восстановлению пятёрки (Уфимской Директории. – *В.К.*) и предлагал нам поддержать его в этом. Мы, уполномоченные башкир от имени своих доверителей шлём Вам самые горячие искренние пожелания и верим, что Россия под управлением Вашим будет выведена на путь спасения, а мы избавимся от своего башкирского полубольшевистского правительства. Население спокойно [6].

Собрание 11-ти башкирских волостных управ Челябинского уезда 25 ноября постановило:

– Создание беспартийной твёрдой власти и передача таковой единоличному верховному правителю в настоящий момент развала является единственным спасением родины как от внешних, так и внутренних врагов. Башкирский народ нашего края, привыкший к нормальной жизни, спокойствию, порядку и безусловному подчинению властям и измученный как от большевистского произвола, так и от разных партийных стремлений чинов и членов разного рода правительств, ставящих свои узкопартийные интересы выше общегосударственных, назначение единоличного верховного правителя

встречает с полным спокойствием и радостью как залог благоустройства России и готов оказать ему полную поддержку [7].

Органы Башкирского правительства, впрочем, продолжали существовать на местах и как и прежде входили в противоречие с земскими органами. До нас дошли многочисленные документы о конфликтах между земскими и кантональными органами, приведём наиболее характерные, чтобы увидеть, как нарастала конфронтация и шла эскалация конфликтных ситуаций.

5 декабря исполняющий обязанности начальника войскового управления полковник Бикмеев сообщил в Омск верховному главнокомандующему, что златоустовский военачальник, не снесясь с башкирским войсковым управлением, сделал распоряжение волостным управам не подчиняться кантональному военачальнику, “чем внёс разлад среди населения, дал возможность некоторым призывным не являться ни к нему, ни к кантональному военачальнику”. Бикмеев просил оставить прежний порядок призыва башкир [8].

Вот перед нами постановление Оренбургской губернской земской управы:

– Не имея корня в народных массах, но исходя из башкирских верхов, движение это (образование автономного Башкурдистана. – *В.К.*) носит беспорядочный и в значительной степени насильственный характер. Башкирское правительство явочным порядком под угрозой военной силы присоединяет ряд русских волостей вопреки желанию населения. Силой оружия заставляет платить налоги в свою казну. Но в то же время при выборах в кантональные управы лишает русское население права участия в выборах. Указывая на ненормальность такого положения, когда целый ряд культурных мероприятий находится в тяжёлом положении, управа видит выход только во вмешательстве правительства [9].

10 декабря А.З.Валидов предписал Джетировской кантонной управе Орского уезда, начальнику кантонного отряда и начальнику кантонной милиции всеми мерами, вплоть до “принятия в крайнем случае самых строгих наказаний” пресечь сопротивление татарского населения деревни Имангуловой, которые не желали подчиняться “воле Башкирского правительства” под предлогом желания остаться в ведении губернской земской управы и отказывались платить повинности в кантонах [10].

Мы в данном случае видим ещё одно противоречие, корни которого достаточно давние – между башкирами и татарами, но национальную подкладку последние прикрывали интересами земскими.

В этот же день Валидов предписал Джетиоровской, Кыпчакской и Токчуранской кантональным управам следующее:

– Со стороны населения нашей территории поступают бесконечные жалобы на отсутствие органов суда и самого суда в кантонах. Суд для всей России один, но организация его различна <...> Предлагаю трём управам кантонов, образованных из Оренбургского и Бузулукского уездов, немедленно организовать временный кантонный суд по образцу института участкового мирового судьи со всеми правами последнего. Суд должен состоять из кантонного судьи и трёх заседателей, временно назначаемых кантонной управой. Кантонный суд есть орган гражданского суда на месте, но вместе с тем кантонный суд временно может расследовать и уголовные дела [11].

28 декабря временный комиссар Приуралья Баженов из Челябинска сообщил в министерство внутренних дел колчаковского правительства:

– Троицкий комиссар телеграфно доносит: кантон приказывает подчиняться только Башкурдистану, милиционеров убрать, агитаторов против Башкурдистана расстреливать. Башкиры бегут спасаться в Миасс, телеграфом просят защиты от насилия кантона. Прошу срочного указания как мне действовать, также прошу принять меры против Верхнеуральского кантона, отдающего такие приказания. Мною предложено комиссару совместно с троицким уполномоченным охраны принять решительные меры водворения порядка, также просил содействия главного начальника Уфимского края и атамана Дутова. Прошу дальнейших указаний [12].

Оренбургская земская управа 31 декабря продолжила свои жалобы в министерство внутренних дел, что правительство автономного Башкурдистана, распространив свою деятельность на часть Оренбургского уезда, тем самым нарушает “правильную деятельность уездного земства”. Далее разъяснялось:

– Само по себе отделение от Оренбургского уезда нескольких волостей не могло бы пагубно отразиться на земском деле, если бы это отделение последовало по детально разработанному плану с указанием точных территориальных границ и определённых взаимоотношений Башкурдистана и уездного земства. Но названное правительство, относя к Башкирии несколько волостей, расположенных в северо-восточной части Оренбургского уезда, непосредственно прилегающих к Орскому уезду, в то же время чересполосно причисляет туда же волости, расположенные в центре Оренбургского уезда или в противоположных концах его. Такое разделение уезда не только в

отношении земского хозяйства, но и вообще в отношении административного управления уездом едва ли может быть допустимо. Так, образовав самостоятельную Башкирию, правительство её образовало и административное управление в лице кантональных управ, которые и издали приказ, чтобы все сборы, в том числе и земские, поступали в распоряжение этих управлений. Воспользовавшись земскими сборами, правительство Башкирии всё-таки расходов на содержание школ и другие земские мероприятия на себя не принимает, заявляя, что охрана народного здоровья и народного образования – это обязанность уездного земства по всему миру [13].

Простого решения этого конфликта не существовало. Попытка колчаковских властей применить вооружённую силу натолкнулась на угрозы применить такую же силу в ответ. Вот характерное донесение инспектора милиции Приуралья Чорбы из Троицка в министерство внутренних дел колчаковского правительства:

– Прошу разъяснения относительно милиции Башкурдистана, действия которого незаконны, действующие в районе Троицкого уезда нами разоружены. Уполномоченный правительства башкир начальник добровольческой дружины в 350 всадников, находящихся в Белорецком заводе, подпоручик Терегулов грозит вооружённым столкновением. Решительных мер принять не можем ввиду неясности положения. Прошу ваших распоряжений [14].

Колчаковское правительство ещё могло терпеть башкирские войска, если бы они воевали только с “большевиками”, однако допущение национальной автономии противоречило великодержавной политике белой власти и допустить её она не хотела. Единственным, кого Башкирское правительство считало своим союзником, были чехословацкие отряды. В декабре 1918 г. А.З.Валидов жаловался главнокомандующему чешскими войсками генералу Сыровому:

– Русские власти относятся к башкирскому народу и башкирскому правительству крайне вредно, они упразднили наши башкирские гражданские и войсковые учреждения, арестовали ряд уважаемых башкир и наших представителей... прошу не допускать в дальнейшем такого издевательства над башкирским народом и войсками [15].

Незадолго до этого Валидов просил Сырового, чтобы он не допускал задержки челябинскими властями предметов снаряжения, направляемых в адрес башкирских частей [16].

А.З.Валидов не был наивным политиком, всерьёз рассчитывавшим на вмешательство чехов. Поэтому 14 декабря из села Ермола-

евки он написал письмо своим соратникам в Оренбург Султанову, Ишмурзину, Ибрагиму Исхакову, мулле Абульхаиру, мулле Мухаммадею, мулле Габдулнасыру и Нуриагзаму, в котором он изложил своё видение складывающейся обстановки и ближайшие задачи башкирского национального движения. Он писал, что если чехи оставят Россию, то положение башкирских частей будет очень тяжёлым, поскольку на союзников нет никакой надежды. Он сообщил им, что Дутов, воспользовавшись телеграммой Курбангалиевых Колчаку, “старается возбудить смуту и скандал в наших полках”. А.З.Валидов разъяснял, что ближайшей задачей является сбор всех полков в одно место, затем отступление в деревни Имангулово, Таймасово и Якупово, а в случае наступления Красной Армии – отступать, не оказывая сопротивления [17].

Далее он разъяснял:

– Необходимо, чтобы вся война сосредоточивалась в одном месте в своём Башкирском краю. Как бы ни было, мы останемся нейтральными и не будем воевать против Колчака, будем только стараться, чтобы расширить государство Колчака. Нет опасности, чтобы кто-либо открыл против нас войну [18].

Тем временем колчаковская пропаганда, стремясь привлечь на свою сторону башкир, клеймила Башкирское правительство. Вот что говорилось в обращении “Башкиры”, подписанном А.В.Колчаком:

– Незначительная часть башкир, презревшая вековое сотрудничество своих отцов и дедов с русским населением на ниве мирного труда и на полях ратных, обнаруживает ныне стремление к государственной самостоятельности, забывая, что преуспеяние и развитие культурно-хозяйственной жизни башкирской народности возможно только в составе Великой России <...> Правительство государства Российского не посягнёт ни на вашу веру, ни на ваш быт национальный и хозяйственный, ни на ваши земли. Оно вам, как и всем многочисленным народностям, под державою его стоящим, сохранит право благополучного самоуправления, в вопросах местных, обеспечив всей полнотой своей власти порядок и законность в управлении, безопасность личную и имущественную, и свободу мирного национального развития под сенью государственности [19].

Воззвание “От казаков к башкирскому народу” более откровенно:

– Тяжёлые дни настали для свободных детей башкир. Самозванец Валидов и его приспешники продались красным и перешли на их сторону, чтобы с ними грабить народ. Они возмутили народ про-

тив верховного правителя адмирала Колчака и против казаков. Безумцы! Они не поняли стремления верховного правителя, казаков и союзников создать единство и правопорядок в России. Чтобы оправдать себя, Валидов говорит: “Верховный правитель не считается с башкирским народом – он не дал ему ни вооружения, ни денег, ни продовольствия”. Это ложь! [20].

Одновременно Колчак принимал все меры, чтобы ликвидировать Башкирское правительство. 11 января 1919 г. штаб Западной армии белых, предписывая командиру 22-го Оренбургского казачьего полка полковнику Боброву “подчинить себе части башкирских войск, действующих на тракте Табынск – Стерлитамак”, одновременно приказывал: “Неповинующихся разоружить” [21].

29 января начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Д.А.Лебедев передал командующему Западной армией генералу М.В.Ханжину телеграмму следующего содержания: “Верховный правитель повелел найти и арестовать главу Башкирского правительства Валидова, предать полевому суду за государственную измену”. Начальник штаба Западной армии генерал-майор Г.М.Щепихин высказал мнение, что такое открытое действие может вызвать нездоровую реакцию среди башкир и предложил провести это дело более дипломатично: “Сначала необходимо ликвидировать опору Валидова – кантонные отряды. Взять Валидова силой – недопустимо. Народ объяснит себе это как удар против него. Валидова надо удалить политически, чтобы его развенчал сам народ”. После этого арест Валидова был отложен [22].

Изменившееся положение на фронте: занятие Красной Армией в начале января Уфы, очищение от белых Белебеевского, Бирского, Уфимского и Стерлитамакского уездов, сдача 21 января казаками Оренбурга и освобождение от белых 24 января Уральска – изменили положение Башкирского правительства. Со сдачей Оренбурга командующий отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенант атаман А.И.Дутов – опора Колчака на Южном Урале – потерял важнейший стратегический пункт. Перебазировавшись в Орск, Дутов 29 января направил в Омск в ставку верховного главнокомандующего донесение следующего содержания: “Ко мне прибыла делегация башкир с просьбой оружия, денег, помощи <...> 9-я Башкирская дивизия совершенно небоеспособна, слаба, малочисленна <...> Я выдать оружие в просимом числе 6 000 винтовок отказал. В то же время прорыв фронта <...> и неимение сил заставляют нас учитывать наличие хотя бы некоторых частей башкир”. Дутов предлагал при-

дать башкирским частям характер партизанских отрядов, “где допустима импровизация и известная несогласованность”, считал возможным “дать им некоторое количество винтовок старой системы” и просил влить их в его армию, “имеющую острую нужду в пехоте”. Сообщая об изменении в настроении башкир, Дутов отмечал: “Жаль, что прекрасный боевой материал пропал напрасно” и просил ставку “выслать в пределы Башкирии опытных агитаторов для привлечения башкир в русские части с сохранением их национальных особенностей” [23].

Разумеется, потеря Оренбурга не означала начала краха белой Сибири, однако башкирское войско теперь оказывалось на переднем фланге борьбы с Красной Армией. Эту ситуацию попытались обратить в свою пользу как А.З.Валидов, так и А.И.Дутов и А.В.Колчак. Для иллюстрации изменившихся взаимоотношений воспроизведём два характерных документа.

31 января А.З.Валидов вышел на связь со штабом Западной армии в Челябинске, сообщая, что у него в войске очень много мобилизованных, но полное отсутствие денег и вооружения. Он просил выделить ему деньги и 3 – 4 тыс. винтовок. Далее он спрашивал относительно судьбы входившего в состав группы Каппеля 3-го Башкирского полка, который предполагалось расформировать. Он обращался к колчаковскому правительству:

– К нам явилась солдатская делегация и [делегация] представителей башкир Златоустовского уезда – просят, чтобы полк не расформировывать. Мы, конечно, тоже просим. Кроме того, прошу от имени Башкирского правительства соединить 3-й Башкирский полк с другими башкирскими частями и направить его через Белорецкий завод к нам. Там очень немного солдат – всего лишь 270. Дутов сдал Оренбург и теперь, по-видимому, хочет свалить вину. Я, по крайней мере, так понял по разговору по прямому проводу [24].

В тот же день упоминавшийся выше генерал-майор Г.М.Щепихин сообщил из Челябинска Колчаку:

– Если бы Валидов со своими башкирами находился в районе Западной армии, я бы знал, как с ними поступить, и Вас не беспокоил бы. Но, получив от Валидова, оторванного от Дутова, просьбу, счёл долгом доложить. Брать в свои руки в данный момент организацию башкир не могу, ибо, раз генерал Дутов с ними в течение года ничего не сделал при благоприятной обстановке, то братья за организацию и рассчитывать на успех вряд ли возможно. Зная башкир, могу доложить, что в умелых руках это отличный материал и, если

изъять главарей-политиканов и обособить их от генерала Дутова, [сосредоточить] в руках талантливого организатора, то можно будет через месяц получить приличное войско <...> Присылка [к башкирам] людей, не знающих этот народ, может нанести лишь вред [25].

Но инициатива уходила от белых, и А.З.Валидов, не желая уходить на подконтрольную белым территорию Сибири, попытался связаться с Советским правительством. Кстати, о попытках сотрудничества с Колчаком А.З.Валидов предпочёл умолчать в своих мемуарах, зато он подробно расписывал то, как он хотел договориться с большевиками чуть ли не с первых дней после прихода Колчака к власти.

От Советского правительства Башкирское правительство добивалось признания автономии, обеспечения войска и правительства деньгами и продвижение фронта до Челябинска. Уфимский губревком, с которым вступил в переговоры М.Халиков, заверил, что он поддерживает идею автономии, но ничего конкретного не пообещал. Однако через некоторое время соглашение всё же было заключено: башкирам гарантировалась амнистия всем членам Башкирского правительства и автономия при условии прекращения военных действий против Красной Армии и организации у них Советской власти [26].

18 февраля обеими сторонами был подписан проект предварительного договора между Башкирским и Советским правительствами. Башкирское войско переходило на сторону Красной Армии и начинало борьбу с Колчаком и Дутовым [27]. Однако окончательное подписание договора затягивалось Советским правительством. 26 февраля состоялся разговор по прямому проводу между Валидовым и Сталиным. Валидов заявил:

– Советская власть должна была утвердить нашу Башкирскую советскую республику и оставить нашу башкирскую дивизию в целости под общим советским командованием на общих основаниях, но теперь договор этот не исполняется, несмотря на искреннее желание башкирских солдат драться с контрреволюционерами и мировыми империалистами совместно с Красной Армией. Наши дивизии расформируются, полки направляются на пополнение существующих советских полков. Расформированные башкирские войска – удар по нашему политическому и национально-социальному завоеваниям <...> Мы отказываемся проводить в жизнь Башкирскую советскую республику, если войска не будет [28].

Не все башкиры согласились перейти на сторону Советов. На 9 февраля 1919 г. в башкирском войске насчитывалось 4 570 человек, на момент перехода на сторону Советской власти оставалось около 2 тыс., часть перешла на сторону Красной Армии ещё до официального перехода. Во время перехода 330 человек с 13 пулемётами и группой офицеров во главе с начальником дивизии генералом Савич-Заболоцким ушли в станицу Кизильскую, где присоединились к Дутову [29].

Переговоры с Советской властью были для Башкирского правительства вынужденным шагом, поскольку параллельно с этими переговорами А.З.Валидов пытался найти общий язык с командующим Западной армией генерал-лейтенантом М.В.Ханжиным. Так, 2 февраля в докладе Валидова командующему Западной армией сообщалось:

– Правительство Башкирии находит также необходимым сохранить Башкирское войсковое управление, имея в виду, что башкирские части были сформированы своеобразно и учёт населения и дальнейшая мобилизация может быть успешно проведена только через это управление и кантональных воинских начальников, как близко стоящих к населению и знающих язык. Как на пример могу указать, что после расформирования Дутовым Башкирского войскового управления нарушился правильный учёт по призыву, что повело к увеличению числа дезертиров [30].

Все вышеизложенные соображения Валидов связывал с задачей борьбы с большевизмом, с Советской властью как “общим врагом” башкир и белого воинства – армий Ханжина и Дутова. Он руководствовался по его словам “желанием засвидетельствовать перед Вами [Ханжиным] о настроении башкирского населения принять самое деятельное участие в борьбе с общим врагом – большевизмом”.

Однако М.В.Ханжин 6 февраля в докладе А.В.Колчаку сообщил:

– Башкирское правительство данного состава, возглавляемое Валидовым, не пользуется доверием и поддержкой населения. Полагаю, что, вообще, всякое башкирское правительство будет в том же положении, так как башкирскому народу не свойственны сепаратные стремления; башкирский народ перемешан территориально с русским и татарским населением, охотно подчиняется общегосударственной администрации, поэтому я считаю совершенно нежелательным и вредным формирование башкирских частей и, особенно, кантональных дружин, на которые могут опираться авантюристы типа Валидова и Терегулова. Расформирование кантональных дру-

жин должно быть сделано безотлагательно; башкирские части следует постепенно сокращать и вливать в них русских, татар, чтобы лишить их национального характера [31].

Командование Колчака всякими обещаниями и подкупами, с одной стороны, и жестокими репрессиями, с другой, пыталось удержать башкирские части на своей стороне. Командующий Западной Армией генерал Ханжин, командир 6-го Стерлитамакского бело-гвардейского корпуса генерал Печёнкин, атаман 2-го округа белоказачьих войск Захаров – каждый от своего имени и от имени Колчака выпустили обращения, в которых призывали башкир одуматься пока не поздно, не следовать за теми, кто перешёл на сторону Красной Армии. Они обещали скорую победу над большевиками и всякие блага. Генерал Ханжин разяснял: “Верховный правитель приказал мне охранять вашу родину и ваши кантоны. Небольшую часть ваших земель успели занять красные, потому что среди вас не было солидарности, порядка и у вас не было денег и прочих нужных предметов. Всем этим верховный правитель с этого времени будет вас снабжать, только ставит вам условие – бросьте вы заниматься политикой и все силы посвящайте охране вашей родины”. Приказ Ханжина 19 февраля требовал обезоружить все кантональные отряды, арестовать всех членов Башкирского правительства и призвать всех новобранцев-башкир 1898 – 1899 годов рождения, что и было исполнено [32].

Столкнувшись со столь явным проявлением великодержавных тенденций и не желая оставлять территорию Башкурдистана, Башкирское правительство подписало 27 февраля предварительный договор с Советским правительством. Колчаковское правительство тем временем поняло, что поступило с башкирским войском и Башкирским правительством весьма неосмотрительно, что необходимо было действовать более “хитро” и “гибко”. В докладе начальника оперативного отдела капитана Пуляшко генерал-квартирмейстеру штаба Колчака 26 февраля сообщалось, что после перехода башкир “ухудшилось общее положение наших Западной и особенно Оренбургской армий. Для последней создавалась угроза быть отрезанной от путей сообщения <...> С захватом Башкирии большевиками приобретают в её населении новые силы отличных боевых качеств”. В качестве обстоятельств перехода назывались неосведомлённость башкир о целях Всероссийского правительства, агитация большевиков, усталость башкирских частей от боевых операций, недостаточная

обеспеченность этих частей боевыми средствами. Начальник оперативного отдела предлагал следующее:

– 1) Принять представителей башкирского населения верховным командованием и подтвердить перед ними права народа, дарованные ему ранее российским императорским правительством на земли и леса; 2) по приказу Российского правительства и его представителей в крае наделить башкирских представителей видимыми знаками внимания за верность и службу в борьбе с большевиками. Согласно вкусов народа лучшими наградами являются медали, халаты, похвальные листы с печатью <...> 5) мобилизовать и вывести из края беспокойный молодой элемент; 6) из башкирских частей, уже сформированных, составить батальон, ударные части, которые придавать к русским частям наименее устойчивым, как “охранные части” на случай возможных военных бунтов <...> 8) в отношении башкир, изменивших нам, перешедших к большевикам, должны быть применены самые беспощадные меры вплоть до уничтожения деревень и аулов со всем населением [33].

Начальник оперативного отдела сделал следующий вывод, который ярко иллюстрирует как представления белых о башкирском национальном движении, так и их отношение к нему:

– Справедливое, милостивое, снисходительное отношение к азиатским народам, с одной стороны, и устрашающая кара, с другой, были бы лучшими средствами колонизации Востока [34].

На докладе стоит резолюция начальника штаба Д.А.Лебедева: “Вполне одобряю. Спешно копию послать командующему Западной армией генералу Белову для принятия соответствующих мер”.

Колчаковские власти продолжили политику Временного Сибирского правительства и Директории в отношении Алаш-Орды. Она характеризовалась двумя моментами: 1) поскольку существование автономных государственных образований противоречило политике великодержавия колчаковского правительства, то последнее обвиняло правительство алашордынцев в национальном сепаратизме; 2) однако то же колчаковское правительство поддерживало верхушку алашордынцев, обещавшую создать военные части из киргизов для борьбы с общим врагом – “большевизмом”. Позиция колчаковского правительства по отношению к Алаш-Орде была обозначена в начале декабря 1918 г. на страницах омской правительственной газеты:

– Увидя, однако, свою изолированность (на Государственном совещании в Уфе. – *В.К.*) и сплочённую группу твёрдо государствен-

ных элементов, эсеры позаботились укрепить свою позицию, привлекая на свою сторону различные инородческие представительства во главе с Алаш-Ордой <...> Эсеры, играя на идее равноправия национальностей, горячо отстаивали и Алаш-Орду, и Башкурдистан, и несуществующее Туркестанское правительство и какое-то доселе никому неизвестное Правительство тюрко-татар внутренней России и Сибири <...> Те, кто был на Челябинском и Уфимском совещаниях, хорошо знают, каков был результат этой “предварительной обработки”. Во всех спорных боевых вопросах: о месте Государственного совещания, об ответственности власти перед Учредительным собранием, о количестве членов Директории, о персональном её составе, все представители национальных инородческих правительств, как один, всегда голосовали заодно с эсерами [35].

11 февраля 1919 г. в Омске состоялось предварительное совещание “по вопросам административно-хозяйственного устройства кайсак-киргизского народа” с участием руководителей алашордынцев А.Букейханова, В.Таначева и А.Турлыбаева. А.Букейханов в своём выступлении разъяснял:

– Мы пришли сюда как братья. Киргизский народ не питает сепаратистских замыслов. Мы западники. В своём стремлении приобщить народ к культуре не смотрим на восток. Получить культуру мы можем через Россию, при посредстве русских. Мы пришли сюда с единственным желанием устроить порядок, необходимый для того, чтобы страна могла дойти до Учредительного собрания [36].

Омская кадетская газета одобрительно отозвалась об этом выступлении:

– В этом самоопределении “кайсак-киргизский народ” во главе с правительством Алаш-Орды не видит отделения от России и считает своим долгом перед родиной работать рука об руку в контакте с государственно мыслящими людьми, идущими навстречу к возрождению России [37].

Однако на совещании 11 февраля каких-либо конкретных решений принято не было.

Поэтому не удивительно, что алашордынцы точно так же, как и Башкирское правительство, начали переговоры с Советской властью. 28 марта 1919 г. военком Тургайской губернии Токарев отправил из Актюбинска В.И.Ленину письмо о том, что в Тургае организован киргизский военный отряд, который заставил признать сторонников А.Букейханова, таких, как Байтурсунов и других, Советскую власть. Байтурсунов выехал для переговоров в Тургай и в ка-

честве одного из условий признания Советской власти предлагал объявить амнистию алашордынцам в случае их раскаяния, поскольку они – “люди интеллигентные, пользующиеся популярностью среди киргиз” [38].

Ярко колчаковская национальная политика проявилась по отношению к Национальному управлению мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. В связи с тем, что Уфа была занята Красной Армией, Духовное управление мусульман и Национальное управление перебазировались в Петропавловск. 25 ноября муфтий Галимджан Баруди посетил Омск. Официально сообщалось, что его цель – ознакомление с настроениями мусульманского населения, экзаменация мулл и устройство духовных дел степи [39].

Но совершенно очевидно, что основной его задачей было налаживание отношений с новым правительством. О содержании его бесед и принятых решениях информации не сохранилось. Значительно лучше представлены материалы, освещающие деятельность Национального управления. В конце ноября 1918 г. в петропавловской газете “Приишимье” появилось обширное интервью с временным председателем Национального управления. Он сообщил, что Национальное управление является исполнительным органом Национального собрания тюрко-татар внутренней России и Сибири. Оно ответственно за свои действия только перед Национальным собранием, избранным на основе двухстепенных выборов по одному депутату от 50 тыс. населения и созываемом периодически. Оно ведает делами тюрко-татар на основе принятых Национальным собранием в декабре 1917 г. законов, делится на 3 ведомства: просвещения, духовное и финансов. Он разъяснил:

– В силу исторических обязательств, невыгодно для нас сложившихся и выразившихся в наши дни в том, что тюрко-татарское население единицами вкраплено между другими народностями и представляет собой разбросанную массу. Ввиду чего, собственно, мы когда другие народности объявили областные автономии, остались при иной форме самоопределения. Как равноправные граждане государства мы, несмотря на указанные неудобства, воспрепятствующие более правильному культурному развитию, не могли оставаться довольными старой формой управления. Поэтому, находя более приемлемой формой для нового строительства принцип научной культурно-национальной автономии, мы в июле 1917 г. и объявили культурно-национальную автономию. Мы думаем, что это не есть действие противозаконное или антигосударственное, напротив,

оно исторически диктуется как необходимость, так как основы культурно-национальной автономии – конкретные, данные в прошлом в самой истории управления нашими духовными делами.

Со времён ещё Екатерины II управление духовными делами фактически предоставлено было нам самим. Правда, тогда управление носило духовный отпечаток, однако, нельзя отрицать также и культурных зачатков, которые постепенно насаждались духовенством в толще народа. В мечетях, школах, которые по настоящее время оставались в наших руках, и на общественных собраниях духовенство призывало народ к соблюдению нравственности, к труду, а также к грамоте.

Таким путём, рядом с религиозными наставлениями тюрко-татарский народ постепенно просвещался. Ведь не для кого не тайна, что когда сплошные русские деревни оставались лишёнными школ, наши предки имели свои конфессиональные мектебе. Ведь благодаря этому мы до наших дней сохранили язык, школу и литературу. Вот данные, которые не позволяют нам опасаться объявления нашей автономии [40].

В следующем номере газеты было опубликовано продолжение этого интервью. В нём председатель поведал о том, что работа была почти налажена, но после установления Советской власти в апреле 1918 г. было разогнано Национальное управление, а часть его членов арестована, татарские полки разошлись по домам. Однако Национальное управление продолжало борьбу, только теперь не вооружённую, а агитационную, призывая тюрко-татар к борьбе с большевизмом. Это сыграло свою роль после чехословацкого выступления, когда тюрко-татары пошли в ряды Народной армии. Но после того, как большевики отвоевали обратно Казань, Симбирск, Самару и подошли к Уфе, Национальное собрание эвакуировалось в Петропавловск. Далее председатель сообщил о ближайших планах Национального управления:

– Что касается нашего дальнейшего шага, то мы стремимся к тому, чтобы конституцию нашей автономии провести с санкцией всевластного народного представительства. Мы думаем, что только такая власть будет в состоянии придать автономии силу закона. Но в какой форме явится эта власть, пока пророчествовать не будем [41].

В начале января 1919 г. Центральное национальное управление мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири обратилось к председателю Совета министров колчаковского правительства с просьбой разрешить функционирование органов культурно-нацио-

нальной автономии “в том их виде, в каком они predeterminedены постановлениями Национального собрания тюрко-татар, впредь до открытия работ и законодательного урегулирования этих вопросов Всероссийским национальным или Учредительным собранием”, на что председатель Совета министров заявил, что “считает существование такого Национального управления с широкими функциями без территории и без подчинения какому-либо центральному управлению Всероссийского правительства явлением ненормальным и подлежащим ликвидации” [42].

Мотивы отказа в признании Национального управления излагались в докладной записке управляющего Советом министров, в которой он со ссылкой на мнение министерства внутренних дел сообщал в Совет министров, что распадение “русской государственности” началось с развития центробежных национальных сил в Финляндии, на Украине и т.д., а на востоке страны выразилось в образовании Алаш-Орды и Башкурдистана, упразднённых постановлением Директории. Однако им на смену появилось Центральное национальное управление как орган объединения мусульман, и, таким образом, открыто существовавшая ранее политическая организация стала приобретать “замаскированный характер в виде организации культурно-религиозной”. Эта организация не представила своего устава, и министерство не может судить об её характере и задачах, но отмечает, что предполагается её независимое от государственной власти существование и принудительное обложение мусульман. А далее делался вывод:

– Собрание воедино распавшейся русской государственности не может допустить и исключает существование подобных (Центральному национальному управлению мусульман тюрко-татар России и Сибири. – *В.К.*) <...> объединений. В данном случае Национальное объединение мусульман может быть допущено только в порядке образования частных обществ и союзов, при точной их регистрации. Но по соображениям политическим, пока правительственная власть ещё недостаточно окрепла, министерство внутренних дел полагало бы более целесообразным замедлить с ответом на ходатайство Центрального национального управления мусульман и допустить факт его существования как временный, впредь до укрепления правительства [43].

Таким образом, колчаковское правительство выступало не только против территориальных автономий типа Башкурдистана или

Алаш-Орды, но и культурно-национальных в лице Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири.

В значительно меньшей степени колчаковское правительство было озабочено национальным движением среди алтайцев и хакасов, по-видимому, в силу их географической удалённости по сравнению с Оренбургом, Уфой или Петропавловском от сибирского центра белого движения, предоставляя урегулирование отношений с ними местным властям. Но даже там великодержавная политика белых вошла в противоречие с национальными устремлениями этих народов. Так из-за этого противоречия на Алтае некоторые национальные деятели подверглись репрессиям со стороны нового режима. В декабре 1918 г. был арестован председатель Каракорумской управы Г.И.Гуркин. В своём ходатайстве он жаловался:

– И мне очень обидно, что народное правительство, которому я служил с такой верой и любовью, меня теперь, как преступника, держит под строжайшим надзором в тюрьме [44].

Управляющий Алтайской губернией 24 декабря 1918 г. обратился с ходатайством к колчаковскому правительству:

– Если Гуркин не изобличён в активном выступлении против правительства, то я находил бы весьма необходимым скорейшее его освобождение из-под ареста тем более, что, как известно, он всегда был активным противником большевистско-советской власти и в своё время организовал вооружённую борьбу против красноармейских банд [45].

Управляющий Каракорумским уездом А.П.Суворов на совещании управляющих уездами Алтайской губернии в январе 1919 г. рассказал:

– Инородцы вообще народ малокультурный, доверчивый и разные лица, вроде Сатунина и других, обещанием различных благ инородцам, действительно увлекали их за собой, причём самым бессовестным образом эксплуатировали их. Существующее отношение инородцев к русским вообще – недоверчиво-выжидательное, может быть отчасти потому, что арест Гуркина они рассматривают, как желание правительственной власти и русских вообще лишить инородцев представительства их интересов в лице отдельных общественных деятелей. Сатунин лично не пользуется симпатией среди инородцев, ибо они считают его косвенным виновником посылки на Алтай карательных отрядов [46].

Лишь 14 апреля 1919 г. Г.И.Гуркин был освобождён под залог в 6 тыс. руб., внесённый богачом П.Ерохиным, однако следствие по его делу продолжалось.

Две проблемы – автономия и мобилизация, которые не были решены в период “демократической контрреволюции”, не нашли своего удовлетворительного разрешения и в период колчаковщины. 30 декабря 1918 г. колчаковское правительство постановило образовать Каракорум-Алтайский уезд, каракорумцы в ответ обратились к Колчаку с ходатайством разрешить “представиться” алтайской депутации. 7 февраля 1919 г. в Улале прошёл съезд “алтайских народностей”, на котором присутствовало 38 представителей от алтайских волостей и крупных селений. По решению съезда был образован “Главный алтайский комитет туземных народностей”, председателем которого был избран Г.М.Токмашёв. Этот Комитет числился при Каракорумской управе и 6 апреля 1919 г. обратился с ходатайством к правительству санкционировать его как существующую организацию с подчинением туземному отделу министерства внутренних дел. Ходатайство осталось без последствий. В декабре 1918 г. Каракорумская управа провела досрочную мобилизацию. Всего было призвано 922 человека, в том числе 370 человек досрочно. Аргымай Кульджин пожертвовал на содержание отрядов 3 600 руб. В начале 1919 г. началось формирование “Алтайского туземного дивизиона”. На его содержание по подписке собрали более 20 тыс. руб., поставили 200 лошадей. Основной целью этого отряда ставилось изгнание с Алтая русского населения. Однако колчаковское правительство не одобрило создание этого отряда [47].

Глава 2. КРИЗИС РЕЖИМА (март – июнь 1919 г.)

2.1. От побед к поражениям

К марту 1919 г. против 11 тыс. штыков и сабель 5-й Красной Армии (26-я и 27-я стрелковые дивизии) на уфимско-самарском направлении было сосредоточено 40 тыс. штыков и сабель Западной армии. 6 марта ударная группа последней обрушилась на левый фланг 27-й стрелковой дивизии, затем, развивая успех вдоль тракта Бирск – Уфа, 4-я уфимская дивизия белых 10 марта вышла в тыл 27-й дивизии. 14 марта была взята узловая станция Чишмы, что угрожало тылам 26-й дивизии. 5-я Армия продолжила отступление и 6 апреля оставила Белебей. К середине апреля на Восточном фронте Красной Армии явственно обозначился прорыв центра. На уфимское направление были переброшены части 3-й Армии и белые тотчас же начали развивать наступление на пермском направлении, заходя во фланг 3-й Красной Армии. Успехи на Западном фронте временно укрепили колчаковское правительство. После первых успехов на уфимском направлении колчаковская правительственная газета писала:

– Пал Оханск, пала Оса, пал Бирск и есть вероятие, что близко падение Уфы <...> В панике бегут красноармейцы, и в такой же панике будут метаться и комиссародержцы, ища возможности ускользнуть от народного суда. Уже сейчас мы знаем по некоторым едва уловимым признакам, как велико это смятение большевиков, которые нервно, судорожно хватаются за всякую возможность отдалить час своего падения, точно так же как схватились они за Вольского с Черновым, чтобы их именем привлечь на свою сторону крестьян. Поздно, час их пробил, и никакие эсеровские прокламации, кем бы они ни были подписаны, не повернут к большевикам лица деревни. Таково общественно-политическое значение этой победы,

которая найдёт сочувственный отклик не только здесь, где воссоздаётся Русь, но и там, где ждут пришествия сибирских войск [1].

Радовались успехам и кадеты. Омская кадетская газета ликовала:

– Известие о крупной победе русской армии грянуло громом над омерзительным кошмарным сном нашей обывательщины. Победа новой, встающей из пепла России, – вот ответ на жалобы нытиков и сплетни политиканов. Все мелкие души и слепые умы, каркающие о всех неудачах и недочётах русской жизни, проглядели самое главное, в хаосе будничной повседневности – в серых днях рождающуюся огненную душу русского народа и государства [2].

Правительство, окрылённое успехами на фронте, продолжило свою энергичную деятельность в тылу. В мемуарной литературе, однако, отмечалась бессистемность этой активности, которая и привела колчаковское правительство на грань катастрофы [3]. Мы, конечно, не будем следовать этим концепциям “ошибок”, а постараемся разобраться в объективных условиях действий колчаковского правительства.

Прежде всего выявилась нехватка живой силы для армии. Омская кадетская газета призывала:

– Необходимость дополнительных призывов очевидна. Очевидна также необходимость общих призывов. Очевидно, что тяжесть общих призывов для сельского населения должна быть смягчена, так как рабочих рук в сельском хозяйстве хлебородной Сибири немного, а производство хлеба в предстоящий период сельскохозяйственных работ должно быть сколько возможно обеспечено. От Сибири голодное население России, в частности её городов, ждёт спасения не только войсками, но и подачею хлеба. Из этих затруднений, которые создаёт сама жизнь, – вывод единственный – что городское население на предстоящее лето, пока деревня не управится со своими работами, должно потесниться. Оно должно принять на себя тяжесть более глубокой мобилизации, которая позволила бы потребовать у деревни примерно не два призывных года, а один [4].

Подобные призывы, естественно, не находили отклика в рабочей среде.

Указом верховного правителя от 13 марта требовалось от всех генералов, адмиралов, штаб- и обер-офицеров, которые не поступили на военную или морскую службу, от всех отставных генералов, адмиралов, штаб- и обер-офицеров, находящихся на службе вне военного и морского ведомств, явиться не позднее 20 марта по месту

своего жительства в управление уездного воинского начальника для зачисления их на особый учёт [5].

3 апреля командующий войсками генерал Матковский издал следующий приказ:

– Приказываю разослать и объявить в газетах следующий мой приказ: ввиду обнаружения случаев уклонения от призыва в войска под теми или иными предложениями согласно ст. 13 положения о призыве увеличиваю наказание за таковые преступления до смертной казни включительно. Объявляю начальникам гарнизонов, что по отношению к изменникам родине стесняться преступно и требую принятия немедленных и решительных мер [6].

В этот же день у В.Н.Пепеляева был военный министр, с которым они обсуждали дополнительный призыв интеллигенции. Пепеляев убедил Колчака сделать поездку по стране под лозунгом осмотра новобранцев Омского и Иркутского военных округов [7].

Это были лишь внешние метания режима из одной крайности в другую. По-прежнему основным пополнением белой армии оставались крестьяне, что и привело эту армию в итоге к катастрофе.

Под впечатлением побед на фронте мелкобуржуазные круги вновь стали поднимать проблему созыва законодательного учреждения. Омская газета “Заря” призывала:

– За фронт мы спокойны, но у нас нет такого же спокойствия по отношению к тылу <...> Опыт прошлого нам показал, что слабость тыла отражается на фронте. А поэтому нам надлежит приложить все усилия к закреплению положения в тылу. Здесь, прежде всего, необходимо скорейшее введение законности и правопорядка, ибо в них лежит основание всего дальнейшего устройства нашей жизни во всех её разветвлениях. В этой работе должны принять участие и все граждане, стоящие на государственной точке зрения, оказывая всяческое содействие и поддержку правительственным мероприятиям, направленным к этому [8].

Однако когда бюро блока общественных организаций, в которое входили А.А.Балакшин, Н.А.Филашев, В.В.Куликов и А.К.Клафтон, посетило 22 марта адмирала А.В.Колчака, он разъяснил им:

– Основная задача власти сейчас – полное уничтожение военной живой силы большевиков и по отношению к таковой основной задаче всё остальное должно получить характер служебный. Поэтому правительство считает себя призванным к органической законодательной работе лишь постольку, поскольку это необходимо для достижения намеченной цели уничтожения большевизма [9].

В тот же день А.В.Колчак принял представителей Совета объединений несоциалистических общественных деятелей Е.А.Жданова, А.В.Коробова, барона А.П.Шлиппенбаха. Омская правительственная газета разъясняла:

– Верховный правитель указал между прочим на то, что его озабочивает в настоящее время вопрос о формах привлечения к деловой работе представителей общественности по целому ряду государственных вопросов, ввиду расширяющихся и усложняющихся задач власти при продвижении её в Россию. Представители совета заявили о своей готовности, кровью близких запечатлённой, всемерно и безусловно содействовать верховному правителю в его государственном строительстве [10].

В конце апреля уже и кадеты стали предлагать создать неважно законодательное или законосовещательное собрание, чтобы придать колчаковскому режиму “демократический” декор. 28 апреля омский комитет кадетской партии принял следующую резолюцию:

– ПНС считает в настоящий момент целесообразным создание в системе нашей государственной власти какого-либо нового учреждения, безразлично будет ли такое учреждение законодательным, законосовещательным или законоподготовительным. Вместе с тем в интересах более тесного общения правительства с общественностью партия считает возможным образование особого совета при верховном правителе путём его указа из лиц, им назначенных [11].

В конце концов, 29 апреля Совет министров колчаковского правительства утвердил положение о подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях [12].

Апрель и май в колчаковском правительстве продолжались отставки и перестановки. 1 апреля был снят с должности министр снабжения и продовольствия Н.С.Зефилов, вместо него был назначен К.Н.Неклютин. 15 апреля В.Н.Пепеляев заявил об отставке, однако Колчак стал уговаривать Пепеляева остаться. 19 апреля Совет министров отклонил прошение Пепеляева. Зато 25 апреля подал в отставку управляющий министерством внутренних дел А.Н.Гаттенбергер, однако было решено отложить окончательное решение до приезда П.В.Вологодского, а Гаттенбергеру дать отпуск. Гаттенбергер в отпуск не поехал, и через 3 дня Колчак всё же уволил Гаттенбергера, а на его место временно назначил В.Н.Пепеляева. 2 мая Колчак уволил министра народного просвещения В.В.Сапожникова,

назначив на его место товарища министра П.И.Преображенского. В этот же день был отправлен в отставку министр юстиции С.С.Старынкевич, а на его место был назначен Г.Г.Тельберг, с оставлением за ним поста управляющего делами верховного правителя и Совета министров. 6 мая В.Н.Пепеляев из временного управляющего министерством внутренних дел стал полномочным управляющим. В этот же день товарищ министра торговли и промышленности Н.Н.Щукин был освобождён от временного управления министерством, а на это место был назначен И.А.Михайлов, который сохранил пост министра финансов; управляющий министерством труда Л.И.Шумиловский был назначен министром труда, а товарищ министра снабжения и продовольствия К.Н.Неклютин – управляющим министерством. Одновременно колчаковское правительство обратилось к председателю финансово-экономического совещания в Париже С.Н.Третьякову с предложением занять пост министра торговли и промышленности. Третьяков согласился и выехал в Омск [13].

Кадетская газета комментировала смысл перемен в колчаковском правительстве:

– Отсутствие в составе правительства новых людей ничуть не умаляет значения происшедших изменений. Правительство, несколько сократившись в своём составе, приобрело несравнимую с прежней внутреннюю сосредоточенность, выдвинуло на первое место элементы воли, государственной мысли и способности к программной работе в ущерб элементам провинциализма, вялости и склонности жить изо дня в день [14].

Средства на содержание колчаковской армии текли тощим ручейком. В марте при Всероссийском съезде торговцев и промышленников был образован фонд на нужды армии. Ишимские торгово-промышленники внесли в него 100 тыс. руб., а разные омские фирмы через члена Совета съездов С.П.Рысева – 200 тыс. руб. Енисейские золотопромышленники внесли 25 тыс. руб., Екатеринбургские торгово-промышленники лично передали А.В.Колчаку во время визита в город свыше 1 млн руб., а Ленские золотопромышленники – 40 тыс. руб. [15].

15 апреля П.В.Вологодский в дневнике записал о приёме еврейской делегации, когда он находился на отдыхе. Он отметил: “Эта же делегация поручила мне передать собранные среди еврейского населения 100 тыс. руб. на нужды армии в распоряжение верховного правителя” [16].

Естественно, что наполнить казну этими средствами было невозможно. Для поиска какого-либо выхода в мае было созвано Государственное экономическое совещание. Первое заседание этого совещания 1 мая открыл его председатель Г.К.Гинс. Он предложил обсудить Положение о совещании. Согласно задумке составителей Положения, Государственное экономическое совещание должно было содействовать правительству в восстановлении и развитии хозяйственно-экономической жизни страны. Совещанию предоставлялось право делать правительству представления о необходимых мероприятиях в области финансовой, торгово-промышленной, сельского хозяйства, труда, транспорта и по всем другим проблемам экономической жизни страны, а также обсуждать снабжение армии и обеспечение её продовольствием, рассматривать роспись государственных доходов и расходов и обсуждать с соответствующими ведомствами законопроекты, касающиеся экономических проблем [17].

Естественно, ни о каких контрольных функциях в Положении речь не шла. На следующий день Совет министров утвердил Положение о Государственном экономическом совещании. В его состав должны были входить председатель, министры военный, морской, торговли и промышленности, финансов, снабжения и продовольствия, путей сообщения, труда, земледелия, внутренних дел, иностранных дел; государственный контролёр, начальник штаба верховного главнокомандующего; пять человек, избираемых Всероссийским советом съездов торговли и промышленности; пять человек, избираемых Советом всесибирских кооперативных съездов, в том числе не менее трёх человек от центральных кооперативных объединений; два представителя центрального союза профессиональных организаций, в том числе одного – от железнодорожных служащих; не свыше 20 представителей земских и городских самоуправлений; два представителя Совета частных банков; представитель Московского народного банка; два представителя от сельскохозяйственного общества; два представителя от Общества сибирских инженеров: по одному от томского и иркутского его отделений; представитель Центрального военно-промышленного комитета; четверо – от Оренбургского, Уральского, Сибирского и Забайкальского казачьих войсковых правительств; представители науки и другие лица, назначенные верховным правителем по представлению председателя экономического совещания. Председатель совещания по должности входил в Состав министров [18].

Совершенно очевидно, что подобное громоздкое учреждение не могло не только эффективно действовать, но даже собираться в полном составе. Поэтому особой активности совещание не проявляло, и лишь через 3 недели приняли решение, касающееся упорядочения перевозки грузов. Оно предполагало следующие мероприятия: 1) уполномочить представителя ставки и представителя министерства торговли и промышленности дискретно решать вопросы о реквизиции или освобождении от неё грузов; 2) поручить этим лицам направлять в первую очередь грузы, необходимые для армии, как добровольно сданные, так и реквизируемые; 3) предоставить им право делать распоряжения о продвижении грузов во внеочередном порядке; 4) образовать в Новониколаевске оценочную и распределительную комиссию и 5) признать желательным, чтобы контрольная комиссия не прикреплялась к одному определённому месту [19].

Это – характерный образец никого и ни к чему не обязывающего решения. Омская правительственная и кадетская пресса в июне и июле широко освещала созыв и деятельность Государственного экономического совещания. 15 июня омская кадетская газета разъясняла:

– В силу положения своего, одобренного Советом министров и утверждённого верховным правителем, экономическое совещание впредь становится как бы руководителем экономической жизни государства. Значительно пополнен состав членов совещания представителями земств, городов, кооперативных групп и промышленности. Значительно расширены права его. Помимо обычных обсуждений различных экономических законопроектов министерств совещанию предоставлена известная инициатива в возбуждении тех или иных вопросов перед верховной властью, направленных к улучшению экономического положения России [20].

Торжественное открытие совещания было намечено на 19 июня. Новыми членами этого совещания от земских и городских самоуправлений и вузов был председатель Акмолинского областного земского собрания Марковский, председатель Акмолинской областной земской управы Парунин, гласный Красноярской думы и бывший член III и IV Государственных дум Востротин, профессор Иркутского университета Покровский, профессор Пермского университета Поленов, профессор Томского технологического института Лебедев, бывший член III и IV Государственных дум Виноградов и гласный Читинской городской думы Курковский [21].

На открытии совещания с вступительной речью выступил А.В.Колчак. Он объявил о том, что по его инициативе в состав совещания были привлечены представители земств и городов, казачества, кооперации, торговых и промышленных кругов, вузов, правительства, Совета министров. Далее он разъяснил собравшимся, что им предстоит делать: найти источники, чтобы обеспечить вооружением, обмундированием и продовольствием действующую армию; наполнить бюджет, а, кроме того, разобраться с оплатой труда, предложить решение земельного вопроса. В заключение верховный правитель выразил уверенность, что “Государственное экономическое совещание, усиленное представителями общественности, поможет правительству в его тяжком труде по управлению государством и по созданию и укреплению государственности на родине нашей, и его работа будет протекать дружно, в полной связи и солидарности с правительством” [22].

Следом выступили Г.К.Гинс и П.В.Вологодский. Первый объявил, что их задача чисто техническая, а вовсе не обсуждение правильности или неправильности того или иного направления экономической политики, которую проводит правительство. Он разъяснил:

– В созыве совещания есть факт высокой политической важности. Но в самой работе совещания исключительно деловой, со стороны быть может скучной, – волнующей политики будет немного. Совсем не будет в работе совещания партийного духа. Переживаемая эпоха, переходный период, напряжённая борьба требуют отрешения от партийности. В такое время сильны только национальные лозунги, способные объединить всё общество, понятные всему народу. Беспартийна власть, беспартийно и Государственное экономическое совещание. В нём будет предлагаться и приниматься только то, что отвечает интересам всего государства [23].

Вологодский же, предупреждая возможные упрёки в том, что совещание вовсе не является парламентом, пояснил:

– Установленный положением Государственного экономического совещания порядок избрания и назначения членов его от земств и городов не вызван мотивами недоверия нашего к земским людям. Правительству необходимо было в условиях современной государственной работы, напряжённой, лихорадочной и спешной, создать деловой аппарат, работоспособный, быстродействующий, не громоздкий. Допустив прямые выборы, мы имели бы учреждение многолюдное, и работа не могла бы носить характера той спешности,

какие требуются задачами современного государственного строительства [24].

Все эти заверения и уверения были лишь некоторым выражением внешнего приличия. Истинное отношение правящих кругов к этому учреждению отразил В.Н.Пепеляев. В дневнике 19 июня он записал:

– Открытие Государственного экономического совещания. Непродуманность, с одной стороны, и никчемность, с другой [25].

Тем не менее совещание приступило к своей деятельности и выявило все те противоречия, которые существовали внутри правящей группировки. Вот 23 июня выступает с длинной и малоконкретной речью министр земледелия Петров и признаёт, что “невозможность осуществления свободной конкуренции русских товаров с дешёвыми заграничными товарами вынуждает правительство держаться и впредь покровительства таможенной системы по ввозу продуктов потребления и всеми мерами содействовать ввозу средств производства”. А в итоге он предлагает следующее: “Быстрое восстановление хозяйственной мощи в настоящее время возможно лишь при условии активной финансовой помощи союзников <...> В области торговли настоящей потребностью является возможное раскрепощение внутреннего товарообмена и урегулирование внешнего” [26].

С резкой критикой этого доклада выступил бывший управляющий министерством торговли и промышленности Н.Н.Щукин:

– Если правительство пойдёт по пути промышленности, оно найдёт спасение. Это единственный верный путь к разрешению злосчастного экономического вопроса. Было бы странно и страшно идти правительству по земельному пути, а не по пути промышленности, особенно здесь, на территории Сибири <...> Доклад министра Петрова совершенно не даёт ничего конкретного. Доклад его нельзя ни отвергать, ни одобрить, его нужно просто изменить [27].

Министр труда Шумиловский попытался привлечь внимание к проблемам материального обеспечения рабочих, поднятия производительности труда, заработной минимума, изменения системы оплаты труда, восстановления профессиональных союзов, и даже к поднятию “психической самодеятельности рабочих”. Как он разъяснил:

– Государство может физически сломить активное сопротивление, но оно не может справиться с пассивным сопротивлением, оно бессильно против недоверия и отказа от активной поддержки его [28].

В конце концов он признал, что считает конечной целью рабочего движения борьбу за социализм. И далее в духе меньшевистских рассуждений он поспешил успокоить собравшихся:

– Чем больше будет развито профессиональное движение, чем организованнее будут рабочие, тем, конечно, будет удобнее им добиваться своих целей и тем более с ними будут считаться <...> Профессиональным движением с социализмом мы не покончим, и я лично кончать с ним не намерен, я знаю, что социализм неразрывно связан с существующим общественным укладом и никакими искусственными средствами вытравить его мы не сможем <...> Нужно постараться только сделать так, чтобы этот социализм был социализмом цивилизованным <...> Задача государственности – пресечь незакономерность, где она проявляется, задача общества – рассеять те неосновательные опасения, то недружелюбие, остатки которого сохраняются, живут и мешают нам работать [29].

Потоком лились нескончаемые речи. А задачи, ради которых было созвано Государственное экономическое совещание, так и не решались. Единственным конкретным решением за две недели непрерывных заседаний можно признать лишь разрешение чехословакам, “непосредственно принимавшим участие в борьбе с большевизмом”, приобретать земельные участки в Сибири и на Дальнем Востоке [30].

Прошёл месяц. Прошло ещё две недели. И вот, в конце июля делегация от экономического совещания отправилась к верховному правителю. Делегация передала Колчаку не то докладную записку, не то челобитную, в которой просила верховную власть объявить о том, что своей конечной целью та видит созыв Учредительного собрания, что Совет министров должен быть “построен как орган внутренне солидарный с определённой демократической программой”, а в управлении “должна соблюдаться закономерность”. Что касается Государственного экономического совещания, то его следует преобразовать в орган, “ведущий всю законодательную работу, с правами контроля, запроса министрам, законодательной инициативы и обязательным прохождением через него законодательных предположений”, при этом выработку положения о нём делегация просила поручить самому экономическому совещанию. Колчак успокоил пришедших, что “насаждение законности и порядка в морально разложившейся среде одними силами только что создаваемого правительственного аппарата есть дело чрезвычайной трудности, и здесь само общество должно прийти на помощь усилиями воссоздания законо-

мерности в своей среде” и разъяснил, что всякую помощь общественности правительство примет с удовлетворением. Так, “Совет министров, который в условиях чрезвычайных содействует верховному правителю в его трудах государственных вот уже восемь месяцев, этим доказал и свою государственную жизнеспособность и внутреннюю солидарность, и наконец то, в какой мере деятельность его отвечает реальным условиям государственного строительства”. Далее он заверил, что проблемой создания общественно-представительного, содействующего законодательной работе органа, он, верховный правитель, занят уже давно и только события на фронте отвлекли его внимание от этой области, и как только обстоятельства военные это позволят, он вернётся к указанной задаче [31].

Но ничего конкретного он не пообещал и не предложил. Так и прекратило свою деятельность Государственное экономическое совещание, ничего фактически не сделав.

Вернёмся к событиям начала мая. 6 мая около полуночи Колчак “отбыл на фронт”, как сообщил омский правительственный офицер, “для общего руководства военными операциями” [32].

Прибыв в Екатеринбург, он отправился на съезд фабрично-заводской промышленности. Вместе с ним прибыл генерал Будберг, который в своей иронической манере описал происходившие там события. Предоставим слово мемуаристу, сократив авторские сентенции:

– 8 мая. Утром прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим Сибирской армией генералом Гайдой; почётный караул от ударного, имени Гайды, полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя <...>

В штабе армии сделан оперативный доклад и прочитаны сводки о ходе действий в Западной армии <...> За оперативной сводкой последовал совершенно абсурдный доклад о развитии наступления безостановочным движением на Москву, куда генерал Пепеляев обещается и обязуется вступить не позже, чем через полтора месяца <...> Было обидно, что адмирал всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву [33].

В своём выступлении на съезде А.В.Колчак, согласно газетному отчёту “очень определённо и ясно наметил программу деятельности съезда, подчёркивая, что заводы должны быть использованы прежде всего для выполнения заказов военных и железнодорожных, так как

последние по своему значению должны быть приравнены к военным”. А.В.Колчак отмечал, что в области положения рабочих должны быть приняты меры экономического характера в смысле улучшения материального снабжения рабочего класса.

Выступивший председатель съезда разъяснил следующее:

– Какие же обязанности лежат на промышленном классе? Первая их обязанность – напрячь все силы к тому, чтобы промышленность производила прежде всего то, что нужно для Российского государства, а не то, что выгодно <...> Вторая обязанность промышленников – ограничить свои требования. Мы видели, что все отрасли промышленности нуждаются в одном и том же. Всех удовлетворить нельзя. И нужно напрячь силы, чтобы ограничиться самым необходимым в требованиях, обходясь собственными силами, где только это можно.

Есть обязанности и права и у правительства. Правители страны – покорные слуги государства и обязаны заниматься попечением о нуждах промышленности, как и о всех остальных видах экономической жизни государства. На первом плане стоит перед правительством обязанность содействия крестьянству и промышленному классу, потому что только эти две силы могут воссоздать экономическую мощь государства [34].

К числу основных пожеланий секций съезда относились решение проблемы снабжения рабочих продовольствием, устранение разрухи железнодорожного транспорта и использования водных путей, выдачи “возможно более широкого кредита” заводам, получающим казённые заказы [35].

Однако надежд на скорое решение проблем не было. Как отмечали современники – генерал А.П.Будберг и Г.К.Гинс, заказы распределялись среди мошенников и спекулянтов, а большие заводы их не получили; миллионные авансы были пущены в спекулятивную торговлю, а об исполнении заказов не думал почти никто [36].

Проведя осмотр войскам и отобедав в особняке у Гайды, адмирал отправился в Уфу, где, как сообщили газеты, ему передали на нужды армии следующие суммы: женский союз – 10 тыс. руб., союз торговли и промышленности – 250 тыс., еврейская община – 100 тыс. руб. [37].

Естественно, что ни смотры войск и сбор денег интересовали Колчака. Проблема была, как отмечали многие современники, во взаимоотношениях между Западной и Сибирской армиями [38]. А также то, о чём мемуаристы из белого лагеря предпочитали не го-

ворить – в конце апреля на уфимском направлении стал намечаться перелом в пользу Красной Армии. Хотя на этом участке белые армии располагали ещё достаточными силами, однако им пришлось для закрытия промежутка между III и IV корпусами направить в район Белебея из сибирского тыла свой последний резерв – дивизии корпуса Каппеля. Южная группа Красной Армии тем временем успешно отбила попытку белых взять Оренбург и не дала повести наступление после взятия белыми города Александров-Гай. Манёвр Южной группы приводил к тому, что главные силы генерала Ханжина могли быть отрезаны от Уфы. В то же время на северном направлении наступательная инициатива была полностью в руках белых. Однако было очевидно, что успех на Каме для белых мог быть только тактическим, в то время как потеря Уфы могла обернуться серьёзным стратегическим проигрышем.

И вот, вернувшись в Омск, адмирал Колчак приступил к реформе военного управления. 23 мая военный министр генерал-лейтенант Н.А.Степанов был уволен от занимаемой должности, а в эту должность вступил генерал-майор Д.А.Лебедев, оставшийся одновременно начальником штаба верховного главнокомандующего. В этот же день указом Колчака генерал-лейтенант А.П.Будберг был назначен помощником начальника штаба и военного министра с правами заместителя военного министра по управлению военным министерством [39].

А.П.Будберг записал 23 мая в дневнике:

– Ставка и военное министерство пребывают уже два дня в состоянии полного хаоса. Смелые реформаторы, начав свою перекройку, залезли в такие безысходные практические трущобы и встретились с такими неожиданностями, что совершенно растерялись <...> Их легкомыслие дошло до того, что решили выполнить все реформы в три дня, после чего сразу зажить по-новому [40].

Тем временем с театра боевых действий продолжали поступать нерадостные известия. 25 мая В.Н.Пепеляев записал в дневнике, что положение у А.Н.Пепеляева тяжёлое, идут встречные бои, сопротивление не сломлено пока только на фронте Сибирской армии [41].

Следующий день принёс другой неприятный сюрприз – Колчак получил телеграмму генерала Гайды с ультиматумом против действий Лебедева и его “безумных директив” с угрозой отвести войска. Колчаку пришлось вновь самому “выезжать на фронт”, чтобы отстранить Гайду от командования армией [42].

Помимо армейский проблем и поездок адмирала “на фронт” следует отметить три важных факта, характеризующих суть колчаковской внутренней политики в этот период. Во-первых, это попытка с помощью казачества решить проблему, которая обозначилась в связи с наступлением Южной группы Красной Армии. В “Грамоте русского правительства казачьим войскам” 1 мая 1919 г. А.В.Колчак разъяснял:

– Российское казачество, всегда служившее твёрдой опорой государственности, своею грудью на протяжении многовековой истории нашего отечества самоотверженно прокладываящее дорогу к расширению границ государства и крепко защищающее эти границы от внешних врагов, ограждая тем возможность народу русскому устраивать и развивать свою государственную жизнь <...> Ближайшей задачей русского правительства будет издание закона, гарантирующего: 1) сохранение установившихся на землях казачьих войск основ войскового самоуправления, заключающихся в праве выбора войсковых кругов, войсковых атаманов, войсковых правлений и самостоятельности в пределах закона, решения всех вопросов внутренней жизни и управления; 2) неприкосновенность занимаемых казачьих войсковых земель и прав их на владение и распоряжение этими землями [43].

Через некоторое время указом верховного правителя командующий Оренбургской отдельной армией войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и главный начальник Южно-Уральского края генерал-лейтенант А.И.Дутов был назначен походным атаманом всех казачьих войск и генерал-инспектором кавалерии русской армии с оставлением в должности войскового атамана Оренбургского казачьего войска [44].

Второй комплекс мер относился к “борьбе с большевизмом” в тылу. Особая междуведомственная комиссия разработала и представила в министерство юстиции проект, который предполагал упростить расследование преступлений, “совершённых в целях осуществления большевистского бунта”. При этом расследование возлагалось на уполномоченного министерства внутренних дел и особые следственные комиссии, а вынесение приговоров с правом применения наказаний – “особым присутствиям” из трёх лиц: одного штаб-офицера по назначению начальника гарнизона, одного лица, занимающего должность V или VI класса по ведомству министерства внутренних дел, по назначению управляющего губернией и председателя присутствия – одного из членов окружной следственной ко-

миссии. Такое “особое присутствие” могло назначать наказания до каторжных работ без срока включительно. Таким образом, дела “о большевистских бунтах” и в стадии следствия и в стадии разрешения изымались из ведения судебных учреждений [45].

Естественно, что и без этого проекта колчаковский режим расправлялся с “большевиками” самым суровым и беспощадным образом, однако появление подобного проекта означало, что даже внешний декор “законности” отбрасывался как ненужный и устаревший хлам.

Следом В.Н.Пепеляевым был представлен на утверждение законопроект об административной ссылке политически неблагонадёжных лиц. В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что “слагающаяся обстановка государственного строительства требует безусловной изоляции опасных для государства лиц”, а практиковавшийся до сего времени “способ изоляции размещением таких лиц в местах заключения, по мнению министерства, является крайне недостаточным, так как большое скопление в местах заключения враждебно настроенных государству лиц, в особенности в прифронтной полосе и на освобождённой от большевиков территории представляет серьёзную опасность, в случае возникновения беспорядков в прилегающих к тюрьмам крупных городах и селениях” [46].

Таким образом, колчаковское правительство всё явственнее браво курс на ужесточение репрессий против своих противников.

Третьим важным направлением деятельности колчаковского правительства в этот период стала показательная активность вокруг созыва “Всероссийского представительного собрания”. 16 мая А.В.Колчак подписал указ, которым требовал от комиссии по разработке положения о Всероссийском представительном собрании приступить к работе с 18 мая. Председателем этой комиссии был назначен А.С.Белевский (Белоруссов), товарищем председателя – управляющий межевой частью министерства земледелия Н.Н.Козьмин с оставлением в занимаемой должности. Членами комиссии были назначены и.о. экстраординарных профессоров Пермского университета И.А.Антропов и М.С.Венецианов, сенатор уголовного кассационного департамента Сената ординарный профессор Томского университета С.П.Мокринский, член совета министра юстиции ординарный профессор Томского университета В.А.Резановский, юриконсульт министерства юстиции Д.М.Эбулдин, и.о. начальника законодательного управления профессор Николаевской морской академии капитан 1-го ранга М.В.Казимиров [47].

Председатель комиссии А.С.Белоруссов-Белевский в интервью омским газетам разъяснял:

– Создаваемое представительное собрание учредительного характера будет и по силе вещей не может быть ничем иным как полномочным учредительным собранием с неограниченной компетенцией по вопросам политическим и социально-экономическим. Оно будет призвано установить государственный и социальный порядок новой России, ввести обновлённое государство российское в мировую семью народов в качестве равноправного члена и обеспечить ей там достойное место <...> По своему составу оно будет организованным представительством всей нации как культурно-исторического образования, не давая преимуществ ни одной национальности, ни одному общественному классу или одной общественной группе лиц, но и не исключая ни одной из них [48].

Верил ли он в то, о чём говорил, судить трудно. Однако в той же статье он всё же признал, что “это учредительное собрание должно быть национальным <...> оно будет чуждо интернационалистическим, а тем более классово-интернационалистическим тенденциям” [49].

Замысел колчаковского правительства не сразу стал понятен не только “широким массам”, но даже и правящим кругам. Так, омская газета “Друг армии и народа” отразила надежды и иллюзии части демократично настроенного офицерства, написав о работе этой комиссии. В газете сообщалось:

– Начало подготовительных работ по созыву представительного собрания должно положить конец и всякого рода толкам со стороны некоторых кругов о реакционности настоящей власти, о её стремлении повернуть колесо истории назад <...> Нельзя не приветствовать такую истинно демократическую постановку дела. Ещё раз пожелаем успеха в начинаемой работе и выразим уверенность, что принятые меры к открытию Учредительного собрания ещё более ускорят окончание нашей борьбы с большевизмом [50].

Однако омская кадетская газета тут же разъяснила, что ни о каком Учредительном собрании не следует даже и мечтать. Вот что писала газета:

– Опять начинается старая волынка о четырёххвостке, как будто дующие в эту волынку действительно всё позабыли и ничему не научились. Ну, пусть будет так, пусть жизнь не внесёт нужных поправок в устройство учредительного органа, и что же мы получим. Съедутся опять куда-нибудь всеобщие, прямые, равные и тайные

депутаты, будут хлопать и шикать, а работать будет всё равно лишь небольшая их часть. Как ни вертись, а придётся прийти к комиссионному или единоличному устройству государственной жизни [51].

К началу июня положение на фронте ухудшилось: западный фронт белой армии стал сдвигаться назад на восток. Пытаясь замаскировать события на фронте, колчаковская армейская газета писала:

– Положение на фронтах советских войск явно безнадёжно. Сняв все свои лучшие преимущественно не русские по составу части со всех фронтов, большевики бросили их на южную часть восточного фронта, чтобы предупредить ожидавшийся разгром. Временно им это удалось, удалось даже отодвинуть довольно значительно нашу группу войск, оперирующую в этом районе, назад. Но какой ценой? Ослабив свои западный и южный фронты, они стали терпеть здесь поражение за поражением. Взяты Рига, Двинск, Ямбург. Псков объявлен на осадном положении; генерал Юденич уже подходит к самому Петрограду. На юге в Кубанском районе удар за ударом наносит красным генерал Деникин; в пределах Украины грандиозные восстания Григорьева и его единомышленников. Вся эта картина, схваченная в целом, заставляет, признавая наши частные неудачи, с полной верой бодро смотреть в даль будущего, ожидая в ближайшее время последнего рокового перелома военного счастья, на минуту как будто улыбнувшегося красным на одном из частей их необъятного фронта, окружающего совдепию смыкающимся кольцом [52].

Гайда, которого Колчак отправился отстранять от командования, всё же удержался и продолжил командовать Сибирской армией. Однако положение было таково, что он приказал генералу А.Н.Пепеляеву отойти на левом фланге. “Положение на фронте весьма тяжёлое, частичная деморализация” – записал в дневнике В.Н.Пепеляев. 18 июня командование Сибирской и Западной армиями было передано генерал-лейтенанту М.К.Дитерихсу [53].

М.К.Дитерихс сразу же направил письмо А.В.Колчаку, в котором сообщил о “глубоком моральном разложении”, “временно охватившим Сибирскую армию”: солдаты требовали созыва Учредительного собрания. Передавая это письмо А.Н.Пепеляеву, Колчак напомнил ему, что подобное разложение армии было при Керенском, и разъяснил, что созыв Учредительного собрания будет губелен для страны, это будет “победа эсеровщины”, которая при Керенском довела страну до большевизма. Колчак заверял его, что соби-

рается твёрдо вести страну по пути, по которому он и Деникин её ведут, а другого выхода нет [54].

20 июня В.Н.Пепеляев записал в дневнике:

– Мы по всему фронту отходим на север без давления противника. Деникин прекрасно наступает. У Юденича нет подкреплений [55].

В это время Деникин объявил о том, что он признаёт Колчака “главою российского государства”. В ответ Деникин был назначен заместителем верховного главнокомандующего. Омская кадетская газета разъясняла:

– Тем большее значение должно иметь включение в состав фронта армий верховного правителя обширного района, занимаемого армиями генерала Деникина. Оно окончательно замыкает то истине страшное огненное кольцо, которое охватывает всё ту же обречённых на гибель большевиков. Отныне существуют неразрозненные отделения армии, преследующие одну ближайшую цель. Отныне создаётся единый, крепкий и сильный, руководимый единой волей фронт всероссийской армии. Не касаясь политического и морального значения этого факта, нельзя не видеть, что чисто военное значение его огромно [56].

Однако это не улучшило ситуацию на западном фронте колчаковских армий. Более того, начавшаяся мобилизация в Пермской и Уфимской губерниях ещё больше ослабила белую армию, влив в неё тот элемент, который не желал воевать против красных, впрочем, не желавший воевать вовсе. В ближайшем к фронту тылу настроение также было не в пользу колчаковского режима. Вот что 23 июня доносили информаторы о настроениях омичей:

– Карьеристы, политики, политически “бесцветные” маленькие чиновники (почтальоны, прислуга государственных учреждений и т.д.) симпатизируют зачастую большевикам. Чиновники в общей массе послушны по отношению к правительству адмирала Колчака, правительственным распоряжениям, к “курсу” политики вообще... Нарекуют на дороговизну, виновниками коей считают союзников и спекулянтов.

Железнодорожники недовольны... Они агрессивно-враждебно настроены против правительства и решили стараться всеми силами (поскольку это возможно) свергнуть существующий государственный строй; в настоящее время, как сами сознают они, – обезоружены правительственными властями, но надеются <...> что придёт час, когда они, быть может, используют временную оплошность прави-

тельства и тогда рабочие возьмут вообще власть в свои руки, или же успеют хотя бы только отомстить правительству за гонения [57].

29 июня Колчак вновь неожиданно выехал на фронт.

2.2. Правящая партия и оппозиция

Положение политических партий в Сибири в марте – июне не изменилось по сравнению с предшествующим периодом. Кадеты по-прежнему оставались правящей партией, хотя в местных органах власти они не везде занимали ведущее место. Их политическая позиция также не изменилась. Так, когда в омских общественных кругах возникла идея создания предпарламента, томская газета кадетского направления раскритиковала подобную идею:

– Большинство земских, городских и волостных самоуправлений, избранных ещё при советской власти, состоит если не из явных сторонников покойных Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы, то из тайных доброжелателей этих двух филиальных отделений ЦК ПСР. И неужели омские общественники мечтают о создании предпарламента только для того, чтобы дать возможность господам эсерам, меньшевикам и прочим вновь вести пропаганду против существующей власти уже не на страницах газет, а на заседании государственного учреждения? <...> Власть занята сейчас слишком ответственной заботой, у неё много тайных и явных врагов, всё это должно заставить сторонников власти быть более осмотрительными и не нарушать правильного хода работ власти [1].

В конце марта газета вновь вернулась к этой теме и уже открыто заявила следующее:

– Примеры разного рода “предпарламентов” и “немедленных” учредилок до сих пор перед глазами русского общества; все отлично знают, на что способны такие рано испечённые младенцы, и симпатии общества, конечно, не на стороне экспериментаторов. Нам нужна, прежде всего, победа над большевиками и черновцами, которая даст нам государство, а затем уже в нём мы сможем заниматься реформами. Попытки же разного рода деятелей сейчас осуществить всю программу демократической внутренней политики приведут только к тому позорному отступлению, которое в своё время создали Комуч и Директория. России нужна в данное время единоличная, твёрдая и честная власть, а не митингующие собрания [2].

Кадеты также отмечали ограниченность помощи бывших союзников по Антанте. Так, томская газета кадетского направления отмечала:

– Союзники, оказывая нам большую помощь техническими средствами, людей для боя не дадут. Да это и не вызывается необходимостью. Людей у нас больше, чем достаточно. Было бы даже странно, если бы за освобождение России дрались не мы, русские, а французы и англичане. Мы бедны средствами, и их союзники нам охотно предоставляют. Следовательно, остановка только за нами <...> Пора безделья и выжидания прошла. Кто в такую ответственную минуту жизни возрождения страны не с армией, тот против самой идеи патриотизма, государственности и порядочности. Все должны знать, что или мы, или большевики. Другого выхода нет: наша победа обеспечивает торжество свободе и культуре – успехи красных вновь ввергнут Россию в бездну анархии и распада [3].

В одном из последующих номеров газета вновь обратилась к этой теме:

– Русское общество всё продолжало и продолжает искать помощь у иностранцев, продолжает искать ориентацию английскую, японскую, американскую. Приемлемых положений может быть несколько – все эти ориентации являлись более или менее приемлемыми в стремлении к освобождению родины от немецко-большевистского засилья, но правильное положение может быть только одно, и об этой единственно правильной ориентации – ориентации на Россию – русские люди забыли <...> Россия была великой державой, с ней считались <...> Если русские люди все свои силы направят на поддержку России, то Россия в скором времени снова станет великой державой [4].

Помимо большевиков кадеты считали своими врагами мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков. Так, когда в Омске стало известно обращение РСДРП за соглашение европейских стран с Советским правительством омская кадетская газета возмущалась:

– Как ни старались меньшевики идейно отмежеваться от большевизма, с первых же дней революции было ясно, что как русский большевизм, так и русский меньшевизм в основе своей явление одного и того же порядка. Теоретически признавая русскую революцию “буржуазно-политической”, отказываясь признать за ней революцию социальной, меньшевики с первого же дня революции создали наряду с Временным правительством чисто классовую организацию – пресловутые совдепы, которые и до появления в них больше-

виков считали себя носителями высшей государственной власти и только для приличия, временно, “постольку-поскольку” признавали коалиционность Временного правительства. Идеологически между большевиками и меньшевиками нет большой разницы. Как те, так и другие – люди, лишённые живого чувства и мысли, думающие и рассуждающие по трафарету [5].

Однако кадеты признавали необходимость тактических соглашений с теми мелкобуржуазными партиями, которые выступали за поддержку колчаковского правительства. После создания в Омске и Екатеринбурге блоков аналогичное объединение возникло в Иркутске. 13 апреля на общем собрании иркутской кадетской организации обсуждалось отношение к блоку. Председатель собрания заявил, что поскольку участники блока – областники и “Единство” выступают за “воссоздание государственности”, то с ними необходимо действовать вместе, влияя не только на центр, но и на окраины. 16 апреля на совместном собрании иркутской организации кадетов, областников и “Единства” было решено “активно поддерживать государственную власть, стремящуюся к возрождению России и созыву Национального собрания, но не заниматься только одобрением правительственной деятельности”. Блок считал необходимым «вернуть России подобающее ей место среди великих держав, которого её лишила “пятёрка”, отказав в представительстве на мирной конференции» [6].

С 15 по 22 мая в Омске проходила III конференция ПНС. Приветствуя делегатов от имени Восточного отдела ЦК глава пропагандистского аппарата омского правительства А.К.Клафтон подчеркнул:

– Итак, основная наша задача прежде всего – уничтожение военной силы большевизма, и поэтому всё остальное должно быть подчинено этой главной военной цели. Но мы должны отдать себе отчёт в другой, более высшей государственной цели, ради которой мы боремся, – мы должны уничтожить силу врага для того, чтобы иметь возможность возродить в России новое правовое государство, покоящееся на началах национальной демократии [7].

С обращением к участникам конференции выступил верховный правитель А.В.Колчак. Он подчеркнул:

– Отмечаю правильность путей, избранных партией, искони и неизменно государственной, которые сближают и объединяют её с другими государственно-мыслящими организациями. Верю, что партия народной свободы, руководимая такими стремлениями, и впредь будет неустанно содействовать мне в работе моей по воссоз-

данию правового государства на основах национально-демократических и политических, в формах, устанавливаемых свободным волеизъявлением народа [8].

В резолюции о тактике, принятой конференцией, заявлялось о приверженности “демократии”; разъяснялось, что “суровые военные или полувойенные меры” – это временное явление, характерное для “переходного времени”, но и в этом случае для “военных и полувойенных исключительных учреждений должны быть установлены законом точные пределы власти”. Отрицая необходимость “законодательного, законосовещательного или законоподготовительного” учреждения, кадеты предлагали создать особый совет при верховном правителе “из лиц, им назначенных, но не приобретающих этим никакого особого служебного положения”. Впредь до новых выборов земские и городские управы должны были назначаться правительством “из общественных деятелей”, администрация наделялась правом роспуска городских дум и земских собраний. Что касается экономической политики, то помимо общих фраз об улучшении материального обеспечения трудящихся, заявлялось главное – “восстановление в полном объеме свободы торговли, поскольку она чужда спекуляции”. Два последних пункта резолюции провозглашали “верховенство русской культуры, как великого исторического государственного связующего начала” и заботу о православной церкви, “исконной верной хранительнице исторического бытия и духовного лика России” [9].

Что касается внешней политики, то кадетская конференция признавала, что “лишь в тесном единстве с коалицией союзных и дружественных держав, возглавляемых передовыми западными демократиями, возможно доведение до конца дела возрождения великой единой России”. Кадеты объявили колчаковское правительство “правомочным правительством России”, которое должно уничтожить оставшегося после сокрушения германизма “активного врага всего человечества” – большевизм [10].

На конференции был избран Восточный отдел ЦК ПНС. В него вошли Е.П.Березовский, А.К.Клафтон, Н.В.Устрялов, В.А.Кудрявцев, В.А.Жардецкий, С.С.Неустроев, А.И.Коробов, С.П.Мокринский, А.Ф.Бонч-Осмоловский, В.Ф.Иванов, А.Г.Елшин, Ю.Н.Фармаковский, Я.Л.Белоблоцкий и П.Н.Набоков [11].

Подводя итоги конференции, Н.Устрялов разъяснял:

– Партия народной свободы переживает ныне один из интереснейших и знаменательнейших моментов своей истории – она окон-

чательно выходит из состояния оппозиции и становится партией правительственной по существу. Никогда её связь с властью не была так тесна, так неразрывна, как сейчас. Это не значит, конечно, что правительство обрело партийную кадетскую окраску – все знают, что власть верховного правителя и по форме и по существу беспартийна, вернее, сверх партийна. Это не значит также, что партия народной свободы формально связала себя с Советом министров через своих членов, входящих в его состав. Они в него входят не как официальные представители партии, а персонально, и в своей деятельности отнюдь не руководствуются партийными директивами. Нет, связь партии с правящей властью глубже, своеобразнее, принципиальнее. Она – в основном устремлении творческой работы. Она – не только в общности целей и задач, но и в одинаковом понимании средств и путей их реального осуществления [12].

Кадеты, как отмечалось в предыдущей главе, лозунг монархии из программного сделали тактическим. Однако в Сибири весной 1919 г. проявили себя и другие организации, которые открыто провозглашали необходимость восстановления монархии. Со 2 по 6 апреля в Красноярске проходил съезд представителей конституционно-монархической партии. Были представлены крупные центры Восточной и Западной Сибири, а также Урала и освобождённых городов Поволжья. Постановления съезда не разглашались [13].

Вот что сообщал 6 мая начальник иркутского управления государственной охраны в министерство внутренних дел:

– Сильно развивается в Иркутске вновь организованное “Славянское общество” под председательством сенатора Стравинского. Общество насчитывает уже около 1 000 членов, и собрано до 150 тыс. рублей <...> Направление работы “Славянского общества” определено правое, по уставу в него не принимаются иудеи <...> Во вторник 6 мая в Иркутске возобновило свою работу после двухлетнего вынужденного молчания “Русское собрание” – организация “истинно русских людей” [14].

В следующей сводке 20 мая управляющий Иркутской губернии сообщил в министерство внутренних дел дополнительные подробности:

– Ломакин, начальник иркутского штаба семёновщины, после произведённого у него обыска, при котором были обнаружены хоругвь, предполагающаяся к подношению Семёнову, и портреты самого атамана, снова развивает свою деятельность. Им совместно с поверенным Разумовским <...> присяжным поверенным Лабезнико-

вым <...> и статским советником Кульчицким <...> организуется “Славянское общество”, предполагающее возродить под новой фирмой старую сущность Союза русского народа [15].

18 мая профессор Аносов опубликовал в новониколаевской кадетской газете “Русская речь” длинную и путаную статью “Возможна ли в России монархия”. Он доказывал, что социалисты и республиканцы провалились, а вокруг Николая II складывается ореол мученика. Деятели “Российской республики” дискредитировали себя – “эти новоявленные грабители, предатели и прочие люди основательно затмили самые славные в этом отношении имена царского периода”. «Мы можем, – заключал Аносов, – кажется, *sine ira et studio*, признать, что почва для реставрации монархии у нас взрыхлена достаточно. Легко, конечно, сказать: “Россия должна быть республикой и будет ею” – но сделать это будет значительно труднее. Но, во всяком случае, теперь шансы монархии стоят выше, чем в 1917 г. – и это сделали господа социалисты, большевики, коммунисты, анархисты – вкуче и влюбое с республиканцами “кадетами” временных правительств» [16].

К лагерю системной оппозиции принадлежали эсеры и меньшевики. Общность экономической программы кадетов и мелкобуржуазных партий отмечалась в предыдущей главе. Однако кадеты считали, что с ними также необходимо вести борьбу, поскольку их деятельность неизбежно ведёт к “большевизму”. Вот что отмечал профессор Аносов в статье “Большевизм и эсеры”, критикуя заявление Вольского о поддержке большевиков:

– Сеявшие ветер – пожали бурю. Неоднократно приходилось мне говорить – ещё в эпохе славы социалистов-революционеров и Керенского, что эта братия укатывает дорожку для большевиков [17].

Об этом же сообщил 9 апреля управляющий Иркутской губернией в департамент милиции министерства внутренних дел:

– Эсеры, городская конференция которых только что закончилась, имеют два направления, преобладающее стоит за продолжение борьбы за власть, другое, незначительное, готово отказаться от этого пути и начать организационную работу среди демократии. Оба они, конечно, враждебны правительству и если активно свою позицию не выявляют, то благодаря отсутствию прочной руководящей партийной ячейки <...> Влияние эсеров среди рабочих восстанавливается. Социал-демократы меньшевики вынесли постановление о прекращении вооружённой борьбы против большевиков и защите интере-

сов демократии против реакции и о борьбе против иностранного вмешательства [18].

Сами же эсеры провозглашали тактику борьбы на два фронта. Так, уральская мелкобуржуазная газета разъясняла:

– Теперь же для демократии, одинаково не приемлющей как левый, так и правый большевизм, положение осложнилось до чрезвычайности. Демократические организации, демократическое мнение встречает недоверчивое, зачастую враждебное отношение с левого и правого флангов. Левый большевизм видит в этой демократии скрытого контрреволюционера, саботажника, “прихвостня буржуазии”. Большевизм же справа во всякой демократической организации, во всякой попытке борьбы за демократизм готов усмотреть скрытого большевика, и демократия подвергается обстрелу с обоих флангов. Подобное положение несомненно должно внести и действительно внесло некоторую сумятицу и растерянность в ряды демократии <...> Задачей момента истинной демократии в её теперешнем положении является выправление своей линии поведения и нахождение пути из создавшегося тупика. Таким путём, единственно правильным, может быть только одно – это самостоятельная политика, самостоятельная борьба на два фронта, как с правым, так и с левым большевизмом. Как ни тяжело такое положение, но оно единственное, не приводящее к самоуничтожению демократии [19].

Эта же тактика была закреплена решениями конференции социалистов-революционеров Сибири и Урала, собравшей представителей губернских организаций ПСР (кроме Красноярска) в Иркутске в апреле 1919 г. В резолюции “По текущему моменту и тактике партии” делегаты признали, что находящиеся у власти политические режимы не в состоянии остановить “прогрессирующее расстройство хозяйственной жизни” и “политический распад” страны. По их мнению, антидемократическая политика Советской власти привела к политическому развалу и экономическому разложению всех слоёв населения, другие политические режимы привели к восстановлению дореволюционных порядков, “лишающих трудовые массы экономических и политических завоеваний Февральской революции”. Поэтому неотложной задачей ПСР должно было стать “восстановление политического и экономического единства России” на основе народовластия и воссоздания демократической России, соединяющей все федеративные части на федеративных началах. Была поддержана линия ЦК ПСР борьбы на два фронта: против “реакции справа” (в лице колчаковского режима) и против “диктатуры слева” (большеви-

ской власти). В качестве основных задач провозглашалась борьба за Учредительное собрание. Было высказано отрицательное отношение к иностранной интервенции и коалиции с буржуазными партиями [20].

К сожалению, до нас не дошло решение Сибирской конференции партийных организаций социалистов-революционеров, проходившей в конце апреля 1919 г. в Новониколаевске. Однако по сведениям департамента милиции делегаты этой конференции решили “немедленно приступить к самой интенсивной работе по подготовке государственного переворота” [21].

Тактика Сибирско-Уральской и Сибирской конференций партии социалистов-революционеров разделялась не всеми эсерами. С критикой краевого комитета ПСР выступили П.Я.Михайлов, М.Я.Линдберг, Б.Д.Марков. Не соглашаясь с его тактической линией, они приступили к созданию самостоятельной политической организации, позже получившей название “Сибирский союз социалистов-революционеров”. Вот что сообщал 4 апреля директор департамента милиции министерства внутренних дел всем управляющим губерниями:

– Агентурным освещением деятельности ПСР выяснено, что в краевом комитете партии произошло расхождение во взглядах на ближайшие современные задачи, а именно: 1) одна группа стоит за захват инициативы от большевиков по части восстаний, дабы можно было повести их под флагом борьбы за Учредительное собрание, а не за Советскую власть; 2) другая группа против всяких восстаний, так как придать им массовый, стихийный характер не удастся, а, следовательно, успеха эти восстания иметь не будут и только усилят реакцию; 3) третья группа (неофициальная), не зависящая от крайкома, с террористическими тенденциями. Краевой комитет ПСР вёл соглашательские переговоры с делегатом большевиков Б.Шумяцким, временно проживающим в Томске, занимающим у большевиков крайнюю правую, которая во главе с Лениным считает разгон Учредительного собрания единственной ошибкой Советской власти [22].

Процесс распада и размежевания эсеровских организаций не остался незамеченным. Так, омская газета “Наша заря” злобно комментировала:

– В газетах начинают мелькать известия о фактах “самороспуска” местных эсеровских комитетов <...> Самороспуск партии, хотя бы и частичный – ведь это, по всем естественно логическим сообра-

жениям, открытое признание партии в своём разложении, политическом банкротстве! Неужели действительно партия начинает сознавать себя “мартовским” снегом, тающим неудержимо под лучами весеннего солнца возрождения государственности России? <...> С широкой общественной точки зрения такие факты полны глубокого смысла. Ведь это – такой яркий симптом перелома в общественном сознании, такой показатель отрезвления национальной мысли! [23].

6 мая начальник иркутского управления государственной охраны сообщил в министерство внутренних дел, что иркутский комитет ПСР постановлением 16 апреля объявил все эсеровские организации распущенными [24].

Через две недели управляющий Иркутской губернией в докладе в министерство внутренних дел констатировал:

– После долгих колебаний и внутренней борьбы эсеры ушли, наконец, в подполье <...> С уходом в подполье замечается усиление левого крыла организации, стоящего за соглашение с большевиками, которое особенно ярко сказалось в попытке организовать предвыборный социалистический блок <...> В местной жизни социалистов-революционеров не видно и не слышно, за исключением торжественных случаев, вроде 1 мая; единственное место, где они могли бы выступать, – это Дума, где они составляют большинство, но здесь они так выдохлись, что даже оппонентов не встречают <...> Отношение к верховному правителю, к омскому правительству не только отрицательное, но и враждебное, как к вдохновителю сибирской реакции, проводнику этой реакции в жизнь <...> Участвуют ли иркутские эсеры в крестьянских волнениях Иркутской губернии? На этот вопрос я должен ответить отрицательно – пока нет. Мне было бы известно, если бы шла организация боевых сил, но нет и этого, я, учитывая опыт их борьбы с большевиками, когда во время наших боёв эсеровская дружина сидела по подпольям, полагаю, что и эти боевые силы будут опасны более словоблудием, чем силой [25].

Безусловно, доклад управляющего Иркутской губернией П.Д.Яковлева в прошлом тяготевшем к эсерам, весьма пристрастный. Однако основные тенденции в эсеровской среде он отметил верно.

В июле 1919 г. появились два программных документа, в которых конкурирующие эсеровские организации попытались вновь обозначить и озвучить свои позиции. В “Тезисах о практических задачах Всесибирского объединения ПСР”, выработанных Сибкрай-

комом ПСР, требовалось приступить к изоляции колчаковского режима и ведению подготовительной работы “по собиранию активных сил для непосредственной борьбы за власть”. Членам партии запрещалось занимать административно-политические посты, объявлялся бойкот Государственному экономическому совещанию и комиссии по выработке положения о выборах в Учредительное собрание, но предполагалась работа в органах самоуправления. Членам партии было запрещено участвовать в заговорах и пытаться достигнуть соглашения с большевиками. Предлагалось расширить свою деятельность среди крестьянства, участвовать в стихийно вспыхнувшей стачечной борьбе пролетариата под лозунгами борьбы за народовластие [26].

Программным документом отколовшейся группы эсеров стала декларация “Ко всем социалистам-революционерам”, выпущенная в июле 1919 г. от имени центрального бюро Сибирского союза социалистов-революционеров. В ней группа выступила с критикой ПСР за её попытки коалиции с буржуазией, за откладывание решения основных вопросов до Учредительного собрания. Резко критиковался Всесибирский краевой комитет ПСР за участие в антисоветском восстании и поддержке Временного Сибирского правительства. Основной программной задачей ставилось свержение правительства Колчака и утверждение системы народовластия. Эту борьбу должен вести орган, созданный из членов Учредительного собрания, которые остались верными своему долгу перед избирателями. Не отрицалась необходимость борьбы с большевиками, но в данный момент требовалось прекратить вооружённую борьбу с Советской Россией [27].

Как видим, основным тактическим разногласием между двумя эсеровскими организациями было отношение к борьбе с большевиками – одни требовали её продолжения, другие откладывали её на неопределённое время.

Кроме Сибирского союза социалистов-революционеров действовал образованный в начале 1919 г. из числа членов Учредительного собрания, находившихся на территории Сибири “Сибирский комитет членов Учредительного собрания”. В июле 1919 г. Комитет выпустил обращение “Ко всем гражданам Сибири”, в котором объявил своей целью свержение власти Колчака, организацию выборов в Сибирское Учредительное собрание и проведение референдума для того, чтобы население выбрало между Советами и Учредительным

собранием [28]. Утопичность последнего требования в условиях колчаковского режима особенно очевидна.

Аналогичной тактики придерживались и меньшевики в Сибири. Как отмечал член РСДРП в письме в ЦК, три основные идеи были положены бюро сибирских организаций РСДРП с самого начала его деятельности в феврале 1919 г.: 1) мир с Советской Россией, 2) борьба с интервенцией, 3) создание “единого революционного фронта” при отказе от коалиции “социалистической демократии” с цензовыми элементами [29].

17 апреля ЦК РСДРП приняло следующую резолюцию:

– Успехи Колчака грозят значительно осложнить экономическое положение России и крайне обострить экономический и хозяйственный кризис. Но политически колчаковская реакция сама по себе не представляет такой опасности, с которой не могла бы справиться революция. Поражения Краснова, Деникина и Дутова и происходящее как раз теперь завоевание Крыма и Черноморского побережья, напротив, дают основания надеяться, что задача воссоединения всех областей распавшейся России и окончательное её очищение от вооружённых сил контрреволюции будет в конце концов решена трудящимися классами. Тем не менее, положение, созданное успехами Колчака, очень серьёзно и требует напряжения всех революционных сил для возможно быстрого устранения созданной ими опасности [30].

Задачами РСДРП резолюция ставила:

– 1) Восстановление единства среди пролетариата путём соглашения всех пролетарских партий на основе действительной власти трудящихся <...> 2) Союз пролетариата с крестьянством на началах равноправия для совместной защиты завоеваний революции <...> 4) Решительная борьба против контрреволюции и империализма и содействие Советам и рабочим организациям в их работе по организации вооружённого отпора выступлению Колчака [31].

Однако и среди меньшевистских организаций оказались противники соглашения с большевиками. Так, группа пермских меньшевиков энергично осудила группу Мартова, Абрамовича и других, примкнувших к большевикам. Согласно их заявлению, это есть “узурпаторство воли партии, злоупотребление её именем”, поскольку партия стоит на противоположной точке зрения. Меньшевики Перми в согласии с членами Уральского областного бюро заявили, что считают ликвидацию “большевистской диктатуры” необходи-

мым предварительным условием для экономического и политического возрождения России [32].

Вот что сообщил 20 мая управляющий Иркутской губернией в министерство внутренних дел:

– Большевики и интернационалисты держатся вместе, розни не наблюдается. Призывая к прекращению войны с большевиками, они тем не менее продолжают агитацию против большевиков и на соглашение с ними не пойдут, но и противодействовать им в их антиправительственных мероприятиях не будут. Социал-демократы не прочь сотрудничества с эсерами, но сотрудничество довольно слабое и имеет лишь теоретический интерес <...> Нет ни одного кооператива, ни одного общественного учреждения или даже организации, где бы не было хоть одного социал-демократа [33]

Охарактеризовав деятельность мелкобуржуазных партий в Иркутской губернии, управляющий губернией сделал следующие выводы: 1) все партии находятся в состоянии духовного брожения, какого-то искания; 2) нет ни одной партии, которая имела бы исключительное влияние на общество и была бы настолько сильна, чтобы стать базисом правительства; 3) во всех партиях и группировках или недоверчивое или озлобленное настроение против правительства растёт, и на их поддержку правительству рассчитывать не следует [34].

В конце июня ЦК РСДРП принял очередную резолюцию, в которой объявил о том, что признаёт только те организации РСДРП, которые выступают за борьбу с колчаковской диктатурой и за воссоединение Сибири и Приуралья с Советской Россией. Партийные организации, отвергавшие эту позицию, объявлялись “стоящими вне рамок РСДРП” [35].

Промежуточную позицию между кадетами и эсеро-меньшевистскими группами занимали разнородные партийные организации: народные социалисты, отделения Всероссийского национального союза, “Единство”, областники, разделявшие частично позиции кадетов, частично – мелкобуржуазных партий. Следует отметить, что представители этих групп в разных регионах Сибири выступали с самостоятельных позиций, не будучи объединёнными ни единым центром, ни единой стратегией и тактикой. Они входили в разнообразные блоки с кадетами, расходясь зачастую по тактическим и программным вопросам с партией либеральной буржуазии. Именно к ним в середине марта обратилась омская кадетская газета:

– Есть некоторые группы, которые, будучи лишены реального чутья, забывают, что мы живём в условиях невероятных, до сих пор небывалых в нашей истории, и что осуществление правового строя мыслимо лишь в нормальной обстановке государственного порядка. Эти группы не понимают, что в стране, ещё пребывающей в состоянии анархического разложения, главной задачей власти является борьба с разлагающими элементами и упрочение порядка на первом месте. Осуществление задач правового строя во всей полноте на основе парламентаризма соответственно должно быть отодвинуто до тех пор, пока будут изгнаны большевики из всех местностей России, и когда все разрозненные части русского государства соединятся в одно целое. Теперь всем русским патриотам надлежит помнить, что у них нет иной обязанности, кроме обязанности повиновения власти верховного правителя адмирала А.В.Колчака и нет иного долга, кроме долга перед отечеством и спасающей его армией [36].

И, действительно, характерной чертой этих групп были заявления о необходимости поддержки в той или иной мере Колчака. Так, акмолинское отделение Всероссийского национального союза 16 марта 1919 г. в декларации заявляло:

– Теперь более чем когда-либо необходимо всем преданным и честным патриотам объединиться и сомкнуть ряды вокруг верховного вождя и правителя, чтобы подготовить последний решительный удар большевизму и всем врагам России, чем бы они ни прикрывались [37].

Аналогичные заявления делались отделениями и партиями в других городах белой Сибири. В начале марта комитет Екатеринбургского блока сообщил верховному правителю:

– Комитет образовавшегося вчера в Екатеринбурге национально-блока, объединяющего 12 партий и организаций, имеет честь довести до Вашего сведения принятую им декларацию: <...> призываем <...> политические партии и общественные организации, стремящиеся воссоздать родину на началах права, закона и свободы, вступить с этой целью в объединение и создать единый государственный фронт. Мыслим этот блок распространяющимся на всю Россию. Идея блока, возникнув в Омске и получив дальнейшее развитие в Екатеринбурге, должна будет по мере освобождения России от большевиков распространиться на всю территорию Российской державы и создать прочную опору для творческой работы государственной власти. Власть эта находится ныне в руках адмирала Колчака – героя минувшей войны, своей личностью и своими заявле-

ниями дающего полную гарантию просвещённого и истинного понимания задач власти и метода их осуществления [38].

В марте 1919 г. появилось сообщение Алтайского общества возрождения России. Учредителями общества выступили члены трудовой народно-социалистической партии М.О.Курский, А.М.Окорочков, А.Ф.Меринов и И.М.Субботин, сибирский областник Ф.К.Ненарокомов, беспартийные А.В.Духанин и Н.В.Григорьев. Общество провозгласило своей задачей борьбу с большевиками, содействие воссозданию сильной и дисциплинированной армии, доведение страны до Всероссийского национального (Учредительного) собрания, “восстановление русской государственности на началах народоправства”, поддержку правительства, возглавляемого адмиралом А.В.Колчаком, “стоящего на строительстве новой демократической России, на фундаменте единения власти и общественности, законности и порядка” [39].

9 марта 1919 г. прошло организационное собрание красноярского “Союза возрождения России”. Председатель собрания И.С.Казанцев ознакомил собравшихся с уставом “Союза”. “Союз” объявил “беспощадную борьбу с большевизмом” и заявил о безусловной поддержке правительства Колчака. Идея создания “Союза” в Красноярске появилась в Военно-промышленном комитете, в инициативной группе, которая и предложила принять за основу Устав омского “Союза”. В члены временного правления были избраны Т.Г.Демченко, И.С.Казанцев, Б.И.Коневский, Ч.И.Несполовский и А.Я.Флоренский [40].

Красноярская кадетская газета, комментируя это событие, разъясняла:

– Теперь, как никогда, нужно творчество, на развалинах от чёрной работы “революционной демократии” нужно скоро и прочно строить новую Россию. Эта задача может быть достигнута единением всех живых сил страны, совместной работой социалистической и несоциалистической демократии, всех стоящих на единственной платформе: великая единая Россия. Нарождается новая Россия всего русского народа, родина для всех её сынов, сильная национальным чувством не зоологического национализма Столыпина, а здоровым государственным национализмом, объединяющим Сазонова, Чайковского, Маклакова, Савинкова, князя Львова <...> Вне здорового объединения нет России. Смерть сколотила социалистический блок левых. Жизнь властно заставляет создавать другой блок – блок национальный, борющийся за правое дело [41].

На этом, однако, единство с кадетами в принципе и заканчивалось. Расходились с партией народной свободы эти группы по вопросу созыва Национального или Учредительного собрания как законосовещательного органа. Это послужило почвой для раскола омского блока. Газета “Наше дело” констатировала:

– Вся история блока служит доказательством тому положению, что невозможно объединять элементы, совершенно неприемлемые своими стремлениями. В настоящих условиях политического бытия нет почвы для блока от энесов до большевиков, но нет также почвы для блока от демократов до реставраторов, роль которых берут на себя правокадетские элементы [42].

Омский Атаманский комитет РСДРП “Единство” вообще заявил о своём выходе из политического блока. Омская кадетская газета комментировала:

– Этим самым он совершает политическое самоубийство. Вместо того, чтобы самому решительно отмежеваться от “социализма” эсеров и меньшевиков, он видит в нападках на последних кровную себе обиду. Он громко заявляет этим о своей политической незрелости, о неспособности встать на государственную точку зрения выше мёртвой партийной доктрины. Процесс дифференциации элементов русской государственности продолжается. Теснее сплачивается всё здоровое и жизнеспособное и всё больше и больше отпадает от него всё нездоровое нравственно и политически омертвелое и истлевшее [43].

Процесс распада блока произошёл и в Иркутске. Как и в Омске, первой отмежевалась группа “Единство”. Вот что сообщил 9 апреля управляющий Иркутской губернией в департамент милиции министерства внутренних дел:

– Группа “Единство” настаивает на воплощении в жизнь деклараций правительства, отмене цензуры, невмешательстве военных властей в гражданскую жизнь и на скорейшем созыве Национального собрания. Если правительство не посчитается с этими желаниями демократии, заявляет она в наказе представителям в блоке, то отношение к нему должно быть отрицательное [44].

В Иркутске партийные группы, входившие в блок, также объявили о необходимости созыва Учредительного собрания. Вот перед нами заявление “Блока политических и общественных организаций” Иркутска:

– Считая, что Временное российское правительство <...> в деле воссоздания государственности единой России вправе рассчитывать

на поддержку политических и общественных организаций России, иркутский блок примет все меры к облегчению правительству достижения намеченной цели, в уверенности, что правительство в своей деятельности будет стоять на страже законности и опираться на общественное мнение демократических и прогрессивно-мыслящих элементов России, примет все меры к скорейшему созыву представительно-законодательного органа на освобождённой от большевиков территории и доведёт страну до Учредительного собрания [45]. Кроме того, в декларации блока требовалось от правительства вести борьбу с атаманщиной.

Делая обзор политических партий и групп в Иркутской губернии, управляющий губернией в докладе департаменту милиции министерства внутренних дел осторожно отмечал:

– Прогрессивный блок общественных организаций Иркутска <...> В блок вошли: 1) торгово-промышленный союз, 2) кадеты, 3) народные социалисты, 4) “Единство”, 5) правые областники, 6) биржевой комитет <...> Первое место в нём бесспорно принадлежит “кадетскому главковерху” Д.А.Кочневу. Блок пока ничем себя не проявил, но за последнее время его деятельность оживляется предвыборной борьбой <...> Блок поддерживает правительство, но берёт на себя смелость указать правительству его ошибки, если они будут сделаны [46].

Всероссийский демократический союз в Екатеринбурге под председательством члена ЦК ПСР Ф.З.Чембулова составил в мае на многочленном совещании из местных комитетов трудовой народно-социалистической партии, представителей пермской, уфимской, вятской и тобольской групп партии, отдельных членов ПСР, РСДРП и ПНС. Главной задачей союз поставил “организацию демократии, воссоздание России и установление в ней демократического строя”. Демократический союз позиционировал себя как внепартийный, национальный, разъяряя: “Наш фронт против большевиков – национальный фронт”. Он осуждал стремления к подавлению начал общенности силой государственной власти, намеревался оказывать всемерную поддержку правительству в проведении им мероприятий, “осуществляемых на основе права и законности, и ведущих к укреплению основ народовластия”; требовал созыва Всероссийского Учредительного собрания на территории единой России под лозунгом: “Наш закон – Учредительное собрание, наша защита – народная армия” [47].

В то время как группы народнического и социал-демократического направлений разошлись с кадетами в отношении к Учредительному собранию, сибирские областники не смогли найти взаимопонимания с кадетами по отношению к автономии Сибири и созыву Сибирского Учредительного собрания. Следует отметить, что как и в случае с предыдущими группами и партиями среди областников не было единства. На размежевание в их среде и серьёзные расхождения указывал публицист Е.Баранов в статье “Сибирские областники”, в которой он раскритиковал областников, которые стояли на “партийной платформе”, предвещая формы будущего государственного устройства России, отметил, что омские областники, “отрешившись от партийности” поставили проблемы автономии Сибири на экономическую почву. Он разъяснял: “Основанное на этих принципах областничество вполне лояльно и имеет огромное будущее, ибо оно будет развиваться эволюционным путём, параллельно с развитием русской государственности”. Он призвал отмежеваться от областников-интернационалистов, федералистов и социалистов, чтобы омский союз областников смог выполнить задачу объединения всех областников “на почве государственной деятельности, а не социалистических теорий” [48].

Устав Красноярского союза областников-автономистов был зарегистрирован 25 марта 1919 г. В программе союза объявлялось:

– 1. Союз имеет своей целью распространение идеи автономного устройства Сибири, понимая это устройство как самостоятельное самоопределение и самоуправление Сибири в целом и отдельных, входящих в его состав народностей на идее вхождения в состав всей России, как федеративная единица и при условии демократического парламентарного образа правления в России.

2. Пропагандируя эти идеи, союз считает необходимым собрать Сибирское Учредительное собрание, которое решит вопрос о формах Сибирского правительства и взаимоотношениях между Сибирью и Россией; выработает проект Сибирской конституции о пределах исполнительной и законодательной власти Сибирского автономного правительства и внесёт его на утверждение Всероссийского Учредительного собрания [49].

Было избрано новое правление: председатель – Вл.М.Крутовский, члены: Вс.М.Крутовский, Д.И.Нарциссов, А.И.Яворский, А.И.Чеканинский и А.Я.Тугаринов.

В начале мая общее собрание областников-сибиряков в Омске приняло обращение:

– Единая, неделимая и великая Россия, за которую ныне идёт борьба из Сибири, не может мыслиться иначе, как при крепко поставленном на государственно прочные основы областном устройстве. Государственный центр не может претендовать на разрешение местных нужд и вопросов, не переобременяя себя излишней работой и не тормозя планомерного развития производительных сил окраин и в особенности таких окраин как Сибирь и Туркестан [50].

Задачей они поставили воссоздание областнического движения и областнической организации.

Аналогичные позиции заняла областническая группа в Иркутске. 20 мая управляющий Иркутской губернией сообщил в министерство внутренних дел:

– Что касается народных социалистов, то существуют они больше в газетных отчётах и заметках, чем в действительной жизни <...> Интереснее и значительнее группа “областников-автономистов”. В ней два бывших министра – Г.Б.Патушинский и И.И.Серебренников. Правда, последний в политике участия почти не принимает <...> Группа считает ошибкой Омского правительства участие в Уфимском совещании, ликвидацию Сибирского правительства, принятие на себя титула правительства всероссийского и аннулирование в связи с этим сибирской автономии <...> Правительству не могут простить роспуска Областной думы, за что бранят и Директорию <...> Серебренникова зовут предателем и ведут жестокую против него травлю [51].

Появлялись и новые группы областнического направления. Так, в записках неизвестного автора о неособластничестве отмечалось: “После убийства Новосёлова и ликвидации областнических министров в лице Патушинского и отчасти Шатилова <...> среди областников началось расслоение. Летом 1919 г. в Иркутске организовалась группа молодых областников – главным образом магистрантов и профессоров обоих университетов, социалистически мыслящих, которая признала полный крах старой областнической теории и идеологии”. За основу идеологии они взяли экономическую теорию ранних областников, в частности Щапова, которая ставит во главу угла социологический подход к территории и населению. Согласно этой теории, Сибирь будет поставщиком сырья. В силу своих обособленных экономических интересов территория должна иметь самоуправление, так как эти страны экономически зависимы, а, значит, нельзя получить политическую независимость. Для завоевания политической независимости нужно объединиться в колониальный Интерна-

ционал с Аргентиной, Киргизией, Монголией, Туркестаном и т.д. Основным трудовым классом является крестьянство, которое составляет 90 % населения, а, следовательно, крестьянству, стоящему у власти, нечего опасаться политических свобод. Наилучшая форма власти – свободные Советы представителей (персональных) групп населения, объединённых по принципу общности экономических (производственных) интересов [52].

Колчаковское правительство, однако, не видело в областниках ни своей опоры, ни своих союзников. Характерно, что 6 июня председатель редакционной комиссии инициативной группы сибиряков-областников профессор М.П.Головачёв и наиболее энергичный член группы, бывший председатель петроградского союза областников П.А.Молодых получили предписание министра внутренних дел в течение суток оставить пределы Акмолинской области [53].

Непримиримыми противниками колчаковского режима была большевистская партия. Она была лишена возможности легальной работы, не выпускала своих газет и подвергалась непрерывным репрессиям. Тем не менее, разрозненные большевистские подпольные группы продолжали вести борьбу с колчаковским режимом. О деятельности местных большевистских организаций имеются весьма скудные сведения. О двух организациях – тюменской и красноярской – мы знаем из докладов делегатов на Всесибирской подпольной конференции РКП(б), о которой пойдёт речь ниже. Так, тюменский делегат рассказал следующее:

– Начало организации было положено в конце января, когда сюда были посланы два работника, они собрали группу из 15 бежавших через Тюмень коммунистов и частью интернационалистов, которые после долгих исканий завязали связь и с рабочими. Стачка судовых рабочих и другие рабочие конфликты дали возможность организации развить операцию в массах. Тут подоспело выступление новобранцев (около 200 человек), которые разобрали в складе 3 подводы винтовок, кинулись в лагерь, освободили и вооружили красноармейцев и двинулись в город. По пути они были встречены чехами и расстреляны. После этого начались репрессии над профессиональным движением, которое до выступления развивалось довольно свободно и сильно благодаря усердию меньшевиков. После выступления было расстреляно без суда на площади двое видных работников профессионального движения. Выступление протекало стихийно без ведома какой бы то ни было организации [54].

Делегат красноярской организации сообщил:

– Возникшая организация довольно быстро повела работу и к концу октября подготовила выступление, но, вследствие провокации, штаб и комитет провалились. По инициативе группы создан комитет, однако мало работоспособный. Были установлены связи, создан штаб. По отъезде делегата для информации, совершился ещё провал, из-за так называемых “чёрных коммунистов” – группы почти уголовного характера. Ими был выдан комитет и наиболее активный товарищ Антон. Оставшиеся 3 человека продолжили работу и в январе-феврале восстановили все связи – с тяжёлой артиллерией, с местной командой и морской ротой. Набрано 120 человек. В последнее время товарищи, державшие связь с войсками, арестованы и связи порваны <...> В марте прибыла делегация из-за Маны, давшая такие сведения: у них восстание началось с 25 человек, к которым впоследствии присоединились ещё. Повстанцы выдержали 18 боёв с белыми, причём всё окончилось поражением белых. В настоящий момент в районе установлена Канско-Заманская Федеративная Советская республика, создан Совдеп. От Совдепа получено предложение прислать в Совет представителя от рабочих. Проведена мобилизация: 3 000 стоят под ружьём, 300 – в резерве, издаётся газета, печатается на пишущей машинке и распространяется в ограниченном количестве экземпляров. Ощущается большой недостаток в оружии, патронах, медикаментах, совершенно нет подрывных материалов. Комитет снабдил делегацию пироксилином, патронами и лекарствами. Однако делегация не смогла уехать из-за полного провала. Делегация, не имея явок, попала не в комитет, а в ячейку. Здесь оказался провокатор. Было арестовано 2 делегата и 3 товарища, один из них уже расстрелян. Также арестован один член комитета [55].

В середине марта большевистским группам удалось провести нелегальную конференцию. На ней присутствовали делегаты Челябинска, Омска (2 делегата), Томска (2 делегата), Тюмени, Новониколаевска, Красноярска, Иркутска и ряда дальневосточных организаций. Протоколов конференции не сохранилось, однако о её работе хорошо известно из доклада подпольных организаций РКП(б) в ЦК, отправленных вскоре после конференции. На конференции развернулась дискуссия о том, является ли сибирский фронт самостоятельным, а также о том, какой фронт важнейший – омский или дальневосточный? Когда речь зашла о необходимости организовывать восстания в городах или поддерживать вспыхнувшие стихийно, то выступавшие требовали ставить под контроль начавшиеся восстания

и расширять их вплоть до всесибирского. Однако основной докладчик, согласившись с доводами о необходимости организации восстаний, настаивал на том, что в самой Сибири есть несколько фронтов, но она не отделена от борьбы на других фронтах, которые ведёт Советская Россия [56].

Что касается участия партии в выборах земств и городских дум, то рекомендовалось их бойкотировать, поскольку “городские самоуправления, даже самые демократические, являясь формами отжившего буржуазного парламентаризма могут быть лишь тормозом на пути развивающейся социалистической революции”, а “избранные в условиях свирепствующей буржуазной диктатуры и белого террора городские думы Сибири, созданные по изуродованному донельзя избирательному закону, осуждены объективных ходом развития вещей служить орудием воинствующей буржуазной реакции” [57].

Более подробными были тезисы о тактике. В них отмечалось следующее:

– Для вооружённого восстания всей территории востока необходимы следующие факторы: а) осознание населением необходимости и неизбежности восстания; б) наличие более или менее достаточного количества оружия, снарядов и других предметов, требующихся для действия; г) наличие прочных связей и информации между пунктами и д) общая и возможно полная дезорганизация действий буржуазного правительства.

Первое достигается широкой агитацией среди населения и информацией, второе – наличием средств и агитацией среди солдат вражеских армий, а также внезапными налётами на арсеналы, склады и другие подобные учреждения; третий пункт предполагает установление периодических и регулярных сношений между всеми организациями края; четвёртое достигается широкой агитацией среди населения в сторону отказа от исполнения требований буржуазного правительства, разрушением правительственных планов экономического характера (саботаж, вплоть до повреждения или уничтожения транспорта, агитация среди иностранного населения в пользу противодействия экономической политике правительственной или другой страны; меры, направленные против участия солдат и офицеров в правительственных армиях и чиновников в различных учреждениях) [58].

Следующий пункт резолюции требовал разрушения экономической силы колчаковского режима. Этого предполагалось достичь следующими мерами: а) значительным ослаблением действий пра-

вительственных и частных банков; б) информацией рабочих о действительно непрочном состоянии тех или иных предприятий (в некоторых случаях допускалось даже “извращение таких сведений”), в) экономический террор в тех случаях, “когда известные меры капиталистов имеют важное значение в борьбе с красным интернационалом” (отправка продовольствия в союзную армию, перевозочных средств и пр.). Для выполнения пункта “а” предполагалась широкая агитация среди городского и сельского населения в пользу полного бойкота различных обязательств частных банков и акций товариществ, агитация против помещения в банки новых и за изъятие уже вложенных денежных сумм, агитация за разрыв залоговых операций с банками, за требование населением от кредитных товариществ немедленной расплаты за сырьё и т.п.; пункты “б” и “в” предполагалось достичь путём изучения и распространения “строго проверенных сведений о состоянии предприятий” [59].

Далее подробно разбирались тактика действий в следующих случаях: а) приподнятое настроение среди всего населения Сибири или некоторых её пунктов, б) высокое настроение в пользу Советской власти с готовностью боевых действий в немногих или во многих и очень важных пунктах и в) начавшиеся боевые действия в одном или нескольких пунктах. В первом случае военное бюро должно было направить силы “в сторону общей агитации и подготовки общего вооружённого восстания”, во втором – стараться придать выступлениям более широкое развитие; в третьем – развивать восстания, организовывать связи между восставшими пунктами, бросая в активные действия даже и не вполне сформированные специальные организации [60].

Естественно, что большевистские организации рассчитывали не только на городские восстания, но и на массовое крестьянское движение против существующего режима. Ёмкая и точная характеристика сибирского крестьянства была дана в этой резолюции:

– Наиболее многочисленная часть населения Сибири – крестьянство – тяжёлыми налогами, хищными контрибуциями, мобилизациями и беспредельным разгулом жесточайших пыток и расстрелов принуждено было перейти и перешло на путь революционной борьбы с буржуазной военной диктатурой Колчака. Сибирское крестьянство, реакционное в силу своего экономического бытия по отношению к пролетарской революции стало теперь крупным революционным фактором при свержении гнёта буржуазии. Сибирское крестьянство, несмотря на свой подавляющий удельный вес, в силу своей

классовой природы, не в состоянии осуществить свои неопределённые классовые цели, установить какой-либо свой государственный порядок и самостоятельно захватить власть для себя <...> Вступая в борьбу с буржуазной диктатурой, оно поэтому принуждено искать союзника, организатора и руководителя в лице пролетариата, ведущего неуклонно революционную социалистическую войну, и, таким образом, поневоле обратиться в ударную силу, в орудие пролетариата, борющегося в данный момент в Сибири за свою диктатуру, за Советскую власть [61].

Отдавалась в резолюции и дань популярному в то время лозунгу международной социалистической революции: борьба за установление Советской власти в Сибири объявлялась “вспомогательной операцией русской социалистической армии частью русского и международного пролетариата советского фронта”. В итоге главным методом борьбы становилась «организация вооружённого восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс, имеющих целью установить в обширных районах и, если возможно, во всей Сибири, Советскую власть; партизанская война, вовлекающая массы в активную борьбу, отвлекающая значительные силы белых на поддержание “порядка”, уничтожающая пути и средства сообщения и запасы снабжения; дезорганизующие тыл противника; всесторонняя поддержка стихийно начинающихся восстаний крестьянских, рабочих и солдатских масс и введение этих восстаний в организованные формы с целью возможно большего расширения базы восстания и восстановления в районах Советской власти; саботаж во всех областях хозяйственной жизни страны, парализующий организацию и передвижение боевых сил белых, усиленная агитация среди рабочих, крестьянских и, самое важное, солдатских масс, подталкивающая их к активной борьбе и разлагающая организованную живую силу противника в тылу и на фронте; агитация среди иностранных военных частей, находящихся в Сибири и агитация среди пролетарских масс Востока и Америки» [62].

Работа в легальных рабочих организациях (профсоюзах, больничных кассах и т.д.) объявлялась лишь вспомогательным средством и партийным организациям рекомендовалось не направлять туда активные силы. Стачка также объявлялась неэффективным методом борьбы, однако партийным организациям всё же рекомендовалось “использовать всякую назревающую стихийно политическую и экономическую стачку для разрушения экономического базиса буржу-

азной власти и вовлечения масс в вооружённую борьбу при наличии благоприятных для этого условий” [63].

Что касается отношения к мелкобуржуазным партиям: меньшевикам, эсерам, интернационалистам, максималистам и анархистам, – то поскольку они представляли “незначительные и невлиятельные кружки активных единиц”, то соглашение с ними считалось в целом недопустимым, но при подготовке вооружённой борьбы допускалось привлечение либо отдельных членов, либо партийных коллективов [64].

К числу практических мероприятий большевиков можно отнести устную агитацию, а также выпуск разного рода листовок. Так, в марте 1919 г. было отпечатано 15 тыс. листовок “За что воюет Сибирская армия”, в которой разъяснялось:

– Разве Сибирская армия стоит вне политики, когда офицеров, поющих “Боже, царя храни” глядят по головке, а солдат, сочувствующих коммунистам, расстреливают без суда? <...> Сибирская армия – внушает новобранцу начальство – защищает целость и свободу отечества <...> Сибирь стала тоже отечеством, но только для спекулянтов, беглых помещиков и капиталистов, для барышников чёрных ряс, жандармов и царских фараонов, для всех коршунов и пауков трудящейся России. Вот за чью свободу должен умирать сибирский новобранец <...> Здесь в Сибири порядок установлен старый, романовский, с расстрелами, порками, пытками за малейшее недовольство против буржуазии. Там в России порядок революционный. там не порют и не пытаются рабочих, потому что этот трудовой народ там сам хозяин своей страны <...> Сибирская армия есть орудие в руках буржуазии, которое та употребляет для завоевания своего политического и хозяйственного господства над народом <...> Уже близок час, когда всеобщее восстание сибирских крестьян, рабочих и солдат сметёт самодержавие атаманов и спекулянтов <...> Готовьтесь к этому восстанию, товарищи солдаты, организуйте тайные комитеты и кружки, связывайте свои организации с городскими комитетами коммунистов большевиков. На фронте и во время рабочих восстаний дружно переходите на сторону народа [65].

В воззвании омского комитета РКП(б), выпущенного в апреле 1919 г. тиражом 20 тыс. экз., разъяснялось:

– Буржуазия хитра. Нет пределов её изобретательности. Обманым путём она может двинуть вас на фронт. Но пусть ни один выстрел не раздастся от вас в сторону наших российских товарищей. Пусть штыки ваши обернутся в сторону колчаковских наёмников.

Пусть пули полетят в их предательские продажные банды – и здесь, и здесь мы с вами <...> Да здоровствует власть Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов [66].

Из Сибири время от времени отправлялись в ЦК РКП(б) письма, в которых характеризовалась обстановка в Сибири и деятельность большевистских организаций. Так, в информационном письме членов Сибирского областного комитета А.Масленникова и М.Рабиновича 21 марта сообщалось:

– В Западной Сибири в настоящий момент происходит ценовая мобилизация. Призываются в разных местах по-разному примерно от 18 – 35 лет все, имеющие образование не ниже 4-классного среднего учебного заведения (за исключением имеющих образование высших начальных училищ). Интеллигенция даже антибольшевистская бежит от мобилизации. В некоторых местах (Челябинск, Тюмень, Курган) вслед за ценовой мобилизацией произведена мобилизация за 5 – 7 лет общая. В Тюмени она привела к восстанию нескольких сот мобилизованных, окончившемся поражением и расстрелом всех восставших. Среди мобилизованных определённое революционное настроение. Они, по словам, ждут винтовок [67].

Далее отмечалось, что все партийные организации заняты привлечением на свою сторону крестьян, которые самостоятельно создают партизанские отряды, но не имеют достаточного количества оружия и патронов, но их можно скупать в разлагающихся чешских войсках. Так, в Томской губернии в подпольный комитет РКП(б) поступили приговоры сельских обществ о поддержке восстания людьми, деньгами и продовольствием. Конференция признала, что к весне можно ожидать широкого партизанского движения крестьянских масс, которое необходимо ввести в организованные рамки [68].

В опросе перешедшего линию фронта секретаря стачечного комитета Омска А.Лямкина 23 марта зафиксировано:

– Сочувствующее отношение населения к Колчаку перешло во враждебное, в особенности оно ясно определилось тогда, когда отряды Колчака, состоящие из юнкеров, стали разъезжать и взыскивать с крестьян налоги за 1915, 1916, 1917 и 1918 годы и требовать 10 %-ного отчисления с имущества в пользу правительства. Крестьянская масса раскаивается в предании Советов, происшедшем в мае 1918 г., и теперь с нетерпением ждёт большевиков. Вся власть Колчака держится только на буржуазии, юнкерстве, интеллигенции, молодом 19-20-летнем и старом от 35 лет казачестве. Фронтвики же

казаки относятся пассивно, но сами ничего не предпринимают и учесть их настроение не представляется возможным [69].

3 апреля А.Масленников сообщил, что колчаковское правительство, “искусственно поддерживая способы производства и обмена, нужные для жизни и роста буржуазии, т.е. свободную торговлю”, отменив всякий государственный контроль и регламентацию по отношению к промышленности, держит рабочих “в чёрном теле”; выпуск новых денег расстраивает финансовый аппарат, поскольку “старые бумажки при появлении новых исчезли с рынка, так как население считает их более ценными и припрятывает или выменивает по высокой цене на новые деньги”, а новые сибирские деньги на востоке не принимаются, а сужение территории, на которой сибирские деньги обращаются, создаёт новые осложнения в финансовом аппарате Сибирского правительства и вызывает необходимость снова печатать деньги. В итоге за время своего существования Сибирское правительство напечатало до 3 млн руб. Средний правительственный расход в месяц составлял свыше 600 млн руб., а доход от прямых и косвенных налогов не превышал 70 млн руб. Далее он добавил, что с рынка исчезают предметы потребления, а спекулянты, закупая товары, продают их по повышенным ценам. Так, например, за последние 6 недель, по его данным, хлеб вздорожал на 150 % (с 20 до 50 руб. за пуд), а железо – на 122 % (с 18 до 40 руб. за пуд). Кооперативы, у которых имеются предметы потребления, нередко вынуждены продавать их частным кампаниям и торговым домам, чтобы получить таким образом денежные знаки, в которых нуждаются. Реальная же заработная плата рабочих с мая 1918 до января 1919 г. сильно упала. В то время как номинальная плата увеличилась от 118 до 223 %, цены поднялись: на хлеб – на 529 %, картофель – 911 %, молоко – 700 %, мясо – 211 %. Необходимо было учитывать и то, что многие рабочие не работали по несколько месяцев в году. Положение железнодорожных рабочих было ещё хуже: введение сдельной оплаты в мастерских и повёрстной для машинистов из-за отсутствия угля и материалов для выполнения работы сильно понизило заработную плату. Средняя заработная плата рабочих составляла 169 руб. в месяц, в министерских департаментах, густо обсевшими “политическими эмигрантами” из Сибири, Саратова, Казани, Сызрани, Петрограда и Москвы, оклады начинались от 1 200 руб. В кооперативных организациях оклады служащих с лета 1918 г. повысились в 3 – 4 раза. В изысканиях доходов для правительства роль

винной монополии с августа 1918 г. до января 1919 г. увеличилась в 26 раз [70].

Столь яркая характеристика положения в Сибири приводилась А.Масленниковым как несомненное свидетельство реакционности колчаковского правительства.

Колчаковская контрразведка всё же выходила как на активных членов большевистской подпольной организации, так и на отдельные городские организации. Так, удалось раскрыть Барнаульскую, Красноярскую и Новониколаевскую организации. Расправлялись с захваченными большевиками самыми суровыми методами. 6 апреля по решению полевого суда в Екатеринбурге были повешены содержатель конспиративной квартиры большевиков член РКП(б) В.А.Голубь; содержательница явочной квартиры для всех прибывающих из Советской России большевиков Мария Авейде; чрезвычайный уполномоченный Троцкого по постановке контрразведки красных всей Сибири до Иркутска включительно, начальник центральной екатеринбургской “пятерки” А.Я.Валек; члены тайной организации “пятерки” в Екатеринбурге С.М.Буздес, Е.К.Коковина, М.Ш.Брод; член коммунистов, связывавший лагерь военнопленных с членами тайной организации “пятерки” Ф.О.Вальтер; коммунист, член челябинского “десятка”, прибывший для установления связи с екатеринбургской “пятеркой” [71].

31 мая военно-полевым судом в Омске по делу о сибирском областном комитете РКП(б) были приговорены к смертной казни и расстреляны делегат Сиббюро ЦК РКП(б) И.Б.Борисов, член омской коммунистической организации М.А.Воробьев, делегат ЦК РКП(б) Л.З.Годисова, члены омской коммунистической организации К.Г.Дергачев, А.Н.Ковригина, А.Н.Косауров, делегат Сиббюро ЦК РКП(б) А.Я.Михеева, казначей сибирского областного комитета и член ревштаба М.С.Никифоров, член омской коммунистической организации А.А.Улыбин и член сибирского областного комитета РКП(б) А.Н.Усов [72].

Летом 1919 г. в связи с общим положением на фронте и разрастающимися восстаниями в Алтайской и Енисейской губерниях, деятельность большевистских организаций оживилась. В докладе особого отдела директору департамента милиции 1 июня 1919 г. сообщалось:

– Деятельность большевиков ещё проявляется в организации в городах Сибири и по линии Омской и Томской железной дороги созданием особых подрывных отрядов с целью: 1) прерывать желез-

нодорожное и телеграфное сношения и 2) уничтожать военное снаряжение и материалы, а также активных работников как в городах, так и по линии железной дороги, и тем внести панику и дезорганизацию в среду преданных правительству власти и населения. В указанных выше целях предполагается создать: 1) областной коммунистический комитет; 2) окружные оперативные штабы, подразделяемые на отделы связи, снабжения и контрразведку; 3) “районное совещание”; 4) курсы теоретические и технические; 5) районные политические комиссариаты; 6) районные оперативные штабы и 7) оперативные отряды, возглавляемые их руководителями. На обязанности “областного комитета” лежит высшее наблюдение за развитием подрывного дела и снабжение подведомственных ему организаций денежными средствами. “Окружные оперативные штабы” имеют общее наблюдение и руководство деятельностью оперативных штабов и отрядов. Политические комиссары следят за политическим настроением отрядов и обязаны доставлять партийную литературу, воззвания и пр. На руководителях отрядов лежит ближайшее наблюдение и руководство исполнением технической стороны порученного дела. До настоящего времени подрывные команды ничем себя не проявили [73].

Руководитель военного отдела большевистского подпольного комитета в Красноярске Н.Х.Молчанов и А.Гендлин вспоминали, что после провала второго состава нелегального комитета РКП(б) в Красноярске было решено создать третий комитет в который вошли Н.Молчанов (ответственный за военное дело), П.Меженин (финансы), И.Сачков, Я.Новогрешнов (связь и руководство работой ячеек промышленных предприятий), Л.Литвина. Вскоре удалось установить связь с отрядом Копылова (начальник Знаменского партизанского отряда), через некоторое время была установлена связь с отрядами Кравченко, Щетинкина и Мордвинова. Упомянутые отряды нуждались в оружии и огнеприпасах. Комитетом были приняты меры по снабжению их и это делалось довольно успешно [74].

А.Гендлин также вспоминал:

– 30 июня вспыхнуло восстание воинских частей военного городка. Местный парткомитет не был к этому готов и прекрасно учитывая, что восстание тяжело отразится как на самих солдатах, так и на парторганизации и тюрьме (за всякий бунт на воле расстреливали товарищей, сидевших в тюрьме), всё же не мог предотвратить беды, и восставшие солдаты были потоплены в своей собственной крови.

Там погибло также много членов парторганизации, в том числе активный работник первого и второго комитетов Исаев [75].

Н.Х.Молчанов добавлял:

– Положение на фронтах определилось в нашу пользу, и это обстоятельство послужило поводом к тому, что организация стала быстро расти вместе с ростом симпатий широких слоёв трудовых масс к Советской власти. По сообщению прибывших товарищей из Сибцентра (Омск), а также и из Москвы, нелегальными организациями велась усиленная подготовительная работа к активному выступлению, но срок не был назначен. В задачу комитета таким образом входило удерживать массы от неорганизованного восстания. Военным отделом комитета нелегальной организации был разработан план единого командования всеми партизанскими отрядами Енисейской губернии на случай организованного восстания. При этом все надежды возлагались на эти отряды, с которыми была установлена самая тесная связь на уцелевшие ячейки в военгородке и железнодорожных рабочих, где также были сильные организованные ячейки. Для обеспечения успехов в случае восстания, которое мыслилось в сибирском масштабе, были посланы два товарища в Москву для информации и получения указаний (А.Лавров и П.Калинин) [76].

В Иркутске в июле 1919 г. губернский комитет РКП(б) провёл совещание с представителями периферийных партийных организаций, на котором был выработан единый план действий. В целях распространения влияния иркутского комитета РКП(б) на более широкую территорию совещание признало за последним права губернского комитета [77].

Оргбюро РКП(б) 18 июля обсуждало работу с партизанскими отрядами в Сибири. Было решено предложить Сиббюро оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации. Обсуждение директив для партизанских отрядов было перенесено в политбюро ЦК [78].

На следующий день политбюро и оргбюро ЦК на совместном заседании вновь обсуждали поддержку партизанских отрядов. Было решено утвердить предложение оргбюро об оказании им финансовой помощи, довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что они должны установить между собой постоянную связь и координировать действия и переход к централизованному командованию; поручить политработникам Восточного фронта выработать тезисы обращения Совнаркома к партизанам Сибири с целью установить связи с местными партийными организациями о координации военных

действий, чтобы обезвредить отрицательные стороны партизанщины [79].

В августе иркутский комитет РКП(б) составил тезисы, в которых ставилась задача планомерной подготовки вооружённого восстания с целью восстановления Советской власти в Иркутске и губернии. Об этом сообщил директор департамента милиции министерства внутренних дел в циркуляре всем управляющим губерниями [80].

Таким образом, к лету 1919 г. в связи с общим изменением обстановки на внешнем и внутреннем колчаковском фронтах роль и влияние большевистских идей значительно усилились. Следует, однако, отметить, что в силу немногочисленности партийных организаций, систематических репрессий против них и отсутствием легальной деятельности развернуть работу в широких масштабах им не удалось.

2.3. Деревня и аграрный вопрос

К весне 1919 г. никаких существенных перемен в жизни сибирской деревни не произошло: по-прежнему от крестьян требовали отправлять новобранцев в армию, уплачивать налоги и недоимки, так же, как и прежде, в деревни отправляли карательные отряды, которые занимались реквизициями и бессудными расправами. Сводки и донесения по-прежнему фиксируют многочисленные случаи самовольных распашек земель и вырубок леса. Не сгладились и противоречия из-за земли между старожилами и новосёлами [1].

Отношение к колчаковскому режиму со стороны крестьян можно охарактеризовать так: пока власти не трогали крестьян, они относились к власти в лучшем случае равнодушно. Вот что фиксировал, например, член Бурлинской волостной земской управы Новониколаевского уезда, посетивший в начале марта деревню Мало-Кривощёково с целью сбора недоимок:

– Мы зашли к одному зажиточному крестьянину старожилу. Встречал нас хозяин дома лет 75-ти <...> попросил пройти в горницу. Горница, как и у всех сибиряков, наполнена комнатными цветами <...> [Он сказал:] Дал бы бог только дожждаться весны! Слава богу, дожил до того дня, когда мы освободились от произвола приставов и урядников. Думали, что немного лучше будет – будут строить школы, станут учить всех: и старых, и малых, а оно оказывается не так. Раньше нас бил урядник, а теперь – милиционер. Какая разница – не знаю! [2].

А вот впечатления от посещения села Огурцово:

– Недоимку крестьяне несли неохотно, но когда им объявили, что будем описывать и продавать имущество у всех неплательщиков, – понесли беспрекословно [3].

Когда в Канском уезде Енисейской губернии власти потребовали от крестьян организовать дружины самоохраны, то крестьяне отреагировали так. В приговоре Казловского сельского общества Усть-Яйской волости Канского уезда 9 апреля сообщалось: “Лиц, желающих добровольно поступить в дружину самоохраны, в нашем обществе не оказалось, силою же общество заставить не в силах”; Курышинского сельского общества 7 апреля: “Желающих поступить добровольно в дружину самоохраны в нашем обществе не оказалось, а от повиновения властям не отказываемся”; Сахарнинского сельского общества 8 апреля: “Лиц, желающих поступить добровольно в дружину самоохраны не оказалось, а насильно общество заставить не в силах”; Таракинского сельского общества 7 апреля: “В нашем обществе дружина самоохраны не требуется ввиду того, что наше общество живёт спокойно и мирно занимается своим хозяйственным трудом” [4].

Что касается земли, то крестьяне в массе требовали не допускать частной собственности на землю и передать решение аграрного вопроса Учредительному собранию. Так, 28 марта управляющий Иркутской губернией П.Д.Яковлев сообщал в министерство внутренних дел:

– В Икейской, Гадамейской, Перфильевской, затем Катарбейской волостях, населённых исключительно переселенцами, на почве непонимания окладных земских листов, в которых оценку имущества приняли за нормы обложения, также под влиянием незначительной бунтарской агитации, общее волземсобрание постановило: земства, налоги упразднить, никого не пропускать в свой район, никому не разрешать выезд <...> С целью мирного окончания недоразумения по моей просьбе командирован член Нижнеудинской уездной земской управы <...> В случае неудачи имею согласие командующего войсками на командировку значительного отряда для ликвидации [5].

29 марта земельная комиссия Енисейской губернской земской управы постановила:

– Очередное Енисейское губернское земское собрание признаёт: 1) земельный вопрос является одним из основных вопросов в жизни государства вообще, а земледельческой Сибири в особенности, мо-

жет быть разрешён лишь полновластным органом народной воли – Национальным или Учредительным собранием; 2) обсуждение вопросов, связанных с коренным изменением существующих земских отношений, в настоящее время может иметь лишь значение подготовительной работы к предстоящей реформе; 3) необходимые практические мероприятия в области земельного вопроса, диктуемые современным политическим и экономическим положением, могут носить лишь временный характер и ни в коем случае не должны быть направляемы к коренной ломке существующих земельных отношений; 4) установление в Сибири института частной собственности на землю вместо права пользования было бы не своевременной попыткой предвосхитить планомерное решение земельного вопроса и внесло бы в него ещё большее осложнение и путаницу; 5) подавляющее большинство трудового и земледельческого населения Енисейской губернии относится к институту частной собственности безусловно отрицательно, вследствие чего попытки введения его могут повлечь за собой новое обострение групповой розни и политической борьбы и тем ослабить дело государственного строительства; 6) подготовительные работы по земельной реформе должны исходить из предположения обобщения земли и предоставления её в пользу тех, кто непосредственно её обрабатывает [6].

Вот постановление волостного земского собрания Тутурской волости Верхоленского уезда Иркутской губернии, прошедшего 8 – 12 апреля:

– 1) Требовать от правительства через губернское земство решения созыва губернского крестьянского съезда для рассмотрения вопроса о созыве Всероссийского Учредительного собрания; 2) признавая, что только власть, созданная всем народом, может вывести страну из такого тяжёлого положения, в котором находится Сибирь в настоящее время, а властью таковой может явиться лишь Учредительное собрание, потому требуем немедленного созыва всенародного Всесибирского Учредительного собрания; 3) протестовать против всех насилий и бесправий, чинимых агентами правительства и чинами милиции среди крестьянских масс и требуем предавать суду всех виновников безвинно каравших крестьян; 4) требуем немедленного созыва Всесибирского земско-городского съезда для разрешения в общесибирском масштабе всех экономических, требуемых самой жизнью, вопросов [7].

III Томское губернское земское собрание 16 апреля заслушало доклад “О введении института частной собственности на землю в

Сибири”. Было решено: 1) земельный вопрос в Сибири может быть решён только Учредительным собранием; 2) обсуждение вопросов, связанных с коренными изменениями, в настоящее время имеет значение подготовительной работы; 3) практические мероприятия могут носить только временный характер; 4) установление частной собственности на землю в Сибири “было бы не своевременной политикой предвосхитить планомерное решение земельного вопроса и внесло бы в него ещё большее осложнение и путаницу”; 5) население относится к введению частной собственности на землю “безусловно отрицательно”, попытки ввести её обострят политическое положение [8].

Если сравнить это решение с цитированным выше постановлением комиссии Енисейской губернской земской управы, то видно даже текстуальное совпадение двух документов. Очевидно, связано это было с тем, что оба решения принимались с подачи эсеров, черпавших формулировки из партийных документов. Но в данном случае текстуальное совпадение не так существенно.

В марте колчаковское правительство приступило к подготовке проектов решения аграрного вопроса. Омская кадетская газета разъясняла:

– В настоящее время на аграрный вопрос точка зрения правительства определилась довольно ясно. Правительство в этом чрезвычайно важном вопросе встало на точку зрения укрепления и развития мелкой земельной собственности за счёт крупного землевладения и самых широких земельных реформ исключительно в целях удовлетворения землёй земледельческого населения. Эту реформу правительство понимает лишь как основу права государственной необходимости и социальной справедливости [9].

Участник обсуждения аграрных проектов колчаковского правительства Г.К.Гинс в своих заметках отметил следующее:

– Правительство приступило к разрешению земельного вопроса законом о посевах <...> Не только в интересах общей политики, но и в интересах продовольственных необходимо было немедленно объявить, что урожай принадлежит тому, кто сеял. Соответствующее постановление 3 апреля было принято. После чего Совет министров приступил к обсуждению общей декларации по земельному вопросу. И вот тут-то и сказалось отсутствие у Совета министров однообразного взгляда и решительности. Декларация – не закон. Она не нуждается в оговорках, в детализации. Её основная мысль должна быть высказана так ярко, чтобы каждый читающий сразу её

воспринял. Проект министерства земледелия не отличался этим качеством. Он носил на себе следы учреждения, которое разрабатывало вопрос в подробностях и потому декларировало программу ведомства, а не основную цель правительства. Придавая большое значение этой декларации, я горячо убеждал Совет министров заявить в ней, что восстановление помещичьих владений производиться не будет. Но большинство высказалось против такого категорического заявления, учитывая, что оно может поощрить к захватам даже там, где их раньше не было [10].

Против декларации даже в осторожных вариантах выступал начальник штаба верховного главнокомандующего Д.А.Лебедев. Г.К.Гинс рассказывал:

– Сукин и Михайлов поддерживали Лебедева, который мотивировал своё настояние тем, что против большевиков сражается много офицеров-помещиков, которые внимательно следят за всем, что относится к земельному вопросу, и всякое неосторожное слово, направленное против помещичьего землевладения, может повлиять разлагающим образом на настроение офицерства. О настроении солдатской массы и о настроении крестьянской общины России Лебедев не думал <...> Нам было известно, что ставка находится в оживлённых сношениях со скопившимися в Омске аграриями, что некоторые офицеры уже содействовали в прифронтовых губерниях восстановлению помещичьих земель, и потому заявление Лебедева было встречено с враждебным холодом. Большинство против двух или трёх голосов было решено утвердить декларацию немедленно. Она была принята, и Лебедев подал письменный протест и покинул заседание, отказавшись впредь посещать Совет министров. Декларация была, тем не менее, подписана верховным правителем на следующий день [11].

4 апреля Колчака посетила делегация от Омского уездного земского собрания (председатель А.А.Бек, председатель Омской уездной земской управы Н.М.Корнаков и 14 гласных-крестьян). Воспроизведём основные выступления.

А.А.Бек: “Деревня питает уверенность, что Вы своим мудрым правлением восстановите единую великую Россию и надеется, что Вы, исполнив возложенную судьбой и историей на Вас обязанность, доведёте страну к Национальному Учредительному собранию – великому хозяину земли русской”.

А.В.Колчак: “Первая и важная задача моя и правительства – это вооружённая борьба с большевиками до полного уничтожения”. Да-

лее он заверил, что земельные отношения – задача будущего Учредительного собрания, но правительство считает незыблемым, что “мелкое крестьянское хозяйство есть основа экономического благополучия страны и всемерно будет его поддерживать за счёт крупного землевладельца”, поэтому оно разрешит земельный вопрос, “исходя из соображений государственной необходимости” [12].

Таким образом, Колчак, успокаивая пришедших к нему, ничего конкретного не обещал, отделавшись пустыми фразами.

В этот же день в омском правительственном офицозе появилась декларация правительства, в которой провозглашалось:

– В окончательном виде вековой земельный вопрос будет решён Национальным собранием. Стремясь обеспечить крестьян землёй на началах законных и справедливых, правительство с полной решительностью заявляет, что впредь никакие самовольные захваты ни казённых, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться законному суду. Законодательные акты об упорядочении земельных отношений, о порядке временного использования захваченных земель, последующем справедливом распределении их и, наконец, об условиях вознаграждения прежних владельцев последуют в ближайшее время [13].

Комментируя декларацию колчаковского правительства по земельному вопросу, томская “Сибирская жизнь” разъясняла

– В Сибири, при всё ещё существующем земельном просторе и редкости населения вопрос о земле не стоит так остро, как в тех местах, куда ныне вступают правительственные войска <...> Общесою целью имеющих в ближайшее время последовать законов, временно регулирующих земельные отношения, правительство считает передачу земель нетрудового пользования трудовому населению и широкое содействие развитию мелких трудовых хозяйств, без различия того, будут ли они построены на началах личного или общинного землевладения. В первую очередь из этих конкретных временных мер правительство выдвигает решение вопроса о судьбе урожая 1919 г. Этот урожай принадлежит тем, кто обработал и засеял землю, хотя бы не был её собственником или арендатором. При этом владельцы этих земель будут вознаграждены на условиях, которые будут определены особыми законами <...> Принципы декларации отвечают, в общем, земельной программе партии кадетов. Вопрос главный и основной, наиболее щекотливый – это вопрос о “справедливом” вознаграждении за землю. Как с этим вопросом справиться

правительство – увидим из намеченных законодательных актов, о которых говорит декларация [14].

Выводы томской газеты – точные и ёмкие. Действительно, уйти с этой платформы колчаковское правительство не могло из-за опасения потерять свою опору в армии.

Тем временем земельные законопроекты плодились один за другим. 5 апреля 1919 г. министерство земледелия за подписью товарища министра Ярмоша представило в Совет министров записку “О направлении аграрной политики правительства”. Почти одновременно появился и другой аграрный проект, который князь А.А.Кропоткин изложил в специальной записке А.В.Колчаку. В апреле 1919 г. в журнале “Сибирский агроном” народный социалист Н.Огановский изложил ещё один проект аграрной реформы [15].

Тем временем юрисконсультская часть Совета министров подготовила заключение о проектах министерства земледелия отмечая, что в проекте правил о посевах в туманной форме говорится об аренде. Далее разъяснялось:

– Вся история крестьянского права, как писанного, так и неписанного, учит тому, что ещё со времён реформы 1861 г. вплоть до последних предреволюционных дней “аренда” была одним из самых ненавистных крестьянину правовых институтов его обихода. Аренда была воплощением помещичьего засилья <...> нельзя рассчитывать достигнуть хотя бы частично преследуемых министерством земледелия его верховных целей – спокойствия крестьянина и его напряжённой работы на ниве, коль скоро нива эта будет связана в его представлении с “арендой”, сколь бы отлична эта аренда ни была от её исторических предшественниц [16].

А далее делался вывод, что три главных проекта “Основы аграрной политики правительства”, “О посевах” и “Положение об обращении во временное распоряжение государства земель, вышедших из обладания их владельцев” противоречат друг другу, однако министерство может принять один из них [17].

7 апреля 1919 г. Совет министров обсудил два варианта декларации правительства по земельному вопросу. Военный министр генерал-майор Н.А.Степанов, сравнивая их, отметил, что в первом сказано относительно одного урожая – это понятно, а во втором – уже говорится будто бы о многократном, и поэтому необходимо указать населению, что это не так, поскольку во второй редакции уже по сути провозглашается не труд, а захват. Министр земледелия разъяснил, что предложенная во втором варианте поправка по сути “ос-

тавляет путём закрепления за сельским населением захваченную уже землю”. Военный министр резко возразил, что декларация правительства предназначается не только для Сибири и Урала, где земельная проблема не так существенна, а в том числе и для Европейской России. И коль скоро правительство в скором времени намеревается очистить эту территорию от большевиков и установить там свою власть, оно столкнётся с серьёзными трудностями. Л.И.Шумиловский вдруг вспомнил, что хотя на прошлом заседании чётко было сказано, что земли помещиков окончательно перешли в распоряжение трудового населения, но Н.И.Петров и Г.К.Гинс почему-то смягчили этот пункт.

Г.К.Гинс пояснил, что декларация – это не программа, что он сам сочувствует фразе, что возвращения помещичьей земли не будет, однако это всё-таки когда-то случится, и поэтому пришлось смягчить формулировку, чтобы не напугать крестьян. Л.И.Шумиловский стал настаивать, что надо восстановить прежнюю редакцию: “Закрепление за трудовым населением земли, перешедшей в его фактическое обладание”. Но его не поддержали, посчитав опасным подобно-го рода заявления.

Следом министр финансов И.А.Михайлов напомнил, что в декларации было упомянуто о намерении правительства вознаградить прежних владельцев. Г.К.Гинс попробовал возразить, но И.А.Михайлов продолжал настаивать и в конце концов объявил: “Как я себе представляю, здесь имеется что-то вроде маленькой социализации земли <...> Разрешение вопроса о земельном устройстве сельскими обществами – это классический вывод социализации земли. Дело в том, что вносится осложнение крайне опасное. Поэтому я полагаю: точно зарегистрировать, кто подготовил пар, кто подготовил посев, и их право на жатву по прошлому посеву и по настоящему посеву”.

Министр юстиции С.С.Старынкевич попытался смягчить накал страстей: “Когда речь идёт в статье 4 о площади, которая по данным сельского общества может быть запахана, но ещё не запахана, она может быть захвачена у разных лиц: у частных владельцев, у отрубников или у соседней общины – в данном случае вопрос разрешается таким порядком, что сельский сход решает это положение” [18].

В итоге, правительство “утонуло” в формулировках и поправках, стремясь по известной пословице, чтобы и “волки были сыты, и овцы целы”.

8 апреля министр земледелия направил записку в Совет министров с обоснованием аграрной политики правительства. Он уверял:

– Крестьянство не может быть теперь спокойно, не будучи успокоено в этом вопросе, а без спокойствия главной массы населения не может быть спокойствия вообще в государстве, не может начаться никакой успешной работы по воссозданию нашей государственности <...> Факультативное сохранение общины, для лиц предпочитающих эту форму владения землёй с предоставлением свободы выхода из общины с индивидуализацией хозяйства, принятие мер к недопущению восстановления крупного землевладения в процессе неизбежного разрушения части мелких хозяйств, проведение принципа трудового владения землёй – это будет политикой, соответствующей естественному ходу вещей и чаяниям здорового большинства крестьянства <...> Создание крепких мелких трудовых хозяйств, владеющих землёй на праве частной собственности и свободных от принудительной опеки общины [19].

Далее предлагалось бороться с насильственным захватом земли и со спекуляцией. Признавалось право сбора урожая за теми, кто его посадил, переводя таких лиц в положение арендаторов. Допускалось прямое отчуждение крупных земельных владений для превращения их в трудовые мелкие. Ничего оригинального эта записка не содержала. Это был всё тот же кадетский проект решения аграрного вопроса, изрядно сдобренный социальной демагогией.

10 апреля в очередной раз Совет министров обсуждал предложенный проект земельного закона. Министр земледелия настаивал, что необходимо чётко решить: восстанавливать в общем объёме права собственности или нет. В первом случае обсуждение закона отпадает, во втором – надо обсудить, что делать с частью, которая не восстанавливает право собственности. Министр выдвигал идею передачи земли государству. Г.К.Гинс отметил, что мысль о переходе помещичьих земель государству крайне неудачна, потому что нельзя переоценивать силу государства. Как он пояснил, “законом об отделении прав собственности и распоряжения мы встревожим и землевладельцев и трудовое население”, а переход распоряжения землёй в руки государства будет напоминать трудовому населению идею национализации. Представьте, – разглагольствовал он, – что закон попадёт в руки большевиков, и они скажут: власть в государстве принадлежит буржуазной реакционной кучке людей, и им земля и переходит, т.е. крестьяне поймут, что восстанавливаются частные владения. Восстановить права помещиков на владения нельзя “по всем понятным политическим причинам”. Надо, чтобы был установлен простой порядок перехода под посев – земельные органы

министерства земледелия должны заняться этим распределением. К тому же нельзя механически переносить этот закон на все области, освобождённые от большевиков. “Надо считаться с теми изменениями, которые фактически произошли, и не исходить из юридического только восстановления прав на землю, которые радикальным образом изменены в некоторых губерниях”, – резюмировал Г.К.Гинс. Подводя итоги дискуссии, П.В.Вологодский предложил проголосовать за предложение: возможно ли взять земли в руки государства. По итогам голосования было принято решение о временной передаче в распоряжение государства земель, вышедших из обладания их владельцев [20].

Г.К.Гинс в своих заметках отметил:

– Министерство земледелия представило свой проект. Основная его идея заключается в том, что государство устанавливает особое управление всеми землями, вышедшими из обладания их прежних владельцев. Эти земли описываются и принимаются в ведение государства, причём до окончательного разрешения земельного вопроса они сдаются в аренду земледельческому населению. Этот закон вызвал яростные нападки аграриев. Они считали крайне опасным и предвещающим судьбу частного землевладения начало государственного распоряжения землями и передачу их уже не на началах захвата, а на законных основаниях, в аренду трудовому населению. Таким путем, говорили они, укрепляется сознание, что земля перешла в обладание крестьян, и окончательное решение земельного вопроса predetermined в известном направлении <...> Мои предложения вкратце сводились к следующим: 1) частное землевладение не восстанавливается <...> 3) земли не захваченные, если владельцы их отсутствуют, передаются в пользование трудового населения, 4) устанавливается особый земельный сбор, который (вместо арендной платы) поступает в фонд возмещения убытков бывших владельцев земель. Мои предложения имели некоторый успех. Они собрали в Совете министров шесть голосов. Но семь голосов было подано за проект министра земледелия, он и стал законом. Важнейший вопрос прошёл перевесом одного голоса [21].

Разумеется, все эти споры касались лишь частных дел. В основу решения аграрного вопроса колчаковское правительство положило кадетскую программу: частично пожертвовать интересами помещиков для продолжения развития капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Подтверждением этому служат тезисы по аграрному вопросу III конференции восточного отдела ЦК ПНС, проходив-

шей в мае 1919 г. В них заверялось, что конференция не намерена пересматривать аграрную программу, однако, если “своевременно, законно и планомерно не будет произведён переход земли в руки земледельческого населения на началах государственной справедливости”, то неизбежна “земельная катастрофа”. Кадеты заявляли, что “возврата к старому земельному строю быть не может”. Хотя окончательное решение аграрного вопроса и перекладывалось на плечи “Национального собрания”, тем не менее признавалось, что необходимо переходное законодательство, в котором “должны быть учтены внимательно и продовольственные потребности страны, и требования национальной экономики”. А далее делался вывод:

– В интересах прогресса сельскохозяйственного промысла в России и создания прочного хозяйственного строя необходима земельная политика, стремящаяся к развитию и содействию мелкому землевладению на основе частной собственности, для чего необходимо планомерное землеустройство, избегающее крайностей дореволюционного времени. Этим заданиям в общем и целом отвечает земельная политика российского правительства, выраженная в речах верховного правителя и декларации по земельному вопросу. Общие принципы, положенные в основу закона о посевах и законопроекта о переходе захваченных земель во временное заведование государства идут в развитие этой политики [22].

Сравним теперь эти декларации правительства с тем, какая земельная политика ожидалась в деревне. Вот положение для волостных земств, выработанное Енисейским чрезвычайным губернским собранием 14 июля. В нём требовалось:

– 1) Впредь до издания основного земельного закона будущим Учредительным собранием никакие коренные изменения в землепользовании не производить <...> 3) впредь до решения вопроса о земле Учредительным собранием никаких закреплений земли в частную собственность производиться не должно [23].

Не удивительно, что земства представлялись колчаковскому правительству как минимум вредные и опасные для государственного устройства, тем более, что руководящую роль в них занимали представители мелкобуржуазных партий. Так, 5 марта управляющий Енисейской губернией П.С.Троицкий сообщил в земско-городской отдел министерства внутренних дел:

– Большинство членов земских управ в свою земскую деятельность вносят дух партийности, а чисто деловая работа у них отодвигается на второй план. Состав губернских и уездных земских аппара-

ратов настроен оппозиционно, что и выражается как в оппозиционном направлении печати, так и в агитационной работе некоторых выборных лиц, начиная с председателя губернской земской управы И.В.Казанцева, находящегося ныне в бегах. Член Енисейской уездной земской управы Дмитриев привлекается к ответственности за противоправительственную агитацию в печатном земском органе. Член Ачинской земской управы Нестеров числится за следственными комиссиями. Можно почти с уверенностью сказать, что происходящие в разных местах Енисейской губернии крестьянские восстания произошли не без влияния некоторых представителей земских учреждений [24].

Далее он сообщил, что земства не пользуются авторитетом среди крестьянства, поскольку «возвратившееся из армии рабочее мужское население протестует против земства, избранного “бабами”, т.е. когда женщины составляли главную массу избирателей». Далее он привел следующие примеры:

– Насколько губернское земство не способно ещё откликаться на требования жизни, могу привести пример из жизни Енисейского уезда. С захватом Енисейска уезд оказался без управы. В уезде возникли острые вопросы несения повинностей для отрядов и распределения этих повинностей, поддержка мероприятий для борьбы с тифом, принятие мер обеспечения продовольствием северной части уезда, лишившейся обычного подвоза хлеба из Тасеевского района. Губернское земство само не приняло никаких мер, и на запросы ограничивается указаниями, что дело продовольствия или ещё не начато и что у них нет денег, нет и людей. Вопрос этот пришлось решать частью административными мерами, частью призывом к помощи местных общественных организаций, советов золотопромышленников, мещанского общества Енисейска, а также отдельных состоятельных лиц Енисейского уезда [25].

Перевыборы земств также, по мнению управляющего Енисейской губернией, ничего не дадут. Он сообщил, что при выборах ачинских уездных земских гласных на новое трёхлетие (в 1919 г.) в 7 селениях выборы не состоялись за отказом населения от выборов. На избирательных записках были надписи “Земство не нужно” или “Ленин”. “Усиленные сборы повышенных земских раскладок, закрытие школ, больниц и прочее неустройство земской жизни сочетает в населении постепенное убеждение в том, что здесь не всё благополучно”, – делал вывод управляющий [26].

А вот что сообщило Алтайское губернское управление государственной охраны управляющему особым отделом департамента милиции:

– 7 июня <...> впервые услышал от управляющего губернией фразу: “Государство без земства существовать может, но земство без государства не может”, каковая фраза является показателем признака к внешнему резкому изменению взгляда управляющего губернией на общую работу земских самоуправлений [27].

Нежелание крестьян уплачивать земские сборы ставило земство в трудное финансовое положение. Вместе с тем бедняцкая часть деревни была не в состоянии их уплачивать. Так, 6 марта управляющий Томским уездом сообщил управляющему Томской губернией:

– Настроение населения начинает понижаться, и нужно сказать, в худшую сторону, и можно предполагать, что будет понижаться и впредь. Причиной к этому служат получаемые волостными управами окладные листы на взыскание уездного земского сбора в текущем 1919 г., который выражается в довольно крупных размерах. Так, например, из донесений Тутальской волостной земской управы видно, что налог уездного земского сбора выразился в 158 728 руб. 85 коп., иными словами говоря, на каждого человека волости, а население таковой составляет 8 253 души обоого пола, падает по 19 руб. 23 коп. Вот это-то обстоятельство очень сильно повлияло на настроение малоимущей части населения названной волости, и волостная управа не может себе представить, как она будет взимать налоги, а поэтому высказывает опасения, что в 1919 г. будет очень большая недоимка названного сбора. Кроме уездного земского сбора есть ещё губернский, волостной и государственная оброчная подать, и, в общем, другому плательщику уплата всех сборов обойдётся в сотни рублей [28].

Об этом же говорилось на III Томском губернском земском собрании 25 марта:

– Положение земств ухудшается так же ещё и тем, что при современной общественной разрухе не представляется возможным собрать с населения наложенные на него в пределах закона земские сборы. Тяжёлый финансовый кризис отразился и на других сторонах земской организации. Недостаток средств и необходимость удовлетворения неотложнейших потребностей земского хозяйства и управления заставляет земства обращаться к правительству с ходатайствами о пособии, ставит их в положение просителя со всеми вытекающими из такого положения последствиями. В результате за-

молкли мелкие земские единицы, опека административной власти усиливается и входит в рамки положения 1890 г., избирательный закон имеет тенденцию приобрести чуждые закону 1917 г. элементы. Снова земство переживает органический кризис [29].

Далее сообщалось, что ежемесячный расход губернского земства при максимальной экономии – 500 тыс. руб., в том числе больница – 100 – 150 тыс., служащие губернского земства – 125 тыс., приюты – 50 тыс., акушерско-фельдшерская школа – 25 тыс., хозяйственные расходы – 50 тыс., прочие расходы – 100 тыс. На 1 января 1919 г. финансовое положение было следующим: долг казне – 1 331 тыс., бывшей городской управе – 20 тыс., долг частным капиталам – 536 тыс., невыполненных расходов по смете 1918 г. – 1 770 тыс. Итого: 3,7 млн руб. Делался неутешительный вывод: “Указанные условия затрудняют работу управы. Денежных средств не хватает даже на потребительские расходы; из-за этого приходится сокращать приём больных в земской больнице, задерживать уплату жалования служащим управы, прибегать к займам при очень тяжёлых условиях”.

Слёзные жалобы земских управ колчаковское правительство оставляло без внимания, поскольку оно рассматривало земства исключительно как органы местного хозяйства, “польз и нужд населения”, в лучшем случае, а в худшем, подобно В.Н.Пепеляеву, не прочь было их максимально “утеснить” [30].

Тем не менее в мае 1919 г. земские деятели смогли созвать в Омске частное совещание уполномоченных омского отдела Всероссийского земского союза. Собравшиеся признали, что “большевизм расплыл когда-то мощную организацию и низвёл её на роль расплывлённых ячеек, при современных условиях не спаянных единством действий и органической работы” и решили организовать восточный комитет Земского союза для развёртывания работы. Предполагалось, что организуемый восточный комитет до освобождения Москвы будет обладать всеми правами главного комитета, в него будут входить и члены главного комитета, проживавшие в Омске, и представители сибирских губернских земств, участвовавшие в работе прежнего главного комитета [31].

Постоянный дефицит финансов не был единственной головной болью земств. На них периодически сваливались и другие проблемы. И одна из казалась бы простых – организация дружин самоохраны – превратилась в очень серьёзную.

Постановлением 10 февраля уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии генерала-майора Афанасьева требовалось:

– 1) Предложить Минусинскому, Ачинскому, Канскому и Енисейскому самоуправлениям немедленно организовать охрану из благонадёжных обывателей; 2) нести охрану обязаны все способные носить оружие мужчины, российские граждане, в возрасте от 18 до 45 лет <...> 8) граждане, состоящие на службе в правительственных, общественных или частных учреждениях, на время несения охранной службы освобождаются от своих обычных занятий [32].

2 апреля уполномоченный по охране государственного порядка и спокойствия в Енисейской губернии и части Иркутской генерал-лейтенант Розанов продублировал этот приказ [33].

В приказе по Минусинскому военному району, подписанном 4 апреля начальником военного района подполковником Романенко, сообщалось, что “для поддержания государственного порядка и для ликвидации всяких восстаний и попыток к ним, будут приниматься не только самые строгие но даже жестокие меры вплоть до уничтожения с лица земли целых селений, как принимающих участие в восстании, так и скрывающих большевиков, бунтарей и агитаторов” и также требовалось: “1) во всех населённых пунктах организовать самоохрану из надёжных государственно-мыслящих людей; 2) арестовывать и беспощадно уничтожать всех как проживающих, так и появляющихся в деревнях, сёлах и посёлках агитаторов и смутьянов; 3) сельским властям приказываю немедленно сообщать мне и ближайшей войсковой части или дружине о всех подозрительных лицах, а уличённых в агитации уничтожать на месте путём расстрела или повешения; 4) за укрывательство большевиков, агитаторов, бунтарей одиночек и целых шаек, сёла, деревни, посёлки, заимки и хутора будут сожжены и только в том случае, если будет своевременно сообщено о появлении указанных лиц или шаек, ответственность населённых пунктов будет понижена” [34].

24 мая управляющий Енисейской губернией П.С.Троицкий сообщил председателю Енисейской губернской земской управы Г.П.Сибирцеву, что земству необходимо организовать дружинников по сёлам – всего 3 тыс. человек, для чего ввести особый налог по 1 – 2 руб. с лиц среднего достатка. В итоге земское собрание постановило организовать дружины “в целях самоохраны населения от всякого рода беспорядков и анархических движений”, причём не на добровольной основе, а на обязательной повинности сельских об-

ществ, командовать ими должны были специальные начальники, назначенные “военной властью по соглашению с уездными и городскими органами самоуправления на местах”. В то же время губернское земское собрание признало, что для успешной борьбы за установление порядка необходимо “закономерное отношение к мирному населению со стороны всех отрядов, командированных в местности, подверженные беспорядкам”. При этом собравшиеся отметили, что земства находятся в “абсолютном финансовом кризисе”, поскольку “пока миллионные приходные земские сметы будут числиться только на бумаге и населением не будут выполняться, земские кассы по-прежнему будут пусты”. Чтобы их наполнить необходима ссуда правительства для Енисейской губернии в 5 678 тыс. руб. [35].

В итоге к концу мая 1919 г. в Енисейской губернии дружины были созданы. Они насчитывали 3 тыс. человек, из них более 2,2 тыс. приходилось на сельскую местность [36]. Так сообщалось в отчётах местных властей. Даже если такое количество дружинников и было собрано, то сколько-нибудь активного участия в борьбе с “большевизмом” они не приняли.

12 июня открылось Иркутское губернское земское собрание. С вступительной речью выступил председатель Нижнеудинской уездной земской управы Я.Н.Ходукин. Поприветствовав “братьев-чехословаков, союзников и русскую армию”, он провозгласил здравницу Всероссийскому и Общесибирскому Учредительным собраниям. Большинство голосов при 5 воздержавшихся была принята декларация, в которой давалась негативная оценка омскому перевороту и колчаковской власти как единоличной; была подвергнута основательной критике экономическая политика режима, которая привела к разрухе, политическому распаду страны и падению авторитета в международных делах. В качестве альтернативы собравшиеся потребовали созвать Всероссийское и Всесибирское Учредительное собрание и Земское собрание как представительный орган на территории, освобождённой от большевиков, в качестве переходной ступени к Учредительному собранию. Министерство юстиции, ознакомившись с декларацией, потребовало от прокурора Иркутской судебной палаты принять самые решительные меры против составителей декларации, однако руководство Иркутской губернии сочло за лучшее не исполнять этого требования [37].

В записке чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел об Иркутском земстве, составленной 31 июля, отмечалось:

– Можно высказать предположение, что все постановления (земского. – *В.К.*) собрания, выходящие из круга ведения земства и носящие ярко политически антиправительственную окраску, как например, предложение о передаче милиции в ведение земства, постановление против введения должности помощника управляющего уездами, проекта восстановления волостных правлений, изменение избирательного закона и, наконец, принятая на последнем заседании 7 июля резолюция-протест против власти верховного правителя, что все эти постановления возбуждались по инициативе управы и незначительного меньшинства гласных определённо эсеровского толка <...> Большинство гласных (городского самоуправления. – *В.К.*) принадлежит к умеренным и государственно-мыслящим элементам, в значительной своей части аполитичным <...> И если тем не менее деятельность Иркутского городского самоуправления выходит за пределы, предоставленные ей законом и проявляет антиправительственное направление, как, например, отказ праздновать день свержения власти большевиков, то причина этого лежит также как и в земстве – в преобладающем влиянии организованного меньшинства во главе с городским головой Кругликовым, эсером по убеждениям, пользующимся в некоторых общественных кругах большим влиянием и авторитетом <...> Будучи членом партии социалистов-революционеров, и, находясь в тесной связи с руководством иркутских земского и городского самоуправлений, П.Д.Яковлев, несомненно, переоценивает и преувеличивает значение и влияние социалистов-революционеров в губернии. По его мнению, до настоящего времени идеология этой партии является истинной выразительницей большинства не только в городах, но и в деревне. Имеющиеся в министерстве далеко не полные сведения свидетельствуют о противном [38].

В июле Иркутское губернское земское собрание приняло ещё ряд постановлений, требовавших от колчаковского правительства отменить принятые решения. Так, 4 июля иркутские земцы потребовали отменить постановление “Об учреждении должностей помощников управляющих уездами”, считая его целью установить “опеку над органами местного самоуправления”; следом земцы потребовали не допускать принятия колчаковским правительством проекта восстановления волостных правлений, усматривая в нём попытку упразднить волостные земства; а также энергично протестовали против всех изменений правил выборов земских гласных [39].

И, наконец, 7 июля на Иркутском губернском земском собрании по предложению гласного Н.Л.Иванова-Мартынова была принята резолюция, которая характеризовала омский переворот как попытку воскресить дореволюционные методы управления страной; существующая власть, – как заявлялось, – единолична и независима лишь по внешности, в реальности она осуществляет задания торгово-промышленного класса и монархистов; мероприятия правительства направлены на упразднение всех гражданских прав населения, урезывание прав органов местного самоуправления; внутреннее бессилие власти отражается в бессилии в международных отношениях; усиления местных органов власти безрезультатны, поэтому губернское земское собрание считает необходимым возвысить свой голос в защиту родины и поправленных прав народа и созвать Земский собор на освобождённой от большевиков территории как переходную ступень к Учредительному собранию [40].

Таким образом, самым ходом событий земства становились в оппозицию к колчаковскому правительству. Причинами этого были как мелкобуржуазный состав земских органов, так и те противоречия и непримиримость, которые характерны для отношений кадетов и эсеров в годы Гражданской войны.

Агенты колчаковского правительства на местах оставили яркие характеристики настроения деревни. В них отразились и реальные интересы, и проблемы деревни и то, как правительство эти проблемы воспринимало. Вот сводка информационного отдела, составленная в июне 1919 г.:

– Относительно деревенского общества нужно отметить две группы. Первая – “бедные мужики”. Эти желают иметь власть, действиям которой они могли бы вести учёт. Они сознают, что не знают сами, как воплотить свои тенденции относительно этого вопроса – и, хотя и не желают этого на деле, но всё-таки склонны передать власть в руки большевиков, ибо большевики в их глазах являются почти тем же, чем были в своё время для крестьянства в России Пугачёв и Стенька Разин. Эти крестьяне желали бы иметь “правителя”, а не “правительство” <...> Относительно правительства адмирала Колчака <...> адмирал Колчак был бы бесспорно хорошим “православным”, если бы не то, что он “разрешает” существовать дороговизне, а самым главным является то, что имеет своими советниками офицеров не из среды “православного народа”, а тоже из помещиков <...>

Основная масса крестьян желает, чтобы правительство страны было облечено авторитетом, равным по своему содержанию, хотя новым по внешней форме, авторитету дореволюционного правительства <...> Эта вторая группа склонна отождествлять правительство с личностью адмирала, к которому в общем относится “приятельно”, можно прибавить, что о личности адмирала Колчака эта группа крестьянства подобно первой не имеет ясного гражданского суждения <...>

Всё крестьянство выражает мнение, конечно очень осторожно, что сделай адмирал Колчак так, чтобы в одно прекрасное утро деревня могла получить легко и дёшево все материальные блага, которые являются заветной мечтой деревенской “мужицкой” жизни – они не только что с одушевлением и желанием пошлют своих сыновей и внуков в бой, но и сами примутся за войну по-“мужицки”, и кончат её скоро в сознании, что сражаются за успешное процветание “своих хозяйств”, тем самым за благосостояние будущей “счастливой деревни”

Общая черта отношения к войне “бедноты” городской и деревенской может быть выражена в следующих словах: “Вот пошёл брат на брата. Не хорошо это, нужно бы прекратить как-нибудь эту братоубийственную бойню. А нам-то что. Будет ли Колчак, Ленин ли будет – нашему брату всё равно пропадать” [41].

28 июня управляющий Алтайской губернией докладывал в министерство внутренних дел:

– Сообщаю, что большинство населения Славгородского уезда состоит из переселенцев-малороссов. За сравнительно короткое время своего пребывания на новом месте они ещё не успели экономически окрепнуть, почему большевистская пропаганда с обещаниями быстрого обогащения бедных за счёт богатых находит среди переселенцев массу приверженцев [42].

3 июля особый отдел госохраны сообщал:

– Крестьянство совершенно не интересуется политикой, хочет лишь установления в Сибири порядка, желает получить на свои деньги, скопленные за время войны и революции в большом количестве необходимые товары и мануфактур и просит одного: “Не тронь меня” [43].

9 июля управляющий Томским уездом направил отчёт управляющему Томской губернией, в котором отмечал следующее:

– Сельское население, имеющее прочное домообзаводство и хозяйство, относится к правительству с должным доверием и, по-

видимому, готово всячески его поддерживать. Что же касается элемента менее устойчивого – безземельные с неокрепшим хозяйством переселенцы и просто неработающие – эти уверенно ждут возвращения большевиков. Часть последних охотно вступает в грабительские банды, оперирующие в волостях, смежных с Мариинским уездом. Служащие в земских учреждениях, а также в кооперативах, в большинстве относятся к правительству недоброжелательно. Они ведут свою преступную работу негласно, путём лишь полуслов, намёков и бездействием в исполнении распоряжений правительственных властей, подрывают авторитет последних и роняют значение правительства в глазах населения. Малоуспешность борьбы с бандами объясняется в значительной степени работой этих лиц. Относительно мер, которые я со своей стороны признаю желательными для устранения указанных явлений, докладываю следующее: необходимо принять меры к общей организации уезда, путём введения в каждом селении правительственного органа, хотя бы и выборного, но сознающего свою ответственность за порядок. Признаю необходимым упразднение волостного земства и восстановления волостных правлений и старшин. Считаю необходимым срочно ввести в действие положение об участковых помощниках уездами. Необходимо создать удовлетворительную милицию, увеличить число милицеских участков и иметь конный милицеский отряд. Нужно наладить взаимоотношения с военными властями, в смысле согласованности действий в борьбе с бандами [44].

18 июля помощник начальника Алтайского губернского управления государственной охраны сообщил управляющему Алтайской губернией:

– В посёлке Малые Казармы (Белоярской волости Барнаульского уезда некоторыми жителями. – *В.К.*) <...> велась постоянно и совершенно открыто агитация против Временного правительства, которые убеждали жителей в том, что скоро вернётся опять Советская власть, и что тогда они покажут всем буржуям надлежащее место, причём старались доказать, что красные взяли Барнаул, взорвав там же и железнодорожный мост [45].

В начале июня 1919 г. крестьяне-собственники на съезде в Перми постановили принять необходимые меры для установления порядка на землях с целью увеличения производительности в хозяйствах. Крестьяне единогласно решили просить российское правительство передать землю в собственность крестьянству не только купленную отдельными хозяевами и полученную хуторами, но дать

право крестьянам получать в собственность наделную и общественную землю с правом обмена участков. Кроме того, они признали, что должно предоставить право всякому землевладельцу продавать свои земли крестьянам и Крестьянскому банку свободно. Крестьяне своими постановлениями доказывают, что возрождение России может быть основано 1) на понимании крестьянами обмана большевиков, желающих уничтожить всякую собственность и превратить всех в обездоленных пролетариев, 2) на поднятии крестьянского владельческого участка [46].

5 августа 1919 г. курганский уездный комиссар сообщил в министерство внутренних дел:

– Настроение крестьян районов расположения частновладельческих земель крайне враждебное. Опять начинаются захваты частновладельческого скота, изгнания владельцев заимок и поджоги последних. Устраиваются волостные солдатские собрания, которые выносят резолюции не давать солдат в случае мобилизации, не давать подвод [47].

Таким образом, колчаковское правительство отчётливо представляло себе, каковы настроения деревни и что необходимо что-то предпринимать помимо репрессий и реквизиций для привлечения симпатий крестьянства. Так, в начале июля омская газета призывала:

– В самом деле, откуда черпать силу для борьбы с противником? Разумеется, из деревни. А каково настроение всего деревенского люда, таково, несомненно, и настроение солдат... Почему когда-то за большевиками шло почти всё наше тёмное крестьянство? Потому, что большевики сумели создать в деревне “настроение”. Но они это настроение создали обманом, ложью, клеветой и предательством доверившихся им масс. Теперь же, когда крестьянство ясно увидело всю ложь и обман большевиков, оно поголовно от них отшатнулось. Необходимо разъяснить в каждой деревушке, что из себя представляет российское правительство и что именно нужно защищать [48].

А вот характерное признание омской газеты три недели спустя:

– Нужно в конце концов уяснить себе, что здоровая российская государственность может быть построена только базируясь на сельскохозяйственном населении. Иначе этой государственности не создать. И если правительство готово признать это, то и политика его должна быть ярко крестьянской. Нужно кровно заинтересовать сельскохозяйственное население в создании государства, нужно, чтобы сёла и деревни поняли, что наше государство мужицкое. И деревня поймёт это, когда власть, наконец, перейдёт от слов к де-

лу. И тогда исчезнут “тыловые” фронты, а образуется единый мощный фронт защитников свободного крестьянского государства [49].

Красноярские кадеты вообще считали, что крестьянство “беспартийно”, а основная проблема – необеспеченность деревни продуктами промышленного производства. Красноярская кадетская газета разъясняла:

– Важно противопоставить всяким большевистским агитациям о земном рае нечто вполне реальное. Крестьянство нуждается в мануфактуре, железе, таком важном продукте как соль, и во многом, многом другом. Правительство должно организовать снабжение крестьян этими предметами. Когда крестьянство увидит, что о нём заботятся, когда оно получит железо для ремонта своей избы и материи на одежду, то действительность будет настолько сильно влиять на его психику, что большевистский рай с неплатежом налогов и свободой самогонки потеряет свою прелесть для крестьянина [50].

Крестьянский вопрос озвучивался и с высоких трибун. Выступая на заседании Государственного экономического совещания 23 июня министр земледелия Н.И.Петров заявил:

– Опорой для восстановления нашего хозяйства и основной группой является крестьянство <...> Возрождение хозяйственной мощи деревни зависит от восстановления там спокойствия, а это может быть достигнуто лишь уверенной и соответствующей интересам крестьянства политикой власти <...> Ближайшими задачами экономической политики правительства в области сельского хозяйства должны явиться урегулирование современных земельных отношений на основе закономерного перехода к крестьянам землевладельческих и казённых земель сельскохозяйственного назначения. Затем, создание условий, благоприятствующих индивидуальному земледелию. Последней форме землевладения надлежит государству отдавать предпочтение [51].

Благие пожелания настолько не соответствовали социально-классовой позиции сибирских крестьян, что все мероприятия министерства земледелия сводились к бюрократическим мерам вроде разработки проекта учреждения департамента сельской промышленности. Штаб верховного главнокомандующего разъяснял:

– Означенный департамент имеет своей целью развитие отхожих промыслов, усовершенствование кустарного производства, содействия общественным, кооперативным и земским организациям в деле совместного производства, обработки сырых материалов и сбыта продуктов сельского хозяйства; участие в разработке проектов по

постройке железных и грунтовых дорог; более правильное использование и охрану труда в сельском хозяйстве и целый ряд других мероприятий, способствующих развитию сельского хозяйства. Учреждение департамента сельской промышленности, конечно, имеет большое значение для крестьян. Как орган, ведающий исключительно сельской промышленностью, указанный департамент может со всей тщательностью и подробностью изучить сельскую промышленность, устранить её недостатки и развить достоинства. Улучшение же сельской промышленности повлечёт за собой и улучшение благосостояния многомиллионного русского крестьянства [52].

Крестьянство, однако, понимало политику не из газет. Все бюрократические проекты правительств мало волновали крестьянство. Обывательские настроения в деревне – жалобы на отсутствие мануфактуры, железа и прочего, безусловно, имели место. Но главное состояло в том, что как только агенты колчаковского правительства появлялись в деревне и начинали реквизиции и экзекуции, крестьянство сразу же вспоминало времена большевиков. Такова психология крестьянской массы – они хотят такого правительства, которое бы не вмешивалось в их размеренную сельскую жизнь, не мешало бы их “самоуправлению”. Они же выступают в силу своей мелкобуржуазной природы против контроля как со стороны государства буржуазного, так и со стороны государства диктатуры пролетариата.

2.4. Борьба на внутренних фронтах

Особенностью Гражданской войны было то, что война шла не только на фронте, но и в тылу. Выступления в городах, несмотря на то, что они были обречены на неудачу, не прекращались весной и летом 1919 г. Состав участников был неоднородным: в них участвовали как рабочие, так и новобранцы и военнослужащие в военных городках.

В городе Туринске утром 7 марта на площади около сборного пункта собралось около 400 человек, призванных по мобилизации, которые, отказавшись от явки, потребовали выдать им удостоверения в том, что они призваны по мобилизации насильно правительством, а не явились на службу добровольно, причём угрожали сорвать с уездного воинского начальника погоны. Однако их удалось довольно легко разогнать [1].

В начале марта на Тюменский сборный пункт стали прибывать подлежащие призыву по мобилизации 1914 – 1918 годов новобран-

цы. Они открыто выражали своё недовольство, иногда высказывая и прямые угрозы: “Пусть только выдадут оружие, мы им покажем”. Утром 13 марта отряд мобилизованных с несколькими револьверами направился к зданию Ремесленного училища, где размещался склад оружия. Не встретив сопротивления, они захватили винтовки, патроны, тесаки и пики. Начальник милиции В.К.Островский с небольшим отрядом конных милиционеров прибыл к Ремесленному училищу уже после того, как мобилизованные направлись к отстоящему в 2 – 3 верстах от города лагерю военнопленных, где было около 2 тыс. красноармейцев. Островский преграждать им путь не решился и отправился патрулировать центральные улицы. Часть красноармейцев в лагере военнопленных присоединилась к восставшим, и они направлись на Копыловские сараи, а оттуда – освободить тюрьму и занять винный склад. Однако чешские отряды совместно с частями милиции оттеснили восставших от двух последних пунктов к Копыловским сараям и мельнице Гусева. К 4 часам дня удалось занять Копыловские сараи, арестовав там около 500 человек. По приказу командующего Сибирской армией генерала Гайды бунт подавлялся “самыми жестокими мерами”, а все захваченные с оружием расстреливались на месте без суда. К 14 марта восстание было окончательно подавлено. Было расстреляно около 200 восставших [2].

Не прошло и месяца, тревожные вести поступили из Томской губернии. Вот что сообщил прокурор Томского окружного суда В.Чижевский прокурору Омской судебной палаты:

– В ночь с 5 на 6 апреля на гарнизон села Кольчугино, состоявший под началом подпоручика Зеленкова из 15 офицеров и 153 солдат (6-я рота 46-го Сибирского полка) и вооружённый пулемётом с тремя к нему лентами, 162 винтовками и 7 636 патронами, 16 револьверами “Наган” и 30 гранатами, было совершено вооружённое нападение <...> В ночь на 6 апреля бунтовщики вошли в помещение гарнизона через незапертую изнутри дверь и напали на дежурную часть взвода (солдат), которые не оказали им никакого сопротивления; часть солдат разбежалась, часть же, не раздумывая, присоединилась к бунтовщикам <...> Зеленков бунтовщиками после сопротивления с его стороны был убит, а остальные офицеры в числе 8 человек, видя безнадежность сопротивления, скрылись и пробрались на станцию Топки <...>

Восстание было организовано посторонней группой, человек в 40, прибывших в Кольчугино по железной дороге за несколько дней

до этого. К этой группе присоединились рабочие копей, часть рабочих военнопленных и часть солдат гарнизона. По некоторым сведениям число участников восстания достигло 900 человек, но оружия они имели человек на 150. Военными действиями бунтовщиков руководил какой-то военно-революционный комиссар, прибывший по некоторым сведениям в Кольчугино 4 апреля <...>

Бунтовщиками 6 апреля был снаряжён поезд из паровоза и углярки в сторону Юрги. Он успел пройти лишь станцию Плотниково. На станции же Раскатиха успел прибыть из Щеглова небольшой отряд ремонтёров (по закупке лошадей) отряда Анненкова, получивший сообщение о бунте. Этим отрядом был разобран путь около станции Раскатиха, поэтому поезд красных потерпел крушение, и углярка с пулемётом (захваченным из гарнизона) свалилась. Обстреленные ремонтёрами красные на паровозе бежали обратно в Кольчугино.

В полночь с 6 на 7 апреля банда бунтовщиков без всякого давления извне бежала из Кольчугино, очистив сначала станцию, а затем утром 7 апреля село и рудник. Касса рудника и магазины целы <...>

По получении известий о бунте на станцию Кольчугино были направлены чешские отряды, почему-то не поехавшие дальше станции Юрги, и отряд полковника Буланцева, каковым 7 апреля в 15 часов занята станция Плотниково, а 8 апреля в 14 часов занята станция Кольчугино. В Кольчугино для разбора дел о бунте организован фронтовой военно-полевой суд [3].

Это сообщение подтверждается в основном и другими источниками, за единственным исключением – число восставших не превышало 300 человек. Источники также расходятся в числе расстрелянных, называя цифру в 500 рабочих и 20 солдат кольчугинского гарнизона, однако приводящий эти данные участник восстания М.Г.Нечаев противоречит сам себе, поскольку он приводит цифру восставших в 200 – максимум в 250 человек [4].

21 апреля началось восстание в деревне Ксеньевке Ново-Кусковской волости Томской губернии. События развивались так. В ночь на 21 апреля группа жителей деревни Ксеньевки, готовящая восстание на 1 мая и узнавшая о том, что провокатор выдал группу властям, прибыла ночью в Ново-Кусково, где находилось около 30 милиционеров. Часть их была во время перестрелки убита, часть захвачена в плен и лишь немногим удалось скрыться. Утром было объявлено, что власть в Ново-Кусково перешла к восставшим и ими организован волостной ревком. Главный штаб восставших находился в

Ксеньевке, где также был создан ревком под председательством К.Курочкина. Кроме того, был создан революционный трибунал. Был организован отряд в 150 человек, но получить оружие из Томска он не смог, поскольку отправленные восставшим винтовки и пулемёт были перехвачены колчаковцами. 28 апреля после боёв отряд был вынужден отступить за Чулым, и белые вошли в Ново-Кусково. Началась расправа. Очевидец событий И.Кровельщиков вспоминал:

– Собрав всё взрослое мужское население, даже явились добровольно некоторые из активно участвовавших в восстании, надеясь доказать свою правоту белой цивилизации, всех собравшихся поставили стройными рядами и по порядку брали, раздевали, клали и били шомполами, а которые принимали участие в восстании и содействовали организации нашего отряда, тех избивали как только хотели, как только могли. А которые осмеливались заявлять о своих правых действиях (такие были), думая, что они объявляют, объясняют это людям воспитанным, благородным, думали, что они поймут и бросят издеваться и бросят убивать. Тем были выколоты глаза, отрезаны уши и до смерти зарублены шомполами. Таких было 6 человек. Так был замучен К.Курочкин <...> На другой день также были замучены 5 человек. И тела всех 11 человек были брошены в болото на скотском кладбище, без права отдачи семьям. Свиньи и собаки глодали кости убитых, заносили на село. Люди видели этот ужас, но молчали, боясь той же участи. Жёны убитых обратились к белому начальнику Сурову с просьбой о погребении людей, за что также получили наказания шомполами <...> Было сожжено до 20 дворов и 40 партизанских гумён, разграблено имущество, увезён скот. Жёны партизан арестованы, их насиловали <...> Были случаи, когда партизаны нападали и попадали в плен. Им отрезали носы, уши, отрубали пальцы, вырезали из кожи на груди боковой карман, клали туда всё отрубленное и расстреливали [5].

Весной 1919 г. в разных местностях Западной Сибири стали возникать партизанские отряды. Так, по сводкам, доставленным в министерство внутренних дел в конце апреля, в Тобольской губернии образовались партизанские отряды в сёлах Всесвятском, Сорочинском и Ермаковском. Общая их численность составляла 500 человек. Вошли в них как уцелевшие деятели Советской власти, так и многочисленные дезертиры [6].

В конце июня сформировался партизанский отряд в Кыштовке. Дело было так. В Кыштовку прибыл карательный отряд в 125 человек во главе со штабс-капитаном Чернецким. Он должен был рас-

правиться с 60 крестьянами, которых обвиняли в большевизме. Однако крестьяне сформировали отряд в 90 человек, командовать которым поручили Коркину, начальником штаба был поставлен М.Дьяков, который и оставил воспоминания об этом событии. Они разбили карательный отряд, загнав Чернецкого со штабом в болото. В начале июля отряд вырос до 10 тыс. человек, и его разделили на 5 армий. На вооружении отряда было 2 500 винтовок. Однако с началом сенокоса бойцы стали расходиться по домам и отряд сократился до первоначальной численности. С такими силами противостоять колчаковцам было невозможно, поэтому предлагалось два варианта действий: идти через Тару к Тобольску на соединение с 3-й Армией или на Алтай к Мамонтову. Но осуществить планы не удалось. Командующий Омского военного округа Матковский отправил против повстанцев следующие силы: из Тары 600 штыков с 12 пулемётами и 2 орудиями; из Каинска – польский легион в 800 человек с 20 пулемётами и 2 орудиями; из Татарки – 400 человек с 8 пулемётами. Повстанцы были разбиты, погибло 1 600 повстанцев [7].

Более серьёзной силой оказались партизанские отряды в Томской губернии. К середине мая в Мариинском уезде сформировалось несколько отрядов: в районе Малопесчанка – Кольон – Святославка – отряд П.Лубкова численностью 500 человек, пополнившийся за счёт мобилизованных новобранцев 1900 и 1901 годов и дезертиров; в Тюхтете, посёлках Ивановском и Соловьёвском, селе Поварёнкино, посёлке Платоновский – отряд Маслénкина и Зубова; в Красном яре и Златогорке – отряд в 100 человек под командованием В.Лубкова; в Усманке, Николаевке, Новотроицком – отряд в 150 человек. Вооружение у отрядов было самое разнообразное: от трёхлинейных винтовок и гранат до охотничьего ружья с самодельными пулями. Против П.Лубкова был направлен карательный отряд под командованием полковника Павлова-Русинова из 550 человек, состоящий из пехоты с пулемётами и 2 эскадронов кавалерии, с 15 конными милиционерами в качестве проводников и разведчиков. Операционная база этого отряда располагалась в селе Кольонском. Против В.Лубкова был опрaвлен карательный отряд под командованием подполковника Невестина в 50 человек и 10 пеших милиционеров. Операционная база отряда располагалась в селе Красный Яр [8].

Партизанские отряды, однако, были нестойкими. Они не выдерживали боёв с обученными правительственными войсками, однако отступали более или менее организованно, разбиваясь на мелкие

отряды и рассеиваясь по округе. Ядро отряда П.Лубкова в 50 человек передвигалось в районе сёл Святославки, Колыона, Белогородского, Тюменево, Туендатского и Беловодского. Колчаковские каратели, не имея возможности разбить партизанские отряды, расправлялись с беззащитными жителями деревень, уничтожая попутно имущество восставших. Так, 16 мая в деревне Ново-Орловке, где одно время находился штаб П.Лубкова, карателями было сожжено 45 домов, принадлежавших лубковцам [9].

В прокламациях, которые распространял штаб отряда П.Лубкова, крестьян призывали “немедленно прекратить платёж податей и отдачу своих сыновей в солдаты, ибо белогвардейцы ваших же сыновей направляют против вас”, оказывать содействие “отрядам Красной Армии” в Сибири, как называл свой отряд П.Лубков. Одна из прокламаций призывала крестьян к следующему:

– Товарищи крестьяне! Настал момент, когда легко можно сбросить иго, наложенное на вас продажным купеческо-офицерским правительством белогвардейцев. Вы теперь убедились, что это кровавое правительство кроме розог, шомполов и взимания с вас податей ничего вам не даёт [10].

20 июля Томский губернский комиссар сообщил в министерство внутренних дел, что в Мариинском уезде почти ежедневно в разных местах появляются группы восставших, именующих себя “партизанскими революционными отрядами” и отрядами красноармейцев. Они расправлялись с зажиточной верхушкой сёл и деревень, убивали чинов местной милиции, правительственных должностных лиц и священников. Колчаковские отряды рассеивали большие отряды, не давая им усилиться, однако мелкие группы, пользуясь поддержкой местного населения, были практически неуловимы [11].

Самым серьёзным очагом партизанского движения в Западной Сибири был Алтай. Особый отдел государственной охраны министерства внутренних дел в сводке за 17 – 24 февраля 1919 г. сообщал:

– В районе села Волчихи Славгородского уезда организовалась шайка около 100 человек, и так как из Барнаула нельзя выслать войск, то управляющий губернией обратился с просьбой о высылке в село Волчиху отряда из Семипалатинска, но ответа не получено. Об этом департаментом милиции сообщено начальнику главного штаба и командующему войсками Западно-Сибирского военного округа. Малейшее промедление грозит восстанием [12].

Партизан Р.П.Захаров вспоминал о событиях того времени:

– В начале 1919 г. было созвано собрание Серебренниковской, Боровской и Песчанской ячеек. На этом собрании говорилось, что ямщики, приехавшие за солью из под Соляных озёр, передавали, что в селе Кабаньевом началось восстание. Восстало 3 тыс. человек. Баранов, высказываясь за открытое выступление, говорил горячо и убедительно. Собрание склонялось к открытому выступлению, но я разубедил присутствующих в этом и предложил послать сначала разведку. Разведчиком поехал В.Трофимов. Поехал он как бы за солью. Вернувшись, он сообщил, что в селе Кабаньево красных нет, и что пять домов сожжено белыми, после того как Мамонтов со своей организацией убили милицию. Наладить связь с Мамонтовым не удалось. Эти известия немного умерили боевой пыл ячеек. Организационная работа на время затихла, но весной 1919 г. она развернулась с новой силой [13].

11 мая 1919 г. управляющий Алтайской губернией А.П.Строльман сообщал в департамент милиции министерства внутренних дел:

– 2 мая в районе Дьячихи и Востровой Славгородского уезда появилась вооружённая конная банда, бандитов около 40 человек, обезоружила лесную стражу, напав на волостную земскую управу <...> шайка растёт, отбирает у населения лошадей, сёдла, ведёт агитацию на почве большевизма <...> Из Барнаула послана часть отряда особого назначения в 60 человек при офицерах. Управляющие Барнаульским и Славгородским уездами выехали на место беспорядков [14].

Так начал формироваться отряд Е.М.Мамонтова в Славгородском уезде. В Каменском уезде организовался отряд И.В.Громова. Начальник Главного военно-революционного штаба повстанческих войск Сибири З.С.Воронов-Трунтов вспоминал, что 1 мая 1919 г. он предложил через своих односельчан в Корнилово прибыть к нему его единомышленникам. Всего собралось 20 человек, выпили за встречу, хотя представители отряда Мамонтова сильно возмущались, но всё же собрание открыли и решили сформировать отряд. Некоторые из собравшихся сменили фамилии: Трунтов получил псевдоним Воронов, Мамонов – Громов, Суханов – Ботал, остальные менять фамилии не стали. Командиром отряда выбрали Громова, Воронова – начальником штаба. Постановили бороться за власть Советов и на белый террор отвечать красным. Одним из первых дел партизан были набеги на дом Л.Л.Печатникова в Ярках, на каталажку в Ярках и на Прыганку. “После мелких набегов, – далее вспоми-

нал З.С.Воронов-Трунтов, – наш отряд сильно увеличился и имел связь с другими отрядами. Громов мне авторитетно заявил, что мы должны наступать на Камень” [15].

В Барнаульском уезде формировался отряд Г.Ф.Рогова. Особый отдел государственной охраны министерства внутренних дел в сводке за 17 – 24 февраля 1919 г. отмечал:

– Алтайская губерния. В пределах Барнаульского уезда Мариинской волости образовалась разбойничья банда под предводительством жителя села Жуланиха той же волости Григория Рогова <...> Банда состоит из 400 конных, 600 пеших, вооружённых 4 пулемётами. Из Барнаула против этой банды выслан отряд около 100 человек с оружием. По приближении отряда банда разбежалась, 17 человек арестовано, ведётся энергичное преследование [16].

Житель одного из сёл Титовской волости В.М.Голев вспоминал о Рогове и его отряде следующее. Рогов был крестьянином села Жуланихи Мариинской волости Барнаульского уезда, лет ему было 30 – 35, грамотный; по военной службе – фельдфебель, до Первой мировой войны служил в своём селе приказчиком в винной лавке. В 1917 – 1918 гг. до свержения Советской власти был членом уездного исполкома, а после свержения Советской власти бежал в свою волость и скрывался от белых на чернских заимках. Весной 1919 г. у Рогова уже организовалась группа будущих партизан, затем пришёл из-за черни Новосёлов с небольшой группой и Анатолий из Барнаула, и таким образом составил отряд человек 30 – 40. С этим отрядом Рогов в мае 1919 г. выступил в поход. Отряд в селе Озёрном разгромил волостное правление, через деревню Ларионову пошёл на волостное село Титово, заняв его без боя, поскольку в волостном селе белогвардейцев не было. После этого отряд последовал через Оплехину в Петрушиху и в село Верх-Чумышское той же волости. Из Верх-Чумышского отряд, переправившись через реку Чумыш, ушёл обратно в чернь. Отряд громил волостные правления, обезоруживал милиционеров и колчаковских карателей, истреблял сторонников Колчака и священников. В волостном селе в это время поп Василий Закурдаев и волостной писарь организовали дружину для борьбы с Роговым. Командование ею было поручено бывшему фельдфебелю И.Батраченко. Дружина эта, вооружённая берданками и трёхлинейными винтовками, разъезжала по сёлам волости, понуждая к выполнению податей и различных повинностей, которые после роговского налёта стали выполняться очень слабо. В село Титово за Чумыш дружина показывалась в редких случаях, потому что боялась Рогова,

который в это время делал налёты на причернские деревни, обезоруживая в них милиционеров, карателей и дружинников. Дружина боялась и жителей села, считая их соучастниками Рогова [17].

Эти сведения дополняются данными переписки управляющего Алтайской губернией и начальника Барнаульской уездной милиции, из которых следует, что в начале апреля в Егорьевской волости Барнаульского уезда действовал какой-то отряд в 50 человек с 2 пулемётами, производивший обыски у зажиточного населения и пугавший их тем, что “нас не бойтесь, а бойтесь тех, кто за нами придёт”. 12 апреля отряд ушёл через Мостовую – Пешени на Мочиги [18]. Вполне возможно, что этот отряд впоследствии оказался у Рогова.

11 июня 1919 г. управляющий Алтайской губернией сообщил в департамент милиции министерства внутренних дел:

– В селе Жуланixe Мариинской волости Барнаульского уезда появилось 6 человек вооружённых трёхлинейными винтовками во главе с местным обывателем Роговым. Для принятия решительных мер к задержанию шайки Рогова, их обезоружения мною немедленно в район Мариинской волости был командирован отряд особого назначения в составе 15 стражников при 2 офицерах, которому Рогова и его соучастников задержать не удалось, так как Рогов скрылся в тайге [19].

Отряд Рогова сыграл значительную роль в разгроме колчаковщины в Сибири, однако его последующие действия в 1920 г. привели к тому, что в советской историографии за ним прочно закрепилась репутация анархиста.

Четвёртым районом формирования партизанских отрядов стал Горный Алтай. По воспоминаниям партизана И.Н.Кудрявцева, к концу 1918 г. в Куяганской волости во многих сёлах были тайные группы сторонников Советской власти. В волости существовал даже волостной штаб, в который входили И.И.Гаммер, С.Г.Черников, В.Н.Кудрявцев, Л.М.Ярков, Н.В.Филатов, П.Д.Кокорин и И.Н.Кудрявцев. Он и приступил к организации партизанского отряда [20].

Ещё не представляя масштаба развёртывающегося движения, губернские власти рассчитывали справиться с партизанскими отрядами посылкой карательных отрядов в те сёла, откуда приходили доношения о появлении партизан.

Так, 2 мая 1919 г. управляющий губернией А.П.Строльман обратился в Семипалатинск к уполномоченному командующего войсками полковнику Караеву:

– В районе Волчихи, Востровой Славгородского уезда оперирует конная шайка бандитов. Посланный из Славгорода пеший отряд бессилен задержать бандитов. Прошу командировать для поимки конный отряд в сорок человек [21].

В сводке особого отдела департамента милиции министерства внутренних дел отмечалось:

– Для подавления беспорядков в Славгородском уезде были высланы один отряд из Семипалатинска, а другой – из Барнаула, часть отряда особого назначения, но вследствие недостаточно умелых действий со стороны воинского отряда, бандиты, за малым исключением, разбежались. В настоящее время под общим командованием начальника особого отряда высылается дополнительный отряд, усиленный командой чехов, с поручением изловить шайку, причём уже несколько бандитов задержаны. 10 мая на пристани Легостаевой Барнаульского уезда при отправке парохода с новобранцами, известными в районе преступниками велась среди новобранцев агитация не идти на службу. Двое милиционеров пытались задержать преступников, но были ими обезоружены, причём один милиционер убит. Высланные отряды милиции с помощью воинской команды настигли преступников, задержали их, и полный порядок восстановлен [22].

В приказе управляющего Алтайской губернией 22 мая требовалось:

– В связи с появлением в районе селений Волчихи и Востровой Славгородского уезда, Селиверстовской и смежных с ней Барнаульского уезда банды вооружённых разбойников, приказываю управляющему Барнаульским уездом и начальнику отряда особого назначения отправиться в названный район и принять решительные меры к задержанию банд разбойников. Начальнику отряда, усилив уже высланный отряд ещё 25 бойцами, встать во главе всех высланных в этот район вооружённых сил под руководством управляющего уездом, приказываю выполнить поставленную задачу [23].

Через два дня управляющий губернией информировал управляющего Славгородским уездом:

– В районе Волчиха, Вострово, Бутырки имеется отряд особого назначения при конном разъезде милиции. Сего числа высылается значительное пополнение. Общее руководство действиями отряда поручено мною управляющему Барнаульским уездом Кошлакову. Отряд состоит под командой штабс-капитана Куликова [24].

Весь июнь и июль от управляющего губернией и губернского управления государственной охраны поступали сводки в департамент милиции министерства внутренних дел. Воспроизведём характерные моменты:

7 июня: Текущую неделю вновь выдающихся событий не было, за исключением действий банды в Славгородском уезде, ограбившей Ново-Егорьевскую и Титовскую волостные кассы и расстрелявшей трёх милиционеров. Преследование банды производится.

17 июня: В Славгородском уезде в Волчихе бандой разбойников убиты лесничий и объездчики. Ограблены кассы лесничества и волостной управы. Благоволите срочным распоряжением командировать отряд для задержания банд.

23 июня: На границах Славгородского и Барнаульского уездов в районе сёл Волчиха-Селиверстово, отстоящих друг от друга в 30 – 45 верстах, расположенных на северо-западной опушке леса и находящихся на расстоянии 60 – 80 вёрст от станций Пospelиха – Рубцовка <...> вновь появилась банда разбойников, занимающаяся грабежами, убийствами и вообще бесчинством. Для задержания банды командирован, по сообщению управляющего губернией, отряд из Славгородского гарнизона и из Барнаула команда отряда особого назначения.

28 июля: 24 июля в 9 часов вечера в Востровой Славгородского уезда семипалатинским отрядом капитана Харченко бандиты окружены. При перестрелке убито шесть бандитов, отобрано две упряжных лошади, телега с награбленным имуществом. Вылавливание бандитов продолжается. 26 июля в Боевой Каменского уезда убит начальник милиции участка Городинин, ранен один милиционер. Меры к поимке бандитов приняты.

31 июля: Окрестности Бутырок кишат шайками грабителей. Были случаи нападения на милиционеров. Шайкой вооружённых бандитов в количестве около 200 человек заняты сёла Рожнево, Белово. 31 июля находились вблизи Ребрихи Барнаульского уезда, двигаются дальше, по пути присоединяются вооружённые крестьяне <...> Прошу распоряжений о ликвидации бандитов в Бутырском районе [25].

Таковую же тактику предпринимали власти в Каменском уезде. Помощник начальника милиции 6-го района Никитин 16 июля 1919 г. сообщил начальнику Барнаульской уездной милиции:

– В ночь на 15 июля я получил секретное сообщение от объездчика Нижне-Петровского лесничества кордона Филатова о том, что

банда вооружённых дезертиров, находившаяся под командой Чаузова, военным отрядом и отрядом милиции 6-го участка разбита, и мелкими группами разбежалась куда попало. Большая часть этих дезертиров, числом около 20 человек, сгруппировалась на Калманских островах, лежащих на Оби, между селениями Калманкой и Усть-Алейским <...> Здесь от села Калманского является необходимость перехватить их, а это возможно лишь тогда, когда будет у меня несколько милиционеров, а при одном милиционере это практически невозможно [26].

25 июля начальник Каменской уездной милиции сообщил управляющему уездом:

– За истекшую неделю по уезду было замечено несколько случаев антиправительственной агитации, за которую были задержаны в селе Крутихе 3 человека. Опиерирующая по уезду грабительская вооружённая шайка по имеющимся сведениям увеличивается: начальник милиции 3-го района 22 июля донёс: в бору около Усть-Мосихи скапливаются тёмные личности. Прошу о высылке отряда <...> Признаю необходимым ходатайствовать о срочной высылке воинской команды для борьбы с шайками грабителей [27].

Таким же было положение в Барнаульском уезде. Алтайское губернское управление государственной охраны сообщило 12 июля 1919 г. в особый отдел департамента милиции:

– Начальник 2-го района Барнаульской уездной милиции <...> донёс <...> к 5 июля следующее: Положение критическое, бандами заняты сёла Жуланиха, Мироновское, Афонинский посёлок. Банда Рогова соединилась с бандой Лубкова из Кольчугинских копей численностью до 200 человек. Есть намерение продвинуться к селу Сорокино <...> На Чуйском тракте в районе Кош-Агача <...> оперирует какой-то отряд в 1 300 человек [28].

7 июля управляющий Алтайской губернией сообщал уполномоченному командующему войсками в Бийск:

– Бандиты из района Жуланихи двигаются по направлению станции Овчинниково <...> Отозванный из Большой Речки отряд чехословаков прошу немедленно заменить другим, ибо деятельность шайки Чаузова в связи с событиями в Жуланихе усилилась [29].

Одновременно с организацией партизанских отрядов происходила организация повстанческих штабов и выработка лозунгов движения. Партизан С.М.Безубцев вспоминал:

– После занятия села Ялбанки партизанами на второй день было занято село Коробейниково. В Коробейниково и Нижне-Озёрной

были созданы повстанческие штабы. 26 июля 1919 г. в Коробейниковой штаб был создан из следующих товарищей: И.Падолин, А.Ас-трондов, В.Никулин. Начальником штаба стал В.Никулин. Комиссаром был С.Иванников. В Нижне-Озёрном штаб был создан из П.Сokolова, А.Попова, А.Никифорова и не помню остальных. В этот же день был организован совместный отряд из коробейниковцев и нижеозёрнинцев, командиром которого был назначен я. Моими заместителями по коробейниковскому отряду – А.Балашов и по нижеозёрнинскому – Скорых. С этим отрядом в ночь с 26 на 27 июля было занято с боем село Новообинск, где стояло 60 казаков, казаки отступили <...> Здесь 27 нами был организован повстанческий штаб [30].

12 июля 1919 г. в селе Жуланихе прошёл съезд Советов, на котором были представлены делегаты четырёх волостей и повстанческих отрядов, всего 75 человек. Председательствовал на съезде Г.Ф.Рогов. Съезд обсудил доклад Рогова о борьбе с колчаковщиной и об установлении Советской власти в Причерном крае. Выступало много делегатов с мест. Было принято единодушное решение о всемерной поддержке партизанской борьбы с колчаковщиной, о разгоне земской власти и о создании ревкомов на партизанской территории. Были избраны исполком краевого Совета, в который вошли Чекрыжев, Колоухов, Леонов, Белкин и другие, и военно-революционный комитет (штаб) в составе председателя Г.Ф.Рогова и членов Анатолия, А.В.Крылова, И.М.Дрожжина и Ворончихина [31].

30 июля управляющий губернией А.П.Строльман сообщил в департамент милиции министерства внутренних дел:

– Рогов уверил население, что земское самоуправление – одно и то же, что Совдеп и, что недалёк тот час, когда Советская власть будет полностью опять восстановлена. Пропаганда Рогова безусловно имела успех в Мариинской волости, так как население, видя безнаказанность его, уверилось в том, что советские деятели могут вернуться к власти <...> Результатом агитации Рогова явилось то, что многие молодые люди, подлежащие призыву, на военную службу совершенно не явились, а некоторые из явившихся – дезертировали с воинских частей даже с казённым оружием и присоединились к шайке Рогова; население Мариинской волости не только не выдаёт их, но всячески скрывает, боясь мести со стороны Рогова и его соучастников [32].

Восстания начались и в Горном Алтае. Партизан подпольной группы села Александровка Куяганской волости Бийского уезда

И.Т.Дмитриев оставил свои заметки о событиях на Алтае с 15 июля 1918 г. по 2 августа 1919 г. Он рассказал следующее. В селе Куягане был на постое взвод казаков, а как только были созданы кулацкие дружины, казаки уехали. В мае 1919 г. проходила мобилизация молодёжи рождения 1900 – 1901 гг. В село приехал офицер с солдатами, собрал сход и объявил о мобилизации. Везде были развешаны приказы Колчака. За уклонение от мобилизации – расстрел на месте, за укрытие дезертира – расстрел. Пришлось давать совет мобилизованным – стараться бежать в пути, а не удастся – переходить к красным. В мае был схвачен руководитель подпольного штаба И.И.Гаммер. Схватили члена волштаба Н.Ф.Филатова. К концу июля 1919 г. из села Александровки 16 человек заподозренных скрылись в горных трещинах горы Плешивой. Крестьянина Фёдорова кулаки заподозрили в связи с бунтарями. Ему пришлось бежать, но дружинники его догнали, избили и привели в сборню для отправки в комендатуру. Дочь Фёдорова, зная где скрывались четверо партизан – И.Н.Кудрявцев, П.С.Зайцев, Е.С.Редькин и П.Н.Макаров, – прибежала к ним и сообщила о поимке отца. Они кинулись на выручку. Неожиданно вскочив в сборню и угрожая ручными гранатами, они обезоружили конвой и освободили Фёдорова. Это было 27 июля. А 29 июля состоялось тайное совещание руководителей подполья в посёлке Гремешка [33].

Секретарь ревкома села Александровки Куяганской волости партизан И.Н.Кудрявцев привёл в своих воспоминаниях дополнительные подробности. 29 июля 1919 г. в селе Александровке состоялось тайное совещание подпольщиков Куяганской волости. Они решили поднять восстание в волости. К ним присоединился сход села Александровки. Был создан военно-революционный штаб из 5 человек: В.Н.Кудрявцев – командир повстанческого отряда, И.Н.Кудрявцев – военком, П.С.Зайцев – заведующий разведкой. В.Д.Бухмостов – заведующий связью, И.С.Дмитриев – заведующий хозяйственной частью. Был избран ревком из 3 человек: И.С.Редькин – председатель, Ф.Е.Помыкалов – заместитель, Н.В.Кудрявцев – секретарь [34].

Партизан Д.Ряполов вспоминал, что 22 июля началось восстание в селе Камышенка Сычёвской волости, был сформирован отряд, который разослал по окрестным сёлам сообщение о начале восстания. Затем отряд прошёл Солонковский район, Паутовский, Верх-Онуиский, Сычёвский и часть Смоленского, намереваясь пройти в Бийск. Но отряд был окружён и 4 августа после боя в местечке Ремнёвка он отошёл в горы [35].

Другим, кроме Алтая, крупнейшим очагом партизанского движения была Енисейская губерния, где небольшие первоначально повстанческие отряды быстро разрослись до нескольких тысяч человек, образовав 4 фронта, ликвидировать которые колчаковцы при всех усилиях не могли.

В марте колчаковские власти решили разгромить отряд Щеткина, который насчитывал от 400 до 700 человек и действовал в Ачинском уезде и Боготольской волости Мариинского уезда. Были высланы карательные отряды из Енисейска в 900 человек, Ачинска – 800 человек, Красноярска – 800 человек с двумя орудиями и несколькими пулемётами, из Томска – 200 человек с 2 пулемётами. Партизанский отряд оказался в кольце. Хотя были предложения разойтись по домам, но всё же большинство отряда, зная, что их ждёт суровая расправа, решили выйти из окружения. Первоначально предполагалось прорываться к отряду Перевалова, который оперировал к юго-западу от Ачинска, но стало известно, что этого отряда уже нет. Тогда было решено прорываться на Степной Баджей на соединение с армией Кравченко. Ведя арьергардные бои, партизаны дошли до тайги. В тайге белые прекратили преследование [36].

В районе Степного Баджея действовали три отряда – Канский, Тальский и Манский. Организация власти началась в Канском отряде, когда в середине февраля в 3-й роте Канского полка был избран ротный Совет. Затем ротные Советы были выбраны во всём полку. Потом был организован полковой Совет под председательством Шаклеина. По аналогии стали создаваться Советы в других полках. В Тальском полку этой работой руководил Кравченко, в Манском полку – Костюченко. После этого был созван I Армейский съезд, на котором и был сформирован Армейский Совет. Возглавил его С.Сургуладзе. В составе Совета было несколько отделов – военный (Главный штаб), снабжения, мобилизационно-конфискационный и здравоохранения. Главнокомандующим партизанской армией стал А.Д.Кравченко. На съезде было составлено обращение к крестьянам, в котором объявлялось, что партизаны борются за свержение капитала и реакции, за установление власти Советов. Следом за Армейским в Вершино-Рыбинском прошёл съезд с участием представителей от нескольких волостей, находившихся на территории, занятой партизанами. Был избран Объединённый Совет с теми же отделами, что и Армейский Совет. Возглавил Объединённый Совет П.П.Петров. Кроме этого, был организован революционный трибунал. Резиденция Совета была в Степном Баджее, укрытом тайгой и рекой

Маной. Власть Совета распространялась на 17 волостей Канского и Красноярского уездов [37].

Аналогичным образом на I партизанском съезде Северо-Канского фронта был избран Армейский Совет под председательством В.Г.Яковенко, командующим армией был выбран Н.М.Буда. В составе Совета были отдел народного хозяйства, военно-революционный трибунал, следственная комиссия. Так оформилась Тасеевская республика [38].

Третьим районом партизанского движения был Шиткинский фронт. Его создание относится к февралю 1919 г. Партизаны 28 февраля заняли село Шиткино, что позволило им взять под контроль значительную часть Нижнеудинского уезда. Были сформированы 7 партизанских отрядов общей численностью 1,5 – 2 тыс. человек. Командующим фронтом был избран К.М.Москвитин. 2 марта в село Шиткино был отправлен карательный отряд из 50 человек под командованием 4 офицеров. Однако формирующийся партизанский отряд дал серьёзный отпор и каратели отступили обратно в Тайшет. К партизанскому отряду стали присоединяться дезертиры и сочувствующие из окрестных деревень и вскоре отряд вырос до 800 человек, заняв полностью Конторскую волость Канского уезда. Командование партизанским отрядом приняло энергичные меры к восстановлению порядка и дисциплины в отрядах, категорически запретило собирать у населения продовольствие и фураж, повело решительную борьбу с самогонкой. Всё это подняло боеспособность отряда [39].

В Минусинском уезде, который пока не превратился в партизанский фронт, по селениям ходили агитаторы, призывавшие к сопротивлению колчаковскому правительству, убеждали крестьян, что во многих местах Сибири большевики взяли перевес над правительственными войсками. Уездный комиссар Тарелкин усиленно рассылал циркуляры с требованиями арестовывать подозрительных или занимающихся пропагандой и распространением слухов лиц, угрожая местным властям всяческими репрессиями со стороны военного командования, но эти меры имели лишь обратный эффект – симпатии к партизанам только усилились [40].

Партизанское движение в Енисейской губернии представляло серьёзную угрозу для колчаковской власти, поэтому подавлению восстаний и ликвидации партизанских отрядов придавалось первостепенное значение. Все меры считались допустимыми, поскольку партизанские отряды угрожали железнодорожному сообщению Си-

бири и Дальнего Востока. Вот что рекомендовал департаменту милиции министерства внутренних дел управляющий Енисейской губернией П.С.Троицкий 5 марта:

– Камарчагский, Тасеевский и Ачинский фронты будут к весне ликвидированы... Так как нельзя рассчитывать на полное их уничтожение, то можно предвидеть образование мелких шаек в 10 – 50 человек, которые, рассеявшись по губернии, будут до некоторой степени неуловимы для военных отрядов и в то же время очень сильны, чтобы можно было ликвидировать их силами милиции. Уже и теперь можно судить, что такие шайки, грабя наиболее зажиточное население, будут на местах охотиться главным образом за представителями власти <...> Для борьбы с такими шайками необходимо усилить репрессии... Отрядам милиции, действующим против шаек, необходимо дать права и полномочия, которыми пользуются воинские отряды, вплоть до расстрела преступников на месте. Необходимо разрешить конфискацию имущества как лиц, принимающих активное участие в противоправительственных выступлениях, так и оказывавшим содействие им [41].

26 марта командующий войсками, действовавшими в Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде Иркутской губернии, генерал-лейтенант С.Н.Розанов издал приказ о том, что при занятии селений, захваченных партизанами, необходимо требовать выдачи вожаков, если их не выдадут, то расстреливать каждого десятого; население, помогающее партизанам, должно уничтожаться беспощадно; если селение встретило правительственные войска с оружием, то селение надо сжечь, мужчин поголовно расстрелять, имущество забрать в казну; взять в сёлах заложников. Если село выступает против правительственных войск, то заложников надо расстреливать [42].

31 марта Колчак “для решительного и окончательного прекращения мятежных и разбойных выступлений” предоставил дополнительные полномочия занятым уничтожением партизанских отрядов: командующему войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанту Артемьеву – права командующего армией, а генерал-лейтенанту Розанову – права генерал-губернатора [43].

В начале апреля уцелевший после разгрома колчаковцами партизанский отряд во главе с П.Е.Щетинкиным смог добраться до Степного Баджея и присоединиться к армии Кравченко. Яркие воспоминания об этом событии оставил сам П.Е.Щетинкин:

– 4 апреля после пятидневного перехода через 100-вёрстную бездорожную тайгу я соединился с отрядом Кравченко. На первых

хуторах Степнобаджейской волости нас встретил с ротой партизан Иван Боган, привезший нам хлеб от имени Кравченко. В тот же день я увиделся с самим Кравченко и затем, вернувшись к отряду, ещё стоявшему на хуторах, устроил собрание бойцов. На собрании было постановлено переименовать “Крестьянский отряд” в Северо-Ачинский партизанский полк. Вместе с тем отряд был переформирован по ротам и батальонам. На состоявшемся переизбрании командующего состава комполка был избран Щетинкин, помощником – Уланов [44].

В начале мая в целях перерыва сообщения по Сибирской железнодорожной магистрали партизаны повели наступление двумя группами: на станции Канск и Тайшет, намереваясь захватить их. Тасеевская группа, силою около 1 000 штыков и 500 сабель, развила свои операции по двум направлениям: на Христо-Рождественское и Абан, отстоявшие в 50 – 60 верстах от Канска. Против расположенного левого отряда группы полковника Красильникова партизаны пытались произвести атаки и обходы, но были отбиты белыми. Против правого отряда группы Красильникова партизанский отряд силою около 800 человек повёл наступление с трёх сторон на Абан. Средняя группа партизан, переправившись через реку Абан, стала накапливаться на берегу, но открытием плотины и ударом стрелков была сброшена в реку. Две другие группы партизан, из которых одна была конная в 400 всадников, также были отброшены. Тайшетской группе партизан, насчитывающей до тысячи штыков, вначале удалось захватить станцию Тайшет, но затем ударом полутора батальонов чехов, поддержанных батареей и броневиком, эта группа была разбита и отброшена к северу.

В Степно-Баджейском районе (южнее железнодорожного участка Красноярск – Канск) с целью оказания содействия Тасеевской группе при её наступлении на Канск с севера, партизаны из района, расположенного к югу от железнодорожного участка Свищево – Ключвенная, начали перебрасывать свои отряды к востоку, в район юго-западнее Канска. На Енисее, севернее Красноярска, партизаны попытались занять прибрежные сёла для перерыва сообщений по Енисею. Для ликвидации этой группы партизан 14 мая был отправлен пароход с отрядом пехоты [45].

Белым удалось не только отбить попытки партизан расширить фронт и прервать железнодорожное и водное сообщение в Енисейской губернии, но и начать решительное наступление против партизанских отрядов. 15 июня в 1 час дня отряд войскового старшины

Розанова занял Степной Баджей и, продолжая наступать на деревню Ново-Вознесенскую в 20 верстах от Степного Баджея, нагнал арьергард отступавшей армии Кравченко. Последние, бросив значительную часть обоза, вынуждены были двинуться на юг в Минусинский уезд [46].

Участь тех, кто не смог или не захотел уходить с партизанами, была ужасна. Вот что вспоминал партизан Я.З.Ковалёв:

– Начинается белый террор над крестьянами, режут скот, бьют нагайками, рубят шашками, насилуют женщин и издают приказ всем крестьянам Степно-Баджейской волости – выехать в 24 часа по направлению к станции Камарчага, забирается весь скот, коровы и лошади, крестьяне потянулись со всей волости, дома всей волости сжигаются до основания, 900 коров пригоняют в Красноярский военный городок <...> дожди, ненастья, является кошмар: дети кричат от холода, по дороге у крестьян грабят вещи казаки. Все ужасы описать нельзя, кто участвовал в этом восстании, тот век свой не забудет [47].

В июне белые начали наступление на Тасеево. Достигнув 15 июня деревни Таловской отряд штабс-капитана Пономарёва, обстреляв из орудий позиции партизан, вынудил их разбежаться. В это время отряд полковника Красильникова занял деревню Канарай севернее деревни Суховской. 17 июня белые из деревни Хайдальской начали наступление на Тасеево и после 2-часового боя заняли село. Жестоко расправившись с оставшимися в селе стариками и разграбив имущество, белые подожгли село. На всём пути движения каратели безжалостно расправлялись с населением, подвешивая живых на крючья над колодцами и оставляя висеть повешенных по нескольку дней, не разрешая их хоронить. Участвовавшие в истреблении партизан были щедро награждены. Указом А.В.Колчака 21 июня приказывалось изъять из пользования крестьян Енисейской губернии селений Тасеево Канского уезда и Степно-Баджейского Красноярского уезда все государственные земли и обратить их в земельный фонд, предназначенный для устройства тех, кто участвовал в боевых операциях белой армии. Красноярская кадетская газета разъясняла, что “изъятие земли из пользования крестьян Степно-Баджея и Тасеева согласно указу верховного правителя от 21 июня – мера исключительная; она вызвана крайне тяжёлой обстановкой Гражданской войны, в которой приходится прибегать к серьёзному оружию – сильному, решительному воздействию на народную психику в целях предотвращения новых волнений”. Далее газета успо-

каивала, что “эта мера – неизбежное зло – болезненное противоядие общему отравлению губернии большевизмом”, поскольку “близорукые политические деятели, вставшие у власти сразу после свержения большевиков, по русско-интеллигентской дряблости души, не решились прекратить волнения в их зародыше и допустили распространения пожара анархии по всей губернии. За эти грехи нам приходится расплачиваться, прибегая к неприятным, но неизбежным средствам, как к массовому переселению крестьян, заражённых большевизмом”. Объявив партизанские отряды в Енисейской губернии разгромленными, командующий войсками Енисейской и части Иркутской губернии 9 июля сообщил о том, что все насильно мобилизованные красными могут вернуться в свои селения, где они будут помилованы, не вернувшимся же грозил военно-полевой суд и сожжение дворов с постройками [48].

Однако победные репортажи властей в Енисейской губернии были преждевременными. 11 июля управляющий Канским уездом сообщил управляющему губернией, что после ухода правительственных войск с Фаначетского фронта партизаны, оттеснённые на север, вновь заняли село Фаначет, прервав сообщение белых с селом Тасеевским. Затем они окружили и само село Тасеевское. Северовосточная часть уезда (Соколовская, Червянская и Невьянская волости) и юго-восточная часть (Шелаевская волость) были заняты партизанами. Начальник Тасеевского гарнизона белых смог сообщить лишь, что гарнизон засел в церкви и 4 дня отстреливался из пулемётов. Но боеприпасы подходили к концу. Таким образом, делал вывод управляющий Канским уездом, “Тасеевский фронт, можно сказать, восстанавливается, потребует опять длительных и сложных операций и громадных жертв” [49].

Тем временем остатки армии Кравченко вступили в Минусинский уезд. Предоставим слово участнику событий С.М.Бордюгову:

– При вступлении на территорию Минусинского уезда и после того, как форсировали 3 горные реки, несущие свои воды в реку Тубу, а последняя – в Енисей, командованию нашего партизанского отряда А.Д.Кравченко и П.Е.Щетинкину стало ясно, что при таком нажиме колчаковских войск и при наличии разбухшего армейского обоза, растянувшегося на 10 с лишним вёрст, вести маневренную партизанскую войну с противником невозможно <...> Как выход из создавшегося положения командование партизанского отряда решило направить армейский обоз вместе с больными, ранеными и членами семейств в сёла Григорьевку, Салбу и Чёрную Речку, в южную

часть Минусинского уезда к выходу в Урянхайский край по Усинской колёсной дороге, тянувшейся через отроги Саянских гор. Во избежание случайностей на случай нападения карательных отрядов Колчака вместе с армейским обозом и для защиты его пошли два полка: Канский, Тальский, советская рота, возглавляемые командующим отрядом А.Д.Кравченко <...>

Дошли до второго усинского перевала <...> Быстрота течения воды сбивает с ног лошадей, человек удержаться никак не может, а на высоте в 100 с лишним метров белогвардейские казаки и дружинники из кулацких сынков засыпают нас пулями из 300 стволов и двух пулемётов. Паром через реку снят, лодки удалены. Справа непроходимая тайга с топкими болотами, слева – отрог Саянского хребта, упершись в реку, образовал на десятки вёрст крутой берег непреодолимой высоты. Инженерная разведка Тальского полка сообщила, что подножье гор слева также заболочено и не выдерживает человеческой ступни. Строить и прокладывать под таким сильным огнём противника нельзя <...> Командующим Кравченко приказано оставить форсирование реки Ус и залечь в наспех вырытых окопах. К этому времени подошёл Щетинкин со своим полком, так как до этого времени Северо-Ачинский полк находился в арьергарде и отбивал нападение противника, нападавшего со стороны Минусинска <...>

На совещании старшего командования было решено, что первый батальон Северо-Ачинского полка под командованием Загумённого занимает оборону, а Тальский полк под командованием своего командира полка Марченко по данным разведки отходит вниз по течению реки Ус на 25 – 30 вёрст и заходит в тыл белогвардейцам, засевшим на переправе и не дающим нам двигаться вперёд в Усинский, а затем Урянхайский края. Двое с лишним суток партизаны Тальского полка со своим командиром Марченко пробирались через тайгу и болота и утром в 6 часов подошли с тыла к противнику и своим громким ура в 600 голосов известили, что надо форсировать сердитую реку Ус и взять в клещи белоказаков. В результате этой операции было взято живыми казаков 250 человек и несколько десятков дружинников во главе с волостным старшиной, около 300 казачьих лошадей вместе с сёдлами, 300 с лишним винтовок и карабинов, два пулемёта – один “Кольт” и другой “Максим”, 50 тыс. патронов <...> Итак, путь нашему партизанскому отряду в просторы Урянхайского края был открыт [50].

Преследовавший отряды Кравченко и Щетинкина есаул Бологов, поняв, что основная масса партизан ушла от него, от отчаяния потребовал от жителей Минусинского уезда вылавливать партизан и доставлять их в Минусинск или в штаб Бологова в Григорьевку для предания их военно-полевому суду [51]. Разумеется, приказ этот выполнен не был.

В конце июля в самом Красноярске произошло восстание в военном городке. В ночь на 30 июля солдаты нескольких рот 31-го Сибирского запасного полка и военнопленные, находившиеся в военном городке, вышли из казарм, разобрали винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. Около 2 часов ночи военные власти получили известие о событиях в военном городке. Командование отправило разведку, которая сообщила о передвижениях цепями от военного городка по направлению к часовенке, возвышавшейся на Каравальной сопке. Против восставших были отправлены правительственные войска и казаки, которые, смяв левый фланг восставших, обратили их в бегство. Затем правительственные войска ударили в центр при поддержке огня пулемётов и бомбомётов, а в тыл ударил оставшийся верным правительству полк в военном городке. К 9 часам утра восстание было подавлено, лагерь военнопленных заняли чехи [52].

Участник событий В.П.Кузнецов вспоминал:

– Началось с пищи. Будучи взводным командиром 7-й роты я фактически командовал этой ротой. Ни фельдфебеля, ни офицеров в роте не было. Командир батальона штабс-капитан Колгатин, знакомый по школьной скамье, мне доверял. Решено было использовать момент <...> Создалась подпольная военная группа в нашей роте. В мае были выдвинуты предложения о подпольных полковых делегатских собраниях, о подготовке восстания и захвате власти. Официальное собрание полковой подпольной организации состоялось на берегу Енисея. Присутствовало 8 – 9 человек <...> Заседание постановило <...> охватить [агитационной работой] 31-й Сибирский стрелковый полк и 4-й стрелковый полк с приданной ему батареей, расквартированной в военном порядке в лагерях [53].

Далее он рассказывал, что солдат особенно возмущали условия расквартирования в конюшнях, хотя и переоборудованных под жильё. План восстания был таков: арестовать офицерский состав, захватить склады оружия, подготовить к восстанию рабочих железнодорожных мастерских и захватом городка объявить Советскую власть. Гарнизон военного городка насчитывал до 6 тыс. человек.

29 июля в военном городке в одной из учебных траншей состоялось последнее собрание подпольщиков. Ночью 30 июля было решено дать сигнал к восстанию. Ровно в 12 часов раздался винтовочный выстрел. Это был сигнал к выступлению. Офицеры, заблаговременно узнав о восстании, забаррикадировались в своём клубе. Клуб пришлось брать с бою. В ходе восстания с самого начала произошла большая ошибка. Не была своевременно перерезана связь с городом. О восстании было уже сообщено. К тому же 4-й полк не выступил вовсе. Под утро дозоры заметилидвигающиеся от города цепи. Восставшие приготовились, растянувшись полукругом в цепь и выставили 32 пулемёта. Перед восходом солнца начался бой. На стороне белых было численное превосходство. Не выступивший 4-й полк громил восставших артиллерией с тыла. Одновременно началась бомбардировка со стороны города. Бой продолжался уже 8 часов, когда в 11 часов утра цепь повстанцев дрогнула окончательно и побежала. К 5 часам вечера восстание было ликвидировано. После этого началась расправа. Расстреливали сначала каждого третьего, а затем десятого. Всего было расстреляно около 700 человек [54].

Партизанские действия, несмотря на их разрозненность и географическую разбросанность, а также подавленные городские восстания и выступления новобранцев, тем не менее оказали серьёзную помощь частям Красной Армии на фронте, разрушая тыл белых, держа его в напряжении и оттягивая на себя часть вооружённых сил Колчака.

2.5. Внешняя и внутренняя политика

Весной 1919 г. произошла смена во внешнеполитической ориентации колчаковского правительства. Если 18 февраля председатель Совета министров П.В.Вологодский сообщал Д.Л.Хорвату, что колчаковское правительство не считает необходимым менять свою политику в отношении Японии, поскольку последняя не обладает достаточными финансовыми и техническими ресурсами, а использование японской военной помощи поставит колчаковское правительство в полную зависимость от Японии, то уже в марте управляющий министерством иностранных дел Сукин сообщил Хорвату, что колчаковское правительство намерено установить сепаратное соглашение с Японией за спиной Англии и Франции, но с их ведома. Переговоры будут вестись в Омске, куда прибудет японский дипломатический представитель Мацусима [1].

Со стороны А.В.Колчака также была предпринята попытка ликвидировать конфликт со ставленником Японии атаманом Г.М.Семёновым. Еще 21 января Совет министров колчаковского правительства постановил образовать при министре юстиции чрезвычайную следственную комиссию в составе председателя и четырёх членов “для расследования поступивших к правительству сообщений, донесений и жалоб на противозаконные и неправильные по службе действия бывшего командующего 5-го Приамурского корпуса” полковника Г.М.Семёнова [2].

К марту комиссия была создана, её председателем был назначен генерал Г.Е.Катанаев. Отправляя комиссию в Забайкалье, адмирал А.В.Колчак заверял генерала, что он “лично совсем не враг атамана Семёнова” и комиссию назначил для того, чтобы выяснить все обстоятельства, и если окажется неправдой то, что Семёнов является изменником, то Колчак “охотно готов даже идти ему навстречу” [3].

Согласно дневниковым записям Катанаева, к нему в Иркутске явился полковник английской миссии Грочан, который убеждал его принять все меры к тому, чтобы кончить распрю между Семёновым и Колчаком, даже если для этого адмиралу придется отменить приказ № 60, поскольку большевики опять поднимают в Сибири голову, борьба с ними становится всё труднее и необходимо объединить все силы [4].

Был ли действительно столь искренен английский полковник или это была какая-то интрига со стороны англичан – судить трудно. Однако настрой Катанаева – примирить адмирала и атамана – эта дневниковая запись характеризует достаточно отчетливо.

В Чите Г.Е.Катанаева встретили генерал Ооба, начальник штаба полковник Окура и начальник японской военной миссии в Чите полковник Куросава. Генерал Ооба уверял Г.Е.Катанаева, что необходимо как можно скорее исчерпать инцидент, чтобы иметь возможность объединить силы против большевиков. На встрече с Катанаевым атаман Семёнов заверил его, что он будет делать шаги навстречу Колчаку только после отмены приказа № 60: “Я жду своей реабилитации. Так бы сделал всякий на моем месте, и Вы, я уверен, поступили бы так же”. Затем Семёнов объявил, что ему необходимо ехать в Харбин и Владивосток для консультации с врачами. Правда, полковник Куросава заверил Катанаева, что если Семёнов нужен ему, то он останется в Чите, стоит об этом лишь заявить Куросаве. Это очень удивило Катанаева.

Описывая настроения в Чите, Катанаев отмечает, что та парадность в Омске была лишь блефом, для Читы не существовало “Все-российского правительства”, а было лишь “Омское” во главе с Колчаком. Семёнов в Чите объявил военное положение и, пользуясь этим, действовал по своему усмотрению, подвергая всех в случае надобности военно-полевому суду со всеми его последствиями. Обычным средством воздействия на “заблудших” было не убеждение, а расстрел, нагайка и порка, особенно если исполнители находились в нетрезвом состоянии, а такими они были почти постоянно. Порядок в Чите, по наблюдению Катанаева, поддерживали лишь японцы. Семёнов исполнял директивы из штаба генерала Ооба, который уверял Катанаева, что они считают правительства Колчака и Семёнова равноправными, поскольку они не признаны союзниками и самими японцами, а потому держат “нейтралитет” в отношениях Семёнова с Колчаком. Генерал Ооба убеждал Катанаева, что Семёнов делал какие-то нарушения в силу обстоятельств, которые сложились после приказа № 60, поэтому нельзя осуждать Семёнова за эти действия, а можно лишь рассматривать его проступки до издания приказа № 60. В такой обстановке пришлось работать следственной комиссии. Естественно, что при разборе дела ей пришлось столкнуться со многими трудностями. Официальные лица отказывались предоставлять требуемые материалы, ссылаясь на то, что правительство адмирала Колчака не признано атаманом Семёновым. В итоге следствию не удалось установить фактов задержки грузов, кроме двух поездов и небольшого количества мануфактуры для армии; не удалось установить и случаев задержки телеграфных сообщений, кроме нескольких, когда было неясно состояние дел в Омске и отношении чехословаков к Омскому правительству. В докладе министру юстиции Катанаев сообщил, что пока комиссия не усматривает никаких признаков измены, но чтобы подстраховаться, заявил, что окончательное заключение можно будет дать после собрания всего материала. Хотя в заключении комиссии от 23 марта деятельность Семёнова была признана “безусловно антигосударственной и направленной во вред Родине”, но в действиях Семёнова не усмотрено измены, что помогало отменить приказ № 60 со ссылкой на “недостаточность ранее имевшихся в распоряжении данных”. Колчак после доклада Катанаева с облегчением сказал, что он этого и ожидал и уже решил отменить приказ № 60, пояснив ему, что “есть обстоятельства, которые стоят вне нашей воли и сильнее нас, а

потому волей-неволей приходится иногда поступать не так, как бы хотелось” [5].

Естественно, что подобная политика Колчака усиливала позиции Японии на Дальнем Востоке. Но обстоятельства складывались так, что усиление Японии в этом регионе вызывало недовольство её конкурента на международной арене – Соединённые штаты Америки, или, как они тогда назывались, – Североамериканские соединённые штаты. Вот что сообщалось в сводке штаба Омского военного округа 23 апреля:

– Демократическая партия, возглавляемая ныне президентом Вильсоном (осуществляющим чаяния евреев), недоброжелательна к нынешнему всероссийскому правительству и является сторонницей соглашения с нашими левыми партиями до большевиков включительно. Являясь сторонницей борьбы с монархической Японией, партия считает возможным сотрудничать и поддерживать только демократическую Россию, крайне левую. Республиканская партия, лучше разбирающаяся в русской действительности и стоящая в оппозиции политике Вильсона, является сторонницей борьбы с большевиками и энергичной помощи государственно-мыслящей России. Принимая во внимание сильное влияние на курс политики правительства США взглядов действующей партии, необходимо отметить, что на выборах в ноябре прошлого года в Конгресс и Сенат победила партия республиканцев, и можно рассчитывать, что отношение Америки к нам изменится в более благоприятную для нас форму под влиянием и давлением республиканцев. Хотя, учитывая основную цель США – её мирно-завоевательную политику в отношении России, естественно предположить, что быстрое восстановление могущества России едва ли будет отвечать истинным намерениям США [6].

Однако уступать Японии США также не намеревались. 14 марта была опубликована декларация межсоюзного железнодорожного комитета об установлении контроля над железными дорогами Сибири и Дальнего Востока. Ведущую роль в комитете и техническом совете с весны 1919 г. играли Соединённые Штаты. Можно согласиться с историком А.И.Крушановым в том, что комитет “по существу превратился в координирующий союзнический орган, который рассматривал политические, экономические и технические вопросы”, причем комитет не переехал в Омск, а оставался во Владивостоке [7].

Межсоюзный технический совет прибыл в Омск в мае 1919 г. 10 мая на заседании министерства путей сообщения совместно с техническим советом в ответ на приветствие заместителя инженера Стивенса генерала Джека министр Л.А.Устругов заявил:

– Хочу сказать, что министерство путей сообщения не имеет секретов перед техническим советом и служащим министерства отдано приказание о даче всех сведений, которые могут быть запрошены членами технического совета [8].

В мае – июне колчаковское правительство добивалось признания со стороны ведущих капиталистических стран в качестве всероссийского правительства. Состоялся обмен нотами. В омской газете разъяснялось:

– Признание резко и решительно подчеркнёт всему русскому населению, в особенности той его части, которая благодаря искусной пропаганде всех недругов России перестала думать о союзниках, подчеркнёт, говорим мы, тот неоспоримый для нас факт, что союзники были рядом с нами во все дни наших тяжких переживаний и помогали нам строить и воссоздавать Россию, помогали собирать отдельные оторвавшиеся от неё куски, которые в ослеплении идеями самоопределения слишком далеко зашли во взаимоотношения со своей метрополией, той коренной Россией, которая сотни лет строила и создавала русскую государственность, создавала великую Россию <...> Признание нашего правительства вдохнёт новую энергию во все живые силы, которые борются за воссоздание России, ибо фактом признания правительства будет ещё раз показано, что путь, который избрала для себя национальная русская государственность, путь правильный [9].

Ответ 5 держав на декларацию омского правительства широко комментировался в омской прессе. Так, некий А.Баевский в статье “Новая Россия” разъяснял:

– На этих днях получено официальное сообщение о результатах переговоров нашего правительства с конференцией пяти держав по вопросу о признании правительства адмирала Колчака как правомочной всероссийской власти <...> Признавая омское правительство за единственную законную власть, способную возродить Россию, конференция пяти держав отбросила тем самым свои подозрения в реакционности этого правительства, достаточно уверившись, что оно гарантирует свободу, мир и самоуправление русского народа. За всероссийским правительством упрочивается то дорогое и ценное для каждого русского человека, которое жило в его сердце с первых

дней революции – желание довести страну до того момента, когда она сможет через своих представителей навсегда определить свою судьбу. Это сознание вольт новые бодрящие струи в ряды бойцов за народное дело, заставит их крепче взяться за оружие, чтобы скорее сломить мятеж, чтобы на развалинах Советской России построить новую, свободную и счастливую Россию [10].

Несмотря на радужные реляции и взаимные поздравления, “союзники” вовсе не спешили оказывать помощь Колчаку. Раздражение их позицией стало заметным в военных кругах. Вот запись переговоров между военным командованием после сдачи Екатеринбурга.

– Генерал Богословский: Екатеринбург потерян, я сделал всё, что в силах человеческого, но к моему совету не хотели вовремя прислушаться, генерала Гайду необходимо было удалить месяц тому назад, и мы были бы теперь за Вяткой. Ведь такую бездарность нужно поискать <...>

Полковник Тюнегов: <...> Союзники очень обижены за наше отношение к ним.

Генерал Богословский: Что нам до союзников, ведь они нам только мешают, лезут туда, куда их не просят. Вообще следует положить этому конец.

Генерал Дитерихс: Всё будет сделано и кажется верховный правитель теперь понял свою ошибку, главное сделано, Гайда удалён [11].

А если “союзники” и соглашались чем-то помочь колчаковскому правительству, то отнюдь не бескорыстно. Вот что сообщил 17 июля посол в Токио Крупенский управляющему министерства иностранных дел Сукину:

– Японское правительство согласно поставить нам 50 тыс. винтовок, но просит сообщить в какой срок, по возможности кратчайший, и каким путём будет произведена уплата следующих за них денег. Выясню, можно ли будет немедленно получить 20 млн патронов, но так как в отношении патронов также неминуемо возникает вопрос об уплате, то прошу ускорить телеграфно указание на этот счёт. Очевидно из полученного уже ответа, что кредиты от японского правительства или рассрочка платежа на отдалённые сроки даны не будут [12].

Противоречия в лагере интервентов значительно ослабляли их силу, империалистические и захватнические планы не позволяли оказывать широкую поддержку Колчаку, провозглашавшего велико-

державные замыслы, и стали тем фактором, который облегчил в конечном итоге победу Советской России.

Перейдём теперь к рассмотрению внутренних проблем белой Сибири. Казачьи войска в Сибири занимали своеобразное положение. Как и в среде крестьянства, у казачества выделились зажиточные верхи. Выступая против большевиков, они, однако, отстаивали определённую автономию от власти. Политика колчаковского правительства состояла в том, чтобы сделать казачьи войска частью военного аппарата, привязать казачью верхушку к правительственным мероприятиям, направленным на борьбу с большевиками.

В феврале колчаковский Совет министров признал необходимым издать акт для всего казачества “о сохранении незыблемым векового уклада казачьей жизни признанием установившихся принципов выборного начала до войскового атамана включительно с тем, что распорядителем внутренней жизни войска является только войсковой круг” [13].

Однако подобная автономия имела свои ограничения. Условием сохранения автономии было признание правительства адмирала Колчака. В противном случае казачье войско становилось противником колчаковского правительства и с ним вели борьбу. Так, войсковое правительство Уральского казачьего войска не признало власть Колчака, в итоге оно было упразднено. Атаманом был избран генерал-майор Толстов с диктаторскими полномочиями. В приказе по войску Толстов объявил:

– Приняв на себя всю полноту власти в Уральском войске и признавая носителем верховной власти в России верховного правителя адмирала Колчака, я, ввиду невозможности сношений с верховным правителем, с одной стороны, а, с другой стороны ввиду необходимости немедленного разрешения вопросов, подлежащих по закону разрешению верховной власти и министерств, временно, впредь до возобновления таких сношений, принимаю на себя права, обязанности и ответственность верховной власти и министерств в пределах Уральского войска [14].

Но, по замечанию В.Н.Пепеляева, “среди казачьих представителей в Омске не было единодушия” [15].

Одним из сюжетов колчаковской пропаганды было то, что большевики стремятся уничтожить казачество как сословие. Так, 17 апреля штаб верховного главнокомандующего издал листовку, в которой сообщал, что из Советской России доставлен приказ о беспощадной борьбе с верхами казачества: “Никакие компромиссы, ника-

кие половинчатые пути недопустимы, поэтому необходимо провести массовый террор против богатых казаков, истребив поголовно”, – писалось в этом приказе. У среднего казачества требовалось конфисковать хлеб, заставив ссыпать все излишки. Также требовалось организовать возможно шире переселение на казачьи земли, уравнивая пришлых с казаками и провести полное разоружение казачества. Начальник штаба разъяснял: “Приказ направлен против казаков. Он не требует пояснений. Прочтя его, казаки явно увидят, за что и для чего они борются против большевиков и окружающих их преступников” [16].

В начале мая адмирал А.В.Колчак направил атаману А.И.Дутову следующую телеграмму:

– В день войскового праздника славного Оренбургского казачьего войска шлю доблестным казакам оренбуржцам свой привет в твёрдой уверенности, что казачество, как исконный оплот государственности и порядка, будет служить и впредь ратными трудами и подвигами делу возрождения России [17].

Противоречия в среде казачества не давали колчаковскому режиму в полной мере воспользоваться казачьими войсками для борьбы с “большевизмом”.

Ещё одной проблемой для колчаковского правительства были городские самоуправления. В концепции “народоправства”, пропагандируемой мелкобуржуазными партиями, городские думы занимали особое место. В то время как Учредительное собрание должно было обладать всей полнотой власти в центре, городские думы и земства должны были обладать ею на местах. Колчаковское правительство стремилось ограничить их деятельность решением проблем местного характера. Учитывая то обстоятельство, что большинство мест в думах в большинстве городов занимали представители мелкобуржуазных партий, колчаковское правительство вскоре после прихода к власти издало новый избирательный закон. Однако перевыборы по нему состоялись лишь весной-летом 1919 г. А до этого времени действовали прежние думы, в которых нередко развёртывались политические баталии между буржуазной и мелкобуржуазной их частью, принимавшие порой острые формы. Так, 3 января 1919 г. на экстренном заседании Омской городской думы обсуждался внесённый фракцией меньшевиков пункт о расстреле членов Учредительного собрания и других лиц. В отчёте об этом заседании омская газета “Заря” писала:

– В зале заседания много публики, интересующейся, очевидно, взволновавшим весь город вопросом об отмеченных уже в печати расстрелах в Омске членов Учредительного собрания и других лиц. Председательствующий В.Н.Новиков с него и начал свой доклад. Мнения старейшин по данному вопросу разбились. Большинством голосов решено вопрос о расстрелах снять с очереди. Дума согласилась с мнением сеньорен-конвента. Представители фракции социал-демократов заявили, что они в разрешении вынесенного ими на обсуждение Думы вопросе о расстрелах не участвовали на заседании совета старейшин, и в знак протеста против их отрицательного постановления удалились с заседания Думы [18].

Однако главной заботой Омской городской думы оставались городские проблемы – обеспечение горожан продовольствием, топливом, поддержание порядка на улицах. И здесь Городская дума приняла целую серию постановлений. 21 января по докладу городской управы о продовольственной политике в Омске было решено: 1) продовольственный отдел должен быть регулятором цен на продукты первой необходимости; 2) основной задачей продовольственного отдела должно быть снабжение населения продуктами первой необходимости и в развитие этого дела – организация собственных предприятий, а также и распределение продуктов; 3) следующей задачей продовольственного отдела является изыскание и применение специальных мер борьбы со спекуляцией товарами широкого потребления; 4) из соображений целесообразности продовольственному отделу должно перейти снабжение предприятий и учреждений городского управления как предметами потребления, так и строительными и иными материалами [19].

29 января Омская городская управа обсуждала порядок обеспечения углём учреждений и населения. Было принято постановление, что в первую очередь будут удовлетворяться требования на уголь городских учреждений и тех учреждений военного ведомства, обеспечение которых топливом возлагалось на обязанности городского самоуправления; требования правительственных учреждений, отопление зданий которых не составляло прямой обязанности городского самоуправления, работающих на оборону заводов, общественных бань и служащих городских органов самоуправления предполагалось во вторую очередь. Все прочие требования были отнесены к третьей очереди [20].

4 февраля обсуждалось обложение жильцов комнат. Соответствующий доклад управы был утверждён, и она была уполномочена

возбудить соответствующее ходатайство о разрешении городскому управлению установить единовременный налог на жильцов комнат в размере 50 % месячной наёмной платы за помещение без отопления и т.п. Городская управа также уполномочивалась обложить сдатчиков комнат и установить сбор в доход города за прописку прибывших в город [21].

Дума также приняла обязательное постановление о разносной торговле. К разносной торговле допускались только те лица, которые взяли разрешение в городской управе и уплатили соответствующий сбор в доход города по 25 руб. за каждые шесть месяцев. Запрещалась разносная торговля табаком и табачными изделиями лицам моложе 17 лет. Разносная торговля должна была производиться только с лотков, коробок, ящиков, коромысел и т.п. Лицам, торговавшим вразнос, запрещалось занимать постоянные места для своего торга на улицах, площадях, тротуарах; раскладывать свой товар на мостовой, тротуарах, подъездах, выступах домов и затруднять проезды и проходы при торговле [22].

На этом же заседании обсуждался доклад о положении по снабжению населения топливом. Было составлено ходатайство Колчаку с просьбой дать распоряжение об отправке в срочном порядке в адрес города маршрутных поездов с углём и дровами, а также о побуждении сельского населения к усилению перевозки дров гужем. Городской управе поручалось объявить торги на вывозку дров с ближайших заготовительных пунктов и обратиться к населению с призывом доставить дрова в город гужем, организовав такую доставку в крайнем случае принудительно [23].

Всё это было бы замечательно, если бы Городская дума могла проводить свои решения в жизнь. Однако финансовые ресурсы Думы были очень ограниченными, а колчаковские министерства и тем более сам верховный правитель меньше всего заботились о городских проблемах, считая главным борьбу с “большевизмом” во всех его проявлениях на внутренних и внешних фронтах и рассматривая городские думы лишь как некоторый придаток огромной бюрократической машины. Вот характерный эпизод из деятельности Екатеринбургской городской думы. В конце декабря она направила ходатайство городскому отделению министерства внутренних дел об обложении домовладельцев в 25 % оценки имений. Министерство отказало:

– Ссылка на то, что для домовладельцев не составит никаких затруднений уплатить единовременный налог, не может быть призна-

на правильной и соответствующей действительности, так как налог определён в 25 % стоимости имущества вне всякой зависимости от доходности их, каковая ввиду резко возросших расходов по домовладению и фиксации квартирных цен, сведена до минимума. Таким образом, означенный налог должен глубоко задеть самый источник дохода и явится, по существу, контрибуцией части имущества, со всеми вытекающими отсюда последствиями отрицательного характера [24].

В иных думах мелкобуржуазные партии довольно остро полемизировали с кадетами о законности колчаковского правительства. Так, 10 декабря 1918 г. Уфимская городская дума в очередной раз обсуждала эту проблему. В резолюции было подтверждено отрицательное отношение к колчаковскому правительству, выраженное в резолюции от 22 ноября. Подтверждая это отношение, фракции эсеров, меньшевиков, трудовиков и мусульман заявили свой протест против насильственного, “вне всяких государственно-правовых форм” произведённого прекращения деятельности Комитета членов Учредительного собрания и Совета управляющих ведомствами [25].

Им возражали представители буржуазных фракций:

– Политическая обстановка выяснилась, так как действия вновь образованного правительства, возглавляемого верховным правителем адмиралом Колчаком стали известны из подлежащего сообщения и последовавшей затем декларации. Вследствие этого списки № 7, 8 и 10 признают вышеуказанное вновь образовавшееся правительство законным и правомочным, а потому считают своё отношение к политическим событиям в Уфе в ночь на 3 декабря (арест членов Учредительного собрания. – *В.К.*) достаточно ясным из вышеуказанного взгляда на омские события [26].

А фракция ПНС вообще признала ошибкой предыдущую резолюцию Думы от 22 ноября и предложила гласным:

– 1) признать единоличную диктатуру тем средством, которое единственно способно в это небывало ответственное время спасти государство от окончательной гибели, признать диктатуру той временной формой власти, которая одна может вести победоносную борьбу с большевиками, может установить и поддержать порядок в стране до той поры, когда возможным станет народным вотумом формы правления государством <...> 3) всемерно содействовать новой верховной власти до тех пор, пока она не сойдёт с указанного пути спасения отчизны [27]. Однако кадетская резолюция была отклонена большинством голосов.

Тяжёлое положение городских дум ярче всего иллюстрирует ситуация в Новониколаевской городской думе. 30 декабря 1918 г. она обсуждала бедственное положение города и невозможность думы дальше управлять городскими делами. Городской голова А.К.Скворцов сообщил, что члены управы по мере сил исполняли свои обязанности, но ситуация настолько изменилась, что работать стало невозможно. Гласный А.А.Моховиков рассказал:

– Прошлою зимою говорилось о том, что городская управа должна обеспечить город отоплением и освещением. Городская управа всё время работала в этом направлении вплоть до разгона Думы. Дров было привезено на склад около 7 000 погонных сажень. После майского переворота и до настоящего времени городская управа несёт громадные расходы на военное ведомство, на которое ежемесячно требуется около 800 погонных сажень дров. В настоящее время на складе осталось около 400 погонных сажень. На месте заготовок, например в районе разъезда Чебула, есть заготовленные и вывезенные на разъезд дрова до 1 000 погонных сажень. Городская управа возбудила ходатайство о предоставлении ей вагонов для перевозки дров. На это ходатайство дали наряд по одному вагону в сутки, между тем как для отопления одних воинских квартир необходимо минимум 5 вагонов в сутки. Не лучше дело обстоит и с углём. Городской управе неоднократно приходилось уголь занимать <...> Очистка улиц и тротуаров у городских домов лежит на обязанности тех лиц, которые арендуют эти помещения. На днях милиция составила протокол на меня, как члена управы, и на городскую управу за не очистку тротуара около Городского корпуса и начальник военного района наложил штраф на меня 500 руб., с заменой в случае не состоятельности арестом на 2 месяца, а на управу – 100 руб. Я по сему поводу давал разъяснения и указывал на договора, согласно которым очистка тротуара лежит на обязанности арендаторов, а также говорил, что на Городскую управу штраф налагать нельзя, но мои доводы не действовали [28].

Гласный Горох посетовал:

– В моём ведении находятся отделы: отдел призрения, в который входит выдача солдатам и беженцам пособия, наблюдения за приютами и богадельней, технический отдел и электрическая станция. Во всех этих отделах не всё обстоит благополучно лишь только потому, что нет средств. Отдел по выдаче пайка расходует четвёртый месяц городские деньги, в возврат их не получает переводов из отдела призрения Губернской земской управы. Быть может, скажут

мне, что не нужно было выдавать пайка солдаткам впредь до получения авансов или кредитов откуда следует. Но достаточно видеть полураздетых полубосых солдатских жён и матерей, чтобы хотя выдачей этих грошей не придти к ним на помощь. Ежемесячная сумма пайка достигает до 35 тыс. руб. Что касается оказания помощи беженцам, то на их долю правительство не переводило средств с октября 1917 г. Город же, надеясь, что издержки его покроются, производил затраты [29].

Член управы А.Ф.Бахарев добавил:

– Главные расходы идут на государство, но от государства город не имеет ни малейшей поддержки, несмотря на самое катастрофическое положение городских финансов. Я укажу на цифры. Для воинских нужд в городе занято около 80 домов. Эти 80 домов городу приходится отапливать, освещать и исправлять. Сумма расхода с 1 августа – 800 000 руб. Городская управа имеет оправдательные документы. За всё это мы от правительства не получили ни одной копейки. Настоящим критическим положением мы обязаны государству. Кроме всего этого в дела городского самоуправления вмешивается военное ведомство. Теперь городская управа без ведома не имеет права даже присоединить кому-либо из граждан ни одной лампочки. Кроме того, военным ведомством в городской типографии реквизирована самая большая печатная машина. Городская управа набрала заказов, а теперь приходится отказывать [30].

Гласный К.С.Мякинин предложил:

– То положение, которое нарисовали члены управы, безвыходно. Для членов фракции домовладельцев и цензовых элементов оно представляется в следующем виде: у власти стояли социалисты. Они должны были обратиться к цензовым элементам. Они говорят, что правительство игнорирует интересы города <...> Я ещё раз говорю, что управа должна была апеллировать к населению и цензовым элементам города. Союз домовладельцев к этому вопросу не подготовился, и чтобы наша фракция могла вынести то или иное решение, необходимо созвать общее собрание домовладельцев [31].

В итоге 18 голосами при 11 воздержавшихся Городская дума приняла резолюцию, предложенную гласным социал-демократом Н.И.Тетериним:

– Ввиду сделанного городской управой заявления о невозможности продолжать далее деятельность городского самоуправления и сложении в силу этого своих полномочий Городская дума с своей стороны подтверждает катастрофичность положения городского са-

моуправления ввиду полной финансовой истощённости городской кассы, главным образом на обслуживание государственных нужд, но в то же время считает необходимым добиться категорического ответа от правительства в отношении возврата израсходованных на государственные нужды городских средств и в случае отрицательного ответа Дума поставлена будет в необходимость констатировать, что правительство, игнорируя интересы города, тем самым создаёт почву для невозможности продолжать далее деятельность городского самоуправления. Городская дума вынуждена будет привести в исполнение своё постановление от 2 декабря [32].

Вот ещё два характерных примера из деятельности этой Думы. 21 февраля 1919 г. она обсуждала незаконные порубки леса в городе частными лицами и военнотружениками, с которыми 9 человек лесной стражи не могут справиться. Городская управа постановила обратиться с ходатайством к Городской думе увеличить лесную стражу на 5 человек. Городской голова А.К.Скворцов отметил, что только увеличение лесной стражи недостаточная мера так как не хватает оружия. Дума постановила ходатайствовать перед начальником гарнизона о выделении патронов и оружия для лесной стражи. Если от начальника гарнизона ответа не будет, то выделить необходимое количество средств для приобретения гладкоствольного оружия [33]. Ответа, естественно, не было, да и средств на гладкоствольное оружие тоже не нашлось.

Через неделю на заседании Новониколаевской городской думы городской голова рассказал о борьбе санитарно-исполнительной комиссии с эпидемией тифа, отметил, что катастрофически не хватает медикаментов и помещений, что вынуждает занимать под лазареты даже школьные помещения; больные из уезда размещаются на частных квартирах и постоялых дворах, что только усиливает распространение эпидемии. Рассказал городской голова и о помощи, которую оказывает городу Американский красный крест, выдавая бельё и медикаменты больницам. Доктор Маркевич сообщил об антисанитарном состоянии бань. В итоге, Городская дума приняла проект обязательного постановления о содержании городских бань [34]. Но вновь оказалось, что ресурсов для выполнения этого постановления не имеется.

В Барнаульской городской думе так же, как и в Уфимской, развернулись острые дискуссии об отношении к колчаковскому правительству. 9 декабря 1918 г. большинством голосов эсеров и меньшевиков Дума решила послать Колчаку телеграмму, в которой отмеча-

лось, что Барнаульская городская дума, состоящая в большинстве из представителей демократии, не приветствует “перехода к единоличному управлению, угрожающему самому осуществлению идеи народоправства”. Эту решение поддержало 27 гласных, против выступило только 17 [35].

На выборах председателя Барнаульской городской думы выдвинутого кандидата фракции социал-демократов и профсоюзов В.А.Муравьёва поддержала фракция эсеров, и он набрал 24 голоса при 7 “против”. Кандидат, предложенный от фракции кадетов эсер Е.А.Боголюбов получил 16 голосов при 25 “против”. Таким образом, оказался выбранным В.А.Муравьёв [36].

Трения между мелкобуржуазной и буржуазной частями Думы продолжались и дальше. В итоге, 3 февраля 1919 г. городской голова эсер И.Д.Румянцев и товарищ головы меньшевик В.И.Николаев объявили о выходе в отставку. В.И.Николаев в своём заявлении отмечал: “Ввиду того, что крайне трудно работать в составе управы при расхождении её с большинством Думы, заявляю о сложении с себя обязанности городского головы”. Представители фракции кадетов заявили, что они не видят причины для выхода Николаева и Румянцева из Думы, поскольку всегда возможно расхождение Думы и управы и предложили Думе просить взять подавших заявления обратно. После совещания фракций гласный от фракции социал-демократов и профсоюзов Гецов стал настаивать на обсуждении возможности доверия управе. Гласный от фракции эсеров Е.А.Боголюбов потребовал обсудить возможность доверия Думе целиком. Председатель Думы объявил, что этот пункт снимается с повестки заседания, поскольку эсеры объявили, что они отказываются от голосования. Фракции домовладельцев и кадетов заявили протест и покинули зал заседания. За отсутствием кворума заседание Думы закрылось [37].

Следующий кризис был вызван обсуждением распределения мест в управе. 10 февраля мелкобуржуазные фракции Думы потребовали более справедливого распределения мест в управе, поскольку фракция социал-демократов и профсоюзов, составляющая почти половину Думы, имела в управе всего одного члена из семи. Фракция народных социалистов и беспартийных заявила, что они против изменения состава управы. Их поддержали кадеты. За доверие старому составу управы проголосовало 19 гласных, “против” – 26. В результате было решено распределить 7 мест в управе следующим образом: 4 места – социал-демократам, 1 – эсерам, 2 – остальным

фракциям. Кадеты отметили, что теперь социалистическое большинство в управе обеспечено независимо от того, кто будут эти два члена. Затем мелкобуржуазная часть Думы высказалась за создание института ответственных заведующих отделами, не входящих в состав управы. Кадеты высказались против [38].

Кадетская газета разъясняла:

– Социалистическое большинство Думы вовсе не преследует интересов городского хозяйства, как цель самое в себе городское самоуправление для него только арена для политических экспериментов, проделываемых им в чисто партийных интересах и все вопросы городского хозяйства разрешаются социалистическим большинством под углом интересов партий. Оно готово в любой момент переменить весь состав управы, если этого потребуют соображения партийной политики. При этом наши думские социалисты не постесняются изгнать из управы заведомо для них работоспособных лиц и заменить их своими партийными бездарностями. Их лидеры открыто сознаются в этой бездарности и ищут спасения в насаждении в скудном городском хозяйстве наёмных специалистов. Они, дескать, будут работать, а мы будем играть роль парламентарных министров и подписывать бумаги <...> Социалистическое большинство <...> вызвало своим политиканством уход из управы и думских комиссий правой части Думы. Этот уход – лишнее доказательство того, что теперешней Думе не вывезти городского воза из этой ямы, в которую он засел. Новые выборы неизбежны [39].

Выборы в городские думы по новому избирательному закону проходили в мае – июне 1919 г.

На выборах в Пермскую городскую думу было выставлено 4 списка: 1) церковно-приходских советов; 2) домовладельцев Перми и пригородов; 3) делового прогрессивно-демократического блока; 4) демократического блока [40].

В избирательном обращении домовладельцев Перми требовалось: “Городская дума должна быть собранием деловых людей” [41].

Прогрессивно-демократический блок включил в свои ряды ПНС, “Единство”, мусульманскую и национальную группы, торгово-промышленный Союз, женский союз, Союз инженеров и техников. Блок предлагал: 1) доведение до конца решительной борьбы с большевизмом; 2) восстановление сильной, дисциплинированной, вне политики армии; 3) единство России; 4) установление демократической государственной власти “общенародной, но не классовой или партийной”; 5) всемерную поддержку правительства Колчака и ар-

мии для доведения войны до конца и созыва Национального Учредительного собрания [42].

В декларации Демократического блока, состоявшего из эсеров, меньшевиков и профессиональных союзов утверждалось, что современное положение России налагает на городские управления обязанность “напрягать исключительные усилия к содействию к воссозданию родины, создания её государственной мощи, боеспособности, возрождению, развитию её производительных сил, упрочению свободы и независимости”. Городские управления рассматривались в декларации как “опорные пункты борьбы против антигосударственных течений анархических и реставрационных”. Далее шли самые общие пункты, избегая употребления слова “социализм” [43].

Образовавшийся в Екатеринбурге в мае блок профессиональных союзов и социалистических партий предполагал выставить к предстоящим выборам свой список кандидатов в гласные Городской думы. В него вошли 152 кандидата, из них – 35 меньшевиков, 32 “народника” (новая группировка), 10 бундовцев, остальные – представители профессиональных союзов [44].

В своей избирательной программе блок делал упор на то, что городское хозяйство развалено, а для его восстановления и развития нет средств, кроме займов, то необходимо ввести налоги, “соответствующие принципам здоровой налоговой политики”: 1) прогрессивно-поимущественный, 2) прогрессивно-подходный и 3) обложение незаслуженного прироста ценностей и недвижимостей. Правда тут же признавалось, что эти налоги утверждаются не в Городской думе, а омским правительством, и достижение целей “зависит от общей политической обстановки”. Кроме этого обещалось содействие профсоюзам, “устройство общественных работ” и другие меры борьбы с безработицей, предоставление земель под застройку, учреждение специального бюро для указания квартир и комнат, улучшение социального призрания и школьного дела, санитарные мероприятия и т.п. [45]. В общем, обещаний было много, но признавалось, что осуществить всё это вряд ли удастся. В итоге, как отмечалось в омской правительственной газете, “к предстоящим выборам в Екатеринбургскую городскую думу население интереса не проявляло” [46].

Кроме мелкобуржуазных партий в избирательной кампании приняли участие Национальный блок, духовенство и городское продовольственное попечительство.

В Уфе 6 мая на внеочередном заседании Городской думы, собравшейся после длительного вынужденного перерыва, решено было вообще Думу не переизбирать до 1 января 1920 г., отложив выборы на осень. Было составлено соответствующее ходатайство в министерство внутренних дел [47].

В Кургане на выборы были выставлены списки домовладельцев, деловой беспартийный и список служащих государственных и общественных учреждений. Местные эсеры, отвергая тактику бойкота выборов, предлагали сформировать блок с профсоюзами, чтобы на выборах “не дробить своих сил, а идти сплочённой солидарной массой”. Однако общегородская конференция профсоюзов и фабзавкомов 16 марта постановила “от блокирования с политическими партиями и группами воздержаться”. В итоге был составлен список “профсоюзов и трудовой интеллигенции”. Выборы в Городскую думу в Кургане прошли 18 мая. Из 8 502 избирателей явилось 1 850 человек (22,5 %) (для сравнения, в 1917 г. было 22 925 избирателей, солдат 5 000, голосовало – 5 150 человек). По списку “Совета профессиональных союзов и трудовой интеллигенции” прошло 15 гласных, по двум спискам – “домовладельцев” и “беспартийных” прошло 20 гласных. 11 человек состояли ранее в мелкобуржуазных партиях, 5 – в ПНС [48].

Одним из первых мероприятий новой Думы стало создание в конце июня комитета помощи армии. Этот комитет предложил обложить принудительным налогом имущий класс в 2 млн руб. Местные кооперативы обещали 500 тыс. руб. От однодневных отчислений служащих ожидалось ещё 500 тыс. руб. Земство также надеялось собрать с уезда 500 тыс. руб. [49].

В Тюмени на выборах конкурировало 5 групп: Союз возрождения России, домовладельцы, бюро профессиональных союзов (куда вошли представители мелкобуржуазных партий), квартирнаниматели и внепартийная деловая группа. Выборы прошли 17 июня. Из 17 755 избирателей приняло участие 3 468 человек. Список домовладельцев получил 26 мест, профсоюзов – 13, квартирнанимателей – 4, Союз возрождения России – 1, деловая группа – 1 место. По итогам выборов представительство мелкобуржуазных партий в Думе сократилось более, чем в два раза [50].

Тюменская кадетская газета комментировала:

– В Тюмени, как и в других городах, в гласные в подавляющем большинстве прошли домовладельцы. Демократические элементы, союзы квартирнанимателей и профессиональные, а также социали-

сты, как и везде, прошли в небольшом числе <...> Есть скептики, которые полагают, что новая Городская дума пойдёт по старой дороге прежней цензовой Думы, что в своих заботах она будет обслуживать интересы более имущих слоёв населения, а не широких масс. Но мы глубоко убеждены, что если бы даже в среде самой Думы и находились лица, мечтающие о возврате к прошлому, то такое обращение вспять невозможно и по духу времени <...> Только на пути служения интересам не узко партийным, а широким, трудящихся слоёв населения, Городская дума встретит и доверие и сочувствие всех граждан города [51].

В марте Омская городская дума возбудила перед правительством ходатайство о продлении срока полномочий нынешнего состава Думы ещё на один год. Министерство внутренних дел ответило отказом. Вот как они это мотивировали:

– 1) Отсрочка выборов на один год не придаст желанной устойчивости управе и самой Думе; 2) Дума работает не в полном составе, тогда как наличность чрезвычайно ответственной работы требует особой интенсивности; 3) жизнь идёт с такой головокружительной быстротой, что трудно предугадать перспективы ближайшего будущего страны, поэтому трудно сказать – когда целесообразнее произвести перевыборы – через год или в данный момент; 4) Дума выбрана по отменённому закону и потому в своих работах она всё время будет чувствовать известную ненормальность [52].

В итоге перевыборы Думы были назначены. Омская газета “Заря”, отражая стремление буржуазных групп идти под лозунгами внепартийности и деловитости, разъясняла:

– При выставлении кандидатов в гласные прежде всего надо руководствоваться честностью и работоспособностью их, а отнюдь не одной партийностью. Благоустройство городского хозяйства нужно всем жителям, а не той или другой группе или партии. Средства собираются одинаково со всех, и ни одна партия не вправе использовать их в своих интересах <...> В гласные надо проводить людей честных, деятельных и способных встать выше групповых интересов, раз они вступают в гласные городских или земских самоуправлений: вступая в эти управления они становятся ответственными перед всем населением, это прежде всего. Перед партиями же и группами они ответственны морально в том смысле – оправдали ли они надежды добросовестной работой и деятельностью в органе самоуправления [53].

В Акмолинске выборы прошли 24 апреля. Из 3 504 избирателей на выборы пришло 887 человек (25,3 %), из 25 гласных большинство мест (14) получили домовладельцы. В Петропавловске выборы состоялись 1 июня. Из 15 602 избирателей пришли всего 1 231 человек (7,9 %). Из 45 мест в Думе 21 получили мусульмане. В Таре были выставлены списки мещан, общества потребителей и торгово-промышленников. Из 4 272 избирателей пришло на выборы 541 человек (12,4 %). Для сравнения в 1917 г. из 4 290 избирателей пришло 1 676 человек (39 %). В составе вновь избранных гласных оказалось 16 кадетов, 8 беспартийных и 1 – “правый” – в большинстве гласные прежней Думы [54].

Борьба между кадетами и мелкобуржуазными партиями развернулась на выборах в Новониколаевскую городскую думу. 22 февраля новониколаевская газета “Родная Сибирь” опубликовала статью “К выборам”:

– В наших условиях, когда рушится многое из приобретённого в результате великой Февральской революции 1917 г., когда испита до дна горькая чаша большевистских опытов, когда на фоне затяжной Гражданской войны, под шум её, безудержно растут аппетиты поднявших голову цензовиков всех видов, – широкие группы населения, демократия в целом должна удержать в своих руках опорные пункты, каковыми в критический момент являлись и продолжают быть органы самоуправления. Демократия города должна помнить об этом. Она должна учесть опыт предыдущего, сделать выводы во имя ближайшего будущего [55].

Кадетская газета “Русская речь” разъясняла:

– При выборе того или иного кандидата мы должны интересоваться не его политической физиономией, не его “партийной платформой”, а исключительно и предпочтительно его деловым стажем, его способностью к практической деловой работе, его заинтересованностью в делах, благополучии и процветании города <...> Городское самоуправление не место для производства каких бы то ни было “опытов”, производимых хотя бы и с благой целью приближения его к “царству свободы”, не партийная “богадельня” и не заведение для вынашивания политических “недоносков”, обретающих здесь прелести тихого существования. Дело городского самоуправления требует огромного творческого подъёма всех общественных сил, большой затраты общественной энергии и соединения всех общественных элементов в стремлении к планомерному развитию [56].

На выборы в Новониколаевскую городскую думу предполагалось выставить три списка: союза домовладельцев, внепартийных общественных работников и объединённого блока, составленного из мелкобуржуазных партий, кооператоров и квартирнанимателей. Но в итоге было выставлено два списка: церковно-приходские советы, домовладельцы, старообрядцы и мусульмане составили список № 1 “Деловой внепартийный” [57].

Местная кадетская газета “Русская речь” разъясняла:

– Кандидаты списка № 1 – давние жители нашего города; это граждане, тесно связанные с интересами Новониколаевска, а не случайные пришельцы, которые сегодня здесь, а завтра в другом месте. Кандидаты делового внепартийного списка – люди дела, а не фразы, люди знаний, опыта, энергии, граждане, проникнутые идеями права и порядка [58].

Демократический список № 2 в листовке к выборам призывал: “Защищайте своё городское хозяйство! Защищайте дело демократии!” [59].

Выборы в Новониколаевскую городскую думу прошли 29 июня. Из 24 386 зарегистрированных избирателей пришли на избирательные участки 5 354. Список № 1 получил 3 165 голосов (54 места в Думе), № 2 – 1 500 (1 место) [60].

Аналогичная ситуация сложилась в Томске. Томский “Труд” призывал:

– Демократические думы – это форпосты народоправства, это – нервные волокна, реагирующие определённым демократическим путём на внешние действия. И потому думы и земства, как фокус борьбы за народоправство, должны быть одной из основных целей демократии <...> В избирательной кампании социалистические партии должны широко развернуть свои силы в борьбе с абсентеизмом населения. Демократия должна завоевать думы, а для этого принять энергичное участие на городских выборах [61].

Интересы буржуазных групп защищала “Сибирская жизнь”, которая призывала избирателей:

– Голосуйте за тех, кто не баюкал народ нередко лживыми словами о “социалистическом” государстве <...> Голосуйте за тех, кто среди своих местных и областных нужд и интересов помнит и общегосударственные интересы, и общенародные задачи. Голосуйте за тех, кто стоит за повсеместный порядок – порядок повсюду и в деревне, и в городе, и в государстве, видя в нём единственный оплот для встающей на ноги и постепенно выздоравливающей России [62].

На выборы 20 июля из общего числа зарегистрированных по всему городу 24 386 избирателей, явилось к урнам 5 354 человек. В большинстве прошёл список кандидатов в гласные № 1 (деловой и внепартийный) от союза домовладельцев, церковно-приходских советов и мусульман. Демократический список № 2 не смог провести ни одного кандидата [63].

В Колывани из 3 937 избирателей к урнам пришли 168 человек. Из 25 избранных гласных все принадлежали к списку домовладельцев. В Мариинской городской думе домовладельцы получили 10 мест, квартирнаниматели – ни одного, мелкобуржуазные партии – 15. Выборы были опротестованы [64].

В Барнауле было выставлено 3 списка: мелкобуржуазных партий и групп, блок союза домовладельцев, торгово-промышленного класса и партии народной свободы и третий – от Общества возрождения России. Однако затем второй и третий списки объединились и списки стали называться следующим образом: № 1 – Совет профессиональных союзов и трудовой интеллигенции и № 2 – Блок партии народной свободы, союза домовладельцев и беспартийной интеллигенции. Список № 2 в избирательной кампании делал акцент на “деловитость” кандидатов. Барнаульская кадетская газета разъясняла:

– Органы городского самоуправления должны служить местным нуждам преимущественно хозяйственного и просветительного характера, но не политической борьбы. При странной, постоянно растущей дороговизне, при всеобщем развале народного хозяйства, крайне затрудняющего ведение городского дела, в сторону его должны быть направлены все общественные силы нашего города, вся работа органов городского самоуправления должна получить исключительно деловой характер [65].

27 июля на выборы в Барнауле из 25 466 избирателей пришло 2 933 человека. Список № 1 получил 33 места, список № 2 – 27 [66].

В Красноярскую городскую думу были выставлены следующие списки: № 1 – Союз национальных организаций (кадеты, домовладельцы, торгово-промышленники, казаки, старообрядцы и мусульмане), № 2 – общество “Арендатор”, № 3 – блок демократических и профессиональных организаций (социал-демократы, эсеры, Совет профессиональных союзов, городские и земские служащие, печатники, металлисты и пр., губернский союз кооперативов и общество “Самодетельность”); № 4 – Союз сибиряков областников-автономистов, № 5 – союз квартиро- и комнатонанимателей [67].

Кадет П.Кусков по поводу списка № 3 разъяснял, что “социалисты” способны лишь разрушать, поскольку их блок не исключает присутствие в нём большевиков. Хотя они говорят об идейной борьбе, но это не исключает союза. В Красноярске имеется много большевиков. Социалисты стремятся привлечь профсоюзные организации на свою сторону, поэтому вынуждены отказаться от борьбы с большевиками на выборах. Домовладельцы, заявив о “единении с организациями, стремящимися к государственности и порядку”, разъясняли, что “достижение значительного улучшения городского хозяйства в настоящее чрезвычайно тяжёлое время не под силу ни нам одним домовладельцам, ни всякой другой отдельной организации”. В основу избирательной кампании список № 3 положил лозунги мира с Советской Россией, борьбу с интервенцией и недопустимости коалиции с буржуазными партиями и группами. Всего на выборы в Красноярске из 36 710 избирателей пришло 2 625 человек. Список № 1 получил 47 мест, список № 2 – 18, списки № 3, 4 и 5 – ни одного [68].

В Ачинскую городскую думу было выставлено 3 списка: 1) блок домовладельцев, мещан, казаков, церковных прихожан, мусульман, торгово-промышленников и извозчиков; 2) еврейской общины и 3) блок трудящихся и квартирнанимателей. Два последних списка были забаллотированы, а первый список занял все 25 мест в Думе. В Енисейске из 3 802 избирателей участвовало в выборах 1 048 человек. Союз домовладельцев занял все 25 мест, а списки мещан, трудовой интеллигенции и общества милосердия не получили ни одного. В Минусинске из 5 088 избирателей участвовало 787 человек. Домовладельцы получили 14 мест, группа делового соглашения – 16, а группа объединённых демократических организаций – ни одного. В Канске из 3 982 избирателей голосовало 905 человек. В Думу вошли 24 гласных от республиканско-прогрессивной партии и 1 – из списка мещан [69].

В Иркутске было выставлено 4 списка: № 1 – беспартийный, № 2 – блока политических и общественных организаций, в который вошли кадеты, народные социалисты и “Единство”, № 3 – социалистический блок социалистов-революционеров и социал-демократов; № 4 – малых национальностей. Иркутская организация РСДРП выдвигала в качестве лозунгов: 1) защита рабочего класса и демократии против реакции, 2) отказ от вооружённой борьбы с большевиками; 3) борьба против интервенции. Профсоюзы требовали отказаться от блокирования с другими группами. Из 42 294 избирателей в

выборах участвовало 9 667 человек (22,8 %). Список № 1 получил 45 мест, № 2 – 3 места и № 3 – 28 мест. Управляющий губернией заявил протест, однако окружной суд протест отклонил и выборы утвердил. В Бодайбинскую думу прошло 12 домовладельцев и 8 торгово-промышленников. Мелкобуржуазные партии были забаллотированы. В Киренскую городскую думу было избрано 3 социал-демократа, 2 социалиста-революционера, 3 народных социалиста, 10 беспартийных прогрессистов и 2 представителя от буржуазии [70].

Таким образом, в большинстве городских дум, кроме Барнаула, места получили представители буржуазии. Комментируя результаты выборов в городские думы, омская кадетская газета отмечала:

– Результаты сибирских выборов говорят не о “реакции”, а о мудрости и деловитости избирателей, о нежелании их продолжать политиканство и о жажде восстановить разрушенную хозяйственную жизнь страны <...> Не надо забывать, что речь идёт о выборах муниципальных, а не государственных, и большинство избирателей голосовало за местных домовладельцев не как за политическую группу или партию, а как за группу деловых людей, опытных работников, хорошо знакомых по своей многолетней практике с городским хозяйством и делопроизводством [71].

Перевыбранные городские думы практически ничего не смогли сделать. Ситуация в “белой” Сибири к осени 1919 г. радикальным образом изменилась. Колчаковский режим, ещё недавно достаточно устойчивый, начал терпеть одно поражение за другим, буквально разваливаясь на глазах.

Глава 3. РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЩИНЫ (июль – декабрь 1919 г.)

3.1. Агония режима

Летом 1919 г. инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к Красной Армии. В конце июня была форсирована река Уфа 26-й и 27-й стрелковыми дивизиями, которые стали продвигаться за Урал, овладев 13 июля Златоустом. Не менее успешно действовала и 2-я Армия, заняв 4 июля Красноуфимск, а 14 июля – Екатеринбург. В конце июля белые, после неудачной попытки окружить красных в Челябинске, начали откатываться на восток, пытаясь задержаться сперва на Тоболе, затем на Ишиме. 5-я Армия после тяжёлых боёв под Петропавловском 14 октября переправилась через Тобол, 1 ноября после незначительного сопротивления белых – через Ишим. К этому времени колчаковские войска потеряли всякую боеспособность и беспорядочно отходили на восток вдоль Сибирской магистрали.

Колчаковское правительство, терпя поражение за поражением, делало судорожные попытки найти какой-нибудь выход из ситуации. Когда стало известно о падении Советской власти в Венгрии колчаковское правительство стало призывать интервентов активно вмешаться и переломить ситуацию. Вот что писала омская кадетская газета в начале августа:

– Падение правительства Бела Куна факт огромный: это начало падения Советской власти вообще. Такая же участь ждёт и Ленина с Троцким. Это – закон истории, от которого никуда не уйти современному социализму. Нам остаётся только пожелать, чтобы в борьбе нашей с последним оплотом большевизма мы встретили прямую недвусмысленную помощь наших союзников. Ускорение заключительного процесса в борьбе с варварством одинаково нужно как им, так и нам [1].

Но это был “крик отчаяния”, поскольку из реальных сил у интервентов был только чехословацкий корпус в 30 тыс. человек, но он

вовсе не горел желанием бороться с большевиками и стремился лишь к одному – вернуться на родину.

9 августа Колчак объявил о призыве в войска всех мужчин городов от 18 до 43 лет включительно из Омского и Иркутского военных округов [2].

Трудно сказать, верил ли Колчак в то, что ситуацию удастся переломить, однако в обращении к населению в августе он заверял:

– Наши армии, находящиеся в непрерывных боях с марта, требуют отдыха, и по моему приказанию отходят, не вступая в большие бои с противником. В это время, когда армия занята огромной внутренней работой и боевой службой, я требую от граждан и населения полного спокойствия, выдержки и общей работы для армии. К тем, кто будет препятствовать мне и правительству в этой работе, я буду относиться, как к пособникам большевиков. С мятежниками и трусами буду поступать по законам и обычаям военного времени. Я вместе с армией уверен в конечной нашей победе [3].

Через несколько дней омская кадетская газета успокаивала сибиряков, что генерал Деникин успешно продвигается к Саратову и скоро достигнет Пензы и Самары, а далее направится в тыл восточной Красной Армии, наступающей на Сибирь, после чего неминуемо произойдёт “гибель большевиков и торжество патриотического дела” [4].

Тем временем 12 августа был уволен от должности начальник штаба и военный министр генерал-майор Д.А.Лебедев, вместо него временно был назначен генерал-лейтенант М.К.Дитерихс, который оставался главнокомандующим Восточным фронтом. Генерал А.П.Будберг иронизировал по этому поводу:

– Сначала вздваивали должности, а теперь начинают встраивать, неужели же думают, что единство и стройность управления достигаются сваливанием в одну кучу трёх совершенно несовместимых должностей – командной, штабно-оперативной и административно-тыловой. Нет людей, чтобы хорошо справиться с каждой из этих трёх должностей в отдельности, и в то же время валят на одного человека все их три вместе [5].

К концу августа омский официоз уже почти в отчаянии призывал:

– Подымись же, Сибирь, на свою защиту. Не допустят сибирские граждане, чтобы близкое дело окончательного разгрома большевизма опять отдалилось из-за их слабости <...> К оружию, граждане!

<...> Российское правительство на своём посту <...> За мир, за спокойный труд! За порядок, за землю, за Учредительное собрание! [6].

В августе произошли перемены и в составе колчаковского правительства. 15 августа Совет министров высказался за отставку И.А.Михайлова и И.И.Сукина, а также за смещение Г.Г.Тельберга и перемещение Г.К.Гинса. После ряда закулисных комбинаций министр юстиции Г.Г.Тельберг был освобождён от общего руководства делами правительства, руководство делами передавалось Г.К.Гинсу, оставленному в должности председателя Государственного экономического совещания; И.А.Михайлов был отправлен в отставку, в качестве “утешения” его назначили членом Государственного экономического совещания. Омская газета “Наша заря” комментировала, что “факт отставки Михайлова является, таким образом, известного рода попыткой дать удовлетворение общественному мнению”. Сукина Колчаку удалось отстоять. Но прошло немного времени, и 12 сентября указом Колчака непотопляемый И.А.Михайлов был назначен членом совета министра финансов [7].

В то время как Г.К.Гинс заверял, что “политического кризиса в правительстве нет”, что все члены Совета министров “убеждены в необходимости поддерживать в настоящий тяжёлый для государства момент единство и прочность существующего кабинета”, омская газета “Русь” делала вовсе не оптимистические прогнозы:

– Происходящий ныне министерский кризис, пока, по нашему мнению, далеко не завершился <...> Несомненно лишь то, что мы избегнем в будущем подобных настоящему нежелательных кризисов власти, если будем искать способов их разрешения не в персональных переменах случайного происхождения, а в подыскании такого состава правительства, который будет связан на деле единством мысли и воли, который полностью отражал бы те реальные силы, которые под лозунгом, ныне с исчерпывающей всеохватностью данным верховным правителем, ведут борьбу за единение и свободу, отравленной большевизмом, по-прежнему великой и жизнеспособной России [8].

Но все перемены в составе Совета министров оказались невозможны, поскольку “заупрямился” верховный правитель. На заседании Совета министров 30 августа он сделал доклад с анализом ситуации, отметив, что “наши неудачи от приступа большевизма, который ещё не изжит”, а от этих приступов не спасут никакие перемены в составе Совета министров, между тем как вред от этого очевидный, поэтому никаких перемен быть не должно [9].

Суэта охватила политические партии и группы. В середине августа омские торгово-промышленники начали спешно призывать торговцев и промышленников “к жертвам и совместной работе”, собрали даже 150 тыс. руб. на заготовку белья для армии [10].

Омская городская дума 11 августа обратилась к правительству с призывом “мобилизовать всё достигшее 55 лет мужское население городов” [11].

“Проснулся” и изрядно подзабытый Г.Н.Потанин. В конце августа он призывал:

– К оружию, граждане! Банды большевистские у ворот <...> Сдержать или умереть. Иного выхода нет. Мы все это должны сознавать, должны дружно откликнуться на призыв правительства идти в ряды защитников родины [12].

В поисках чудодейственного рецепта обратились к казачеству. Инициатором выступил назначенный авансом генерал-лейтенантом П.П.Иванов-Ринов. В приказе по Сибирскому казачьему войску он потребовал всех призванных казаков до 40 лет зачислить в полевые полки, все остальные казаки от 17 до 55 лет зачислялись в “сотни самообороны для защиты станиц” [13]. 7 августа открылся чрезвычайный V войсковой круг Сибирского казачьего войска. После молебна в войсковом Никольском соборе все собрались в зале кадетского корпуса. П.П.Иванов-Ринов призвал собравшихся:

– Каждый из нас должен помнить – сила только в нас самих <...> Верховный правитель вошёл в наши нужды, взяв заботы о наших семьях. Мною получено уже 15 млн руб., получено будет ещё. Деньги эти раздадутся станичным комиссиям для выдачи вашим семьям <...> Я атаман ваш. Клянусь, сам поведу вас, сам пойду вместе с вами в последнюю решительную битву [14].

По докладу Иванова-Ринова была принята следующая резолюция:

– Мы, представители от 130 станиц Сибирского казачьего войска единогласно, с полным сознанием своей ответственности перед историей и родным войском постановили: в грозный час великих испытаний всю полноту власти в войске, всю войсковую силу нашу, наши жизни и достояние вручаем тебе, наш войсковой атаман. Твоё слово, твой приказ да будут ненарушимым законом каждому казаку нашего войска <...> Веди же нас, наш войсковой атаман, до полного уничтожения злодеев-большевиков, к спасению родных станиц, к восстановлению великой, единой России [15].

П.П.Иванов-Ринов, воодушевлённый ролью “спасителя отечества” потребовал от правительства сократить штаты и выделить средства на обмундирование и снаряжение казаков, образовав особое управление войскового снабжения Сибирского казачьего войска. Омской кадетской газете он разъяснял:

– Твёрдая власть, единение с широкими народными массами, правительственная информация на местах, преследование злоупотреблений, внеклассовая политика ведомств, объединённые министерства – вот программа, которая даст нам силу и скорую победу <...> Казачество <...> глубоко демократично по своему существу, никаких реакционных целей не преследует, к реставрации самодержавия не стремится [16].

На казаков делалась последняя ставка. Новониколаевская газета отметила, что идеалы казачества – просты: “Родина в величайшей опасности, красный враг вторгся в пределы дорогой Сибири и оно решило поголовно вооружиться и с оружием в руках отстаивать жизнь Родины” [17].

17 августа на заседании представителей торгово-промышленного класса Новониколаевска по подписке было собрано более 500 тыс. руб. в пользу Сибирского казачьего войска. Сбор предполагалось продолжить [18].

Однако затея с казаками не получилась. Как ехидно отмечал генерал Будберг, “сбор казаков шёл очень медленно; угар станичных постановлений, навеянных риновскими ситцами, подарками и пособиями, рассеялся, как только пришлось выходить на службу; но зато вылезли во всей будничной остроте жалость потерять хороший урожай, боязнь за семьи, страх за жизнь и прочее” [19].

В подтверждение этого наблюдения колчаковская охранка в сентябре зафиксировала следующее:

– В настроении казаков, ставших в ряды действующей армии, нужно отметить, что между многими из них чувствуется некоторый отпечаток большевистской агитации, именно: многие казаки верят в несметные силы большевистских войск, в благожелательность большевиков по отношению к беднейшим из населения и т.д. [20].

Из этой шумихи и не могло ничего получиться – в Сибири не было единого казачества, готового в едином порыве бороться с большевизмом.

15 августа Совет министров по представлению министра внутренних дел рассмотрел положение об утверждении временного комитета Всероссийского земского союза и утверждении его восточ-

ного отдела. Было решено образовать восточный отдел временного главного комитета Всероссийского земского союза в составе председателя комитета Н.С.Леухина, членов: К.П.Харитонов, Н.А.Холодковского, С.А.Елачича, В.М.Куткина, Н.А.Самойлова и С.П.Руднева [21].

Главноуправляющий колчаковского правительства Г.К.Гинс в интервью корреспонденту омской кадетской газеты разъяснял:

– Необходимость напряжения всех сил на борьбу за возрождение России побудила Совет министров ускорить легализацию Союза земств и городов и призвать к жизни фронтовые организации земского и городского союзов, хорошо зарекомендовавшие себя в минувшую войну с Германией и Австро-Венгрией [22].

В правилах об учреждении союзов земств, городов и посёлков отмечалось:

– 1) Земства, города и посёлки могут заключать между собой по взаимному соглашению союзы для объединения и согласования их деятельности по разработке и осуществлению культурных и хозяйственных мероприятий, например к развитию и улучшению земского и городского дела в пределах законного круга действий городских и земских учреждений <...> 3) Союзам земств, городов и посёлков предоставляется: <...> а) способствовать земствам, городам и поселковым управлениям в разработке вопросов и в осуществлении мероприятий по улучшению и развитию народного образования, рациональной постановки медицинского и санитарного дела, по улучшению финансового положения городов и земств, по развитию торговли, промышленности, сельского хозяйства и кредита, по оказанию продовольственной и юридической помощи населению и т.п. <...> д) открывать учебные заведения и просветительные учреждения и оказывать таковым своё содействие, а также е) учреждать фабрично-заводские, торговые и кредитные предприятия [23].

Следом родился проект созыва съезда крестьянских депутатов. Дело было так. 19 августа В.Н.Пепеляев пришёл на приём к Колчаку. Колчак рассказал о беседе с Ивановым-Риновым, который говорил о съезде крестьян. Пепеляев рассказал, что он говорил со своим братом о Земском соборе в виде совета крестьян в форме или съезда председателей волостных земских управ, или особых делегатов от волостных сходов [24].

Кроме того, в августе Совет министров заслушал доклад восточной делегации Главного комитета Всероссийского крестьянского союза о восстановлении деятельности союза и главного его комитета

на территории колчаковского правительства и об образовании для областей Сибири, Дальнего Востока и Северной местного комитета Земельного союза с правами главного комитета. Комитет, предполагая развернуть работу Всероссийского земельного союза так же, как и во время войны, – согласно докладу, – приступил к планомерной и широкой работе по обслуживанию фронта. Этот доклад получил одобрение Совета министров [25].

В августе “созрел” проект созыва Национального Учредительного собрания. 22 августа Совет министров заслушал представленный проект. Согласно системе выборов должен был избираться один депутат от одного избирательного округа по большинству голосов, причём избирательной единицей должны были считаться город и уезд, которые составляли один или несколько избирательных округов [26]. Как видим, партийные списки были исключены вовсе.

Но уже 3 сентября появился проект совершенно в областническом духе. Его представлял Совету министров товарищ председателя комиссии по разработке вопроса о Всероссийском представительном собрании учредительного характера. Вот что он предлагал: 1) Сибирь – часть российского государства; 2) верховная власть осуществляется генерал-губернатором Сибири; 3) местное областное законодательство осуществляется Сибирской областной думой и генерал-губернатором; 4) территорию автономной Сибири составляют все те губернии и области, а также их части, население которых выразило желание войти в состав Сибирской государственной области; 5) генерал-губернатор Сибири – представитель верховной власти в Сибири, перед нею лишь ответственный; 6) областное законодательство устанавливается Сибирской областной думой и Сибирским областным советом, никакой областной закон не имеет силу без их одобрения; 7) Сибирская областная дума избирается по четырёххвостке, ценз составляет 5 лет жительство; 8) члены Сибирского областного совета избираются губернскими земствами, казачьими войсками и туземными племенами, имеющими национальные организации, и по назначению генерал-губернатора [27].

И, наконец, в середине сентября было решено учредить Государственное земское совещание. 15 сентября вернувшийся с фронта Колчак собрал совет верховного правителя, на котором и было принято это решение. 16 сентября Совет министров одобрил “этот мудрый акт” и высказал уверенность, что “всё население откликнется с живой радостью на призыв верховной власти к полному с нею еди-

нению и с честью завершит борьбу с разрушителями государства” [28].

Однако всё это мероприятие завязло в бюрократическом болоте. 23 сентября закрытое заседание Совета министров решило организовать для выработки положения о Государственном земском совещании комиссию под председательством государственного контролёра в составе министра труда, министра земледелия, министра внутренних дел, председателя Государственного экономического совещания и 5 членов Государственного экономического совещания по избранию последнего [29].

В итоге родился проект преобразования Государственного экономического совещания в общегосударственное совещание – законосовещательный орган в системе государственного управления с правом запросов министров, с правом законодательной инициативы и с правом учреждения парламентских контрольных комиссий. Однако Колчак счёл подобное преобразование “несвоевременным в такой критический момент, когда на фронте нас преследовали неудачи” [30].

В конце сентября колчаковское правительство ожидал новый удар: стало известно, что верховный союзный совет постановил отозвать союзные войска из России и не вмешиваться в Гражданскую войну. Омская кадетская газета комментировала:

– Верховный союзный совет отказывает России в помощи, которую Россия вправе не просить, а требовать за те огромные услуги, которые она оказала цивилизации и культуре в первые три года войны. Этим самым совет как целое заявляет, что никаких моральных обязательств для него не существует, что все договоры и соглашения аннулируются им. Своим постановлением он снимает с себя всякие обязательства по отношению к России. Но тем самым и Россия получает в международных отношениях абсолютную свободу <...> Решение верховного совета развязывает нам руки. Оно даёт нам полную свободу распоряжаться своей судьбой, заключать какие угодно соглашения, устраивать будущие судьбы России, нам это нужно, нам и только нам одним. Иллюзии исчезли. Осталась только голая реальность [31].

В поисках новой ориентации было решено завязать отношения с Германией. 18 октября с соответствующим докладом на Совете у верховного правителя выступил фон дер Гольц [32].

Самыми абсурдными в этот период были проекты командировки приехавшего от Деникина генерала Нагаева обратно для формиро-

вания дивизии из “застрявших на юге России сибиряков”, с которыми он намеревался весной 1920 г. пробиваться в Сибирь через Туркестан, а также отправка грамот Бухарскому эмиру, Хивинскому хану и проектируемому новому Аму-Дарьинскому казачьему войску. Совет министров утвердил проекты, а адмирал подписал подготовленные грамоты [33].

Современники оставили яркие характеристики верховного правителя – адмирала А.В.Колчака. Один из ближайших сподвижников адмирала Г.К.Гинс в начале октября отправился на пароходе с Колчаком в Тобольск. Не останавливаясь подробно на деталях, воспроизведём главный вывод:

– Адмирал был политически наивным человеком. Он не понимал сложности политического устройства, роли политических партий, игры честолюбий как факторов государственной жизни. Ему было совершенно недоступно и чуждо соотношение отдельных органов управления, и потому он вносил в их деятельность сумбур и путаницу, поручая одно и то же дело то одному, то другому. Достаточно сказать, что переписка с Деникиным по политическим вопросам велась сразу в трёх учреждениях: ставке, министерстве иностранных дел и управлении делами. Увы! Приходится сказать, что не было у нас и верховного правителя. Адмирал был по своему положению головой государственной власти. В ней всё объединялось, всё сходилось, но оттуда не шло по всем направлениям единой руководящей воли. Голова воспринимала, соглашалась или отрицала, иногда диктовала своё, но никогда она не жила одной общей жизнью со всем организмом, не служила её единым мозгом [34].

А.П.Будберг в дневнике за 21 августа отметил:

– Вечером адмирал разговорился на политические темы и высказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на своё положение как на посланный небом подвиг и непоколебимо убеждён, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России всё её величие и славу и возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли [35].

Отметим, что если бы в Сибири был другой правитель вроде генерала Врангеля, то это мало что изменило: крах белого движения определила не личность верховного правителя, а то соотношение борющихся сил, которое сложилось в Сибири и Европейской России с началом Гражданской войны. Ход событий мог бы быть иным, но результат оставался бы тем же.

Столь же неприспособленным к работе оказалось и колчаковское правительство – оно выродилось в огромное бюрократическое учреждение. Вот что отмечал в воспоминаниях Л.А.Кроль:

– В бюджетной комиссии при рассмотрении сметы государственного контроля задаю вопрос государственному контролёру Краснову, производится ли контроль на фронте и как? “У меня имеются полевые контролёры”, – отвечает Краснов. – “Как проверяется снабжение и продовольствие, по списочному составу или по действительному?” – “По списочному, так как проверить действительный состав на фронте очень трудно” – “Но ведь Вы можете от военного министра узнать действительный состав?” Краснов мнётся и с трудом произносит: “Военный министр сам на днях спрашивал меня, не могу ли я через моих полевых контролёров выяснить состав армии на фронте и сообщить ему?” [36]. Кроме того, Краснов сообщил, что, по его мнению, разница между списочным и действительным составом составляет в 5 раз:

– Штаты были раздуты в тылу не только в области военной и “морской” (было и самостоятельное морское министерство), но и в гражданских органах управления. Тут спасались и спасали от военной службы. Кроме того, омские министры любили большие штаты, чтобы их министерства казались похожими на “настоящие”. Так, в министерстве иностранных дел Сукин развёл 16 отделов <...> А Михайлов в министерстве финансов развёл такой штат, что комиссия под председательством Краснова, по сокращению штатов нашла возможным сократить штат только в одном центральном управлении финансов на несколько сот (!) человек сразу [37].

Ему вторил генерал Будберг:

– Омские министерства и их бесчисленные департаменты выбрасывают тучи законопроектов и распоряжений, требуют донесений, ведомостей, статистики и всего прочего, что полагалось благопристойному российскому министерству или департаменту. Всё это взгромоздилось во всероссийский масштаб, распухло в революционных пропорциях и впитало в себя большую часть немногочисленных в Сибири специалистов-работников. В министерстве земледелия у нас, например, 17 департаментов и отделов, причём есть отдельные департаменты охоты и рыбной ловли; там, где прежде отлично справлялся один чиновник, теперь сидят и не справляются три-четыре, а то и больше; вместо писца или одной машинистки сидит многочисленная стайка машинисток [38].

Не лучшим образом выглядели и представители власти и армии на местах, по деятельности которых население судило о власти. Вот что сообщил 25 июня начальник гарнизона города Щегловска уполномоченному по охране государственного порядка:

– Прошу вашего распоряжения о командировании в город Щегловск одного из офицеров вверенного вам гарнизона для производства строжайшего расследования о преступных, подрывающих престиж существующей власти действиях чинов местной уездной милиции. Процветает настоящий произвол, насилия, пьянство, взяточничество, оскорбления словами и действиями обывателей, порка плетями, массовые убийства граждан пьяными милиционерами, допросы с пристрастием. В подтверждении того привожу несколько примеров: на масляной неделе начальником уездной милиции при участии милиционеров сквозь двери собственного дома застрелен гражданин Щегловска Новиков <...> 12 – 13 мая при проезде на пароходе отряда милиции в Крапивинскую волость, по приказанию выпившего начальника милиции 1-го участка Кузнецка, убит наповал крестьянин села Шевелёва Смирнов, труп которого был обобран и сброшен в Томь, родного его брата избили до полусмерти по подозрению в шпионаже, хотя сущность шпионажа начальник милиции 1-го участка доказать не может; в то же время по приказанию того же начальника милиции милиционером Воронкиным изнасилована молодая девица села Щеглово <...> Дисциплина среди милиционеров отсутствует совершенно. Я бороться с этим злом совершенно бессилён без вашей поддержки и воздействия на милицию путём подчинения таковой на основании существующего военного положения – военным властям. На основании изложенного прошу Вас принять экстренные меры для замены теперешнего состава начальства новым, желательно из военных и после чего ввести среди милиционеров самую суровую дисциплину [39].

Старший помощник начальника отряда особого назначения при управляющем Енисейской губернией 6 августа сообщил управляющему губернией:

– Считаю должным донести, что чины местного гарнизона – офицеры и солдаты – не на высоте своего назначения. Идёт беспросыпное пьянство, часто слышна стрельба на улицах, никаких мер к воздействию со стороны военной власти в целях прекращения хулиганства принято не было. Начальник гарнизона поручик Толкачёв в отношении к отряду принял обратную позицию: не входя несколько в суть моих распоряжений, старается в глазах гарнизона и жителей

подорвать авторитет отряда, и по возможности, призвать к себе на поклон. Так, например, 1) мои патрули, высланные в целях прекращения хулиганских и пьяных безобразий и задержания скандалящих людей, им были отменены, потому что я не доложил ему; 2) своих агентов, добывавших сведения о лицах подозрительных, я должен был отозвать, так как, по его мнению, это дело местной контрразведки; 3) задержанный моими офицерами пьяный прапорщик местного гарнизона, производивший стрельбу из револьвера на улице, был начальником гарнизона отпущен, а моим офицерам был сказан упрёк, что мы очень поздно стали признавать его <...> Настроение местного населения к красным – сдержанное и, пожалуй, довольно благожелательное. Из среды горожан мною задержано несколько лиц, находящихся в сношении с красными. Они задержаны и переданы местным властям [40].

31 августа дежурный офицер по гарнизону сообщил начальнику штаба:

– 30 августа комендант здешней станции получил телефонограмму задержать русских офицеров из поезда № 3 вагон после почтового вагона, которые офицеры, будучи пьяны, сделали на станции Алзамай скандал, стреляя из поезда револьвером и угрожая бомбами чиновникам станции [41].

Командующий Тарским военным округом в сентябре сообщал командующему войсками Омским военным округом:

– Крайне неудачные, а зачастую даже преступные действия военных отрядов правительственных войск, расстреливавших всех, кто попадает под руку, грабежи, пьянство, насилия в прошлом, а отчасти и нынешнем годах, внушили местному населению неуважение и страх к власти, а опытным красноармейцам – ненависть, жажду мести и расчёт на поддержку населения <...> Капитан Фомин <...> несмотря на моё запрещение пускать в ход артиллерию, разбил снарядами большое село Усть-Тару, а в селении Ново-Екатерининском – сжёг 12 домов, причём чины отряда перерезали домашнюю птицу <...> и увезли с собой домашнее имущество сожжённых домов <...> Полковник Кадлец (польский отряд) ограбил несколько селений начисто, включительно до белья и одежды [42].

О настроениях офицерства можно судить по отчёту в РГА гласного Красноярской думы Н.К.Ауэрбаха. Он сообщил:

– В офицерской среде сильно монархическое движение. Активности, конечно, никакой не проявляется для того, чтобы приблизить это чаяние офицерства, но благотворительной пассивности избыток.

Хорошо только было при старом монархическом строе, когда Россия имела действительно боеспособную армию. Все разговоры офицерства между собой – только об этом. Они живут прошлым, которые им кажется красивым и славным. Беседа за столом – это водопад воспоминаний о сильной армии времён Николая. И так от генерала до прапорщика [43].

Далее он приводит ещё одно наблюдение:

– В офицерстве можно наметить две группы: мирного времени и военного. Первые недовольны появлением наверху молодого офицерства. На тех военных деятелях, которые были у власти во время “керенщины” Сибирского правительства, сваливают все неудачи армии, её нынешнее отступление. Только они, офицеры мирного времени – настоящие офицеры, все же остальные – только видимость офицерства. Последних, конечно, в отряде больше, они и так на менее ответственных местах. У большинства одно желание – поскорее окончить войну и вернуться к мирной жизни. Уже чувствуется в среде усталость, которой отчасти и объясняется отношение к солдатам “спустя рукава” [44].

Колчаковскому правительству не удалось привлечь на свою сторону деревню. Да оно и не смогло бы это сделать, даже если бы захотело: политика правительства в деревне, как уже отмечалось выше, коренным образом противоречила интересам крестьянства. Напрасно колчаковская пропаганда пыталась объяснить деревне, что большевики – её враги. Вот образчик подобной пропаганды:

– Если верить красным, то все воюющие с большевиками солдаты, офицеры и генералы есть враги русского народа, т.е. рабочего, крестьянина, служащих и вообще всех небогатых людей <...> Между тем всем известно, что с красными воюют все честные русские люди, которым действительно против сердца Советская власть. С большевиками воюют и купцы, и рабочие, и чиновники, и крестьяне – словом, все слои населения. Следовательно, большевики есть не народ, не представители населения, а просто-напросто кучка злых проходимцев и разбойников <...> Белогвардеец есть тот человек, который во время свержения большевиков носил на рукаве белую повязку и только, а уж никак не враг бедного русского люда. Наоборот, эти бывшие белоповязочники больше всего и стараются, чтобы в России наступил мир и спокойствие для всех, а это будет лишь при полном уничтожении большевиков [45].

Крестьянство же либо активно сопротивлялось мероприятиям правительства, либо безучастно относилось к ним, если их “не тро-

гали”. Вот свидетельства современников. 29 сентября управляющий Тарским уездом сообщил управляющему Акмолинской области:

– Мобилизация всего сельского населения в возрасте от 18 до 35 лет <...> вызвала в некоторых волостях уезда восстания и явное противодействие проведению этой мобилизации в жизнь. Так, население волостей Крайчиковской, Корсинской, Рыбинской, Форпостской и Финской, в особенности двух первых, – не только не пожелало мобилизовываться, но вело усиленную пропаганду против призыва и устраивало заставы, чтобы не пропускать лиц, следующих на сборный пункт города из других волостей [46].

30 сентября штаб 3-й Армии сообщил начальнику Восточного фронта:

– Крестьяне Сенной волости Петропавловского уезда по отношению к правительству и большевикам настроены одинаково безучастно, выражаясь так: “Кто хочешь владей, лишь бы нас не трогали” <...> к отбыванию воинской повинности относятся весьма неохотно <...> Среди бедного населения сложилось мнение, что большевики к ним великодушны и с помощью их они получают все земные блага за счёт богатых. Вопрос о земле местных крестьян, видимо, мало затрагивает, так как здесь нет частновладельческих земель, а то количество земли, которым владеет сибирское крестьянство, и в частности сенновцы, – в таком количестве, что они не в состоянии его полностью обработать [47].

Колчаковское правительство, судорожно ища средства спасения, уже не призывало к беспощадной борьбе с мелкобуржуазными партиями, а искало возможности привлечь на свою сторону наиболее умеренные элементы из их лагеря. Не случайно поэтому соответствующее разъяснение появилось в омской газете:

– Социализм, отказываясь от большевизма, должен отказаться и от классовой диктатуры, классовой власти. Это историческое оружие политической борьбы должно быть принципиально отвергнуто новейшим социализмом. Воля к власти пролетариата есть, с социальной точки зрения, явление того же порядка, что и воля к власти капиталистической буржуазии или феодального дворянства. И, как показал опыт, в своём реальном осуществлении они далеки от уничтожения классового строения современного общества, как были в своё время далеки от разрешения этой проблемы прежние классовые диктатуры. Новейший социализм должен будет признать правильным позицию народных социалистов, отвергающих диктатуру класса и выдвигающих вместо этого путь к социализму через демокра-

тию, через постоянное преобразование всей капиталистической системы посредством могущественных способов свободного формирования и проявления народного мнения и действия, которыми располагает демократический строй, и тем самым значительно отмежеваться от коммунистов, дискредитирующих своими действиями самую основу социализма [48].

А вскоре в Омске прошло организационное собрание Всероссийского демократического союза. Среди его учредителей были крупные кооператоры, члены Государственного экономического совещания, народные социалисты и общественные деятели. Собрание утвердило платформу на следующих основаниях: основной целью Союза является возрождение единой, великой, свободной России, доведение страны до выборов в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Союз объявлялся национальным и надпартийным [49].

Омская газета “Русь” разъясняла:

– Последней новостью политики дня является образование демократического союза, объединяющего на единой временной платформе центральное и левое крыло демократии <...> Мы слишком бедны людьми, чтобы позволять себе роскошь отбрасывать в безответственную оппозицию деятелей, искренне стремящихся к восстановлению государственности. Да и наконец, идеи политического радикализма и социального реформизма слишком глубоко проникли в массы населения, что её доверия и поддержки нельзя получить без включения этих идей в тех или иных пределах в практическую государственную программу. Верховная власть это поняла. Остаётся пожелать, чтобы также чутки были общественные организации, непосредственно примыкающие справа к только что создававшемуся объединению [50].

И, наконец, колчаковское правительство решилось созвать Государственное земское совещание. Л.Кроль в омской газете “Русь” разъяснял:

– Государственное экономическое совещание – это первая попытка. Следом идёт неизбежная вторая попытка стать ближе к народу: решено созвать Государственное земское совещание. Путь выбран правильный. Но для того, чтобы этот путь привёл к результату, необходимо известное единение между правительством, общественностью и народом <...> Общественность эта должна быть объединена не от случая к случаю на той или другой задаче сегодняшнего дня, а на общей единой цели, способной привлечь широкие народ-

ные массы. Только тогда эта общественность будет иметь право занимать подобающее общественности место. Такую общественность необходимо создать. Партии <...> потеряли свой облик и неизбежно поэтому веру в себя, а тем более доверие народное. Блоки ничего не стоящих партий, конечно, не больше, чем сами партии. На очереди создание союза из лиц, не дискредитированных в глазах широких народных масс, способных независимо от своей партийности отбросить мелочи, разделяющие их, и объединиться на общей задаче: создать гармонию между правительством, общественностью и народом для достижения общей цели великой, единой, свободной России через Учредительное собрание, охраняя по пути к этому народные права и народные интересы. Такой союз, начинаемый верхами общественности, должен проникать в самую толщу народную и создаст общественность, прочно связанную с народом воедино. Должно исчезнуть самое разделение на народ и общественность. Тогда только получится нормальное для демократической страны положение: народ и его правительство [51].

Омская правительственная газета в начале октября опубликовала отзывы общественных деятелей о проекте созыва Государственного земского совещания. Воспроизведём основные из них.

Председатель Акмолинского областного земства Парунин: Проект земств в чистом виде заключался в созыве представительного органа с полномочиями полного парламента. Но мы допускаем, что временно можно удовлетвориться Земским собором с представительством главным образом от крестьянства [52].

Профессор Устрялов: ПНС относилась и относится отрицательно к идее законосовещательного или законодательного органа, ибо это ослабит, а не усилит диктатуру. Наша точка зрения заключается в необходимости укрепления диктатуры верховного правителя. Наш лозунг не только “диктатор-освободитель”, но и “диктатор-строитель”. Конституцией 18 ноября правителю должно быть дано право увольнения и назначения министров. На Совет министров мы смотрим не как на солидарный политический кабинет, а как на деловой совет для воплощения программы верховного правителя. Мы хотим надеяться, что Государственное земское совещание приблизит власть к народу и сделает её и остальные её мероприятия более популярными. Теперь, когда этот акт совершился, надо стараться, чтобы он был лучше использован и в этом отношении мы окажем всё содействие, на какое способны [53].

Председатель Всероссийского совета съездов торговли и промышленности Гаврилов: В борьбе с большевиками правительство должно опереться на все группы населения, государственно мыслящие. Это достигается провозглашённым верховной властью созывом Государственного земского совещания <...> Существующий ныне Совет министров должен быть переконструирован в кабинет министров, что даст возможность подчинить политику кабинета одной воле председателя кабинета министров, которая должна быть ярко выражена и строго очерчена с определёнными задачами в согласии с условиями существующей государственности. Крайне желательно, даже необходимо вхождение в состав кабинета министров наиболее влиятельных групп населения в качестве министров без портфелей [54].

П.В.Вологодский: Что касается проектов новых комбинаций правительства, как и требование усиления диктатуры, исходящих от кадетских кругов, я считаю их беспочвенными [55].

Последней конвульсией агонизирующего режима стало формирование добровольческих отрядов из православных христиан и мусульман. Глава формирования добровольческих отрядов генерал-лейтенант В.В.Голицын в интервью омской кадетской газете разъяснял:

– Движение <...> выдвинуло новый лозунг: за веру и родину. Поднимаются православные под знаком креста, мусульмане – под знаком полумесяца. На днях на фронт отправляется первый отряд крестonosцев и мусульман <...> Будем думать, что за необходимыми деньгами дело не станет. В целях дальнейшего привлечения общественности думаю организовать военно-общественный аппарат по снабжению отрядов. Ряд лиц уже взял на себя организацию финансового дела снабжения [56].

Омская кадетская газета разъясняла:

– От нас зависит создать такую силу, поддерживать и развить начатое добровольческое движение. От нас зависит быстрая и решительная победа над большевизмом. Для этого нужно только не отставать на полпути [57].

Однако широкого размаха это движение не получило. 20 октября ушли на фронт первые отряды святого креста и мусульман – всего 506 штыков и 100 сабель [58].

В Томске кампания по формированию дружин святого креста и полумесяца началась в сентябре. На заседании собрания 29 сентября должны были появиться генерал Голицын и профессор Болдырев, но

они не приехали, и в переполненном зале выступали местные деятели и профессор Аносов с руганью в адрес Советской России и с призывом формировать дружины для спасения родины от большевизма. Было решено вновь собраться после приезда генерала Голицына и профессора Болдырева [59].

Они вскоре прибыли из Омска и обратились к томскому мусульманскому деятелю Нурулле Карпову с предложением организовать отряд “Зелёного знамени” в Томске. Зариф Гайсин, участвовавший в организации этих отрядов, рассказал об этом в воспоминаниях:

– Нурулла Карпов, внимательно выслушав непрошенных гостей, резко осудил поведение черносотенных мулл и князю с генералом разъяснил точный смысл “газавата”, как его понимает широкая масса мусульманского населения и что по “газавату” мусульмане в первую очередь должны перебить вас самих, как неверующих в ислам, а потом уже обсудить вопрос, как быть с большевиками. В целях отвода недоверия и предвидя неизбежность мобилизации татарского населения в ряды колчаковщины, Нурулла Карпов предложил взамен “газавата” организовать национальный татарский батальон, однако с условием, чтобы командный состав был тоже исключительно из татар <...> Князь с генералом ухватились за последнюю мысль Нуруллы Карпова, и последний получает официальное извещение А.В.Колчака о том, что он, Н.Карпов, назначается начальником формирования татарского батальона <...> Пишущему эти строки выпадает на долю нелегализация работы и легализация дезертиров колчаковщины, перебежчиков и бывших красногвардейцев от имени мусульманского бюро для поступления в национальный татарский батальон [60].

Формирование батальона затянулось до ноября 1919 г., набрали 400 человек, но в Омск этот батальон отправить не успели в связи с наступлением Красной Армии в Сибири. Батальону был дан приказ выступить 17 декабря на Мариинск, но было решено убить колчаковского командира батальона штабс-капитана и вернуться в Томск. В дальнейшем батальон участвовал в боях с отступающими колчаковцами и как самостоятельная единица вошёл впоследствии в состав 5-й Красной Армии.

Тем временем Красная Армия стремительно продвигалась к Омску. 22 октября вечером на заседании Совета министров верховный правитель изложил военную обстановку, которую он считал весьма грозной [61].

Однако в печати появились успокаивающие заверения. Вот главноуправляющий делами правительства Г.К.Гинс разъясняет:

– Население Омска должно отнестись с полным спокойствием к объявлению о разгрузке города <...> Не паника, а сопротивление обеспечивает безопасность. Прежде всего мы должны рассчитывать на самих себя. В печати уже сообщалось, что правительство остаётся в Омске. Для успокоения населения подтверждаю, что верховный правитель и весь Совет министров остаётся здесь. Выезжают только те учреждения, без которых сейчас можно обойтись [62].

1 ноября на торжественном заседании совещания при начальнике добровольческих формирований выступил сам А.В.Колчак:

– Сдача Омска невозможна. Потеря этого центра явилась бы тяжёлым ударом всему делу возрождения русской государственности, допустить которую нельзя <...> Все необходимые армии средства и учреждения остаются в Омске. Армия будет иметь всё – ей нужны только люди и тёплые вещи. Вот к этой помощи армии, к широкому содействию добровольческому движению и призываю вас, господа [63].

Но уже на следующий день в омской кадетской газете появилось воззвание Колчака “К населению России”:

– Наши армии под давлением численно превосходящего врага отошли за реку Ишим. С этим отходом создаётся угроза Омску <...> В наступающие грозные часы каждый способный носить и владеть оружием обязан оставить мирные занятия и помочь армии, вступая в её ряды. Я призываю граждан Омска вступить в добровольческие части, находящиеся под знаком святого креста и зелёного знамени пророка и сделать это добровольно, пока я не объявлю общего призыва <...> Призываю граждан Омска к оружию для помощи армии и защиты своего города [64].

Омская кадетская газета разъясняла:

– Большевики угрожают Западной Сибири самым действительным образом <...> Всем следует собраться вокруг верховного правителя. Как он скажет, так тому и быть. Не следует мешать верховному правителю и высшей военной власти делать их тяжёлое и ответственное перед родиной дело <...> Мы призываем всех наших друзей самим понять и другим посоветовать то же – в спокойствии и деятельной сосредоточенности духа всем слиться в общей заботе обороны под руководством верховного вождя – в этом сейчас всё и в этом залог спасения [65].

Главнокомандующим армиями Восточного фронта был назначен генерал-лейтенант Сахаров. Дитерихс, который честно заявил Колчаку, что при том состоянии, в котором находится армия, защищать Омск нет возможности, был отстранён от должности.

Омская кадетская газета в последние дни колчаковской власти в Омске печатала истеричные призывы:

– Омск кипит. Кипит беспокойством и гневом <...> Большевики идут против веры и церкви, мы за веру отцов наших и русскую церковь <...> Выше всяких лозунгов чище и нетленнее сияет святой крест <...> Призыв умереть за веру самый могучий призыв для каждого русского. Он всем понятен. Умереть с крестом легче, чем умереть с лозунгом Учредительного собрания. Русские люди! Идите на защиту веры и родины. Идите помогать матери-России и нашей доблестной армии [66].

В очередном номере вновь появился подобный призыв:

– Говорят иногда, что большевики – это сила, с которой возможно, а иногда неизбежно мирное сожительство <...> Теперь у них есть армия, но теперь они уже не сила, теперь они – только самодвигающийся труп, ибо ветер истории тянет против них <...> Власть противобольшевистская придёт, придёт вскорости, для того, чтобы уже большевизму не появляться более <...> Кто сейчас напрягается не пустить большевика в свой огород и в свою деревню, тот делает не только честное и святое дело – к этому практичные люди ещё могут быть глуховаты, но и дело здорового расчёта. Большевики от нас не уйдут. Мы их возьмём. Мы их возьмём, и здесь внятно звучащий рок [67].

26 октября началась переброска белых войск в Алтайскую губернию. За три дня до захвата Омска Красной Армией Колчак переместился в Новониколаевск, где вместе с генералом Сахаровым начал разрабатывать план дальнейших военных операций против Красной Армии. Было решено закрепиться на Оби, прикрыв левый фланг казачьими частями у Семипалатинска, разгромив армию Мамонтова на Алтае. Газета “Алтайский день” сообщала, что “бодрая речь правителя в Новониколаевской городской думе создала общее убеждение, что падение Омска не является крахом, а лишь этапом борьбы, заставляющим усилить оборону страны”, что “красные не опасны и их можно отразить даже силами, расположенными в районе реки Оби”. Командующий первой армией генерал А.Пепеляев грозился: “Дайте мне 30 тысяч добровольцев и я уверяю, что через два месяца боль-

шевики будут отброшены за Урал” и призывал формировать крестьянские полки преимущественно из старожилов [68].

В ночь с 13 на 14 ноября 242-й Волжский стрелковый полк Красной Армии, скрытно переправившись по льду через Иртыш, занял станцию Омск и к утру разоружил 7 тыс. белых солдат и офицеров, находившихся в эшелонах на станции. 14 ноября колчаковская власть в Омске прекратила существование. Заняв Омск, Красная Армия двинулась вдоль Транссибирской магистрали дальше на восток.

28 ноября в Новониколаевске главнокомандующий войсками Восточного фронта генерал-лейтенант Сахаров издал приказ, чтобы в каждом городе, селении и деревне был организован местный комитет самообороны и народного ополчения в составе председателя и 5 членов. Комитеты должны немедленно “выделить и изолировать с представлением списка всех преступных лиц, агитаторов, шпионов и большевиков, ведущих развращающую антирусскую работу, мутящих русский честный народ и не дающих покончить с большевизмом”; все добровольческие формирования, направляемые в армию, должны поступить на учёт у военной власти и получить права и привилегии добровольцев [69].

В ночь на 7 декабря в Новониколаевске выступил Барабинский полк во главе с полковником Ивакиным, к которому присоединились военнослужащие других частей (Новониколаевского полка, школы телеграфистов, инструкторской школы и т.д.). Восставшие захватили тюрьму и выпустили политических заключённых, заняли почту, телеграф и телефон, комендатуру и вокзал, где изолировали штаб 2-й армии во главе с генералом С.Н.Войцеховским. Однако, посадив под арест командарма, восставшие не отключили связь, и арестованный генерал вызвал на помощь части 5-й Сибирской дивизии польских стрелков, находившиеся в городе, которые под командованием командира дивизии полковника К.Румши подавили восстание. Большая часть восставших во главе с Ивакиным была расстреляна, остальные были обезоружены и помещены в тюрьму. В ночь на 9 декабря польские стрелки провели “разгрузку” тюрьмы, расстреляв заключённых [70].

Тем временем Красная Армия продвигалась к Новониколаевску. Одна за одной были взяты станции от Омска до Новониколаевска, 11 декабря 3-я бригада 27-й дивизии взяла станцию Дупленскую, начальник 27-й дивизии Ф.И.Блажевич в помощь 3-й бригаде, наступавшей на Новониколаевск вдоль железной дороги, направил два

полка в район Кольвани с задачей обойти Новониколаевск с севера и северо-востока. Южнее города действовала 1-я бригада. 13 декабря утром 3-я бригада двинулась к Новониколаевску и вечером, обойдя город с северо-запада, вошла в него. Город был сдан без боя [71].

Активизация политической жизни в Томске началась летом 1919 г. В июле в городе появилась декларация центрального бюро Сибирского союза социалистов-революционеров, в которой отколовшаяся от ПСР группа выступила с критикой ПСР за её попытки коалиции с буржуазией, за откладывание решения основных вопросов до Учредительного собрания. Резко критиковался Всесибирский краевой комитет ПСР за участие в антисоветском восстании и поддержке Временного Сибирского правительства. Основной программной задачей ставилось свержение правительства Колчака и утверждение системы народовластия. Эту борьбу должен был вести орган, созданный из членов Учредительного собрания, которые остались верными своему долгу перед избирателями [72].

Осенью томская либеральная газета “Великая Россия” призывала:

– Нам нужна Великая Россия с крепкой твёрдой властью, свободная, ни от кого не зависящая, не ходящая ни по чьей указке, способная устроить свою судьбу по личной воле на том народном собрании, где соберутся не партийные крикуны и фанатики, которые готовы резать живое тело в угоду мечтам и фантазиям. Мы хотим народного собрания, которое состояло бы из трезвых, деловых людей, желающих добра нашему несчастному отечеству. Таких людей хотелось бы нам видеть озабоченными устройением формы правления будущего единого государства и условий дружного тесного сожительства с народностями, объединяющимися вместе с коренным русским народом в борьбе за общее счастье и независимость. Да здравствует единая великая и могучая Россия! [73].

Ей вторил томский “Русский голос”:

– Знаем мы, что критиковать легко, а работать трудно. Поэтому мы говорим, что правильно поступает тот, кто не только критикует, а помогает власти делать её трудное дело <...> Нужно возродить хоть какую-нибудь власть, а потом уже думать об её усовершенствовании. Пока нет в деревне порядка и безопасности, невозможно произвести выборы в Учредительное собрание, созыв которого поставил себе целью верховный правитель, невозможно дать этому собранию спокойствие, необходимое для работы: оно будет разо-

гнано любой вооружённой толпой, как это уже раз случилось <...> А чтобы была твёрдая власть, нужна мощная дисциплинированная армия. Только она может возродить Россию, сделать её сильной извне и создать в ней порядок внутри. Итак, мы стоим за Единую Великую с сильной всенародной властью и мощной армией, Россия, где всякий мог бы спокойно трудиться и спокойно пользоваться трудами рук своих [74].

Однако эти призывы, раздававшиеся уже больше года, не производили никакого впечатления на горожан. Уже в начале ноября томики оказались во власти слухов о положении дел. Говорили, что белая армия разбита, что она не в состоянии оказывать сопротивление, что большевики движутся “со скоростью поезда”, что прервано всякое сообщение с Омском, что сибирские деньги объявлены недействительными. Говорили даже, что Красная Армия идёт из Тобольска через Сургут и Нарым на Томск. Ещё больше напугало горожан объявление генерала Пепеляева в местной “Сибирской жизни” о том, что выезд из Томска всем мужчинам совершенно запрещён, эвакуировать предполагалось только семьи военнослужащих, бойцов, раненых и больных воинов. После этого началась масштабная распродажа имущества, товаров, что вызвало падение цен, квартиры пустели, возы с имуществом куда-то отправлялись. Томск готовился бежать на восток. По Иркутскому тракту тянулись обозы с беженцами. 9 декабря в Томск прибыли беженцы из Пермской губернии на подводах. На вопрос, куда едете, беженцы ответили: “Едем куда глаза глядят. Были три дня в селе Спасском, сейчас приехали в Томск, а отсюда двинемся дальше, если есть дорога” [75].

17 декабря началось восстание в городе. Комендант “Дома свободы” М.И.Братковский вспоминал:

– На окраине Томска собралась толпа вооружённых людей, здесь же выдавали винтовки. Затем построили, разбили на отряды и дали направление занимать центр города. Выкликнули: “Кто был командиром”? Я вышел и был назначен командиром небольшого отряда. Отряд повёл к центру города в боевом построении, впереди разведка. Сопротивления нам нигде не было оказано. После занятия означенных объектов пошёл в штаб ревкома, который помещался в бывшем губернаторском доме, “Доме свободы”, выяснить дальнейшее задание, вопросы питания солдат... Штаб ревкома [предложил мне] немедленно вступить комендантом по охране штаба в “Доме свободы” [76].

18 декабря, по воспоминаниям редактора “Сибирской жизни” А.В.Адрианова, в городе с утра “вдруг стало тихо, улицы опустели, военных не видно, езда почти прекратилась”. Стало известно, что управляющий губернией накануне покинул город. 19 декабря было также тихо в городе, но новая власть начала работать, готовился к печати первый номер “Знамени революции” [77].

Военный комиссар второй бригады 30-й дивизии, которой предстояло занять Томск, И.Н.Залогин вспоминал:

– 19 декабря, приближаясь к Томску, мы выслали конную разведку и начали обсуждать детальный план штурма Томска. В это время наши конные разведчики привели к нам посланца из города с извещением, в котором сообщалось, что в Томске произошло восстание и что генерал Пепеляев с небольшой группой личной охраны сбежал из города в неизвестном направлении, а его войска сложили оружие и сдаются нам без сопротивления <...> мы 5 человек – комиссар 266-го полка Бондырь, начальник штаба бригады Русяев, я и два наших ординарца поскакали в город. Когда мы въехали в город, мы увидели выстроенные воинские части. Полковник Вершинин мне рапортовал, что для встречи командования Красной Армии из состава томского гарнизона выстроено 13 тысяч солдат и офицеров. Приняв рапорт, я, не сходя с лошади, обратился к солдатам с приветственной речью и отдал устный приказ, чтобы все воинские части 20 декабря в 9 часов утра выстроились для смотра у мест расквартирования. Когда я сошёл с лошади, ко мне подошёл среднего роста плотного сложения мужчина с большой тёмно русой бородой в штатской одежде. Это был товарищ Янсон, работавший в подпольной парторганизации Томска. От имени трудящихся Томска он приветствовал нас как представителей Красной Армии, освободившей Томск [78].

В начале декабря после восстания воинских частей в Кузнецке в город прибыл отряд Г.Ф.Рогова, который затем двинулся на Кольчугино, где помог восставшим шахтёрам, а затем на Щегловск. 21 декабря партизаны Первой Томской партизанской дивизии под командованием Шевелёва-Лубкова совместно с отрядом Рогова заняли Щегловск, перекрыв путь 3-й белой армии на Мариинск. Однако колчаковцам после артобстрела из тяжёлых орудий удалось выбить партизан из Щегловска и продолжить путь на восток. Отряд Рогова двинулся из Щегловска на станции Топки и Арлюк, где был рассеян белогвардейцами. В эти дни в районе села Поломошное Красная Армия настигла арьергард отступавшей колчаковской армии, в ча-

стности, польских легионеров, опрокинула его и заняла станцию Тайга. Колчаковцы вынуждены были отступать к Мариинску, где оказались в мешке, теснимые с запада Красной Армией и партизанами Мариинского уезда, а с востока – партизанами Енисейской губернии. Однако им удалось вырваться и двинуться в сторону Ачинска. Таким образом, в Западной Сибири колчаковская власть была разгромлена, а Красной Армии предстояло освобождение от белых Восточной Сибири.

3.2. Победа партизан на Алтае

Массовый характер партизанское движение на Алтае стало приобретать в августе 1919 г., когда небольшие партизанские отряды стали пополняться как добровольцами, так и мобилизованными крестьянами, в результате чего сформировались партизанские армии.

2 августа вспыхнуло восстание в селе Зимино, лежащем в 80 верстах от Барнаула на трактовой дороге в Змеиногорск. Основное ядро повстанцев составили дезертиры колчаковской армии, ушедшие в партизанский отряд. Поводом к восстанию послужили действия карательного отряда прапорщика Абраменко, посланного для вылавливания дезертиров в этот район, и начавшего расправу с родителями дезертиров, взятых в заложники. Партизаны прибыли в село Зимино и на митинге обратились к крестьянам с призывом помочь освободить арестованных. Крестьяне согласились, и повстанцы направились в село Чистюньку, где освободили заложников.

В Зимино повстанцы решили поручить командование партизанским войском К.Н.Брусенцову. В военный отдел штаба были избраны Архипов, Царёв и Семенихин. Штаб был назван “Главный штаб Алтайского округа”. Также было решено “всеми мерами, действуя через подпольные организации, поднять крестьянство, быстро организовать его в отряды, соединять оружие в одно место и восстанавливать связь между действующими отрядами”.

Получив известие о восстании, барнаульские военные власти сделали попытку сразу же разгромить очаг восстания – Чистюньку и Зимино. С этой целью из Барнаула вечером 2 августа был отправлен сборный отряд особого назначения из 50 человек под командой подпоручика Барского. Отряд утром 3 августа выступил на Чистюньку, но встреченный огнём повстанцев принуждён был отступить.

После того как зиминцы отбили наступление колчаковского отряда на село Чистюньку, 4 августа из Барнаула была отправлена на

станцию Топчиху 12-я рота 5-го стрелкового Пражского полка имени Массарика при 4 пулемётах под командованием поручика Скрита для подавления восстания. Утром 5 августа 40 чехословаков при 2 пулемётах и 20 русских солдат под командой поручика Барского снова начали наступление на село Чистюньку, но после двухчасового боя колчаковцам вновь пришлось отступить [1].

Зиминское восстание послужило толчком к восстаниям в других сёлах Алтайской губернии. Узнав, что Зимино поднялось, павловцы 2 августа собрались на сходку, избрали ревком, объявили мобилизацию 1915, 1916 и 1917 годов и уже на следующий день произвели разбивку мобилизованных на роты и эскадроны. Спешно собиралось огнестрельное оружие и ковались пики. Из старых чугунных труб кузнецы смастерили две пушки, одну из которых разорвало при первом же выстреле, а другая действовала в продолжение всей осады Павловска. К 5 августа в восстание были вовлечены все сёла и деревни, начиная от Шелаболихи, расположенной у Оби и до деревни Михайловки, находившейся в 25 верстах от Барнаула [2].

8 августа партизанскими отрядами было занято село Мезенцово. На следующий день появилось воззвание Главного военно-революционного штаба Алтайской губернии, в котором была изложена программа действий:

– Революционными отрядами избран главный военно-революционный штаб Алтайской губернии. Этот штаб принял на себя всю полноту военной и гражданской власти в местностях, освобождённых от белых <...> Главной его целью является восстановление в Сибири истинно народной Советской власти, во всех своих действиях он будет руководствоваться декретами центральной Советской власти – Совнаркома всей России [3].

Крупным успехом партизан стало занятие станции Черепаново. 13 августа около 2 500 повстанцев из Усть-Мосихи, Киприно и Сузунского Завода решили задержать продвижение колчаковских отрядов, отправляемых из Новониколаевска в Барнаул для подавления восстания. Для этой цели они через сёла Шипуновское и Карасёво двинулись на станцию Черепаново. В то же время другой отряд повстанцев в 1 000 человек отправился через село Бобровку и Мышлянскую в расположенную на реки Оби деревню Чингисскую с целью задержать колчаковские войска, которые могли отправиться из Новониколаевска на пароходе по Оби в город Камень на усиление колчаковского гарнизона. В ночь с 14 на 15 августа около тысячи повстанцев заняли станцию Черепаново. Продержались они полдня. В 4

часа дня 15 августа станция была взята обратно отрядом “голубых улан” [4].

Тем не менее, кратковременное взятие станции Черепаново оказало сильное влияние на настроение население на Алтае. Начальник Алтайского губернского управления государственной охраны сообщал 16 августа управляющему губернией:

– Настроение населения Барнаула не только продолжает оставаться прежним, но даже усугубилось под впечатлением захвата красными станции Черепаново Алтайской железной дороги и это новое успешное проявление работы банд вновь дало основание к осуждению власть имущих, прекращение же подвоза из сельских местностей продуктов первой необходимости вызвало поднятие цен на эти предметы потребления, что в свою очередь нервирует население. В рабочих массах продолжает крепнуть уверенность в скором приходе Советской власти, а расстрел чинами Барнаульского контрразведывательного пункта 7 человек, взятых из местной тюрьмы, вызвал среди мастеровых и рабочих железной дороги лишь большую ненависть к агентам правительства [5].

Против повстанцев были брошены крупные силы белых. В Барнаул и его уезд отправлялось несколько карательных отрядов, в том числе отряд атамана Анненкова. В приказе уполномоченного командующего войсками по Барнаульскому району генерал-майора Биснека требовалось:

– В целях быстрой ликвидации мятежа и для обеспечения военным начальникам возможности применять все вызываемые обстановкой меры, объявляю Барнаульский военный район на осадном положении и предписываю действующим в районе военным начальникам уничтожать без суда всех, принимающих прямое или косвенное участие в мятеже, конфискуя и уничтожая их имущество [6].

Против повстанцев в районе реки Чарыш действовал отряд под командованием полковника Полякова. В сводке о его деятельности отмечалось:

– 9 августа в 14 часов пароход “Скромный” с пополнением под командованием полковника Полякова прибыл в Усть-Чарыш, где находились на пароходах “Сарт” и “Кормилец” отряды поручика Серебренникова и поручика Тучкина. Полковник Поляков здесь принял командование над всеми отрядами, действующими против красных, и в этот же день было решено предпринять операцию против Усть-Чарышской пристани <...> Усть-Чарышская пристань в ночь с 9 на 10 августа занята Поляковым [7].

Отряд Полякова действовал против партизан в этом районе до 25 августа. Как сообщалось далее в сводке, “мятежные отряды частью уничтожены, частью расстреляны”.

13 августа к Шелаболихе для подавления восстания подошёл из Барнаула пароход с 700 егерями, 2 орудиями и 8 пулемётами. “Алтайский вестник” описывал подробности борьбы подполковника Окунева с партизанами:

– Отряд подполковника Окунева отправился из Барнаула в Шелаболиху на пароходах. 13 августа, не доходя полверсты до Шелаболихи, идущий впереди катер был обстрелян из трёхлинейных винтовок с окопов, утроенных наверху обрыва реки. Катер, несмотря на ружейную стрельбу, причалил к берегу, и гарнизон его немедленно вышел на берег и атаковал красную банду, после чего противник бросился на приготовленных лошадях бежать по направлению к селу Павловску. Тем временем второй пароход причалил ниже Шелаболихи и высадил команду разведчиков, которая заняла западную часть деревни. После этого весь отряд высадился в самой Шелаболихе, производя осмотр деревни и арест руководителей банд и излавливая бандитов <...>

В то время, когда отряд подполковника Окунева находился в Шелаболихе, банды красных, появившись в 2 верстах от деревни на подводах, раскинулись широкой цепью и начали наступать на Шелаболиху с двух сторон, касаясь флангами к берегу Оби с целью атаковать отряд подполковника Окунева. Навстречу противнику были посланы две роты под общим командованием капитана Киташева, который охватив противника с береговых флангов, разбил и рассеял банды. Красные разбежались на подводах и верховых лошадях. По показанию пленных здесь действовали отряды: “Сибирский”, “Кучукский”, “Батровский” и “Ильинский”.

Затем были получены сведения, что к Шелаболихе подходит отряд красных из Павловска при двух орудиях. Навстречу этому отряду подполковник Окунев для ликвидации его выслал роту. Отряд ротой быстро разбит, захвачены оба орудия, которые представляют собой железные трубы в диаметре 2 дюйма, заделанные в деревянные кожухи и скрепленные кольцами. Захвачены также берданы, пики и дымный порох [8].

После разгрома села Шелаболихи карательный отряд пошёл на село Павловский завод. Население, не имея возможности оказать сопротивление, бежало в село Боровское.

Когда в повстанческом районе Мамонтова стало известно о восстании в Зимино, то появился приказ № 1, подписанный 3 августа в селе Солоновка начальником отряда Мамонтовым и начальником штаба Сентеревым, в котором сообщалось, что в Барнаульском, Змеиногорском, Каменском уездах и Семипалатинской области восстало более 500 сёл и деревень. В Славгородском районе, где размещалась партизанская армия Мамонтова, требовалось: “1) всем сёлам, имеющим волости, сохранить порядок старого образца до особого распоряжения; 2) немедленно при появлении наших головных отрядов объявить всем прилегающим к волости сёлам и деревням о вышеуказанном восстании; 3) повсеместно установить связь соединённых волостей, сёл и деревень <...> 6) всех разбегающихся белогвардейцев задерживать, обезоруживать и препроводить в штаб; 7) <...> все новобранцы и солдаты белых по сдаче оружия освобождаются на волю, после чего по их желанию разрешается поступить добровольцами в ряды Красной Армии” [9].

Приказом № 2 по Славгородскому району 13 августа восстанавливались военно-революционные комитеты из 5 человек или более, которым поручались все дела военного значения и контроль за действиями волостных и сельских учреждений, формирование отрядов из добровольцев, реквизиции казённого имущества: хлеба, скота и т.п., заготовленного колчаковскими агентами [10].

Тем временем партизаны достигли серьёзных успехов в Каменском уезде. 17 августа они заняли город Камень, оттеснив белых к пристани. Но белые, получив подкрепление, перешли в контрнаступление. Партизан Е.П.Белов вспоминал:

– Белым хотелось окружить нас, из Новониколаевска пришли два парохода, стали десанты высаживать в конце города Камня. Пехота белых шла в город Камень цепью. Конная кавалерия стала окружать Камень, нам перерезали пути отступления на село Ярки <...> Пришлось нам отступить [11].

Против восставшего района были брошены дополнительные силы белых. Но бои шли с переменным успехом. 20 августа Змеиногорский уездный комендант капитан Орфенов сообщил:

– В Колывань прибыл небольшой отряд войск из Бийска для связи с нами. Казаки, теснимые большевиками, 17 августа отошли до станицы Тигрицкой, но затем перешли в наступление и заняли станицы Яровскую и Тулатитинскую. Сейчас к ним направлено значительное подкрепление из Усть-Каменогорска <...> Ночью с 18 на 19 августа отряд красных в 400 человек сделал набег из Токаревки

на станцию Поспелиха, но сейчас же был вытеснен и ушёл обратно, преследуемый нашими войсками. 19 августа Семипалатинский отряд занял село Безголосово и Большая Панюшева. В этот же день при преследовании красных, сделавших набег на Поспелиху, Семипалатинский отряд имел бой с красными и деревней Павловской (на запад от Поспелихи), причём красные были разбиты. Во время боя деревня Павловская почти вся сгорела. Большие силы красных сосредоточены в районе села Токаревского. Сегодня будет предпринята атака Токаревского с участием артиллерии [12].

Станции Алейская и Топчиха, пристани Шелаболиха и Усть-Чарышская по 3 – 4 раза переходили из рук в руки. Отряд белогвардейцев под командованием капитана Харченко вытеснил повстанцев из сёл около Барнаула, а затем двинулся на Зимино. 22 августа белогвардейцы захватили Алейскую и Калманку. Помогавшие Харченко эскадроны белой конницы захватили деревню Фунтики и село Чистюньку. В этот же день белые подошли к Зимино, но были отбиты. На следующий день бой возобновился. Израсходовав патроны, восставшие были вынуждены оставить село. В известия главного штаба Алтайского округа, выходявших в селе Зимино, сообщалось:

– 23 августа противник повёл наступление на Зимино <...> Вторичная атака его удалась. Главному штабу едва удалось спастись <...> Вечером штаб был в Брусенцово. 24 августа противник повёл наступление одновременно на всех фронтах <...> Главным штабом было решено все войска перебросить за Обь в бор [13].

Заняв Зимино, белые начали расправу над восставшими. В селе они сожгли 92 дома с несколькими амбарами хлеба и расстреляли 35 жителей. Карательные отряды Харченко и Хмелевского и поручиков Гордиенко и Серебренникова расстреляли и повесили свыше 3 000 человек в Усть-Чарышской пристани, Вяткине, Легостаеве, Рассказихе, Михайловке, Огнях, Сибирячке и в других сёлах Барнаульского и Бийского уездов. Из села Усть-Алейского, где сожжён был 61 дом, и сёл Зимино и Чистюньки в течение нескольких дней вывозилось на нескольких подводах разное крестьянское имущество: пимы, шубы, полушубки, а также съестные припасы – масло, птица, хлеб, мука, свинина и т.д. Угонялись также целые гурты крупного рогатого скота, овец и лошадей [14].

Массовый характер партизанское движение в Горном Алтае стало приобретать также в августе 1919 г. Образовалось несколько партизанских районов: 1) Чарышский в бассейне среднего течения рек Чарыша и Ануя; 2) Куяганская, Черно-Ануйская, Барагашинская и

Усть-Канская волости; 3) Абайская, Усть-Коксинская, Катандинская и Верх-Уймонская волости. Во втором районе одним из первых образовался партизанский отряд в 30 человек под руководством И.П.Константинова. Вскоре отряд был вырезан карательным отрядом. В третьем районе руководящим был Усть-Коксинский военно-революционный партизанский штаб [15].

Командир 1-го Горно-Конного партизанского полка И.Л.Никифоров в автобиографии отмечал, что полк организовался в местечке Берёзовая Яма, на общем собрании партизан И.Л.Никифоров был избран командиром полка. Полк насчитывал 100 – 120 партизан. Было известно, что партизанские отряды есть в Чёрном и Белом Ануе и было решено соединиться с ними. По пути к партизанскому отряду присоединялось много крестьян. В Чёрном Ануе был организован второй полк, командиром которого был избран Кокорин, а в Белом Ануе – третий. Вооружение было примитивное – несколько винтовок, охотничьи дробовики, в первом полку была самодельная пушка, которая заряжалась с дульной части [16].

3 августа в селе Булатово был создан отряд численностью около 100 человек, командиром которого стал П.И.Пустовалов, а военкомом – В.Е.Казызаев. В селе Таурак отряд в 50 человек возглавил О.И.Пятков, военкомом стал Л.М.Ярков [17].

Отряды повстанцев Барнаульского и Каменского уездов, разбитые белогвардейцами в августе 1919 г., стекались в Славгородский уезд в район расположения армии Мамонтова. Партизан М.П.Поляков вспоминал:

– 24 августа главные штабы – Зиминский, Усть-Пристанский, Осколковский свели свои отряды и решили пробиваться на соединение с регулярной Красной Армией или соединиться с партизанским отрядом Е.М.Мамонтова. Принятое решение немедленно стало выполняться: дана команда двигаться в село Уржум, а оттуда взять приступом станцию Алейскую. В отряде было до 4 тысяч партизан, которых возглавлял начальник главного штаба повстанческой армии Алтайского округа Ф.И.Архипов <...> По пути партизанам пришлось дать несколько боёв колчаковцам <...> Когда у нас, партизан-алейцев, кончились боеприпасы, мы вынуждены были отступить в село Романово, а потом до села Мельниково, где и остановились на ночёвку. На следующий день к нам прибыл с отрядом партизан Е.М.Мамонтов. Тогда мы избрали новый главный штаб партизан Алтайского округа, начальником главштаба стал Ф.И.Архипов, а главкомом назначен Е.М.Мамонтов <...> Таким путём была создана

Алтайская партизанская Красная Армия. Позже влился отряд И.В.Громова [18].

Однако следует признать, что отступление партизан носило беспорядочный характер: они грабили местное население, пьянствовали и т.п. Е.М.Мамонтов вынужден был издать в связи с этим приказ № 5:

– Ввиду поступающих со всех сторон в Главный штаб крестьянской народной Красной Армии донесений о появлении в разных сёлах уезда вооружённых, рекомендующих себя красноармейцами, и проявляющих недопустимые проделки, пьянство, грабежи и т.п., приказываю: 1) всем военно-революционным комитетам принять все надлежащие меры к ограждению прав и спокойствия мирных граждан от насильников, применяя к таковым самые строгие наказания по всем правилам военного времени <...> 6) за мародёрство, грабежи и хулиганство подвергать наказаниям вплоть до смертной казни; 7) военно-революционные комитеты должны окончательно прекратить производство спиртных напитков, применяя к производителям самые беспощадные наказания и штрафы [19].

Меры действительно были приняты, и вскоре дисциплина в отряде была восстановлена.

В причерноморском районе действовал отряд Г.Ф.Рогова. В середине июля к нему присоединился отряд Анатолия (Ворожцова). Партизан А.Е.Шуляков вспоминал:

– 15 – 17 июля прошёл отряд Анатолия через Пещерку, братья Нормайкины Иван и Степан его проводили, указали ему путь к Рогову. Наступал из Сорокино карательный отряд Романовского чөлөкө 50. В Пещерке его отряд Анатолий встретил и поколотил, они отступили. Нормайкина Романа белые взяли в плен, Романовский бил его плетью, затем застрелил и велел отвезти в Назьмы и закопали в ложке. 13 августа Анатолий приехал с полным отрядом. Во второй спас (19 августа) Пещерку занимал партизанский отряд Рогова <...> В Залесовской милиции захватили 3 – 4 винтовки, в Салаире достали несколько винтовок и два пулемёта. В Борисовой мы попали в засаду, но проскользнули и уехали в Жуланыху. Оттуда пошли на Салаир, там был карательный отряд. Около Боровлянки некоторые отказались идти. Командовал нами Анатолий. Шли тремя группами. Хлеб мы с собой не брали. Шли через Тягун, питались травой. С Тягуна приехали тропинкой. Вёл нас специально нанятый золотоискатель. Переезжали через Аламбай, сёла объезжали. Подъезжая к Салаиру, поели на пасеке. Просидели там целый день. Утром подъеха-

ли к Салаиру. В Салаир пошла разведка. Вёл проводник Жулаков. В Салаир вошли в 2 часа ночи. Коноводов оставили с лошадьми и пошли по селу к церкви. Колчаковцы стояли в школе, у них было 2 пулемёта и 90 штыков. Когда мы подошли, побросали в дом ручные гранаты, по дороге рассыпались в цепь, началась стрельба. Офицеры их стояли отдельно, на квартире у попа. Много колчаковских солдат сдались [20].

В начале сентября 1919 г. продолжались бои между белогвардейцами и разрозненными партизанскими отрядами. Бои шли с переменным успехом – иногда побеждали партизаны, иногда – белые. Это нашло отражение в сводках Главного штаба партизанской армии. Так, в информационном листке главного военно-революционного штаба Алтайской губернии 2 сентября сообщалось:

– Тюменцевский район. 31 августа отряд белых, занявший село Тюменцево, ограбил всё село, забрал украденное добро и двинулся в Камень.

Славгородский район. Отряд белой банды занял Зятькову Речку, но по натиску наших революционных отрядов Громова ему пришлось отступить к Парамоновой, которую противник занял. Нашей контратакой противник выбит из селения и расположился вблизи его <...> В Верх-Суетке окружён отряд белых, при этом взят один пулемёт. На Усть-Суетку наступают чехи. Туда посланы наши отряды.

Усть-Мосихинский район. Отряд белых в количестве 120 человек напал на Усть-Мосиху и занял её, но отрядом Милославского белые были выбиты из селения и отступили от Казанцевой <...>

Решетовский район. На Озерки напали 25 белых. Огнём Долгановского отряда противник выбит из села, при этом у него были убиты 15 человек [21].

В следующем информационном листке 3 сентября сообщалось:

– Славгородский район. Знаменское направление. Село Парамово (Верх-Суетка). Наши части, окружив противника плотным кольцом, повели штурмовые атаки, но пулемётным огнём противника все три наши атаки были отбиты. Вечером подоспевшим подкреплением осаждённые белые были освобождены из кольца и отошли к Барановой (Нижне-Суетка) <...>

Солоновский район. Противник, отступая от села Тюменцева, сжёг в Корниловой 8 домов.

Родинское направление. По сообщению Родинского штаба село Златополь занято отрядом белых в 250 человек с 2 пулемётами и од-

ним бомбомётом. Этот отряд ведёт наступление в сторону Разумовки [22].

В очередной сводке 4 сентября отмечалось:

– Новогеоргиевская. Бой в Новогеоргиевском окончился в нашу пользу, противник понёс большие потери, отступил на станцию Рубцовка, с нашей стороны раненых 41, убитых – 5 человек. Всем лично руководил Мамонтов. Войска сражались отлично. По стратегическим соображениям наши войска не преследовали противника и заняли новую позицию.

Район Коробейниково. Противник действий не проявлял. Революционные комитеты сообщают, что из Славгорода противник движется к Родине. Силы неизвестны [23].

Сводки колчаковских военных властей пестрят сообщениями об успехах белых отрядов. В начале сентября управляющий Алтайской губернией телеграфировал начальнику Змеиногорского гарнизона:

– Из района Волчихи, Селиверстово, Вострово, Малышев Лог банды вытеснены облавами нашего отряда. По сведениям, окончательно не проверенным, части банд отправились в Змеиногорский уезд через Алей около Половинкиной [24].

Начальник гарнизона подполковник Потылицын сообщил в Барнаул:

– 5 сентября в 5 часов утра отряд хорунжего Бессмертного глухой боровой дорогой подъехал к Волчихе (Долганка), снял целиком три сторожевых поста красных. В центре деревни произошёл бой с отрядом “Красного орла” численностью 400 человек. Отряд “Орла”, потеряв начальника штаба и 50 человек убитыми, разбежался. Захвачена масса ружей, 500 пик. С нашей стороны потери – убит милиционер Пиликуль, ранен милиционер Ащеулов. 5 сентября отряд начальника милиции Чижкова в 5 часов делал набег на Прыганку. Красные, встретив отряд огнём из окопов, разбежались. Прыганка занята, захвачено несколько дробовиков, пик. Отрядом прапорщика Белоусова занято Тюменцево, выбитые из села красные бежали в Черемшанку, Вылково. Потери красных убитыми 25 человек, массу раненых увезли [25].

6 сентября начальник Каменской уездной милиции информировал управляющего уездом:

– Шайка красных, разбитая и разогнанная в конце августа, в течение этой недели начали вновь группироваться и мобилизовывать население села Волчно-Бурлинское, Малая Волчанка, Долганская и Прыганка. Причём в названных сёлах собраны значительные силы

“красных”. Высланный конный отряд милиции под командованием хорунжего Бессмертного и отряд пеших милиционеров из чинов 1-го и 6-го участков уездной милиции под командованием начальника 1-го участка Чижова в ночь на 5 сентября сделали наступление: 1-й – на село Волчно-Бурлинское, а 2-й – на Прыганку. Как из того, так и из другого пункта красные бежали, оставив окопы [26].

В целом, в начале сентября 1919 г. белым удалось разбить партизан в Зиминском повстанческом районе, оттесняя их на юг. Подводя итоги этого периода борьбы, партизан Ф.Я.Глазков отмечал:

– Борьба этого месяца показала победу, а большинство было поражений и неудач, всё это было учтено. Эти неудачи в боях и заставили руководство партизанским движением борьбы изменить свою тактику ведения борьбы отдельными партизанскими мелкими отрядами, разрозненными друг от друга [27].

4 сентября главный военно-революционный штаб Алтайской губернии разослал циркуляр, в котором сообщал, что он созывает съезд крестьянских депутатов восставших местностей в селе Ленках Славгородского уезда, на который необходимо выбрать депутатов от селений по норме: менее 500 дворов – один депутат, более 500 дворов – два депутата. Съезд крестьянских депутатов восставших местностей Алтайского округа (Каменского, Барнаульского, Новониколаевского и Славгородского уездов) открылся 9 сентября. После доклада председателя съезда П.К.Голикова было решено образовать Областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Облаком), которому передавалась вся полнота власти. Съездом также были приняты резолюции о конфискации имущества бежавших к белым, осуждённых революционным трибуналом в соучастии буржуазной власти спекулянтов, о реквизициях “только в случаях крайней необходимости” [28].

Осенью 1919 г. под контролем белогвардейцев на Алтае остались только города, линия железной дороги и притрактовые селения. Большую часть сельской местности контролировали партизаны. Самым крупным их успехом после Ленковского съезда было взятие станции Рубцовка. Отряд под командованием Е.М.Мамонтова, разбив белых под Новогеоргиевском, 15 сентября подошёл к Рубцовке и после непродолжительного боя занял станцию. Е.М.Мамонтов в донесении Главному штабу сообщил, что 15 сентября в 11 часов на станции Рубцовка вся партизанская армия вступила в бой с противником численностью от 600 до 800 человек при двух орудиях, при

6 или 8 пулемётах, взяли пленных и добровольно перебежавших около 100 человек [29].

Однако через несколько дней Рубцовка была взята белыми обратно. Змеиногорский уездный комендант капитан Орфенов 19 сентября сообщил:

– Вчера отряд прапорщика Волженина прошёл Таловку, где красных не оказалось, после чего, соединившись с катковским отрядом, он пришёл в Рубцовку, уже занятую в 3 часа дня отрядом со станции Аул. Красные, не приняв боя, отошли на Ново-Егорьевку и Красноярское на Алее. Сегодня утром начато наступление на Красный Яр на Алее с Поспелихи и Рубцовки <...> В Бийском уезде казаки по левому берегу Чарыша, а бийский отряд – по правому берегу Чарыша теснят красных в горы. Красные, не принимая боя, скрываются [30].

Белогвардейцы тем временем пытались вести наступление на повстанческий район с севера, однако особенных успехов они не добились. В информационном листке № 12 Главного военно-революционного штаба Алтайской губернии 18 сентября сообщалось:

– Пайвинское направление. Три отряда белых, сконцентрированные под Нижне-Паево, напали на отряд Громова <...> После упорного трёхчасового боя противник отступил по направлению Камня <...>

Тюменцевский район. Отряд белой банды в количестве 100 человек, находящийся в селе Тюменцеве, сделал нападение на село Черемшанку. Так как боевых отрядов в Черемшанке не находилось, то противнику не было оказано никакого сопротивления. По занятию Черемшанки противник принялся за грабежи, при этом было убито некоторое количество местных жителей. В настоящее время приняты меры для ликвидации этой банды.

Кипринский район. Противник с одним пулемётом через деревню Омутскую двинулся на Киприно. Отряд Данилова вследствие своей малочисленности и плохого вооружения, не мог дать должного сопротивления противнику и поэтому отступили от Киприно. Белые по отступлению нашего отряда заняли Киприно и принялись за грабежи и безобразия <...>

Решетовский район. На село Кочки напал отряд белой банды в 150 человек, который был встречен местным отрядом. Под напором противника наш отряд отступил, но вскоре на помощь кочковцам были посланы отряды: Решетовский, Черновский, Луговской и пр.

Противник же при приближении этих отрядов к Кочкам отступил от селения [31].

Характеризуя оперативную обстановку в районе и намечая план операций, командующий Кулундинской группы белой армии отмечал:

– Главные неприятельские силы, т.е. сброд, организовались в отряды Мамонтова, Громова и др., находятся в районах между рекой Кулундой и Алейской железной дорогой. Известно, что большевики разбили русские отряды под станцией Рубцовкой и селом Мельниково, где взяли 5 пулемётов, много оружия и амуниции. В районе на юго-востоке от Камня в окрестностях села Усть-Мосихи, Какаровой и Кулундинского бора оперирует банда Милославского. В тех местах, где нет боевых отрядов большевиков, созданы в волостях и сёлах органы Советской власти; против поляков и русских настроены враждебно. Против банд Милославского выслано с Камня 3 русских батальона в трёх направлениях: на Шелаболиху, Макарово и Тюменцево <...> Вдоль Алтайской железной дороги на юг от Барнаула оперируют чешские отряды <...> В районе между станциями Поспелиха и Рубцовка 1 октября должны быть сконцентрированы большие русские отряды и начать в контакте с нами операции против красных, в направлении юга на Волчиху и Солонку. В Славгороде 30 сентября сконцентрировалась колонна подполковника Кутневского с тремя или четырьмя сотнями казаков для выполнения вместе с нами сложных операций [32].

Таким образом, белые собирались сдать в кольцо партизанскую армию. С конца сентября партизаны были вынуждены сражаться на два фронта. В условиях, когда координация действий была затруднена, был образован отдельный Северный фронт, командующим которым был назначен П.К.Голиков. 20 сентября он приказал:

– Для более успешного ведения боевых операций приказываю все мелкие боевые отряды как партизанские, так и постоянные, сконцентрировать в один отряд при Кривинском районном штабе. Поэтому всем районным штабам всех солдат, вооружённых боевыми винтовками, берданами и централками, оставив у себя не более 25 человек вооружённых дробовыми ружьями для разведки, отправить в Кривинский районный штаб немедленно. Командирам Толстому и Твердохлебову свои отряды, оставив небольшую часть, не более 1/8 части всего вооружённого отряда на занимаемых позициях

для разведки, отправить в распоряжение Кривинского районного штаба [33].

Сформированный отряд повёл наступление против белогвардейцев. 27 сентября в информационном листке № 13 Западно-Сибирского областного исполкома Советов сообщалось:

– Решетовский район. Противник в количестве 106 человек из деревни Ключи двинулся в Решёты. Местные отряды, получив подкрепление, двинулись к названному пункту, где произошла стычка <...> Белая банда, отступив из Решёт, ограбила жителей и сожгла несколько домов <...>

Барнаульский фронт. Доблестный отряд алтайцев сделал наступление на село Ключки, несмотря на упорное сопротивление белой банды, она была выбита из селения и отступила по направлению к Барнаулу <...>

Каменское направление. Храбрые революционные отряды Голикова сделали набег на Камень, при этом произвели у белых панику. Камень горит [34].

В связи с образованием Северного фронта Главный штаб был переименован в штаб Южного фронта. Бои партизан с белыми шли с переменным успехом. 29 сентября белогвардейцы заняли Златополь, затем посёлок Орлеан и деревню Тизек, в это же время отряд И.В.Громова окружил белых в селе Тюменцево. Через несколько дней этот отряд разбил 3-й польский полк между селениями Марково и Ново-Чуманским. В селе Гилёво отрядом Колядо был разбит отряд польских легионеров, вышедших из Камня. На южном фронте партизаны сделали успешный налёт на станцию Шипуново и попытались взять станцию Топчиха, но после боя отступили. Белые тем временем заняли село Ново-Егорьевское, сосредоточили на станции Рубцовка отряд в 300 человек при двух орудиях и 8 пулемётах, усиленный прибывшим из Семипалатинска подкреплением. 7 октября в бою под селом Лебязьим партизаны изрядно потрепали этот отряд. Тем не менее белым удалось продвинуться, сжав основные силы партизан на территории в 50 вёрст в окружности, ограниченной сёлами Сидоровским, Усть-Волчихой и Мельниковой, отряды подполковника Окунева наступали через село Малышево на Солонувку [35].

Выбив партизан из деревень, белые учиняли расправу над местным населением. Комиссар штаба 1-го Алейского полка сообщал в штаб корпуса 11 октября, что в Малышевом Логу противник изна-

силовал 30 женщин, зарубил местных жителей – 17 человек, казнил 13-летнего мальчика [36].

В октябре партизанская армия была сведена в корпус с разделением на две дивизии, все отряды были сведены в полки. Из бывшего отряда Мамонтова было образовано 5 полков, отряда Громова – 6-й полк, отряда Колядо – 7-й полк, отряда Львова – 8-й. Главкомандующим всей армией был назначен Мамонтов, командиром корпуса – Громов, начальником штаба корпуса – Жигалин (Бурцев), командиром 1-й дивизии – сначала Львов, потом Коновалов, которого сменил Захаров, командиром 2-й дивизии – сначала Коновалов, потом – Львов, командиром 6-го Кулундинского полка – Голиков. Командиром 1-го Алейского полка был утверждён Тибекин, 2-го Славгородского – временно Шумейкин, 5-го Степного – Киц, 4-го Семипалатинского – М.Козырь. Комиссаром армии был назначен Романов, его помощником временно Рябовол. Из отрядов Львова, Попова и Моштакова, действовавших в Кривинском, Пригоинском и Решетовском районах, был сформирован 8-й Бурлинский полк, командиром которого был назначен Попов. Командирам отрядов, действовавших на севере по Кулундинской дороге, приказывалось свести все отряды в 9-й Каргатский полк. 31 октября 1919 г. начальник 2-й дивизии Львов приказал командиру Славгородского боевого отряда Толстых приступить к формированию 10-го Славгородского советского полка, в который должны были войти отряды Толстых, Загребельникова, Говоркова и Пономарёва. Численность полка должна была составить 2 000 человек, командование полком поручалось Толстых. В ноябре 1919 г. пришлось сформировать ещё один корпус и одну отдельную дивизию. Командирами дивизий были назначены Р.П.Захаров и И.А.Львов-Иванов [37].

Тем временем партизанские отряды росли и постепенно переходили в наступление. 11 октября штаб полка “Красных орлов” сообщил начальнику штаба в село Бутырское, что полк к 4 октября состоял из 478 человек, за последнюю неделю полк сильно пополнился. 20 октября полк повёл наступление на село Павловское и занял его [38].

В информационном листке сообщалось:

– Утром 22 октября наши войска повели наступление на станцию Рубцовку. Бой из-за обладания Рубцовкой продолжался целый день, несмотря на то, что противник ввёл в дело два броневых поезда. К ночи станция перешла в руки наших войск. Во время боя нашими войсками взято около 180 человек, 2 пулемёта, одна разобранная

английская автоматическая винтовка, патроны, много других вещей и материалов <...> Противник на поезде ушёл по направлению Семипалатинска. Ниже разъезда № 35 нашим эскадроном был взорван путь, шедший броневой поезд с угляркой и одним вагоном сошёл под откос, взята бригада, сопровождающая поезд, белые в темноте разбежались [39].

28 октября партизаны заняли станции Пospelиха и Аул. В распоряжении партизан оказалось три паровоза, один броневик готовый и второй почти готовый. В Ауле было взято около 50 вагонов, много муки и хлеба [40].

Развивая успех, штаб приказал 1-му полку двигаться на село Веселоярск, где разрушить линию железной дороги, а затем двигаться на Змеиногорск. Главные силы должны были двигаться вдоль железной дороги, ведя разведку по направлению Славгорода. Все части, 1-й полк и полк Колядо должны были совместно напасть на станцию Калманку, а затем двигаться на Барнаул [41].

Партизанские отряды в Горном Алтае начали формироваться в середине августа. Г.С.Беляев организовал в деревне Усть-Тальменке отряд в 20 человек, который двинулся в село Большая Речка, а затем в село Большой Башцелак. По пути отряд пополнялся добровольцами. Однако когда стало известно, что на сёла, расположенные у Алтайских гор, стали наступать карательные части, партизаны ушли на защиту своих сёл Михайловки, Уржума и Огней. 30 августа в селе Абу объединились разрозненные партизанские отряды, вынужденные отступать под натиском белых. 9 сентября они достигли вершины горы Загрехи, где и сформировался 1-й конный партизанский полк. Другая часть партизан, отступившая в горы за село Белый Ануй в урочище Тукташ, объединилась во 2-й партизанский полк. Командиром полка стал старший унтер-офицер П.Д.Кокорин, помощником – фронтовик В.Н.Кудрявцев, начальником штаба – фронтовик И.П.Константинов. Эти отряды пытались вести наступление на карательные отряды, но потерпев поражение, вынуждены были отступать в горы в Чёрно-Ануйскую волость, оставляя сёла на расправу карателей. В Чёрно-Ануйской волости действовал отряд под командой Г.С.Беляева, который также под натиском превосходящих сил противника был вынужден отступить в горы. Эти группы повстанцев затем объединились в 1-й Горно-народный полк под командованием бывшего унтер-офицера И.Л.Никифорова. Помощником командира был фронтовик Д.Г.Якушин, начальником штаба – матрос М.М.Якимов.

17 сентября 1-й конный партизанский полк вышел из ущелья вершины горы Загрехи. По пути движения были заняты сёла Абинское и посёлок Пономарёво. После занятия Пономарёва было предложено двинуться на соединение с армией Мамонтова, но этот план партизаны отклонили. Тогда было решено двинуться на соединение с партизанами в Чёрно-Ануйском районе.

23 сентября оба партизанских полка встретились в селе Чёрный Ануй. Было решено объединиться и создать штаб партизанской бригады. Командиром бригады был избран И.Я.Третьяк, помощником – красногвардеец В.С.Зырянов, начальником штаба – М.С.Шумов. Штаб партизанской бригады стал готовить поход на Уймон для соединения с уймонскими партизанами. По пути движения 2 октября было захвачено село Усть-Кан, в котором находились казачьи и каракорумские части в количестве до 700 человек. 3 октября партизаны после митинга отправились по тракту на Уймон. По пути к отряду присоединялись алтайцы. Из мелких отрядов, действовавших в Уймонском крае было решено создать 3-й партизанский полк под командованием С.Г.Латкина.

9 октября 1919 г. в селе Абае из трёх полков была организована 1-я Горно-конная партизанская дивизия, которую возглавил И.Я.Третьяк, начальником штаба стал Н.С.Усов. Было решено двигаться на тот участок Чуйского тракта (в районе Теньга, Туэкта, Онгудай и Хабаровка), где действовали крупные части белогвардейцев под командованием Кайгородова. 3-й полк должен был занять катунские паромные переправы, а 1-й и 2-й полки должны были выступить в обратный путь, пройдя урочище Кырлык, не доходя до Усть-Кана, повернуть на юго-восток и выйти через урочище Ябоган на Чуйский тракт. 13 октября повстанцы оставили село Абай и выступили в урочище Кырлык. Разбив колчаковский отряд, повстанцы двинулись на Усть-Кан.

Обосновав свой штаб в селе Шебалино, полковник Хмелевский возглавил все карательные отряды Бийской, Алтайской, Улалинской комендатур и 14 октября отдал приказ окружить на Уймоне партизанскую дивизию и разгромить её. В сводный отряд вошли отряды есаула Кайгородова, хорунжего Воложанина, прапорщика Тюменцева, поручика Серебренникова.

Однако партизаны 1-й дивизии 13 октября повели контрнаступление и в течение трёх суток разгромили карательные отряды от Абая до села Топольного. Хмелевский поручил Кайгородову сосредоточиться на Чуйском тракте, а сам спешно со всем штабом уехал в

Бийск за подмогой. 18 октября партизаны заняли село Шебалино. С 20 – 25 октября партизанская дивизия разгромила части Кайгородова от села Шебалино до Уймона [42].

В конце августа 1919 г. отряд Анненкова возвращался с карательной экспедиции домой и, заняв сёла Зырянку и Мостовую, был неожиданно атакован с нагорно-лесной стороны села отрядами Рогова. Анненковцы стали отступать из села в поле. Это позволило пулемётным и ружейным массированным огнём нанести им серьёзные потери. Затем партизанский отряд начал наступление на Сорокино, которое занимали белые под командованием начальника гарнизона поручика Романовского. Во время наступления к отряду присоединился отступавший из Кузнецкого уезда Новосёлов. Партизан Н.П.Баталов вспоминал:

– Анатолий взял из батальона около сотни человек и пошёл в обход Сорокино через станцию Глушенку, а главные силы отряда пошли через Ново-Драченино. Подошли к Сорокино <...> Напасть на колчаковцев враспloh нам не удалось, так как их предупредил кто-то о нашем приближении.

Завязался бой. Колчаковцы отчаянно бились, и нам не удалось их взять. Рогов дал команду отступить за село. Здесь наши силы были перегруппированы, и мы пошли в контратаку против колчаковцев. На этот раз они не выдержали, побежали и укрылись в церкви, которая была превращена в крепость. На колокольне стояли пулемёты, из которых они строчили по нам во время наступления. Взять карателей приступом мы не могли, так как церковь была сильно укреплена ими. Повели осаду. Во время осады, как рассказывали мне односельчане, Романовский поднялся на колокольню. Об этом сказали Рогову, который в это время был на улице. Он взял винтовку и выстрелил. Этим выстрелом был смертельно ранен Романовский [43].

После занятия села Сорокино был устроен митинг. Выступивший Рогов заявил, что партизаны ведут борьбу “с гадами” и никому подчиняться не должны, не нужно никаких Советов, которые не могут помочь ничем, а разорённое и обнищавшее крестьянство, пострадавшее от войны и разграбленное Колчаком, пусть идёт к богатому и берёт также, как взяли у него. На вопрос, значит полное безвластие, Рогов отвечает: “Да, всякая власть есть насилие, а поэтому будем против всякой власти бороться” [44].

Часть партизан не поддержали Рогова, и было решено созвать съезд Советов. К началу октября в Жуланиху прибыло около 150 делегатов от 18 волостей. Партизан Т.С.Мухачёв вспоминал:

– Съезд приступил к работе. В это время прибыл Рогов с четырьмя батальонами партизан в село Жуланиху. Приходят Рогов, Новосёлов и другие четыре человека. Рогов берёт слово и выступает: “Прекратить надо всякие съезды, надо воевать, а не съезды проводить”. Делегаты съезда были в заблуждении. Съезд решил работу прервать и выбрать делегацию к Рогову, который с партизанскими батальонами выехал из села Жуланиха в село Наумово <...> Я и Анатолий пошли к Рогову <...> Рогов согласился на продолжение съезда в селе Сорокино.

Съезд продолжал работу, на съезде выступил Рогов, который сказал, что зря съезд проводите, надо воевать, нам сейчас съезды не нужны, сделал ряд выпадов не советских, вроде того, что сейчас можно жить без власти <...> С Роговым остались Новосёлов, Ворончихин и Дрожжин, три партизанских батальона и пулемётная команда. Рогов со своим батальоном двинулся на Кузнецк, а Анатолий со своим батальоном и другие батальоны и отряды остались до конца съезда <...>

Алтайским краевым съездом был избран новый состав исполкома, в который вошёл и я, Т.С.Мухачёв, и утверждён исполкомом начальником военного отдела исполкома и членом военно-революционного суда <...> Новый состав исполкома решил организовать Чумскую кавалерийскую дивизию, начальником дивизии был назначен Анатолий, комиссаром дивизии – Л.В.Решетников и назначены были командиры полков, партизанские отряды были влиты в эту дивизию [45].

Председателем исполнительного комитета краевого Совета был избран член военштаба барнаульской подпольной организации Я.П.Новиков (Скиталец).

Н.П.Баталов, ушедший с отрядом Рогова, вспоминал:

– В пути были получены сведения, что в Дмитро-Титовском стоят колчаковцы, а в село Мартыново привезли много мобилизованных и там находятся также колчаковцы. Сначала пошли на Мартыново, где разгромили колчаковцев и дружинников, а мобилизованных распустили по домам. Потом пошли на Дмитро-Титовское. В селе не было колчаковцев, и мы заняли село. Но подошли колчаковцы и выбили нас из села. Мы отступили за село, перегруппировались и пошли в наступление. Колчаковцев выбили из села и по-

гнали их в сторону Ново-Копылово. От пленных узнали, что это отряд Неразика и главные силы у него находятся в Ново-Копылово. Приехали в Ново-Копылово к вечеру, валил густой снег. Спешились и пошли в наступление на колчаковцев. По нашим целям они били из пулемётов, которые стояли на колокольне и также на земле. Стреляли также из винтовок <...> Мы из-за снегопада и наступившей темноты подходили всё ближе и ближе, с криком “Ура!” кинулись в атаку. Колчаковцы не выдержали и побежали, бросая винтовки и пулемёты. Неразик с небольшой группой ещё отстреливался, а потом, воспользовавшись темнотой, бежал с несколькими людьми, захватив с собой много патронов. За ним послали погоню. Патроны были отбиты, а Неразика преследовали до села Рахрамского, но он всё же убежал [46].

“Алтайские ведомости” 4 ноября информировали читателей:

– В октябре многочисленная банда Рогова ворвалась в село Дмитро-Титовское, обманув бдительность местной дружины самообороны надетыми белыми повязками. В селе бандитами произведён разгром и полное ограбление. Ограблены: церковь, волостная земская управа, кредитное товарищество, 2-я торговая артель и почти поголовно все жители. В церкви совершено кощунственное надругательство: святой престол обнажён, все иконы проколоты штыками <...> Местный священник отец Василий Закурдаев был привязан к запряжённой телеге, носившейся во весь опор по селению, трое верховых погоняли его и топтали лошадьми. Затем его подвергли истязанию плетью, кололи штыками, стреляли и, наконец, отрубив голову, бросили. Подобным же образом зверски убито ещё 15 человек, среди которых два старика 70 и 75 лет и три человека сожжено [47].

Подводя итоги октябрьских боёв на Алтае, особый отдел департамента милиции министерства внутренних дел колчаковского правительства отмечал:

– В северной части Каменского уезда красные, под давлением наших отрядов, отошли к северу. В тылу отрядов, на левом берегу Оби, в 20 верстах к северу от Камня, вновь появились значительные силы красных. К югу от Камня, в стычке с красными наш отряд в 250 человек потерял одну треть выбывшими из строя, в том числе убитых – 5, раненых – 6 и без вести пропавших 8 милиционеров. Отряд вынужден был отойти на 8 вёрст. Подкрепление отряду послано исключительно из чинов милиции. К юго-западу от Барнаула, значительно и хорошо вооружённые банды совершают нападения на линию железной дороги в пределах Змеиногорского и Барнаульско-

го уездов, произвели крушение воинского поезда и сожгли мосты. По сведениям, банды намереваются двинуться на Семипалатинск. Против банд действуют отряды правительственных войск <...> В Славгородском уезде продолжается операция польских войск. В Каракорумском уезде успешно производится очистка Уймона. Бийский уезд от шаек очищен [48].

Партизаны после боёв на два фронта в октябре 1919 г. решили изменить тактику. В “Плане расположения, сил и задач Крестьянской Красной Армии Западной Сибири”, составленном в ноябре 1919 г. и подписанном главнокомандующим Мамонтовым и начальником штаба корпуса Жигалиным, отмечалось:

– Опыт фронтового движения на город Семипалатинск показал нам нашу неподготовленность к таким широким операциям. Причин к тому много и одна из главных – это недостаток патронов и вооружения. Вообще техническая необорудованность и недостаток обмундирования заставляют себя чувствовать очень остро. В силу этого нам приходится несколько изменить свою тактику, отказаться от широких фронтовых движений и временно перейти к тактике партизанской войны, но действовать не вразброд, кто как захочет, а по определённом плану под общим командованием и руководством штаба корпуса, выполняя общую боевую задачу.

Сведения о противнике. По линии Алтайской железной дороги противник замечен на станции Пospelиха численностью до 1 500 человек, в селе Боровском – 500 человек, на станции Рубцовск – 600 человек (сведения не точны), в Камне – 1 000 человек и в Славгороде около 1 500 человек. Наша общая задача состоит в том, чтобы бросаясь на крупные силы противника, сконцентрировать в одном месте большие ударные группы и не дать возможности восстановить движение по Алтайской железной дороге, втягивать в борьбу новые районы, заманивать, окружать и уничтожать мелкие отряды противника. Во исполнение этой общей задачи приказываю: 1-му Алейскому полку передвинуться и расположиться в районе села Боровского <...> 3-му Бутырскому полку расположиться в районе сёл Зеркальского и Коробейниково <...> 2-му Славгородскому полку – в селе Новичиха, Токарево и Титовка <...> Вновь формирующемуся 10-му Змеиногорскому полку расположиться в сёлах Ново-Егорьевском и Лебяжьем <...> 4-му Семипалатинскому полку – в сёлах Шелковниковой и Озёрно-Кузнецовском. 5-му Степному – в районе села Ключевского <...> 6-му Кулундинскому полку передвинуться и расположиться в районе сёл Жарково, Баево и Прослау-

ха <...> По прекращении навигации по Оби совместно с 8-м Бурлинским полком занять Камень <...> 9-му Каргатскому полку действовать в том же районе <...> 7-му полку “Красных орлов” действовать в районе Ребриха – Зимино <...> Всем командирам полков в пределах этой диспозиции и для выполнения общего плана – предоставляется действовать самостоятельно в зависимости от боевой обстановки. В случае неудачи частям отходить и концентрироваться в районе сёл Мельниковой, Волчиха и Сидорка. Командирам 1, 3, 10, 4, 5-го полков немедленно по занятии назначенных им районов приступить к рытью окопов [49].

1 ноября штаб Крестьянской Красной Армии Западной Сибири из села Бутырки, куда он передислоцировался в октябре, вновь вернулся в село Солоновку. Село Солоновка было расположено в двухстах верстах юго-западнее Барнаула и почти на таком же расстоянии от городов Камня, Славгорода и Семипалатинска. От Барнаула и Семипалатинска Солоновку отгораживали два ленточных сосновых бора длиной каждый около 300 вёрст и шириной местами доходящий до 25 вёрст. От Камня и Славгорода Солоновка отделена Кулундинскими степями, многочисленными озёрами и болотами, покрытыми камышами. По плану, разработанному колчаковским командованием, разгром партизанской армии мыслился так: большие ударные войсковые группы из трёх родов оружия должны были одновременно выступить из Камня, Славгорода, Барнаула и Семипалатинска, быстро форсировать пространство и, загнав партизанские полки в Солоновку, окружить и ликвидировать [50]

Для успешного наступления на алтайских партизан колчаковское командование направило в Барнаул 43-й Омский и 46-й Томский полки. Вместе с ними прибыл бронепоезд “Сокол”, два броневика “Степной” и “Туркестан”, артиллерия. Из Семипалатинска на станцию Рубцовка прибыл казачий полк и два полка голубых улан и чёрных гусар под командованием генерала Евтина. В Славгороде и Камне готовился к наступлению польский полк “им. Костюшко” под командованием полковника Болдока <...> Кроме этих полков в Барнауле находился 3-й отдельный образцовый егерский батальон под командованием полковника Окунева в 1 000 штыков, 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк и части 5-го Чехословацкого пражского полка “имени Массарика”. Технически полки были вооружены более чем достаточно: при 43-м и 46-м полках имелось 47 пулемётов и 6 орудий. Части генерала Евтина имели 12 пулемётов и 4 орудия. Всего в полках насчитывалось до 15 тысяч штыков и

сабель при 18 орудиях, 100 пулемётах, одном бронепоезде и двух броневиках.

К моменту наступления колчаковцев на Солоновку партизанские мамонтовские полки располагались в следующем порядке: 4-й и 10-й полки находились в сёлах Лебяжьем и Ново-Егорьевском, 2-й и 3-й – в деревнях Токаревой и Новичихе, 1-й полк стоял в сёлах Поломошной, Зеркальское и Воровском, 5-й полк – в селе Волчихе, 6-й – в селе Солоновка, 7-й полк находился под селом Павловским вблизи Барнаула, 8-й Бурлинский, 9-й Каргатский и 12-й Карасукский полки находились на фронте между Славгородом и Камнем. В армии насчитывалось свыше 30 000 бойцов, из которых до 50 % было вооружено нарезным оружием, хотя в патронах ощущалась большая нужда. У партизан имелись также пулемёты, но совсем не было артиллерии.

Утром 15 ноября белые полки пошли в наступление. 43-й полк, соединившись у Солоновки с 46-м полком, повёл наступление вдоль кромки бора, со стороны деревни Селиверстовой. Колчаковцы открыли по селу огонь из 54 пулемётов и 6 орудий. Под прикрытием огня в наступление перешла и белая кавалерия, начавшая охватывать в кольцо со степи тыловую часть Солоновки. Была угроза, что Солоновка очутится в замкнутом кольце.

В ночь с 15 на 16 ноября положение для белых изменилось в худшую сторону: неожиданно ударил сильный мороз. Колчаковцы вырыли в лесу ямы и забрались в них, чтобы кое-как согреться. В это время повели наступление с правого фланга 1-й, 7-й и 6-й полки, а с левого – 4-й полк, вызванный штабом главкома для подкрепления из деревни Волчихи. Бой с большими потерями для обеих сторон продолжался несколько часов.

16 ноября утром после ожесточённой артиллерийской, пулемётной и ружейной стрельбы колчаковские полки возобновили наступление на Солоновку. 43-й полк вёл наступление по льду замёрзшего озера. К вечеру колчаковцам всё же удалось подобраться к партизанским окопам. Тем временем 6-й, 7-й и 4-й партизанские полки опять повели наступление с флангов и тыла. Противник вынужден был от наступления перейти к обороне.

К часу ночи стрельба начала стихать и бой прекратился, а рано утром 17 ноября партизаны узнали, что противник сбежал [51].

Окончательный разгром белых армий на Алтае начался после падения Омска. 18 ноября информационный отдел штаба 3-го корпуса обобщил сообщения районных штабов и военно-революцион-

ных комитетов и пришёл к выводу, что крах белой армии неизбежен. Родинский военно-революционный районный штаб сообщил, что белые двигались из Славгорода на село Солоновку, заслышав о падении Омска, повернули обратно. Златопольский летучий отряд обстрелял Славгородский вокзал и связался с рабочими Кулундинской железной дороги. 9-м Каргатским полком в селе Дурманке было разбито 2 батальона белых, убито 60 человек, остальные разбежались. Выделившийся из 1-го полка отряд алейцев разбил отряд поляков численностью около 1 000 человек, и двинулся на Чарыш, мобилизуя по пути население. В Ключевском районе организовались отряды в 300 аулах, установив связь с партизанами [52].

19 ноября Златопольский летучий отряд занял без боя Славгород. Начальник штаба генерал Касаткин приказал всем силам отступить к станции Пospelиха, а затем – к Барнаулу. Информационный отдел штаба 3-го корпуса 27 ноября сообщал, что по линии Алтайской железной дороги царит паника, офицеры бегут из армии, рытьё окопов на станциях Рубцовка и Пospelиха прекратилось, что свидетельствует о том, что у белых всё кончено. 5-й полк занял село Ключи и выслал разведку на Павлодар, в котором, как выяснилось, уже нет никакой власти. 29 ноября командир боевого участка сообщил в штаб корпуса, что 28 ноября 10-й Змеиногорский советский полк и 4-й Семипалатинский полк заняли Рубцовку, захватив до 1 000 пленных и несколько пулемётов, много винтовок в патронах, два орудия и снаряды. За Рубцовку сражались только офицеры и добровольцы. Новобранцы, которыми руководил солдат Дербет, перешли на сторону партизан.

28 ноября партизаны взяли Камень, белые бежали в сторону Новониколаевска через село Дресвянку. 23 ноября 9-й Каргатский полк связался с передовыми частями Красной Армии, при этом случился неприятный инцидент: разведка 9-го полка встретилась с разведкой Красной Армии, но, не зная об этом и приняв друг друга за белых, вступили в перестрелку, в которой было убито 6 разведчиков 9-го полка и 1 – Красной Армии, попавшие в плен 3 разведчика 9-го полка разяснили ситуацию. Белые отступали полосой вдоль железной дороги от Каинска к Новониколаевску.

6 декабря 2-й Славгородский полк вступил в Змеиногорск. Белые ушли в сторону Усть-Каменогорска [53].

После разгрома частей Кайгородова в селе Шебалино партизанская армия в Горном Алтае расположилась на отдых: 1-й полк в селе Туэкта, 2-й – в Онгудай, 3-й – в селе Хабарове. В это время Хмелев-

ский получил в Бийске подкрепление – туземный дивизион Серебренникова, отряд поручика Гордиенко, Алтайскую и Шебалинскую кулацкие дружины и с хорошо вооружённым сводным отрядом карателей в 2 000 человек двинулся на партизан. С 28 по 30 октября под сёлами Туэкта и Кеньга развернулся ожесточённый бой. Исход боя решил заход 2-го эскадрона и команды разведчиков 2-го полка в тыл противника.

Отступавшие по Уймонскому тракту части полковника Хмелевского и поручика Серебренникова намеревались выйти в тыл к партизанам между Туэктой и Онгудаем. Но после жестокого боя под Туэктой противник стал отступать от Туэкты на Шебалино. Партизаны преследовали их. В селе Шебалино партизаны решили сформировать 4-й партизанский полк под командованием Т.Ф.Устинова. Остальные три партизанских полка отправились из Шебалино к селу Алтайскому. В Черно-Ануйской волости был организован 5-й партизанский полк. Партизан В.П.Боровиков сформировал роту алтайцев в 270 человек.

5 ноября партизаны выступили из Черги и двинулись по Чуйскому тракту. В ночь с 5 на 6 ноября было занято село Алтайское. 9 ноября части Хмелевского в 2 000 штыков начали наступление на Алтайское. После упорных боёв белые отступили. Преследуя противника, партизаны двинулись на село Ануйское. В это время партизанская армия выросла и насчитывала уже 11 полков: в селе Шульгин Лог красногвардейцем отряда Плетнёва В.М.Лыжиным был сформирован 6-й партизанский полк, в районе села Ая – 9-й. Командиром полка стал Г.К.Волостников, начальником штаба – С.М.Леонтьев. В районе села Нижняя Каменка был сформирован 13-й полк под командованием крестьянина Л.Д.Иляхина, в селе Смоленском – 7-й полк под командованием М.И.Заподойникова, в селе Ануйском – 11-й полк во главе с О.Г.Паутовым. В итоге армия И.Я.Третьяка насчитывала около 18 тысяч бойцов.

Главный штаб намеревался установить связи с частями Мамонтова. Белые решили препятствовать этому плану. После тяжёлых и кровопролитных боёв у села Солоновка, где засели белые, партизаны выбили их из села. Белые сконцентрировали свои силы у села Смоленского. Партизаны решили окружить село и атаковать противника. В ночь с 20 на 21 ноября началось наступление. Но войти в село не удалось из-за несогласованных действий полков.

С 14 по 17 ноября 1919 г. развернулись тяжёлые бои на фронте Солоновка – Ануйское и Казачья – Смоленка. Белые, которых тес-

нила 6-я партизанская армия Е.М.Мамонтова, стремились выйти на Чуйский тракт и уйти в Монголию. Партизанам пришлось отступать в горы и сёла Куяганской волости. В Куягане партизанские части были переформированы. Было решено двигаться на соединение с Мамонтовым. По пути партизаны разбивали небольшие отряды белых и вскоре встретились с партизанскими полками 6-й Горно-степной дивизии Ф.И.Архипова. 9 декабря состоялась встреча командного состава партизанских полков. На другой день была установлена связь с регулярными частями Красной Армии. Остатки белых под командованием Елачича и Кайгородова ушли в Монголию [54].

Отряд Рогова после боя у Дмитро-Титовского двинулся через Косиху, Баюново, Большие Ключи на Порошино. После разгрома белых у Порошино роговский отряд двинулся на Тогул. Партизан роговского отряда Н.П.Баталов вспоминал:

– Отдохнув после порошинского боя, отряд пошёл на уничтожение последнего колчаковского гарнизона в Причерном крае в селе Тогул <...> Штаб отряда расположился в Бурановой. Мы расположились в Юрченковой (Старый Тогул). Рогов стал подтягивать к Тогулу ещё батальоны партизан, так как враг был сильный. В гарнизоне было более 1 000 человек. Вооружён он был пятью пулемётами и винтовками. Тогул имел телеграфную связь с Кузнецком и Бийском. При нашем появлении колчаковцы, видимо, попросили помощи у Кузнецка и Бийска. Кузнецк немедленно выслал отряд в Тогул, но мы его не допустили до Тогула и разгромили. Такая же участь постигла и бийский отряд. Когда собрались все вызванные Роговым партизанские батальоны, то стали готовиться к наступлению на тогульский гарнизон. 28 ноября в 10 часов утра все батальоны пошли на Тогул с разных сторон. Началась ружейная и пулемётная стрельба. Появились убитые и раненые в наших рядах, но мы продвигались вперёд. Особенно упорно бились колчаковцы в районе, где у них были окопы. Когда партизаны близко подошли к окопам, то с криком “Ура!” кинулись на колчаковцев и стали их бить прикладами. Бросив пулемёты, часть солдат сдалась в плен, а часть убежала к церкви. Теснимые на других участках колчаковцы отходили к церкви и наконец все укрылись в своей крепости. Гарнизон был разбит, но не уничтожен <...> После тогульского боя отряд пошёл в Сорokino на отдых, оставив для осады церкви 6-й батальон Белокобыльского и 5-й батальон Слесарева в районе Тогула. На 6 декабря в Со-

рокино намечалось проведение III съезда Советов и партизаны хотели принять участие в работе съезда [55].

3 декабря отряд пришёл в Сорокино, где было решено разделиться на три части. Одна часть под командованием Рогова должна была пойти на Кузнецк, вторая под командованием командира 1-го батальона Анатолия – на Черепаново, а третья часть – 6-й батальон Белокобыльского, 5-й батальон Слесарева и 7-й батальон Нехорошева остаться в Сорокино. Партизан роговского отряда Н.П.Баталов далее рассказывал, что когда их отряд подошёл к Кузнецку, то его встретила делегация от ревкома и граждан города. Отдохнув полтора дня в Кузнецке, отряд выдвинулся на Щегловск. Прибыв на Кольчугинский рудник, отряд был встречен шахтёрами, жителями села Кольчугино и освободившими город партизанами отрядами Сизикова. После этого Рогов двинулся на станцию Топки и занял её. Однако колчаковцы начали бить по городу из тяжёлых орудий и город пришлось оставить. Обойдя его, Рогов двинулся дальше на Щегловск. Однако у партизан закончились патроны и они вынуждены были остановиться, не доходя до города, к тому же на подходе к Щегловску были замечены колчаковские разъезды [56].

В это время из штаба Красной Армии было получено датированное 4 декабря приказание партизанским отрядам Рогова, Голикова и другим, действовавшим северо-восточнее Барнаула, перейти форсированными маршами в район железной дороги Тайга – Мариинск и перерезать железную дорогу [57].

Мамонтовские партизаны намеревались вести наступление на Барнаул. Е.М.Мамонтов приказал 7-му полку “Красных орлов” двинуться по железной дороге в сторону Барнаула, выслав вперёд кавалерию по одну сторону железной дороги вслед бронепоезду “Сокол”; командиру 7-го полка Небораку – двинуться вперёд на бронепоезде для разведки по железной дороге; командиру 1-го Алтайского советского полка Кожину – вместе с пехотой следовать в вагонах вслед 7-го полка, пустив вперёд кавалерию по другую сторону железной дороги; командиру 3-го Бутырского полка Блынскому двинуться на село Панфилово и затем – на Барнаул. Всем частям предписывалось выбить противника из Барнаула. Начальником боевого участка Барнаульского направления был назначен начальник 1-й дивизии Захаров [58]. Через несколько дней отряды подошли к Барнаулу.

Параллельно с боевыми действиями шла организация и реорганизация органов власти в районах, занятых партизанами. Бутырский

районный штаб преобразовал штабы в селениях в районные Советы с комиссариатами при них. 27 ноября съезд представителей деревень Елбанской волости Барнаульского уезда предполагал организовать Елбанский волостной исполнительный комитет, однако поскольку село было в прифронтовой полосе, организация исполкома была отложена. 6 декабря общее собрание жителей Боровского и Бутырского районов постановило слить оба района в один и создать Бутырский районный Совет крестьянских депутатов. В приказе № 2 уполномоченного штаба главнокомандующего рабоче-крестьянской Красной Армии Западной Сибири Ф.Глазкова, подписанном 7 декабря 1919 г. в Змеиногорске, требовалось во всех освобождённых от белых сёлах и посёлках организовать волостные и сельские военно-революционные комитеты. 8 декабря 1919 г. появилось сообщение о решении Облакома от 5 декабря о его ликвидации и о передаче его функций вновь организованным губернским и уездным ревкомам [59].

К этому времени Алтайская губерния была уже в основном освобождена от колчаковцев и занята наряду с партизанами регулярными частями Красной Армии, которая приступила к организации ревкомов.

3.3. Поражение белых в Енисейской губернии

После беспрецедентного по трудности перехода через Минусинский уезд партизанская армия Кравченко вступила в Урянхайский край. С боем был взят Белоцарск. Разбив отряды есаула Бологова, партизаны получили в своё распоряжение пулемёты, пушки, 500 пулемётных лент и 3 млн патронов, 1 000 винтовок, другое военное снаряжение и обмундирование. Это сразу же превратило партизанскую армию в серьёзную вооружённую силу. Участник событий партизан К.И.Матюх вспоминал:

– Победа под Белоцарском дала нам очень много выгод и преимуществ, а потому имела для нас огромное значение. Начну с того, что с этого момента, при отсутствии на очень большом от нас расстоянии каких-либо значительных вооружённых сил противника, хозяевами положения сделались мы в полном смысле этого слова, и теперь нам не было уже никакой надобности заискивать у монгольского правительства, прося его приютить на монгольской территории наших раненых и больных товарищей или прося монгол снабдить нас фуражом. Мы после этого боя совершенно не нуждались в

продлении с монголами переговоров о заключении с ними союза против Колчака, покушавшегося на целостность монгольской территории. Хатон-Батору, который властно заявил на съезде делегатов от всех посёлков, расположенных в Урянхае, чтобы наши колонисты в 40-дневный срок со всем своим имуществом покинули Урянхай, ссылаясь на якобы полученное им из Урги по сему поводу распоряжение, мы заявили, что не допустим подобного рода насилия и несправедливости [1].

Вскоре стало известно о том, что Красная Армия взяла Челябинск и начала успешное продвижение по Сибири. В сводках, поступавших в министерство внутренних дел, отмечалось, что после того, как в Урянхае был разбит белый отряд, партизаны Щетинкина становились серьёзной угрозой для белых в Енисейской губернии [2].

И, действительно, вскоре партизанская армия, но теперь уже закалённая боях и походах и отлично вооружённая, двинулась обратно в Минусинский уезд. С занятием Минусинска партизанская армия стала фактическим хозяином Минусинского уезда за исключением нескольких волостей. Для обсуждения проблем управления занятой территорией в Минусинске был созван армейский съезд. Позиция участников съезда, их представления о власти точно зафиксировал упоминавшийся выше К.И.Матюх. Вот что он писал:

– Несмотря на то, что на знамени нашем был начертан и красовался девиз “Вся власть Советам” далеко не все партизаны поставили себе целью добиться выполнения этого девиза во что бы то ни стало. Большинство партизан были очень далеки от мысли, победив врага, немедленно же приступить к созданию коммунистического общества и вообще были далеки от коммунизма. Даже сам главком наш Кравченко, и тот неоднократно как бы с упрёком говаривал мне, что все мы коммунисты – не более как фанатики [3].

Съезд проходил совместно с представителями от объединённого и городского Совета под председательством Сургуладзе. Делегаты одобрили деятельность главного штаба и главнокомандующего Кравченко. Высшим законодательным органом Крестьянской армии был признан армейский съезд, а Армейский Совет солдатских депутатов Крестьянской армии – исполнительным органом, решающим военные, политические, экономические и административные задачи. В резолюции съезда было записано:

– Армейский съезд Крестьянской армии как идейный выразитель всей армии заявляет всем и каждому, что трудовая армия, состоящая

в большинстве своём из сынов деревни, не сложит оружия до тех пор, пока ненавистное трудящимся иго буржуазии не будет окончательно сломлено, пока тирания временного правительства с его верховным диктатором не будет прогнана от кормила правления, как был некогда прогнан Николай Романов. Разрушая правление нагайки, разрушая основы капиталистического строя, Красная Армия стремится на место буржуазно-бюрократического строя установить самый демократический образ правления – Советскую власть, где правительственными органами будут являться Советы, представители в которые избираются самим народом по 4-членной формуле. Буржуазия, лица и круги её поддерживающие, избирательного права лишаются как враги трудового народа. Красная Армия завоёвывает те свободы, которые необходимы каждому человеку для правильного его развития по пути прогресса цивилизации и культуры, которые необходимы так, как каждому живому существу свет и воздух [4].

В декларации съезда заявлялось, что “основное требование наше – переход всей политической и экономической власти в стране Советам крестьянских, рабочих и других депутатов”, далее требовалось отделение церкви от государства, свобода печати, неприкосновенность личности, рабочий контроль над производством, 8-часовой рабочий день, переход частных предприятий “врагов народа” к народу, переход земли в собственность государства. Затем торжественно объявлялось:

– Являясь по своему составу внепартийной и принимая во внимание ошибки бывшей в Сибири Советской власти, Красная Армия стремится установить власть, при которой бы невозможно было повторение прежних ошибок. Поэтому некоторые мероприятия бывшей Советской власти, как насильственное введение коммуны (в принципе коммуна признаётся желательной), диктатуру пролетариата, не вносит в свою программу, считая эти вопросы не вполне созревшими для Сибири [5].

Поскольку главный штаб решал не только военные, но и дела по гражданскому управлению: принимал меры к прекращению пьянства и грабежей, во взаимодействии с сельскими обществами занимался обеспечением семейств мобилизованных и добровольцев, то силы партизанской армии росли, симпатии крестьянства были целиком на стороне партизан. В итоге, 24 октября управляющий Енисейской губернией П.С.Троицкий сообщил в министерство внутренних дел:

– В Минусинском уезде наши отряды оставили Абакан. Вся правобережная часть Енисея в руках красных. Пассивное положение

наших отрядов, всевозможные насилия создали в населении благоприятное настроение в пользу красных. Недовольство командованием наблюдается в самих отрядах. Генерал Марковский не принимает решительные меры для установления законопорядка, усиления активной борьбы. Пассивность начальников войск и беззакония в Минусинском и Канском уездах бросают население в объятия красных <...> Положение губернии быстро ухудшается [6].

Выступив из Минусинска, партизанская армия разделилась на две колонны: одна двинулась на Красноярск, а другая – на Ачинск. Тальский партизанский полк, освободив сёла Очуры, Новую Михайловку, Гореву, Бею, Иудино 23 ноября занял Абазу, 18 ноября – Аскиз. Канский и Манский полки заняли сёла Усть-Абакан, Черногорск и Бородино [7].

В конце ноября Реввоенсовет 5-й Армии, намереваясь перерезать железную дорогу и не допустить эвакуации колчаковской армии и военного снаряжения, обратился к отрядам Кравченко и Щетинкина с предложением разрушить железную дорогу, мосты, водокачки и т.п. от Ачинска до Красноярска и 50 вёрст восточнее Красноярска. Но партизаны явно не успевали отрезать пути отступления белой армии [8].

Вторым фронтом партизанской борьбы в Енисейской губернии была часть Канского уезда севернее железнодорожной магистрали и прилегающая часть Нижнеудинского уезда. В Шиткинском районе действовали военно-революционный штаб и районный Совет, который ведал гражданско-административными делами. В конце августа – начале сентября съезд представителей Шиткинского фронта решил не объединять штаб и районный Совет, а оставить их самостоятельно действующими органами соответственно военной и гражданской власти [9].

28 ноября Енисейский полк занял Казачинское, на Ангаре партизаны взяли под свой контроль Почет, Орловку, Покровку и Николаевку. 5 декабря на этом фронте прошёл последний крупнейший бой – на озере Улюколь. Белый отряд (две роты 32-го Канского Сибирского стрелкового полка, 56-й Сибирский стрелковый полк, две сотни иркутских казаков) должны были занять деревню Улюколь, но по дороге они наткнулись на укрепления партизан, где после продолжительного боя были разбиты [10].

В предыдущей главе отмечалось, что колчаковские власти пытались организовать в деревнях отряды самообороны. Они продолжили эти попытки осенью. Но как и прежде, их усилия не увенчались осо-

быми успехами. Например, в Канском уезде в сентябре в 19 волостях было организовано в отряды 1 454 дружинника, вооружённых 1 278 винтовками [11].

24 ноября появился приказ главнокомандующего белым Восточным фронтом:

– Армии фронта требуют пополнения для усиления наших доблестных рядов. Верховный главнокомандующий повелел спешно объединить и использовать для борьбы за возрождение великой свободной России широкое добровольческое движение во всей стране для самоохраны и формирования народного ополчения. Во исполнение сего объявляю общий призыв всенародного ополчения на всём театре военных действий. Приказываю: 1) в каждом городе, селении немедленно распоряжением старшего войскового, а где нет таковых, то местного гражданского начальства образовать местный комитет самоохраны и народного ополчения в составе: председатель и 5 членов; 2) в каждой волости, уезде и губернии и военном округе распоряжением местных военных и гражданских властей организовать в течение двух суток волостные, уездные, губернские и окружные комитеты самоохраны и народного ополчения в составе председателя и по 1 представителю от каждой волости; 3) каждый город, селение, волость или уезд и губерния должны выделить в указанные комитеты наиболее надёжных государственно настроенных людей [12].

Но уже стало очевидно, что дни колчаковской власти сочтены, дружинники перестали оборонять сёла от партизан, а переходили к ним вместе с выданным им оружием.

И, наконец, в ноябре представители колчаковского командования направили тасеевским партизанам “мирные предложения”:

– 1) С каждой выпущенной пулей народное богатство России уменьшается по теперешнему на десяток рублей. С каждой загубленной жизнью земля лишается своего пахаря, завод лишается своего работника, школа – своего учителя, семья – своего кормильца, государство теряет своего гражданина.

2) Чем дальше идёт братоубийственная война, тем она жесточе, тем больше мы, русские, обескровим нашу мать-родину, тем больше историческое преступление мы совершаем против своего государства, против самих себя.

3) Все наши неурядицы и междоусобия только радуют наших иностранных врагов. Да и наши заграничные друзья от нашей внутренней распри только выигрывают: мы у них покупаем обмундирование, снаряжение, каждый день борьбы разрушает всё больше нашу

промышленность и мы в будущем вынуждены будем сдавать за бесценок за границу наши продукты, чтобы получить оттуда гнилую сарпунку и другие низкопробные фабрикаты <...>

8) Уже командующий войсками генерал Марковский объявил полную амнистию, полную безнаказанность всем повстанцам, добровольно сложившим оружие. Можете верить в искренние и высокие побудительные причины этого шага, кого же это не удовлетворяет, кто желает более ясно договориться по политическим вопросам, объединения вокруг лозунга воссоздания Великой России, то пусть посылают делегатов командующему войсками Енисейской губернии Марковскому, управляющему Енисейской губернией П.С.Троицкому в полной уверенности, что ваши делегаты будут выслушаны и беспрепятственно пропущены обратно в ваши лагеря.

9) Если вы пожелаете, будут посланы к вам наши делегаты при условии, что начальники ваших повстанческих отрядов гарантируют неприкосновенность и свободный возврат [13].

Представители Тасеевской федеративно-социалистической республики направили следующий ответ:

– 1) Мы прекрасно понимаем, что народное богатство разоряется не только на десяток рублей, но и на сотню или около, благодаря деятельности разбойничьей банды колчаковских прихлебателей. Мы прекрасно понимаем, что разорение народного богатства явилось результатом финансовой вакханалии так называемого “Правительства Сибири”. Понимаем также, из какого источника протекают ваши крокодиловы слёзы о “загубленной жизни”, о “бедном пахаре”, о “рабочем, лишённом работы”, о “страждущем учителе” и т.д. и т.п., понимаем потому, что пожары сёл и деревень, беспощадный грабёж крестьянского населения, виселицы, расстрелы, запарывание плетью, закапывание живыми и прочие изветы вашей “цивилизации” как видение дьявола стоит перед нашими глазами.

2) Вы сами ответственны за так называемую “братоубийственную войну”, потому что стремление и аппетиты “отечественных” акул-капиталистов и их прихлебателей правых эсеров и меньшевиков наиболее ярко выделилось после демократического совещания и выступления Корнилова и Каледина, направленные на демократию и на разгон Советов. Во всяком случае не вам говорить об “историческом преступлении”, ибо эти слова являются ничем иным, как обнажённым лицемерием, плохо прикрытым фиговым листком. Если представители, эти верные холопы буржуазии при всяком случае ссылаются на историю, то они кощунствуют, потому что история

для них представляется в виде продажной женщины, которую можно утилизировать за медный грош. Что же касается упоминания государства, то у трудового народа свой государственный идеал, идеал Советской, народной, трудовой социалистической республики, но не ваш растленный идеал государства паразита и денежного мешка <...>

8) Генерал Марковский обещает полную амнистию добровольно сложившим оружие повстанцам. Должно довести до сведения подобных господ, что предложения подобного рода являются лишним оскорблением. Вы, почтеннейшие, оскорбляете нашу честь революционера и социалиста, оскорбление, за которое вы впоследствии строго ответите. Что касается “искренности” этих заявлений, то им ломаный грош цена, потому что уже не один из нас попал на удочку. Мы не настолько слепы, чтобы не видеть, что на “воре шапка горит”, а потому, принимая во внимание ценность подобных заявлений, мы делегацию не шлём.

9) Посылайте делегатов. Тасеевский Совет гарантирует вам неприкосновенность личности и свободный возврат при условии отсутствия с вашей стороны шпионажа [14].

Идеализировать партизанское движение нет оснований. В бытовом отношении случалось всякое. Например, среди партизан Канского, Енисейского и других уездов губернии, несмотря на все принимаемые партизанским командованием меры, имели место случаи грабежей и насилий над местным населением. Конечно, затрагивали они в первую очередь представителей колчаковской власти и зажиточных крестьян, но в хаосе гражданской войны были и случаи, когда страдали и те, кто хотя и не был сторонником партизан, но не был также и сторонником колчаковской власти. Вот перед нами донесение управляющему Енисейским уездом:

– Утром 28 сентября было выяснено, что красные вечером 27 сентября оставили деревню Савино и сгруппировались в селе Стреловском, захватили в деревнях Савино, Пановской и селе Стреловском около 100 лошадей. В селе Стреловском забрали хлеб, принадлежащий приискам Южно-Енисейского горного округа в количестве около 800 пудов, из которого было 440 пудов муки, и погрузив его на подводы, ночью того же дня выбыли из села Стреловского по направлению на деревню Новосельцы – Кулаково Казачинской волости, о чём начальником милиции Вершининым немедленно было сообщено поручику Калашникову, стоявшему с отрядом в селе Казачинском для принятия мер к отбитию обоза. После этого отряд

отправился в село Стреловское, где опрошенные крестьяне показали, что 25 сентября часов в 10 – 11 вечера к ним в село пришли красные, численностью приблизительно 200 человек, из которых около 80 человек, забрав 14 лодок, переправились на левый берег реки Енисея; прошли в деревню Каргино и на второй день возвратились обратно в село Стреловское, где вечером этого же дня красные стали нагружать хлеб. В это время на Енисее показался катер “Иона”, шедший также в разведку. Заметив его, красные бросились на берег, залегли за камнями и ожидали, когда катер подойдёт к берегу, чтобы обстрелять его, но катер прошёл в Каргино и там остановился. После этого красные быстро собрались: одна партия человек около 130 пошла с обозом на Новосельцы – Кулаково, а другая – человек 60 – на лодках направилась вверх по реке Ангаре, чтобы соединиться с первой в деревне Кулаково, которая расположена выше на берегу реки Ангары. Красные по показанию крестьян до половины их отряда вооружены трёхлинейными винтовками, имеют многие гранаты, револьверы системы “Наган” с небольшим запасом патронов, одеты человек до 70 в шинели, остальные одеты так довольно хорошо [15].

Вот донесение управляющему Канским уездом:

– Доношу, что 1 октября в село Тинское около 3 часов пополудни явилась банда красных в количестве 16 человек, вооружённая винтовками и револьверами, напали на дом крестьянина вышеназванного села С.С.Кодыкова, которого убили выстрелами из винтовок и ограбили принадлежащую ему и его жене одежду и 3 тыс. руб. денег. Кроме того, ограбили владельца кожевенного завода названного села Е.И.Маковцова, у которого взяли несколько кож и 5 тыс. руб., а также хотели убить старшего милиционера Тинской волости Солоденкова, который спасся благодаря бегству верхом на лошади и скрылся в лесу в болоте, где пробыл до утра 2 октября. Банда красных после совершённого преступления направилась по Московскому тракту в сторону деревни Старой Поймы и проехав приблизительно 4 версты по тракту, свернула в сторону от тракта вправо и, по-видимому, отправилась на село Кучеровское. Кодыков убит бандитами за то, что всё время совместно с чехословацкими частями участвовал в боях против красных. Кроме того, бандиты обещались возвратиться опять в село Тины и убить милиционера Солоденкова [16].

Однако следует признать, что партизанский террор не был столь масштабным явлением. Те же сводки колчаковских властей рисуют

картины того, что творили белые отряды в деревнях. Вот что сообщил управляющий Ачинским уездом управляющему губернией:

– О незаконных действиях, творимых поручиком 1-го Сибирского стрелкового прифронтового полка Пахомовым, установлены следующие факты:

– 1) Расстрел безвинных крестьян деревни Линёвой Едетской волости Ивана Лукьяновича Кутькова, деревни Кададь Андрея Ильича Губанова, Мажары Кизильской волости Семёна Егоровича Федяева и т.д.

2) Поголовная жестокая порка, не разбирая правого и виноватого. Как, например, в деревне Линёвой был выпорот весь сход (60 человек) и даже крестьяне, проезжавшие мимо на возах, пороты, как им было сказано, “за компанию”. Число ударов некоторым доходило до 150, так что люди теряли сознание и хворают до сего времени. Причём над поротыми ещё глумились, приказывая благодарить за порку.

3) Вымогательство денег дружинником Зеликом Комбрико у крестьян деревни Ивановки Едетской волости Ивана Симакова и Василия Суницкого под страхом порки и расстрела <...>

Крестьяне страшно напуганы таким отношением правительственных войск и недоумевают, от кого же теперь ждать защиты, когда над ними правительственные войска издеваются так же, как и красные. Если во главе правительственных отрядов будут стоять такие люди, как поручик Пахомов <...> то вполне понятно, что крестьяне будут поддерживать скорее красных, чем правительство, агентов которого они видят только с плохой стороны [17].

Осенью колчаковские власти предпринимали отчаянные попытки оттеснить партизанские отряды от линии железной дороги и занять их опорные пункты в Канском и Нижнеудинском уездах. В сентября колчаковцы попытались обойти с тыла 1-й партизанский отряд Зверева в районе реки Илима. Однако партизаны своевременно обнаружили белых и встретили их ружейным и пулемётным огнём. Белые отступили в Косьяновку, откуда двумя отрядами начали наступать на партизан. Однако партизаны зашли белым в тыл и наголову их разбили [18].

26 ноября отряду румын численностью в 600 человек удалось занять село Шиткино. Однако развить успех они не смогли, при наступлении в сторону Кондратьево они были отбиты партизанами. Однако и партизанских сил было недостаточно, чтобы выбить румын из Шиткино и казаков из села Махначи, которое они заняли

27 ноября. Партизаны серьёзно опасались за свои позиции, поскольку белые могли получить подкрепление из Тайшета и разбить партизан. Однако этого не случилось – к этому времени белая армия, беспорядочно отступая на восток, уже не могла вести планомерных операций против партизан [19].

В начале октября, подводя итоги борьбы с партизанами, помощник управляющего Енисейской губернией Бондарь констатировал: “Год борьбы вооружёнными отрядами с повстанческим движением в губернии не только не дал желаемых результатов, но наоборот, ухудшил положение и подорвал у населения престиж власти. В конечном итоге получалось, что мы не только не обезоружили население, не умиротворили его, а наоборот: озлобили, довели до отчаяния, дали ему вооружение в небывалом количестве, а в умах большинства населения губернии создали настроение, благоприятное повстанцам. Чем больше мы мобилизуем население, тем у повстанцев больше армии. Чем больше мы вооружаем и обмундировываем наши части, тем больше у красных оружия и обмундирования”. В связи с этим Бондарь предлагал своему начальству избрать более гибкие способы борьбы, рассчитанные скорее на изоляцию партизан от трудового населения. Коснувшись далее самой партизанской армии, он выдвинул идею разложения её изнутри путём “подкупа главарей и уничтожения отдельных лиц”. Для этой цели он просил отпустить “срочный кредит не менее 500 тыс. руб.” наличными деньгами [20].

В ноябре партизаны Северо-Канского фронта собрали в селе Бакчет Рождественской волости военно-армейский съезд делегатов Северо-Канского фронта. Вся полнота военной власти передавалась Военному Совету, который получал широкие полномочия, в том числе назначения командного состава и утверждения или отзыва избранных частями командиров. Кроме того, делегаты решили конфисковать фураж и продовольствие и прочие необходимые предметы по прогрессивно-подоходному принципу, обращаясь с населением “по возможности справедливо и вежливо”; национализировать Троицкий солеваренный завод, соль отпускать по норме не более 10 фунтов на человека на 3 месяца. Постановили создать следственную комиссию, которой передавались все дела о расхищении национального достояния Нижне-Ангарским отрядом. Также было решено мобилизовать всех фельдшеров. Было решено образовать Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в качестве адми-

нистративно-гражданской власти, подчинив его армейскому Совету Северо-Канского фронта [21].

Кризис колчаковского режима в Западной Сибири активизировал мелкобуржуазный лагерь, который вновь решил установить “всенародную власть”, опираясь на земства, в которых мелкобуржуазным партиям удалось сохранить свои позиции. Во второй половине 1919 г. партийная деятельность эсеров Красноярска (главным образом членов губернского и городского комитетов ПСР) полностью слилась с работой земской группы, что, по их мнению, давало возможность легальных выступлений, к которым “волей-неволей должны были прислушиваться общественные и административные круги” [22].

В начале августа 1919 г. Красноярская губернская земская управа провела расширенное заседание с представителями уездных земских управ, итогом которого стало постановление о проведении губернского совещания по вопросам участия земских и городских самоуправлений в государственном строительстве. В повестку дня будущего совещания были внесены следующие пункты: 1) освещение политического состояния страны, 2) созыв Сибирского земского съезда, 3) созыв Сибирского Учредительного собрания, 4) отношение к проекту созыва Всероссийского Учредительного собрания, о котором в это время начались разговоры в правительственных сферах. Кроме того, “для прикрытия” в повестку были поставлены некоторые практические вопросы. Сама идея проведения губернского совещания получила одобрение сверху, но министерство колчаковского правительства решительно отсекло вопросы политического характера, выхолостило все “революционные” идеи эсеров. Ослушаться правительства эсеры не решились [23].

В свою очередь местная власть попыталась вовлечь земство в деятельность по поддержке армии и “борьбы с большевизмом”. В середине августа появилось воззвание управляющего Енисейской губернии, который приглашал “в целях объединения всех слоёв населения Красноярска в деле организации самой широкой помощи нашей молодой армии” на соединённое заседание представителей следующих организаций: приходских советов, Союза кооперативов, общества “Самодетельность”, Госсююза, Трудосоюза, мещанского общества, мусульманского общества и общества старообрядцев, польского и еврейского обществ, городских и земских самоуправлений, союзов служащих государственных учреждений, правление профессиональных союзов, государственного и прочих банков, бир-

жевого комитета, военно-промышленного комитета, общества арендаторов. В обращении он объявлял: “Выражаю уверенность, что на настоящий призыв дружно откликнутся все организации, учитывая стоящее перед нами задание – облегчить нужды доблестной армии” [24].

Вскоре на многочисленном собрании было решено образовать губернский объединённый комитет для помощи армии, а в уездах – местные комитеты. Торгово-промышленники Красноярска постановили путём самообложения ассигновать 1 млн рублей на нужды армии, а общество взаимного кредита – 50 тыс., красноярские мещане также решили внести свои пожертвования. В Минусинском уезде торгово-промышленным классом было ассигновано на нужды армии 230 тыс. руб. [25].

27 сентября в Красноярск прибыл помощник управляющего Совета министров Т.В.Бутов и заместитель председателя комиссии по выборам в Учредительное собрание Н.Н.Козьмин. Управляющий губернией П.С.Троицкий собрал совещание местных общественных деятелей. Выступивший на нём Н.Н.Козьмин разъяснял, что мнения, которые высказывались в комиссии по выборам в Учредительное собрание по вопросу об автономном устройстве Сибири, сводятся к необходимости автономного управления – децентрализации власти и установлению связи с метрополией. Он добавил, что Сибирь – это нераздельная часть Российского государства, верховная власть России осуществляется через генерал-губернатора, местное законодательство – через Сибирскую областную думу и генерал-губернатора. Генерал-губернатор командует войсками, во главе административного управления стоит губернатор, при нём – губернский совет из представителей земского собрания и городской думы. Законодательные учреждения – Сибирская областная дума и Сибирский областной совет – выбираются на четыре года всеобщим и равным избирательным правом, Сибирский областной совет – избирается губернскими земствами, казачьими войсками и национальными организациями, а также 1/3 часть его назначается губернатором. Эта схема вызвала возражения со стороны присутствующих, они заявляли, что она бюрократична и нецелесообразна [26].

2 октября совещание представителей земств и городов Енисейской губернии открыл председатель губернской земской управы Г.П.Сибирцев. В повестке дня были пункты о необходимости немедленного созыва Сибирского Земского собора и Сибирского Учредительного собрания, а, кроме того, помощь армии и объединение

земских и городских самоуправлений в центральную сибирскую организацию “Сибземгор”. Управляющий губернией П.С.Троицкий призвал обсудить в первую очередь помощь армии, поскольку “большевизм залил кровью страну, принёс с собой разрушение, и только борьба с большевизмом, напряжение всех сил общества приведёт нас к великой и мощной России”, однако собравшиеся решили отложить обсуждение конкретных мероприятий до приезда представителей “Сибземгора” в Красноярск. Через день прибыл представитель “Сибземгора” П.Д.Богачёв, который предложил требовать немедленной легализации союза, “через посредство которого города и земства только и могут вести объединённую работу на армию”. Соответствующая резолюция была тут же принята [27].

5 октября был заслушан доклад Е.Е.Колосова о Государственном земском совещании. Он с пафосом разъяснял: “Вопрос о Государственном земском совещании ставит нас лицом к лицу с целым рядом назревших и ожидающих своего разрешения общественных задач. Мы вступаем сейчас в один из самых важных практических моментов нашей жизни, когда намечаются основные линии истории и происходит скрещение путей исторического развития”. Далее он рассказал о том, что правительство 16 сентября торжественно объявило о созыве Государственного земского совещания, но с тех пор нет никаких документов о его составе, сроке созыва и т.д. Затем он деликатно покритиковал то, что собор будет лишь законосовещательным и что рабочие не будут участвовать в выборах [28].

Далее Колосов разъяснил, что ни примирения, ни соглашения с правительством Колчака быть не может, поскольку своей безответственностью и насилиями оно разжигает пожар крестьянских восстаний, но также точно не может быть примирения с большевизмом, как с системой. Он призвал собравшихся:

– Для истинной борьбы с большевизмом есть поэтому только один путь: создание таких учреждений, при которых сама власть была бы ответственною перед народом. А это есть тот порядок, который определяется одним словом: демократия. Самый опасный и самый непримиримый враг большевизма есть демократия. Демократия и большевизм – враги по принципам <...> И если мы хотим бороться с большевизмом, а не только с большевиками, мы не найдём для этого иного пути, кроме того, который нам диктует и европейская история и опыт русской революции [29].

После прений, в ходе которых высказывались доводы как в пользу участия в Государственном земском совещании, так и против,

было проведено голосование. Большинством в 8 голосов при 5 “против” было решено в работе совещания не участвовать [30].

В принятом же постановлении требовалось:

– 1. Для того, чтобы разрешить современный кризис власти и найти выход из создавшегося катастрофического положения, необходим созыв не законосовещательного, а законодательного государственного учреждения в виде земского собора, наделённого правом законодательства и правом контроля над деятельностью правительства.

2. Совещание не находит возможным созыв в настоящее время такого собора прямым голосованием на основе всеобщего избирательного права. Созван он должен быть от местных органов самоуправления – земств и городов, и от других общественных группировок, организованных по территориальному признаку. Группировки же иного характера (сословные, классовые, профессиональные и другие) не имеют права представительства [31].

Далее отмечалось, что поскольку неясен до конца характер правительственного законопроекта о Государственном земском совещании, то для выработки единой линии поведения сибирские земства должны через “Сибземгор” созвать общесибирский земский съезд.

Прошло две недели, и дискуссия о Земском соборе и Государственном земском совещании вновь развернулась в Красноярске на частном совещании представителей Томского, Омского, Иркутского, Приморского, Енисейского и Пермского земств. В докладе по текущему моменту отмечалось, что и правительство адмирала А.В.Колчака, и правительство Ленина – Троцкого возникли захватным путём группой безответственных деятелей, обе диктатуры ведут борьбу с “широкими слоями трудового населения и органами народного представительства”. После прений была принята резолюция:

– 1) “Органы местного самоуправления как единственные органы народного представительства не могут отстраняться от работы в области политического строительства; в этой работе они должны объединяться с демократическими организациями и партиями, стоящими на точке зрения защиты истинного народовластия”; 2) в ближайшее время должен быть созван Земский собор и образовано ответственное перед ним правительство. Главная задача Земского собора – созыв Всесибирского Учредительного собрания. Возрождение Сибири является этапом к воссоединению единой России; 3) задача органов местного самоуправления – воссоздание экономи-

ческого благосостояния страны, поэтому несмотря на препятствия со стороны правительства адмирала А.В.Колчака, на это надо направить все свои силы. Залог – единение органов местного самоуправления в их взаимной, солидарной работе [32].

В резолюции о Государственном земском совещании вновь требовалось созвать не законосовещательный, а законодательный орган, а в проектируемом колчаковским правительством Государственном земском совещании органы местного самоуправления не должны принимать никакого участия [33].

Предчувствуя, что скоро власть может смениться, управляющий Енисейской губернией П.С.Троицкий 15 октября попросился в отставку. В.Н.Пепеляев в ответном письме, уговаривая Троицкого остаться, подробно развил своеобразную программу деятельности. Что касается конкретных действий, то В.Н.Пепеляев предложил следующее:

– Теперь о выходе из положения. Решающим средством я считаю создание той реальной силы, которая будет достаточна для ликвидации выступлений в зародыше, а, следовательно, способна освободить войска в массе от подавления беспорядков. Тогда взаимоотношения военной и гражданской власти в сфере затронутого вопроса будут определяться принципом призыва войск для содействия гражданским властям. Тогда каждая власть вступит в свою компетенцию: гражданская – управлять, военная – формировать и обучать войска. Министерство с этой точки зрения придаёт огромное значение отрядам особого назначения, институту недостаточно оцененному на местах [34].

Тем временем продолжалось отступление колчаковской армии и впереди неё – поезда с верховным правителем. 22 декабря Колчак проехал через Канск, остановившись в городе на 5 минут. А уже 25 декабря колчаковская администрация и милиция выехали из Канска, передав охрану города дружинникам из городского населения. Председатель Армейского Совета Северо-Канского фронта Яковенко 27 декабря телеграфировал Шиткинскому военно-революционному штабу, чтобы они не соблазнились лозунгами Учредительного собрания – “любимым коньком правых социалистов” и не попали “в другой водоворот не лучше колчаковщины” [35].

25 декабря партизаны Северо-Канского фронта атаковали белый отряд, шедший из деревни Шеломки. Апанские партизаны атаковали село Устьяновское. К партизанским выступлениям добавились восстания в колчаковских гарнизонах. 26 декабря Абанский гарнизон,

перебив своих офицеров, соединился с Апанским полком. 28 декабря партизаны начали наступление на Канск: Гасеевский первый сводный партизанский полк Северо-Канского фронта с северо-западной стороны, Апанский второй сводный партизанский полк Северо-Канского фронта с северо-восточной стороны. В это время в Канске солдаты 32-го Канского, 55-го и 56-го Сибирских стрелковых полков арестовали офицеров и взяли город под контроль. Восставшие вышли навстречу наступающим партизанским полкам и присоединились к ним [36].

Затем партизаны взяли станцию Иланская, где разоружили добровольческую дружину. Были разоружены немногочисленные отряды белых в Уяре, Агинском, Успенке, Соболевке и Ульяновой, которые перешли под контроль партизан. В других сёлах волостные власти провели сходы и передали власть местным земствам. 1 января 1920 г. в селе Монастырском Туруханского края стало известно о падении колчаковской власти в Красноярске. Милиция была разоружена и посажена под арест. На собрании жителей села Монастырского был образован временный комитет из 5 человек, который взял власть в огромном северном крае [37].

Обратимся кратко к характеристике внутреннего состояния белой армии на местах. Ещё когда Красная Армия только подходила к Омску, в тылу белых не только не было “патриотического подъёма”, но, наоборот, среди офицеров царило беспробудное пьянство. 12 ноября по Ачинскому военному району даже был издан специальный приказ:

– Ввиду неоднократных случаев скандалов в ресторанах посетителями в нетрезвом виде приказываю: все рестораны, столовые и кофейные, находящиеся в Ачинске, закрывать в 6 часов вечера. После 6 часов вечера во всех вышеуказанных помещениях никто не имеет права оставаться. В номерах могут после 6 часов вечера оставаться только те, кто имеет письменное разрешение от коменданта района на право ночевать в гостинице. Представление в цирке должно оканчиваться в 7 часов вечера. Начальнику городской милиции, содержателям гостиниц, кофейен и столовых, а также директору цирка под расписку, и строго следить за исполнением [38].

Очередная попытка организовать добровольные дружины в деревне также провалилась. Вот что отмечалось в сводке колчаковской контрразведки от 9 декабря:

– Ачинск. Стремление крестьян к формированию добровольческих дружин было большим до падения Омска. После свободного

передвижения красных стремление к формированию дружин сменилось нежеланием, боязнь, что красные потом будут избивать дружинников. Также порка крестьян правительственными отрядами и незаконные реквизиции, иногда переходящие в грабежи, служат тормозом формирования дружин. Строгая дисциплина, распорядительность начальников отрядов, более гуманные отношения к крестьянам, наверно, вызовут стихийное крестьянское движение против красных [39].

Колчаковская армия попыталась укрепиться на выходе из Щегловской тайги, но она не сумела этого сделать, поскольку в Томске восстали части 1-й армии. Теперь прикрывать отход 2-й и 3-й армий было некому и генерал Сахаров прекратил всякие попытки организовать оборону на этом рубеже. Оставалось одно – продвигаться в Енисейскую губернию и далее на восток. Но железная дорога была забита эшелонами чехословацкого корпуса и поляков. Преследовала белую армию 5-я Красная Армия, имея в авангарде 30-ю и 35-ю стрелковые дивизии. В резерве были 26-я, 27-я и 51-я стрелковые дивизии [40].

В конце декабря, когда армия генерала Каппеля подошла к Ачинску, Каппель объявил город на особом положении, оставив прежнюю власть – управляющего уездом и милицию. Красноярская мелкобуржуазная газета комментировала:

– Для достижения спокойствия населения необходимо установить одинаковый образ гражданского управления городом и уездом, что нисколько не препятствует военным планам и целям генерала Каппеля. Городскую домовладельческую думу необходимо пополнить гласными демократических списков и прислать представителя в губернский орган [41].

Однако осуществить свои замыслы мелкобуржуазным деятелям не удалось. После того как 28 декабря был занят Мариинск, 31 декабря командующий 5-й Армией отдал приказ о занятии Ачинска силами 30-й дивизии. 2 января бригада 30-й дивизии под командованием Грязнова с кавалерийским дивизионом под командованием К.К.Рокоссовского вошла в город. 29-й Бирский полк белых покинул его без боя.

Когда отступавшая белая армия подходила к Красноярску, в городе 17 декабря на объединённом заседании губернской и уездной земской управ было решено создать коллегиальный орган гражданской власти “Временный губернский комитет общественных организаций”, в который должны были войти 6 членов губернской зем-

ской управы, 10 членов уездных земских управ (по 2 от каждой), 6 представителей городского самоуправления, 5 – от профессиональных рабочих организаций, 3 представителя кооперации и 2 члена Учредительного собрания. Временный комитет избрал президиум в составе председателя губернской земской управы Г.П.Сибирцева и членов Е.Е.Колосова (председателя губкома ПСР), П.М.Линицкого (председателя Енисейского союза кооперативов) и П.Боровика (председателя Совета профсоюзов) [42].

В самом Красноярске появилась комиссия общественной безопасности, которая 20 декабря в помещении Красноярской городской управы собрала представителей города, земств, комиссии общественной безопасности, общественных организаций и военных властей. Был заслушан доклад начальника красноярской дружины общественной безопасности капитана Г.П.Полонского о призыве граждан в городскую дружину. Он сообщил, что состояние населения города приподнятое. Тогда было решено расширить комиссию вводом в неё представителей города, земств и общественных организаций, но так как представители многих организаций отсутствовали, то было решено перенести заседание на 21 декабря. В состав комиссии вошли начальник дружины капитан Г.П.Полонский, товарищ председателя комиссии А.Н.Смирнов, член Г.С.Любецкий [43].

На следующий день комиссия была пополнена следующими представителями: по 1 – от каждой строевой части, 2 – от пожарных организаций города, 1 – от судебных деятелей, 1 – от городского казначества, 2 – от казачьего управления, 1 – от общества “Арендатор”, по 1 – от еврейской и татарской общин, 1 – от губернского союза кооперативов, 1 – от губернского земства, 2 – от профессиональных союзов, 2 – от железнодорожного продовольственного комитета, 1 – от домовладельцев, 1 – от торгово-промышленной палаты, 2 – от губпрофсоюза, 1 – от общества “Самодетельность”, 1 – от общества взаимного страхования, по 1 – от окраин города Николаевки, Алексеевки, Покровки и Закачинской слободы. Новый орган получил название “Городской комитет общественных организаций” [44].

23 декабря на заседании городского Комитета было избрано исполнительное бюро из 15 человек под председательством Г.П.Полонского. Товарищем председателя был избран С.С.Франкфурт. С докладом выступил Е.Е.Колосов, который сообщил, что “во многих сёлах, уездных и губернских городах организуется новая народная власть, построенная на представительстве земств и городов, кооперации и профсоюзов”, в Красноярске же такая власть конст-

руируется при содействии генерала Зиневича. Выступление было встречено “долгими несмолкаемыми аплодисментами” [45].

В этот же день собрался губернский Комитет общественных организаций, который отклонил включение в состав комитета представителя казачьих войск, мотивируя это тем, что казачество не входит в состав земства, а комитет общественных организаций не является сословным органом. Было решено созвать Губернское народное собрание на 15 января 1920 г. На него приглашались представители волостных земских собраний (по 2 от волости), по 25 человек от городского самоуправления, профессиональных рабочих организаций и кооперативов, все гласные губернского земского собраний. Президиум губернского комитета общественных организаций принял решение согласовывать свою деятельность с указаниями городского самоуправления; городская милиция должна была находиться в распоряжении городского комитета общественной безопасности [46].

На следующий день губернский комитет выпустил обращение к населению Енисейской губернии, в котором перечислялись задачи Комитета, главными из которых были: 1) созыв губернского Народного собрания для решения вопроса о власти “из представителей крестьян, горожан и кооперации”; 2) достижение гражданского мира в крае путём организованного выявления воли самого населения; 3) восстановление правопорядка и гражданских свобод в губернии; 4) поддержание правопорядка в губернии и охрана населения от всякого рода насилий; 5) принятие всех необходимых мер к охране ценных сооружений Красноярска и вообще в губернии, являющихся национальным достоянием, как-то: железнодорожные мастерские, водопроводно-электрическая станция и т.п. от всяких посягательств с чьей бы стороны таковые ни исходили; 6) “срочное выявление положения политзаключённых на предмет их освобождения”; 7) принятие мер к охране ценных сооружений и недопущение вывоза из города ценностей.

В обращении Временного комитета разъяснялось:

– Ставя эти задачи, Временный комитет в основу своей деятельности полагает полное отделение власти гражданской от военной с тем, чтобы власть военная в тех областях, где она соприкасается с гражданским населением, подчинялась власти гражданской. В силу этого милиция переходит в ведение Временного комитета общественных организаций [47].

Активизировались мелкобуржуазные партии и в Красноярской городской думе, где они составляли меньшинство. На заседании Го-

родской думы 22 декабря было решено ввиду чрезвычайных условий включить в число гласных кандидатов блока демократических и профессиональных организаций. Блок принял декларацию, что Дума не может считаться демократически избранной, и её надо считать временным органом самоуправления; основная задача Думы в современном виде – защищать население от тяжёлых последствий Гражданской войны. Для этого: 1) милиция и дружина должна находиться в ведении Думы, 2) аресты без постановления судебной власти не допускались и 3) политические заключённые освобождались из тюрем [48].

26 декабря 1919 г. в Красноярскую городскую думу была внесена резолюция блока демократических и профессиональных организаций:

– Вооружённая борьба с большевизмом <...> привела к обратным результатам: 1) вместо осуществления народоправства – к установлению самой злостной реакции, 2) вместо воссоединения России в одно целое – к ещё большему её расчленению, 3) вместо спасения России от хозяйственного распада и восстановления её экономической мощи – к дальнейшему углублению развала всего организма и возможность гибели страны и 4) вместо поражения большевизма – к его укреплению <...> Первой задачей правительства территории Сибири является безболезненная ликвидация Гражданской войны и организация переговоров с Советской Россией о перемирии на основах приостановления передвижения войск, прекращения политических преследований на обеих территориях и подчинения той и иной стороны свободно выявленной народной воле в вопросах государственного строительства [49].

В этот день председателем заседания Городской думы был избран А.Ф.Тарасов. Основная часть заседания была посвящена обсуждению отношения Городской думы к новой власти. Однако резолюция принята не была, и обсуждение было отложено до следующего заседания [50].

Высшей военной властью в губернии после бегства генерала Марковского с 20 декабря стал генерал-майор Б.М.Зиневич, который с 23 декабря стал командовать красноярским гарнизоном. На следующий день он выпустил приказ, в котором “в целях наиболее энергичного поддержания фронта борьбы с анархией, улучшения снабжения армии, урегулирования хозяйственной жизни края и установления гражданского правопорядка” он потребовал от управляющего губернией П.С.Троицкого сдать власть земству [51].

Генерал Б.М.Зиневич попытался противодействовать “вовлечению солдат в политику” и в приказе 26 декабря потребовал:

– Я имею сведения, что в некоторых частях гарнизона, в частности в 31-м Сибирском стрелковом полку, происходят частичные собрания стрелков, на которых обсуждаются вопросы делегирования представителей солдат в Комитет общественной безопасности и отношение к последнему <...> Работая в полном согласии с Комитетом общественной безопасности, с представителями народа, я не допущу в тылу сражающихся войск фронта митингований и обсуждения вопросов политики. Приказываю прекратить в дальнейшем всякие собрания в частях войск, каковые могут быть только созываемы начальниками частей для информации о событиях. Для проведения этого приказа в жизнь я не остановлюсь ни перед какими суровыми мерами. Печальные опыты 1917 г. лучше всего говорят, что митингующая армия есть вооружённая толпа, не страшная врагу. Большевики это учли, и Красная Армия уже не митингует [52].

В тот же день временный управляющий Енисейской губернией А.Р.Шнейдер, который был назначен на эту должность 24 декабря, приказал передать все уездные милиции в ведение уездных земств, а красноярскую городскую милицию – Городской думе [53]. Если учесть, что по решению губернского Комитета общественных организаций губернное управление передавалось в ведение губернских земских управ, а уездные – уездных, то казалось, что идеал мелкобуржуазных партий – “народовластие” – в части передачи власти на местах в ведение городских и земских самоуправлений близок к осуществлению.

28 декабря в открытом письме к Колчаку генерал-майор Зиневич заявил, что верил лозунгам Учредительного собрания, но Колчак обманул Россию: согласившись на созыв Земского собора, ничего не сделал в этом отношении. Он требовал:

– Если Вы не передадите добровольно власть народным представителям в лице немедленно созванного Земского собора, я впредь Ваших повелений выполнять не буду и пойду туда, куда прикажет русский народ [54].

Тем временем 28 и 29 декабря в железнодорожных мастерских проходили митинги. Ораторы выступали за диктатуру пролетариата: “Не может быть сомнения, что оба эти дня, проведённые рабочими в мастерских на митинге, были сплошной манифестацией в пользу Советской власти”, – свидетельствовала красноярская эсеровская газета. 28 декабря идея Учредительного собрания в мастерских была

решительно освистана. “Как только рабочие на митинге услышали, что Сибирское народное собрание должно будет первой задачей своей деятельности поставить созыв Сибирского Учредительного собрания, они разразились самым грубым свистом”. Было решено признать Советскую власть при условии восстановления ею гражданского мира [55].

29 декабря в присутствии командующего войсками Енисейской губернии генерал-майора Зиневича состоялось собрание солдат и офицеров 31-го Сибирского стрелкового полка и 4-го Енисейского полка. Генерал Зиневич информировал о положении дел и о начале переговоров с Щетинкиным. После генерала Зиневича выступили несколько солдат, которые говорили о двух моментах: 1) о признании и поддержке вновь зародившейся народной власти города и земства и 2) о скорейшем прекращении братоубийственной Гражданской войны. В конце собрания были избраны два делегата на собрание рабочих железнодорожных мастерских для информации о настроении солдат названных полков [56].

Подробности событий, происходивших в эти дни, оставил нам солдат 31-го полка. Он вспоминал, что когда делегаты прибыли к железнодорожным рабочим, то выяснилось, что Зиневич там побывал, но быстро уехал. После того, как солдаты изложили свои взгляды на текущий момент, было предложено создать городской Совет рабочих и солдатских депутатов, против чего решительно выступил Е.Е.Колосов. Однако его слушать не стали и на созванном вскоре общем собрании солдат и рабочих был избран организационный комитет из 7 человек, который 31 декабря собрался в помещении конторы Енисейского союза.

В президиум исполкома были избраны председателем Я.А.Вольфанг, товарищем председателя Алесников, членом – рабочий М.Палкин, секретарями – солдат Зотов и служащий Сивков. Прения были длинными, но в итоге решили взять власть в городе в свои руки немедленно, а исполком избрать на следующий день. В 10 часов утра 1 января началось собрание президиума. Туда прибыл представитель от городской подпольной коммунистической организации, потом – партизан-разведчик из отряда Щетинкина. Перед вторым заседанием Совета выяснилось, что подпольная организация создала революционный комитет из 4 членов, по плану организации предполагается вывод всех войск за пределы города – за военный городок, но план не получил одобрения.

В 6 часов вечера в помещении городского театра открылось заседание Совета. По предложению земства были избраны 4 человека на заседание земской управы, в том числе и автор воспоминаний. Для предотвращения беспорядков земцы считали необходимым выбрать особое лицо с чрезвычайными полномочиями на должность начальника гарнизона, выдвигая на эту должность генерала Б.М.Зиневича. Представители Совета выступили против и ушли с собрания. Вернувшись на заседание Совета, они обнаружили, что его заседания уже закончены и выбран исполком [57].

Пленарное заседание Комитета общественных организаций 1 января 1920 г. обсуждало желательность информирования членов Комитета о взглядах и задачах организующегося Совета рабочих и солдатских депутатов. При переговорах с Советом выяснилось следующее: 1) Комитет считается действующей организацией и должен продолжить работу по охране правопорядка в городе, принимая все меры от расхищения народного достояния; 2) организующийся Совет приветствует Комитет и просит продолжить взятую на себя работу в трудный и тревожный момент; 3) делегаты от Совета должны дать своих представителей в Губернский комитет общественных организаций и оказать полную поддержку Комитету общественной безопасности [58].

Далее были заслушаны доклады об уклонении граждан от службы в дружине. Было решено принять меры к тому, чтобы в дружине служили те, кто должен служить там, а в случае неисполнения – приводить на службу принудительно. Обсуждались необходимость разработки плана охраны города, охрана имущества гидробазы; запрещение продажи спиртных напитков, “дабы прекратить пьянство и буйство в городе”; в Совет было решено командировать Левакова; членам Комитета общественной безопасности предоставлялось право задержания, чтобы задержанный приводился в Комитет для расследования; необходимость созыва общего собрания населения для информации; снятие погон и замена их другими знаками отличия; для членов Комитета общественной безопасности вводилась нарукавная красная повязка с белой и зелёной полоской крестообразно пришитых на красную в её длину по диагонали от углов; запрещались азартные игры [59].

Тем временем подпольным коммунистическим комитетом под председательством Козлова и членов Вышковского и Фридмана был составлен революционный штаб в составе Шабалина, Клешнина, Демненко, Кузнецова и Зорина. Командующим был назначен Яков-

лев. По воспоминаниям участника событий Н.Х.Молчанова, 2 января военно-революционный комитет РКП(б) решил сделать переворот. Командующему войсками была дана следующая директива: 1) захватить оружие и вооружить рабочих; 2) занять Часовенную гору как стратегический пункт; 3) сохранить во что бы то ни стало рабочие кварталы и Николаевской, и Алексеевских слобод от ожидаемой расправы белых; 4) спасти от взрыва мост и электрическую станцию; 5) по возможности сохранить ценности города [60].

Ночью 2 января Е.Е.Колосову и генералу Б.М.Зиневичу удалось связаться со 2-й стрелковой бригадой 30-й дивизии, которой командовал И.К.Грязнов. Е.Е.Колосов сообщил, что по всей магистрали от Красноярска до Иркутска произошли восстания под руководством Политического центра, который поставил задачей свержение власти Колчака и установление мирных отношений с Советской Россией. Далее он проинформировал, что предполагается созвать Сибирское Народное собрание, которое и определит форму правления. Колосов признался, что он осознаёт силу Красной Армии и притягательность идей Советской власти, однако сложная военно-политическая и международная обстановка на Дальнем Востоке требуют осторожного подхода. Однако политический комиссар бригады не согласился с Колосовым, уверяя его, что крестьянство Сибири целиком за Советскую власть, а попытки договориться с мелкобуржуазными элементами неизменно оканчивались неудачей. Затем генерал Зиневич предложил немедленно заключить перемирие и начать переговоры. Он разъяснил, что для предотвращения анархии в Красноярске сформирован Комитет общественной безопасности. После переговоров с командованием 5-й Армии Грязнов сообщил, что они готовы мирно войти в Красноярск, при условии, если из Красноярска не раздастся ни единого выстрела, и потребовал разоружения красноярского гарнизона, подчинённого Зиневичу, обещая, правда, оставить одну роту вооружённой для охраны порядка в городе [61].

В ночь с 3 на 4 января в Красноярске революционный комитет взял город без выстрела, предварительно арестовав генерала Зиневича и его штаб. Генерал Шарпантье со своим штабом успел 1 января выехать в деревню Базаиху, где были стянуты кавалерийские части и скопилось много офицеров. Такая же картина была и в сёлах Торгашино и Вознесенском, где силы насчитывали до 3 000 штыков при отсутствии артиллерии. Солдат 31-го полка, избранный членом исполкома Совета, вспоминал, что в ночь с 3 на 4 января он вместе с Алесниковым дежурил в общественном собрании. Туда стали при-

бывать представители от воинских частей, звонили по телефону, подпольная коммунистическая организация предложила немедленно выступить и отправиться на Старобазарную площадь на демонстрацию, они предлагали спрашивавшим отправиться в свои части и быть готовыми к выступлению, а от имени президиума – прибыть с вооружением на Старобазарную площадь всем воинским частям. Многие части несли впереди красные флаги. Они с подошедшими к тому времени другими членами исполкома пошли вместе с этими частями. Далее он даёт красочную зарисовку происходивших событий: “Утро чуть брезжило... Обыватели, перепуганные таким необычным зрелищем, выходили на улицу и недоумевали, в чём тут дело. Подходящие на Старобазарную площадь воинские части встречал там товарищ Ковальчук – адъютант командующего войсками Красноярского гарнизона Яковлева, назначенного на эту должность революционным комитетом, и когда части построились фронтом к Большой улице, подъехал верхом на лошади Яковлев и, поздравившись с войсками, объявил, что он принимает над ними командование. Я подошёл тогда к Яковлеву и сказал, что исполком вполне солидарен с этой демонстрацией и приветствует его как командующего войсками” [62].

4 января белая армия под командованием генерала Войцеховского, выждав подхода передовых частей 3-й армии, которую вёл генерал Каппель, попыталась взять Красноярск. Однако силы армии были уже не те – большинство солдат колчаковской армии просто сложили оружие. В этот же день вечером карательный отряд Суровцева, численностью 2 тыс. штыков, стоявший на станции Минино, предпринял попытку войти с боем в город. Участник событий Д.Ф.Чеботарёв вспоминал:

– Высланная воинская часть (на Красноярск. – *В.К.*) завязала бой с отрядом Суровцева за городом, но под давлением численно превосходящего и вооружённого до зубов противника вынуждена была отступить, и отряд Суровцева в полдень 5 января занял окраины города – Алексеевку и жилые кварталы западнее тюрьмы. Завязалось большое сражение. Суровцы напрягали все свои силы, чтобы прорваться в центр города, но наткнулись на стойкое сопротивление. Одновременно два бронепоезда пытались ворваться на станцию Красноярск, но огнём артиллерии были подбиты. К вечеру путём обходного маневра отряд Суровцева был выбит из окраин города, и бой продолжался уже за его пределами. Утром 6 января в городе были слышны отголоски боя – ружейная и пулемётная стрельба, а к

полудню были слышны лишь артиллерийские выстрелы. Отряд Суворовцева был разбит и отброшен от города на запад, где его остатки должны были встретиться с частями Красной Армии. 6 января кавалерия Колчака атакует военный городок Красноярск. Наши воинские части, находившиеся там, оказали героическое сопротивление и просили оказать помощь лишь артиллерией. Артиллерия немедленно открыла огонь шрапнелью по атакующим, а направленная командованием пехота стала наносить фланговый удар <...> Бой продолжался до поздней ночи и рано утром 7 января вновь возобновился.

Кавалерия Колчака вынуждена была отступить и, окружённая в селе Солонцы силами революционного штаба и частями Красной Армии, сдалась в количестве свыше 3 тыс. сабель. Многие воинские части Колчака, отступавшие под давлением Красной Армии, были взяты в плен, а некоторые силы Колчака отступили на восток, обходя город с севера и юга. Наконец наступил долгожданный час <...> Передовые воинские части 30-й дивизии Красной Армии вступили в Красноярск 7 января ровно в 10 часов вечера [63].

По мере ликвидации колчаковской власти в Енисейской губернии устанавливались новые органы власти – возникали Советы или власть переходила к земству. Всё зависело от соотношения сил. Вот, например, что сообщил председатель Канской уездной земской управы Потылицын в Тайшет.

Потылицын: Положение спокойное. Организован Комитет народных организаций. Главная власть – земство. Решено немедленно заключить мир на местных фронтах, для чего избрана делегация из 7 человек, которая сегодня в 12 часов дня отбыла на местные фронты.

Тайшет: Каковы взаимоотношения военных с гражданскими властями?

Потылицын: Солдаты относятся к новой власти очень хорошо. Казаки держатся сомнительно, но посылают своих представителей в Комитет. Стягивают силы в Канске, которые, по нашему мнению, незначительные для Канского гарнизона.

Тайшет: Кто в Канске начальник гарнизона? Каковы взаимоотношения союзных войск и как смотрят они на посылку делегатов на ближайшие фронты?

Потылицын: Временно командует Канским фронтом полковник Гучков, для смены которого на днях выезжает подполковник Осипов. Чехи заверили, что во внутренние дела вмешиваться не будут, но беспорядков не допустят с какой бы стороны они ни были. Офицерство частью разбежалось, частью держится хорошо. В число де-

легатов для ведения мирных переговоров уполномочен один представитель от офицеров, также предложено чехам делегировать своего представителя [64].

Местные земцы попытались установить земскую власть и в Тайшете. Однако этому воспрепятствовали партизаны Шиткинского фронта. Тайшетское земское собрание предприняло попытку договориться со штабом Шиткинского фронта и подготовило соответствующий наказ своим представителям: “Ввиду падения власти Колчака требовать немедленной организации всенародной государственной власти, избранной на основе всеобщего избирательного права, только такая всенародная власть, избранная народом, и может сплотить вокруг себя всё трудовое население нашей родины <...> Долой реакцию <...> Да здравствует народоправство”. В ответе Шиткинского фронта отмечалось: “Об учредилровке покончен вопрос <...> Учредилровка умерла <...> Да здравствует народоправство в лице рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Да здравствует социализм” [65].

Аналогичная ситуация сложилась в Нижнеудинске. В воззвании Нижнеудинской земской управы “К повстанцам”, подписанном председателем уездной земской управы М.Кравковым, предлагалось:

– Рабочие и крестьяне – повстанцы! Вы свергли в своё время при помощи чехов иго насильников – большевистских комиссаров, вы свергли теперь иго захватчика народной воли и власти Колчака, Колчак и его правительство не существуют более. Те же чехи, которые помогли в Сибири прогнать насильников – комиссаров, арестовали теперь Колчака и колчаковцев и везде устанавливают народную власть, истинная власть рабочих и крестьян, возглавляемая временно на местах земством. Нет больше ни контрразведки, ни воскресших было романовских жандармов колчаковской охраны. Сам Колчак арестован 27 декабря в Нижнеудинске, арестованы и все его наиболее отличившиеся приспешники. Рабочие и крестьяне! Вам нет больше нужды скитаться по тайге, бросив на произвол свои семьи, родные гнёзда, наоборот. Ваши силы и Ваши знания нужны теперь для строительства новой жизни на началах права большинства и справедливости в отношении каждого на началах тех свобод, за которые последние годы было пролито так много крови. Рабочие и крестьяне! Теперь вам не по пути больше колчаковщина. Идите смело по Нижнеудинской волости и деревне, являйтесь в местные свои или ближайшие управы и вам, пополнившим наши ряды в борьбе за

народоправство, будут обеспечены неприкосновенность личности, право на свободный труд, право на землю и волю. Конец хозяйственной разрухе, конец братоубийственной разрушительной войне, да здравствует народ, да здравствует Учредительное собрание [66].

В ответе повстанцев на воззвание Нижнеудинской земской управы, подписанном агитационным отделом Шиткинского фронта, разъяснялось:

– Мы восстали не только против насилия, грабежа и издевательства Колчака, но и восстали против гнёта капитализма, нам безразлично, кто бы ни олицетворял власть капитала – Колчак и Красильников, Яковлев, Трофимов или Кравков, или вообще правые социалисты в тесном союзе с капиталистами в целом. Мы восстали против гнёта капитала, за власть трудящихся, то есть за власть большинства над меньшинством <...> Те же чехи в 1919 г. в угоду Колчаку уничтожали огнём и мечом целые сёла и деревни, населённые мирными жителями крестьянами <...> Колчак потерял всякую реальную силу. Его недостроенное здание на глиняном фундаменте рухнуло. Остались лишь только развалины, которые как отбросы попираются всякими проходящими мимо <...> Только низвержение власти капитала и социалистическая революция во всём мире дадут нам прочное и полное освобождение. Никакого доверия соглашателям <...> Да здравствует власть трудящихся в лице Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов! Да здравствует социализм! [67].

В Енисейске власть взяло в свои руки исполнительное бюро в составе И.И.Александрова, Я.А.Триполко, П.Щербинина, М.С.Парфёнова, С.Г.Савицкого. Оно также попыталось установить контакты с Советом Северо-Канского фронта. 1 января 1920 г. на заседании бюро обсуждалась доставка оружия и припасов Совету Северо-Канского фронта. Было решено поручить С.Г.Савицкому совместно с ротным комитетом произвести перепись припасов, вооружения и всего свободного оружия, патронов и всё это как можно скорее доставить Совету. Далее член Армейского Совета Северо-Канского фронта Бабкин предложил распустить дружину, оставив лишь только добровольцев. Было решено опросить всех дружинников и желающих служить добровольцами зачислить в местную роту, а нежелающих служить отпустить. Городскому самоуправлению было предложено произвести расчёт дружинников за время службы и удовлетворить их пайковым довольствием. Всё сданное уволившимися оружие передавалось в ротный комитет для отсылки Военно-армейскому Совету. Все остатки продовольствия передавались Во-

енно-армейскому Совету. Бюро постановило “поручить члену исполнительного бюро Я.А.Триполко произвести разоружение уездной милиции, отобрать у ней все казённые и награбленные у населения вещи”. Затем обсуждалась организация Советов. Было решено: “Чтобы привлечь к участию Советов более широкий слой трудового народа, исполнительный комитет постановил произвести сначала учёт трудового населения, для чего необходимо создать бюро из представителей от профсоюзных организаций”. Что касается обеспечения Енисейска продовольствием, то М.С.Парфёнову поручалось собрать сведения о количестве имеющихся в Комитете запасов продуктов первой необходимости. Заслушав сообщение Бабкина, было решено подготовить помещение для его войска [68].

Совместное заседание Комитета общественных организаций и гласных Енисейского уездного земства, состоявшееся в этот же день, согласилось до выяснения положения в Красноярске не решать, переходит ли вся власть к уездному земству и к общественным организациям. Выборы президиума и избрание комиссий было решено отложить. В Комитет было признано желательным включить представителя от местной роты и городской дружины [69].

Однако уже на следующий день в Енисейске собрался Комитет общественной безопасности в составе представителей от города, земства, кооперативов, Союза увечных воинов, Союза рыбаков, горнопромышленников, пароходных служащих и рабочих-кожевников, почтово-телеграфных служащих, рабочих, представителей местной роты. Был заслушан доклад гласного И.И.Александрова о результатах переговоров с Советом, окончившийся мирным соглашением, затем – договор об организации в уезде Советской власти в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и текст объявления от члена Армейского Совета Канского фронта Бабкина. Развернулась дискуссия о подчинении самоуправлений Советам или за сохранение этих органов “как учреждений всесословных, ведающих хозяйственными делами уезда и города весьма сложными и разнообразными, разрушение целостности которых повело бы не к пользе, а ко вреду для обслуживаемых ими задач”. За сохранение проголосовало 12, против – 1. Остальные пункты были приняты. В конце собрания было избрано исполнительное бюро Комитета из 5 человек: И.И.Александров, Я.А.Триполко, М.С.Парфёнов, П.Щербинин, С.Г.Савицкий [70].

Таким образом, в Енисейской губернии в разных городах была предпринята попытка установить власть земства, однако поддержа-

лась она недолго, после прихода Красной Армии земская власть была упразднена и управление перешло к военно-революционным комитетам.

3.4. Политическая борьба в Иркутске

Борьба между колчаковскими властями и мелкобуржуазными партиями в Иркутске стала набирать обороты с середины лета. В сводке начальника второго информационного отдела министерства внутренних дел за 4 – 11 августа отмечалось:

– В Иркутске из партийных политических организаций имеются две: 1) блок политических партий с кадетами во главе и 2) все остальные партии левого направления. Первая относится к правительству вполне лояльно и безусловно поддерживает его, а последняя – враждебно и занимается резкой критикой его деятельности. Противоправительственная организация большевиков замечена в военном городке и среди железнодорожных рабочих. Вообще преобладающее настроение в населении Иркутска, если нельзя назвать большевистским, то можно с уверенностью сказать, что оно стоит в оппозиции к правительству, особенно в низших слоях его и отчасти в среднем – полуинтеллигентском [1].

В августе 1919 г. в Иркутске существовало несколько эсеровских организаций. По-прежнему действовал Краевой комитет ПСР, деятельность которого характеризовалась в предыдущей главе. От него отмежевался Сибирский союз эсеров, который выдвинул формулу референдума: если население после свержения Колчака при свободном голосовании выскажется за Советскую власть, то они с этим будут считаться как с волей народа и прекратят всякую борьбу за Учредительное собрание [2].

В одной из листовок Сибирского союза разъяснялось:

– Перед трудящимися Сибири есть определённая и спешная задача: свергнуть правительство Колчака как можно скорее. И есть другая задача, более важная, прекращение губительной гражданской войны внутри демократии. Не будет земли, не будет воли, не будет победы над буржуазией до тех пор, пока трудовой народ не сольётся в одном желании решать сам свою судьбу свободным изъяснением своей воли.

Товарищи! Пусть же вопрос о форме власти, разделяющий трудящихся на два враждующих стана, пусть он решится не междуусобной борьбой, а всенародным опросом (референдумом), какую

власть желает установить народ: Советскую или народовластие (Учредительное собрание).

Народу не нужно опекунов. Сам он способен решить свою судьбу. Поэтому Сибирский союз социалистов-революционеров, борясь за референдум, будет рассматривать всякую власть, не согласную на устройство референдума, как власть чуждую народу.

Для подготовки восстания нужна большая и сложная работа. Для выполнения этой работы, для свержения правительства Колчака, для организации власти группа членов Учредительного собрания и образовала Сибирский комитет членов Учредительного собрания. В этот комитет вошли те народные избранники, которые не считают возможным оставаться в стороне от великой борьбы народа со своими угнетателями <...> Сибирский союз социалистов-революционеров зовёт всех трудящихся на поддержку Сибирского комитета членов Учредительного собрания. Организуйте дружины и отряды Комитета членов Учредительного собрания, запасайте оружие, готовьтесь ко всеобщей политической забастовке, распространяйте весть о создании Комитета, о близкой решительной схватке с реакцией, передавайте её из города в город, из деревни в деревню <...> Лишь одновременный железный напор на реакцию даст нам победу [3].

Дополнительные подробности о программных установках приводятся в сводке начальника второго информационного отдела министерства внутренних дел за 18 – 25 августа, в которой отмечалось:

– В Иркутской губернии появилась новая организация под названием Сибирский союз эсеров, отмежевавшийся от прочих партий эсеров, по его мнению, буржуазно-либеральных и чуждых истинному эсеровскому учению, и определяющий свою задачу следующим образом: “Сибирский союз эсеров считает необходимым направление всех сил к борьбе с реакцией внутренней и внешней. Союз считает нужным войти в народные массы организующей силой для подготовки общенародного восстания и стремится к прекращению вооружённой борьбы с большевистской властью. Союз создаёт орган бывших членов Учредительного собрания, оставшихся верными своему долгу и избирателям. Союз, развёртывая практическую деятельность на территории всей Сибири, заявляет, что всю работу будет вести в полном духовном единении с международными революционно-социальным движением” [4].

Кроме этих двух эсеровских организаций в Иркутске действовала Автономная группа левых эсеров, которая “стояла на точке зрения изжития идей Учредительного собрания и на необходимости

диктатуры пролетариата, осуществлённой в лице Советской власти”. Автономисты-эсеры, таким образом, в подпольной работе являлись организацией, работавшей совместно с большевиками. В октябре они выпустили свою декларацию, где говорилось об их солидарности с коммунистами и необходимости осуществления Советской власти наискорейшим путём. Декларация идеи Учредительного собрания объявлялась изжитой и исторически устаревшей формой борьбы. Эсеры-автономисты считали нужным созвать Всероссийский съезд эсеров всех толков от правых до левых включительно и на этом съезде пересмотреть программу партии, выработать новые способы революционной борьбы, определить вообще физиономию партии и раз навсегда таким образом покончить с тем идейным разбродом, который наблюдается в партии, если бы для этого даже понадобилось опротестовать действия отдельных группировок. Пока же до этого съезда эсеры-автономисты выходили из подчинения ЦК и других эсеровских центров и работали автономно. Сама по себе их организация была очень малой и ничего реального в своей работе не заключала. В Сибири образование такой группы наблюдалось уже второй раз. В 1918 г. в январе образовалась тоже автономная группа левых эсеров в Омске, насчитывающая в своём составе по всей Сибири 15 человек с ЦК в Омске. В Иркутске группа была значительно сильнее.

Противоположную позицию занимали эсеры группы “Борьба”, которые считали допустимым сотрудничество с Колчаком, Деникиным, Юденичем и другими лидерами белого движения для создания Учредительного собрания в России. Они рассуждали так: “Нам нужно раздавить Советскую Россию. Удобный момент для этого есть. Россия окружена Колчаком, Деникиным и Юденичем, почему бы вместе с ними и не ударить в Советскую Россию, а потом мы знаем, что власть Колчаков и Деникиных не понравится народу, и он через несколько месяцев возмутится и свергнет власть монархистов, а мы это новое возмущение и используем для осуществления Учредительного собрания” [5].

Когда колчаковский режим в борьбе с Красной Армией стал терпеть поражение за поражением стала налаживаться нелегальная работа в армии под руководством членов Всесибирского краевого комитета партии эсеров С.А.Кудрявцева, В.И.Мерхалёва и М.С.Фельдмана. В ряде гарнизонов и армейских частей им удалось создать ячейки беспартийного “Военно-социалистического союза защиты народовластия”. Этот союз возглавили прибывшие в Иркутск на-

чальник военной комиссии ЦК ПСР капитан В.В.Соколов и штабс-капитан Н.С.Калашников. Союз выпустил большими тиражами листовки-прокламации “Ко всем солдатам” и “К рабочим Сибири”. В сентябре появилось обращение “Военной народной организации Сибири” к солдатам колчаковской армии:

– Братья-солдаты. Правительство Колчака преступно: оно предало Сибирь в хищные лапы самодержавных атаманов, оно нарушило все вольности народа, добытые им в кровавой борьбе во главе с лучшими избранниками народа. Оно преступно свергло народом избранную власть – Директорию <...> Правительство Колчака – враг народа <...> Одно усилие вашей воли, один поворот штыка и этого правительства спекулянтов не будет. Только свергнув его вы пробьёте себе путь к свободе, к прекращению проклятой Гражданской войны, к всенародному Учредительному собранию и мирной жизни [6].

В октябре 1919 г. Всесибирский краевой комитет ПСР фактически перешёл на позиции Сибирского союза социалистов-революционеров, положив в основу тактики быстрый военный переворот, притом с опорой на большевиков. Иркутская партийная конференция отметила, что несмотря на партийное размежевание Сибкрайкома и Сибирского союза социалистов-революционеров, расхождение между ними по вопросу “борьбы на два фронта” носило не идейный, а тактический характер [7].

Иркутские меньшевики, в отличие от эсеров, пока ещё полностью разделяли линию своего центрального комитета. В докладе некоего Ксенофонтова, побывавшего в Иркутске 15 сентября, отмечалось:

– К эсерам и меньшевикам два раза (август и сентябрь) поступало предложение со стороны чешского командования такого сорта: в два счёта летит Колчак при помощи союзных войск, организуется правительство из состава центральных организаций социалистов-революционеров и меньшевиков, которые декларируют прекращение войны и перемирие с большевиками и немедленный созыв Учредительного собрания. Второе – Колчак летит тоже в два счёта, во Владивостоке организуется правительство Земского собора – декларирует те же вещи. Меньшевики узнали, что эти предложения исходят от английской дипломатической миссии. Отказались принять предложение [8].

Далее он сообщал:

– Позиция меньшевиков – это позиция ЦК в России, считает, что мы переживаем переходную эпоху от капитализма к социализму. Социальная революция начинается. Борьба за социализм становится непосредственной задачей момента для рабочего класса, относительно III Интернационала они не осведомлены. В области внутренней российской политики они стоят решительно против интервенции иностранных войск и всяких форм вмешательства. “Вон из России”, “Россию возродит сама демократия” – вот лозунги их. Внутри – демократический единый фронт, отвергается всякая коалиция с буржуазией. Так как в Сибири мыслится в ближайшую очередь после Колчака только Советская власть, то признаётся поддержка её вооружённой борьбы против мировой реакции, отвергается вооружённая борьба с коммунистами, будут бороться в Советах за влияние. Будут сотрудничать в некоторых центральных комиссариатах – просвещения, труда и пр., но в иностранных делах пока воздержатся, так как не знают международной политики этого учреждения. В Сибири они теперь организуют вооружённые отряды, готовят железнодорожную забастовку во всесибирском масштабе [9].

Таким образом, никаких принципиальных изменений в деятельность мелкобуржуазных партий по сравнению с предшествующим периодом не произошло. Поскольку в Иркутске эти партии занимали ведущие позиции в Городской думе и губернском земстве, то их заседания по мере ослабления колчаковского режима носили всё более радикальный характер.

23 сентября состоялось торжественное открытие Иркутской городской думы нового состава. Как сообщил в министерство внутренних дел главный начальник военно-административного управления Восточного фронта, “многие из присутствующей публики и гласных социалистов демонстрировали свои убеждения красными розетками в петлицах”. Председателем Иркутской городской думы большинством голосов (59 против 2) был избран меньшевик М.М.Константинов, заместителями – меньшевик А.Т.Самохин и эсер Н.Н.Алексеев. С приветствиями к новой городской думе обратились председатель губернской земской управы Я.Н.Ходукин, управляющий губернией П.Д.Яковлев, представители губернского Совета профессиональных союзов Ольховский и бурятского национального комитета Н.П.Данбинов. Развивая мысль председателя новой думы о том, что “тёмные силы стараются унижить и затоптать в грязь” идеи демократии, председатель губернской земской управы сказал, что русская демократия “не подчинится грубой силе”. Он

призвал Городскую думу не забывать о своих союзниках в деревне и выразил пожелание скорейшего созыва Учредительного собрания, разъясняя, что “в данный момент мы вступаем в его преддверие – законодательный Земский собор”. Управляющий губернией П.Д.Яковлев сказал в приветствии, что “революция для нас не пропала, она теперь вошла в тот фазис, когда нащупываются творческая и созидательная концентрация сил”. И далее он заверил, что “центром концентрации этих творческих общественных и государственных сил будут городское и земское самоуправление”. Декларации фракций эсеров и меньшевиков зачитали М.М.Холодковский и А.Я.Гончаров. Эсеры предложили для исцеления страны положить в основу всей государственной жизни принципы последовательного народовластия. Они заявили, что будут добиваться отказа от системы свободной торговли жизненно необходимыми предметами и осуществления государственного регулирования и распределения их; передачи школ всех ступеней в ведение городских самоуправлений; передачи городской милиции в ведение и распоряжение Городской думы; установления налога на землю по её продажной ценности в пользу городского самоуправления; расширения бюджетных прав городских органов самоуправления и более справедливого распределения налоговых тягот путём введения прогрессивно-подходного налогообложения. В декларации социал-демократов предлагалась национализация важнейших отраслей промышленности, принудительное государственное регулирование торговли и промышленности, закрепление земельных завоеваний революции, выдвигался лозунг отстаивания “принципов неограниченного народовластия”. Городским головой большинством голосов при одном “против” был избран бывший председатель Городской думы, присяжный поверенный эсер П.В.Зицерман [10]

В конце октября в Иркутске прошло совещание представителей губернских, областных и уездных земств. Участник совещания Я.Н.Ходукин вспоминал, что когда колчаковский фронт, откатываясь к Омску, под ударами Красной Армии разваливался, а партизаны и большевики активно разрушали его в тылу, то Иркутская губернская земская управа решила обратиться к Союзу земств и городов Сибири – Сибземгору – с предложением созвать Всесибирский съезд земств и городов. Однако Сибземгор даже не ответил на это предложение. Тогда созыв съезда взяла на себя Иркутская губернская земская управа. Были разосланы приглашения, однако большинство земств и городов не прислали своих представителей. Присутствова-

ли делегаты от Новониколаевска, Читы, Красноярска (Е.Е.Колосов), Владивостока (Б.А.Косминский), Благовещенска (А.Н.Алексевский), Якутска (П.Н.Данбинов), беженцы-земцы из Европейской России – Данилов и Николаев, в полном составе гласные Иркутской губернской земской управы и Городской думы, делегаты от эсеровской и меньшевистской организаций. В таком составе они решили считать себя совещанием земств и городов Сибири [11].

Предоставим далее слово мемуаристу Я.Н.Ходукину:

– Заслушали доклад П.Михайлова и Б.Маркова – “сибирских эсеров” – о прекращении борьбы с большевиками и борьбе с восточной реакцией и интервентами. Декларацию заслушали, а декларантов попросили удалиться. Основной вопрос – текущий момент. Решено было поднять восстание против Колчака. Реальные силы были обещаны эсерами. Было избрано “Земское политбюро”: Я.Н.Ходукин, Е.Е.Колосов, И.И.Майский (был в Москве, вместо него работал Б.А.Косминский). Два представителя Земского политического бюро впоследствии вошли в состав Политцентра – Ходукин и Косминский <...> И Земское политбюро бесславно растворилось в эсеровщине [12].

Поскольку П.Я.Михайлов и Б.Д.Марков руководили Сибирским союзом эсеров, их отстранили от руководства “Земским политическим бюро”. Ведущую роль в его создании сыграл Всесибирский краевой комитет ПСР. Вот что писал член ПСР из Красноярска (Е.Е.Колосов) 22 января 1920 г. в ЦК ПСР:

– Всесибирский краевой комитет ПСР, изменённый несколько в октябре в своём личном составе, встал на точку зрения неизбежности вооружённой борьбы с Колчаком теперь же не откладывая, и возглавления совместно с другими родственными политическими группами этой борьбы. По инициативе Сибирского краевого комитета и была создана та повстанческая организация, которая впоследствии названа Политцентром. В основу переговоров с другими группами были положены следующие положения: 1) создание в Сибири демократической буферной государственности с однородно-социалистическим правительством; 2) полный отказ от союзнической и вообще иностранной интервенции; 3) мирные договорные отношения с Советской Россией и ликвидация Западно-Сибирского фронта; 4) созыв Сибирского народного собрания [13].

Особой активности земское бюро и Всесибирский комитет ПСР в ноябре не проявляли. Комитет выпустил лишь листовку следующего содержания:

– Объединение всех сил демократии, борющихся на десятках внутренних и внешних фронтов, перенесение центра тяжести борьбы внутрь страны для окончательной ликвидации колчаковщины на территории Сибири и установления однородной социалистической власти впредь до созыва Сибирского представительного органа, власть которого могла бы стать прочным оплотом в борьбе не только с иностранными завоевательными попытками, идущими с Дальнего Востока, но и борьба со всё шириющейся отечественной реакцией, становится главной целью и задачей ПСР. Прекращение, таким образом, внутренней гражданской борьбы, раздирающей силы единой революционной демократии, установление мирных договорных отношений между Советской Россией и очищенной от адмиральской реакции свободной демократической Сибирью со Всесибирским Учредительным собранием во главе – становится ныне единственными путями спасения страны и революционных завоеваний [14].

Что же касается Земского политбюро, то, как свидетельствовал член бюро Сибирских организаций РСДРП:

– В период падения Омска завязываются переговоры между нами, краевым комитетом ПСР, Земским политическим бюро, объединением трудового крестьянства Сибири, ЦИКом профессиональных союзов Сибири и большевиками. Переговоры увенчались созданием Политического центра в составе представителей социалистов-революционеров, социал-демократов, объединённого трудового крестьянства и земского политического бюро. Большевики и ЦИК профсоюзов, не входя в Политцентр, должны были быть с ним в контакте в деле реальной борьбы с реакцией. Этого контакта фактически не было до развязывания исключительно силами Политцентра вооружённой борьбы с реакцией [15].

В середине ноября они пригласили для составления договора о взаимной работе членов иркутской большевистской организации И.Сурнова, М.И.Сумецкого и Я.Д.Янсона. В совещании кроме них приняли участие представители меньшевиков и земцескооператоров. Предоставим слово участнику переговоров И.Сурнову, который оставил воспоминания о них:

– Работа Политцентра шла главным образом в верхах армии, среди офицерства и среди интеллигенции, в то время как наша работа охватила низы армии, рабочих и крестьян. Нужно отдать справедливость, что работа в официальных кругах у него была обширная; обширны были связи и с другими пунктами и центрами Сибири, да это, пожалуй, и понятно, если принять во внимание, что эсеровски

настроенное офицерство ещё оставалось в рядах колчаковской армии, но в массах Политцентр не имел опоры. Масса шла за большевиков <...> Характерно отметить то явление, что эсеры боялись нашего выступления, результатом которого могла быть Советская власть, и из кожи лезли, чтобы наше восстание предупредить, и чтобы использовать рабочих и крестьян в своих целях [16].

Далее он характеризовал само совещание:

– Представители эсеров информировали нас о целях совещания. В результате информации и высказывания мнений выяснилось, что правые группы подполья намерены в ближайшем будущем выступить и свергнуть колчаковщину. Для этого им необходимо было войти с ними в контакт и общими силами разбить врага. “Вам и нам ненавистны Колчак и колчаковщина”, – говорили они <...> Разрозненные силы дают слишком много жертв, объединившись же мы не только сохраним десятки, а может быть сотни сил, но и сумеем быстрее и скорее покончить с колчаковщиной <...> Мы ответили <...> первоначальный лозунг у нас один: “Долой Колчака”. Но наряду с этим лозунгом нужен какой-то следующий лозунг, за которым пошли бы массы. Мы, коммунисты, признаём единую форму власти – диктатуру пролетариата, выраженную в форме Советов депутатов, противопоставленную буржуазной диктатуре. За лозунгом “Долой Колчака” мы кинем лозунг “Вся власть Советам”, и полагаем, что за этим лозунгом, на этот клич пойдёт рабоче-крестьянская масса, как за единственно приемлемым для них лозунгом. Таким образом, нам важно знать, приглашая нас на совещание, учитывали ли эсеры дальнейшую стадию борьбы. Учитывали ли они, что им придётся иметь дело с коммунистами, которые не поведут массы к Учредительному собранию, а сразу приступят к строительству Советской власти. На это эсеры ответили, что да, они учитывали эти обстоятельства и считаются с нами. Они считают трудным первый шаг – это сшибить колчаковщину, а там уже легче сговориться будет о форме власти. Форму же власти они мыслят в форме народного Учредительного собрания, являющегося высшей властью так называемого “буферного государства”. По их мнению, массы не на нашей стороне, а на их, и пойдут за ними, а не за большевиками.

“Во всяком случае после первого удара общими силами по колчаковщине, массы, пострадавшие под игом Колчака, найдут себе приемлемые лозунги, их создала жизнь и условия, и тогда мы увидим, куда пойдут они”. – “А если массы будут требовать всё-таки восстановления Советской власти, тогда как? Как поступите вы, эсе-

ры и меньшевики, в данном случае, добровольно подчинитесь ли вы этим требованиям масс, или уйдёте в стан противников наших, как это было в 1918 г., применяя в борьбе с нами саботаж и борьбу из-за угла?” – “Если, паче чаяния, случится, что массы будут за вами, а не за нами, тогда силой объективных условий мы вынуждены будем подчиниться этим требованиям масс и работать рука об руку с вами, отказавшись от всякой борьбы вооружённой и невооружённой. Если волна большевизма покатит вплоть до Владивостока, то мы не окажем сопротивления, а там дальше будет видно, какой ориентации будут придерживаться массы. Угар большевизма пройдёт и наступит благоприятное оздоровление для всех демократически настроенных элементов”. На этом совещании мы в конце концов заявили, что совместное выступление можно было бы организовать только при неременном соблюдении следующих условий: 1) всё командование воинскими силами сосредоточивается у нас в руках; 2) без нашего контроля ни одна часть, ни один эшелон не выходит из города; 3) без нашего контроля ни один поезд не направляется на запад; 4) все усилия воинских частей должны быть направлены в тыл антисоветского фронта; 5) каждой из сторон предоставляется свобода действий в выдвижении своих лозунгов без кровопролития и взаимной борьбы друг с другом [17].

Все эти пять пунктов были предложены на обсуждение эсеров, после чего собрание закрылось. Через неделю состоялось второе совещание. Вновь предоставим слово И.Сурнову:

– На этом совещании выяснилось, что эсеры не согласны с тремя первыми пунктами, заявив, что при соблюдении этих условий получается в Иркутске отделение московского штаба, заинтересованного в скорейшей ликвидации колчаковского фронта и восстановлении Советской власти в Сибири, а это в расчёты эсеров не входит, так как они намерены создать в Сибири буферное государство. Кроме того, этими тремя условиями мы им совершенно обрезали крылья и не даём широко действовать. Во изменение этих трёх пунктов они вносят один: “Командование переходит в руки объединённого военного штаба, в распоряжение которого под наблюдением объединённого комитета и поступают все вооружённые силы”. Что же касается пункта 4, они согласны, так как главный удар действительно должен быть направлен на фронт. К 5-му пункту считают нужным добавить лозунг: “Да здравствует Учредительное собрание”. По их мнению, этот лозунг нужен для того, чтобы чехи и японцы видели, за что дерутся повстанцы, в противном случае они выступят против нас, а это

тоже не входит в наши расчёты. Это последнее совещание кончилось полным разрывом с эсерами [18].

Так как большевистский комитет убедился, что эсеры, имея мало реальной силы, не имея опоры в массах, пытаются лишь узнать силы и планы большевиков. В конце концов под Учредительным собранием последние подписаться не могли, поэтому подпольный комитет отозвал своих представителей с совещания с политцентровцами [19].

12 ноября в Иркутске были арестованы активные члены мелкобуржуазных партий. Командующий войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенант Артемьев сообщил об этом командующему Восточным фронтом:

– Имея сведения о подпольной работе лиц, состоящих на службе по выборам в городском и земском самоуправлении, органами государственного правопорядка в ночь на 12 ноября были произведены в городе обыски и аресты. Уполномоченный чехословацкого правительства доктор Благож заявил протест против ареста Данбинова, Ковальского, Гольдберга, Бланкова, обыска управляющего народным банком Погребецкого, обещая в противном случае остаться нейтральным при могущем быть антигосударственном выступлении. Доктору Благож сообщено, что его протест мною принят к сведению, будет представлен на благоусмотрение русского правительства. Независимо от сего, указанные арестованные, кроме Бланкова, освобождены после расследования. У последнего, по сведениям чешской контрразведки, в квартире скрывался штаб большевистской партии, по сведениям русской контрразведки, – было тайное отделение партии эсеров. При обыске найден компрометирующий материал. Арест Бланкова, как члена краевого комитета партии эсеров, продлён [20].

На следующий день появился меморандум представителей чехословацкой армии в Иркутске, подписанный Б.Павлу и д-ром Гирса:

– Невыносимое состояние, в котором находится наша армия, вынуждает нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чём разрешён с согласия союзных держав <...> Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснётся весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями <...> Ответственность за всё перед судом народов всего мира

ложится на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию. Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела <...> Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой из этой страны, которая была поручена нашей охране, и в том, чтобы до осуществления этого возвращения нам была предоставлена свобода к воспрепятствованию бесправия и преступлений, с какой бы стороны они ни исходили [21].

Составители мемурандума, обрушиваясь на колчаковщину, изрядно лукавили – они сами были повинны в подобных преступлениях. Но теперь ситуация изменилась.

25 ноября Колчак телеграфировал в Иркутск председателю Совета министров и управляющему министерством иностранных дел:

– Ознакомившись с чешским меморандумом от 13 ноября за подписями Павлу и Гирса, повелеваю прекратить всякие сношения с этими лицами, как вступившими на путь политического интриганства и шантажа, войти со срочным представлением через Сазонова к чешскому правительству с предложением отозвать этих лиц из России и заменить их другими, умеющими себя хотя бы вести прилично [22].

Однако главнокомандующий союзными войсками генерал Жанен отказался дать ход этой телеграмме, а чехословаки, охранявшие железнодорожные станции, стали задерживать поезд Колчака, отвечая на его возмущённые запросы: “Среди нас нет людей, умеющих себя прилично держать. Пусть адмирал ждёт, пока пришлют приличных людей” [23].

В отчёте управляющего Иркутской губернией в министерство внутренних дел 16 ноября отмечалось:

– В губернии без перемен. В Иркутске ждём восстания. Произведена облава в Глазковском предместье. Чехи выпустили меморандум с протестом против действий Правительства. Протест проходит почти незамеченным в обществе и в губернии, но большое произвёл впечатление на представителей союзных держав [24].

Когда судьба Омска уже была решена, а Колчак и его правительство находилось в эшелонах на Сибирской железной дороге, в иркутской газете появился указ Колчака. По иронии судьба это случилось ровно через год после колчаковского переворота, но в позиции Колчака ничего не изменилось. Указ гласил:

– На основании ст. 1 Положения о выборах в Государственное земское совещание повелеваю произвести выборы членов Государственного земского совещания не позднее 1 января 1920 г. Министру внутренних дел назначить сроки выборов членов Государственного земского совещания от сельского и городского населения, казачеств, земств, общественных организаций и высших учебных заведений, и представить мне в соответствии с ходом выборов о времени возможного созыва Государственного земского совещания [25].

Однако законосовещательное собрание как и раньше, а в изменившейся обстановке тем более, не устраивало мелкобуржуазные политические партии. 21 ноября управляющий Иркутской губернией П.Д.Яковлев созвал совещание по поводу установления дня выборов в это совещание, пригласив на него представителей земств. Воспроизведём основные выступления.

Я.Н.Ходукин (председатель губернской земской управы) заявляет, что губернское и уездное земство Иркутской губернии не намерены принимать участие в Государственном земском совещании. “Мы чувствуем, – говорит он, – что сейчас в эти тяжёлые дни для Сибири нужен не совещательный орган, а законодательный Земский собор. Кроме того, земство считает, что омское правительство теперь не имеет ни морального, ни юридического права собирать даже и Земский собор. До сих пор оно не сдержало ни одного своего обещания, не осуществило ни одного своего декларативного намерения. Мы долго и честно поддерживали омское правительство, мы верили его заявлениям до последней возможности, но вместо демократических реформ оно дало нам гонения на земство, аресты, обыски и расстрелы земских деятелей. Иркутское земство ещё до сих пор стоит под судом. Идти на сотрудничество с такой властью земство не может”.

Г.Грачёв (представитель Черемховского земства) сообщает, что раньше деревенская интеллигенция поддерживала Сибирское правительство и работала вместе с ним <...> Политика правительства оттолкнула от него всех работников деревни. Они, конечно, не стали большевиками, но резко враждебны правительству. Земство не может поддержать правительство, потерявшее связь с народом.

П.Д.Яковлев указывает, что ни земству, ни правительству не следует опираться на те общественные элементы, которые сегодня славословят Керенского, а завтра травят его <...> Если правительство заслуживает порицания, то ведь и у вас нет сил <...> Чем вы замените власть? Не лучше ли силу инерции правительства соединить

с вашим запасом общественной энергии и с попыткой исправить дело, не разрушая аппарат?

Ходукин отвечает, что земство не переоценивает своих сил. Оно не шло путём Владивостока (имелось ввиду восстание Гайды, о котором пойдёт речь ниже. – *В.К.*), но из этого события оно лишний раз убеждается, что правительство опирается на силу самую тёмную и враждебную русскому народу. Земство – сторонник эволюционно-го возрождения России. Этим путём оно и будет идти [26].

После этого земские представители покинули заседание, оставшиеся на нём определили сроки волостных выборов в губернии. Иркутская кадетская газета комментировала:

– Неисповедимы пути отечественной оппозиции <...> Она зачастую не отдаёт себе отчёта в своих требованиях и домогательствах <...> Великолепный образчик оппозиции для оппозиции продемонстрировало иркутское губернское земство в лице его председателя Я.Н.Ходукина. На заседании по поводу установления дня волостных выборов он выступил с громовой речью, в которой наотрез отказывается от участия в Государственном земском совещании <...> Допустим даже, что Ходукин прав, заявляя, что для Сибири нужен не совещательный орган, а законодательный Земский собор. Но и в этом случае, думается нам, гораздо полезнее и целесообразнее была бы борьба за этот принцип в том совещательном органе, который теперь созывается <...> Всё это лишний раз подчёркивает характер нашей оппозиции. Она враждебна не той или иной системе власти, не тому или иному её политическому курсу, а ко всякой системе, ко всякому курсу. С такой оппозицией совместная работа более чем трудна [27].

В очередном номере газета вернулась к этой теме:

– Резолюция, принятая Городской думой об отказе от участия в Государственном земском совещании, ярко вскрывает существо вождений иркутской социалистической общественности и направлена к осуществлению тех лозунгов, провозглашение и проведение в жизнь которых довело Россию до краха и расчленения. По мнению социалистической думы, отражающей, судя по результатам выборов, лишь мнение 1/10 части Иркутска, выходом из создавшегося положения является образование однородно-социалистической власти, опирающейся на местные “земства и городские самоуправления и классовые организации рабочих и крестьян” <...> Пресловутые Советы рабочих депутатов снова выплывают на свет божий. Зачем? <...> Единение всех социалистических сил, включая и большевиков,

знаменует не торжество идей демократии, а крах этих идей, так как большевизм по существу отрицает эти идеи <...> Второй угрозой является лозунг созыва Сибирского Учредительного собрания. Превращение этого начала в жизнь означало бы узаконение процесса расчленения России <...> Социалисты – социалисты-революционеры и социал-демократы – остались теми же, какими выявили себя в 1917 г. Ничему не научились, ничего не забыли [28].

Для понимания ситуации характерен разговор между Колчаком и Пепеляевым 22 ноября.

Пепеляев: Расширение прав Государственного земского совещания я мыслю себе пока как возможность эволюции его в законодательное учреждение, но оставляю это сейчас в запасе, не выдвигая в первую очередь. Может быть сейчас придётся обдумать вопрос об отказе от членов по назначению, ибо существует течение бойкотирования этого учреждения. В этом вопросе я не проявлю торопливости и нервности.

Колчак: Вопрос о расширении прав Земского совещания в принципе не вызывает возражения, но практически я не могу сказать, к чему приведут выборы. Полагаю, что этот вопрос может быть решён, когда определится характер и состав совещания [29].

Казалось бы, театр абсурда. Однако колчаковские деятели, да и сам Колчак, ещё считали, что режим уцелеет, зацепившись и укрепившись в Иркутске, а там рядом атаман Г.М.Семёнов и Япония. На это были направлены их последние отчаянные усилия. Через два дня после беседы Пепеляева с Колчаком Совет министров заслушал доклад Пепеляева о его беседе по телеграфу с Колчаком. Пепеляев представил программу Совета министров: 1) управление страной через министров, приглашённых по свободному выбору председателя Совета министров и назначенных верховным правителем; 2) отказ от системы военного управления страной; 3) сближение с оппозицией и представителями общественности; 4) расширение прав Государственного земского совещания, вплоть до превращения его в законодательное учреждение и отказ от пополнения его состава членами по назначению; 5) борьба с произволом и беззаконием на местах, кем бы они ни чинились; 6) радикальные мероприятия по борьбе с кризисом продовольствия; 7) сближение с чехословаками; 8) полное невмешательство в сферу гражданского управления страной, функции верховного совещания при верховном правителе ограничены функциями совещания по обороне [30].

Не стоит думать, что В.Н.Пепеляев сочувствовал демократизации режима. Однако обстановка коренным образом изменилась, и наиболее дальновидные члены Совета министров, в том числе В.Н.Пепеляев, отчётливо понимали, что колчаковская политика потерпела крах, но попытались изменить её, апеллируя к Колчаку, который по-прежнему проявлял невероятное упрямство, как будто это были не дни крушения режима, а дни зимних и весенних побед 1919 г.

В это время во Владивостоке произошли события, напрямую связанные с происходящим в Иркутске. Речь идёт о выступлении Р.Гайды. События имели длинную предысторию. Уже после поражения выступления участник событий А.А.Краковецкий в письме генералу Грэвсу отмечал:

– Отдельные военачальники, как например генерал Р.Гайда, генерал А.Н.Пепеляев, понимали, к каким ужасным последствиям может привести дальнейшее продолжение политики адмирала Колчака. В мае 1919 г. Гайда подал записку в Совет министров с указанием, что только немедленный созыв Сибирского Учредительного собрания может прекратить дальнейшее разложение армии на фронте и умиротворить тыл, охваченный недовольством [31].

В своем дневнике Р.Гайда отмечал, что приблизительно 20 августа он встретился с И.В.Якушевым и В.И.Моравским, которые участвовали в деятельности комитета для созыва Земского собора. Вскоре во Владивосток приехал подполковник А.А.Краковецкий и был принят в комитет. В Земский собор должны были выбираться представители от населения, земств, городов и кооперации, а также представители от национальностей и казачества. Комитет решил свергнуть Омское правительство вооружённым путём, поскольку правительство вряд ли согласится с деятельностью комитета. От имени председателя Сибоблдумы была выпущена “грамота” с призывом свергнуть Колчака и созвать Земский собор во Владивостоке [32].

Колчаковская контрразведка сообщала в сентябре 1919 г., что “американцы вошли в контакт с чехами и абсолютно решили поддерживать русских правых эсеров”. Эсеровское центральное бюро военных организаций организовало в это время во Владивостоке свою контрразведку. Главноуправляющий делами Российского правительства Г.К.Гинс комментировал, что партия эсеров во Владивостоке намерена совершить переворот под лозунгом “восстановления

Учредительного собрания старого созыва”, созвав нелегальный Земский собор [33].

Таким образом, замысел созрел давно. Однако благоприятные условия всё не наступали. В своем дневнике Р.Гайда отмечал, что падение Омска ускорило события. После опубликования чехословацкого меморандума стало ясно, что чехословаки не собираются оказывать помощь А.В.Колчаку. В итоге 6 ноября 1919 г. во Владивостоке появился указ Временного народного управления Сибири:

– Командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда назначается главнокомандующим Сибирской народной армией с подчинением его командованию всех сухопутных и морских сил страны [34].

В этот же день была отправлена телеграмма всем командующим воинскими частями:

– Временное народное управление Сибири, приняв на себя верховную власть по управлению страной, назначило на пост главнокомандующего Сибирской народной армией генерал-лейтенанта Гайду. Сибирские войска встретят в лице своего главнокомандующего испытанного в боях соратника, не знавшего поражений полководца и стойкого защитника истинной свободы. Народное управление выражает полную уверенность, что армия под командованием генерала Гайды сумеет отстоять и защитить демократическую Сибирь от всяческих посягательств на её свободу и права народов Сибири [35].

На следующий день Гайда получил сведения о передвижениях войск, подчинённых колчаковскому управляющему губернией С.Н.Розанову: юнкера заняли здание станции, над вокзалом появились посты. Силы С.Н.Розанова состояли из юнкеров и унтер-офицеров школы генерала Нокса, силы же Р.Гайды составляли 700 человек, 45 офицеров и 7 пулемётов. Кроме того, С.Н.Розанова поддержали японцы [36].

Попытка переворота была предпринята в ночь на 16 ноября, когда группа лиц, под угрозой расстрела, захватила стоящий на пристани в бухте Босфор катер “Фарватер” и ночью совершила рейд в бухту Новик, где приняла на борт около 100 вооружённых лиц и под покровом ночи пыталась произвести высадку у пристани Добровольного флота. Но катер сел на мель, часть его пассажиров скрылась в стоящем на путях поезде Р.Гайды. С утра 16 ноября город начал принимать вид военного лагеря. Войска заняли правительственные и городские учреждения. Была усилена охрана штабов и их от-

делений. На следующий день утром по городу распространились слухи о возникновении нового правительства в поезде Р.Гайды. Здесь шло формирование новой “армии”. В городе разбрасывались с автомобилями и распространялись прокламации, подписанные центральным бюро военных организаций Сибири. Днём во Владивостоке стал известен указ председателя Сибирской областной думы об учреждении Временного народного управления Сибири:

– Ненавистная всему трудовому населению Сибири самозванная диктатура адмирала Колчака и его правительства при содействии военных частей и полном сочувствии всего населения свергнута. В целях сохранения государственного порядка и управления впредь до созыва Всесибирского земского собора, временное управление страной на территории Сибири осуществляется образованным мною ранее в чрезвычайном порядке комитетом созыва Всесибирского земского собора, ныне переименованном во Временное народное управление Сибири в составе нижепоименованных лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью: председателя И.А.Якушева, членов А.А.Краковецкого и В.И.Моравского. Армия и все правительственные и общественные учреждения на территории Сибири подчиняются только распоряжениям и постановлениям Временного народного управления Сибири [37].

Около двух с половиной часов по полудни со стороны поезда Р.Гайды раздалось 6 выстрелов, послуживших сигналом к выступлению. Частями правительственных и иностранных войск были оцеплены кварталы, близкие к вокзалу и набережной, и кольцо этих войск постепенно сужалось. К 6 часам вечера стрельба затихла и началась вновь около 12 с половиной часов ночи, когда Р.Гайда пытался предпринять наступление вдоль набережной. Стрельба продолжалась до 6 утра 18 ноября, когда С.Н.Розанову удалось занять пароход “Печенегу” и арестовать скрывшегося там Гайду и его штаб [38].

Выступление было подавлено. Известие об этом воодушевило колчаковское правительство, которое после долгих скитаний по Сибирской железной дороге отдельными частями стало прибывать в Иркутск. 16 ноября прибыл “малый” Совет министров. После его прибытия 18 ноября был устроен парад, совпавший с годовщиной установления колчаковской власти. П.Д.Яковлев в записках рассказывал:

– “По случаю чего парад?” – спрашивали генерала Артемьева. – “По случаю того, что живы доехали”, – отвечал Яковлев за генерала, смущённого и жалким видом парада и озлобленным отношением к параду Иркутска [39].

Следом прибыл “большой” Совет министров во главе с П.В.Вологодским. 19 ноября управляющий губернией П.Д.Яковлев и генерал-лейтенант Артемьев в Совете министров доложили о положении дел. П.В.Вологодский зафиксировал в дневнике:

– Совет министров пришёл к такому мнению, что необходимо пойти навстречу общественному настроению и попытаться сблизиться с ним путём привлечения в состав Совета министров представителей более левых партий, а также принять меры к сближению с чехами. Выяснилось, что чехи считают, что для правительства создано чрезвычайно тяжёлое положение, что виновником этого чрезвычайно тяжёлого положения является засилье военачальников и бессилие правительства в борьбе с этим засильем [40].

Последующие дни были посвящены тому, чтобы убедить ехавшего в поезде на восток Колчака в необходимости перемен в составе Совета министров. Сперва телеграмму Колчаку отправил Г.К.Гинс:

– Политическую обстановку считаю угрожающей. Главные факторы: 1) безумная дороговизна; 2) острый недостаток в Восточной Сибири хлеба, мяса, масла; 3) денежный кризис, дошедший до перспективы пропасти; 4) тяжёлая обстановка фронта. До сих пор немощные интриганские выступления против власти сейчас способны поднять народный бунт, и кончится, конечно, не успехом заговорщиков, а анархией. Неудача выступления во Владивостоке и одновременная ликвидация инициативной группы в Иркутске только на время разрядили атмосферу. Иллюзиям предаваться нельзя, ибо почва для восстаний очень благоприятна <...> чехи, понимая безвыходность положения, не желая воевать, мечутся между эсерами и большевиками, боясь активных выступлений, но опасаясь, в случае бездействия, попасть под иго анархии или оказаться лицом к лицу с большевиками [41].

Г.К.Гинс предлагал назначить нового председателя Совета министров, рекомендуя на эту должность В.Н.Пепеляева с сохранением за ним поста министра внутренних дел; предоставить право председателю Совета министров выбрать членов Совета; П.В.Вологодского сместить с поста премьера на должность председателя комиссии по выборам в Учредительное собрание. Он заверял: “Уверен,

что положение далеко не безнадежно, и сильная решительная власть всё может спасти” [42].

20 ноября было решено послать Колчаку телеграмму уже от имени Совета министров о том, что “страна” находится в катастрофическом положении и необходимы изменения в составе Совета министров приглашением в его состав “оппозиционных общественных течений”. От имени Совета министров в поезд Колчака в Барабинске телеграмму отправил П.В.Вологодский. Он настаивал: “Обновление власти в целях укрепления её авторитета и связи с живыми силами страны должно быть совершенно безотлагательно”. Он предлагал, чтобы председатель Совета министров составил новый кабинет, сократил число министров, включил в Совет министров министрами без портфеля “влиятельных общественных деятелей для связи с теми группами и организациями, через которые правительство должно работать”. Он заверял, что намеченные мероприятия укрепят власть, заявил о своей готовности уступить место председателя Совета министров другому лицу [43].

21 ноября Вологодскому удалось связаться с Колчаком. На вопрос Вологодского, что Колчак думает по поводу его телеграммы и телеграммы Гинса, Колчак ответил, что телеграмм он не получил. Вологодский изложил содержание телеграмм и стал уверять его, что Совет министров должен быть “сильным сотрудником в тяжёлой борьбе и для власти”, поэтому необходимо составить новый кабинет, а Вологодский готов уступить пост председателя. Колчак тогда сказал, что получил лишь телеграмму Гинса, с доводами которого он согласен, и предложил назначить председателем Совета министров Пепеляева. Также Колчак рассказал о необходимости реорганизовать состав совещания при Верховном правителе, в который должны войти кроме Колчака в качестве председателя главнокомандующий фронтом и его помощники, председатель Совета министров и министр военный, внутренних и иностранных дел, путей сообщения, финансов и снабжения. Когда Вологодский высказал готовность передать всё Пепеляеву, Колчак согласился, но отметил, что согласия Пепеляева на реорганизацию совещания не нужно, поскольку указ на этот счёт уже подписан [44].

П.В.Вологодский записал в дневнике:

– Выяснилось, что 21 ноября им издан указ об образовании при верховном правителе на особых основаниях верховного совещания вместо совещания при верховном правителе, которое этим указом упразднилось. Конструкция этого верховного совещания, как она в

коротких словах была изложена мне по прямому проводу, на меня и Г.А.Краснова произвела удручающее впечатление. Над Советом министров создавалось новое верховное учреждение в весьма сомнительном составе с засильем военных властей [45].

Таким образом, Колчак по-прежнему считал, что укрепить власть можно только усилением военных властей в ущерб гражданским. Но и это уже не могло спасти катящийся в пропасть режим.

Заседание Совета министров 22 ноября проходило в кабинете управляющего контрольной палатой, поскольку помещение в здании Русско-Азиатского банка ещё не было готово. Очевидец событий так описывал настроения министров:

– Вологодский с обычным своим усталым видом занимал конец стола, за которым разместились министры или замещающие их товарищи; у дверей устроился секретариат. Заседание началось вялым изложением темы министром-председателем и столь же вялыми не речами, а скорее фразами министров. С первых слов выяснилось, что все говорят об одном, об иркутских настроениях <...> По телефону были вызваны генерал Артемьев и Яковлев. – “Что Вы можете, генерал, сказать Совету министров о настроении Иркутска? – спросил Вологодский, обращаясь к Артемьеву, как к старшему. – Как относятся военные к правительству, к событиям на западе; каковы ваши силы, что такое у вас с чехами и т.п.” <...> “Чехи – загремел он, прыгая в кресле, – ваши чехи на фронт не пойдут, хоть платите им платиной вместо золота, потому что они, во-первых, сволочь и трусы, во-вторых, – достаточно награбили и дорожат своей шкурой и торопятся домой. Это самое главное. Сколько их, я не знаю, но если понадобится, то рота наших егерей ликвидирует их всех здесь, дайте только приказы” [46].

В тот же день В.Н.Пепеляев связался с А.В.Колчаком. Колчак сообщил ему, что хочет назначить его председателем Совета министров с оставлением на посту министра внутренних дел. Колчак заверял: “Я по-прежнему считаю Вас единственным лицом, способным создать твёрдую правительственную власть”. Затем В.Н.Пепеляев изложил Колчаку свою программу, суть которой сводилась к тому, что верховный правитель управляет страной через министров, военные власти занимаются только военными делами, необходимо примирение с оппозицией, отказ от системы исключительного военного управления страной, расширение прав Государственного земского совещания. Колчак сообщил, что он в принципе не возражает [47].

Свою программу В.Н.Пепеляев изложил на собрании у управляющего губернией П.Д.Яковлева, на котором присутствовали представители эсеров, меньшевиков, народных социалистов, земства, Городской думы, кооперации, профессиональных союзов; присутствовал Е.Е.Колосов и М.Н.Богданов как представитель бурят и забайкальского земства. «Я не могу, – говорил Пепеляев, – принять лозунг “Долой гражданскую войну!”, ибо это значит мир с большевиками, а я формирую правительство борьбы с ними; я не могу согласиться на отрешение адмирала Колчака от звания верховного правителя, ибо нам, хотя бы для иностранцев нужен символ государственного единства России, и адмирал есть этот символ. Я могу рекомендовать ему уехать к Деникину <...> Обещаю, что высшее военное командование будет заменено новыми честными и способными людьми; я готов в состав этого правительства ввести лиц, которых вы мне укажете. Я твёрдо решил ликвидировать военный режим и перейти к новому гражданскому управлению. Я добьюсь признания законодательных прав Земского совещания и превращения его в Земский собор. Я сокращаю министерский аппарат, переходя от масштабов всероссийских к сибирским, областным. Я предпринял уже шаги для заключения мира на всех внутренних фронтах, где действуют небольшевицкие силы» [48].

Однако, надо полагать, что “программа” В.Н.Пепеляева не удовлетворила собравшихся.

25 ноября собралась Иркутская городская дума. Приглашения членам Совета министров не посылались, поскольку думцы были уверены, что те на заседание не явятся. Однако пригласили в полном составе консульский корпус, половина которого на заседание пришла. На заседании выступили председатель Думы меньшевик М.М.Константинов, лидер эсеровской думской фракции И.Г.Гольдберг и представитель земского бюро Е.Е.Колосов. Вновь предоставим слово мемуаристу П.Д.Яковлеву:

– Константинов вместо положенного ему очерка положения страны, почти полтора часа переливал из пустого в порожнее и едва сумел закончить свою речь. Гольдберг, вместо критики действий правительства диктатуры, произнёс никого не удовлетворившую типично митинговую речь, и только Колосов спас Думу от конфуза перед публикой. Страстная, вымученная, богатая материалом, она дала яркую картину произвола, развала, разложения, до которого диктатура довела Сибирь. Это заседание было первым публичным выступлением Политцентра; он заявил о неизбежности борьбы, и

после этого должен был взяться за учёт сил, послушных его директивам [49].

Иркутская кадетская газета возмущалась по поводу этого заседания:

– Население Иркутска имело случай убедиться, куда тянут “демократии” и на чью мельницу они льют воду. Достаточно указать на тот пошлый митинг, который имел место 25 ноября в зале Иркутской городской думы, митинг с участием эсеровского гастролёра Колосова, чтобы получить точное представление о том, куда направлены взоры лжедемократии <...> Они считают, что трагическое положение, ныне переживаемое, должно быть использовано для “протягивания руки” через боевую линию торжествующей чрезвычайке. С защитниками такой идеологии у нас, разумеется, общего языка нет, с ними нам не по пути [50].

Наконец новый Совет министров был сформирован и 1 декабря под председательством В.Н.Пепеляева прошло его первое заседание. Пепеляев вновь стал настаивать перед Колчаком о необходимости созыва Земского собора. 9 декабря он сам и его брат, командарм 1-й Сибирской армии А.Н.Пепеляев, обратились к Колчаку:

– Умоляем Вас в последний раз о немедленном издании акта о созыве Сибирского земского собора, в лице которого сам народ возьмёт в свои руки устройство Сибири и изберёт Сибирское правительство. Мы действуем исключительно во имя защиты родины от большевиков. По Вашему повелению председатель Совета министров препровождает проект акта о созыве Земского собора [51].

В проекте указа были обозначены следующие позиции:

– С первых дней принятия мной власти верховного правителя я имел перед собой целью созыв Национального Учредительного собрания. Ниспосланными тягостными испытаниями цель эта ныне отдаляется, и разорванные части России принуждены отдельно бороться с общим врагом – большевизмом. В целях подъёма усилий народных, я, оставляя за собой объединение всех сил, борющихся за единую Россию, передаю дело борьбы с большевиками в руки самих сибиряков. Повелеваю председателю Совета министров незамедлительно внести в Совет министров проект закона о Сибирском Земском соборе с тем, чтобы таковой был создан в самый кратчайший срок. Земский собор определит временное устройство Сибири и изберёт Сибирское правительство. Бог поможет нам завершить правое дело объединения свободной, единой России [52].

Верил ли Пепеляев в свою идею или нет, но он продолжал рассылать телеграммы о созыве Земского собора. 10 декабря он телеграфировал заместителю председателя Совета министров Третьякову:

– Я пришёл к окончательному выводу, что необходим крупный политический шаг, который бы остановил сползание в пропасть по инерции. Считаю совершенно необходимым созыв Сибирского Земского собора для организации местной власти <...> Идея Земского собора ультимативно развита 1-й Армией <...> Верховный правитель должен остаться для верховного объединения всех частей России. Местопребыванием может быть юг России [53].

12 декабря уже А.Н.Пепеляев из Томска телеграфировал в поезд Колчака:

– Генерал Каппель передал мне желание Вашего высокопревосходительства, чтобы я прибыл в Иркутск. Для этого я должен быть уверен, что Земский собор приемлем для Вас, хотя бы принципиально. Конец моей телеграммы мог быть понят не верно, если забыть основную идею моей деятельности, в силу которой я ни теперь, ни когда-либо ничего не предприму против носителя верховной власти. Мои слова значат следующее: по-моему мнению, государственность, в случае неприятия указанного мною шага, погибнет. Будут отдельные партизанские отряды без объединяющего государственного руководства и отдельные районы их действий. При отклонении моих предложений я решил бы на оставление поста председателя Совета министров, зная, что это разрушит кабинет, а, значит, оставить верховную власть без центрального аппарата. Я решил бы впредь готовить почву для одной из будущих партизанских сил в предположении, что центр окончательно обречён погибнуть [54].

Тем временем возобновились работы Государственного экономического совещания. П.В.Вологодский записал в дневнике 9 декабря:

– Вчера был день возобновления работы Государственного экономического совещания после перерыва его занятий вследствие эвакуации Омска <...> Заседание открылось речью Г.К.Гинса, как председателя Государственного экономического совещания <...> Он сравнивал положение наше с положением Рима во времена нашествия Ганнибала, когда Рим был накануне падения и когда в охрану права и чести римских граждан и в защиту Рима все взялись за оружие и в борьбе с врагом пали 80 сенаторов и 23 консула. Тогда состоялось примирение всех враждующих партий и отдельных воена-

чальников. Гинс указал, что правительство сознаёт свои ошибки и идёт навстречу требованиям общественности, создало Государственное экономическое совещание, в котором голосу крестьянина будет предоставлено видное место <...> Выступил член Экономического совещания инженер Кроль, избранный Пермским земством. Кроль подверг резкой критике всю деятельность правительства, указал на то, что пермское население, в том числе рабочие и крестьяне, крайне тяжело пережили период властвования большевиков-коммунистов в этом крае и они с большим доверием отнеслись к власти, образовавшейся в Омске. Но это доверие постепенно терялось благодаря системе и методам управления на местах, и, в конце концов, все слои населения стали в оппозицию к новой власти. Система управления была построена на реквизициях, арестах, порках без разбора, расстрелах без суда. На это неоднократно обращалось внимание власти как отдельными членами Экономического совещания, так и представителями общественности, отражённой в других формах, но правительство плохо реагировало на эти сообщения, и недовольство населения новой властью росло и росло, так как власть всё больше и больше делала ошибок [55].

Общее собрание Государственного экономического совещания приняло резолюцию о всемерной поддержке правительства “в неуклонном стремлении его вести борьбу с большевизмом до успешного её завершения”, но при этом потребовало “немедленного и планомерного проведения в жизнь важных положений”, а именно: 1) всемерной поддержки армии и всестороннего удовлетворения её нужд, 2) подчинение в делах гражданского управления военных властей гражданским; 3) водворения законности, правопорядка и обеспечения прав личности на всей территории страны; 4) немедленного созыва народного представительства для законодательства и контроля над действиями исполнительной власти [56].

Подобные резолюции, тем более не подкреплённые реальными делами, уже ничего не могли изменить. Настроение широких масс населения Иркутска менялось не в пользу Колчака и его режима. Вот что отмечалось в сводке контрразведки о положении дел в Иркутске 11 декабря:

– Опубликование в принятой резолюции первого заседания Государственного экономического совещания необходимости изменения военно-административного режима приветствуется общественными кругами. По поступившим негласным сведениям подпольными организациями по железнодорожной магистрали отдано распо-

ряжение препятствовать в особенности на деповских станциях продвижению на восток гружёных составов поездов, чтобы предназначенное к эвакуации имущество осталось на местах. В социалистических кругах одной из руководящих причин течения соглашательства с большевиками является убеждение, что большевизм изживётся сам собою, и они рассосут его в ближайшие годы. Политическая же реставрация, проводимая адмиралом Колчаком и генералом Деникиным, по мнению социалистов, является стороной большего сопротивления [57].

Последующая работа колчаковского Совета министров проходила в тревожной обстановке. Вновь предоставим слово мемуаристу П.Д.Яковлеву:

– В дальнейших событиях исключительную роль играли Третьяков и Червен-Водали. Оставшись за премьера, Третьяков чувствовал себя очень тревожно. В публичных выступлениях своих, как например при открытии в Иркутске Государственного экономического совещания, он говорил о новом правительстве как о правительстве “чистой совести”, которое пойдёт рука об руку с общественностью и... победит все затруднения. Но в душе он вряд ли верил своим речам. На что было надеяться? На западную армию, которая продолжала отступать и под командованием Каппеля, сменившего тупоголового Сахарова? Или на Семёнова и на Японию? Лично Третьяков, скрепя сердце, принимал второй путь и один из очередных докладов злополучного Яковлева довершил падение его душевного мужества и патриотического чувства. Да и было от чего растеряться: мир, говорил докладчик, на внутренних фронтах не водворялся. Напротив, и численность и силы этих фронтов росли с каждым днём. Яковлев, картой фронтов Иркутского военного округа и цифрами доказал, что дальнейшая борьба невозможна. Против 4 500 человек гарнизона, разложенного агитацией и прикованного событиями к Красноярску и Иркутску, один Щетинкин имел 11 тыс. хорошо организованных партизан при двух десятках пулемётов и двух-трёх орудиях. Но кроме Щетинкина был Кравченко на севере Енисейской губернии, Бурлов в Нижнеудинской тайге, Зверев на Лене, Каландарашвили на Ангаре и ряд шаек, неуловимых и, следовательно, непобедимых. Только чудо могло спасти Омское правительство, и Третьяков бросился в Читу искать этого чуда, а может быть просто личного спасения, оставив своим заместителем Червен-Водали [58].

Тянулись кошмарные дни и для чинов правительства, и для служащих министерств, для военных и для всего города; город голодал;

в городе не было света, так как Ангара не стала, а понтон срезало шугой и электрическая станция стояла, не имея возможности получить с вокзала уголь; тысячи больных и раненых начинали замерзать в нетопленных многочисленных госпиталях; тиф косил всё новые и новые жертвы. Пришли известия, что в Красноярске переворот уже закончился в пользу Политического центра. Связь с поездами адмирала Колчака и Пепеляева ещё была, и Червен-Водали сообщал им о положении в Иркутске, но директив и указов уже не было. Совет министров начал разбегаться: за Третьяковым уехал О कोरोков; особенно много было охотников до командировок на восток; все министры за исключением “лидера”, запаслись частными квартирами, а некоторые и паспортами. Что касается иен, то их поделили ещё при Вологодском, при содействии Владивостокского отделения кредитной канцелярии и Харбинского отделения Русско-Азиатского банка [59].

Тем временем Политцентр готовился к активному выступлению. В его декларации, выпущенной в декабре, отмечалось:

– Режим военной буржуазии обанкротился. К власти должны прийти новые силы самого народа, принеся новые задания во все области государственного строительства. Но воскрешать бесполезные и вредные попытки к созданию на территории Сибири власти, претендующей на всероссийское представительство, не входит в задание сибирской демократии. Полтора года опытов с ясностью говорят, что на основе подобных попыток, рассчитанных на вооружённое покорение Советской России, не может быть создан демократический строй, что они неизбежно приводят лишь к углублению гражданской войны, к порабощению страны внешними империалистическими силами и прежде всего, к созданию на территории Сибири военного протектората Японии.

Воссоздание всероссийской власти в незанятой советскими войсками части Сибири, в какую бы словесную форму оно не облакалось, способно было лишь создать то положение, при котором реакционная монархическая Россия, ставшая на ноги при помощи монархической Японии, вместе с нею выросла бы в мировую реакционную силу.

По всем этим соображениям Политцентр категорически отвергает всякую возможность учреждения на урезанной территории Сибири власти, претендующей на всероссийское представительство.

Для сибирской демократии остаётся один путь – путь создания местной власти, стремящейся к прекращению Гражданской войны и

установлению договорных отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России [60].

Последние судорожные усилия колчаковского правительства уже не могли предотвратить восстания в городе. Ситуация сложилась так, что оно стало неизбежным.

3.5. Восстание в Иркутске

События в Иркутске в декабре 1919 г. оказали решающее влияние на завершение Гражданской войны в Сибири. Этом сюжету посвящена многочисленная мемуарная и исследовательская литература. Однако, если в советской мемуаристике и историографии на первый план выводилась решающая роль большевиков в этих событиях, то в эмигрантской и постсоветской за редким исключением – роль эсеров, а сам исход событий сводился к ошибкам и просчётам как представителей колчаковских властей, так и образовавшегося из меньшевиков, эсеров и земских деятелей Политцентра. Между тем для понимания логики событий и взвешенной оценки исхода борьбы необходимо внимательно, с привлечением всех возможных документов изучить тактические действия противоборствующих сторон с учётом общей обстановки завершающего периода Гражданской войны в Сибири.

Обстановка в Восточной Сибири в декабре 1919 г. характеризовалась следующими чертами: 1) сильно развитым партизанским движением, охватившем весь тыл колчаковской Сибири, за исключением полосы вдоль железной дороги, которую контролировали чехи; 2) стремлением эсеров и меньшевиков организовать военный переворот с целью захвата власти и очередной попытки реализовать “народное правление”; 3) настроением основной массы населения в пользу установления Советской власти и скорейшего прекращения Гражданской войны. Вот как характеризовал в воспоминаниях настроение Иркутска активный участник событий А.Ширямов:

– Общее положение перед восстанием было примерно таково. Фронта уже не существовало. Окончательно разгромленные белые бесформенной массой откатывались к Красноярску, тысячами сдавались в плен, поднимали восстания. Командующим вместо Сахарова был назначен генерал Каппель <...> Железная дорога была захвачена чехами, спешно уходившими на восток с награбленным имуществом, они везли с собой всё, что могло уместиться в вагонах: мебель, экипажи, станки, зеркала, моторные лодки, пианино, огромные

запасы провианта, обмундирование, мануфактуру, военное снаряжение и пр. В ленте их бесконечных эшелонов где-то двигался Колчак со своим поездом и двумя эшелонами золотого запаса России. Плата за целые состояния за места в поездах бежала на восток буржуазия. Семёнов не пропускал её за Байкал и она оседала в Иркутске. Всё пространство Сибири вокруг железной дороги было занято партизанами. В самом Иркутске, кроме правительства, всевозможных учреждений и буржуазии, находился довольно значительный гарнизон, стояли чешские части, на вокзале в вагонах находились все иностранные миссии с генералом Жаненом во главе, стоял эшелон японцев [1].

В этой обстановке иркутские эсеры готовили восстание, рассчитывая не на рабочих, а на солдатские массы, которые были готовы на всё, лишь бы установился мир. Поэтому восстание предполагалось исключительно как военное, рассчитанное на короткий уличный бой. Эсерам удалось договориться с чешским командованием о нейтралитете. Чехи, которых к тому времени в Иркутске и западнее его было 30 – 40 тыс. человек, ввязываться в события не желали, а их орган, газета “Чехословацкий дневник”, предостерегала “от попыток эсеров тем или иным способом вовлечь чешских солдат в эсеровскую авантюру” [2].

Пытались эсеры договориться и с большевиками, понимая их связь с наступающей на Иркутск Красной Армией и партизанским движением. Вот что вспоминал другой активный участник событий большевик И.Сурнов:

– В первых числах декабря эсеры снова пригласили нас для переговоров. Организация послала меня. При разговоре с эсерами выяснилось, что они приглашают нас снова выступить совместно с ними в ближайшие дни. Выступление было назначено на середину декабря. Пришлось вновь отказаться и уйти. Эсеры, однако, не успокоились и с лихорадочной поспешностью готовились к выступлениям. По всем окружным городам у них были организованы отделения Политцентра [3]. Напомним, что Политцентр объединял эсеров, меньшевиков и земских деятелей, т.е. был мелкобуржуазным по своему составу.

В эти дни Иркутская городская дума большинством эсеровской фракции провозгласила о необходимости создания единого социалистического правительства. Лозунг уже не в первый раз выдвигался в ходе революции и Гражданской войны, но всякий раз менял своё содержание, подразумевая то “единый фронт” от большевиков до

народных социалистов, то “единый фронт” мелкобуржуазных партий без большевиков, но всякий раз казавшийся выдвигавшим его эсерам и меньшевикам воплощением “третьего пути” в революции. На этот раз совещание меньшевистской группы “Единство” и народных социалистов отнеслось к этой декларации резко отрицательно. Иркутская газета комментировала:

– По мнению совещания, требование предоставления всей власти исключительно социалистам лишний раз скомпрометирует социализм в России, так как революционная демократия собственными силами не в состоянии ни прекратить войны, ни воссоздать России. Умолчание о созыве Учредительного собрания свидетельствует о подготовке к сдаче социал-демократами и социалистами-революционерами незыблемых основ демократического правопорядка, это умолчание является капитуляцией революционно-демократического представительства перед большевиками. “Единство” и народные социалисты решительно отвергают возможность примирения с большевиками. Выходом из создавшегося положения, по мнению этих социалистических партий, является созыв Земского собора, перед которым в полной мере должно быть ответственно правительство [4].

Направил свой протест-угрозу в адрес Иркутской городской думы и атаман Г.М.Семёнов:

– Декларация Иркутской городской думы о создании единого социалистического правительства есть ничто иное, как насилие над волей народов России, противоречащее принципам демократического представительства, я не могу допустить проведения Иркутской городской думой в общегосударственное строительство идей, являющихся социалистическим суррогатом, которые ещё в 1917 г. привели Россию к позору большевизма [5].

Для реализации своих замыслов эсеры организовали 21 декабря совещание городских и земских управлений Сибири для созыва общего собрания земских деятелей, представителей политических партий и профессиональных организаций. Было решено провести следующее заседание 23 декабря, однако радикально изменившаяся обстановка не позволила реализовать задуманное. Как только очередное совещание 23 декабря открылось в городском театре, туда явились военные с приказом начальника иркутского гарнизона генерала К.И.Сычёва прекратить работы собрания [6].

Готовились к выступлению и большевики. Их тактика сводилась к следующему: 1) выступить одновременно с эсерами, но свои части

не подчинять эсеровскому командованию; 2) захватить в первую очередь оружие; 3) лозунг Советской власти не выдвигать, чтобы не столкнуться с чехами, 4) связаться с партизанскими отрядами и подтянуть их к городу [7].

Событиям в Иркутске предшествовало вооружённое восстание в Черемхово, которое началось в ночь с 21 на 22 декабря. События развивались следующим образом. Солдаты черемховского гарнизона (17-й отдельный железнодорожный батальон) заняли колчаковские учреждения и арестовали управляющего уездом, начальника гарнизона, начальника милиции и нескольких офицеров. Однако днём 21 декабря все арестованные были освобождены. Чешское командование заявило, что оно будет держаться нейтралитета. Несмотря на это в городе был организован революционный штаб, в который вошли местные земские деятели. Повстанцы связались с управляющим губернией П.Д.Яковлевым, который заявил, что если будет выдвигнут лозунг народовластия, то он вмешиваться не будет [8].

Как только в Иркутске стало известно об этом восстании, Политцентр отправил в Черемхово своего уполномоченного В.Н.Устюжанина, который создал местное политическое бюро, пригласив в него представителей уездного и городского самоуправления, кооперативов, учительского съезда и других легальных организаций. Среди поддерживавших восстание офицеров был создан военно-социалистический союз. В докладе В.Н.Устюжанина в Политцентр отмечалось:

– Организация рабочих осложнилась целым рядом важных обстоятельств: во время нескольких бывших на черемховских копях забастовок с копей были изъяты или бежали все наиболее активные и сознательные рабочие, и рабочая масса представлялась в следующем: небольшая группа русских рабочих, состоящая главным образом из случайных элементов, пришедших из деревни на заработки, массы китайцев и пленных мадьяр. Между русскими рабочими и рабочими-мадьярами существовала довольно тесная связь, и вооружение русских рабочих предreshало вооружение мадьяр, что представляло опасность, ибо вследствие старого антагонизма между мадьярами и чехами нельзя было быть уверенным, что мадьяры, вооружившись, не предпримут агрессивных действий против стоявших в городе и на станции чешских частей, представлявших из себя большую силу. Кроме того, такое столкновение могло быть губительным для всего повстанческого движения в Сибири. Таким образом, от организации крупных рабочих отрядов пришлось отказаться,

и к моменту восстания фигурировала только небольшая группа лично нам известных рабочих [9].

Однако черемховские рабочие, как и опасались эсеры, оказались под влиянием местной организации РКП(б), которой руководила Е.В.Бердникова. В комитете РКП(б) обсуждалась возможность, захватив оружие и создав партизанский отряд из рабочих, уйти в тайгу; тем не менее было решено остаться в городе, комплектуя рабочие дружины, заняв выжидательную позицию в отношении местного политического бюро.

А.В.Колчак, узнав о восстании в Черемхово, передал 23 декабря по телеграфу командующему войсками Иркутского военного округа, чтобы тот срочно обратился за помощью к “нашим войскам в Забайкалье”, т.е. к атаману Г.М.Семёнову, и, кроме того, попросил бы японцев усилить их гарнизон в Иркутске. Для придания решимости Семёнову Колчак 24 декабря назначил его командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приморского военных округов. Одновременно заместитель недавно назначенного премьер-министром В.Н.Пепеляева С.Н.Третьяков, выехавший в Читу со специальным поручением, сообщил оттуда в Иркутск, что помощь японских и семёновских войск можно считать обеспеченной. Он телеграфировал членам колчаковского правительства: “Вся задача ваша заключается в том, чтобы какими угодно мерами, до террора включительно, продержаться неделю” [10].

Тем временем события в Черемхово развивались без особых осложнений. 26 декабря Черемховская городская дума постановила приветствовать переворот, “совершённый революционными войсками под лозунгом народовластия, возвращающий нас к исходной точке революции; призвать граждан и рабочих к поддержке руководящих органов переворота путём спокойного и упорного труда в борьбе их против реакции и победного завершения начатого”. В воззвании Дума напомнила “всем гражданам, что только при установлении истинного народовластия каждый класс, каждая группа населения получает возможность вести легальную борьбу за свои интересы, не подавляя и не зажимая рот противникам <...> Да здравствует народовластие! Да здравствует Сибирское народное собрание! Да здравствует гражданский мир! Да здравствует Сибирское Учредительное собрание” [11]. 28 декабря черемховское политическое бюро передало власть организованному военно-революционному комитету. Установив связь со штабом Ангарского фронта в Балаганске и разослав по окрестным сёлам агитаторов, военно-революци-

онный комитет прекратил подачу угля в Иркутск и взял под контроль телеграф [12].

Одновременно с восстанием в Черемхово восстал гарнизон в Нижнеудинске, однако чехословаки взяли под свою охрану Колчака, Пепеляева и золотой запас. Управляющий Иркутской губернией П.Д.Яковлев, узнав о событиях в Нижнеудинске и Черемхово, понял, что его власти подходит конец. Поэтому он обратился с предложением к подпольному иркутскому губернскому комитету РКП(б). Вот что вспоминал А.Ширямов:

– Я встретился с ним. Он сказал, что готовится восстание, но эсеры не продержатся и им на смену придут коммунисты. Яковлев предложил, что отряд особого назначения, поставленный для охраны тюрьмы, отпустит политических заключённых, взамен мы гарантируем безопасность 30 – 40 деятелям, которые работают с ним. Иркутский комитет решил не отвечать Яковлеву [13].

О конкретной причине, по которой было отвергнуто это предложение, судить трудно. Однако можно предположить, что либо большевики считали какие-то компромиссы с властями невозможными, либо это позднейшая интерпретация событий мемуаристом. В пользу первого предположения говорит листовка РКП(б) “К населению Иркутска”, которая появилась в связи с событиями в Черемхово. В листовке призывалось:

– Всюду свергнута проклятая власть душителя народной жизни колчаковского правительства и уже едут в Иркутск делегаты Советской России. Очередь за Иркутском <...> Только две силы, два класса вели борьбу в России. Одна – это сила буржуазии, сила старого мира, старого уклада жизни, приведшего нас к участию в мировой войне, к нищете, к кровавым ужасам – эта сила разбита и никогда не восстановится вновь... И сила нового мира, сила трудовых масс населения, видящего зарю новой жизни не в господстве капитала, но в господстве труда – эта сила торжествует победу и её рука простёрлась над Иркутском. Свою власть она осуществляет во власти Советов. Никаких промежуточных форм власти нет и не может быть. Единственной мыслимой в России властью – законной преемницей власти буржуазии может быть лишь власть трудящихся – Советская власть [14].

День 24 декабря в Иркутске прошёл тревожно. Ещё утром этого дня начальником Забайкальской железной дороги был получен приказ атамана Г.М.Семёнова “О восстановлении порядка на железной дороге”, в котором сообщалось “о движении к Иркутску дивизии

бронепоездов”. Действительно, в этот день Семёнов отправил из Читы отряд из своих и японских войск общей численностью 7 тыс. штыков. Это были сравнительно небольшие силы, однако это были не разложившиеся и деморализованные колчаковские войска, а дисциплинированные и стойкие противники Красной Армии. В Иркутске за подписью и.о. председателя колчаковского Совета министров А.А.Червен-Водали было опубликовано воззвание “К населению”, где, извещая “благонамеренных граждан” об этом “радостном событии”, напоминали: “Помните, что хлеб идёт сейчас только с востока!” [15].

Однако весь день обыватели обсуждали не этот приказ, а внезапное падение курса иены до 65 руб. Находившийся в Чите заместитель председателя Совета министров С.Н.Третьяков вечером связался с оставшимся в Иркутске и.о. председателя Совета министров А.А.Червен-Водали, который сообщил ему, что “настроение в Иркутске в достаточной степени нервное”. Далее он рассказал ему о том, что управляющий Енисейской губернией сообщил, что в Красноярске тяжёлое настроение, все готовятся к эвакуации, власть “для охранения порядка” передана самоуправлениям, которые хотят поддержать внутренние фронты. Затем С.Н.Третьяков задал вопрос, сможет ли Иркутск продержаться неделю? А.А.Червен-Водали неуверенно ответил: “Надеюсь да, но полной гарантии не дам” [16].

24 декабря представитель из поезда Колчака разговаривал по прямому проводу с генералом В.В.Артемовым. Воспроизведём характерные моменты переговоров.

Представитель из поезда Колчака: 1) Представляется ли возможным теми силами, которыми Вы располагаете, привести в порядок Черемховский район и в какой срок? 2) Если это невозможно, то необходимо обратиться к нашим войскам в Забайкалье и подчинить Иркутский военный округ атаману Семёнову. 3) Каково положение Иркутска? 4) Обратиться с просьбой к японскому командованию о скорейшем усилении японского гарнизона в Иркутске.

Генерал Артемов: При настоящем положении в Иркутске выводить части гарнизона нельзя, поэтому для прекращения беспорядков в Черемхове нужно назначить другие части. К японцам обращались за помощью. Можно рассчитывать, что они придут. С прибытием их можно будет выделить из гарнизона Иркутска часть в Черемхово для прекращения там беспорядков. Военмин вчера обращался к Семёнову за поддержкой. Пока до сих пор нет ответа. В Иркутске бурлят и суетятся эсеры, паническое настроение большей части интел-

лигенции. Среди войск ведётся пропаганда, но пока есть надёжные части. Прибытие японцев создаст благоприятное настроение как в обществе, так и в войсках [17].

Однако события развивались быстро и надежда на “успокоение” в связи с прибытием семёновских и японских войск не осуществилась. Как вспоминал современник событий, по-видимому, П.Д.Яковлев, вечером 24 декабря в Глазковском предместье, прилегающем к железнодорожному вокзалу, в казармах 53-го полка появился штабс-капитан Калашников с приставленным к нему от Политического центра комиссаром Мерхалёвым. После короткого митинга полк вместе с офицерами провозгласил власть Политцентра. Через несколько часов Калашников занял станции Военный городок, Иннокентьевскую и Батарейную с её громадным артиллерийским складом.

Подробности происходившего сообщает А.Ширямов:

– Глазково отделено от города широкой и быстрой рекой; через него проходит железная дорога; кроме этого полка и чехов в предместье иных частей не было <...> Из членов Сибирского комитета в Глазково находился в это время Миронов; под его руководством к восстанию тотчас же примкнули железнодорожные рабочие. Успеху восстания способствовало то обстоятельство, что незадолго до него – 21 декабря – ледоходом сорвало понтонный мост, соединявший город с железной дорогой. Таким образом, части гарнизона, находившиеся в городе, не могли быть двинуты в Глазково против повстанцев [18].

Повстанцы арестовали проживавших в Глазково министра земледелия Н.И.Петрова, начальника управления Н.К.Федосеева и случайно находившегося на вокзале морского министра М.И.Смирнова [19].

Утром 25 декабря А.А.Червен-Водали телеграфировал Колчаку и Пепеляеву:

– Ночь прошла напряжённо при усиленной охране правого берега Ангары. Район левого берега занят повстанцами. Руководит военной властью повстанец, штабс-капитан Калашников, от которого мною получено предложение передать власть Политцентру. Ничего не ответил. Город будет объявлен на осадном положении. Пока все части, расположенные на этой стороне, признаков перехода к повстанцам не обнаруживают. Командующий войсками руководит всеми военными силами, предпринимает активные операции [20].

В тот же день он связался с командующим 1-й Сибирской армией генералом А.Н.Пепеляевым. Воспроизведём ключевые моменты их разговора.

А.Н.Пепеляев: Просил председателя Совета министров для выяснения политической обстановки, от которой сильно зависит дальнейшее существование армии на фронте. Здесь распространяется много слухов и мне нужно знать истинное положение дел.

А.А.Червен-Водали: Вчера 53-й полк, расквартированный на левом берегу Ангары, объявил себя перешедшим на сторону так называемого Политцентра, состоящего из большевистских соглашателей социалистов-революционеров и земцев, и занял при нейтралитете чехов вокзал. Мер сразу принять было невозможно ввиду отсутствия моста, сорванного ледоходом. На той же, первой и второй местности батальоны, из которых один присоединился, другой находится в повиновении. Части, расположенные в городе, находятся в подчинении и сегодня все были дежурные части в полной готовности. В течение ночи никаких выступлений не было. Ночью произведены аресты главарей движения. Вчера сносился с заместителем председателя Третьяковым в Чите, получил заверение, что оттуда и из Верхнеудинска направляются подкрепления, которые могут подойти в ближайшие дни. В городе настроение очень нервное, выпущены воззвания повстанцев. Эти воззвания срываются. Есть основания ожидать подхода иностранных войск Вам понятной национальности. С Вашим братом сейчас разговаривал <...> От него получил указания, что ни в какие соглашения с большевистски настроенными элементами вступать невозможно. Этой же точки зрения держимся и мы. Виктор Николаевич находится в Тайшете.

А.Н.Пепеляев: Фронт сейчас находится несколько восточнее реки Яя. На фронте находятся арьергарды армии. Остальные же части, вышедшие из тяжких испытаний из Барнаульского, Новониколаевского и Томского районов проходят через Мариинск в район Ачинский, занимают тыловые позиции. Для планомерного отхода армия (малочисленная) нуждается в продовольствии и денежных знаках, а также в обмундировании <...>

А.А.Червен-Водали: <...> Станция Черемхово в руках повстанцев. Рабочие не примкнули. Уголь добывается и грузится в прежнем размере. С севера надвигаются банды, вышедшие из Верхнеудинска и находящиеся верстах в 100 с небольшим от Иркутска [21].

Вновь предоставим слово П.Д.Яковлеву, который отмечал, что 25 декабря “город жил своей жизнью, полной лишений и неурядиц;

с внешней стороны как будто ничего не произошло и только расклеенные всюду прокламации Политического центра да усиленные патрули по ночам говорили о происходящих событиях; А.А.Червен-Водали вёл непрерывные переговоры то с Читой, то с поездом верховного правителя и Пепеляева, которые миновали Красноярск и приближались к Тайшету” [22].

Прокламации Политцентра были расклеены, по-видимому, ночью. В них разъяснялась позиция Политцентра и его цели:

– Политцентр, поднявший на широком пространстве Сибири знамя восстания против Колчака и атамановцев, объединяет в своих руках трудовое крестьянство, земство города и социалистические партии. Под боевые знамёна Политцентра тесными рядами становятся рабочие массы Глазковского и Знаменского предместий, Черемхово и других рабочих районов Сибири <...> Чего же хочет Политцентр, возглавляющий народное движение? Прекращения Гражданской войны и заключения мира с Советской Россией. Восстановления попранных свобод: свободы союзов, собраний, печати и слова. Государственного контроля над промышленностью с участием рабочих и обложения имущих классов в пользу государства. Установления полномочной народной власти в лице временного законодательного Народного собрания, созванного из представителей крестьян, рабочих, земств и городов. Для рабочих – широкой охраны труда, 8-часового рабочего дня и оплаты труда по прожиточному минимуму, установленному кооперативными организациями и профсоюзами. Для крестьян – временного регулирования земельных отношений на основах, принятых Всероссийским Учредительным собранием. Для всего населения – обеспечения продовольствием путём передачи всего продовольственного дела в руки кооперативных организаций и беспощадной борьбы со спекуляцией. Все, кто за власть демократии против господства буржуазии и иностранного вмешательства империалистических держав встанут под знамёна Политцентра. Увеличивайте силы Народно-революционной армии. Помните, что каждый лишний штык – удар в агонии бьющейся кучке старых слуг царского режима [23].

Особых событий днём 25 декабря не случилось. Однако к вечеру стало известно, что управляющий губернией предложил своим сотрудникам подать в отставку, ввиду того что правительство приняло определённую ориентацию на восток, не приемлемую для иркутских работников. Собственно решение об отставке с личным докладом

П.Д.Яковлев вручил А.А.Червен-Водалю, который обещал дать ответ “на днях” и во всяком случае “не подвести”. П.Д.Яковлев отмечал:

– Таким образом, во власти правительства остался даже не Иркутск, а только “Модерн”, да здание Русско-Азиатского банка, где помещался Совет министров. Настроение Совета министров подымалось и падало в зависимости от сообщений из Читы. Но Чита медлила с определённым ответом на просьбы о помощи. И только к вечеру 25 декабря японский полковник Фукуда, утешая генерала Сычёва, заявил, что японское командование решило ввести японские войска в пределы Иркутского военного округа. Слава богу! И Сычёв, и Совет министров вздохнули свободнее. Как будто спасены [24].

П.В.Вологодский, очевидно, хорошо знакомый с позицией членов Совета министров, записал в дневнике:

– 25 и 26 декабря были посвящены беспрерывным заседаниям Совета министров под председательством назначенного на время отъезда С.Н.Третьякова заместителя председателя А.А.Червен-Водалю. Совещания не были дружными, мнения разошлись. Некоторые министры предлагали сложить свои полномочия и передать власть представителям земств и городов, хотя и были уверены, что новой власти не справиться с задачами, выпадающими в данный момент на правительство, другие держались мнения, что надо бороться с повстанцами самым решительным образом, ибо передача власти в их руки расчистит только путь к захвату власти большевиками, тем более, что восставшие одним из своих лозунгов выкинули “Мир с большевиками” с целью прекращения войны [25].

Атаман Г.М.Семёнов, всецело зависевший от японского командования и понимавший, что Иркутск он удержать не сможет, в мемуарах пытался оправдать своё бездействие:

– Предвидя возможность каких-нибудь затруднений в дальнейшем продвижении поезда верховного правителя на восток, я предложил адмиралу бросить поезд и двигаться на лошадях в Урянхай, куда я вышлю надёжный отряд монголов и казаков, под охраной которого верховный правитель мог бы снова выйти на линию железной дороги восточнее Байкала. К сожалению, адмирал отклонил моё предложение, заверив меня, что, находясь под защитой пяти иностранных флагов, он рассчитывает в скором времени встретиться со мною в Чите. Некоторое время спустя я получил телеграмму о том, что чехи не пропускают поезд верховного правителя и последний просил меня воздействовать на них и на генерала Жанена в нужном

направлении. По получении такого сообщения, я немедленно приказал генерал-майору Скипетрову с тремя бронепоездами, монголо-бурятским конным и маньчжурским стрелковым полками двинуться навстречу поезду адмирала и, приняв его под свою охрану, следовать в Забайкалье до пункта по указанию адмирала [26].

Вряд ли с теми силами, которые отправил Семёнов в Иркутск, можно было спасти адмирала. Однако у Семёнова и в мыслях этого не было. Вот его приказ, отданный командующему войсками Иркутского военного округа:

– Повстанцы, прикрываясь святым именем многострадального русского народа, снова взялись за гнусное дело и открыли новый гражданский фронт, восстав против верховной власти. Приказываю приложить все усилия, чтобы удержаться до прибытия посланного вам на выручку отряда с частями Дикой дивизии под командованием генерала-майора Скипетрова, которому дано категорическое приказание беспощадно покончить раз навсегда с мерзавцами, пользующимися тяжким положением родины и старающимися вновь повторять ошибки прошлого [27].

Как видим, речь шла о борьбе с восставшими, а дальше – уже смотря по ситуации. Свидетельство П.В.Вологодского о позиции членов Совета министров подтверждают и записки П.Д.Яковлева:

– Ночь на 26 декабря прошла спокойно <...> “Ещё есть выход, – говорил Яковлев Червен-Водали на очередном докладе 26 декабря, – необходимо отрешить адмирала Колчака от власти и власть правительства передать губернской земской управе, которая не разделяет точки зрения Центра по вопросу дальнейшей борьбы с большевиками. Иначе прольётся кровь”. Червен-Водали заверил докладчика честным словом, что он кровопролития не допустит. Георгий Гинс, присутствовавший при докладе, качал головой и твердил по адресу адмирала: роковой человек, какой роковой человек <...> Миролюбие Червен-Водали объяснялось просто. Чехи заявили Центру, что семёновцев в Иркутск они не пропустят. И действительно, отряд генерала Скипетрова, посланный Семёновым на помощь Иркутску, завяз где-то на линии, задержанный союзниками, т.е. чехами. Чехи предусмотрительно умалчивали, что генерал Сыровой дал по линии приказ своим войскам избегать всяких конфликтов с семёновцами в том случае, если они будут поддерживаться японскими войсками.

Но Совет министров, заявлявший устами С.Н.Третьякова что-то об управлении с “чистым сердцем” и “чистой совестью”, соглашаясь на передачу земству власти в Иркутске, очень желал выбраться на

восток, под высокую руку атамана, чтобы оттуда начать новую борьбу с большевиками и... с иркутским Политцентром. Но для борьбы нужны были деньги, а государственный запас золота был с адмиралом Колчаком, где-то около Тайшета. Вот из-за этого-то золота, которое земцы желали оставить в Иркутске, а Совет министров – отправить на восток, якобы под охрану союзников впредь до образования единой общепризнанной власти в России, соглашение так и не состоялось. Для дальнейшего обсуждения этого пункта обе стороны решили 27 декабря в три часа дня собраться снова у Червен-Водали [28].

Положение колчаковского правительства оказалось весьма сложным: реальных сил в городе у них не было, перспективы подхода остатков колчаковских войск к Иркутску были весьма туманными.

26 декабря заместитель председателя Совета министров С.Н.Третьяков разговаривал по телеграфу с и.о. председателя Совета министров А.А.Червен-Водали.

А.А.Червен-Водали: <...> Военное командование через полковника Фукуда предупредило генерала Жанена о том, что с сегодняшнего утра начнутся военные действия против повстанцев, а потому оно просит очистить район станции Иркутск от мятежников, иначе могут пострадать иностранцы, находящиеся в этом районе в поездах и в зданиях вокзала. В ответ на это было заявлено, что генерал Жанен установил нейтральную зону в 1 ½ версте в окружности с центром станция Иркутск. В ответ на это начальник гарнизона генерал Сычѳв ответил письмами генералу Жанену, Сыровому и начальнику всех военкомиссий следующего содержания: “Я, начальник гарнизона города Иркутска, уполномочен командующим войсками Иркутского военного округа осуществить объявленное им осадное положение. Решение союзных военных миссий об установлении нейтральной зоны, составляющей Иркутский вокзал с ближайшими окрестностями, мне объявлено начальником штаба Иркутского военного округа, но это решение меня может удовлетворить при сложившейся обстановке только в том случае, если нейтральная зона будет совершенно очищена от повстанческих войск с их штабами к 7 часам утра 26 декабря. При соблюдении этого моего условия я оставляю за собой право начать военные действия против повстанческих войск, не считаясь с нейтральной зоной, и открываю артиллерийский, ружейный и пулемѳтный огонь по повстанческим войскам, где бы они ни находились по истечении указанного срока. Началь-

ник гарнизона города Иркутска генерал-майор Сычёв. 25 декабря. 22 часа”. В ответ на это генерал Жанен через полковника Фукуда уведомил Сычёва о том, что им отдано распоряжение чехам встретить наступление генерала Сычёва в указанную зону; причём в очищении от мятежников этого района генералом Жаненом отказано. Таким образом, чехи берут под своё покровительство повстанцев. Мы пока вынуждены на бездействие, что очень скверно действует на психику войск. Необходимо Вам снестись по этому поводу с Парижем, Токио. Посылаю начальника штаба Язвицкого разговаривать с Жаненом, он сидит в поезде. Японцы гарантируют их свободное возвращение.

С.Н.Третьяков: 1) Какое количество чешских войск находится в расположении вокзала и сколько в городе?

2) Как держатся в этом вопросе американцы и англичане?

А.А.Червен-Водали: 1) По имеющимся сведениям в районе Иркутска имеются два полка и порядочная артиллерия.

2) Позавчера утром у меня был по уполномочию Гарриса его секретарь. Говорил, что с Вами разговаривал по прямому проводу, просил обрисовать обстановку; я это сделал, он сообщил, что действиями чехов недоволен, сносятся с Вашингтоном; ждёт директив; по частным сведениям против этого последнего решения Жанена не возражали, а англичане и французы совершенно нейтральны; японцы высказывают симпатии, но ничего сделать не могут. Сейчас составлю словесную ноту представителям союзников с изложением обстановки и заявлением о совершенной неприемлемости для правительства занятой генералом Жаненом позиции. Через час-два Язвицкий и начальник штаба будут у генерала, который обещал принять и пригласить к себе представителей остальных миссий. Есть возможность разговаривать с земцами, которые себя не связывают с произведённым восстанием; пока решения никакого не принял. Прошу Ваших указаний, что значит выражение в Вашем вчерашнем сообщении “Будет соблюдена полная преемственность”?

С.Н.Третьяков: Полагаю, что в этом деле нужно соблюдать сугубую осторожность. Открытие военных действий против вокзала равносильно разрыву дипломатических сношений с державами согласия. Полагаю, что есть возможность уговорить Жанена постепенно эвакуировать вокзал, если отсюда будут даны заверения беспрепятственного пропуска чехов войск. Так как командующим войсками Иркутского округа назначен атаман Семёнов, сейчас же сообщу ему о положении вещей и постараюсь добиться определённого решения.

Снести с Сазоновым, Крупенским могу только через Клемма, так как, к сожалению, не захватил с собой заграничного шифра. Полагаю, что снести можно из Иркутска, информируя о положении дела Крупенского, Сазонова и Бахметьева. Вопрос о преемственности надо понимать в прямом смысле, prerogatives верховной власти будут соблюдены [29].

В то время, как колчаковское правительство зависело от чехов и дипломатических миссий, последние оказались в зависимости от позиции повстанцев. В эти дни командующего революционными войсками капитана Калашникова в Глазково посетила дипломатическая миссия. О ней сообщалось в информационном листке № 4 Черемховского революционного штаба:

– К командующему войсками революционной армии капитану Калашникову явилась дипломатическая миссия, которая указала капитану Калашникову, что в городе имеются иностранные представители, почему просила не открывать огня по этим районам города. Командующий войсками заявил, что он этого обещать не может. Тогда представители указали, что генерал Сычѳв им это обещал. Командующий войсками, усомнившись в том, что Сычѳв выполнит своё обещание, указал представителям, что Сычѳв находится в значительно лучшем положении, чем войска революции. Он защищѳн домами города и хочет ещё защититься иностранцами, а революционная армия расположена на открытой горе и ничем не защищена. Иностранцы спросили, как будет с выездом чехов, ибо правительство Колчака гарантировало им выезд. Командующий войсками ответил, что гарантии Колчака проблематичны, ибо у него кроме сомнительных штыков ничего нет, в то время как у демократии всё: армия, транспорт, копи, хлеб и т.п. [30].

Однако 27 декабря главный революционный штаб Народной армии в листовке “К населению и иностранным представителям” заверял:

– Врагами народа усиленно распространяются слухи о том, что в войсках революционной народной армии находятся военнопленные, которые якобы чинят различные препятствия для продвижения чешских войск <...> Штаб революционной армии делает всё возможное, чтобы движение по железной дороге было по возможности усиленное, как на Западе, так и на Востоке, и в этом своём стремлении штаб встречает действѳнную поддержку и железнодорожных рабочих и служащих всех станций, занятых революционными войсками <...> Штаб революционной армии не чинит никаких препятствий ни

чехам, ни иностранным миссиям при продвижении их по железной дороге, наоборот – обеспечивает им свободу продвижения. Он ставит препятствия только правительству Колчака и его агентам [31].

27 декабря утром член Политцентра В.М.Коногов сообщил командующему Народно-революционной армией Н.С.Калашникову:

– По постановлению Политцентра сообщаем: к 3 часам дня назначено совместное заседание Совета министров с губернской земской управой на предмет передачи власти через земство Политцентру. Вчера вечером собрание начальников милицейских районов и начальников отрядов особого назначения постановило отдать милицию и отряды особого назначения в распоряжение Политцентру. Политцентр предлагает командующему Народной армией приготовить отряд войск на случай возможной переправы через Ангару [32].

Тем временем семёновский генерал Л.Н.Скипетров продвигался на Иркутск. Чехи, опасаясь столкновения с японцами, пропустили его отряд до станции Михалёвой в 30 верстах от Иркутска, за семёновцами продвигались четыре эшелона японцев. В полдень уже весь Иркутск знал, что семёновцы рано утром прошли станцию Байкал. Это взбудрило Совет министров, и переговоры с губернской земской управой оказались под угрозой. Вновь предоставим слово П.Д.Яковлеву:

– Представители Думы заехали к управляющему губернией, прося его дать приказ милиции и отряду о выступлении на площадь для демонстрации. Зная, что это будет вызов генералу Сычёву, после которого неминуемо начнётся бой, считая, что это является актом не нейтральным, а активным, Яковлев отказал, и демонстрация не состоялась, а движение пошло другим путём. В три часа дня в кабинете Червен-Водали собрались снова вчерашние делегаты (земцы. – *В.К.*), которые через пять минут разошлись, так как Червен-Водали заявил, что соглашение с ними, как с людьми, берущими власть для передачи её большевикам, для правительства невозможно. Через полчаса Яковлеву помощник начальника отряда поручик Зенкевич доложил, что начальник отряда капитан Решетин именем управляющего губернией приказал двум ротам отряда выступить против “Модерна”, и что солдаты с громадным воодушевлением и пением прошли уже в город. “Но я не приказывал выступать”, – сказал встревоженный Яковлев. – “Не могу знать, был ответ” – капитан Решетин действует Вашим именем. – “Началось?” – спросил Яковлева А.Н.Алексеевский (бывший председатель Амурского правительства) и Ходукин, сидевшие у него за чаем. – “Видимо начали, –

поправил Яковлев. – И начали, по-моему, в самый неудачный момент, так как в 30 верстах от города стоит более тысячи семёновцев и четыре эшелона японцев”. – “Что думаете делать?” – спросил Алексеевский. – “Попытаюсь вернуть солдат в казармы”, – сказал Яковлев. Они выехали на Тихвинскую площадь, где уже шёл бой. Часть унтер-офицеров не присоединилась к восставшим и была последними обезоружена. Первая рота отряда в несколько минут с боем взяла команду связи со всеми её пулемётами, не потеряв ни одного человека [33].

Однако вечером ситуация в Иркутске кардинально изменилась. Участник событий А.П.Зайцев вспоминал:

– Восстание начал первый яковлевский отряд. Гражданский генерал-губернатор Иркутской губернии Яковлев для охраны порядка и особых поручений оформил отряд в 600 человек исключительно из красноармейцев, высланных в Иркутскую губернию и находившихся в иркутской тюрьме <...> Восстание начал 53-й полк, но проникнуть в город было крайне трудно: в декабре через Ангару нет переправы <...> Переправиться можно было только в том случае, когда хоть часть города напротив переправы оказалась бы в руках своих людей, что в данном случае и сделал яковлевский отряд <...> Ареной первых боёв яковлевцев с белыми была река Ушаковка [34].

Восстание быстро развивалось: был взят в плен начальник штаба генерал Вагин; третьей ротой отряда был взят в плен военный министр генерал Ханжин; занят телеграф, казначейство; повстанцы начали наступление на “Модерн”, где размещалось колчаковское правительство, была занята телефонная станция и разговор стал возможен лишь при помощи начальника телефонной станции. И когда уже казалось, что восставшие возьмут город, пополз слух, что из села Лиственничного по Байкальскому тракту на грузовых автомобилях прибыл отряд из 112 семёновцев. Узнав об этом, оборонявшие город отряды Сычёва приободрились. Новость стала известна и губернатору П.Д.Яковлеву. Посоветовавшись с офицерами в штабе, он решил обратиться к восставшим и вернуть их в казармы. П.Д.Яковлев вспоминал:

– Молча расходились солдаты по казармам, не понимая, почему их именем управляющего то бросают в бой, то отзывают среди развивающихся успехов обратно. Но отход обоих рот отряда ставил в безвыходное положение оставшихся в одиночестве унтер-офицеров. По предложению капитана Решетина, ушедшего последним из боя, они направились в Знаменское предместье в казармы отряда, чтобы

здесь, сообразив всё, что произошло, взять в свои руки сообщение с Якутским и Ангарским трактами, откуда шли крестьянские отряды, создать базу на случай затяжной войны [35].

На следующее утро губернатор П.Д.Яковлев подал в Совет министров прошение об отставке и уехал из Иркутска в неизвестном направлении. В этот день, 28 декабря, выяснилось, что никаких семёновцев в городе нет. Тогда капитан Решетин, перебросив свои части через Ушаковку, начал наступление на город. Город оказался в руках повстанцев, но против Решетина выступила офицерская организация, и он был вынужден отступить за Ушаковку. Здесь он занялся организацией дружин из рабочих, ожидая помощь от земских отрядов верхоленских крестьян с Якутского тракта и роты Черемховского гарнизона, направленную в обход Иркутска по Ангарскому тракту [36].

29 декабря утром капитан Решетин предпринял очередную попытку занять город. Однако отряды Огнёва и рота егерей оказали упорное сопротивление, и восставшие были вынуждены отступить за Ушаковку. После обеда с Петрушиной горы начался артиллерийский обстрел Знаменского предместья. В этот же день подпольная большевистская организация попыталась освободить заключённых из Иркутской тюрьмы. И.Сурнов вспоминал:

– Состояние заключённых было ужасное. Мы решили действовать самым активным образом. Но к нашему удивлению, здесь мы встретили задержку со стороны Политцентра. Когда мы внесли предложение освободить тюрьму, то они завопили, что это невозможно. Ведь в тюрьме сидят большевики и уголовники. Если мы выпустим первых, то озлобим чехов и японцев, и они нарушат свой нейтралитет, подумав, что бои приобретают характер вовлечения в борьбу коммунистических элементов. Если же выпустим уголовников, они же нас и ограбят <...> Политцентр колебался [37].

Тем не менее, Политцентр выдал удостоверение своему уполномоченному С.И.Файнбергу, которому поручалось совместно с комиссаром Иркутской губернской тюрьмы А.И.Ивановым “освободить из тюрьмы тех офицеров из политических заключённых, которые понадобятся для нужд штаба и армии”. Товарищ председателя Политцентра И.И.Ахматов получил удостоверение о том, что ему “передаются все полномочия Политцентра в районе действия командования Народно-революционной армии” [38].

Утром 30 декабря под покровом тумана через Ангару была переправлена шестидюймовая батарея со станции Батарейной отряду

Решетина, однако боёв в этот день не было. К вечеру отряды Сычёва поредели: рота егерей перешла на сторону Решетина. Политцентр в этот день решил организовать “гражданскую власть в пределах Знаменского предместья”, кроме того, комиссару Иркутской губернской тюрьмы А.И.Иванову поручалось выяснить количество политических заключённых [39].

Тем временем к Иркутску всё же подошёл отряд генерала Л.Н.Скипетрова, посланный атаманом Г.М.Семёновым. Последний вспоминал:

– К ночи 31 декабря генерал Скипетров сосредоточился на станции Михалёво, что в 30 верстах от Иркутска. К этому времени предместья Иркутска (Звёздочка и Глазково на левом берегу Ангары и Знаменское – за рекой Ушаковкой) находились в руках войск образовавшегося в Иркутске эсеровского Политцентра. Войсками этими командовал капитан Калашников. В самом Иркутске ещё держались юнкера, сотня иркутских казаков и добровольцы из офицеров и солдат. Что касается станции Иркутск, то она находилась в руках чехов. На станции Иркутск стоял поезд главнокомандующего союзными войсками французского генерала Жанена [40].

В ночь на 31 декабря была освобождена тюрьма, это усилило ряды рабочих дружин в Знаменском и Рабочем предместьях. Из освобождённых были сформированы 2 роты. Утром 31 декабря в Глазково завязался упорный бой между повстанцами и отрядом Скипетрова. Чувствуя поддержку японцев, семёновцы держались очень уверенно. Повстанцы дрогнули: рабочие дружины стали отступать к станции Иннокентьевской, туда же предполагалось отправить штаб и имущество 53-го полка. Но в эту критическую для восставших минуту на помощь Калашникову, который лично руководил боевыми операциями, подошли верхоленские партизаны из отряда Зверева. Теперь отступать начали семёновцы. Желая поддержать их, Сычёв издал приказ об артиллерийском обстреле позиций Калашникова. Однако генерал Жанен, учитывая, что повстанцы находятся близко от союзных миссий, приказал Сычёву отменить распоряжение об артобстреле. В итоге Сычёв продолжал отступать, а в центре города развернулись ожесточённые бои, причём на стороне повстанцев оказалась милиция, яковлевский отряд особого назначения и рабочие дружины. Японцы, однако, вмешаться не смогли: против них, кроме чехов, стояли солдаты американского батальона [41].

К исходу дня город оказался в руках повстанцев. Политцентр в этот день сформировал гражданское управление. Председателем

был назначен И.И.Галактионов. На следующий день были организованы отделы: 1) гражданского порядка (председатель – Р.И.Ерухимович), 2) продовольствия (А.А.Телешев), 3) народного здоровья (К.В.Соколов), 4) судебный (А.И.Филиппов) и 5) финансовый (И.И.Галактионов) [42].

Через полгода после описываемых событий, 7 июня 1920 г., генерал Сычёв оправдывался перед Унгерном:

– Ваше превосходительство многоуважаемый барон! Недавно я получил письмо от нашего общего знакомого, в котором он пишет, что Вы будто бы дурно отзываетесь о моих действиях в Иркутске. Мне это очень грустно слушать, тем более, что мы ведь друг друга хорошо знаем <...> Не будь меня, Иркутск был бы взят в первый день восстания. Я был там, не забудьте, только начальником гарнизона, т.е. даже не имел прямой власти над войсками. И если выдвинулся в тяжёлую минуту на верх власти и меня слушался бы и комвойск и совет министров, так очевидно, потому что у меня нашлось достаточно энергии и воли. В Иркутске было много старше меня генералов. В том числе и генерал Лохвицкий. Где они были?

Известно ли Вам, что я в первую ночь восстания, когда телефон и телеграф уже были захвачены, выступил против целого батальона только с 3 юнкерами и 1 пулемётом и остановил батальон. Потом во многих местах лично приходилось руководить атаками, чтобы хоть как-нибудь двинуть войска. От Скипетрова получил только 260 штыков помощи <...> Японцы палец о палец не ударили, а чехи деятельно помогали моим противникам. Жанен связал разными условиями по рукам и ногам мои действия. Несмотря ни на какие препятствия я удержался в Иркутске 10 дней и дождался Скипетрова, который меня подчинил себе и так действовал, что потерял почти весь свой отряд. Помощи больше не было ниоткуда. Началось восстание внутри гарнизона и оставалось одно – оставить Иркутск. Совесть моя чиста [43].

Первём изложение событий в Иркутске и посмотрим, что происходило в городах Иркутской губернии. Восстание в Черемхово оказало серьёзное влияние на события в близлежащих городах и станциях. 28 декабря на станции Голуметь общее собрание жителей в числе 200 человек под председательством В.П.Иванова с представителями военно-революционного штаба, отрядов крестьянских и рабочих дружин постановило:

– Заслушать доклад делегатов военно-революционного штаба вновь организовавшейся революционной власти в Черемхове и его

уезде, а также об освобождении политических заключённых, о совершившемся политическом перевороте и задачах новой власти, а также о задачах рабочих Черемхово и, принимая во внимание, что рабочие Черемхово не входят в органы власти, но тем не менее и не ведут борьбы с нею, что окончательно власть Колчака ещё не свергнута, что борьба с нею требует много усилий и совместных действий, что, высказываясь за желательность установления Советской власти, мы теперь не можем расплыть своих сил, а должны их объединить, признали необходимым вести борьбу с адмиралом Колчаком, оказав содействие всем, чем мы в состоянии, дабы скорее установить порядок. До того момента остаётся современный строй управления. Для осуществления этой поддержки формировать крестьянские дружины, но формирование этой дружины отложить впредь до приезда наших делегатов из Черемхово и доклада нам о положении дела и порядке формирования дружин [44].

В селе Тулун объединённое совещание представителей рабочих и крестьян, мелкобуржуазных партий, общественных демократических и военных организаций объявило о свержении в селе и волости колчаковской власти, во главе управления был поставлен объединённый комитет трудящихся, который провозгласил следующую платформу: 1) соглашение с действующими в Сибири большевистскими силами и Советской Россией при лозунге немедленного прекращения Гражданской войны; 2) временное однородно-социалистическое правительство, ответственное перед собранием народных представителей Сибири; 3) проведение в жизнь истинного народо-властия; 4) созыв Сибирского Учредительного собрания [45].

Таким образом, район действия колчаковской власти всё более сужался до Иркутска. 1 января отряды Сычёва на Ушаковке ожидали наступления, однако отряды Решетина спустились с Иерусалимских нагорных улиц в центр города. Разгорелся ожесточённый уличный бой. На помощь Сычёву пришли отряды Семёнова, и наступление было отбито. На следующий день воюющие стороны в активные боевые действия не вступали, ограничиваясь перестрелкой. Решетин продолжал формировать дружины из рабочих и подошедших крестьян, а силы Сычёва таяли из-за боевых потерь и дезертиров, которых некем было восполнять. Поскольку противостояние задерживало эвакуацию чехов, генералы Жанен и Сыровой пытались примирить воюющие стороны в пользу Политцентра и начали склонять к этому колчаковский Совет министров. Сычёвцы и семёновцы, узнав об этом, решили эвакуироваться в Забайкалье, начав переводить на-

дѣжные части в Оренбургское военное училище на окраине города, захватив около 60 заложников и ценности иркутского отделения Государственного банка [46].

В этот день и.о. председателя Совета министров А.А.Червен-Водали встретился с комиссарами бывших союзников. В длинном выступлении он уверял их, что правительство Колчака не реакционно, что члены Совета министров, прибывшие от Деникина, стремятся только к законности и порядку, они поддерживают земства и города, а также различные общественные организации, которым выделен кредит в 6 млн руб., и кооперативы, которым также предполагается дать кредит в 27 млн руб. для решения продовольственной проблемы. Затем он раскритиковал решение Колчака назначить Пепеляева председателем Совета министров. Однако он заверил, что правительство, осуществляя “либеральную политику”, основной целью считает “борьбу против большевизма”. Но больше всего возмутило Червен-Водали, что земства хотят вступить в переговоры с большевиками и стать властью. Он разъяснял:

– Мы считаем, что передача власти местной организации не может состояться, если только у омского правительства не будет отнято право на общую власть. Мы должны покинуть эту власть и заняться чисто сибирской организацией. Для этой цели мы хотим предложить адмиралу Колчаку передать свой титул верховного правителя генералу Деникину <...> Мы желаем, чтобы он сделал это сам, без насильственного принуждения. Затем мы просим вас смотреть на него как на обыкновенное, частное лицо и обеспечить ему свободный проезд на Дальний Восток... Вот и все намерения правительства относительно адмирала [47].

Затем между А.А.Червен-Водали и генералом Жаненом состоялся следующий диалог:

А.А.Червен-Водали: Мы совершенно не уяснили себе смысл вашего нейтралитета. Вы как будто не считаете социалистов-революционеров за большевиков, но мы... так не полагаем. Нам кажется, если вы допускаете, что они не социалисты-революционеры и не земства, а просто мятежники, то в силу ваших должностей и полномочий вы можете принять деятельное участие в подавлении... Другими словами, мы хотим узнать, может ли правительство рассчитывать на вашу действительную поддержку, чтобы бороться с возмущением.

Генерал Жанен: В какой округности?

А.А.Червен-Водали: От Иркутска до Нижнеудинска, там у нас будет стена и с тем, что у нас здесь есть, мы могли бы что-нибудь сделать... Мы сумели бы развить здесь антибольшевистскую ячейку <...> Считает ли главное командование, что оно вполне уяснило себе характер настоящих мятежных выступлений? <...> Может ли русское правительство рассчитывать на активное участие войск, находящихся в Иркутском округе, для подавления выступления.

Генерал Жанен: Перевозка войск из Владивостока уже началась, а кроме того все части проходят на восток.

А.А.Червен-Водали: Да... но ещё имеются японские и чехословацкие войска... я не доказываю вам пользу этого вмешательства, так как я не прошу об этом. Я желал бы только услышать разъяснение, чтобы знать, является ли настоящее положение вещей возможным для эвакуации и продолжения борьбы. Мне лично кажется, что распространение большевизма делает дальнейшую работу невозможной. Необходимо пресечь возмущение, иначе каждый их успех будет иметь влияние в отрицательном отношении на выполнение эвакуации [48].

Хотя реальных боеспособных сил у правительства Колчака в Иркутске не было, А.А.Червен-Водали всё же стал шантажировать комиссаров союзных стран, что если те не вмешаются, то Совет министров будет вести переговоры с восставшими о перемирии, однако опять же не без участия “союзных войск”. Чтобы понять абсурдность ситуации, воспроизведём предполагаемые условия перемирия целиком.

– 1) Военные действия между обеими сторонами должны быть немедленно прекращены. Чтобы гарантировать исполнение этого первого пункта, город, станция и предместье Глазково будут заняты войсками союзников.

2) С одной стороны, восставшие войска, с другой – правительственные должны отступить за пределы зоны, занятой союзными войсками, куда обе воюющие стороны не могут проникнуть [49].

Комиссар Англии Ходжсон, ничего конкретно не обещая, заявил, что они “не могут взять на себя ответственность за исполнение предложенных условий”, но всё же предложил посредничество комиссаров при установлении контактов с Политцентром.

На следующий день А.А.Червен-Водали составил черновик телеграммы А.В.Колчаку с предложением отказаться от прав верховного правителя, передав их генералу А.И.Деникину, что якобы “даст возможность сохранить идею единой всероссийской власти” [50].

Положение колчаковской власти всё ухудшалось, Политцентр же, напротив, развернул активную деятельность. 3 января Сычёв прислал парламентариев и Политцентр согласился отправить делегатов на совещание с представителями колчаковского правительства. В состав делегации Политцентра вошли товарищ председателя И.И.Ахматов, председатель земской управы Я.Н.Ходукин и начальник главного штаба Народно-революционной армии поручик Зоркин; колчаковское правительство представляли и.о. председателя А.А.Червен-Водали, министр путей сообщения А.М.Ларионов и военный министр генерал М.В.Ханжин. В числе условий перемирия политцентровцы потребовали предотвратить вывоз имущества и пароходов, вывести войска Семёнова за пределы губернии; Колчак и Совет министров должны были подать в отставку, а Семёнов – отказаться от всех должностей, пожалованных ему Колчаком. Делегаты колчаковского правительства заверили, что никакое имущество не эвакуируется; что как только будет гарантия эвакуации солдат на восток, отряд Семёнова покинет Иркутскую губернию; адмиралу Колчаку уже предложено подать в отставку, а Совет министров уйдёт, когда образуется новая власть. Однако они не согласились, что с Семёнова надо снимать полномочия в Восточной Сибири. Таким образом, колчаковское правительство всё ещё считало себя полноценной властью и третировало Политцентр как какую-то посредственность, обвиняя его в том, что это его сторонники первые начали боевые действия [51].

Всё это вызвало возмущение в Политцентре, и И.И.Ахматов написал протест от имени революционной армии и Политцентра:

– Ответы, данные правительством на 12 пунктов наших условий перемирия, производят впечатление полного отсутствия искренности. Кажется, будто правительство желает выиграть время, чтобы восстановить свои силы и мобилизовать их в Забайкалье с тем, чтобы продолжить Гражданскую войну, от которой уже достаточно страдала страна. Согласно условиям, которые нам предложены, вновь установившаяся власть с самого начала находилась бы под угрозой от власти, находящейся в Забайкалье. Не имея достаточно смелости, чтобы с пользой провести задачу демократической реорганизации, которую власть хочет предпринять, эвакуация частей Сибирской армии открыла бы совершенно свободный доступ в страну советским войскам. К тому же образование нового государства в Забайкалье заставило бы новое правительство капитулировать

перед большевизмом. Эти ответы ни в коем случае не могут удовлетворить делегатов Политцентра [52].

В ответе А.М.Ларионов и представитель военного министерства генерал А.Н.Вагин потребовали разъяснить, “от чьего имени говорят делегаты” и какие у них гарантии и силы, что все условия будут выполнены. В дополнение они потребовали беспрепятственного пропуска на восток Колчака и Пепеляева, а также руководителей и сотрудников военных гражданских учреждений.

В ответ делегаты Политцентра разъяснили, что Политцентр объединяет “все организации сибирского характера”: земства, комитет сибирских крестьян, областной комитет ПСР, сибирских социал-демократов, кооперативы, что и даёт ему “общий, а не местный характер”; что Политцентр контролирует территорию Иркутской губернии и может позаботиться об отступающей армии. Однако политцентровцы настаивали на том, что деятели колчаковского правительства должны дать гарантии, что они “не откажутся предстать перед следственной комиссией и трибуналом, которые установят степень виновности каждого”.

После препирательств о том, была ли частичная эвакуация ценностей частью общего плана эвакуации или нет, колчаковское правительство объявило, что Совет министров подаст в отставку лишь “после утверждения власти”, на что политцентровцы вновь стали уверять, что они и есть настоящая и подлинная временная власть, которая “уступит место национальному правительству как только её задача будет закончена”.

И тут вдруг выяснилось, что колчаковское правительство фактически подчинено генералу Скипетрову, в ответ Ахматов объявил, что “пребывание политцентровцев на перемирии излишне” [53].

Рано утром 4 января делегаты Политцентра сообщили капитану Решетину:

– Переговоры вчера закончились слишком поздно и не достигли своих результатов, так как противник предлагает условия для нас неисполнимые: 1) разделение власти по Байкалу; 2) пропуск за Байкал Колчака, правительства, чиновников, войск, оставшихся верными Колчаку; 3) разделение богатств между ними и нами поровну; 4) неопределённость сложений полномочий Семёнова; 5) передача временно власти союзникам, контроль их над нашими действиями. Поэтому соглашение не достигнуто, но ввиду усиленных просьб о продолжении его на 24 часа для отвода удара решено продолжить на 12 часов. Используйте это время в смысле агитации, постарайтесь

без наших повлиять на настроение в городе, чтобы подготовить сдачу города и внести разложение в ряды противника [54].

Днём переговоры с колчаковским правительством продолжились. Началось всё с того, что Иваницкий-Василенко и Ахматов поведали союзным комиссарам, что они хотят “основать в Сибири демократический строй, исходящий из революции, но отвергающий большевизм”, а затем объединить “все маленькие демократические правительства, которые образовались вокруг Советской России”. Комиссары уклончиво заверили, что они поддерживают “все попытки, совершённые для образования государства на демократических началах”, но в какой-либо помощи отказали, уверяя в своём “нейтралитете”. Неспешный обмен мнениями нарушил вошедший казачий офицер. Вот что он заявил:

– Я представитель казачьих войск... Я пользуюсь этим случаем, чтобы довести до сведения представителей Политцентра, что у меня есть бумага, уполномочивающая меня начать переговоры с вами. Иркутские войска, всё время имеющие в виду борьбу с большевизмом, были искусственным образом вовлечены к употреблению оружия против земств. Желая окончить возможно скорее эту борьбу, изменнически замышляемую правительством, мы решили, что сегодня в 12 часов ночи, каково бы ни было принято решение, протрубить сбор всех наших частей и объявить, что мы не желаем больше принимать участие в борьбе. К тому же... мы ещё ставим в известность Политцентр о следующем: настоящая борьба больше продолжаться не может, продолжение её только развивает большевизм и возбуждает страсти. На фронте в Канске у нас есть полк, который мы желаем эвакуировать и поставить в безопасное место. Для этого мы обращаемся к Политцентру, которому к тому же объявляем, что мы не потерпим никакого вмешательства в наши внутренние дела, решаемые выборными депутатами, избираемыми среди казачьих войск и казачьего народа [55].

И.И.Ахматов быстро нашёлся и, поблагодарив казачьи войска “за то, что они поняли своё место”, пообещал не преследовать казаков, так как “они были искусственно вовлечены в борьбу” и сохранить “образ демократического исторического казачьего правления, который казаки установили у себя уже так давно”. После того, как комиссар Англии Ходсон ещё раз заверил о нейтралитете, Ахматов предложил обсудить всего два пункта: 1) отречение Колчака и отставка Совета министров и 2) передача власти Политцентру, угро-

жая прекращением перемирия и возобновлением военных действий после 12 часов ночи. Затем состоялся следующий обмен репликами:

А.А.Червен-Водали: Распространится ли ваша власть на всю Россию или она будет только в Сибири? Мне кажется, что она скорее местная ввиду своего примитивного характера <...> [Колчак] не передаст вам свою власть. Оставляя в стороне общую русскую власть, Омское правительство, передавая все свои права с точки зрения Сибири.... настоятельно желало бы, чтобы власть на всю Россию была бы передана единственному представителю русского объединения – генералу Деникину <...> Мы полагаем, что Политцентр не таит в своих намерениях никакой идеи сепаратизма и что отделение Сибири лишь временное явление?

И.И.Ахматов: Мысль о передаче власти, которая была в руках адмирала Колчака, генералу Деникину должна быть в настоящее время оставлена. От адмирала до сих пор не имеется известий. Насколько доходят сюда сведения с юга, участь Сибири постигает и территорию южного правительства Деникина <...> Образую Сибирское правительство, мы не покидаем мысли об единой России <...> Мы желаем произвести объединение всех демократических ячеек, которые составились вокруг Советской власти. Они приобретут власть и примут все вместе взятые единую Россию.

А.А.Иваницкий-Василенко: Передача ваших полномочий даёт нам возможность.... как и вам это казалось в своё время, подчинить себе все русские территории, невзирая на их отдалённость и протяжение. Может быть, в настоящее время мы и не представляем единой России, но она не может быть передана адмиралом Колчаком никому. Он отрекается от всякой формы и мер. Его заставляют отречься <...> Истинная власть, которая будет править Россией, образуется через процесс кристаллизации элементов, которые в настоящее время находятся на пути к формированию. Деникин не имеет права претендовать на наследство, которое к тому же... не существует <...> Единство России не может быть совершено через декреты <...> но лишь <...> через прогрессивное накопление всех отдельных областей.

А.А.Червен-Водали заявил, что они готовы передать то, что имеют; но власть не распространяется на Забайкалье и Дальний Восток.

И.И.Ахматов удивился и заявил, что до сих пор колчаковское правительство представляло из себя всероссийскую власть: “Политцентр не берёт на себя власть, чтобы её бесконечно хранить в одних

руках. Мы только посредники и уступим место политическому правлению, составленному из представителей думы”. Ходукин в этом месте речи встал и покинул зал.

А.А.Червен-Водали спросил, что Политцентр хочет получить Дальний Восток и Забайкалье, но это против полицентровских принципов демократии: “Всё было бы иначе, если главные правительства земств были бы объединены. Их характер национального представительства дал бы возможность просто и явно организовать настоящую власть”. Но группы, которые окружают Политцентр, находятся на небольшой территории. Поэтому необходимо создать Сибирское представительное собрание, а до его созыва управлять областями, которые непосредственно подчинены Политцентру. Возможно, что земства это примут.

И.И.Ахматов: Политцентр совершенно не хочет себе присвоить тот авторитет, который вы удерживаете. Он передаст его строго определённого представительства... то есть – Сибирскому национальному собранию, составленному из представителей сёл, городов, казачков... Хотя и имея представителей во всех местностях, Политцентр рассматривает себя как представительство временное, которое возьмёт на себя всё, что лежало на вас <...> Мы можем принять решение, которое мы формулируем таким образом: “Власть передаётся Национальному собранию, которое будет создано Политцентром или правительственным органом, созданным этим последним и берущим на себя власть до созыва собрания”.

А.А.Червен-Водали: “Россия в своём целом представляет интерес, которым не следует пренебрегать с интернациональной точки зрения”, а вы оставляете страну надолго без национального правительства.

И.И.Ахматов: “Национальное правительство Колчака равносильно обыкновенной декларации... это... притворство”. К маленьким независимым государствам присоединится постепенно и Сибирская республика, мы постепенно придём к разрешению задачи об единой России.

Казачий офицер (врываясь в зал): Отряд Семёнова покинул город... Генерал Сычёв бежал на автомобиле... по дороге заехал к начальнику Оренбургского казачьего училища, не застал его, оставил ему свою записку: “Спасайся, как я сам это делаю”. Он снял части, ввиду начавшегося разложения и колебания среди них <...> Генерал Сычёв, уезжая, передал всю инициативу оставшимся ему верным частям <...>

Генерал Вагин: Но, господа, может произойти что-то ужасное <...>

А.А.Червен-Водали: От имени правительства прошу союзников занять город <...>

А.А.Иваницкий-Василенко: Мы слишком часто уже обращаемся к союзникам, мы благодарим их за посредничество, но сегодня вы должны иметь достаточно мужества отрешиться от власти без колебаний и позволить нашим войскам вступить в город <...>

Жанен: В городе творится бог знает что, полная анархия <...> Я издал приказ <...> Чешскому гарнизону немедленно взять охрану города и мирных жителей в свои руки [56].

Прервём на некоторое время освещение хода переговоров и посмотрим, что происходило в городе. Политцентр весь день активно распространял листовки и воззвания. Вот что в них сообщалось.

– “Солдаты и дружинники народно-революционной армии”: Наш враг – сычѣвцы – просит продлить перемирие ещё на 12 часов. Политцентр и главный штаб по настоянию консулов Англии, Франции, Америки, Италии и Японии согласны продлить перемирие до 12 часов ночи 4 января. Просьба наших растерявшихся врагов – залог нашей победы. Они чувствуют революционную мощь восставшего народа <...> Будем ожидать конца переговоров, готовясь, если нужно будет, к последней и решительной борьбе с врагом [57].

– “Солдаты, рабочие и крестьяне”: Падающая власть запросила мира. По своей спекулятивной и продажной природе из переговоров она пытается устроить спекулятивную сделку. Её условия таковы: 1) передача власти до Байкала Политцентру; 2) пропуск за Байкал Колчака, правительства, чиновников и войск, оставшихся верными Колчаку; 3) разделение государственных ценностей между ними и новой властью поровну. Восставший народ на это может ответить только одним: Никаких уступок! Никаких сделок! <...> Сомкнём ряды и единым фронтом прогоним монархистов из пределов Сибири [58].

Газета “Борьба” в первом номере, вышедшем 4 января, сообщала:

– Политцентр прежде всего желает прекращения Гражданской войны и заключения мира с Советской Россией <...> Требуется немедленного отзыва из Сибири иностранных войск, полагая, что внутренние дела России могут быть разрешены только её собственными силами <...> В лице имеющегося создается Временного Сибирского Совета народного управления, состоящего из представителей

земств, городов, рабочих и крестьян, центр стремится создать такую новую демократическую власть, которая в союзе с революционными государствами может обеспечить существование единой России и дать отпор поднимающей голову мировой революции [59].

Около 7 часов вечера военно-революционные организации Политцентра с присоединившимися к ним егерями, 54-м полком и казачьими частями окружили “Модерн”, арестовав немногочисленную охрану остатков колчаковского правительства. Были арестованы управляющий делами бывшего верховного правителя Г.К.Гинс, генерал Потапов, полковник Благовещенский и др. Были отбиты захваченные семёновцами ценности из Государственного банка. Вскоре сдались юнкера, а казаки заявили о присоединении к восставшим. К 2 часам ночи Иркутск был под властью Политцентра [60].

5 января 1920 г. город проснулся при новой власти. Казалось, что эсеры могут примерять лавры победителей. Но вот что отмечал один из идеологов кадетской партии Н.В.Устрялов:

– Разумеется, было бы наивно думать, что падение иркутского правительства есть в какой бы то ни было степени торжество эсеров. Нет, все прекрасно знают, что это торжество большевиков <...> в его завершающем и крайнем выражении [61].

Н.В.Устрялов оказался прав. Не успел пройти месяц, как эсеровский Политцентр и созданный им Совет народного управления прекратили своё существование, передав власть Иркутскому ревкому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победой вооружённого восстания в Иркутске и переходом власти к Политцентру формально прекращается существование колчаковской власти в Сибири. Однако военная и политическая борьба различных политических партий и групп на этом не закончилась: в Иркутске ещё больше двух недель действовал Политцентр – издавал постановления и распоряжения, вёл переговоры с Советской Россией о создании буферного государства между белым Забайкальем и красной Сибирью; ещё предстоял арест, следствие и расстрел центральной фигуры белой Сибири – адмирала А.В.Колчака и последнего его премьера В.Н.Пепеляева; позднее – следствие и суд над колчаковскими министрами; продолжался “ледяной поход” остатков колчаковской армии в Забайкалье; борьба с мелкими остатками и осколками белогвардейских армий продолжалась в Сибири ещё 4 года. Однако уже было ясно, что белое движение окончательно потерпело поражение, и в Сибири прочно установилась Советская власть.

Последствия Гражданской войны рассматривались основателем и руководителем Советского государства В.И.Лениным. В работе “Лучше меньше, да лучше” он дал общую оценку ущерба, который нанесли Советской республике интервенты и белогвардейцы, потерпевшие поражение в попытке вооружённым путём уничтожить Советскую республику. В.И.Ленин отмечает, что западноевропейские державы “частью сознательно, частью стихийно сделали всё возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны”, что привело к тому, что они не дали возможности новому строю “сделать сейчас же такой шаг вперёд <...> который бы дал <...> возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм” [1].

В самом общем виде, вывод, безусловно, верен. Посмотрим, каков конкретный ущерб принесла Гражданская война Сибири. Целе-

сообразно выделить два аспекта – человеческие потери и материальные. Что касается первых, то полных данных по Сибири у нас не имеется. Некоторые данные приводятся в исторической литературе. Так, историк Ю.В.Журов общее число смертных жертв за период Гражданской войны исчисляет в 90 тыс. человек, раненых и искалеченных – не менее 200 тыс. [2]. Однако не ясно, по каким данным он вычислил эти цифры.

По приблизительным подсчётам омского губернского отделения ГПУ в 1924 г., в период реакции в Омске было расстреляно до 3 тыс. человек и около 1 тыс. человек в Омском уезде. В уездах Татарском, Славгородском и Калачинском – до 3 тыс. человек, в Тарском и Тюкалинском – до 1,5 тыс. человек [3].

Наибольшему разрушению в Енисейской губернии подвергся Канский уезд. По данным, собранным к маю 1920 г. ревкомом и милицией уезда, в 1919 г. колчаковцами было истреблено 6 300 человек, 1/10 коих замучена пытками с помощью порки плетьюми, раскалёнными шомполами, 1/10 повешены, остальные расстреляны. Самые крупные жертвы падают на Тасеевскую волость, в которой было уничтожено до 700 человек. В Абанской, Сретинской, Шеломковской, Агинской, Унерской, Тальской, Перовской волостях каратели истребили по 200 и более человек в каждой [4].

Если экстраполировать эти данные на всю Сибирь в целом, то цифра в 90 тыс. может получиться, если к жертвам карательных экспедиций добавить жертвы обеих армий на фронте. Однако надо учитывать, что эти армии помимо сибиряков включали жителей других регионов России.

Картину несколько проясняют демографические показатели рождаемости и смертности. Уровень рождаемости после 1917 г. увеличился. Во всяком случае, в Сибирском крае, согласно переписи населения 1926 г., насчитывалось около 160 тыс. детей 1917 года рождения, тогда как число детей 1918 года рождения превысило 227 тыс. Но в 1919 г. численность детского населения заметно сократилась. Тенденция к понижению рождаемости продолжилась и в 1920 г. В этом году поколение детей в Сибирском крае достигло своего количественного минимума – менее 200 тыс. человек. Только в 1921 г. рождаемость вступила в стадию роста [6].

Одновременно со снижением рождаемости в Западной Сибири после окончания Гражданской войны резко увеличилась смертность. Основную роль в повышении смертности играли эпидемии инфекционных заболеваний, прежде всего сыпного тифа. В Советской

России первая вспышка этого опасного заболевания, принявшего масштабы эпидемии, была зафиксирована ещё в ноябре 1918 г. С этого момента и в течение года (по октябрь 1919 г.) на территории, контролируемой большевиками, было отмечено 1,8 млн заболеваний сыпняком. Сыпной тиф очень быстро распространился на всю территорию страны и вскоре был зафиксирован в Западной Сибири. В Сибири с 15 по 22 ноября 1918 г. болело тифом 697 человек, с 22 по 30 ноября – 849, с 1 по 7 декабря – 871. В пределах территории, освобождённой от большевиков, масштабы эпидемии были шире. За октябрь 1918 г. в Сибири и на Урале был зафиксирован 381 случай, за ноябрь – 2 494, декабрь – 9 938, за январь 1919 г. – 11 870, февраль – 9 690 случаев заболевания тифом. С 1 по 31 марта 1919 г. в 40 городах, находящихся в местностях, освобождённых от Советской власти, болело тифом 17 390 человек, в Омске – 3 337 человек. В январе 1919 г. в Новониколаевске было более 700 больных тифом, в сентябре – более 1 600, а к октябрю – уже более 1 800 больных. Таким образом, на этапе с октября 1918 г. по январь 1919 г. заболеваемость и смертность от тифов были ещё сравнительно невелики. Летальность от сыпного тифа в Томской губернии за указанный период составляла 7,7 % (заболело 3 298 человек, умерли 254 человека). Но весной и летом 1919 г. на регион обрушились возвратный и брюшной тифы. Если летальность от возвратного тифа по Томской губернии в 1918 г. достигала 1,5 % (заболели 954 человека, умерли 14 человек), а от брюшного тифа – 8,8 % (соответственно 917 и 81 человек), то начиная с августа 1919 г. заболеваемость брюшным и возвратным тифом, а вместе с тем и летальность, стали очень быстро увеличиваться. Таким образом, большевики, изгнавшие колчаковцев, получили “в наследство” санитарно “грязную” территорию [7].

В Омске после его взятия Красной Армией было свыше 15 тыс. тифозных больных, ежедневно от тифа умирало до 100 человек в ноябре и более 200 – в декабре 1919 г. В пригородном посёлке Нахаловке от тифа вымерла четверть населения. На станции Новониколаевск в санитарных вагонах находилось около 5 тыс. умерших от тифа, на станции Кривощёково вблизи города – ещё 1,5 тыс. трупов, около 3 тыс. захороненных умерших было на новом кладбище, около 12 тыс. – в Военном городке, часовня на Николаевском проспекте была заполнена до крыши мертвецами, вокруг неё валялось ещё 200 трупов. В Томске болело тифом около 12 тыс. человек, смертность составляла 10 %. В Барнауле размеры эпидемии были

скромнее, но всё равно в городе было выявлено около 500 больных. В Красноярске в январе 1920 г. было относительно благополучно, но уже к 1 февраля было зарегистрировано 9 тыс. больных, за февраль эта цифра увеличилась до 15 тыс. Всего по данным Сибздравотдела в 1920 г. зафиксированы 289 тыс. заболеваний сыпным тифом. Однако эту цифру следует увеличить, поскольку далеко не все заболевания фиксировались чекатифами и сменившими их здравотделами. Были и другие инфекционные заболевания, уносившие сотни жизней. Среди них первое место занимала холера. Кроме неё фиксировались вспышки оспы и дизентерии [8].

Всё это отразилось на уровне смертности. Так, в Томске в 1920 г. он повысился до катастрофической величины – 103 ‰. Примечательно, что уровень смертности в Томске был, по-видимому, самым высоким в стране. Во всяком случае, в 1920 г. общий коэффициент смертности в Орле составлял 73,1 ‰, Петрограде – 50,6 ‰, в городах Ярославской губернии – 60,8 ‰. В Иркутске в 1920 г. общий коэффициент смертности превосходил 30 ‰. Таким образом, смертность в Западной Сибири в 1920 г. достигла своих максимальных величин [9].

Если говорить о динамике численности городского и сельского населения Сибири, то следует отметить, что за годы Гражданской войны в Сибири оказалось большое количество беженцев. Точных данных мы не имеем. Однако если до мая 1918 г. по разным направлениям Сибири прошло около 30 тыс. беженцев, то осенью 1919 г. только на транссибирской магистрали находилось около 800 тыс. человек, в Иркутске – от 50 до 100 тыс. В Омске перед падением колчаковского режима было в 5 раз больше жителей, чем до начала Гражданской войны (500 тыс.), в Новониколаевске – в 3 раза (220 тыс.). Петропавловске – в 3 раза (90 тыс.). Население Владивостока к 1920 г. увеличилось в 6 – 8 раз и насчитывало около 1 млн человек. За июль 1919 г. через станцию Куломзино Омской железной дороги прошло до 100 тыс. беженцев [10].

Хотя беженцы пополняли городское население Сибири, его численность, тем не менее сократилась, а сельского увеличилась за счёт притока городского населения. Обратный процесс возвращения населения из села в город начался лишь в 1921 г. Как отмечают исследователи, в целом за четыре года (начало 1918 г. – начало 1922 г.) население Сибири замедлило темпы роста, увеличившись всего на 11,3 % (среднегодовой прирост 2,8 ‰). В абсолютном выражении прирост составил 940,8 тыс. человек. Численность городского насе-

ления сократилась на 4 %, тогда как сельское выросло на 13,4 %. Из этого следует, во-первых, что городское население Сибири в период Гражданской войны понесло самые значительные потери, а процесс урбанизации был прерван [11].

Обратимся теперь к оценке материального ущерба сибиряков за годы Гражданской войны. По данным Ю.В.Журова, в Сибири были полностью или частично разрушены более 61 тыс. крестьянских хозяйств. Сведения по 4 губерниям он свёл в следующую таблицу [12]:

Губернии	число пострадавших волостей	число пострадавших селений	количество разрушенных хозяйств	
			число	к общему количеству, %
Алтайская	177	546	15 000	5,8
Томская	71	108	15 601	4,0
Иркутская	–	–	8 338	7,7
Енисейская	68	358	13 858	7,6

Более подробные сведения имеются по Енисейской губернии в сравнении с Сибирью в целом [13]:

Ущерб	Сибирь	Енисейская губерния
пострадавших хозяйств	56 428	13 858
сожжённых жилых домов	5 685	3 190
сожжённых построек	19 252	8 654
уведённых лошадей	28 738	18 134
уведённых коров	9 659	7 098
уведённого мелкого рогатого скота	18 524	12 663
отнято хлеба в зерне и муке (в пудах)	652 707	188 129
уничтожено сена в пудах	–	917 317

Общих данных по другим губерниям не имеется. Однако по тем немногим сведениям, которые имеются в распоряжении исследователей, можно сделать некоторые выводы. Так, по Алтаю репрессии и ущерб выразились в следующих цифрах, из которых видно, что в наибольшей степени пострадал партизанский район, хотя и остальные сёла и деревни также подверглись репрессиям и реквизициям [14]:

	расстреляно	порки	сожжено домов	Конфисковано		
				Лошади	КРС	МРС
с. Леньки Благовещенского района	3	9	3	3	–	–
п. Гусиная Ляга Ново-Алексеевского района	4	–	12	3	7	–
с. Подсосново Ново-Алексеевского района	12	–	–	15	–	–
Волчихинский партизанский район	151	590	10	6 426	2 695	–
п. Колбасный Ново-Алексеевского района	3	–	–	–	–	–
п. Котаванка Ново-Алексеевского района	6	–	–	4	–	–
д. Устьянка Новоалексеевского района	–	–	–	–	–	–
Михайловский район	15	35	–	4	21	12
Ключевской район	15	29	3	14	4	–

В первые годы после разгрома Колчака и восстановления Советской власти были предприняты попытки оценить ущерб от колчаковщины. Это не было научным исследованием проблемы, а имело вполне прагматичную задачу – оказать помощь тем крестьянским хозяйствам, которые и потерпели этот ущерб. К сожалению, в те времена эти данные не были сведены воедино, а в настоящее время эта задача является практически невыполнимой из-за громадного объёма архивного материала, рассредоточенного по всем сибирским архивам. Данные эти не вполне точные: крестьяне часто преувеличивали размер ущерба, чтобы получить компенсации, а в 1920 г. – чтобы уменьшить развёрстку. Тем не менее даже эти данные дают возможность увидеть особенности материальных потерь крестьянст-

ва во время Гражданской войны. Так, возьмём для примера Новониколаевский уезд. Вот перед нами данные о жителях граждан Суворинского сельского общества. У крестьянина Р.П.Маркелова уведено 2 лошади и взято 300 пудов сена; осталось – 20 пудов ржи, 10 пудов пшеницы, 3 коровы, 5 овец, 2 свиньи, 2 хомута, 1 сани, 1 узда, 1 валенки, 400 пудов сена. Для остальных 30 жителей того же села примерно такая же картина – ущерб касался в основном лошадей и сена [15].

Аналогичная картина была в Рябцевском, Бородинском и Дубровинском сельских обществах, в посёлках Рождественском и Петровском Каргатской волости. В числе разграбленного имущества в основном лошади, сено, овёс, сани и хомуты, достаточно редко забирали сапоги, муку и т.п. Подобная картина прослеживается по всем сельским обществам Каргатской волости Новониколаевского уезда [16].

Вот список жителей села Покровского и посёлка Новошубинского Покровской волости. У С.И.Ерофеева забрали 2 лошади, 1 дровень, 2 хомута, 4 верёвки; осталось – 2 лошади, 1 корова, 1 свинья, 1 плуг, 1 жнейка, 1 дровня, 1 телега. У И.В.Санина забрали 20 пудов овса; остались 2 лошади, 1 корова, 6 овец, 1 свинья, 2 телеги, 2 дровней. У О.Е.Петраченкова отобрали 1 лошадь, 1 дровень, 1 узду, 15 пудов овса, 4 пуда муки и 2 гуся; оставили 2 лошади, 2 коровы, 2 телят, 1 борона, 1 телега. В таком же примерно положении ещё 193 жителя [17].

Возьмём данные по близкой к Новониколаевскому уезду деревне Крутишки Карасёвской волости Барнаульского уезда Алтайской губернии. У П.Н.Кузнецова забрали 2 лошади, 3 хомута, 2 седёлки, 2 дуги, 1 пару пимов, 1 пару шубных рукавиц, 1 женскую шубу и т.д. У Ф.Б.Кузнецова забрали 3 лошади, 1 кошеву на железном ходу, сани деревянные, узду, 25 пудов овса и далее аналогично у остальных жителей села [18].

Эти деревни и сёла оказались на пути отступления колчаковской армии, поэтому забирали только то, что было необходимо для отхода. Тотального грабежа не было, не применялась и тактика “выжженной земли”, чтобы продовольствие и фураж не достались наступающей Красной Армии. Судя по этим данным, у крестьян осталось намного больше имущества, чем было утрачено. Однако эту ситуацию не следует экстраполировать на территорию Урала, где в 1918 – 1919 гг. велись активные боевые действия и линия фронта регулярно меняла свои очертания, и на территории, где проводились

карательные экспедиции против партизан, ущерб на которых был значительно выше.

Оценка размера материального ущерба от колчаковщины напрямую связана с вопросом: могло ли сибирское крестьянство выполнить те объёмы продразвёрстки в 1920 г., которые установила для них центральная власть? Дискуссии по этой проблеме обозначились уже в советской историографии. Так, Л.М.Горюшкин утверждал, что “большие потери сельскому хозяйству Сибири принесли империалистическая и Гражданская войны, хозяйничанье интервентов и белогвардейцев, грабежи и реквизиции, проводимые колчаковцами” [19]. Однако приводимые им статистические данные не подтверждают однозначно это утверждение. Например, посевная площадь Сибири в 1917 г. составляла 6 163,6 тыс. десятин, в 1920 г. – 6 847,5 тыс., т.е. увеличилась почти на 12 %. Зато в 1921 г. она составляла 4 987 тыс. десятин, т.е. уменьшилась почти на 20 % по сравнению с 1917 г. и более, чем на 20 % по сравнению с 1920 г. Характерно, что в 1922 г. она ещё уменьшилась по сравнению с 1920 и 1921 гг. и составила всего 3 399,6 тыс. десятин. Валовые сборы сельскохозяйственной продукции, в отличие от посевной площади, непрерывно уменьшались: в 1917 г. они составляли 387,5 млн пудов, в 1920 г. – 245,3 млн, в 1921 г. – 179,3 млн, в 1922 г. – 153 млн пудов [20]. Эти цифры дали основание Л.И.Боженко утверждать, что основной ущерб сельскому хозяйству Сибири нанесла продразвёрстка 1920 г., а не эсеровские и колчаковское правительства [21]. Если ограничиваться только географическими рамками Сибири, то следует согласиться с Л.И.Боженко, но если рассматривать ситуацию в стране в целом, то следует иметь в виду, что масштабная продразвёрстка 1920 г. в Сибири была вызвана острым недостатком продовольствия в Европейской России, что, в свою очередь, было следствием интервенции и Гражданской войны. Тем не менее, это по-прежнему оставляет дискуссионной проблему размера ущерба от Гражданской войны в Сибири к началу 1920 г.

Последствия военно-революционной эпохи в Сибири были изжиты только в первые годы новой экономической политики, когда началось восстановление и дальнейшее развитие производительных сил сибирской деревни и сибирских городов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Будберг А. Дневник белогвардейца (колчаковская эпопея) // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1981.

2. Там же. С. 234.

3. Там же. С. 236.

4. Там же. С. 245.

5. Там же. С. 251.

6. Там же. С. 260.

7. Там же. С. 316, 317.

8. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Гражданская война на Волге, Урале и в Сибири. В 2 книгах. М., 2004, переиздание книги, изданной в 1930 – 1931 гг. в Белграде.

9. Там же. Т. 2. С. 198, 199.

10. Колосов Е.Е. Как это было? (массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н.В.Фомина) // Былое. 1923. № 21; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923.

11. Турунов А.Н., Вегман В.Д. Революция и гражданская война в Сибири: указатель книг и журнальных статей. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928.

12. Преображенский Н. Партизанское движение в Сибири (по материалам Сибистпарта) // Красная Армия Сибири (Новониколаевск). 1923. № 3 – 4.

13. Там же. С. 126.

14. Там же. С. 127.

15. Там же.

16. Там же. С. 129.

17. Там же. С. 132.

18. Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. Новосибирск, 1928.

19. Аверьев В. Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6, 8.
20. Там же. № 6. С. 30.
21. Там же. С. 34.
22. Там же. № 8. С. 28.
23. Там же. С. 29.
24. Там же. С. 44.
25. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972.
26. Там же. С. 226, 227.
27. Там же. С. 245, 246.
28. Там же. С. 246, 247.
29. Журов Ю.В. Гражданская война в Сибирской деревне. Красноярск, 1986.
30. Там же. С. 55.
31. Там же. С. 58.
32. Там же. С. 73.
33. Там же. С. 81.
34. Там же. С. 83.
35. Там же. С. 87.
36. См.: Кокоулин В.Г. “Демократическая контрреволюция”: Сибирь, Поволжье, Урал (май – ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014.
37. Журов Ю.В. Гражданская война в Сибирской деревне. С. 103.
38. См.: Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и “военного коммунизма” (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013.
39. Аксютин Ю.В. Колчак и рабочий вопрос // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1917 – 1922 гг.). Новосибирск, 1985. С. 184 – 188.
40. Там же. С. 184.
41. Там же. С. 186.
42. Там же. С. 186.
43. Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917 – 1919 гг.). Уфа, 1966.
44. Там же. С. 392.
45. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917 – 1923 гг. Новосибирск, 1978.
46. Там же. С. 215, 216.
47. Там же. С. 217.
48. Там же. С. 217.

49. Там же. С. 218, 219.
50. Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская “оппозиция” // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 168 – 181.
51. Шишкин В.И. Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: Материалы конференции. М., 1983. С. 98 – 110.
52. Шишкин В.И. Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. № 14. Вып. 3. Новосибирск, 1984. С. 8 – 14.
53. Шишкин В.И. Сибирские эсеры и колчаковщина. С. 98.
54. Там же. С. 100.
55. Там же. С. 101.
56. Там же. С. 104.
57. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983.
58. Там же. С. 188.
59. Там же. С. 269.
60. Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917 – 1921 гг.). Уфа, 2000.
61. Там же. С. 167.
62. Там же. С. 189.
63. Там же. С. 195.
64. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009.
65. Шишкин В.И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История “белой” Сибири: Тезисы второй научной конференции (4 – 5 февраля 1997 г.). Кемерово, 1997. С. 7 – 12.
66. Там же. С. 12.
67. Там же. С. 9.
68. Там же. С. 8.
69. Там же. С. 11.
70. Там же. С. 8.
71. Там же.
72. Там же. С. 11.
73. Там же. С. 12.
74. Там же.
75. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917 – 1923 гг.). Новосибирск, 2002.
76. Там же. С. 262.

77. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов, 1917 – 1920 гг. Новосибирск, 2003.

78. Там же. С. 350.

79. Там же. С. 397.

80. Посадсков А.Л. “Столица” на две недели: к истории пребывания А.В.Колчака в Новониколаевске (19 ноября – 4 декабря 1919 г.) // История белой Сибири: Материалы шестой международной научной конференции, 7 – 8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 126 – 132; Посадсков А.Л. Две недели без государственной власти: Красноярск под земским управлением (23 декабря 1919 – 5 января 1920 г.) // История белой Сибири. Материалы VII Международной конференции (2009, Кемерово): сб. статей. Кемерово, 2009. С. 78–84.

81. Посадсков А.Л. “Столица” на две недели: к истории пребывания А.В.Колчака в Новониколаевске. С. 131.

82. Некрасова Л.В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX в. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы Гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 96 – 110.

83. Там же. С. 108.

84. Там же. С. 109.

85. Журавлёв В.В. К вопросу о характере политического режима на востоке России в период правления А.В.Колчака // Гражданская война в Сибири: Сборник докладов и статей научной конференции. Красноярск, 1999. С. 34 – 41.

86. Там же. С. 39.

87. Там же. С. 41.

88. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны. Сб. научных статей. Вып. 1. Новосибирск, 2012. С. 125 – 158.

89. Там же. С. 138, 139.

90. Там же. С. 139, 140.

91. Там же. С. 140.

92. Там же. С. 141.

93. Там же. С. 153.

94. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008.

95. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2009.

96. Там же. С. 425.

97. Там же. С. 430, 431.

98. Там же. С. 456.

99. Там же. С. 474.

100. Там же. С. 548.

101. Там же. С. 585.

102. Шулдяков В.А. Казачество Сибири и верховная власть: к вопросу о взаимоотношениях (ноябрь 1918 – 1919 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны. Сб. научных статей. Вып. 1. Новосибирск, 2012. С. 159 – 191; Шулдяков В.А. “Анненковщина” как политический фактор гражданской войны на востоке России // Там же. Вып. 2. Новосибирск, 2013. С. 161 – 213.

103. Шулдяков В.А. Казачество Сибири и верховная власть: к вопросу о взаимоотношениях. С. 185.

104. Там же. С. 187.

105. Шулдяков В.А. “Анненковщина” как политический фактор гражданской войны на востоке России. С. 213.

106. Там же. С. 211.

107. Там же. С. 213.

108. Журавлёв В.В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: опыт анализа приветственных посланий А.В.Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. науч. статей. Вып. 2. Новосибирск, 2013. С. 108 – 127.

109. Там же. С. 111, 112.

110. Там же. С. 121.

111. Там же. С. 126.

112. Симонов Д.Г. Белая армия Сибири в 1918 году. Новосибирск: НГУ, 2010. 610 с.

113. Там же. С. 388.

Глава 1. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ КОЛЧАКА (ноябрь 1918 – март 1919 г.)

1.1. Ноябрьский переворот

1. В донесении секретаря съезда Комуч из Уфы 10 – 11 декабря 1918 г. в Юго-Восточный комитет членов Учредительного собрания

и в ЦК ПСР Аргунов не упоминается, а арест приписывается “солдатам из отряда Красильникова” // См.: ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 241.

2. Лейтенант N.N. Записки белогвардейца // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. X. С. 92, 93.

3. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. С. 217, 218.

4. Воспоминания И.И.Серебренникова о Колчаке, 7 февраля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5873, оп. 1, д. 106, л. 6; Согласно “Запискам белогвардейца”, В.Г.Болдырев получил лишь 1 голос // Лейтенант N.N. Записки белогвардейца. С. 92, 93.

5. Правительственный вестник (Омск). 1918. 19 нояб.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же.

9. Там же. 20 нояб.

10. Там же. 19 нояб.

11. Там же. 13 дек.

12. Там же. 4 дек.

13. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новосибирск, 1925. С. 107.

14. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 709, л. 4 – 6.

15. Там же. Д. 1072, л. 36; д. 709, л. 7.

16. Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 нояб.

17. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1072, л. 13.

18. Там же. Л. 13, 14.

19. Там же.

20. Там же. Л. 14, 15.

21. Правительственный вестник (Омск). 1918. 24 нояб.

22. Там же. 19 нояб.

23. Там же. 21 нояб.

24. Там же. 20 нояб.

25. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 221, 226, 227, 230 – 234; Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 нояб.

26. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 234, 235; Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 нояб.

27. Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 139.

28. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. 1918 – 1919 гг. // Окрест Колчака: Документы и материалы. М., 2007. С. 62.

29. Правительственный вестник (Омск). 1918. 12 дек.
30. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 62.
31. Слово (Омск). 1918. 29 нояб.
32. Правительственный вестник (Омск). 1918. 20 нояб.
33. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 62.
34. Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 нояб.
35. Там же; Русская армия (Омск). 1918. 22 нояб.
36. Правительственный вестник (Омск). 1918. 27 нояб.
37. Там же. 24 нояб.
38. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 20 нояб.
39. Уфимская жизнь. 1918. 26 нояб.
40. Русская речь (Новониколаевск). 1918. 21 нояб.
41. Народная свобода (Барнаул). 1918. 20 нояб.
42. Правительственный вестник (Омск). 1918. 11 дек.
43. Свободный край (Иркутск). 1918. 21 нояб.
44. Там же. 26 нояб.
45. Перейра Норман Г.О. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996. С. 91, 92.
46. Русская армия (Омск). 1918. 30 нояб.
47. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 716, л. 11; Власть народа (Челябинск). 1918. 22 нояб.
48. Власть народа (Челябинск). 1918. 23 нояб.
49. Там же. 26 нояб.
50. Там же. 22 нояб.
51. Там же. 27 нояб.
52. Уфимская жизнь. 1918. 21 нояб.; Голос рабочего (Уфа). 1918. 23 нояб.
53. ЦГИА РБ. Ф. Р-987, оп. 1, д. 1, л. 262 – 265; ГАРФ. Ф. Р-144, оп. 1, д. 22, л. 56, 58; Уфимская жизнь. 1918. 24 нояб.; Голос рабочего (Уфа). 1918. 24 нояб.
54. Голос рабочего (Уфа). 1918. 24 нояб.; Уфимская жизнь. 1918. 24 нояб.
55. Уфимская жизнь. 1918. 28 нояб.; Голос рабочего (Уфа). 1918. 27 нояб.
56. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 2а, л. 17.
57. Народная газета (Томск). 1918. 23 нояб.
58. Там же. 29 нояб.
59. Новый путь (Енисейск). 1919. 30 нояб.
60. Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 21 нояб.
61. Там же.

62. Там же.
63. Дело (Иркутск). 1918. 21 нояб.
64. Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 28 нояб.
65. Там же. 12 дек.
66. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 2г, л. 1.
67. См.: ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 240, 241.
68. Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания: очерк событий на востоке России в сентябре – декабре 1918 г. М., 1921. С. 96 – 99.
69. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 198.
70. Голос рабочего (Уфа). 1918. 24 нояб.
71. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 242; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 22 нояб.
72. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 243, 244.
73. ЦГИА РБ. Ф. Р-987, оп. 1, д. 1, л. 225.
74. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1072, л. 10; См. также: ЦГИА РБ. Ф. Р-987, оп. 1, д. 1, л. 227.
75. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 138.
76. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 19, л. 6.
77. ЦГИА РБ. Ф. Р-987, оп. 1, д. 1, л. 226.
78. Там же. Л. 261.
79. Цит. по: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. С. 159.
80. ЦГИА РБ. Ф. Р-987, оп. 1, д. 1, л. 256.
81. Там же. Л. 268.
82. Там же.
83. Там же. Л. 278.
84. Там же.
85. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. С. 153.
86. ЦГАОО РБ. Ф. 1832, оп. 4, д. 254, л. 40.
87. ЦГИА РБ. Ф. Р-987, оп. 1, д. 1, л. 292.
88. Правительственный вестник (Омск). 1918. 4 дек.
89. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 20, л. 33, 34. Историк А.В. Добровольский со ссылкой на письмо секретаря съезда Комуча из Уфы в Юго-Восточный комитет членов Учредительного собрания и в ЦК ПСР 10 – 11 декабря 1918 г. приводит дату ареста – ночь с 3 на 4 декабря. См.: Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 200.
90. ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 24, л. 1.

91. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 284.
92. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. С. 342, 343.
93. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 140.
94. Колосов Е.Е. Как это было? С. 250.
95. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. С. 112.
96. Правительственный вестник (Омск). 1918. 15 дек.

1.2. Политика нового правительства

1. Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 нояб.
2. Там же. 27 нояб.
3. Там же. 30 нояб.
4. Там же.
5. Там же. 22 нояб.
6. Там же. 26 нояб.
7. Там же. 26, 27, 30 нояб.; 11 дек.
8. Там же. 28 нояб.
9. Там же. 4 дек.; Заря (Омск). 1918. 3 дек.
10. Правительственный вестник (Омск). 1918. 6 дек.
11. Там же. 6 дек.; 8 дек.
12. Там же. 8 дек.
13. Там же. 19 нояб.
14. Там же.
15. Заря (Омск). 1918. 24 дек.
16. Правительственный вестник (Омск). 1918. 26 дек.
17. Там же. 15 дек.
18. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 4, д. 799, л. 1, 2.
19. Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 нояб.
20. Там же. 24 нояб.
21. Там же. 26, 28 нояб.
22. Там же. 10 дек.
23. Там же. 15 дек.
24. Там же. 1919. 7 янв.
25. Там же. 1918. 22 дек.
26. Заря (Омск). 1918. 24 дек.
27. Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 нояб.; 10 дек.
28. Там же. 12 дек.
29. Сибирская речь (Омск). 1918. 1 дек.

30. Заря (Омск). 1918. 22 дек.
31. Правительственный вестник (Омск). 1918. 1 дек.
32. Василевский В.И., Грунин Г.В., Изгачёв В.Г. и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967. С. 119, 120.
33. Правительственный вестник (Омск). 1918. 8 дек.
34. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 65.
35. ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 5, л. 23.
36. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Ч. 2. С. 24.
37. Там же. С. 42.
38. Там же. С. 20 – 22.
39. Там же. С. 22.
40. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 1, л. 5; См. также: Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 63.
41. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 63, 64.
42. ГАРФ. Ф. Р-5873, оп. 1, д. 107, л. 3.
43. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина: из белых мемуаров. Л., 1930. С. 107, 108;
44. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Ч. 2. С. 42.
45. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 54, 55.
46. Правительственный вестник (Омск). 1918. 17 дек.
47. Там же. 1919. 11, 14 янв.
48. Там же. 14 янв.
49. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 65.
50. Правительственный вестник (Омск). 1919. 14, 18 янв.
51. Там же. 7 янв.
52. Там же.
53. Там же. 17 янв.
54. Там же. 1918. 21 дек.
55. Там же. 1919. 25 янв.
56. Подробнее см.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919 – 1920. М., 1990. С. 115 – 121.
57. Русская армия (Омск). 1918. 26 дек.
58. Правительственный вестник (Омск). 1919. 7 янв.
59. Сибирская речь (Омск). 1919. 4 янв.; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 16 янв.
60. Сибирская речь (Омск). 1919. 14 (1) янв.
61. См.: Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 64.
62. Русская армия (Омск). 1918. 28 дек.
63. Правительственный вестник (Омск). 1918. 7 дек.

64. Там же. 12 дек.
65. Дневник Пепеляева. С. 65.
66. Правительственный вестник (Омск). 1918. 25 дек.
67. Там же. 1919. 12, 14 янв. Военным министром 3 января был назначен генерал-майор Н.А.Степанов. См.: Там же. 5 янв.
68. Там же. 4 янв.
69. ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 6, л. 14.
70. Наше дело (Иркутск). 1918. 3 дек.; Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 3 дек.
71. Сибирская речь (Омск). 1919. 22 янв.
72. Правительственный вестник (Омск). 1919. 14 янв.
73. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 66.
74. Правительственный вестник (Омск). 1919. 22 янв., 14 февр.
75. Там же. 26 янв.
76. Там же. 25 янв.
77. Там же.
78. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 1, л. 6.
79. Заря (Омск). 1919. 11 янв.
80. Приамурье (Хабаровск). 1919. 16 янв.; Алтайские губернские известия (Барнаул). 1919. 29 янв.
81. Правительственный вестник (Омск). 1919. 30 янв.
82. Там же. 31 янв.
83. Там же. Дальний Восток (Владивосток). 1919. 2 февр.
84. Правительственный вестник (Омск). 1919. 31 янв.
85. Там же.
86. Сибирская речь (Омск). 1919. 30 янв.
87. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 142.
88. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 1, л. 6.
89. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 153.
90. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 1, л. 6.
91. Там же. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 6.
92. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 68.
93. Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 февр.
94. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 25 февр.
95. Там же.
96. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 68, 69.
97. Правительственный вестник (Омск). 1918. 27 нояб.
98. Заря (Омск). 1918. 27 нояб.
99. Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 нояб.

100. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 11, д. 85, л. 11,12, 24, 25; Правительственный вестник (Омск). 1918. 7 дек.
101. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 11, д. 89, л. 19.
102. Народная свобода (Барнаул). 1919. 7 янв.
103. Курганская свободная мысль. 1919. 16 янв.
104. Слово (Омск). 1918. 4 дек.
105. Заря (Омск). 1919. 18 янв.
106. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 11, д. 85, л. 24.
107. Сибирская речь (Омск). 1919. 26 (13) янв.; 28 янв.
108. Там же. 18 (5) янв.
109. Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 янв.
110. Там же. 1918. 19 дек.
111. Там же. 1919. 21 янв.
112. Там же. 4 февр.; Сибирская речь (Омск). 1919. 6 февр. (24 янв.).

1.3. Политические партии и блоки

1. Приишимье (Петропавловск). 1918. 1 дек. (18 нояб.); 6 дек. (23 нояб.); 8 дек. (25 нояб.).
2. Там же. 8 дек. (25 нояб.).
3. Сибирская речь (Омск). 1919. 21 (8) янв.
4. Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 дек.
5. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 29 янв.
6. Сибирская речь (Омск). 1919. 19 (6) февр.
7. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 11 февр.
8. Там же. 12 февр.
9. Правительственный вестник (Омск). 1919. 12 марта.
10. Сибирская речь (Омск). 1919. 26 (13) янв.
11. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 15 янв.
12. Наша заря (Омск). 1919. 11 янв.; Сибирская речь (Омск). 1919. 4 янв.; Правительственный вестник (Омск). 1919. 12 янв.
13. Правительственный вестник (Омск). 1918. 26 дек.
14. Сибирская речь (Омск). 1919. 14 (1) янв.
15. Военные ведомости (Новониколаевск). 1918. 10 дек.
16. Русская речь (Новониколаевск). 1918. 11 дек.
17. Народная свобода (Барнаул). 1918. 26 нояб.
18. Уфимская жизнь. 1918. 1 дек.
19. Свободный край (Иркутск). 1918. 12 дек.
20. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 26 февр.

21. Уфимская жизнь. 1918. 3 дек.
22. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 февр.
23. Там же. 2 февр.
24. Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 дек.
25. Там же.
26. Русская речь (Новониколаевск). 1918. 24 дек.
27. Голос Сибири (Томск). 1919. 11 янв.
28. Сибирская речь (Омск). 1919. 26 февр.; 4 марта.
29. Там же. 26 февр.
30. Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 2, 18 янв.
31. Там же. 9 февр.
32. Мысль (Иркутск). 1919. 23 февр.
33. Наше дело (Иркутск). 1919. 1, 6, 16 марта.
34. Мысль (Иркутск). 1919. 4 марта.
35. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 31 янв.
36. Там же. 29 янв.
37. Там же. 4, 19 февр.
38. Там же. 4, 8, 11 февр.
39. Там же. 13 февр.
40. Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 4 (22) февр.
41. Там же. 11 (29) февр.
42. Там же. 7 (22) марта.
43. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 298, л. 245.
44. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 201, 202.
45. Там же. С. 202.
46. Уфимская жизнь. 1918. 8 дек.; Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 дек.
47. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 203.
48. ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 168, л. 12, 13.
49. См.: Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 28 (15) февр.; 26 (13) марта.
50. Земля и труд (Курган). 1919. 4 марта.
51. Заря народоправства (Камышлов). 1919. 11 янв.
52. Земля и труд (Курган). 1919. 5 янв.; 8 февр.; 7 марта; Курганская свободная мысль. 1919. 2 янв.; Заря (Омск). 1918. 11 дек.
53. Заря (Омск). 1918. 29 дек.
54. Голос Сибири (Томск). 1919. 4 февр.

55. См.: Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 201.
56. Голос рабочего (Уфа). 1918. 3 дек.
57. Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 18 янв.
58. Голос рабочего (Уфа). 1918. 17 дек.; Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 12, 19 февр.; Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 11, 24, 28 дек.
59. Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 6 марта.
60. Мысль (Иркутск). 1919. 23 февр.
61. Там же. 26 февр.
62. Правительственный вестник (Омск). 1919. 21 янв.; Сибирская речь (Омск). 1919. 22 (9) янв.
63. Сибирская речь (Омск). 1919. 25 (12) янв.
64. Там же. 14 (1) янв.; 18 (5) янв.
65. Уфимская жизнь. 1918. 12 дек.
66. Там же.
67. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 11, д. 90, л. 196; Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 5.
68. Там же. Ф. Р-193, оп. 1, д. 6, л. 43, 44.
69. Стишов М.И. Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918 – 1920). М., 1962. С. 122, 123.
70. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 724, л. 19.
71. Там же. Л. 20; Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917 – 1920). Барнаул, 1957. С. 227, 228.
72. ГАНО. Ф. П-1, оп. 3, д. 1, л. 75.
73. Там же. Ф. П-5, оп. 3, д. 168, л. 7.
74. Там же. Д. 156, л. 8.
75. Там же. Оп. 2, д. 646, л. 9.
76. Там же.

1.4. Городские восстания

1. ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 11, л. 70.
2. Подробнее см.: Кокоулин В.Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 2016.
3. Подробнее см.: Кокоулин В.Г. “Демократическая контрреволюция”: Сибирь, Поволжье, Урал (май – ноябрь 1918 г.). С. 379 – 385.

4. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 440, л. 5.
5. Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. С. 4, 5.
6. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 440, л. 3.
7. Там же.
8. Земля и труд (Курган). 1918. 28 дек.
9. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 440, л. 5, 6.
10. Правительственный вестник (Омск). 1918. 24 дек.
11. Там же.
12. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 440, л. 6.
13. Стишов М.И. Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны. С. 116.
14. Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 дек.
15. Там же. 29 дек.
16. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 927, л. 9.
17. Земля и труд (Курган). 1918. 28 дек.; Сибирская речь (Омск). 1919. 5 янв.; Правительственный вестник (Омск). 1918. 25 дек.
18. Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 29 дек.
19. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 29 (16) дек.
20. РГАСПИ. Ф. 557, оп. 1, д. 3, л. 1, 2.
21. Сибирская речь (Омск). 1919. 3 янв.
22. Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 11 янв.
23. ГАКК. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 5, л. 4, 32; Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 11 янв.
24. ГАКК. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 5, л. 2.
25. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 208.
26. Наше дело (Иркутск). 1919. 28 янв.
27. Там же. 29 янв.
28. Там же.
29. Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 1 февр.
30. Наше дело (Иркутск). 1919. 12 марта; Иные данные приводит В.Д.Вегман: он сообщает, что военно-полевому суду было предано 65 человек, 49 из них получили каторгу на разные сроки, а 16 приговорены к смертной казни и казнены. См.: Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. С. 8.
31. Сибирская речь (Омск). 1919. 18 (5) янв.
32. ГАТО. Ф. Р-1674, оп. 1, д. 10, л. 20.
33. Заря (Омск). 1919. 5 янв.

34. Правительственный вестник (Омск). 1919. 28 янв.
35. Там же. 30 янв.
36. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 1; ЦДНИТО. Ф. 4204, оп. 4, д. 498, л. 1.
37. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 67, 68.
38. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 11 февр.
39. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 440, л. 4.
40. Там же. Д. 927, л. 9, 10.
41. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 4.
42. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 11 февр.
43. Там же. 14 марта.
44. ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 624, л. 1.
45. Там же. Д. 219, л. 16.
46. Там же. Д. 624, л. 8.
47. Воспоминания партизана С.И.Накладова, 23 июля 1923 г. // Там же. Д. 437, л. 42, 43.
48. Партизанское движение в Сибири. М., 1925. Т. 1. С. 81.
49. ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 219, л. 18, 19.
50. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 84, 85; ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 167, л. 39; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 5 марта.
51. ГАНО. Ф. Д-97, оп. 1, д. 289б, л. 21.
52. Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. С. 10, 11.

1.5. Сибирская деревня

1. Свободное слово (Тюмень). 1918. 24 нояб.
2. Канский земский голос. 1918. 7 дек.
3. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 26, л. 13, 14.
4. Там же. Д. 28, л. 1.
5. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1520, л. 4.
6. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 6.
7. Заря (Омск). 1919. 7 янв.
8. Там же. 5 янв.
9. Правительственный вестник (Омск). 1919. 14 янв.
10. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 26, л. 4.
11. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1520, л. 19.
12. Там же. Оп. 3, д. 139, л. 15.
13. Там же. Л. 17.

14. См., напр.: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. С. 144 – 208.
15. Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 27 февр.
16. ГААК. Ф. Д-235, оп. 1, д. 39, л. 7.
17. ГАКК. Ф. Р-1800, оп. 2, д. 348, л. 53.
18. Сибирская речь (Омск). 1919. 21 (8) янв.
19. Там же. 25 (12) янв.
20. Там же.
21. Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 янв.
22. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1512, л. 1, 2.
23. Там же. Л. 4.
24. Звено (Мариинск). 1919. 9 марта.
25. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 84.
26. Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 4 янв.
27. Земские известия (Владивосток). 1919. 1 янв.
28. Сибирская речь (Омск). 1919. 26 февр.
29. ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 21, л. 1.
30. Наше дело (Иркутск). 1919. 12 марта.
31. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 3 янв.
32. Сибирская речь (Омск). 1919. 29 (16) янв.
33. ГААК. Ф. Д-235, оп. 1, д. 37, л. 28.
34. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 51, л. 1.
35. Воспоминания Д.Х.Сорокина, 1966 г. // ГААК. Ф. Р-1631, оп. 1, д. 28, л. 9, 10, 26, 27.
36. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1458, л. 1.
37. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 7.
38. ГААК. Ф. Р-1289, оп. 1, д. 6, л. 2.
39. Там же. Ф. Д-235, оп. 1, д. 35, л. 2.
40. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 7.
41. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1161, л. 2 – 4.
42. ГААК. Ф. Р-1533, оп. 1, д. 70, л. 135.
43. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1184, л. 1.
44. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 18 февр.
45. Воля Сибири (Красноярск). 1919. 5 янв.
46. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1520, л. 5.
47. Донесение прокурора Иркутской судебной палаты командирующему отдельной Восточно-Сибирской армией, 14 февраля 1919 г. // Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 71; Донесение начальника Ачинской уездной милиции управляющему Енисейской губернией, 24 января 1919 г. // ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 749, л. 12.

48. ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 749, л. 5.
49. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 66.
50. ГАКК. Ф. Р-1698, оп. 1, д. 3, л. 1.
51. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 934, л. 22, 23.
52. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 187.
53. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 924, л. 9.
54. Там же. Д. 934, л. 24.
55. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 76.
56. ГАКК. Ф. Р-1763, оп. 1, д. 85, л. 3.
57. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 494, л. 9, 10.
58. Там же. Д. 1519, л. 4.
59. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 4, 5.
60. Там же. Л. 7.
61. Там же. Л. 10.
62. Подробнее см.: Кокоулин В.Г. “Демократическая контрреволюция”: Сибирь, Поволжье, Урал. (май – ноябрь 1918 г.). С. 392 – 397.
63. Воля Сибири (Красноярск). 1918. 30 нояб.
64. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 104.
65. ГАКК. Ф. Р-1800, оп. 2, д. 348, л. 4.
66. Там же.
67. Выступление партизана Шаклеина на заседании Сибирского землячества, 13 июля 1931 г. // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 951, л. 1 – 3.
68. Там же. Д. 936, л. 40.
69. Воля Сибири (Красноярск). 1918. 29 дек.
70. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 936, л. 10 – 12.
71. ГАКК. Ф. 904, оп. 1, д. 9, л. 209, 210.
72. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 41.
73. Там же. С. 42.
74. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 20.
75. Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 11 янв.; Донесение начальника Красноярской уездной милиции прокурору Красноярского окружного суда, 24 декабря 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-1712, оп. 1, д. 12, л. 3.
76. Воля Сибири (Красноярск). 1918. 29 дек.
77. Донесение начальника Канской уездной милиции прокурору Красноярского окружного суда, 27 января 1919 г. // ГАКК. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 5, л. 33.
78. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 49, 50.

79. ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 70а, л. 19, 20.
80. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 64.
81. ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 647, л. 3.
82. Там же; У Ю.В.Журова решения пересказаны неточно. См.: Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 219.
83. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1238, л. 1.
84. Там же.
85. См.: Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 219.
86. Там же. С. 219, 220.
87. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 59.
88. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1240, л. 3; ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 648, л. 2.
89. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 961, л. 18, 19.
90. Там же. Д. 1238, л. 2, 3.
91. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 103, л. 22.
92. Там же. Ф. Р-1712, оп. 1, д. 12, л. 9.
93. Там же. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 2.
94. Там же. Л. 4.
95. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 87.
96. ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 122, л. 1, 3, 46.
97. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 94; ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 762, л. 23; Р-1777, оп. 1, д. 6, л. 252.
98. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 7, 10, 11.
99. Там же. Оп. 10, д. 103, л. 1 – 8.
100. ГАКК. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 6, л. 11.
101. Новая Сибирь (Иркутск). 1919. 1 февр.
102. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1240, л. 1.

1.6. Подавление национальных движений

1. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917 – 1925 гг.): Документы и материалы. В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 394, 395.
2. ЦГАОО РБ. Ф. 1832, оп. 4, д. 394, л. 102.
3. Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 182, 183.
4. Тоган З.В. Воспоминания. М., 1997. С. 184, 185.

5. Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение. С. 193, 196.
6. ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, л. 271.
7. Национально-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. С. 376, 377.
8. ЦГАОО РБ. Ф. 9776, оп. 2, д. 8, л. 167.
9. Правительственный вестник (Омск). 1918. 8 дек.
10. ЦГИА РБ. Ф. Р-78, оп. 1, д. 14, л. 3; Неточно изложено: Раимов Р.М. Образование Башкирской Автономной Советской социалистической республики. М., 1952. С. 226.
11. ЦГИА РБ. Ф. Р-78, оп. 1, д. 14, л. 4.
12. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 19, л. 9.
13. Национально-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. С. 395.
14. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 19, л. 12, 13.
15. ЦГАОО РБ. Ф. 1832, оп. 4, д. 380, л. 4.
16. Там же.
17. Национально-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. С. 487, 488.
18. ЦГАОО РБ. Ф. 1832, оп. 4, д. 380, л. 8, 9.
19. ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 23, л. 86.
20. Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение. С. 200, 201.
21. Юлдашбаев Б.Х. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национально-государственного строительства // Исторические записки. М., 1987. С. 58, 59; Национально-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. С. 492.
22. Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии. С. 394, 395.
23. Национально-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. С. 501.
24. Там же. С. 502.
25. Там же. С. 502, 503.
26. Образование Башкирской АССР: Сборник документов и материалов. Уфа, 1959. С. 193, 194; ЦГИА РБ. Ф. Р-1107, оп. 1, д. 11, л. 129.
27. Образование Башкирской АССР. С. 201.
28. ЦГИА РБ. Ф. Р-1107, оп. 1, д. 86, л. 1; Документ приведён в изложении: Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение. С. 212 и Кульшарипов М.М. З.Валидов и образование Башкир-

ской Автономной Советской Республики (1917 – 1920 гг). Уфа, 1992. С. 62.

29. Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии. С. 397.

30. Национально-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. С. 507.

31. Там же. С. 518, 519.

32. Там же. С. 650.

33. Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии. С. 401, 402.

34. ЦГАОО РБ. Ф. 10243, оп. 1, д. 83, л. 20.

35. Правительственный вестник (Омск). 1918. 6 дек.

36. Цит. по: Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. С. 203.

37. Там же. С. 204.

38. ГАРФ. Ф. Р-130. оп. 1, д. 688, л. 83.

39. Приишимье (Петропавловск). 1918. 30 (17) нояб.; Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 нояб.

40. Приишимье (Петропавловск). 1918. 11 дек. (28 нояб.).

41. Там же. 12 дек. (29 нояб.).

42. Национально-государственное устройство. Т. 2. Ч. 1. С. 112 – 115.

43. Там же. С. 116, 188, 189.

44. Цит. по: Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С. 84, 85.

45. Цит. по: Там же. С. 85.

46. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 3, д. 139, л. 17.

47. См. подробнее: Демидов В.А. От Каракорума к автономии. С. 85 – 87.

Глава 2. КРИЗИС РЕЖИМА (март – июнь 1919 г.)

2.1. От побед к поражениям

1. Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 марта.

2. Сибирская речь (Омск). 1919. 11 марта.

3. См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921; Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания. Новосибирск, 2012; Будберг А.П. Дневник белогвардейца.

4. Сибирская речь (Омск). 1919. 11 марта.
5. Правительственный вестник (Омск). 1919. 15 марта.
6. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 1496, л. 72.
7. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 70, 71.
8. Заря (Омск). 1919. 11 марта.
9. Сибирская речь (Омск). 1919. 25 марта; Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 марта.
10. Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 марта.
11. Сибирская речь (Омск). 1919. 30 апр.
12. Правительственный вестник (Омск). 1919. 22 мая.
13. ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 46, л. 73; Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 76; Правительственный вестник (Омск). 1919. 15 апр.; 9, 10, 18 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 29 (16) мая.
14. Сибирская речь (Омск). 1919. 9 мая (26 апр.).
15. Правительственный вестник (Омск). 1919. 26 марта.
16. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 179.
17. Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 мая.
18. Там же. 7 мая.
19. Там же. 25 мая.
20. Сибирская речь (Омск). 1919. 17 июня.
21. Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 июня.
22. Там же. 22 июня.
23. Там же.
24. Сибирская речь (Омск). 1919. 22 июня.
25. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 87.
26. Сибирская речь (Омск). 1919. 25 июня.
27. Там же. 28 июня.
28. Правительственный вестник (Омск). 1919. 5 июля.
29. Там же. 6 июля.
30. Сибирская речь (Омск). 1919. 2 июля.
31. Правительственный вестник (Омск). 1919. 2 авг.
32. Там же. 8 мая.
33. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 241, 242.
34. Правительственный вестник (Омск). 1919. 7 июня.
35. Там же. 18 мая; 7 июня.
36. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 246, 147; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 348, 349.
37. Земля и труд (Курган). 1919. 17 мая; Наш край (Уфа). 1919. 14 мая.

38. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 242 – 244; Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 79; и др.
39. Правительственный вестник (Омск). 1919. 31 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 31 (18) мая.
40. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 255.
41. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 80.
42. См.: Там же. С. 80, 81; Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 257 – 262.
43. Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 мая.
44. Сибирская речь (Омск). 1919. 31 (18) мая.
45. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 7 мая.
46. Там же. 8 мая.
47. Правительственный вестник (Омск). 1919. 22, 31 мая.
48. Сибирская речь (Омск). 1919. 6 июня; Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 июня.
49. Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 июня.
50. Друг армии и народа (Омск). 1919. 17 июня.
51. Сибирская речь (Омск). 1919. 17 июня.
52. Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.
53. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 86.
54. ГАРФ. Ф. Р-341, оп. 1, д. 70, л. 1 – 3.
55. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 87.
56. Сибирская речь (Омск). 1919. 25 июня.
57. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1517, л. 20, 21; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 40, л. 66.

2.2. Правящая партия и оппозиция

1. Сегодня (Томск). 1919. 9 марта.
2. Там же. 28 марта.
3. Там же. 12 марта.
4. Там же. 22 марта.
5. Сибирская речь (Омск). 1919. 11 апр.
6. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 45, л. 1; Д. 111, л. 1, 2.
7. Цит. по: Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 334.
8. Сибирская речь (Омск). 1919. 22 мая.
9. Правительственный вестник (Омск). 1919. 28 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 28 (15) мая; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 334.

10. Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 24 (11) мая.
11. Сибирская речь (Омск). 1919. 24 (11) мая; Правительственный вестник (Омск). 1919. 24 мая.
12. Сибирская речь (Омск). 1919. 28 (15) мая.
13. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 4 мая; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 26 апр.
14. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 32.
15. Там же. Л. 62.
16. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 18 мая.
17. Там же. 1 апр.
18. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 28.
19. Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 10 апр.
20. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 209, 210.
21. Там же. С. 211, 212.
22. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1502, л. 8.
23. Наша заря (Омск). 1919. 13 апр.
24. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 32.
25. Там же. Л. 67, 68; ГАИО. Ф. Р-2, оп. 1, д. 374, л. 6, 7.
26. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 214, 215.
27. Там же. С. 220 – 222.
28. Там же. С. 379.
29. РГАСПИ. Ф. 275, оп. 1, д. 103, л. 1; ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 704, л. 5.
30. РГАСПИ. Ф. 275, оп. 1, д. 62, л. 1.
31. Там же. Л. 2.
32. Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 апр.; Утро Сибири (Челябинск). 1919. 26 апр.
33. ГАИО. Ф. Р-2, оп. 1, д. 374, л. 5; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 66.
34. ГАИО. Ф. Р-2, оп. 1, д. 374, л. 12.
35. РГАСПИ. Ф. 275, оп. 1, д. 62, л. 6.
36. Сибирская речь (Омск). 1919. 18 марта.
37. Там же.
38. Там же. 5 марта.
39. Народная свобода (Барнаул). 1919. 16 марта.
40. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 12 марта.
41. Там же. 9 марта.

42. Цит. по: Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 238.
43. Сибирская речь (Омск). 1919. 20 мая.
44. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 29.
45. Возрождение (Иркутск). 1919. 12 мая.
46. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 70, 71.
47. Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 11 мая; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 13а, л. 8.
48. Иртыш (Омск). 1919. 31 марта.
49. В.К. Хроника областного движения в Сибири // Сибирские записки (Красноярск). 1919. № 2. С. 104, 105.
50. Наша заря (Омск). 1919. 7 мая.
51. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 49, л. 65, 66.
52. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1706, л. 1 – 3.
53. Заря (Омск). 1919. 8 июня.
54. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1069, л. 17.
55. Колчаковщина: Сборник. Екатеринбург, 1924. С. 167.
56. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1069, л. 18.
57. Там же. Л. 20.
58. Там же. Л. 21.
59. Там же. Л. 21, 22.
60. Там же. Л. 24.
61. Там же. Л. 25, 26.
62. Там же. Л. 26, 27.
63. Там же.
64. Там же. Л. 27; См. также: ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 724, л. 8 – 11.
65. ИАОО. Ф. Р-2323, оп. 1, д. 13, л. 1.
66. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1044, л. 5.
67. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 724, л. 15.
68. Там же.
69. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 636, л. 29.
70. Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917 – 1920): Сборник документальных материалов. Омск, 1952. С. 136 – 139.
71. ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 139, л. 66.
72. Там же. Л. 78.
73. Там же. Оп. 4, д. 1094, л. 16, 17.
74. Там же. Оп. 2, д. 645, л. 1.
75. Там же. Д. 646, л. 14.

76. Там же. Д. 645, л. 2, 3.
77. Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны. С. 271.
78. ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 88, л. 8.
79. Там же. Л. 9.
80. Там же. Оп. 2, д. 1502, л. 38 – 40; Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны. С. 272, 273.

2.3. Деревня и аграрный вопрос

1. См.: ГАНО. Ф. Д-97, оп. 1, д. 237, л. 83; ГААК. Ф. Д-235, оп. 1, д. 37, л. 28; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 8 июня; Вестник Томской губернии. 1919. 25 июня; и др.
2. Вестник Томской губернии. 1919. 9 апр.
3. Там же.
4. ГАКК. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 6, л. 41 – 43, 57.
5. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 11, л. 24 – 26.
6. ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 30, л. 102.
7. ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 39, л. 44а.
8. ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 80, л. 75.
9. Сибирская речь (Омск). 1919. 12 марта.
10. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Ч. 2. С. 152.
11. Там же. С. 153, 154.
12. Сибирская речь (Омск). 1919. 10 апр.; Правительственный вестник (Омск). 1919. 10 апр.
13. Правительственный вестник (Омск). 1919. 10 апр.
14. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 13 апр. С этим выводом согласны и историки. См., например: Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 48, 49.
15. См.: Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 48.
16. ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 42, л. 51.
17. Там же. Л. 54.
18. Там же. Ф. Р-176, оп. 5, д. 102, л. 44 – 47, 53, 56.
19. Там же. Д. 1122, л. 2 – 9.
20. Там же. Д. 102, л. 91, 92, 97, 99, 122.
21. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Ч. 2. С. 154 – 157.
22. Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 29 (16) мая; Русская армия (Омск). 1919. 29 мая.

23. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 23 июля.
24. ГАНО. Ф. Р-1685, оп. 1, д. 3, л. 76, 77.
25. Там же. Л. 75.
26. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 56, 57.
27. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 51, л. 14.
28. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1520, л. 25.
29. ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 66, л. 1, 2.
30. См., напр.: Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 27 апр.
31. Правительственный вестник (Омск). 1919. 15, 18 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 29 (16) мая.
32. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 15 февр.
33. Там же. 11 апр.
34. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1429, л. 5.
35. Сельская жизнь (Красноярск). 1919. 11 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 8 июня; ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 30, л. 191 – 229.
36. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 128.
37. См.: Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 241 – 244.
38. ГАИО. Ф. Р-2, оп. 1, д. 386, л. 3, 4.
39. Там же. Ф. Р-45, оп. 1, д. 243, л. 27, 28.
40. Там же. Л. 33.
41. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1517, л. 15 – 18, 23; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 40, л. 60, 61.
42. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 51, л. 1.
43. Там же. Оп. 8, д. 40, л. 94.
44. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1520, л. 69, 69об.
45. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 51, л. 3.
46. За Россию (Омск). 1919. 1 июля.
47. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 2а, л. 1.
48. За Россию (Омск). 1919. 2 июля.
49. Русь (Омск). 1919. 26 июля.
50. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 18 июня.
51. Сибирская речь (Омск). 1919. 25 июня.
52. Бюллетень осведомительного отдела штаба верховного главнокомандующего (Омск). 1919. 17 июля.

2.4. Борьба на внутренних фронтах

1. Донесение тобольского губернатора Пигнатти в департамент милиции министерства внутренних дел 11 марта // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 166.

2. Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 169, 170, 174, 176, 177, 184, 185; ГАНО. Ф. П-5, п. 4, д. 1094, л. 14, 15; д. 1463, л. 29; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 11, л. 12; Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. С. 12, 13.

3. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 905, л. 53, 54.

4. См.: Там же. Д. 892, л. 58; См. также: Там же. Оп. 4, д. 1463, л. 33, 34, 40, 41; д. 1469, л. 2, 3; Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. С. 14, 15.

5. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1183, л. 4, 5.

6. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 13а, л. 2.

7. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 844, л. 10, 11.

8. Там же. Д. 1519, л. 72, 73; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 11, л. 47, 48.

9. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1519, л. 63, 72; д. 1520, л. 1.

10. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 26, л. 219.

11. Там же. Л. 216.

12. Там же. Д. 28, л. 7.

13. ГААК. Ф. Р-1289, оп. 1, д. 6, л. 2.

14. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 17.

15. Воспоминания З.С.Воронова-Трунтова, 11 августа 1957 г. // ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 213, л. 7 – 9.

16. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 28, л. 7.

17. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1161, л. 2 – 4.

18. ГААК. Ф. Д-235, оп. 1, д. 35, л. 10.

19. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 25.

20. ГААК. Ф. Р-1533, оп. 1, д. 70, л. 135.

21. ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 127, л. 4.

22. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. С. 235, 236.

23. ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 127, л. 6.

24. Там же. Л. 8.

25. Там же. Л. 11, 15, 26, 28; ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 39.

26. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1252, л. 18.

27. Там же. Д. 1434, л. 1.

28. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 58, 59.

29. ГААК. Ф. Д-235, оп. 1, д. 35, л. 17.
30. Там же. Ф. Р-1720, оп. 1, д. 13, д. 14.
31. ГАНО. Ф. П-5, оп. 1, д. 344, л. 38, 39.
32. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 1б, л. 68.
33. ГААК. Ф. Р-1533, оп. 1, д. 70, л. 135 – 140.
34. Там же. Д. 25, л. 30.
35. ГАНО. Ф. Р-1805, оп. 1, д. 33, л. 46.
36. ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 91, л. 7; Ф. Р-1763, оп. 1, д. 86, л. 1; ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 924, л. 10, 11, 13; д. 934, л. 30, 31; д. 1238, л. 3; оп. 4, д. 1460, л. 1; Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 133, 134.
37. ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 70а, л. 20, 28, 32; ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 291, л. 4; д. 951, л. 5, 6; д. 936, л. 45; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 210, 211; Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 138.
38. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1222, л. 5, 6.
39. ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 762, л. 31; д. 679, л. 6, 7; Ф. Р-1777, оп. 1, д. 6, л. 4, 7; Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 142, 143.
40. ГАКК. Ф. Р-1698, оп. 1, д. 4, л. 22; Ф. Р-1910, оп. 1, д. 1, л. 12.
41. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 2д, л. 18.
42. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. С. 125. У Колосова данный приказ относится к 27 марта, эта же дата приводится в воспоминаниях генерала Грэвса (См.: ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 206, л. 10, 11), между тем в красноярской газете он опубликован с датой 26 марта (См.: Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 3 апр.). Дата 26 марта стоит на документе, сохранившемся в фондах Енисейского губистпарта (См.: ГАКК. Ф. П-64, оп. 11, д. 4, л. 5).
43. ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 23, л. 67; Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 апр.
44. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 924, л. 14, 15.
45. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 145, 146; Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 173;
46. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 151, 152; Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 184.
47. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 900, л. 5.

48. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 156 – 160; Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 185, 186; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 3 июля; Сельская жизнь (Красноярск). 1919. 2 авг.; Стишов М.И. Большеви-стское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Граж-данской войны. С. 249; ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 649, л. 13, 14; ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1237, л. 4; ГАРФ. Ф. Р-149, оп. 3, д. 4, л. 2; Ф. Р-1712, оп. 1, д. 12, л. 218.

49. ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 762, л. 52.

50. Там же. Оп. 5, д. 58, л. 1, 2, 4, 5.

51. Там же. Ф. Р-1910, оп. 1, д. 1, л. 30.

52. Гергилева А.И. Восстание в военном городке Красноярска в 1919 г. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: Материа-лы V краеведческих чтений (Красноярск, ноябрь 2004). Красноярск, 2005. С. 216 – 219.

53. Воспоминания В.П.Кузнецова, 24 мая 1927 г. // ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 707, л. 14.

54. Там же. Л. 14, 15.

2.5. Внешняя и внутренняя политика

1. ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 161, л. 59, 60, 64 – 66.

2. Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 янв.

3. ИАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 361, л. 5.

4. Там же. Л. 10.

5. Там же. Д. 395; д. 361, л. 13 – 37.

6. ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 126, л. 159; Это же отметил в дневнике 4 апреля 1919 г. В.Н.Пепеляев. См.: Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 72.

7. Крушанов А.И. О роли Межсоюзного железнодорожного ко-митета и Технического совета в осуществлении империалистических планов США и Японии на Дальнем Востоке и в Сибири в 1918 – 1919 гг. // Тр. Дальневосточного филиала СО АН СССР: сер. истор. Владивосток, 1961. Т. 2. С. 17.

8. Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 мая.

9. Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.

10. За Россию (Омск). 1919. 2 июля.

11. ГАРФ. Ф. Р-6219, оп. 1, д. 26, л. 1, 2.

12. ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 161, л. 12.

13. Правительственный вестник (Омск). 1919. 22 февр.

14. Там же. 18 июня.
15. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 84.
16. ИАОО. Ф. Р-1707, оп. 1, д. 32, л. 2.
17. Правительственный вестник (Омск). 1919. 7 мая.
18. Там же. 7 янв.; Заря (Омск). 1919. 3, 7 янв.
19. ИАОО. Ф. Р-1710, оп. 1, д. 16, л. 32.
20. Там же. Д. 20, л. 23.
21. Там же. Д. 16, л. 56.
22. Там же. Д. 14, л. 10.
23. Там же. Д. 16, л. 47.
24. Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 янв.
25. Уфимская жизнь. 1918. 12 дек.
26. Там же.
27. Там же.
28. ГАТО. Ф. Р-1362, оп. 1, д. 150, л. 5.
29. Там же. Л. 6.
30. Там же.
31. Там же. Л. 7.
32. Там же. Л. 7, 8.
33. Там же. Д. 141, л. 53.
34. Там же. Л. 56.
35. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 11, д. 90, л. 196; Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 5.
36. Народная свобода (Барнаул). 1919. 3 янв.
37. Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 5 февр.; Народная свобода (Барнаул). 1919. 5 февр.
38. Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 12 февр.; Народная свобода (Барнаул). 1919. 14 февр.
39. Народная свобода (Барнаул). 1919. 23 февр.
40. Пермские губернские ведомости. 1919. 8 июня.
41. Там же. 17 июня.
42. Наша заря (Омск). 1919. 21 июня.
43. Сибирская речь (Омск). 1919. 24 (11) мая; Правительственный вестник (Омск). 1919. 24 мая.
44. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 6 июня.
45. См.: Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 17 июня.
46. Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 июня.
47. Наш край (Уфа). 1919. 8 мая.

48. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 29 мая; Земля и труд (Курган). 1919. 7, 8, 20 марта, 13 апр., 20 мая; Правительственный вестник (Омск). 1919. 24 мая.
49. Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 июля.
50. Там же. 22 мая; 7 июня; ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 1, д. 67а, л. 17.
51. Свободное слово (Тюмень). 1919. 21 июня.
52. Сибирская речь (Омск). 1919. 14 марта.
53. Заря (Омск). 1919. 20 марта.
54. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 8, д. 249, л. 62 – 68; Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 июня.
55. Родная Сибирь (Новониколаевск). 1919. 22 февр.
56. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 30 марта.
57. Там же. 29 мая.
58. Там же. 29 июня.
59. ГАНО. Ф. Д-97, оп. 1, д. 289б, л. 19.
60. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 июля.
61. Труд (Томск). 1919. 4 апр.
62. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 6 июля.
63. Вестник Томской губернии. 1919. 7 июля.
64. Там же. 23 июля; Наше дело (Иркутск). 1919. 10 авг.
65. Речь Алтая (Барнаул). 1919. 20 июля.
66. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 1, д. 67а, л. 14.
67. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 14 авг.
68. Там же; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 3 июня; РГАСПИ. Ф. 275, оп. 1, д. 103, л. 1; ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 1, д. 67а, л. 24.
69. ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 1, д. 67а, л. 22, 23; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 12 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 11 июня.
70. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 236; ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1502, л. 10; оп. 3, д. 168, л. 16; ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 1, д. 67а, л. 7; Ф. Р-148, оп. 1, д. 11, л. 133; Наше дело (Иркутск). 1919. 6, 11 июня, 9 августа; Правительственный вестник (Омск). 1919. 14 авг.; Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. 1 мая.
71. Сибирская речь (Омск). 1919. 27 июня.

Глава 3. РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЩИНЫ (июль – декабрь 1919 г.)

3.1. Агония режима

1. Сибирская речь (Омск). 1919. 9 авг.
2. Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 авг.; Сибирская речь (Омск). 1919. 13 авг.
3. Сибирская речь (Омск). 1919. 10 авг.
4. Там же. 15 авг.
5. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 290.
6. Правительственный вестник (Омск). 1919. 28 авг.
7. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 98; Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 авг., 1 окт.; Наша заря (Омск). 1919. 19 авг.
8. Русь (Омск). 1919. 19 авг.
9. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 101.
10. Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 авг.
11. Сибирская речь (Омск). 1919. 13 авг.
12. Правительственный вестник (Омск). 1919. 24 авг.
13. Там же. 5 авг.
14. Сибирская речь (Омск). 1919. 9 авг.
15. Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 авг.; Сибирская речь (Омск). 1919. 9 авг.
16. Сибирская речь (Омск). 1919. 14 авг.
17. Русская речь (Новониколаевск). 1919. 17 авг.
18. Там же. 19 авг.
19. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 306.
20. Цит. по: Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. М., 1957. С. 28, 29.
21. Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 авг.
22. Сибирская речь (Омск). 1919. 9 сент.
23. Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 сент.
24. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 99.
25. Сибирская речь (Омск). 1919. 16 авг.
26. Там же. 26 авг.
27. ГАРФ. Ф. Р-180, оп. 1, д. 33, л. 2.
28. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 102; Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сент.
29. ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 12, д. 33, л. 145, 146.

30. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 229.
31. Сибирская речь (Омск). 1919. 30 сент.
32. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 107, 108.
33. См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Ч. 2. С. 419, 420; Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 302, 310.
34. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Ч. 2. С. 464, 465.
35. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 299.
36. Кроль Л.А. За три года. Октябрь 1917 – апрель 1920 г. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1920. С. 184.
37. Там же. С. 185.
38. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. С. 317, 318.
39. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1526, л. 48, 49.
40. ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 113, л. 9.
41. Там же. Ф. Р-1680, оп. 1, д. 1, л. 2.
42. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 2а, л. 185, 186.
43. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 938, л. 53.
44. Там же.
45. Крестьянский вестник (Омск). 1919. 12 окт.
46. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 10, д. 50, л. 6.
47. Там же. Оп. 8, д. 8, л. 15.
48. Русь (Омск). 1919. 16 сент.
49. Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 окт.
50. Русь (Омск). 1919. 2 окт.
51. Там же.
52. Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 окт.
53. Там же; Наше дело (Иркутск). 1919. 10 окт.
54. Правительственный вестник (Омск). 1919. 10 окт.
55. Там же.
56. Сибирская речь (Омск). 1919. 9 сент.
57. Там же. 10 сент.
58. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 104.
59. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 1 окт.
60. Кокоулин В.Г., Рахматуллина А.Р. Томская мусульманская община: история и современность. Новосибирск, 2011. С. 13, 14.
61. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. С. 108.
62. Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 нояб.
63. Там же. 4 нояб.
64. Сибирская речь (Омск). 1919. 2 нояб.
65. Там же.
66. Там же. 5 нояб.

67. Там же. 7 нояб.

68. Рукопись Ю.Циркунова // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1040, л. 2, 3. Ссылается на газету Алтайский день. 1919. № 33; Посадков А.Л. “Столица” на две недели: к истории пребывания А.В.Колчака в Новониколаевске. С. 126 – 131.

69. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1499, л. 2, 3.

70. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 376; Шиловский М.В. Восстание Барабинского полка 6 – 7 декабря в Новониколаевске // История “белой” Сибири. Материалы междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 173 – 176.

71. Краснопольский Л.А. Освобождение Новониколаевска от белых // Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904 – 1920 гг.). Новосибирск, 1959. С 142 – 151; Письмо Л.А.Краснопольского Я.А.Пасынкову, 1958 г. // ГАНО. Ф. Р-1805, оп. 1, д. 24, л. 16.

72. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 220 – 222.

73. Великая Россия (Томск). 1919. 1 окт.

74. Русский голос (Томск). 1919. 27 (14) окт.

75. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 7 нояб., 28, 29 нояб., 10, 11 дек.; Русский голос (Томск). 1919. 29 (16) нояб.

76. Воспоминания М.И.Братковского, 1977 г. // ЦДНИТО. Ф. 4204, оп. 4, д. 918, л. 9, 10.

77. ЦДНИТО. Ф. 4204, оп. 4, д. 1036, л. 1, 2, 5.

78. Там же. Д. 54, л. 5, 6.

3.2. Победа партизан на Алтае

1. Худяков А. Гражданская война на Алтае. Барнаул, 1952. С. 76; ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1161, л. 1; Рукопись Ю.Циркунова // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1043, л. 10, 12.

2. Рукопись Ю.Циркунова // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1043, л. 24.

3. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1141, л. 3.

4. Там же. Д. 1252, л. 80 – 82.

5. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 16, л. 108.

6. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. С. 239, 240.

7. ГААК. Ф. Р-691, оп. 1, д. 1, л. 1 – 3.

8. Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 16 авг.

9. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1089, л. 1, 2.

10. Там же. Оп. 4, д. 1221, л. 2.
11. Воспоминания Е.П.Белова, 25 августа 1957 г. // Там же. Оп. 6, д. 185, л. 17, 18.
12. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1252, л. 53, 54.
13. ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 192, л. 118.
14. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1043, л. 28, 29.
15. Демидов В.А. От Каракорума к автономии. С. 88, 89.
16. Автобиография И.Л.Никифорова // ГАНО. Ф. Р-1805, оп. 1, д. 33, л. 72.
17. ГААК. Ф. Р-1533, оп. 1, д. 25, л. 30.
18. Там же. Ф. Р-1720, оп. 1, д. 17, л. 15, 16.
19. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1221, л. 5.
20. ГААК. Ф. Р-483, оп. 1, д. 19, л. 1, 2. См. также: Воспоминания партизана И.С.Бугрова, 1959 г. // ГААК. Ф. Р-483, оп. 1, д. 11, л. 2, 3.
21. ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 192, л. 7.
22. Там же. Л. 10.
23. Там же. Л. 18.
24. Там же. Ф. Д-235, оп. 1, д. 35, л. 35.
25. Там же. Л. 36.
26. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1431, л. 9.
27. ГААК. Ф. Р-702, оп. 1, д. 1, л. 22, 23.
28. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1216, л. 2.
29. ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 175, л. 2.
30. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1252, л. 88.
31. ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 192, л. 71.
32. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1238, л. 1, 2.
33. ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 203, л. 3.
34. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. С. 266, 267.
35. Там же. С. 277, 278, 281; ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 192, л. 98, 105; Рукопись И.В.Громова // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1035, л. 41 – 44.
36. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1168, л. 30а.
37. Там же. Д. 1152, л. 1, 2; д. 1196, л. 1; ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 207, л. 4; Ф. Р-1289, оп. 1, д. 22, л. 21; РГВА. Ф. 218, оп. 1, д. 15, л. 3; Борьба за власть Советов на Алтае: Исторический очерк. Барнаул, 1957. С. 286 – 288.
38. ГААК. Ф. П-1061, оп. 1, д. 192, л. 109; Ф. Р-596, оп. 1, д. 11, л. 1.
39. Там же. Ф. П-1061, оп. 1, д. 177, л. 44.

40. Там же. Л. 47.
41. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1168, л. 1.
42. ГААК. Ф. Р-1533, оп. 1, д. 17, л. 1, 2; ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1238, л. 3; Третьяк. С. 33 – 40.
43. Воспоминания Н.П.Баталова, 1972 г. // ГАНО. Ф. П-5а, оп. 1, д. 348, л. 6 – 8.
44. Воспоминания П.Я.Новикова // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1162, л. 28 – 33.
45. Воспоминания Т.С.Мухачёва, 1957 г. // ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 307, л. 40 – 42.
46. Воспоминания Н.П.Баталова, 1972 г. // ГАНО. Ф. П-5а, оп. 1, д. 348, л. 8, 9.
47. Алтайские ведомости (Барнаул). 1919. 4 нояб.
48. Борьба за власть Советов на Алтае. С. 289.
49. РГВА. Ф. 218, оп. 1, д. 4, л. 16.ё
50. ГААК. Ф. Р-596, оп. 1, д. 12, л. 58.
51. Рукопись Ю.Циркунова // ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1040, л. 4 – 14.
52. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. С. 305 – 307.
53. Борьба за власть Советов на Алтае. С. 308, 209, 318, 319, 322, 323, 332.
54. Подробнее про партизанское движение в Горном Алтае см.: Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае. 1919 г. Новосибирск, 1933. С. 50 – 64, 115 – 168; Демидов В.А. От Каракорума к автономии. С. 88 – 93; Воспоминания партизана Н.Н.Кудрявцева // ГААК. Ф. Р-1533, оп. 1, д. 17, л. 1, 2.
55. Воспоминания Н.П.Баталова, 1972 г. // ГАНО. Ф. П-5а, оп. 1, д. 348, л. 13.
56. Там же. Л. 16 – 26.
57. ГААК. Ф. Р-589, оп. 1, д. 1, л. 23.
58. Революционные события и Гражданская война в Алтайской губернии. 1917 – 1922: Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 420, 421.
59. Там же. С. 429, 430; ГААК. Ф. Р-596, оп. 1, д. 12, л. 56; д. 17, л. 2; Ф. Р-595, оп. 1, д. 5, л. 4; Борьба за власть Советов на Алтае. С. 331, 334 – 335.

3.3. Поражение белых в Енисейской губернии

1. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 961, л. 66.

2. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 13а, л. 83.
3. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 961, л. 67.
4. Там же. Д. 975а, л. 9.
5. Там же. Л. 9, 10.
6. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 10, л. 22.
7. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 199.
8. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 3, д. 139, л. 205.
9. См.: Агалаков В.Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири. 1919 – 1921 гг. Иркутск, 1958. С. 38.
10. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 200.
11. ГАКК. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 6, л. 63.
12. Там же. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 61, л. 1.
13. Там же. Ф. П-64, оп. 1, д. 646, л. 2.
14. Там же. Л. 3; ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 1245, л. 1, 2.
15. ГАКК. Ф. Р-1763, оп. 1, д. 49, л. 1, 2.
16. Там же. Ф. Р-1777, оп. 1, д. 6, л. 2.
17. Там же. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 115, л. 191.
18. Оперативная сводка отряда Зверева, 22 сентября 1919 г. // Там же. Ф. П-64, оп. 1, д. 695, л. 4.
19. См.: ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 685, л. 41.
20. Стишов М.И. Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны. С. 269.
21. ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 643, л. 6; ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 1246, л. 14, 16, 33, 34, 44, 45.
22. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 245.
23. Там же. С. 245, 246.
24. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 19 авг.
25. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 13а, л. 81.
26. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 30 сент.
27. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 4, д. 1486, л. 1; Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 4, 9 окт.
28. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 4, д. 1486, л. 26 – 29.
29. Там же. Л. 31.
30. Там же. Л. 25.
31. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 117.
32. Народный голос (Красноярск). 1919. 28 (15) дек.
33. Там же. 31 (18) дек.

34. ГАКК. Ф. Р-1188, оп. 1, д. 86, л. 5.
35. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 1243, л. 4.
36. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 208, 209.
37. Там же. С. 210.
38. ГАКК. Ф. Р-1698, оп. 1, д. 3, л. 292.
39. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 30, л. 13.
40. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 210 – 214.
41. Народный голос (Красноярск). 1919. 31 (18) дек.
42. Гудошников М.А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. С. 135; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 173; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 255.
43. ГАКК. Ф. Р-53, оп. 1, д. 58, л. 18.
44. Там же. Л. 21.
45. Там же. Л. 19.
46. Народный голос (Красноярск). 1919. 28 (15) дек.
47. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 174; ГАНУ. Ф. П-5, оп. 4, д. 1474, л. 1, 2; д. 1044, л. 11, 12.
48. Народный голос (Красноярск). 1919. 26 (13) дек.
49. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 121, 122.
50. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 28 дек.
51. Народный голос (Красноярск). 1919. 26 (13) дек.; Гудошников М.А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. С. 135, 136; ГАРФ. Ф. Р-149, оп. 3, д. 3, л. 34;.
52. Народный голос (Красноярск). 1919. 28 (15) дек.
53. Там же. 28 (15) дек.; 31 (18) дек.
54. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 30 дек.
55. Народный голос (Красноярск). 1919. 31 (18) дек.
56. Там же.
57. ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 840, л. 4, 5.
58. Там же. Ф. Р-53, оп. 1, д. 58, л. 23.
59. Там же. Л. 23, 30.
60. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 645, л. 4.
61. Последние дни колчаковщины. М., 1926. С. 180 – 187; Посадсков А.Л. Две недели без государственной власти: Красноярск под земским управлением. С. 82, 83.
62. ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 840, л. 6.

63. Воспоминания Д.Ф.Чеботарёва, 14 февраля 1953 г. // ГАКК. Ф. П-64, оп. 5, д. 711, л. 10 – 12. В этих воспоминаниях даты указаны по старому стилю, в тексте без оговорки приведены по новому стилю.

64. ГАКК. Ф. П-64, оп. 1, д. 751, л. 2.

65. Там же. Д. 688, л. 2.

66. Там же. Д. 692, л. 1.

67. Там же. Л. 2.

68. Там же. Ф. Р-1672, оп. 1, д. 1, л. 1.

69. Там же. Л. 3.

70. Там же. Л. 2.

3.4. Политическая борьба в Иркутске

1. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 13а, л. 63.

2. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 636, л. 18; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 228, 229; РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 82.

3. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1709, л. 4, 5; ГАПК. Ф. 715, оп. 1, д. 26, л. 9; РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 82.

4. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 13а, л. 76.

5. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1397, л. 38 – 40; См. также: Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 229, 230; Бондаренко А.А. К истории Сибирской автономной группы левых эсеров // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. Томск, 1982. С. 245.

6. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1707, л. 1.

7. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 230, 231.

8. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 636, л. 18.

9. Там же.

10. Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 248 – 250; ГАРФ. Ф. Р-141, оп. 9, д. 29, л. 251.

11. Воспоминания Я.Н.Ходукина, 1935 г. // ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 704, л. 18 – 20; См. также: Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 366; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 251.

12. Воспоминания Я.Н.Ходукина, 1935 г. // ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 704, л. 21, 22; См. также: Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 251; Шиловский М.В. Политические

процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 366 – 368; Мальцева Т.В. “Земская” оппозиция колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917 – 1922. Новосибирск, 1985. С. 192. У всех исследователей имеются неточности в пересказе воспоминаний, поэтому они приводятся по первоисточнику. Воспоминания Ходукина подтверждаются воспоминаниями Е.Е.Колосова. См.: Письмо Е.Е.Колосова в ЦК ПСР, январь 1920 г. // ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 704, л. 1, 2. Опубликовано частично: Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 166, 167.

13. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 704, л. 2, 3. См. также: Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 251. П.С.Парфёнов называет датой совещания земств и городов Сибири и создания Политцентра 12 ноября 1919 г., искусственно “подтягивая” его к меморандуму представителей чехословацкой армии в Иркутске. Эту дату повторяют историки. См., напр., Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 178.

14. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 22. Пересказано: Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. С. 168; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 367, 268, однако при пересказе опущены некоторые нюансы содержания листовки, поэтому она воспроизводится по оригиналу.

15. Письмо члена бюро Сибирских организаций РСДРП из Красноярска в ЦК РСДРП 23 января 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 275, оп. 1, д. 103, л. 1, 2.

16. ГАНУ. Ф. П-5, оп. 2, д. 1397, л. 37.

17. Там же. Л. 46 – 48.

18. Там же. Л. 49.

19. Там же.

20. Последние дни колчаковщины. С. 68, 69.

21. Там же. С. 112, 113.

22. Там же. С. 113.

23. Цит. по: Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922). М., 1967. С. 31, 32.

24. ГАРФ. Ф. Р-147, оп. 8, д. 36, л. 2.

25. Свободный край (Иркутск). 1919. 18 (5) нояб.

26. Там же. 23 (10) нояб.

27. Там же. 26 (13) нояб.

28. Там же. 28 (15) нояб.

29. Последние дни колчаковщины. С. 134.
30. ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 46, л. 334.
31. Там же. Ф. Р-3839, оп. 1, д. 6, л. 1, 2.
32. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1524, л. 432 – 434.
33. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. С. 80, 81; Правительственный вестник (Омск). 1919. 7 окт.
34. ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 102, л. 1.
35. Там же. Л. 2.
36. ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1524, л. 439.
37. ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 100, л. 1.
38. Народная мысль. 1919. 29 нояб.; ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1524, л. 441 – 445.
39. N. Последние дни колчаковщины // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 81.
40. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 258.
41. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 12, л. 4.
42. Там же.
43. Там же. Л. 5.
44. Там же. Л. 2, 3.
45. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 259.
46. N. Последние дни колчаковщины. С. 81.
47. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 15, л. 5.
48. N. Последние дни колчаковщины. С. 83, 84.
49. Там же. С. 85.
50. Свободный край (Иркутск). 1919. 29 (16) нояб.
51. Последние дни колчаковщины. С. 146.
52. Там же.
53. Там же. С. 148.
54. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 34, л. 22.
55. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 264, 265.
56. См.: Там же. С. 267.
57. ГАРФ. Ф. Р-195, оп. 1, д. 30, л. 8.
58. N. Последние дни колчаковщины. С. 86.
59. См.: Там же.
60. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 27.

3.5. Восстание в Иркутске

1. Ширямов А.А. Иркутское восстание и расстрел Колчака: Воспоминания // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 125.
2. Чехословацкий дневник. 1919. 27 дек. // Цит. по: Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957. С. 39.
3. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1397, л. 50; См. также: Ширямов А.А. Иркутское восстание и расстрел Колчака. С. 123.
4. Свободный край (Иркутск). 1919. 12 дек. (29 нояб.).
5. Забайкальская новь (Чита). 1919. 18 дек.
6. ГАНО. Ф. Д-144, оп. 1, д. 16, л. 1.
7. Воспоминания П.Москалёва // ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 743, л. 38.
8. Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. С. 24, 25; Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. С. 87; ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 768, л. 2; ГАНО. Ф. Д-144, оп. 1, д. 16, л. 1об.
9. ГАНО. Ф. Д-144, оп. 1, д. 90, л. 20, 21.
10. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. С. 88.
11. Информационный листок Черемховского ревштаба, 27 декабря 1919 г. // ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 729, л. 1.
12. Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. С. 24, 25; Дворянов Н.В. В тылу Колчака. М., 1963. С. 207.
13. Воспоминания А.А.Ширямова, 6 января 1933 г. // ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 758, л. 14 – 16.
14. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 891, л. 2.
15. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1508, л. 3; Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. С. 26.
16. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1508, л. 2.
17. Там же. Л. 1; Народная мысль (Иркутск). 1920. 13 янв.
18. Ширямов А.А. Иркутское восстание и расстрел Колчака. С. 125.
19. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 272.
20. Советская Сибирь (Омск). 1920. 20 мая; ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1508, л. 3.
21. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1508, л. 4, 5.
22. Н. Последние дни колчаковщины. С. 88.
23. ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 109, л. 1.

24. N. Последние дни колчаковщины. С. 88.
25. Дневник Петра Васильевича Вологодского. С. 272, 273.
26. Семёнов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938. С. 137.
27. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 717, л. 2; См. также: Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. С. 29, 30.
28. N. Последние дни колчаковщины. С. 88, 89.
29. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1508, л. 6 – 8.
30. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 729, л. 1.
31. Там же. Д. 730, л. 1.
32. ГАНО. Ф. Р-867, оп. 1, д. 8, л. 1.
33. N. Последние дни колчаковщины. С. 89.
34. Воспоминания А.П.Зайцева, 8 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 70, оп. 3, д. 660, л. 1, 2.
35. N. Последние дни колчаковщины. С. 90.
36. См.: Там же. С. 92; Воспоминания А.П.Зайцева, 8 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 70, оп. 3, д. 660, л. 1, 2.
37. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1397, л. 72.
38. Там же. Ф. Р-867, оп. 1, д. 12, л. 2; д. 22, л. 202.
39. Там же. Л. 3; д. 15, л. 14.
40. Семёнов Г.М. О себе. С. 137.
41. Воспоминания А.П.Зайцева, 8 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 70, оп. 3, д. 660, л. 2; Парфёнов П.С. Последние дни правительства Колчака // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 98, 99; N. Последние дни колчаковщины. С. 93.
42. ГАНО. Ф. П-5, оп. 6, д. 109, л. 2.
43. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 932, л. 4.
44. Информационный листок Черемховского ревштаба, 30 декабря 1919 г. // ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 1365, л. 3, 4.
45. Там же. Л. 1, 2.
46. N. Последние дни колчаковщины. С. 93, 94.
47. ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1434, л. 6, 8, 9.
48. Там же. Л. 11 – 13.
49. Там же. Л. 14.
50. См.: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1983. С. 331.
51. См.: ГАНО. Ф. П-5, оп. 2, д. 1434, л. 22 – 24.
52. Там же. Л. 25.
53. Там же. Л. 27, 46, 49.
54. Там же. Ф. Р-867, оп. 1, д. 8, л. 11.

55. Там же. Ф. П-5, оп. 2, д. 1434, л. 56, 57.
56. Там же. Л. 60 – 79.
57. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 730, л. 20.
58. Там же.
59. ГАХК. Ф. П-44, оп. 2, д. 128, л. 1.
60. ЦДНИИО. Ф. 300, оп. 1, д. 730, л. 19; Н. Последние дни колчаковщины. С. 95.
61. Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. С. 332.

Заключение

1. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 401, 402.
2. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 55.
3. ИАОО. Ф. Р-950, оп. 2, д. 3, л. 262, 263.
4. Журов Ю.В. Енисейской крестьянство в годы Гражданской войны. С. 46.
6. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2017. с. 48.
7. Там же. С. 48, 49; Правительственный вестник (Омск). 1919. 15, 29 апр.; ГАНО. Ф. Д-97, оп. оп. 1, д. 271, л. 10, 13, 221, 248.
8. Шуркин П., Юрасова М. Из истории Советского Омска (ноябрь 1919 – 1920 гг.). Омск, 1951. С. 26, 27; Красильникова Е.И. Жизнь в городе-акселерате. С. 103, 104; ГАНО. Ф. Р-1137, оп. 1, д. 1, л. 98; д. 7, л. 71; Ф. П-1, оп. 1, д. 137, л. 7; ГААК. Ф. Р-9, оп. 1, д. 49, л. 40.
9. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). С. 51.
10. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 168 – 169.
11. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). С. 53, 54.
12. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. С. 55, 56.
13. Там же. С. 45.
14. ИАОО. Ф. Р-950, оп. 2, д. 3, л. 12.
15. ГАНО. Ф. Р-1548, оп. 1, д. 13, л. 2 – 5.
16. Там же. Л. 6, 7, 11, 55 – 76, 81 – 84 и др.

17. Там же. Ф. Р-1553, оп. 1, д. 3, л. 1 – 13.

18. Там же. Ф. Р-1569, оп. 1, д. 1, л. 49.

19. Горюшкин Л.М. Сельское хозяйство Сибири в восстановительный период (1921 – 1925 гг.) // Сибирь в период строительства социализма. Новосибирск, 1966. Вып. 6. С. 48.

20. Там же. С. 47, 48.

21. Боженко Л.И. Состояние сельского хозяйства Сибири после освобождения от колчаковщины (1920 г.) // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Материалы научной конференции. Томск, 1970. Вып. 2. С. 11 – 19.

УКАЗАТЕЛЬ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

- Д-235** Управляющий Алтайской губернией
- П-1061** Комиссия Истпарт Алтайского губернского комитета РКП(б)
- Р-9** Алтайский губернский революционный комитет
- Р-483** Коллекция материалов по истории партизанского движения и Гражданской войны на Алтае
- Р-589** Куликовский районный военно-революционный штаб
- Р-595** Боровской районный военно-революционный штаб
- Р-596** Бутырский районный военно-революционный штаб
- Р-691** Бийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией
- Р-702** Личный фонд Фёдора Яковлевича Глазкова
- Р-1289** Личный фонд Якова Павловича Жигалина
- Р-1533** Личный фонд Ивана Никаноровича Кудрявцева
- Р-1631** Личный фонд Дмитрия Харитоновича Сорокина
- Р-1720** Личный фонд Михаила Ивановича Сукнева

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

- Р-2** Управляющий Иркутской губернией Всероссийского временного правительства, 1918 – 1920
- Р-45** Иркутская губернская земская управа, 1918 – 1920

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

- 904** Енисейская губернская земская управа, 1917 – 1920
- П-64** Красноярский исторический партийный архив (Истпарт)
- Р-53** Енисейский губернский революционный комитет Сибир-

ского революционного комитета, 1918 – 1921

- P-1188** Управляющий Енисейской губернией, 1917 – 1919
- P-1672** Енисейский исполнительный комитет общественных организаций, 1920
- P-1680** Военно-следственная комиссия при Красноярском военном районе, 1919
- P-1698** Ачинский и Минусинский военные районы, 1918 – 1919
- P-1763** Прокурор Красноярского окружного суда, 1912 – 1920
- P-1777** Управляющий Канским уездом, 1918 – 1919
- P-1800** Енисейский губернский комиссариат Временного Сибирского правительства
- P-1910** Начальник милиции 4-го участка Минусинского уезда, 1918 – 1919

Государственный архив Новосибирской области (ГАО)

- Д-97** Новониколаевская городская управа, 1909 – 1919
- Д-144** Документы по истории революционного движения, становления Советской власти и борьбы с контрреволюцией в Сибири, 1917 – 1920
- П-1** Сибирское бюро ЦК РКП(б)
- П-5** Сибирская Комиссия по изучению истории коммунистической партии (Сибистпарт)
- П-5а** Партийный архив Новосибирского обкома КПСС и его коллекции
- P-867** Иркутский Политцентр, 1919 – 1921
- P-1137** Новониколаевский (Томский) губернский революционный комитет, 1919 – 1920
- P-1548** Каргатский волисполком Новониколаевского уезда Томской губернии
- P-1553** Покровский волостной революционный комитет Новониколаевского уезда Томской губернии

- P-1569** Карасёвский волостной революционный комитет Черепановского уезда Новониколаевской губернии
- P-1685** Плановая комиссия Новониколаевского губисполкома, 1921 – 1925
- P-1805** Личный фонд Якова Андреевича Пасынкова

Государственный архив Приморского края (ГАПК)

- 715** Коллекция документов о событиях в Приморье, 1917 – 1922

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- P-130** Совет народных комиссаров РСФСР
- P-141** Главное управление по делам местного хозяйства министерства внутренних дел Российского правительства. Омск, 1918 – 1920
- P-144** Государственное совещание. Уфа, 1918
- P-147** Департамент милиции министерства внутренних дел Российского правительства. Омск, 1918 – 1920
- P-148** Департамент общих дел министерства внутренних дел Российского правительства. Омск, 1918 – 1920
- P-149** Енисейское губернское управление. Красноярск, 1918 – 1920
- P-176** Совет министров Российского правительства. Омск, Иркутск, 1918 – 1920
- P-180** Управление делами Временного всероссийского правительства. Уфа, Омск, 1918
- P-193** Личный фонд Петра Васильевича Вологодского
- P-195** Личный фонд Виктора Николаевича Пепеляева
- P-341** Политический центр (исполнительный орган Временного Совета Сибирского народного управления). Иркутск, 1920
- P-1712** Красноярская уездная милиция, 1917 – 1920

- P-3839** Коллекция материалов по интервенции в Приморье, 1918 – 1921
- P-5873** Личный фонд Ивана Иннокентьевича Серебренникова
- P-6219** Коллекция материалов штаба А.В.Колчака, 1918 – 1919

Государственный архив Томской области (ГАТО)

- P-1** Томская губернская земская управа, 1917 – 1919
- P-72** Сибирская областная дума, 1918
- P-1362** Управляющий Томской губернией, 1918 – 1919
- P-1674** Совет Всесибирского профессионального союза рабочих печатного дела. Томск, 1918 – 1920

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК)

- П-44** Отдел Дальневосточной краевой комиссии по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории ВКП(б) при Хабаровском краевом комитете ВКП(б) (Дальистпарт)

Исторический архив Омской области (ИАОО)

- 366** Личный фонд Георгия Ефремовича Катанаева
- P-950** Омская губернская чрезвычайная комиссия, 1920 – 1921
- P-1707** Военное управление атамана 2-го отдела Сибирского казачьего войска, 1917 – 1919
- P-1710** Омская городская управа, 1918 – 1919
- P-2323** Коллекция листовок и воззваний первых лет Советской власти, 1917 – 1920

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- 70** Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большеви́ков) (Истпарт),

1920 – 1928

- 274** Центральный комитет партии социалистов-революционеров (эсеров), 1901 – 1923
- 275** Центральный комитет РСДРП (меньшевиков), Центральный комитет РСДРП (объединённой), 1917 – 1923
- 557** Коллекция документов о переговорах ЦК РКП(б) и Уфимского временного ревкома с эсерами – депутатами Учредительного собрания, 1918 – 1919

Российский государственный военный архив (РГВА)

- 218** Штаб Западно-Сибирской крестьянской Красной Армии, 1919 – 1920

Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО)

- 300** Отдел по собиранию и изучению материалов по истории коммунистической партии и Октябрьской революции при Иркутском обкоме ВКП(б) (Истпартотдел)

Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО)

- 4204** Документы и борьбе за установление Советской власти и социалистическом строительстве

Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ)

- 1832** Отдел по собиранию и изучению материалов по истории коммунистической партии и Октябрьской революции Башкирского обкома ВКП(б) (Истпарт)
- 9776** Партийный архив Башкирского рескома КП РСФСР, г. Уфа
- 10243** Личный фонд З.А.Аминева

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ)

- Р-78** Башкирское войсковое управление правительства Башкирии
- Р-987** Уфимский губернский уполномоченный Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания
- Р-1107** Башкирский военно-революционный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Глава 1. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ КОЛЧАКА (ноябрь 1918 – февраль 1919 г.)	
1.1. Ноябрьский переворот	38
1.2. Политика нового правительства.....	
1.3. Политические партии и блоки.....	
1.4. Городские восстания	
1.5. Сибирская деревня	
1.6. Подавление национальных движений	
Глава 2. КРИЗИС РЕЖИМА (март – июнь 1919 г.)	
2.1. От побед к поражениям.....	
2.2. Правящая партия и оппозиция	
2.3. Деревня и аграрный вопрос	
2.4. Борьба на внутренних фронтах	
2.5. Внешняя и внутренняя политика	
Глава 3. РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЩИНЫ (июль – декабрь 1919 г.)	
3.1. Агония режима.....	
3.2. Победа партизан на Алтае	
3.3. Поражение белых в Енисейской губернии.....	
3.4. Политическая борьба в Иркутске.....	
3.5. Восстание в Иркутске	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	
ПРИМЕЧАНИЯ	
УКАЗАТЕЛЬ АРХИВНЫХ ФОНДОВ	